

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ П. А. СТОЛЫПИНА»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО»

ПОЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ПОЛОНЕЗ»

УНИВЕРСИТЕТ ЯНА КОХАНОВСКОГО В КЕЛЬЦЕ

ПОСОЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША В ИРКУТСКЕ

**ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ,
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

Сборник научных трудов

**Омск
Полиграфический центр КАН
2015**

УДК 94 : 343.264 (=162.1) (571)

ББК 63.3 (29=415.3) 5-361

II 54

Редакционная коллегия сборника:

к.и.н. С. А. Мулина – ответственный редактор

к.и.н. А. А. Крих – ответственный редактор

д-р наук Я. Легеч – ответственный редактор

магистр О. О. Тарабанова

магистр Л. Волчык

Издание осуществлено на средства проекта Национальной программы развития гуманитаристики Министерства науки и высшего образования Республики Польша «Польские ссыльные в Западной Сибири во второй половине XVIII – XIX веках в глазах россиян и коренных народов» 0098/NPRH3/H12/82/2014

Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: Сб. науч. тр. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2015. – _____ с.

Рецензенты:

Ю. А. Сорокин - доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия)

М. Волос - доктор наук, профессор Университета имени Комиссии Национального образования в Кракове (Польша)

Сборник посвящен исследованию различных аспектов пребывания поляков в Сибири со второй половины XVIII в. до начала XX в. Здесь представлены неизвестные архивные источники и новые подходы, расширяющие возможности исторической имагологии в осмыслении польско-сибирской истории.

УДК 94 : 343.264 (=162.1) (571)

ББК 63.3 (29=415.3) 5-361

ISBN 978-5-9931-0313-6

© Коллектив авторов, 2015

© ФГБОУ ВПО ОмГАУ им. П. А. Столыпина, 2015

© Университет Яна Кохановского в Кельце, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.....

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ.....

РАЗДЕЛ I. ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, ИСТОЧНИКИ, ЗАГАДКИ.....

Шостакович Б. С. (Иркутск, Россия). Преодоление традиционалистской маргинально-изоляционистской трактовки истории поляков в Сибири в современном концептуальном осмыслении польско-сибирской истории как интегральной сферы многоаспектных межэтнических взаимосвязей в прошлые столетия в зауральском регионе России.

Цабан В., Мулина С. А. (Кельце, Польша; Омск, Россия). Профессор Виктория Сливовская – исследователь истории России и польской ссылки в Сибири. К шестидесятилетию исследовательской работы.....

Caban W. (Kielce, Polska). Rosjanie i sybiracy o zesłańcach postyczniowych.....

Nowiński F. (Gdańsk, Polska). Dekabryści z Syberii Zachodniej w literaturze rosyjskiej i polskiej, relacje z Polakami.....

Trynkowski J. (Warszawa, Polska). Tadeusza Hreczyny listy z nad morza Ochockiego.....

Сливовская В. (Варшава, Польша). Сибирские загадки. Найденный оригинал альбома Циприана Дунин-Вонсовича. 1850-1857 годы.....

Юзеева О. А. (Тобольск, Россия). Некоторые аспекты функционирования механизма государственного надзора за польскими ссыльными в Сибири в 1860–1870 годы. По материалам Государственного архива в городе Тобольске.....

Legieć J. (Kielce, Poland). Uczestnicy powstania styczniowego w więzieniu w Tobolsku w świetle relacji Siergieja Stachiewicza.....

Wiech S. (Kielce, Poland). Uczestnicy powstania styczniowego na zesłaniu we wspomnieniach Wasilija Berwi-Flerowskiego.....

РАЗДЕЛ II. ПОЛЯКИ НА СЛУЖБЕ, В КУЛЬТУРЕ И ЭКОНОМИКЕ СИБИРИ.....

Скубневский В. А. (Барнаул, Россия). Польша в системе общероссийского рынка во второй половине XIX – начале XX века.....

Оплаканская Р. В. (Абакан, Россия). Поляки на военной службе в Сибири в 1830-1850-х годах.....

Dobroński A. (Białystok, Polska). Relacje polsko-syberyjskie na przykładzie miasta Wierchoturie (1863-1864).....

- Wójcik Z.* (Warszawa, Polska). Aleksander Despota-Zenowicz w oczach zesłańców...
- Загороднюк Н. И., Томилов И. С., Федотова Д. Ю.* (Тобольск, Россия). Исследователь Севера А. А. Дунин-Горкавич: новые страницы биографии.....
- Антонов Е. П.* (Якутск, Россия). Польский ссыльный Н. А. Виташевский о системе просвещения в Якутии в XIX веке.....
- Кокоулин В. Г., Лихоманов И. В., Рахматуллина А. Р.* (Новосибирск, Россия). Сибирские областники и туранская концепция Франтишека Духинского.....
- Казыдуб Н. Г., Копылова М. А.* (Омск, Россия). «Польская» фасоль в Сибири: история, традиции, генетический потенциал.....
- Стаурская Н. В., Степанова Т. Ю.* (Омск, Россия). Сотрудничество Омского аграрного университета им. П. А. Столыпина с Республикой Польша: опыт, проблемы, перспективы.....
- РАЗДЕЛ III. КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ: ПОЛЬСКИЙ ФАКТОР**
- Чуркин М. К.* (Омск, Россия). Иноэтничный фактор в колонизации Сибири: общественно-политический дискурс второй половины XIX – начала XX века....
- Дятлов В. И.* (Иркутск, Россия). Динамика диаспоростроительства в переселенческом сибирском обществе: от конфессионально-сословного к этническому основаниям.....
- Григоричев К. В.* (Иркутск, Россия). В ловушке номинаций: этнические группы в социальном и историческом исследовании.....
- Суворова Н. Г.* (Омск, Россия). Ссылные в сибирском сельском обществе: варианты сословной и этноконфессиональной интеграции (XIX – начало XX веков).....
- Филимонов А. В.* (Омск, Россия). Сравнительная характеристика финансового положения польских ссыльных и крестьян-переселенцев в Сибири в 20–50-е годы XIX века.....
- Скоробогатова Н. Н.* (п. Шушенское Красноярского края, Россия). Политические ссыльные XIX–XX веков в Восточной Сибири как ограниченная в правах социальная группа населения.....
- Крих А. А., Мулина С. А.* (Омск, Россия). Этносоциальная идентификация польских ссыльных в Сибири в XIX веке.....
- Горак А.* (Люблин, Польша). Списки католиков Пермской губернии в XIX веке.
- Островский Л. К.* (Новосибирск, Россия). Польские ссыльные в Сибири в конце XIX – начале XX века (проблемы взаимоотношений с принимающим обществом).....
- Latawiec K.* (Lublin, Polska). Polacy w Permie i okolicach na przełomie XIX i XX wieków w świetle akt stanu cywilnego Archiwum Państwowego Kraju Permskiego...

Леончик С. В. (Седльце, Польша). Польские ссыльные и добровольные переселенцы в Сибири в конце XIX – начале XX века: причины появления, взаимоотношения на новой родине.....

Нам И. В. (Томск, Россия). Польские беженцы Первой мировой войны в Сибири.....

РАЗДЕЛ IV. СИБИРЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПОЛЯКОВ, ПОЛЯКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СИБИРЯКОВ

Чёрная М. П. (Томск, Россия). Европейский компонент в культурном коде воеводской усадьбы Томска (последняя треть XVII – середина XVIII века).....

Кучиньский А., Вуйцик З. (Варшава, Вроцлав, Польша). Кароль Любич-Хоецкий – барский конфедерат в ссылке.....

Кучиньский А. (Вроцлав, Польша). Социально-культурный облик Казахстана в письмах Адольфа Янушкевича.....

Ханевич В. А. (Томск, Россия). Ссыльное римско-католическое духовенство в восприятии соотечественников, российской администрации и местного населения Томской губернии в 1830–1880-е годы.....

Przeniosło M., Przeniosło M. (Kielce, Polska). Polacy w oczach Rosjan i ludności tubylczej Syberii Zachodniej w świetle spuścizny pamiątkarskiej Benedykta Dybowskiego.....

Мосунова Т. П. (Екатеринбург, Россия). Образы поляков в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка.....

Wołczyk Ł. (Kielce, Polska). Wacław Lasocki na syberyjskim zesłaniu.....

Пяткова С. Г. (Сургут, Россия). Представления о польских ссыльных в Сибири на страницах журнала «Русский архив» в 1860–1870-е годы.....

Чернова И. В. (Омск, Россия). Образ поляка в сибирских периодических изданиях конца XIX - начала XX века.....

Antonowicz M. (Toruń, Polska). Polacy na Syberii w „Tygodniku Ilustrowanym” w latach 1882–1914.

Kaniewska A. (Wrocław, Polska). Obraz polskich zesłańców XIX wieku na Syberii we współczesnych polskich środkach masowego przekazu.....

Полежаева Л. А. (Абакан, Россия). Популяризация истории польской диаспоры в Сибири в XIX – начале XX века на страницах полонийного издания «Rodacy-Соотечественники».....

Рожнова О. Ю. (Бийск, Россия). Презентационные аспекты тематики польской ссылки в информационном пространстве Полонии Сибири.....

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....

ОТ РЕДАКЦИИ

Вниманию читателей представляется сборник научных трудов, издаваемый в рамках проекта «Польские ссыльные в Западной Сибири во второй половине XVIII – XIX века в глазах россиян и коренных народов», который реализуется Университетом Яна Кохановского в Кельце совместно с Омским государственным аграрным университетом имени П. А. Столыпина в рамках Национальной программы развития гуманитаристики Министерства науки и высшего образования Республики Польша (Договор № 0098/NPRN3/H12/82/2014, руководитель проекта – д-р наук, проф. Веслав Цабан)).

В сборник вошли тексты докладов Международной научной конференции «Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири», состоявшейся 25–27 мая 2015 г. в г. Омске. Несмотря на традиционную формулировку темы, возвращающую нас к конференциям 1990-х гг., регулярно проводившихся в российских и польских научных центрах, организаторы омской конференции 2015 г. попытались не только максимально широко охватить проблемное поле польско-сибирской истории, представить неизвестные источники, но и обозначить новые подходы в изучении польско-русского межкультурного взаимодействия.

Идея организаторов сводилась к тому, чтобы объединить в одном диалоге исследователей польской ссылки и специалистов по социальной и этнической истории Сибири, посмотреть на историю поляков за Уралом с позиций новейших наработок в области сибиреведения, развить дискуссию по поводу проблемы диаспоростроительства в сибирском регионе и возможностях применения методологии диаспоральных исследований к изучению польского сообщества в Сибири.

Значительный блок докладов посвящен проблемам взаимоотношений мигрантов с принимающим обществом через изучение стратегий адаптации поляков в Сибири, моделей поведения, социально-психологических типов ссыльных рассматриваемого периода. Авторы уделили внимание процессам культурной адаптации польских мигрантов на территории Сибири, детально описали процесс их осибирячивания, включения в социальные структуры сибирского общества; трансформацию национальной идентичности польских ссыльных.

Еще одной проблемой, освещенной в сборнике, является происхождение, структура и функционирование взаимных представлений поляков и сибиряков, мифов и стереотипов, бытующих в текстах культуры. Авторы акцентируют свое внимание на различных аспектах – этническом, региональном, социальном и имперском, – представлений о поляках, функционирующих как в российской элите, так и в отдельных социальных и этнических группах сибирского общества.

Мы надеемся, что материалы этого сборника будут интересны не только профессиональным историкам, этнологам, краеведам, архивным и музейным работникам, но и широкому кругу читателей, заинтересованных в получении новой информации об истории поляков в Сибири.

Организаторы конференции благодарны всем исследователям, принявшим участие в конференции, а также заместителю Посла Республики Польша в Российской Федерации Ярославу Ксёнжеку и Генеральному консулу Республики Польша в Иркутске Марку Зелинскому за личное участие в конференции и поддержку, которую они всемерно оказывают польско-русскому научному сотрудничеству.

*Светлана Мулина
Анна Крих
Яцек Легеч*

OD REDAKCJI

Prezentujemy czytelnikom tom materiałów pokonferencyjnych, wydany w ramach projektu "Polscy zesłańcy na Syberii Zachodniej w drugiej połowie XVIII – XIX w. w oczach Rosjan i ludności tubylczej", realizowanego przez Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach wspólnie z Państwowym Uniwersytetem Agrarnym im. P. A. Stołypina w Omsku w ramach Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego Rzeczypospolitej Polskiej (Umowa nr 0098/NPRH3/H12/82/2014, kierownik projektu – prof. dr hab. Wiesław Caban).

Na tom składają się teksty referatów wygłoszonych na międzynarodowej konferencji naukowej „Polscy zesłańcy na Syberii w drugiej połowie XVIII – początku XX wieku w oczach rosyjskiej administracji, przesiedleńców i ludności tubylczej z Syberii” która odbyła się w Omsku w dniach 25-27 maja 2015 roku. Pomimo tradycyjnego sformułowania tematu, przypominającego konferencje z lat dziewięćdziesiątych ubiegłego wieku, regularnie odbywające się w rosyjskich i polskich ośrodkach badawczych, organizatorzy omskiej konferencji starali się nie tylko możliwie szeroko spojrzeć na problem historii polsko-syberyjskiej, przedstawić nieznane źródła historyczne, ale również zdefiniować nowe paradygmaty w badaniu polsko-rosyjskich interakcji międzykulturowych.

Ideą organizatorów było skupienie w naukowym dialogu badaczy historii polskiej zsyłki i specjalistów z zakresu historii społecznej i etnicznej Syberii, spojrzenie na historię Polaków za Uralem przez pryzmat najnowszych osiągnięć z zakresu badań nad Syberią, rozwijanie dyskusji na temat problemu powstawania diaspor na Syberii oraz możliwości zastosowania metodologii badania diaspor w studiach nad dziejami polskiej społeczności na Syberii.

Znaczący blok referatów poświęcono problematyce stosunków między imigrantami a społeczeństwem ich przyjmującym, poprzez badanie strategii adaptacyjnych Polaków na Syberii, behawioralne, społeczne i psychologiczne typy zesłańców z okresu. Autorzy zwrócili uwagę na proces adaptacji kulturowej imigrantów polskich na Syberii, szczegółowo opisując proces ich „osybiraczenia”, włączenie do struktur społecznych społeczeństwa Syberii i przemianom tożsamości narodowej polskich zesłańców.

Innym problemem uwypuklonym w niniejszym tomie, jest powstanie, struktura i funkcjonowanie wzajemnego postrzegania Polaków i Sybiraków, mitów i stereotypów obecnych w tekstach literackich. Autorzy skupiają swoją uwagę na różnych aspektach – etnicznych, regionalnych, społecznych i imperialnych – wyobrażeń o Polakach, funkcjonujących tak wśród rosyjskiej elity, jak i poszczególnych grup społecznych i etnicznych społeczeństwa Syberii.

Mamy nadzieję, że materiały te zainteresują nie tylko dla profesjonalnych historyków, i etnologów, badaczy historii regionalnej, pracowników archiwów i muzeów, ale także wielu czytelników, zainteresowanych uzyskaniem nowych informacji o historii Polaków na Syberii.

Organizatorzy konferencji dziękują wszystkim badaczom, którzy wzięli udział w konferencji, a także zastępcy ambasadora RP w Federacji Rosyjskiej Jarosławowi Książkowi i Konsulowi Generalnemu RP w Irkucku Markowi Zielińskiemu za osobisty udział w konferencji i ich wszechstronne wsparcie dla polsko-rosyjskiej współpracy naukowej.

*Swietłana Mulina
Anna Krich
Jacek Legieć*

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Szanowni Państwo,

Już trzeci raz mam zaszczyt uczestniczyć w pracach konferencji w Omsku poświęconej historii Syberii. Dziękuję serdecznie za ponowne zaproszenie – tym razem na obrady poświęcone problemowi opinii rosyjskiej administracji, przesiedleńców i narodów miejscowych o polskich zesłańcach począwszy od połowy XVIII w. aż do początku XX stulecia.

Temat ten wydaje się bardzo istotny z kilku względów. Po pierwsze: ważne jest nie tylko, jak oceniamy siebie sami, ale także jak patrzą na nas inni. Po drugie: oceny zewnętrzne dokonywane były w skrajnie niekorzystnych dla „ocenianych” warunkach, drogi na zesłanie i zesłania. Po trzecie: w temacie zarysowano szerokie spektrum „oceniających”, chodzi bowiem o ludność rodzimą (narody żyjące na Syberii), innych przesiedleńców – ale także i stanowisko administracji carskiej zarządzającej połaciami syberyjskiego bezkresu. Taka kompozycja ocen może z pewnością stworzyć ciekawy obraz migrującej falami (nie zawsze dobrowolnie – np. represje po powstaniach narodowych) na Syberię polskiej społeczności.

Dotykamy tu wielu innych, pokrewnych problemów wiążących się z postawami zajmowanymi przez zesłańców w miejscu swego osiedlenia. Wielu zesłańców – co wydaje się naturalne - buntowało się, próbowało ucieczki. Przykład postawy W. Sieroszewskiego: po dwóch próbach ucieczki (nieudanych) przebywał dalej przez kilka lat w Jakucji – pozostawiając tam po sobie nie tylko jak najlepsze wspomnienia, ale wręcz wpisując się w jej historię. Znamy wielu polskich uczonych, którzy na zesłaniu rozwijali swoje badania i obserwacje, a ich dorobek jest ceniony do dziś. Pamiętając o tragicznym wymiarze losów wielu zesłańców trzeba także dziś sięgać do tego, co po sobie pozostawili – i w sensie materialnym i w ludzkiej pamięci. Warto także rozwijać badania nad pojawiającym się, szczególnie od końca XIX w., poszukiwaniu na Syberii pracy, lepszego wynagrodzenia, nowych możliwości (np. przy budowie Kolei Transsyberyjskiej, gdzie pracowało wielu polskich specjalistów, a wiele – i to ważnych! - dostaw zapewniały firmy polskie z Królestwa Polskiego/Kraju Przywisiańskiego).

W tym roku mamy zaszczyt gościć po raz pierwszy Szefa Przedstawicielstwa UE w Moskwie, Pana Ambasadora Vygaudasa Usackasa. Myślę, że to dobry znak na przyszłość – sygnalizujący rosnące zainteresowanie tematyką historii Syberii. Była ona bowiem miejscem jednoczącym w dole i niedoli (co raczej częstsze...) wiele narodów. Była karą, była wyzwaniem – ale i szansą na dokonanie rzeczy na swój sposób wielkich. Należy zbadać, docenić pracę przedstawicieli narodów nie tylko dawnej Rzeczypospolitej, ale i innych krajów, których talenty i praca przyczyniała się do rozwoju ziem syberyjskich, a w dalszej perspektywie wywierała z pewnością wpływ na dzisiejsze, związane często ze wzorcami europejskimi, oblicze regionu i miast.

Trudno w kilku słowach wskazać na znaczenie podejmowanego tematu. Jego podjęcie w wymiarze naukowym wydaje się ważne i zasadne. Cieszę się, że w prace konferencji oprócz Szanownych Gospodarzy z Omska wpisuje się efektywnie polski partner – Uniwersytet Jana Kochanowskiego z Kielc. Są także uczeni ze znaczących rosyjskich ośrodków naukowych na Syberii.

Kończąc po kilku latach swoją pracę w Ambasadzie RP w Moskwie życzę wszystkim organizatorom, uczestnikom, sponsorom i ludziom życzliwym konferencji powodzenia w rozwoju badań nad udziałem przedstawicieli Polski i innych narodów w rozwoju Syberii. Omsk trwale pozostanie w mej pamięci - jak zawsze w takich okolicznościach mówię „Do widzenia” – z cichą nadzieją na to, że kiedyś jeszcze będę mógł uczestniczyć w pracach rozpoczętych kilka lat temu w mieście nad Irtyszem.

Jarosław Książek

Уважаемые дамы и господа!

Уже в третий раз я имею честь участвовать в работе омской конференции, посвященной истории Сибири. От всего сердца благодарю за приглашение. Нынешняя встреча посвящена вопросу взаимодействия российской администрации, переселенцев и местных народностей с польскими ссыльными, начиная с середины XVIII века вплоть до начала XX столетия.

Данная тема представляется интересной по нескольким соображениям. Во-первых, важно не только то, как мы себя видим, но и то, как нас видят другие. Во-вторых, внешняя оценка давалась при крайне неблагоприятных для «оцениваемых» обстоятельствах, в пути в «ссылку» и в самой ссылке. В-третьих, в теме зарисован широкий спектр «оценивающих», ибо имеются в виду местные народности Сибири, другие переселенцы, но также позиция царской администрации, управлявшей бескрайними сибирскими землями. Такая компоновка оценок способна наверняка создать интересную картину мигрирующей волнами в Сибирь польской общественности (не всегда добровольно, в частности, в результате репрессий после национально-освободительных восстаний).

Здесь мы касаемся множества иных производных проблем, связанных с отношениями ссыльных в местах их поселения. Многие ссыльные, естественно, сопротивлялись, пытались бежать. Например, В. Серошевский. После двух попыток побега (кстати, неудачных), он несколько лет он прожил в Якутии, оставив о себе не только наилучшие воспоминания, но и став частицей ее истории. Многие известные польские ученые развивали в ссылке свои исследования и наблюдения. Их достижения ценятся и по сей день. Помня о трагической судьбе ссыльных необходимо и сегодня обращаться их духовному и материальному наследию. Стоит также развивать исследования о появившихся, особенно с конца XIX века, ищущих в Сибири более высокого заработка и новых возможностей, например, при строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали, где работало много польских специалистов, - и что важно! - поставки обеспечивали польские компании из Привислинского края.

В этом году мы имеем честь впервые принимать у себя Главу Представительства ЕС в Москве, Господина Посла Вигаудаса Ушацкаса. Будем надеяться, что данный визит положит начало доброй традиции сотрудничества, поскольку этим выражается растущий интерес к истории Сибири, которая была местом, объединяющим многие народы, как в счастье, так и в беде (что более часто...). Сибирь была наказанием, была вызовом, но вместе с тем и шансом для великих начинаний. Необходимо изучить и оценить труд представителей народов не только бывшей Речи Посполитой, но и других стран, талант и дела которых способствовали развитию сибирских земель и оказали в какой-то мере влияние на современный, часто ассоциирующийся с европейскими стандартами, облик региона и его городов.

Трудно в нескольких словах показать научную значимость поставленной проблемы. Отрадно, что в работу конференции, кроме непосредственно организаторов из Омска, значительный вклад внесли представители известных научных центров Сибири и польский партнер - Университет Яна Кохановского в Кельце.

Завершая свою миссию в Посольстве РП в Москве, хочу пожелать всем организаторам, участникам, спонсорам и всем, кто поддержал конференцию, успехов в развитии исследований в области участия поляков и других народов в развитии Сибири.

Омск навсегда останется в моей памяти, поэтому я говорю «До свидания», с робкой надеждой на то, что еще когда-нибудь я смогу включиться в работу, начавшуюся несколько лет назад в городе на Иртыше.

Ярослав Ксёнжек

РАЗДЕЛ I. ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, ИСТОЧНИКИ, ЗАГАДКИ

УДК 94:325.2(=162.1)(571)

Б. С. Шостакович

СИСТЕМНАЯ ПОЛЬСКО-СИБИРСКАЯ ИСТОРИЯ – СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА МАРГИНАЛЬНО –ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА ИСТОРИИ ПОЛЯКОВ В СИБИРИ

Аннотация: Очерк содержит обзорную характеристику базовых дискурсов, определяющих сущность осмысления и изучения исторической проблематики перманентного польского присутствия в российском зауральском, сибирском регионе в новой парадигме польско-сибирской истории. В частности, изложен суммарный критический обзор результатов ранее подвергавшейся поэтапной систематизации и анализу историографии указанной обширной и многоплановой темы. Сформулировано развернутое мотивированное определение парадигмы польско-сибирской истории. На аргументированном аналитично-историографическом уровне показано, насколько последняя расширяет диапазон фактологического и проблемного контента в разнообразных сферах прошлого Сибири – хозяйственного, общественно-политического и культурно-научного характера. Новая парадигма принципиально выводит охватываемый ею комплекс исторической проблематики из регионально-маргинальной научной изолированности в широкую сферу исследований исторических процессов международных полиэтничных, социокультурных взаимосвязей и взаимовлияний. Таким образом, формируется современная парадигма польско-сибирской истории как концептуальной научной альтернативы привычного прежнего дискурса «истории поляков в Сибири», отводящего всей рассматриваемой проблематике место маргинального дополнения регионально-изолированной общесибирской истории. Среди прочего в указанной новой парадигме значительное место занимает изучение проблематики взаимного восприятия поляков и сибиряков в XVIII – начале XX в., которой автором очерка уделяется внимание уже более четверти века.

Ключевые слова: польско-сибирская история; история поляков в Сибири; историография; дискурс; парадигма; альтернатива; традиционалистский; маргинальный; системный; взаимное восприятие поляков и сибиряков

В общероссийской и региональной истории Сибири, пожалуй, нет иной субтемы, которая, подобно польско-сибирской истории, была бы столь же тесно связана с первыми, но отнюдь ими не ограничивалась и при том же на протяжении, как минимум, почти двух с половиной столетий, вызывала бы столь же неоднозначные, а нередко и прямо противоположные толкования специалистов.

Проводимый в данном очерке сравнительный дискурсивный обзор построен на предшествующем максимально тщательном учете, систематизации и следующем из них анализе всей сложившейся историографии по рассматриваемой обширной и многоплановой теме, выдержанном в объективном соответствии научно-методологическим принципам. Все указанное автором очерка последовательно проводится, начиная еще с середины 1980-х гг., когда его работа соответствующего характера явилась первым такого рода целенаправленным специальным исследованием во всей существующей историографии соответствующей исторической проблематики как отечественной (советско-российской), так и зарубежной (польской и др.) [1].

К сожалению, принятая публикаторами материалов настоящей конференции статично-регистрационная структура научно-справочного аппарата серьезно осложнила непосредственное изложение в данном очерке прослеженной по историографии польско-сибирской истории эволюции воззрений на рассматриваемую тему во взаимосвязи с последними, производными от них же моделями (парадигмами) конкретных исследований во всей ее совокупности. Тем более сложным оказывается рассмотрение некоторых авторских наблюдений за динамикой последних, каковые, как представляется автору, могут привести к небезынтересным результатам, однако в настоящем случае должны быть лишь обозначены как одно из актуальных тематических направлений на перспективу. Необходимую конкретную цель настоящего очерка, наряду с отмеченными только что обстоятельствами, обусловил также и достаточно ограниченный общий его объем.

Таким образом, основную задачу данной публикации ее автор определяет как последовательную обзорную характеристику базовых дискурсов, определяющих сущность нового осмысления и изучения рассматриваемой темы в парадигме польско-сибирской истории. При этом автором намечено комплексное проведение таковой. Каждый из упомянутых дискурсов снабжен отсылками на соответствующие выявленные автором в его многообразных многолетних трудах по рассматриваемой проблематике своего рода «реперные ориентиры» в новой исследовательской парадигме польско-сибирской истории, научно-методологическая разработка которой продолжается и по настоящее время, а параллельно – и практическое изучение целого ряда прикладных конкретных аспектов указанной новой концепции.

* * *

Приняв во внимание специфику рассматриваемой темы, следует заметить, что она совершенно неразрывным, прямым образом связана с системным сущностным анализом историографии охватываемой ею проблематики и соответственно подразумевает весьма тщательное осуществление такового. Хотя здесь же автор оговаривает, что в настоящем случае не выделяет в рамках очерка особой задачей широкий всеобъемлющий анализ новейшей историографии темы, которой только в дальнейшем, следует надеяться, безусловно, будет посвящено совершенно отдельное, специальное и целенаправленное рассмотрение.

Однако историографию рассматриваемой темы, с полным на то основанием, автор рассматривает как один из базовых элементов данного обзора. Имеется в виду, что уже упомянутые последовательные системные разработки данной историографии, начаты почти треть столетия назад. Тогда, в итоговом заключении проведенного анализа литературы по «сибирско-польской» истории (к тому времени последняя ограничивалась исключительно отдельными сторонами истории сибирской политической ссылки участников польского освободительного движения) автор отмечал как «уже вполне очевидную» «необходимость проведения на широкой источниковой основе более углубленных и систематизированных исследований по всему комплексу актуальных вопросов и принципиальных разделов темы». Среди последних перечислялись: «научно аргументированное определение численности, социально-сословного и профессионального состава, правового положения и распределения по различным районам Сибири польских политических ссыльных в различные периоды их пребывания в ней». Ставилась задача «выяснить реальные формы и масштабы воздействия ссыльных поляков на хозяйственную, общественную и культурную жизнь Сибири». [1, с. 22–23]. Нетрудно заметить, что отмечавшееся тогда и к настоящему времени еще далеко не в полной мере реализовано.

Наряду с констатацией данного безусловно примечательного обстоятельства в эволюции постижения сибирско-польской истории и определения непреложных задач дальнейшего ее изучения, автору видится едва ли не менее значимым также и сам по себе тот

факт (можно его даже определить как своего рода феномен), что ни до, ни после названной работы автора никто из среды научных специалистов не проявил целенаправленного исследовательского интереса к историографии данной темы! Автор уже высказал свою гипотезу о причине подобного явления. За неимением места в настоящей публикации, он лишь может отослать всех интересующихся данным вопросом к своей более ранней работе, где, среди прочего, попытался дать на него ответ [2].

При различных последующих обстоятельствах автор неоднократно возвращался к дополнительным наблюдениям и оценкам результатов продолжавшегося процесса развития историографии по рассматриваемой теме. Безусловно, в нынешнем обзоре нельзя не остановиться, хотя и достаточно кратко, на основных тенденциях за 30-летие, прошедшее после проведения автором системного суммарного обзора историографии темы. В целом следует отметить, что таковая весьма существенно изменилась – и в количественном, и в содержательном отношении. Ряд современных специалистов, – и отечественных, и польских, – в своих исследованиях по рассматриваемой теме проявляет вполне зрелые, оригинальные подходы к различным ее аспектам, открывает новые пласты относящегося к ней богатейшего фактического материала. Пишущий данные строки останавливает внимание на некоторых значимых именах историков рассматриваемой темы и на их заметных, на его взгляд, достижениях в рассматриваемой области. Здесь необходимо отметить существенно выделяющиеся позиции польской исторической науки во главе с ее несомненным лидером – профессором В. Сьлиховской. В ряду ее достойных коллег по новейшей польской историографии польско-сибирской исторической темы следует упомянуть таких высокопрофессиональных ученых как Я. Трынковский, З. Вуйчик, А. Кучиньский, А. Брус, Б. Ендрыховская, Э. Небэльский, Ф. Новиньский, А. Кияс, В. Цабан, А. Милевская, Э. Каминьская и ряд других. Автор заранее приносит извинения за то, что не имеет возможности перечислить в данном очерке каждого из польских исследователей, внесших и продолжающих вносить свой немаловажный вклад в разработку рассматриваемой темы. Среди обширного перечня уже вышедших работ в тематическом круге «польской сибиряды», безусловно, выделяются два капитальных словаря (авторств В. Сьлиховской и А. Кияса), ряд монографий по отдельным тематическим вопросам темы (В. Сьлиховская, Ф. Новиньский, А. Кучиньский, Э. Небэльский и др.) [3; 4; 5; 6; 7]. Особое место в этом историографическом массиве занимают публикуемые сборники материалов периодически проводимых в Польше международных научных конференций по указанной проблематике, в которых принимают участие и отечественные ее исследователи [8; 9; 10; 11], и другие издания аналогичного характера.

В сравнении с польской историографией по рассматриваемой тематике в аналогичной российской ситуация выглядит более противоречиво. Нередко в среде отечественных сибиреведов все еще сохраняется влияние самого крупного многотомного труда по истории Сибири, где представлены образцы явно некорректного, с научной точки зрения, эклектизма, на фоне общего нарратива сибирской истории, с соответствующими к нему относящимися характеристиками и обобщающими заключениями, представляющего малоупорядоченные и крайне пробельные фрагменты контента польско-сибирского исторического прошлого. (См., в частности, красноречивые примеры [12, 13], о которых немного далее будет еще сказано подробнее).

В отличие от своих польских коллег, российскими исследователями пока еще не было создано существенных монографических работ в обследуемой области, не говоря уже о специальной словарно-справочной литературе, за единичными исключениями. К последним можно в качестве удачного примера такой оригинальной монографии и предложенной в ней новой трактовки исследуемой проблематики привести исследование С. А. Мулиной [14]. В целом же пока еще российская наука не обогатилась до сих пор достижениями сколько-нибудь широких обобщений в русле польско-сибирской истории,

тем более – комплексного системного ее анализа, как логически вытекало бы из всего ранее изложенного автором в настоящем очерке.

Указанные весьма ощутимые лакуны в отечественной историографии по наблюдаемой проблематике несколько компенсируют выделяющиеся своей многочисленностью сборники материалов разнообразных тематических научных конференций, проводившихся в различных регионах Сибири, как правило, силами местных полонийных национально-культурных центров. В данном случае можно сослаться на некоторые примеры таких вполне удачных и полноценных в научном отношении сибирских коллегиальных трудов [15; 16; 17; 18]. Среди безусловно заявивших о себе оригинальными работами в интересующей нас тематической области выделяется новая группа вполне сложившихся отечественных исследователей – С. А. Мулина, Р. В. Оплаканская, О. Н. Полянская, Е. Н. Туманик, Д. В. Карнаузов, В. А. Ханевич, С. В. Леончик, Е. В. Семенов, сравнительно недавно включившийся в разработку темы Л. К. Островский и некоторые другие ученые. В рамках очерка автор не имеет возможности упомянуть поименно каждого из них, как и охарактеризовать сколько-нибудь конкретно их работы, за что приносит свои извинения. В подавляющем большинстве указанные авторы ведут прикладные, детально-тематические разработки тех или иных сюжетов рассматриваемой обширной и все еще недостаточно изученной польско-сибирской истории.

Не входя в данном случае в специальный анализ данного типа научных публикаций, обратим лишь внимание на быстрое разрастание их численности в связи с уже упомянутыми ранее все новыми научными конференциями исторического содержания в сибирских регионах по рассматриваемой тематике. Каждая из такого рода конференций, иницируемая локальными группами общественных энтузиастов и привлекающая к участию тот или иной спорадический контингент профессионалов, принимает собственные программы. Наблюдается совершенное отсутствие общей координации и согласованности между подобными научными собраниями. В конечном итоге все отмеченное не могло не привести к существенному разрастанию в сочетании с параллельным дисперсным распылением новой научной информации в русле рассматриваемой темы. Оба указанных фактора, дополненных весьма типичной для упомянутых конференционных изданий малотиражностью, предопределили тот результат, что весь суммарный комплекс публикуемых научных материалов с итогами новейших разработок данной исторической темы оказался практически почти не освоенным широкой научной средой российских историков и, как следствие, практически слабо учтенным в последних конкретных исследовательских изысканиях с тенденциями к обобщению, что, безусловно, совершенно неприемлемо в развивающемся научном процессе.

К сожалению, замысел автора очерка в общественном его статусе Председателя Научной комиссии Конгресса поляков в России об организации под эгидой указанной комиссии регулярного взаимного обмена переизданиями наиболее значимой из всей отмеченной выше литературой в соответствующих русских переводах, как и аналогичных, российских, – на польском, – для облегчения доступа к ней широкой научной общественности, в первую очередь научной, – не получил организационно-финансовой поддержки на постоянной основе. Его результатом явилось опубликование пока лишь одного сборника в русскоязычной версии (2002 г.) – материалов научной конференции «Сибирь в истории и культуре польского народа», состоявшейся во Вроцлаве в 1998 г. [19].

* * *

В связи со всем отмеченным выше, автор приходит к заключению, о совершенной очевидности чрезвычайного важного значения изначально методологически сокращенной атрибуции исследуемой проблематики. В российской, да и польской историографической традиции давно уже стало общепринятым обозначение последней в качестве

объекта изучения в формулировке, воспринимаемой на первый взгляд, как вполне интегрирующей, а в определенном смысле даже универсальной – «Поляки в Сибири» (в иной же версии – «История поляков в Сибири»). Однако же при более объективном аналитическом осмыслении тематического дискурса, обозначаемого указанным способом, становится вполне очевидным, что последнее непреложно подразумевает суммарную историю пребывания и деятельности в пределах Сибири наряду с польским этническим компонентом, также и целой группы иных этнических меньшинств, происходивших из регионов, в историческом прошлом находившихся в государственности Речи Посполитой, а впоследствии расчлененной тремя соседними державами – Австрийской и Российской империями и королевством Пруссией.

Как на это уже далеко не впервые обращает внимание автор настоящего очерка (при этом адресуется он не только к широкому читателю, но также и – к части исследователей, недостаточно осведомленных в рассматриваемой тематике), прежняя формулировка темы научного исследования видится отнюдь не во всем адекватной обозначаемому ею объекту изучения. Действительно, определение «поляки в Сибири» вполне прочно «прижилось» – как в научной литературе, так и в параллельном разговорном обиходе, – по крайней мере, со времени появления монографии польского исследователя Михала Яника «История поляков в Сибири» (Краков, 1928), ставшей по обозначенной теме классической, если не иметь в виду еще более раннюю работу Зыгмунта Либровича «Поляки в Сибири» (Краков, 1884) [20; 21]. Достаточно долго и практически повсеместно указанная дефиниция воспринималась как вполне адекватно, ёмко и объективно отражающая всю сущность сибирско-польской тематики.

Однако на современном уровне научно-концептуальной разработанности польско-сибирской истории становится уже вполне очевидным, что указанное определение, с одной стороны, как бы априорно «сводит» все содержание темы к изучению «польского компонента» в состоянии будто бы сугубо автономного, изолированного в историческом пространстве Сибири. Тем самым из сферы исследовательского рассмотрения и анализа темы заведомо «выпадают» многие важные сущностные ее компоненты. При подобном подходе к освещению темы они и не осмысливаются, и не подвергаются целенаправленному изучению как неотъемлемые, интегральные и многоаспектные составляющие общего процесса исторического развития уралосибирского региона России. Последняя при этом весьма сужается и выхолащивается.

С другой стороны, параллельно, при распространенной экстраполяции этноназвания «поляки» на всю массу оказывавшихся в Сибири выходцев из региона исторической Речи Посполитой, не менее заметно деформируется общая сущность рассматриваемого сложного политематического комплекса. В соответствии с применяемой формулировкой, отнесение всего последнего к «Польше» и рассмотрение ее же населения, – буквально и исключительно как «поляков», может восприниматься лишь со значительными оговорками. В действительности, формулу «поляки в Сибири» во все более расширяющемся смысловом наполнении надлежит расценивать как стереотипное общее клише, на современном уровне научного знания совершенно некритично массово транслируемое и употребляемое взамен соответствующих аутентичных научных дефиниций.

Проникшая в широкий обиход формула периодов первых монографических опытов системного осмысления и преподнесения темы [20; 21] выглядела до некоторой степени новаторской, отражала тогдашний уровень восприятия и осмысления темы. Однако с тех пор она давно превратилась в привычное клише, которое, если вдуматься, несет в себе признаки откровенной односторонности. В строго научном понимании специалистов такое определение не может быть расценено иначе, нежели неадекватное объективному содержанию темы.

Между тем уже с конца 1990-х гг. в отечественном научном сообществе автор данного очерка теоретически и предметно обосновывает и развивает альтернативную модель изучения и воссоздания польско-сибирской исторической проблематики, как многоаспектного и многофакторного процесса, через целевую системно-комплексную научно-исследовательскую международную программу. На протяжении последнего 20-летия автор этих строк разрабатывает указанную концепцию в сочетании с параллельной практической реализацией многих заложенных в ней исследовательских задач. Он же является инициатором проведения в указанном тематическом дискурсе ряда общероссийских и международных научных конференций и активным их участником. Результаты работ в указанном дискурсе как самого автора, так и его коллег, участников многих подобных научных встреч и дискуссий, отражены в регулярно выходивших в свет научных публикациях по указанной проблематике. В качестве показательных примеров в цикле такого рода работ автора здесь могут быть приведены некоторые [2; 22; 23; 24].

Однако предложенные автором принципиально необходимые в методологическом отношении новые подходы к трактовке и разработке сибирско-польской темы не вызвали заметного отклика в среде ее исследователей. Большинство из них не обратило внимания на указанное новаторство, по сути дела его проигнорировало. Именно неизменность традиционалистского следования отмеченному выше устарелому стереотипу восприятия рассматриваемой проблематики в маргинальной парадигме, обособленной относительно всей иной, общей истории Сибири, можно рассматривать как явные признаки исследовательского кризиса отечественной историографии в рассматриваемом тематическом дискурсе.

Вкратце воссозданная здесь суть научной дискуссии по проблеме трактовки «сибирско-польской истории» явилась отправной точкой в развитии дальнейших разработок указанного направления. Результаты последних изложены в целом ряде научных очерков автора, предпринявшим углубленный анализ темы в разных немаловажных ее ракурсах [1; 2; 22; 23; 25; 26; 27].

На первый взгляд, может показаться, что многочисленные работы в рассматриваемом тематическом направлении вместе с содержащимся в них анализом проблемы, уже сделались общим историографическим достоянием и, по-видимому, этим и должны завершиться специальные их рассмотрения. В действительности, по отношению к рассматриваемой теме возымел место совершенно обратный результат. Как в связи с малотиражностью упомянутых неоднократных авторских публикаций по теме и соответственным недостаточно широким их распространением, так и в силу самой по себе сложности преодоления весьма стойкой инерции традиционалистского толкования рассматриваемой проблематики, концептуальные разработки автора в русле польско-сибирской истории пока еще в самой минимальной степени восприняты научной средой. По-прежнему сохраняется актуальность пропаганды основных положений указанной концепции, которые в ходе продолжающегося изучения соответствующей тематики, в свою очередь, естественным образом пополняются новым конкретным материалом.

Попытаемся далее представить читателям данного очерка сводный обзор основных черт и проблемных характеристик, составляющих сущность содержания польско-сибирской истории. Наше определение последней целиком выстраивается на суммарных результатах новейших ее исследований.

История продолжительного постоянного польского присутствия на обширной зауральской части Российского государства, традиционно называемая «историей поляков в Сибири», до сих пор остается не только недостаточно глубоко и всесторонне изученной, но и еще менее широко популяризованной. Долгое время названная история представляла в исторической литературе как своего рода частное исключение, маргинальное явление в общем контексте истории Сибири. Если ей и отводилось в последней какое-либо место и

некая роль, – то, как бы не столь существенные, вторичные. Однако произошедшие в России, в том числе и в ее сибирском регионе современные фундаментальные политические и идеологические перемены, побуждают к новому взгляду на многие исторические темы, относящиеся к указанному пространству и казавшиеся еще недавно бесспорными, «незыблемыми».

В контексте подобного нового осмысления сибирской истории принадлежит одно из заметных мест ее «польской компоненте». Углубленный анализ таковой как предмета и объекта научного изучения в исследованиях рубежа XX–XXI вв. и продолжаемых в настоящее время, вполне аргументированно доказывает, что **тема польско-сибирской истории, как автор предлагает обобщенно определять данную проблематику, в отличие от устарелой «истории в Сибири поляков», в современном научном ее осмыслении есть комплексный, многообразный исторический социокультурный процесс, охватывающий обширный массив взаимосвязанных проблем во всем их многообразии.** Отсюда следует закономерный вывод, что **будущее освоение указанного комплексного тематического направления определяется системными, целенаправленными программами его научного изучения на междисциплинарном уровне.**

Таким образом, тема польско-сибирской истории, приходящая на смену архаизированной «истории поляков в Сибири», как можно видеть, оказывается феноменом значительно более масштабным, многообразным и сложным, нежели утвердилось и сохраняется до самого последнего времени традиционное, но не побоимся этого определения, весьма поверхностное и вместе с тем консервативное прежнее ее восприятие. Достаточно заметить, что наряду с наиболее очевидной и широко известной политической ссылкой в Сибирь выходцев с территорий бывшей Речи Посполитой (окончательно лишенной государственности после трех ее разделов в конце XVIII в.), параллельно развивались еще по крайней мере три или четыре отдельных процесса проникновения в Сибирь в XIX – начале XX в. контингента выходцев с тех же земель, условно-собирательно именуемых «поляками». Под таковыми подразумеваются: добровольные перемещения в зауральский регион представителей данного континента (в расхожем упрощенном обобщении идентифицируемых как «поляки») – по мотивам их религиозной, военной либо иной профессиональной служебной деятельности и частным интересам. В последних десятилетиях XIX – первых XX вв. к ним добавляется все увеличивавшийся поток добровольной трудовой миграции в сибирские области, происходящий из того же самого континента. Наконец, с конца прошлого, XX в. приходит все более отчетливое осознание частью научных специалистов необходимости включения в понятие польско-сибирской истории еще одного раздела, несколько отличного и обособленного от ранее уже обозначенных нами. Имеется в виду история польских судеб в постреволюционный, советский период, в том числе и печально известный период массовых депортаций эпохи сталинского Гулага.

Вполне очевидно, что каждая из обозначенных здесь магистральных составляющих в русле польско-сибирской истории (они же – суть идентичные научно-исследовательские направления), в свою очередь, подразумевает охватываемое самой логикой внутреннего их содержания множество иных, более частных, конкретных сюжетных линий и проблем. Даже простое перечисление последних заняло бы в нынешней публикации чрезмерно много места. Как уже отмечалось, цель таковой состоит в ином: в представлении, по мере возможности, объективной (с позиций современного научного осмысления) сводной комплексной характеристики собственно основных сущностных сторон польско-сибирской истории. При этом предусмотрено проведение до известной степени первичного критического анализа еще поныне бытующих анахронизмов в представлениях о проблематике, охватываемой данной широкой парадигмой, и способах их преодоления и, наконец, определение наиболее актуальных на настоящее время задач дальнейшей научной разработки сибирско-польской проблематики.

Вполне назревшей и весьма актуальной становится необходимость воссоздания максимально целостной, системной картины существования и деятельности выходцев из исторической Польши (Речи Посполитой) в восточной, сибирской части Российского государства. При этом обнаруживается первостепенная важность избежания изоляционистской обособленности данного тематического направления от общего контекста и российской истории, и польской. В рамках обеих указанная польско-сибирская история подразумевается как интегральная их часть. Объективная взаимосвязь всех составляющих весьма сложного, противоречивого, а подчас и достаточно болезненного процесса истории поляков в Сибири – едва ли не главная задача, и признаемся здесь же, – и главная трудность в научном изучении такового. Следует также внимательно избавляться от устарелых идеологем, конъюнктурно-концептуальных нагромождений и разного рода мифов и табу, которыми в прежние времена была буквально усеяна эта тема. Яркими примерами своеобразных и глубоко укоренившихся в российском общественном сознании стереотипов являются, в частности, представления: обо всех поляках в Сибири – как о непременных политических ссыльных, о римско-католической конфессии в целом в Сибири – как об исключительно польской. Последнее, конечно же, не означает важности выявления особых этноконфессиональных специфик, в том числе и польской, – в общем конфессиональном (римско-католическом) контексте.

Все изложенное выше имеет далеко не один только академический интерес, но также и самое непосредственное отношение к параллельной просветительной деятельности. Казалось бы, именно здесь научная теория и культурно-образовательная просветительская практика должны повседневно соприкасаться друг с другом. Однако даже и в значительном числе научных работ, не говоря уже о популярных версиях по польско-сибирской истории, как правило, она не рассматривается в сколько-нибудь полномасштабном своем масштабе, каковой уже выявлен и доказан многообразными новейшими ее исследовательскими разработками. Изложение данной истории нередко продолжает подменяться набором некоторых характерных или же чем-либо «автономно» привлекающих к себе фрагментарных ее аспектов. В дополнение к отмеченному, при рассмотрении данной темы в подлинном ее объеме становится очевидным, что она элементарно неравномерно изучена. Наряду со сравнительно разработанными ее сторонами, обнаруживаются и такие органичные ее же разделы, которые пока еще практически остаются белыми пятнами в научном отношении. К примеру, процессы добровольных польских миграций в Сибирь (особенно на рубеже XIX–XX вв.), на необходимость изучения которых автор обратил внимание еще в своей монографии в 1995 г. и изложил впервые методику выявления ее источниковой базы [22, с. 127–133], пока все еще находятся на начальной стадии изучения.

Все отмечаемые нами тенденции историографического восприятия данной темы подводят к заключению о назревшей необходимости принципиального пересмотра самой трактовки последней в предлагаемом автором модернизационном дискурсе польско-сибирской истории. Указанный дискурс предполагает внесение в традиционалистски догматизированное прочтение проблематики в парадигме «истории поляков в Сибири» принципиально необходимых сущностных корректив. К числу таковых принадлежит одно из первостепенных по системообразующему значению органичное увязывание собственно имманентно присущего теме характера с научной разработкой и введением в широкий оборот ее контента. Устаревшая традиционалистская трактовка истории «поляков в Сибири» как сугубо внутренней, регионально-сибирской (толкуемой в чисто территориально-административной экстраполяции – на Сибирь Западную, Восточную, или на иные их субрегионы, либо в максимально уже локальных, краеведно-прикладных «распределениях»), должна быть адекватно скорректирована с историей уже иной, европейской части России, как, в свою очередь, и выходящих за эти пределы областей исторической Польши (Речи Посполитой), и даже сопредельных с ними частей Центрально-

Восточной Европы. В объективной действительности именно так, а не в «изолированном пространстве» Сибири развивались процессы польско-сибирской истории.

Именно в данном месте оказывается крайне необходимым привлечение принципиального внимания читателей очерка еще к одному аспекту современной трактовки рассматриваемой темы, вокруг которого возникают особенно острые разногласия сторонников последней и традиционалистами во взглядах на нее и на пути ее дальнейшей разработки. Фактически это неизбежное признание того обстоятельства, что польско-сибирская история не может трактоваться как замкнутая в каких-либо сугубо сибирских рамках – от более широких, общерегиональных, до значительно меньших, локальных. Многочисленными сторонами своего происхождения и дальнейшей специфики бытования и развития данная историческая парадигма соприкасается со значительно более широкой исторической геополитической пространственностью – не только общероссийской, но также исторической польской, в смысле прежней многонациональной государственности Речи Посполитой, а нередко еще и прочими сопредельными с нею областями. Иначе говоря, в польско-сибирской истории обнаруживаются очевидные многофакторные проявления и целые процессы полиэтничного, поликонфессионального и даже международного характера, что особенно болезненно воспринимается противниками подобного новаторского взгляда на данную тематику. Выявляемый таким образом объективный проблемно-тематический контент польско-сибирской истории, с точки зрения формализованной номенклатуры специальностей, в рамках которых в российской практике регламентированы научные и ученые квалификации, предстает в ракурсе достаточно противоречивой дихотомии. По указанным сугубо формальным критериям история Сибири и России оказываются отнесены к специальности «Отечественная история», в то время как Польша и прочие современные этногосударственные компоненты тематической бывшей Российской империи – рассматриваются по иной из таковых же, – «Всеобщей истории». По мнению автора, единственным конструктивным практическим разрешением данного противоречия должно явиться официальное признание проблематики польско-сибирской истории, аналогично и с непосредственной квалификацией всех специалистов, осуществляющих исследовательскую работу в данном тематическом дискурсе, особыми, комплексными, равнозначно относящимися к обоим обозначенным выше специальностям.

Можно констатировать, что научное изучение проблематики последней уже давно достигло качественно нового уровня. Прежнее традиционалистское произвольно-спорадическое, бессистемное введение в контекст истории Сибири отдельных примечательных персоналий или событийных фрагментов, в той или иной мере затрагивающих пребывание в регионе выходцев из Польши, (а именно так представлялась данная тема в вышедшем на рубеже 1960-х – 1970-х гг. и по сию пору все еще остающемся авторитетным и заметным в отечественной историографии обширным по объему сводным коллективным трудом по истории указанного региона) [12, с. 471–478; 13, с. 109, 114–121; 144–150] безусловно, все более отходит в прошлое. Наблюдаемые и ныне некоторые примеры неизменного следования в его парадигме могут теперь служить лишь признаком архаики в историографии предмета [24].

Из отмеченных выше симптомов формирования нынешней тенденции смены прежней парадигмы изучения рассматриваемой исторической проблематики, естественно, проистекают и задачи популяризации новых подходов к трактовке и изучению последней в дискурсе польско-сибирской истории. Актуальность последней представляется вполне очевидной. Однако столь же очевидно, что ей присуща и значительная сложность, о чем ясно свидетельствует сама ее многоаспектность. Признаем откровенно, что отмеченное явно отпугивает часть исследователей, предпочитающих, не затрачивая усилий на постижение новой исследовательской методологии и выработку методик ее практического применения к изучаемой тематике, продолжать рассмотрение и разработку последней в усто-

явшейся привычной парадигме «истории поляков в Сибири» как «маргинальной сферы» по отношению к некоей умозрительной истории «общесибирской». Нельзя не заметить, что дискурс польско-сибирской истории существенно расширяет диапазон фактологического и проблемного контента в разнообразных сферах прошлого Сибири – хозяйственного, общественно-политического и культурно-научного характера. Среди прочего, общий «удельный вес» материала такого рода в сибирской истории весьма существен – и по общей его хронологической продолжительности, и по обширности территориального охвата.

Но особо следует подчеркнуть, что в свете обострившихся в настоящее время сложных национальных проблем становится крайне необходимым внимательное исследование и освоение исторического опыта российско-польских отношений на территории различных регионов огромного сибирского пространства. При этом данная проблема рассматривается не только в традиционных конкретно-прикладных ее аспектах, но и с точки зрения развития инациональной, западнославянской общественно-ментальной структуры в окружающей местной среде.

Автор очерка видит свою задачу в том, чтобы в данном случае привлечь внимание научного сообщества и всех иных его читателей, кому не безразлична данная тема, к ряду принципиально важных современных направлений и подходов в научном изучении и осмыслении польско-сибирской проблематики. В частности, по мнению пишущего эти строки, существенный интерес представляет изучение многообразного опыта долговременного (на протяжении нескольких столетий) постоянного сосуществования и взаимодействия на обширных пространствах Сибири представителей пришлого этнического конгломерата выходцев из пограничья польского региона со смежными восточноевропейскими областями территории бывшей Речи Посполитой с одной стороны, с иноэтничным и инокультурным поликонфессиональным окружением местного, сибирского «принимающего общества» – с другой. Впервые к данной проблеме автор обращался и выступал по ней еще в конце 1980-х гг., в ходе одного из дискуссионных научных семинаров, организовывавшихся в то время в Москве Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (современная – РАН).

В рамки отмеченной исследовательской парадигмы вполне вписывается выдвинутая организаторами нынешней конференции ее главная целевая установка: – «объединени[е] усилий ученых России и Польши, краеведов, представителей общественных организаций для изучения польского присутствия за Уралом в период со второй половины XVIII в. до начала XX в. (1914 г.) через реконструкцию взаимных представлений друг о друге поляков и представителей сибирского общества: администрации разного уровня, российских переселенцев и коренных народов Сибири». Отмеченная научно-тематическая направленность дает автору серьезное основание для напоминания об осуществлении и развитии им в течение многих уже лет (начиная от рубежа 1980-х – 1990-х гг.) разработки обозначенного здесь исследовательского направления – как в методолого-теоретическом, так и в предметно-тематическом дискурсах им же предложенной новой концепции польско-сибирской истории. В данном случае в качестве примеров подобной работы, автор считает целесообразным указать на ряд собственных публикаций [27; 28; 29].

В связи с тем же автор видит принципиальную важность обратить внимание читателей очерка на то, что исходит отнюдь не из одного лишь принципа научной приоритетности. По его убеждению, вносимые здесь пояснения в связи с конференционным обсуждением задач организации современных исследований в русле одного из комплексов существенно значимой проблематики польско-сибирской истории являются принципиально необходимы. Во-первых, они позволяют избежать заведомо излишнего дублирования и параллелизма в указанном тематическом дискурсе. Во-вторых, уже проделанная автором работа, наряду с рассмотренным в ней уже выявленным конкретным фактологическим источниковым материалом, вносит и определенные исследовательские проблемно-

аналитические результаты, которые должны занять надлежащее место в намечаемом будущем процессе изучения специалистами материала указанного тематического направления.

Наконец, автор хочет привлечь внимание к необходимости введения в оборот меуарно-очеркового польско-сибирского наследия как исторического источника. Начатая уже несколько лет назад целенаправленная работа в этом направлении по созданию источниковой серии «Польско-Сибирская Библиотека» и 1-ый ее выпущенный том может служить моделью дальнейшего развития публикационного проекта соответствующего характера [30]. Автору представляется, что в рамках обсуждаемого конференцией указанного научного направления работа такого рода должна сделаться приоритетной. Следует принять во внимание, что само изучение выдвинутой широкой междисциплинарной проблематики специфик и стереотипов взаимного восприятия поляками Сибири и ее населения, а сибиряками – Польши и ее народа, – получила пока лишь некоторое отражение в разрозненных частных разработках отечественных и польских авторов, не скоординированных во взаимном научном сотрудничестве вокруг этой оригинальной и многообразной темы. Поэтому ее постановка в сугубо академическом аспекте предполагаемых в перспективе научных выкладок и своего рода «сублимационных», если можно так выразиться, обобщений останется практически малополезной, в достаточной мере элитарной, слабо соотносимой с серьезным приближением огромного массива ценных источников к отечественной научной, да и в целом широкой общественной средам, у которых этот последний до сих пор практически почти неизвестен и тем более крайне слабо доступен.

Безусловно, всем отмеченным не могут быть исчерпаны все аспекты контента, масштабных задач и актуальных вопросов процесса дальнейшего развития изучения и постижения польско-сибирской исторической проблематики в предложенной автором новой концептуальной парадигме. Автор предлагает рассматривать данный очерк как закономерный очередной этап ее научной постановки и обоснования. При этом он хотел бы вновь призвать к налаживанию скоординированного комплексного конструктивного российско-польского научного сотрудничества в русле обосновываемого здесь научной парадигмы, во всех отношениях актуальной и востребованной самим ходом истории.

Список литературы:

1. *Шостакович, Б. С.* Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX – начале XX века / Б. С. Шостакович // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. Трудов / Отв. ред. Н. Н. Щербаков. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. Вып. 9. С. 3–23.
2. *Шостакович, Б. С.* Исторические и современные парадигмы изучения польско-сибирской истории: взгляд из второго десятилетия XXI в. / Б. С. Шостакович // *Sibirica* : сб. тр. по итогам пол.-рос. науч. семинаров. Варшава–Пултуск, 1–15 сент. 2012 г.; Новосибирск, 8–22 сент. 2012 г. Новосибирск, 2013. С. 29–49.
3. *Kuczyński, A.* Syberia: czterysta lat polskiej diaspory : antologia historyczno-kulturowa / Antoni Kuczyński. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1993. 435 s.
4. *Niebelski, E.* Duchowieństwo lubeskie i podlaskie w powstaniu 1863 roku i na zesłaniu w Rosji / Eugeniusz Niebelski. Lublin : Redakcja Wydawnictw KUL, 2002. 656 s.
5. *Niebelski, E.* Tunka : : syberyjskie losy księży zesłańców 1863 roku / Eugeniusz Niebelski. Wrocław : Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2011. 394 s.
6. *Nowiński, F.* Polacy na Syberii Wschodniej : zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym / Franciszek Nowiński ; Gdańskie Towarzystwo Naukowe. Wydział I Nauk Społecznych i Humanistycznych. Gdańsk : Wydawnictwo Gdańskie, 1995. 433 s.
7. *Śliwowska, W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku : słownik biograficzny / Wiktoria Śliwowska ; Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk.

Warszawa : "DiG", 1998. 835 s.

8. Kościół katolicki na Syberii : Historia. Współczesność. Przyszłość / [pod red. nauk. Antoniego Kuczyńskiego] ; Uniwersytet Wrocławski, Centrum Duchowości Klaretyńskiej, Stowarzyszenie "Wspólnota Polska". Wrocław : : DTSK Silesia, 2002. 780 s.

9. Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku / pod red. Antoniego Kuczyńskiego ; Uniwersytet Wrocławski. Ośrodek Badań Wschodnich - Katedra Etnologii i Antropologii Kulturowej, Stowarzyszenie "Wspólnota Polska". Wrocław: Wyd-wo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa społeczno-kulturalnego, 2007. 716 s.

10. Powstanie Styczniowe 1863–1864 : walka i uczestnicy, represje i wygnanie, historiografia i tradycja / pod red. Wiesława Cabana, Wiktorii Śliwowskiej. Kielce: Wydaw. Akademii Świętokrzyskiej, 2005. 334 s.

11. Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / [pod red. Antoniego Kuczyńskiego] ; Uniwersytet Wrocławski. Ośrodek Badań Wschodnich i Katedra Etnologii, Wyższe Seminarium Duchowne Księży Salwatorianów, Stowarzyszenie "Wspólnota Polska". Wrocław : Wydawnictwo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego, 1998. 567 s.

12. *История* Сибири. Т. 2. Л.: Наука, 1968. 537 с.

13. *История* Сибири. Т. 3. Л.: Наука, 1968. 530 с.

14. Мулина, С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. Спб.: Алетейя, 2012. 199 с.

15. *Полонии* в Сибири, в России и в мире: Проблемы изучения. Материалы международного научного симпозиума (Иркутск, 8–12 сент. 2004 г.). Иркутск, 2006.

16. *Полония* в Сибири: проблемы и перспективы развития: материалы междунар. науч. конф., 30–31 мая 2003 г. Улан-Удэ, 2003.

17. *Сибирская* Полония : прошлое, настоящее, будущее : Материалы междунар. науч.- практ. конф. Томск, 20–23 мая 1999 г. Томск, 1999. 232 с.

18. *Сибирско-польская* история и современность : актуальные вопросы. Сборник материалов междунар. науч. конфер. / Редкол. Шостакович Б.С. и др. Иркутск, 2001. 365 с.

19. *Сибирь* в истории и культуре польского народа. Пер с пол. М.: Ладомир, 2002. 568 с.

20. Janik, M. Dzieje Polaków na Syberji / M. Janik. Kraków, 1928. Kraków, 1928.

21. Librowicz, Z. Polacy w Syberji / przez Zygmunta Librowicza. Kraków : G. Gebethner i Spółka, 1884. 380 s.

22. Шостакович, Б. С. История поляков в Сибири (XVIII–XIX вв.) / Б. С. Шостакович. Иркутск, 1995. 164 с.

23. Шостакович, Б. С. К постановке задач изучения сибирских полоний в историческом прошлом и настоящем / Б. С. Шостакович // Полонии в Сибири, в России и в мире: Проблемы изучения. Материалы международного научного симпозиума (Иркутск, 8–12 сент. 2004 г.). – Иркутск, 2006. С. 35–38.

24. Шостакович, Б. С. Реанимация в XXI столетии архаического восприятия века XIX-го истории политической ссылки поляков в Сибирь: работа над ошибками (рецензия) / Б. С. Шостакович // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16). С. 515–525.

25. Шостакович, Б. С. Международные аспекты истории поляков в Сибири как исследовательская проблема: (на примерах из эпохи до рубежа XVIII–XIX вв.) / Б. С. Шостакович // Восточно-сибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты: материалы междунар. науч. конф., г. Иркутск, 9–12 апр. 2000 г. / под ред. проф. Г. Н. Новикова. М., 2001. С. 63–70.

26. Шостакович, Б. С. «Сибирско-польская» история и современный взгляд на ее содержание, задачи изучения и популяризации / Б. С. Шостакович // Сибирско-польская

история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф., Иркутск, 11–15 сент. 2000 г. Иркутск, 2001. С. 28–36.

27. *Шостакович, Б. С.* Стереотипы взаимного восприятия поляков и сибиряков в XIX – начале XX в.: постановка темы научного изучения / Б. С. Шостакович // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее : материалы V Междунар. науч. конф. Иркутск. 21–22 мая 2013 г. – Иркутск, 2013. С. 51–59.

28. *Шостакович, Б. С.* «Польско-сибирская» литература XVIII – XIX вв. – источник изучения стереотипов восприятия выходцами из региона исторической Речи Посполитой зауральской России и ее населения / Б. С. Шостакович // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее и будущее. Материалы междунар. научно-практич. конф. (Иркутск, 23-24 мая 2006 г.). Иркутск, 2006. С. 172–177.

29. *Шостакович, Б. С.* Формирование в XIX веке польского стереотипа восприятия Сибири и сибиряков: (на материалах польской мемуарной литературы) / Б. С. Шостакович // Поляки в Сибири : науч.-информ. бюл. гуманитар. обществ.-науч. центра «TRACK». – Иркутск, 1995. – № 3. С. 21–27.

30. *Воспоминания* из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск : Арктиздат, 2009. 721 с. (Польско-сибирская библиотека; т. 1).

B. S. Shostakovich

Systemwide Polish-Siberian history – modern conceptual alternative of marginal-traditionalistic discourse of Polish people history in Siberia

Summary: The essay provides an overview characteristic of standard discourses that define the essence of understanding and learning the historical problematics of Polish people permanent presence in Russian Trans-Urals, Siberian region in a new paradigm of Polish-Siberian history. In particular there is a summarized critical review of the results of the declared broad and multidimensional theme historiography which had been exposed to a gradual systemization and analysis. There is a formulated, detailed and reasoned definition of Polish-Siberian history paradigm. On reasoned analytic-historiographical level it shows how the latter extends the range of factual and problematic content in a variety of areas of Siberian past time - economic, socio-political, cultural and scientific. The new paradigm in principle derives its complex of historical problematics from regional and marginal academic isolation into a broad sphere of research of historical processes in the international polyethnic, socio-cultural interrelations and mutual interference. Thus, there is a modern paradigm of Polish-Siberian history as a conceptual scientific alternative to usual former discourse "the history of Poles in Siberia", which gives to all problematics under consideration a place of a marginal addition to a regionally-isolated all-Siberian history. Among other things in the presented new paradigm the emphasis is made on a study of problematics of mutual perception of Poles and Siberians in the XVIII - beginning of XX century, the theme which the author of the essay has been studying for more than a quarter century.

Key words: Polish-Siberian history; history of Poles in Siberia; historiography; discourse; paradigm; alternative; traditionalistic: marginal; systematic: mutual perception of Poles and Siberians.

Irkutsk State University (Russia, 664003, Irkutsk, Karl Marx str., 1, tel.: (3952) 24-23-72).

В. Цабан, С. А. Мулина

**ПРОФЕССОР ВИКТОРИЯ СЛИВОВСКАЯ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ИСТОРИИ РОССИИ И ПОЛЬСКОЙ ССЫЛКИ В СИБИРИ.
К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ**

Аннотация: В статье анализируется творческий путь выдающегося специалиста по истории России профессора Викторией Сливовской и ее вклад в исследование истории польской ссылки.

Ключевые слова: Виктория Сливовская, истории России, польская ссылка, история Сибири XIX в.

Ординарный профессор Виктория Сливовская, почетный доктор Российской академии наук – выдающийся специалист по истории России XIX в. и судьбам поляков, сосланных в XIX и XX вв. в Сибирь. Ее достижения в данной области прочно вошли в польскую и российскую историографию.

Профессор Виктория Сливовская после окончания в 1953 г. обучения на историческом факультете Педагогического института им. А. И. Герцена в Ленинграде заинтересовалась семинаром профессора Варшавского университета Стефана Кеневича и под его руководством подготовила кандидатскую диссертацию, посвященную петрашевцам [1]. Еще до защиты кандидатской диссертации в сфере интересов В. Сливовской появились Записки революционера Петра Кропоткина и два обширных тома Мемуаров декабристов [2; 3].

Хрущевская оттепель помогла профессору Викторией Сливовской воспользоваться российскими архивами, что, в частности, принесло плоды в форме монографического труда «Николай I и его времена (1825 – 1855)», изданного в Варшаве в 1965 г. [4]. В работе автор охарактеризовала суть империи Николая. Позднее, в 1988 г. был опубликован в переводе на польский язык труд В. Брюса Линкольна «Николай I» с послесловием Викторией Сливовской. Она высоко оценила данное исследование, подчеркивая, что это итог американских исследований истории России XIX в. Самой слабой стороной книги она считала недостаточное знание автором национальной политики Николая I, которая являлась существенным элементом его внутреннего и внешнего курса [5, с. 390]. Если задуматься, какие изменения внесла бы профессор В. Сливовская в свою публикацию спустя 50 лет, то есть тогда, когда наши знания расширились и произошли важные политические перемены, то, скорее всего, она сосредоточилась бы на споре со всякого рода изданиями и переизданиями, касающимися XIX в., в которых Николай I зачастую воспринимается как предшественник прогрессивных реформ.

Уже со времен обучения на историческом факультете Викторию Сливовскую интересовали «острова» общественного сопротивления в России XIX столетия. Данному вопросу профессор посвятила несколько небольших трудов. Исследования, в частности, касались Николая Сазонова, сотрудника «Трибуны Народов» Адама Мицкевича; отступника от православия, иезуита Ивана Гагарина; Петра Долгорукова, ведущего оживленную публицистическую и издательскую деятельность во Франции и, наконец, связям Ивана Головина с польскими заговорщиками. Уже в 2014 г. по инициативе и с участием профессора В. Сливовской в Риме появилось издание: «Дело Гагарина» [6]. Виктория Сливовская с удовлетворением может сказать, что политическая, научная и религиозная деятельность Ивана Гагарина, автора мемуаров «Может ли Россия стать католической?», изданных в Париже в 1856 г., теперь оценена должным образом.

В 1971 г. появилась монография «В кругу предшественников Герцена» [7], а два года спустя, в результате сотрудничества с Рене Сливовским, великим знатоком истории русской литературы, на полках книжных магазинов можно было заметить публикацию «Александр Герцен. Жизнь и творчество» [8]. Книга посвящена одному из самых выдающихся мыслителей XIX в. Жаль, что сегодня о Герцене и в России, и в Польше помнят лишь немногие. Через десять лет в кругу интересов Виктории и Рене Сливовских оказался Андрей Платонов, один из самых выдающихся русских прозаиков минувшего столетия [9].

В ходе редакторских работ над 25-томным изданием «Январское восстание. Материалы и документы», а также над так называемой «зеленой серией» (об этом речь пойдет ниже), Виктория Сливовская систематически занимается описанием дел, связанных с польскими заговорами и ссылкой поляков вглубь Российской Империи. С середины 80-х гг. XX в. польская Сибирь оказалась в центре ее интересов. Публикации на тему неизвестных судеб польских ссыльных появились во многих исторических журналах, главным образом в «Ежеквартальном историческом журнале», «Восточном обозрении», «Вроцлавских восточных исследованиях». Результаты своих исследований она представляла на многих конференциях, организованных в Польше и в России. Можно сказать, что Виктория Сливовская в течение нескольких десятков лет, участвовала в каждой конференции, организованной на территории России, и посвященной истории поляков в Российской Империи. Такие конференции, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, проходили в Казани, Архангельске, Томске, Новосибирске, Иркутске, Якутске.

В 1991 г. на страницах «Восточного обозрения» появилась монография «Польские политические ссыльные в Сибири в первой половине XIX века. Мифы и действительность» [10]. В данной публикации Виктория Сливовская, с одной стороны, подвергла критике использование в воспроизведении истории польской ссылки мифов и упрощений, а с другой – наметила направления дальнейших исследований.

На рубеже 1980 – 1990-х гг. профессор предприняла усилия, направленные на подготовку биографического словаря польских ссыльных. В 1990 г. в рамках так называемой «зеленой серии» появился труд: «Участники национально-освободительного движения в 1832-1855 годы (Королевство Польское). Биографический справочник» [11]. Общими усилиями Виктории Сливовской, Владимира Дьякова, Адама Галковского и Владимира Зайцева была подготовлена информация о трех тысячах заговорщиков, эмигрантов или лиц, обвиняемых в чтении и распространении запрещенной литературы. Восемь лет спустя появилось выдающееся издание «Польские политические ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века» [12]. Данный Словарь содержит в себе жизнеописания 2500 человек, а вместе с приложениями, – информацию о 3500 поляках, сосланных вглубь Российской Империи. Жизнеописания были разработаны на основании источников, происходящих, главным образом, из российских архивов, мемуаров, писем и журнальных статей. Данное издание, как в Польше, так и в России играет огромную роль в исследованиях истории польской ссылки.

Во время продвижения данного издания, а также во время разных научных встреч профессор Сливовская обращает внимание пользователей на то, что в Словаре встречаются ошибки. В данном издании такого типа случаи фактически очень редки. Читатель в восторге от того, что автор сумела сопоставить противоположные показания, которые обвиняемые давали разным следственным комиссиям. Все это требовало решимости и терпения.

Лишь спустя два года появилась публикация, посвященная сибирской ссылке Якова Гейштора, председателя Отдела управляющего провинциями Литвы во время Январского восстания, автора чрезвычайно интересных мемуаров. Данное исследование стало знаком уважения семье Гейшторов, в том числе Александру Гейштору, который «как уважаемый ученый не проявлял высокомерия к возне Виктории Сливовской» [13]. Данное издание, кроме воссоздания судеб ссыльного Якова Гейштора, содержит в себе жиз-

неописания многих лиц, с которыми он встретился в ссылке. Это, в некоторой степени обобщенный портрет сотоварищей Гейштора по сибирской ссылке.

Если можно было бы сказать, что издание, посвященное Якову Гейштору, – это своего рода обыденность, ибо автор обладает таким огромным опытом в редакторском деле и в публикации библиографических разработок, что читатели уже успели привыкнуть к такого типа ее трудам, которые она в состоянии приготовить почти на ходу, то по-другому дело обстоит с книгой «Побеги из Сибири» [14]. К данному начинанию профессор Виктория Сливовская готовилась несколько лет. Первая идея наверно зародилась в 1995 г., когда была опубликована ее статья «Неизвестные польские беглецы из Сибири» (1995 г.). Позже профессор более подробно рассматривала побег Руфина Петровского (1997 г.) и Зигмунда Минейко. В книге, на основании богатейшего материала актов следственных комиссий, а также мемуарных материалов, были описаны побег отдельных лиц и коллективные побег. Чтение захватывающее. Во многих случаях трудно поверить, что такой побег вообще мог быть. Многие читатели во время чтения наверно задавали себе вопрос, настоящей ли является представленная автором судьба польского солдата и правда ли, что Станислав Крупский бежал три раза. Это не удивительно. Руфин Петровский после того, как пробрался в Западную Европу, тоже столкнулся с недоверием. Многие подозревали, что он является агентом царских спецслужб. Трудно сказать, сосчитала ли Виктория Сливовская все побег, так как это задача непростая, и, пожалуй, невозможная. Несомненным, однако, является то, что в данной книге показано другое измерение «польской Сибири», а также лишены мифологического стиля такие проблемы, как, например, вопрос героев романа Льва Толстого «За что?», то есть Альбины и Винценты Мигурских, или, наконец, – Шимона Токаржевского.

«Побеги из Сибири» в переводе на русский язык появились в 2014 г., а презентация книги состоялась в Омске, вызвав большой интерес среди участников международной конференции, организованной Омским государственным аграрным университетом им. П. А. Столыпина. Через два года после польского издания «Побегов из Сибири» в разработке Виктории Сливовской и Анны Брус появился труд «Восстание польских каторжников на Кругобайкальском тракте. Четыре сообщения» [15]. Читатель, изучая сохранившиеся сообщения, вынужден задать себе вопрос о смысле вспышки восстания 1866 г., или, точнее говоря, – мятежа против царской системы. В смысле данного мятежа сомневались многие поляки, отбывающие наказание в Восточной Сибири.

Через очередные два года появился «Сибирский дневник Юлиана Глаубича-Сабиньского» [16]. Об издании Дневника еще в 1928 г. просил Михал Яник. Однако чтобы нашелся соответственно подготовленный коллектив по реализации такого важного начинания, пришлось ждать 80 лет. Виктория и Рене Сливовские подготовили к печати рукопись, а предисловие и аннотации к нему приложил Ян Трынковский, который искусно проанализировал каждую деталь, связанную с пребыванием поляков в Сибири в период между восстаниями.

Дневник Сабиньского является фундаментальным источником изучения повседневной жизни польских ссыльных в Восточной Сибири в межповстанческий период. Сам автор Дневника был скрупулезным наблюдателем всего, что происходило в польской колонии в Иркутске в течение девятнадцатилетней ссылки. Юлиан Сабиньский действовал в так называемом «Огуле» (организации взаимопомощи), и благодаря этому у него, как правило, были регулярные связи со всеми ссыльными. От его внимания не ускользнули никакие наболевшие вопросы или мелкие успехи. Последние касались главным образом лиц, которые решились на свой страх и риск заняться хозяйственной деятельностью. На основании страниц Дневника можно сделать вывод, что хотя колония польских политических ссыльных Иркутского округа жила в больших страданиях, но всегда вела себя достойно. Благодаря инициативе Музея декабристов в Иркутске первый том Днев-

ника Юлиана Сабиньского был опубликован в переводе на русский язык. Очередные тома готовятся к печати.

Редакторская деятельность профессор Викторией Сливовской начинается с начала работ над запланированным польскими и советскими историками изданием документов, которые должны были появиться по случаю 100 годовщины Январского восстания. В результате подписанных в 1958 г. договоров между Польской Академией наук и Академией наук СССР появился польско-русский коллектив, который запланировал издание 15 томов архивных источников. С польской стороны работой руководил профессор Стефан Кеневич, а с советской – сначала профессор д.и.н. И.С. Миллер и потом – профессор д.и.н. В. А. Дьяков. Профессор Викторией Сливовская с самого начала работ принимала участие в подготовке отдельных томов, а с 1970 г. входила в состав редакционного комитета, ответственного за подготовку томов, опубликованных в Польше. В общем итоге вместо запланированных 15 томов материалов и документов в 1961 – 1986 гг. появилось 25. Издание труда «Январское восстание. Материалы и документы» стало беспрецедентным событием не только в масштабе польской историографии [17]. На его тему появилось несколько десятков обсуждений и рецензий в нескольких десятках польских, русских, украинских, немецких, а даже американских журналов. Само издание вызвало интенсификацию исследований над Январским восстанием как в Польше, так и в России. Данное издание, как сильно подчеркивал В. А. Дьяков, способствовало развитию более широкого интереса к истории Польши XIX в. среди российских (советских) историков.

Трудно точно определить вклад Викторией Сливовской в разработку нескольких десятков русских документов и в редакционные работы; кажется, что удачнее всего будет по данному вопросу сослаться на оценку профессора Стефана Кеневича. Во Введении к тому «Местные документы гражданских властей Январского восстания 1862 – 1864 гг.» он констатировал, что со стороны польских историков наиболее долго и упорно в данном начинании участвовали две женщины, а именно Францишка Рамотовская и Викторией Сливовская. Их вклад является наибольшим [18, s.VI].

В ходе издательских работ над трудом «Январское восстание. Материалы и документы» круг польских историков осознал, какой огромный масштаб источников по истории польских национально-освободительных движений XIX в. скрывают архивы Москвы, Петербурга, Киева, Вильнюса. Тогда, по инициативе польского профессора Марии Янён и российского профессора В. А. Дьякова, появилась так называемая «зеленая серия» (название от зеленой обложки). Первый том серии «Общество польского народа в Королевстве Польском Густава Эренберга и «свентокшисцы» появился в 1978 г. [19]. В подготовку данного тома, как и очередных томов, Викторией Сливовская вложила огромный труд. Изданный недавно том «Национальное масонство. Валериан Лукасиньский» был разработан под ее редакцией [20]. Это своего рода дань уважения мученичеству Валериана Лукасиньского, поскольку никто из национальных героев XIX в. не пережил 46 лет ада тяжелой тюрьмы, в том числе 37 лет в подвалах Шлиссельбурга. Очередной том, посвященный конарщикам, вскоре появится на полках книжных магазинов. Данная серия издается при сотрудничестве Института истории Польской академии наук, Института славяноведения Российской академии наук и Института литературных исследований Польской академии наук. В семи обширных томах данной публикации были помещены необычно ценные источники, связанные с польским национально-освободительным движением. Ими пользуются не только историки, но и языковеды, а также знатоки литературы. Каждый из этих томов, кроме источников, содержит в себе исследования, посвященные польскому национально-освободительному движению. Кроме трудов вышеупомянутого В. Дьякова, здесь помещены работы Болеслава Шостаковича, Алексея Нагаева, Доры Кацнельсон.

Свои редакторские страсти Виктория Сливовская с огромным успехом реализует в проблематике, касающейся XX в. С момента политических изменений 90-х гг. XX в., Виктория, одна из первых, приступила к публикации воспоминаний поляков, подвергнутых сталинским репрессиям. В 1992 г. совместно с М. Гижевской и Я. Анкудовичем она выпускает работу «Казахский триптих. Воспоминания из ссылки. Мариан Папиньский – семья Малаховских – Леслава Доманьская» [21]. Через год на полках книжных магазинов появились воспоминания Анны Сobotы в обработке В. Сливовской «В степях Казахстана. Воспоминания 1939 – 1946» [22]. Воспоминания содержат в себе потрясающие описания борьбы за существование женщины и ее дочерей. Муж героини был взят НКВД, и каким образом сложилась его дальнейшая судьба, не известно. Очередной публикацией являются «События XX века: 20 лет на Соловецких островах и Колыме 1935 – 1955» [23]. Мемуары Валентия Вороновича были подготовлены к изданию вместе с М. Гижевской. Это необычные приключения молодого поляка, рожденного в 1915 г. в России, который в наказание за то, что ходатайствовал о возвращении в Польшу, в 1934 г. попал на Соловецкие острова.

Вторую группу изданных воспоминаний XX в. представляют собой публикации, связанные с Холокостом. Виктория Сливовская вернулась к трагическим событиям, которые испытывала ее семья и близкие. На ее глазах, в 1942 году застрелили мать, а ее удалось вывести из гетто. Вопрос Холокоста появляется, в частности, в труде «Дети Холокоста говорят...» [24]. В Польше книга вышла в 1993 году, спустя два года, в 1995 году, была переведена на немецкий язык, в 1999 г. – на английский, в 2006 г. – на испанский. Таким образом, Виктория Сливовская положила своего рода начало новой издательской серии, опубликованной благодаря Обществу «Дети Холокоста». К данной проблематике Виктория Сливовская вернется еще раз в 1996 г. и подготовит к изданию совместно с Катажиной Мелёх исследование «Черный год... Черные годы...» [25].

Другой характер имеет труд «Плач по Варшаве... Варшавское восстание 1944. Дневники. Свидетельства» [26]. В нем были представлены, в частности, воспоминания тринадцатилетней Виси Заленской (Виктории Сливовской), которая ведет своего рода счеты «со своим восстанием».

Во время работ над изданием 25-томного труда «Январское восстание. Материалы и документы» возникла идея создания картотеки участников повстанческого подъема. В течение многих лет работ в Институте истории Российской академии наук была создана картотека, охватывающая данные свыше 40 тыс. участников. Если предположить, что, как некоторые думают, через повстанческие отряды прошло около 100 тыс. человек (это, пожалуй, завышенное число), то из простого расчета вытекает, что прилагались огромные усилия, направленные на воссоздание, с одной стороны, социально-профессиональной структуры участников борьбы, а с другой – их судеб после поражения Январского восстания. Особенно это касается судеб поляков в сибирской ссылке. Данные к картотеке происходят из разных архивов Польши, России, Литвы, Украины и Белоруссии. Чтобы получить соответствующую информацию из следственно-судебных актов и полицейских рапортов, следовало преодолеть особенно много препятствий. Такого типа актов, несмотря на ущерб, которому они подверглись в результате разного рода «бурь», сохранилось еще довольно много. Царская бюрократия создавала огромное количество документов. Итак, если пропали подлинники в центральных архивах, то историк может получить копии, хранящиеся в местных архивах. Много сведений можно воссоздать, но это требует огромного усилия, не только на этапе поиска соответствующих данных, но и также на этапе сопоставления отдельной информации. В создании данной картотеки многократно предоставлял помощь вышеупомянутый В. А. Дьяков, а также Ю. И. Штакельберг из Петербурга. Полезными оказались материалы, накопленные профессором Элигиушем Козловским.

Виктория и Рене Сливовские имеют огромные заслуги в области распространения в Польше научных достижений российских историков, литераторов и публицистов. Я приведу для примера лишь несколько работ. Дважды супруги Сливовские переводили работы Натана Эйдельмана, писателя, исследователя истории России XVIII – XIX вв. В 1976 г. появилась работа «Луниин – адъютант великого князя Константина» [27], а в 1990 г. труд «Павел I или смерть тирана» [28]. В 1982 г. в их переводе появилась работа Ольги П. Морозовой Бронислав Шварце [29].

Сама же Виктория Сливовская перевела, например, труд Юрия Штакельберга «По-встанческие печати 1863 – 1864» [30]. Следует добавить, что лишь благодаря данной работе, можно всесторонне высказываться на тему функционирования структур подземного государства в 1863 – 1864 гг. В переводе профессор Сливовской появились также «Письма об Испании» Василия П. Боткина (1812 – 1869), окциденталиста, писателя, литературного и музыкального критика [31].

Мы еще вернемся к Ю. И. Штакельбергу и к О. П. Морозовой, чтобы упомянуть, что они вместе принимали участие в работах над подготовкой 25-томного издания на тему Январского восстания. Работа над данным трудом стала стимулом к тому, чтобы в своих исследованиях заняться польскими вопросами.

В научном творчестве Виктории Сливовской важное место занимают рецензии и рецензионные статьи. На протяжении нескольких десятков лет она опубликовала свыше 50 такого типа работ. В преобладающем большинстве (около 30) – это рецензии на работы российских историков, а также на труды, издаваемые на Западе Европы и посвященные российским вопросам. Рецензии появлялись главным образом на страницах «Исторического обозрения», «Исторического ежеквартального журнала» или «*Slavia Orientalis*». Данные рецензии, кроме научного, имели также другое, в первую очередь информационное значение, поскольку благодаря им, польский читатель во времена минувшего общественно-политического строя смог получать сведения о российских исследованиях. Ведь же у Виктории Сливовской был доступ к данным работам, благодаря широко налаженным контактам, как в Советском Союзе, так и на Западе Европы.

Картина научной деятельности Виктории Сливовской не была бы полна, если бы мы не упомянули об ее работах в Комиссии польских и советских / российских историков Польской академии наук и Советской / Российской академии наук. Профессор Виктория Сливовская в работу данной комиссии была вовлечена практически с момента ее образования, то есть с 1965 г. Такое вовлечение проявилось особенно во второй половине 1980-х и в 1990-х гг., когда польской стороне председательствовал профессор Юлиуш Бардах [Juliusz Bardach], с российской стороны – профессор Я. Н. Щапов, а затем в 1998 – 2009 гг., когда польскую сторону представляла именно профессор Виктория Сливовская и профессор В. К. Волков. В то время по инициативе В. Сливовской в Польше и в России было организовано свыше десяти конференций. После каждой из них публиковались доклады, представляющие собой толчок к дальнейшим исследованиям. Здесь трудно перечислить все конференции такого типа, однако, необходимо вспомнить примерно о двух, которые состоялись в Казани. Первая была посвящена польским ученым и студентам в российских университетах (1992), а вторая – польским ссылкам вглубь Российской Империи в XIX – XX вв. Особенно подчеркивалась необходимость ведения исследований в региональных центрах (1997).

Российская академия наук должным образом оценила вклад проф. Виктории Сливовской в исследования над историей России, а также в действия во благо развития научного сотрудничества, и в 2001 г. присвоила ей звание почетного доктора Российской академии наук.

В творчестве Виктории и Рене Сливовских особое место занимает книга «Россия – наша любовь» [32]. Книга вызвала интерес как в Польше, так и в России. Авторы знают

Россию сталинских времен, оттепели Хрущева, так называемых времен застоя и Россию последних лет. Благодаря этому их воспоминания об этой стране, о российской интеллигенции (живущей также за рубежом) и о простых людях иногда приобретают характер социолого-психологических исследований. Для Виктории и Рене Слизовских, как метко подчеркивалось на страницах польского журнала «Всеобщего еженедельника», чуждым является чувство высокомерия по отношению к русским, даже в случае, когда признают, что после приезда на обучение в Ленинград испытали культурный и цивилизационный шок.

За свои выдающиеся всесторонние научные достижения профессор Виктория Слизовская была дважды удостоена награды KLIO (1999, 2005), специальной награды «Восточного обозрения» и награды ПЕН-клуба (2013).

Список литературы:

1. *Śliwowska, W.* Sprawa pietraszewców / Wiktoria Śliwowska. Warszawa : Państwowe Wydaw. Naukowe, 1964. 317 s.
2. *Kropotkin, P.* Wspomnienia rewolucjonisty / Piotr Kropotkin ; przeł. M. Sarnecka i K. Latoniowa ; wstęp i przypisy Wiktorii Śliwowskiej. Warszawa : Państw. Instytut Wydawniczy, 1959. 596 s.
3. *Pamiętniki dekabrystów* / [przypisy oprac. Wiktoria Śliwowska]. Warszawa : Państw. Instytut Wydawniczy, 1960. T. 1. 482 s., T. 2. 683 s.
4. *Śliwowska, W.* Mikołaj I i jego czasy (1825-1855) / Wiktoria Śliwowska. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1965. 260 s.
5. *Lincoln, W. B.* Mikołaj I / W. Bruce Lincoln ; przeł. Henryk Krzeczkowski ; [konsultacja naukowa i posłowie Wiktoria Śliwowska]. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1988. 490 s.
6. *L’Affaire Gagarine*, par Mireille Chmelewsky, Paul Pierling SJ, Wiktoria Śliwowska. Institutum Historicum Societatis Iesu, Rome, 2014. 371 s.
7. *Śliwowska, W.* W kręgu poprzedników Hercena. Wrocław, 1971. 364 s.
8. *Śliwowska, W.* Aleksander Hercen / Wiktoria i René Śliwowsky. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973. 670 s.
9. *Śliwowska, W.* Andrzej Płatonow / Wiktoria i René Śliwowsky ; [oprac. graf. Jan Bokiewicz]. Warszawa : Czytelnik, 1983. 169 s.
10. *Śliwowska, W.* Polscy zesłańcy polityczni na Syberii w pierwszej połowie XIX wieku. Mity i rzeczywistość / W. Śliwowska // Przegląd Wschodni. 1991. T. 1. Z. 2. S. 239 – 266.
11. *Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832-1855 (Królestwo Polskie)* : przewodnik biograficzny = Участники освободительного движения 1832-1855 годов (Королевство Польское) : биографический словарь / Włodzimierz A. Dżakow [et al.] ; Polska Akademia Nauk. Instytut Badań Literackich. Instytut Historii. Komitet Nauk Historycznych. Komitet Nauk o Literaturze Polskiej, Akademia Nauk SSSR. Instytut Slavjanovedenija i Balkanistiki. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydaw., 1990. 560 s.
12. *Śliwowska, W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku : słownik biograficzny / Wiktoria Śliwowska ; Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa : "DiG", 1998. 835 s.
13. *Śliwowska, W.* Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów - zesłańców postyczniowych : Wilno - Sybir - Wiatka - Warszawa / Wiktoria Śliwowska ; Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, Polskie Towarzystwo Heraldyczne. Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2000. 399 s.
14. *Śliwowska, W.* Ucieczki z Sybiru / Wiktoria Śliwowska. Warszawa : Wydawnictwo Iskry, cop. 2005. 444 s.
15. *Wystąpienie polskich katorżników na trakcie okołobajkalskim* : cztery relacje - Wilhelm Buszkat, Piotr Deręgowski, Adam Jastrzębski, Zygmunt Odrzywolski / do dr. przygot.

Anna Brus i Wiktoria Śliwowska ; przedm. opatrzyla Wiktoria Śliwowska. Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2007. 227 s.

16. *Dziennik syberyjski* / Julian Glaubicz Sabiński ; do dr. z rękopisu przygotowali Wiktoria i René Śliwowsy ; przedm. i przyp. opatrzyl Jan Trynkowski. Warszawa : Wydawnictwo Neriton : Instytut Historii PAN, 2009. T. 1. 518 s., T. 2. 508 s., T. 3. Indeks osób. 180 s.

17. *Powstanie styczniowe* : materiały i dokumenty. T. 1 – 25. Warszawa, 1961 – 1986.

18. *Dokumenty terenowych władz cywilnych Powstania Styczniowego 1862-1864 = Dokumenty povstančeskogo provincial'nogo upravleniâ 1862-1964* / [red. t. W. Djakow, S. Kieniewicz]. Wrocław [etc.] : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986. 375 s.

19. *Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim* : Gustaw Ehrenberg i "świętokrzyżcy" = Sodružestvo Pol'skogo Naroda v Korolevstve Pol'skom : Gustav Èrenberg i "sventokšičy" / [red. t. W. A. Djakow, S. Kieniewicz, W. Śliwowska ; do dr. przygot. W. A. Djakow et al.]. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. 477 s.

20. *Wolnomularstwo narodowe* : Walerian Łukasiński = Nacional'noe masonstvo : Valerian Lukasinskij / [red. t. Wiktoria Śliwowska] ; Instytut Historii PAN, Instytut Badań Literackich PAN, Archiwum Główne Akt Dawnych. Warszawa : Instytut Historii PAN : Wydawnictwo Neriton, 2014. 750 s.

21. *Tryptyk kazachstański* : wspomnienia z zesłania - Marian Papiński, rodzina Małachowskich, Lesława Domańska / wybór i oprac. Wiktoria Śliwowska, Małgorzata Giżejewska, Janusz Ankudowicz ; Archiwum Wschodnie, Instytut Studiów Politycznych PAN. Warszawa : ISP PAN ; Toruń : Adam Marszałek, 1992. 301 s.

22. *W stepach Kazachstanu* : wspomnienia z lat 1939-1946 / Anna Sobota ; [posł. i przypisami opatrzyla Wiktoria Śliwowska]. Wrocław : Wydaw. Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego ; Warszawa : Stowarzyszenie "Wspólnota Polska", 1993. 301 s.

23. *Przypadki XX wieku* : 20 lat na Wyspach Sołowieckich i Kołymie 1935-1955 / Walenty Woronowicz ; do druku przygotowały, wstępem i przypisami opatrzyły Wiktoria Śliwowska, Małgorzata Giżejewska. Warszawa : Instytut Historii PAN : "Gryf", 1994. 236 s.

24. *Dzieci holocaustu mówią...* T. 1 / do dr. przygot. Wiktoria Śliwowska ; posł. opatrzyl Jerzy Ficowski. Warszawa : Stowarzyszenie Dzieci Holocaustu w Polsce, 1993. 292 s.

25. *Czarny rok ... czarne lata ...* / oprac. i przypisami opatrzyla Wiktoria Śliwowska ; słowo wstępne Wiktorii Śliwowskiej i Katarzyny Meloch ; słowo końcowe Mariana Turskiego. Warszawa : Nakładem Stowarzyszenia Dzieci Holocaustu w Polsce, 1996. 520 s.

26. *Płacz po Warszawie* : Powstanie Warszawskie 1944 : dzienniki, świadectwa / oprac. Wiktoria Śliwowska, Janusz Marszałek, Artur Wodzyński. Gdańsk : Muzeum II Wojny Światowej, 2014. 212 s.

27. *Ejdelman, N. Łunin* - adiutant wielkiego księcia Konstantego / Natan Ejdelman ; przeł. Wiktoria i René Śliwowsy. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1976. 456 s.

28. *Ejdelman, N. Paweł I czyli Śmierć tyra*n / Natan Ejdelman ; przeł. Wiktoria i René Śliwowsy. Warszawa : Państw. Instytut Wydawniczy, 1990. 389 s.

29. *Morozowa, O. Bronisław Szwarce* / Olga Morozowa ; przeł.: Wiktoria i René Śliwowsy ; wstępem opatrzyla: Wiktoria Śliwowska. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydaw., 1982. 278 s.

30. *Sztakellberg, J. I. Pieczęcie powstańcze 1863-1864* / Jurij I. Sztakellberg ; przekł. autoryzowany Wiktorii Śliwowskiej ; przedm. poprzedził Stefan Kieniewicz ; tabl. pieczęci i il. do dr. przygotował Stefan K. Kuczyński. Warszawa : Państwowe Wydaw. Naukowe, 1988. 388 s.

31. *Botkin, W. Listy o Hiszpanii* / Wasilij Botkin ; tł., posł. i przypisami opatrzyla Wiktoria Śliwowska. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983. 321 s.

32. *Śliwowsy, W. i R. Rosja - nasza miłość* / Wiktoria i René Śliwowsy. Warszawa : Wydawnictwo Iskry, cop. 2008. 540 s.

W. Caban, S. A. Mulina

Professor Wiktoria Sliwowska - Researcher of the Russian history and polish exiles in Siberia. For the sixtieth anniversary of research work

Summary: The article examines the career of an outstanding expert on Russian history, Professor Wiktoria Sliwowska, and her contribution to the study of the history of polish exile.

Key words: Wiktoria Sliwowska, history of Russia, the Polish exile, history of Siberia in the XIX.

The Jan Kochanowski University (Żeromskiego St. 5, 25-369 Kielce; tel: +48 41 349 7306, e-mail: instytut.historii@ujk.edu.pl)

Omsk State Agrarian University named PA Stolypin (Institutskaya pl. 2, 644008, Omsk; tel: +7 (3812) 651146, e-mail: adm@omgau.ru)

УДК 94:324.264(=162.1)(571)

W. Caban

ROSJANIE I SYBIRACY O ZESŁAŃCACH POSTYCZNIOWYCH

Streszczenie: W niniejszym szkicu, na podstawie kilkudziesięciu wybranych pamiętników i listów zesłańców syberyjskich, próbuję szukać odpowiedzi na pytanie, jak postrzegała polskich zesłańców postyczniowych administracja rosyjska, społeczności rosyjskie miast i wsi przez które przechodzili polscy zesłańcy, lokalne społeczności syberyjskie, a także jaki był stosunek do Polaków ludów syberyjskich. Z przeanalizowanych pamiętników listów wynika, że liczba informacji o pozytywnym postrzeganiu polskich zesłańców przez Rosjan i społeczność syberyjską nie była wcale taka mała. Rzecz jednak w tym, że są to informacje jednostkowe, a do tego poczynione w różnych miejscach; na etapach części europejskiej Rosji i z pobytu na Syberii. W sumie więc nie pozwalają one na pełniejszą charakterystykę stosunku do polskich zesłańców. Nie będzie chyba z mojej strony zbytniego nadużycia jeżeli stwierdzę, że najgorzej Polacy byli traktowani w drodze na Syberię przez wszelkiego rodzaju konwojentów i służby więzienne. Rację miał przywoływany wielokrotnie W. Zapałowski, że gdyby te stanowiska powierzano osobom niezdeprawowanym to nie dochodziłoby do sytuacji, które nie powinny mieć miejsca.

Słowa kluczowe: pamiętniki polskie, Syberia, XIX wiek, polscy zesłańcy, stosunki polsko – rosyjskie.

W momencie przygotowywania wniosku do Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego o przyznanie projektu „Polscy zesłańcy na Syberii Zachodniej w oczach Rosjan i ludności syberyjskiej” zakładaliśmy, że główny materiał źródłowy do oświetlenia tego zagadnienia znajdziemy w archiwach i bibliotekach rosyjskich, zwłaszcza syberyjskich. Prawie roczna kwerenda archiwalna i biblioteczna nie przyniosła jeszcze spodziewanych rezultatów. Wiemy już, że w niewielkim stopniu możemy liczyć na materiał prasowy. Owszem, «Иркутские губернские ведомости», «Сибирь», czy «Сибирская жизнь» zamieszczały informacje o Polakach, ale mają one bardziej charakter informacyjny niżeli opisowy [1; 2; 3, s. 268 – 304]. Niewiele wzmianek można znaleźć w innych gazetach. Jak dotąd kwerendą został objęty «Си-

бирский Вестник политики, литературы и общественной жизни», czy prasa Cerkwi prawosławnej. Szczególną uwagę poświęcono piśmie «Томские Епархиальные Ведомости». Pierwsze pismo ukazywało się w latach 1885-1905 i zawierało bogate materiały ilustrujące życie społeczno-gospodarcze i kulturalne Syberii. Dla polskiego badacza szczególnie zainteresowanie budziła stała rubryka pod tytułem «kronika syberyjska». Niestety, nie odnaleźliśmy tam żadnej wzmianki dotyczącej Polaków. Dwutygodnik «Томские Епархиальные Ведомости» był organem tomskiej diecezji prawosławnej. Gazeta zamieszczała m. in. dokładne relacje o podróżach duszpasterskich biskupa tomskiego, w których znajdują się szczegółowe informacje o odwiedzanych parafiach (m.in. charakteryzujące ich społeczność pod względem religijnym), ale w żadnej z tych relacji nie ma wiadomości o Polakach-katolikach, a przecież biskup musiał się z nimi w jakiś sposób stykać.

Brak materiału prasowego może być zastąpiony przez pamiętniki Rosjan mających bezpośredni kontakt z polskimi zesłańcami. W dotychczas prowadzonych badaniach skupiliśmy się na szukaniu wspomnień Rosjan, którzy mieli kontakt z polskimi zesłańcami doby postycziowej. Plon tych poszukiwań nie jest wielki, ale odnalezione dotychczas źródła są niezwykle ciekawe i jest o tym mowa w referatach innych uczestników konferencji.

W tej sytuacji pytanie o stosunek Rosjan do Polaków postawiono pamiętnikom polskich zesłańców. Takie podejście do sprawy może budzić sporo wątpliwości. Z jednej strony dlatego, że pamiętnik jest nasycony subiektywizmem, bowiem pamiętnikarze wykazują skłonność do wysuwania siebie na pierwszy plan, a fakty i zdarzenia interpretują z perspektywy kilkunastu, a nawet kilkudziesięciu lat [Por.: 4]. Nadto jest to przekaz z drugiej ręki i to przekaz bardzo specyficzny, bo osoba będąca podmiotem obserwacji próbuje oceniać doznania obserwowanego.

Pamiętniki zesłańców, jak to lapidarnie określił Franciszek Nowiński, służą do odtworzenia szeroko rozumianej syberyjskiej zesłańczej epopei, ale ich treść jest na tyle bogata, że pozwalają na przygotowanie odpowiedniego szkicu dotyczącego obrazu społeczeństwa syberyjskiego lat 60. – 70. XIX wieku [5, s. 47; 6, s. 11 – 36]. Do podobnych wniosków dochodzili też wcześniej inni badacze, poczynając od Michała Janika, a następnie Wiktoria Śliwowska i Elżbieta Kaczyńska [7; 8; 9; 10].

W niniejszym szkicu, na podstawie 30 wybranych pamiętników i listów zesłańców syberyjskich próbuję szukać odpowiedzi na pytanie, jak postrzegała polskich zesłańców administracja rosyjska, społeczności rosyjskie miast i wsi przez które przechodzili polscy zesłańcy, lokalne społeczności syberyjskie, a także jaki był stosunek do Polaków ludów syberyjskich.

Zdecydowanie źle odnosili się do Polaków żołnierze obsługujący konwoje, żandarmeria i urzędnicy więzienni. Nie będę tu podawał tego typu przykładów bo wyjątkowo dużo na ten temat już napisano [11, s. 7 – 17; 12]. Niemniej jednak sporadycznie pojawiały się zapisy w pamiętnikach, że żandarmi byli bardzo grzeczni [13, s. 82], a Władysław Zapałowski o «smotrytelu» z koszar titowskich w Moskwie wyraził się nawet, że był on dla niego «najserdeczniejszym przyjacielem» [14, s. 87]. «Smotrytel» nazywał się Laszkowski, ale Zapałowski nic nie wspomina, by był polskiego pochodzenia. Z dozorcą więziennym na etapie w Tambowie zaprzyjaźnił się również Waclaw Lasocki, który szedł na zesłanie do Usola [15, s. 40]. Nadmienić jednakże trzeba, że o tego typu zachowaniach personelu więziennego wspominają tylko pamiętnikarze pochodzący ze szlachty ziemiańskiej. Obsługa więzienna doskonale zdawała sobie sprawę ze statusu społecznego poszczególnych więźniów maszerujących w partii powstańczej i wobec osób z warstw uprzywilejowanych zachowywała się powściągliwiej. Nie można też wykluczyć, że w przywołanych tu dwu przypadkach przyzwoite zachowanie obsługi więziennej mogło być skutkiem wręczenia łapówki. Mówiąc o negatywnym stosunku personelu więziennego trzeba dodać, że podobnie odnosił się on również do Rosjan zesłanych na Syberię za przestępstwa kryminalne, czy polityczne. Tego typu stanowiska powierzano ludziom o najniższym statusie społecznym, bardzo często z przeszłością

kryminalną. Oni zaś czerpali niejednokrotnie satysfakcję z tego, że mogli upodlić innych [15, s. 158]. Stąd zdaniem W. Zapałowskiego: «Posady «smotrytiela», nadzorców więźniów, winny być oddawane ludziom prawym, zacnym, z pewną inteligencją, a przede wszystkim ludziom z sercem, których by nie było jedynym zadaniem, jak dotąd, wzbogacanie się kosztem aresztantów, lecz którzy by w każdej chwili zwracali uwagę na postępki, prace i moralność ludzi pieczy i staraniu ich powierzonych».

Zupełnie inaczej postrzegali polskich zesłańców urzędnicy szczebla powiatowego, gubernialnego, czy nawet sami gubernatorzy. Na kartach pamiętników zesłańców postyczniowych najczęściej pojawiają się informacje o życzliwej postawie wobec Polaków w odniesieniu do gubernatora tobolskiego Aleksandra Despoty-Zenowicza, gubernatora Petersburga Aleksandra Wasiljewicza Suworowa, gubernatora Moskwy księcia Aleksieja Wasiljewicza Oboleńskiego i w pewien sposób do gubernatora Wschodniej Syberii Michaiła Siemionowicza Korsakowa.

Najwięcej pozytywnych opinii wypowiedziano pod adresem Despoty-Zenowicza, gubernatora tobolskiego w latach 1862 – 1863. Nie będziemy ich tu przytaczać, bo tej sprawie poświęcony jest odrębny referat. Wielu zesłańców przechodzących etapem przez Petersburg czy Moskwę doznało życzliwości tamtejszych generał-gubernatorów. Ks. Matraś zmierzający przez Petersburg na zesłanie do Tunki [16] był pełen uznania wobec zachowania się generał – gubernatora ks. Aleksandra Suworowa. Był on wnukiem feldmarszałka Aleksandra Suworowa, a urząd generał-gubernatora Petersburga sprawował w latach 1861 – 1866. Generał po wejściu do kazamaty, w której przebywał ks. Matraś ze swoimi współtowarzyszami niedoli, uprzejmie przywitał się ze wszystkimi i natychmiast zwrócił uwagę na zakutego w kajdany ks. Onufrego Syrvida, liczącego sobie już 60 lat. Kiedy ks. Syrwid objaśnił Suworowi, że decyzję zakucia go w kajdany wydał Michaił Murowiow. Suworow machnął ręką, dystansując się w ten sposób od działań wileńskiego generał-gubernatora i polecił natychmiast rozkuć ks. Syrvida. Pozwolił mu też zamienić aresztanckie ubranie na cywilne. Z kolei Edmundowi Kuszewskiemu polecił napisać prośbę do cesarza o zmniejszenie kary, deklarując w tej sprawie osobiste wstawiennictwo u monarchy. [E. Kuszewski był oficerem w armii carskiej i przez jakiś czas walczył pod rozkazami Suworowa na Kaukazie. W 1863 roku przeszedł na stronę powstańców. Dostał się do niewoli i został skazany na 12 lat ciężkich robót. Czy gen. Suworow podjął starania o zmniejszeniu kary dla swego byłego żołnierza trudno powiedzieć. Sam fakt, że zadeklarował mu swoją pomoc jest już czymś niezwykłym] Następnie Suworow zapytał, czy zesłańcy nie chcą wysłuchać mszy świętej i przystąpić do spowiedzi przed daleką podróżą. Wszyscy wyrazili ogromne zadowolenie z takiej propozycji i na drugi dzień generał przysłał do więzienia księdza katolickiego. Wreszcie pozwolił więźniom sprowadzać z miasta obiady i kolacje oraz palić papierosy i cygara, co było surowo zakazane [17, s. 103 – 105]. Niewykluczone, że ta swoistego rodzaju dobroć generała Suworowa była podyktowana chęcią naprawienia zła, jakie mieszkańcy Petersburga wyrządzili partii zesłańców, która przechodziła przez miasto z dworca kolejowego do pomieszczeń więziennych (do tej sprawy powrócę). Nie umniejsza to jednakże jego życzliwości w stosunku do polskich zesłańców [18, s. 276].

Potwierdzają się opinie pamiętnikarzy o przychylnym nastawieniu do polskich zesłańców księcia Oboleńskiego, generał-gubernatora Moskwy w latach 1861 – 1866. Pamiętnikarze są zgodni, że Oboleński i hr. Tatiszczew, jego urzędnik do specjalnych poruczeń, spełniali wszystkie życzenia więźniów [14, s. 67; 19, s. 299 – 300]. Dodać wypada, że Oboleński miał duszę filantropa, bo już po zakończeniu urzędowania w Moskwie i przeniesieniu się do Petersburga ze swoich środków utrzymywał stołówkę dla biednych mieszkańców Petersburga, a nadto przeznaczał odpowiednie fundusze na rozwój szkolnictwa żeńskiego.

Nie znajdziemy takich opinii w odniesieniu do Korsakowa, ale na ogół kiedy pamiętnikarze wspominają o nim to podkreślają, że spełniał on ich prośby. Były to co prawda prośby, które mieściły się w obowiązujących regulaminach, ale gubernator zawsze mógł

postąpić według swego uznania i kiedy przykładowo proszono o przysłanie księdza katolickiego do więzienia, mógł zawsze odpowiedzieć, że są duże problemy ze sprowadzeniem kapłana i więźniowie musieliby przyjąć to do wiadomości [5, s. 53; 17, s. 154; 20, s. 92 – 93]. Inną opinie o Korsakowie wyraża E. Kaczyńska [21, s. 129].

Negatywnie oceniano Nikołaja Piotrowicza Sinielnikowa, generał-gubernatora Wschodniej Syberii w latach 1871 – 1874, a wszystko wiązało się z tzw. sprawą Eichmillera. Warszawski rzemieślnik spoliczkował gubernatora podczas przeprowadzanej przez niego wizytacji budowy teatru w Irkucku. Eichmiller został rozstrzelany. Sinielnikow, jak wspomina jeden z pamiętnikarzy, nie skorzystał z prawa łaski mimo wielu prośb osobistości życia społeczno-kulturalnego Irkucka, w tym duchowieństwa prawosławnego [22, s. 49 – 51]. Inaczej postawę społeczeństwa Irkucka wobec zajścia z gen. Sinielnikowem widzi Feliks Zienkowicz, który w tym czasie przebywał na zesłaniu w Irkucku [23, s. 357 – 358; 24]. Zesłańcy uznali Eichmillera za bohatera, a gubernator irkucki zaczął być postrzegany jako jeden z największych wrogów Polaków i polskości. Na temat okoliczności spoliczkowania Sinielnikowa krążyły różne wersje, niemniej jednak nikt nie kwestionuje, że taki incydent miał miejsce, a Eichmiller został uznany wśród Polaków przebywających na zesłaniu do Syberii Wschodniej za bohatera [25, s. 70 – 71].

Zesłańcy na Syberię zwykle wyruszali tzw. etapem z Warszawy, Wilna, Żytomierza, czy Kijowa. Interesującym byłoby odtworzyć reakcje na ich przemarsz przez społeczności rosyjskie zamieszkałe na obszarach Litwy, Białorusi i Ukrainy, później z centralnych guberni Imperium Rosyjskiego, a następnie z obszarów syberyjskich. Z dotychczas przestudiowanych pamiętników i wspomnień wynika, że takie ustalenia nie są możliwe. Zesłańcy zatrzymując się na etapach, czy półetapach na obszarach Litwy, Białorusi, Ukrainy, czy nawet w centralnych guberniach Imperium Rosyjskiego jakoś tych kwestii specjalnie nie akcentowali. Pamiętnikarze przebywając na etapach lub półetapach na terenie Litwy, Białorusi czy Ukrainy najczęściej skupiali się na opisach pomocy jaką nieśli im rodacy [17, s. 91; 26, s. 163]. Nie oznacza to, że nie było żadnych problemów, ale w porównaniu z tym, co spotkało ich w Petersburgu, czy Moskwie, uznali po latach, pisząc wspomnienia, że należy się skupić na wydarzeniach, które najmocniej wryły się w pamięć od najgorszej lub najlepszej strony. Dysponujemy zatem opisami stosunku społeczeństwa rosyjskiego do «miatieżników» głównie z Petersburga, Moskwy i z ważniejszych miast syberyjskich. I trudno się temu dziwić, bo który z zesłańców, pisząc pamiętnik, nie chciał opisać wrażeń ze stolicy carów.

Z zachowanych opisów wynika, że zachowanie mieszkańców tych miast było zróżnicowane. Inaczej do sprawy podchodziły elity społeczne i inaczej przeciętny mieszkaniec, a miejska gawiedź na ogół zachowywała się prowokacyjnie. Trudno w ogóle kusić się o stwierdzenia, że przykładowo społeczeństwo Petersburga odnosiło się do Polaków bardzo niechętnie, czy wręcz wrogo, a zdecydowanie lepiej było w Moskwie, czy w miastach syberyjskich. Ten czy ów pamiętnikarz opisał tylko pewien incydent i na jego podstawie nie można zmierzać do jakichkolwiek uogólnień.

Trudno powiedzieć, czy każda partia powstańców prowadzona z dworca do więzienia była tak źle traktowana przez mieszkańców Petersburga, jak w przypadku partii, w której szedł ks. Matraś. W każdym razie mieszkańcy, których ks. Matraś nazwał «zbiegowiskiem», mało że wykrzykiwali najgorsze wyzwiska pod adresem Polaków, to jeszcze obrzucali ich błotem i kamieniami. «Zaledwie wkroczyliśmy w ulice, petersburscy kacapi i kacapki zbiegli się do nas ze wszystkich stron. Jedni z nich wrzeszczeli na całe gardło: Palaki miatieżniki, padleczy, sukiny syny, a do lessu! Drudzy ujawszy się rękami pod boki, tańczyli swego ulubionego kozaczka i śpiewali: Palaczki, duraczki, warnaczki, Warszawu prospali. Inni znów chwyтали błoto i kamienie i rzucali na nas maszerujących. Słowem, mówiąc, ten fantastyczny petersburski naród byłby nas wszystkich ukamienował wśród białego dnia w stolicy moskiewskich carów, gdyby w końcu konwojni żołnierze nie stanęli w naszej obronie i nie odpędzili kolbami zanadto

zbliżających się, rozwścieczonych kacapów» [17, s. 100]. To być może ten właśnie incydent spowodował wspomnianą już wizytę generała Suworowa w więzieniu, a jej celem było załagodzenie sytuacji.

Zdaniem W. Zapałowskiego zupełnie inaczej zachowywała się społeczność Moskwy. Kiedy partia zesłańców przybyła na dłuższy odpoczynek do koszar titowskich [koszary titowskie to nazwa budynków, w których wcześniej mieścił się zakład fabryczny należący do kupca moskiewskiego Titowa], to zesłańcom przez pewien czas pozwolono na śpiewanie pieśni patriotycznych. Wywołało to duże zainteresowanie mieszkańców Moskwy, którzy przychodzili pod okna koszar słuchać polskich pieśni. Do pomieszczeń więziennych dość regularnie przychodziły Polki, a także Rosjanki, które działały w tajnym Komitecie Polskim zajmującym się niesieniem pomocy więźniom. Dzięki ich zaangażowaniu zebrano wcale niemałe kwoty, które rozdawano najbardziej potrzebującym. Podczas kiedy w Petersburgu zesłańców przeprowadzano do stacji kolejowej pod silną osłoną żołnierzy, obawiając się napaści tłumów na polskich «buntowszczyków», to w Moskwie mamy do czynienia z czymś zupełnie innym. W. Zapałowski zaznaczył, że w drodze z więzienia do stacji Kolei Niżno-Nowogrodzkiej «spotkały nas sympatyczne spojrzenia, ukłony, pozdrowienia» [14, s. 88; 17, s. 115]. O przychylnym nastawieniu mieszkańców Moskwy wobec zesłańców wspomina także S. Matras. Jego zdaniem starowiercy (odłam prawosławia) często przybywali do więzienia i wręczali Polakom pieniądze i żywność. O czymś innym wspomina z kolei Jan Siwiński. Zapisał on: «Idąc ulicami Moskwy, widzieliśmy okropne rzeczy – widzieliśmy tych kacapów fanatycznych, tych bojarów, tę gawiedź i ten motłoch uliczny, który nas obrzucał błotem, kamieniami, który byłby nas rozszarpał i ukamienował, gdyby nie wojsko, które w zwartych idąc szeregach, broniło przystępu, a nawet kolbami musiało odpierać owe masy, które nas przeklinały, które nam złorzeczyły. Patriotyzm i fanatyzm, głupota i zwyrodnienie! Taka jest Moskwa!» [27, s. 34 – 35]. Wydaje się, że w większym stopniu zobiektywizowana jest opinia Zapałowskiego, który w koszarach titowskich przebywał przez pięć miesięcy i miał możliwość szerszych obserwacji zachowań społeczeństwa Moskwy. To wcale nie oznacza, że incydent opisany przez Siwińskiego nie miał miejsca lub został mocno przejawiony.

Na trasie do Niżnego Nowogrodu Zapałowski zatrzymał się na etapie we Włodzimierzu. W asyście żołnierza pozwolono mu zwiedzać miasto. W trakcie zwiedzania podchodzili do niego mieszkańcy, by uścisnąć mu dłoń i przekazać pozdrowienie. Jego zdaniem kobiety we Włodzimierzu darzyły Polaków szczególną sympatią, podkreślały, że to «umnyj naród i charoszaja nacja». Mieszczanki włodzimierskie w pewien sposób rozgrzeszały Polaków za wywołanie powstania zbrojnego, powiadając że Polacy postąpili tak tylko dlatego, że ich namówili «proklatyje francuzy» [14, s. 94]. Twierdzenie kobiet z Włodzimierza, że Polacy wystąpili przeciw Rosji za podpowiedzią Francuzów to zapewne echa propagandy «Московских ведомостей». To właśnie Michaił Katkow wmawiał społeczeństwu rosyjskiemu, że powstanie styczniowe jest «falszywą rewolucją» wywołaną przez międzynarodowy spisek.

W miejscach zesłania, zwłaszcza w miastach, w miarę szybko nawiązywano dobre stosunki. Zesłańcy pochodzenia szlacheckiego bardzo szybko wchodzili w kontakty z miejscowymi elitami, nawet urzędnikami, którzy faktycznie mieli nad nimi nadzór. Nie spotykamy też w pamiętnikach specjalnych narzekań na postawę prawosławnego duchowieństwa wobec polskich zesłańców. Bardzo często Polacy gościli u popów na uroczystościach rodzinnych.

Pamiętnikarze nie narzekają też na odnoszenie się do nich syberyjskiego chłopstwa. Jednakże do nawiązania właściwych relacji potrzeba było nieco więcej czasu. Najpierw ludność wiejska musiała się przekonać, że Polacy to też chrześcijanie. A to można było osiągnąć bardzo łatwo przez wykonanie znaku krzyża, czy pokazanie medalika z podobizną Matki Boskiej. Kolejnym etapem w zbliżeniu był poczęstunek wódką. Po tym już ustępowały podejrzenia wobec Polaków, że zjadają dzieci. Inny sposób zastosował Leon Krupecki zesłany do

Verchoturji. Pewnego razu na targu miasteczku podchmielone przekupki potraktowały go niegrzecznie podczas robienia zakupów. Następny raz na zakupy udał się dopiero wtedy, gdy zapuścił brodę. Przekupki uznały go wówczas za «swojego» [28, s. 29].

Więcej przeszkód należało pokonać, by zbliżyć się do rodowitych mieszkańców Syberii, chociażby Buriatów, ale i to się udawało. Największe sukcesy w tym zakresie odniósł Benedykt Dybowski, ale o tych sprawach nie będę wspominał, bo temu zagadnieniu jest poświęcony odrębny referat.

Na stosunek do Polaków niewątpliwie wpływała oficjalna propaganda, która Polaków przedstawiała w jak najgorszym świetle [29, s. 541 – 571; 30]. Ta propaganda docierała przede wszystkim do dużych ośrodków miejskich, zarówno w Rosji europejskiej jak i na Syberii, bo w małych skupiskach wiejskich nikt chyba «Московских ведомостей» nie czytał. Nie należy wykluczać, że kiedy, jak to pamiętnikarze określali, zbiegowisko zachowywało się wrogo wobec przechodzącej przez ulice poszczególnych miast partii zesłańców było ono inspirowane przez prowokatorów. Trudno sobie wyobrazić, by przekupka kijowska spontanicznie rzuciła się z nożem na Marię Morzycką-Obuchowską, zмирzającą na zesłanie do Usola [26, s. 163].

W pamiętnikach znajdujemy informacje wprost ukazujące zmianę postaw osób, które znajdowały się pod silnym wpływem szowinistycznej propagandy «Московских ведомостей». W. Zapałowski wspomina o 18-letniej córce generała rosyjskiego wychowanej w duchu nienawiści do polskości. Przybyła ona do koszar titowskich, by przekonać się, jakimi to złoczyńcami są ci Polacy, o których nasłuchiwała się w trakcie pobytu w Smolnym Monastyrze, elitarnej pensji żeńskiej w Petersburgu. Szybko zmieniła zdanie i z «zawziętej nieprzyjaciółki» stała się wielką orędowniczką sprawy polskiej [14, s. 77 – 78].

Innym przykładem przemiany jest bogaty kupiec z Usola. Nienawidził on Polaków do tego stopnia, że nie wpuszczał ich do swego sklepu. Polaków postrzegał tak, jak o nich pisano w «Московских ведомостях». W trakcie trwania powstania zabajkalskiego w 1866 roku (o ostatnich ustaleniach na temat powstania zabajkalskiego zob.: [31]) na łamach organu Katkowa pojawiły się informacje, że Polacy w czasie buntu na tzw. trakcie okołobajkalskim wyróżnili kozaków i innych mieszkańców Usola. Kiedy kupiec zorientował się, że to wszystko jest nieprawdą, bo w Usolu panuje spokój, przestał prenumerować «Московские ведомости» i zaczął okazywać Polakom sympatię [26, s. 211].

Analizując relacje pamiętnikarskie dość szybko dochodzi się do przekonania, że największym szacunkiem u Rosjan i ludności syberyjskiej cieszyli się lekarze i wszyscy ci, którzy udzielali prywatnych lekcji, chociaż jednych i drugich oficjalnie obowiązywał zakaz prowadzenia tej działalności. W przypadku lekarzy można mówić, że był to szacunek powszechny, zarówno ze stron rosyjskich elit, jak i ludności syberyjskiej, nie wyłączając tubylców.

Do lekarzy zesłanych do Usola przybywali Rosjanie z odległych stron Syberii Wschodniej. Autorytet budowali sobie z jednej strony dlatego, że udzielali pomocy wszystkim potrzebującym, niezależnie od pozycji społecznej i materialnej, a z drugiej dlatego, że nie pobierali żadnej zapłaty. Największym poważaniem cieszył się Józef Łagowski, który był skazany na 6 lat katorgi. Po jego śmierci w pogrzebie uczestniczył niemal cały Irkuck. F. Zienkowiec zanotował: «Przez trzy dni tłok był nieustanny około tych zwłok przybysza – wygnańca, a miejscowem zwyczajem cisnęła się do ucałowania zimnej jego ręki ciżba tak różnolita, jak różnostronną była działalność zmarłego, jak różnostronną była działalność zmarłego. Magnaci miejscowi i tłum biedoty stawali tu obok siebie, i zarówno Rosjanie, Żydzi, Tatarzy, Buriaci płakali nad tym zmarłym Polakiem. Pogrzeb miał taki jakiego dawno nie widziano w Irkucku» [23, s. 343].

Polak – prywatny nauczyciel to zjawisko bardzo częste od zsyłek okresu międzypowstaniowego [32; 33, s. 51 – 76]. Dla zesłańców uzyskanie posady nauczyciela domowego, czy może lepiej korepetytora dzieci urzędników, kupców, a nawet wysokich rangą oficerów rosyjskich było korzystne z dwu powodów. Po pierwsze za tego typu prace otrzymywali

wynagrodzenie, które przeznaczali na poprawienie swego zesłańczego losu. Po drugie zaś pełniąc te obowiązki czuli się potrebnymi, a dzień mieli zajęty, jak Feliks Zienkowicz, od rana do wieczora. Pracując, ciesząc się postępami swych uczniów, zarazem łagodniej znosili syberyjską zsyłkę. Zawsze też spotykały ich dowody wdzięczności, które i cieszyły i zarazem nieco kępowały. Leon Zienkowicz w 1876 roku uczył dzieci aż w trzech domach zamożnych mieszkańców irkuckich. O wdzięczności kupca Mikołaja Iwanowicza Jarusowa napisał: «(...) zna się na rzeczy і благодарность умеет. W przeszłym roku поднес mi w imieniu synów piękny zegarek złoty, po odbytych zaś w tym roku egzaminie – gruby łańcuch do niego, że i psa na nim utrzymać by można (...) miłe mi są one, świadczą bowiem (jak całe zresztą jego zachowanie się), że prace moją ocenić umie i po swojemu wdzięczność okazać stara się. Obrażać mię to nie może, boć widzę przecie, że prosty ten i dobry w gruncie człowiek na wszelkie sposoby szacunek mi swój okazuje i nikomu chyba niżej się nie kłania(...)» [23, s. 368 - 369].

Z przeanalizowanych pamiętników i listów wynika, że liczba informacji o pozytywnym postrzeganiu polskich zesłańców przez Rosjan i społeczność syberyjską nie była wcale taka mała. Rzecz jednak w tym, że są to informacje jednostkowe, a do tego poczynione w różnych miejscach; na etapach części europejskiej Rosji i z pobytu na Syberii. W sumie więc nie pozwalają one na pełniejszą charakterystykę stosunku do polskich zesłańców. Nie będzie chyba z mojej strony zbyt dużym nadużyciem jeżeli stwierdzę, że najgorzej Polacy byli traktowani w drodze na Syberię przez wszelkiego rodzaju konwojentów i służby więzienne. Rację miał przywoływany wielokrotnie W. Zapałowski [14, s. 158], że gdyby te stanowiska powierzano osobom niezdeprawowanym to nie dochodziłoby do sytuacji, które nie powinny mieć miejsca. Zachowania służb więziennych, smród, brud, robactwo i towarzystwo kryminalistów wszystko to razem można było porównać tylko do dantejskiego piekła.

Spis Literatury:

1. *Jędrzychowska, B.* Obraz polskich zesłańców w „Irkuckich Wiadomościach Gubernialnych” (1863 – 1873) / *B. Jędrzychowska // Przegląd Wschodni.* 5 (1998). Z. 1. S. 141 – 156.
2. *Niebelski, E.* Irkucka gazeta „Sibir” o Polakach zesłańcach w 1883 roku / *E. Niebelski // Syberia infernalna – mity i oblicza rzeczywistości*, red. M. Cwenk przy współpracy J. Trynkowskiego. Lublin, 2014. S. 37 – 44.
3. *Островский, Л. К.* Поляки в Западной Сибири в конце XIX - первой четверти XX века: дис... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 776 с.
4. *Cieński, A.* Z dziejów pamiętników w Polsce / *Andrzej Cieński.* Opole : Wydaw. Uniwersytetu Opolskiego, 2002. 223 s.
5. *Nowiński, F.* Społeczność Syberii we wspomnieniach powstańców styczniowych / *Franciszek Nowiński // Unifikacja za wszelką cenę : sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku : studia i materiały / pod red. Andrzeja Szwarca i Pawła Wieczorkiewicza ; Instytut Historyczny Uniwersytetu Warszawskiego.* Warszawa : Wydaw. DiG, 2002. S. 47 – 70.
6. *Nowiński, F.* Sybiracy i polscy zesłańcy w pamiętniku Benedykta Dybowskiego / *Franciszek Nowiński // Zesłaniec.* 2014. № 58. S. 11-36.
7. *Janik, M.* Dzieje Polaków na Syberji : z 23 ilustracjami / *Michał Janik ; [posł. napisali Antoni Kuczyński i Zbigniew Wójcik].* Wrocław : Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1991. 472 s.
8. *Śliwowska, W.* Polscy zesłańcy polityczni na Syberii w pierwszej połowie XIX wieku. Mity i rzeczywistość / *W. Śliwowska // Przegląd Wschodni.* 1991. T. 1. Z. 2. S. 239 – 266.
9. *Kaczyńska, E.* Syberia : największe więzienie świata : (1815-1914) / *Elżbieta Kaczyńska.* Warszawa : Gryf, 1991. 384 s.
10. *Cybulski, M.* Rosja i Rosjanie w pamiętnikach Polaków (1863-1918) / *Marcin Cybulski.* Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Semper, 2009. 257 s.

11. *Załączny, J.* Syberyjskie losy powstańców styczniowych w świetle pamiętników / J. Załączny // *Zesłaniec*. 2013. № 57. S. 7 – 17.
12. *Trynkowski, J.* Śmietanka do kawy...czyli życie codzienne na etapie. (Rachunki etapowe Irkuck – Wielki Nerczyński Zakład, II – IV 1840 r.) / J. Trynkowski // *Almanach Historyczny*. T. 16. Wydawnictwo UJK (w druku).
13. *Pamiętnik* Bronisławy z Lubiczanowskich Chomskiej z zesłania w guberni ołonieckiej w latach sześćdziesiątych i siedemdziesiątych XIX wieku // *Na nieznanne losy. Pomiędzy Ołońcem a Jadryniem. Dwa pamiętniki z zesłania po powstaniu styczniowym*, opr. A. Brus, Warszawa, 1999. S. 58 – 136.
14. *Zapałowski (Płomień), W.* Pamiętniki Władysława Zapałowskiego (Płomienia) z roku 1863-1870. T. 2 / z przedm. Kazimierza Bartoszewicza. Wilno : nakł. Tow. Udz. "Kurjer Litewski", 1913. 256 s.
15. *Lasocki, W.* Wspomnienia z mojego życia. T. 2. Na Syberji / Wacław Lasocki ; przyg. do dr. Michał Janik i Feliks Kopera. Kraków : nakł. Gminy Stoł. Król. Miasta Krakowa, 1934. 362 s.
16. *Niebelski, E.* Tunka : syberyjskie losy księży zesłańców 1863 roku / Eugeniusz Niebelski. Wrocław : Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2011, 394 s.
17. *Matraś, S.* Podróż do Syberii po moskiewskich etapach w 1863 i 1864 roku / Stanisław Matraś ; oprac. i wstępem opatrzył Eugeniusz Niebelski. Lublin : Werset, 2008. 411 s.
18. *Borowski, K. R.* Wspomnienia powstańca i Sybiraka z 1863 roku / K. R. Borowski // *Między Kamieńcem i Archangielskiem : dwa pamiętniki powstańców z 1863 roku* / Zygmunt Starorypiński, Konstanty Borowski ; oprac. Stefan Kieniewicz. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1986. 413 s.
19. *Jastrzębiec – Zielonka, L.* Wspomnienia z Syberji od r. 1863 – 1869. Obrazki z katorgi. Lwów, 1886. 302 s.
20. *Dybowski, B.* Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów : Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. 623 s.
21. *Kaczyńska, E.* Stosunek do zesłańców i stosunek między zesłańcami / E. Kaczyńska // *Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815-1914* / Anna Brus, Elżbieta Kaczyńska, Wiktoria Śliwowska ; Wydział Profilaktyki, Resocjalizacji i Problemów Społecznych, Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa : Wydaw. Naukowe PWN, 1992. S. 124 – 147.
22. *Czernik, W.* Pamiętnik weterana : 1864 r. / Wandalin Czernik. Wilno, 1914. 87 s.
23. *Jędrychowska, B.* Wszystkim obcy i cudzy : Feliks Zienkowicz i jego listy z Syberii 1864-1881 / Barbara Jędrychowska. Wrocław : Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, 2005. 443 s.
24. *Kartki z życia wygnańców polskich na Syberii. Sprawa Ejchmillera.* Kraków, 1880. 32 s.
25. *(Ostoja) Samborski, H.* Wspomnienia z powstania 1863 i pobytu na Syberji / Henryk (Ostoja) Samborski. Warszawa : nakł. Księgarni W. Jakowickiego, 1917. 126 s.
26. *Morzycka-Obuchowska, M.* Pamiętniki / M. Morzycka-Obuchowska // *Klijanienko – Pieńkowski J.* „Pan Pieńkowski? Da, oni żili zdieś...” Wołyń, Syberia, Nałęczów, losy ziemiaństwa na podstawie dokumentów rodzinnych. Stalowa Wola, 2012. 493 s.
27. *Siwiński, J.* Katorżnik czyli Pamiętniki Sybiraka / napisane przez Jana Siwińskiego. Kraków : Spółka Wydawnicza Polska, 1905. 129 s.
28. *Krupecki, L.* Listy zesłańca na Sybir : 1863-1865 / Leon Krupecki ; oprac. Elżbieta i Adam Jakaccy. Tarnów : Oficyna Wydawnicza "Witek - Druk", 1998. 70 s.
29. *Śliwowska, W.* Petersburg i społeczeństwo rosyjskie wobec kwestii polskiej w przededniu i w czasie powstania styczniowego / W. Śliwowska // *Powstanie Styczniowe : 1863-1864 : wrzenie, bój, Europa, wizje* / pod red. Sławomira Kalembki ; [przedm. Stefan Kieniewicz]. Warszawa : Państwowe Wydaw. Naukowe, 1990. S. 541 – 571.
30. *Głębocki, H.* "Co zrobić z Polską" : kwestia polska w koncepcjach konserwatywnego nacjonalizmu Michała Katkowa / Henryk Głębocki. Warszawa, 1998. 889 s.
31. *Wystąpienie* polskich katorżników na trasie okołobajkalskim : cztery relacje -

Wilhelm Buszkat, Piotr Deręgowski, Adam Jastrzębski, Zygmunt Odrzywolski / do dr. przygot. Anna Brus i Wiktoria Śliwowska ; przedm. opatrzyła Wiktoria Śliwowska. Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2007. 227 s.

32. *Śliwowska, W.* Udział Polek – zesłańców oraz dobrowolnych wygnańców w rozwoju oświaty i kultury muzycznej na Syberii / W. Śliwowska // Materiały IV Symposium Biografistyki Polonijnej : Wiedeń, 1-2 września 1999 : Losy Polek żyjących na obczyźnie i ich wkład w kulturę i naukę świata : historia i współczesność / pod red. Agaty i Zbigniewa Judyckich ; [org. symposium: Zakład Biografistyki Polonijnej PUNO, Stacja Naukowa PAN w Wiedniu, Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Kielcach]. Lublin : Wydaw. Czelej, 1999. S. 306 – 311.

33. *Jędrzychowska, B.* Polscy zesłańcy na Syberii (1830-1883) : działalność pedagogiczna, oświatowa i kulturalna / Barbara Jędrzychowska. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. 240 s.

W. Caban

Russians and Siberians about Polish exiles of the January Uprising

Summary: In this sketch, based on dozens of selected diaries and letters of Siberian exiles, I try to look for an answer to the question of how the Russian administration, the Russian community of towns and villages passed by Polish exiles and Siberian communities perceived exiles of January Uprising and what was the attitude towards Poles of Siberian people. Analyzed diaries and letters show that the number of positive perceptions about Polish exiles by the Russians and the Siberian community was not so small. However, the point is that those are separated information's and found in different locations on the stages of the European part of Russia, and in Siberia. All in all, they do not allow for a more complete characterization with respect to Polish exiles. It will not be too much for me to abuse in saying that Poles were treated the worst on the way to Siberia by all sorts of mates and the prison service. Zapalowski W. was right when he invoked repeatedly that if these positions were entrusted to not depraved persons it would not lead to a situation that should not have happened.

Key words: Polish memoirs, Siberia, XIX century, the Polish exiles, Polish – Russian relations.

The Jan Kochanowski University (Żeromskiego St. 5, 25-369 Kielce; tel: +48 41 349 73 06, e-mail: instytut.historii@ujk.edu.pl)

УДК 94:343.264(571.1):82

F. Nowiński

DEKABRYŚCI Z SYBERII ZACHODNIEJ W LITERATURZE ROSYJSKIEJ I POLSKIEJ, RELACJE Z POLAKAMI

Streszczenie: Kontakty Dekabrystów z Polakami na Syberii Zachodniej były możliwe przez fakt, że pobyt tych pierwszych na zesłaniu zbiegł się w czasie z zesłaniami Polaków po powstaniu listopadowym. Baza źródłowa na ten temat jest olbrzymia, a i literaturę traktującą o tej problematyce można uznać za bogatą. Prym w badaniach wiodą historycy syberyjscy. Polscy

historycy zaś zainteresowani byli tematem Dekabrystów o tyle, o ile wiązał się on z losami polskich zesłańców.

Słowa kluczowe: Dekabryści, polscy zesłańcy, Syberia, XIX wiek, historiografia polska i rosyjska, pamiętniki.

Pobyt dekabrystów na syberyjskim zesłaniu i syberyjskie losy działaczy polskich ruchów niepodległościowych okresu międzypowstaniowego to problemy, które wciąż znajdują się w kręgu zainteresowań przynajmniej części historyków polskich i rosyjskich. Problematyka obydwu wątków zesłańczych, ściśle się z sobą wiąże i dlatego prowadzone na ten temat badania wymagają jeżeli nie współpracy, to przynajmniej okresowej wymiany informacji. Przypadać musi, że pod względem ilościowym, dorobek historyków rosyjskich na temat pobytu dekabrystów na Syberii jest imponujący. Różna baza źródłowa, będąca do dyspozycji historyków w Polsce i Rosji, wpływa na kierunki badań oraz sposób i metodologię podejścia do tego zagadnienia. Z naturalnych i oczywistych powodów, wiodąca rola w tych badaniach przypada historykom syberyjskim. Dysponują oni tak bogatym materiałem źródłowym, że jeszcze przez dziesięciolecie nie zostanie on wyczerpany. Polscy historycy mają pod tym względem znacznie skromniejsze możliwości. Są to przede wszystkim źródła pamiętnikarskie, będące niezbędnym uzupełnieniem materiałów urzędowych z archiwów syberyjskich. Dlatego chociażby z tego powodu, celowe są wspólne spotkania i konferencje, na których można byłoby ocenić dotychczasowe rezultaty i nakreślić kierunki dalszych badań.

Wskazać wiodący ośrodek badań zesłańczych na Syberii byłoby trudno. Z dotychczasowego przeglądu dorobku wynika, że najwcześniej skoordynowane i ukierunkowane badania nad zesłaniami syberyjskimi prowadziły dwa ośrodki: Irkuck i Nowosybirsk. Rezultaty swoich badań publikowano drukiem i dzięki temu szybko wchodziły one do obiegu naukowego. W Irkucku na uwagę zasługują dwie serie wydawnicze: pierwsza zatytułowana «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)», której pierwszy tom ukazał się drukiem w 1973 r. i «Сибирь и декабристы» wydawana od 1978 r. Nowosybirsk zainicjował organizowanie dużych konferencji, na temat zesłań politycznych w XIX w. Pierwsza odbyła się w październiku 1982 r., druga w czerwcu 1984 r., a w kolejnych latach następne. Zaprezentowane na nich materiały były publikowane drukiem [1; 2]. Wyliczyć wszystkie znaczące ośrodki badawcze w chwili obecnej, byłoby zadaniem trudnym, wręcz niemożliwym, ale nie można pominąć chociażby Omska. Na uwagę zasługuje jeszcze pewien ewenement przy badaniach zesłań syberyjskich. Chodzi o bogaty dorobek badawczy muzeów krajoznawczych. Są to najczęściej badania lokalnej historii i jej bohaterów, ale – połączone w całość – stanowią cenne uzupełnienie badań akademickich. W Polsce badania nad zesłaniami syberyjskimi w XIX w. miały bardziej całościowy charakter, bez wyróżniania którejkolwiek grupy. Podobnie jak dla Rosjan losy polskich zesłańców, dla Polaków losy dekabrystów były o tyle istotne, o ile wiązały się z polskimi zesłaniami. Centrum badawczym tej problematyki stała się pracownia pod kierunkiem Wiktorii Śliwowskiej, działająca w Instytucie Historii PAN w Warszawie. Z dotychczasowych rezultatów badawczych na uwagę zasługuje tzw. «zielona seria» i fundamentalny słownik biograficzny zesłańców [3; 4; 5; 6; 7]. Swój udział w tych wydawnictwach mają także historycy rosyjscy. W ostatnim czasie na nowe ośrodki badań syberyjskich wyrosły Kielce i Toruń. Omawianie i charakteryzowanie chociażby najważniejszej literatury wymagałoby odrębnej rozprawy i dlatego od razu przejdę do poruszenia wybranej problematyki.

Pobyt dekabrystów na syberyjskim zesłaniu zbiegł się w czasie z masowymi zesłaniami Polaków po powstaniu listopadowym. Można więc przyjąć, że interesującym nas okresem jest drugie ćwierćwiecze XIX w., chociaż końcową cezurę trzeba przesunąć na drugą połowę lat pięćdziesiątych. Samo pojęcie «polscy zesłańcy polityczni» jest stosunkowo jednoznacznie i szeroko rozumiane, może więc dlatego nie budzi większych zastrzeżeń. Obejmuje ono zarówno

uczestników powstania listopadowego jak i organizacji konspiracyjnych, działających w okresie międzypowstaniowym. Pewne nieścisłości nasunęły mi się jednak w związku z rosyjskimi zesłańcami. Czytając tekst Olgi Talskiej na temat korespondencji Aleksandra Briggena, zwróciłem uwagę na jego interpretację pojęcia «dekabrysta». Autorka omawiając treść zatrzymanych w III Oddziale listów dekabrysty, przytacza m.in. jeden z nich pisany do córki w 1845 r. Briggen, który był już wtedy na osiedleniu w Kurganie stwierdził, że zaliczenie go przez ministra wojny Aleksandra Czernyszowa do powstańców «z 14 grudnia», czyli osób biorących udział w powstaniu na Placu Senackim jest nieprawdziwe. W tym dniu znajdował się «ponad 1000 wiorst od Petersburga» [8; s. 102] i dlatego nazywanie go dekabrystą jest nieuzasadnione. Briggen twierdził, że nie był jedynym, który tak rozumiał i interpretował używane w korespondencji urzędowej określenie. Wielu oskarżonych, którzy nie byli bezpośrednimi uczestnikami wypadków na Placu Senackim i buntu w Pułku Czernichowskim, nawet po powrocie z zesłania, nie uważali za właściwe nazywać się dekabrystami. Jest to niewątpliwie szczegół, może nawet mało istotny, ale na obecnym etapie badań, pojęcie «dekabryści» nie powinno już budzić żadnych zastrzeżeń. W tej sytuacji, być może bardziej celowe będzie dokonanie rozróżnienia na bezpośrednich uczestników wystąpień, czyli właściwych dekabrystów i szeroko rozumiane środowisko ludzi podzielających poglądy spiskowców i sprzyjających ich planom.

Podobny problem jest z zaliczeniem lub wykluczeniem konkretnych organizacji do ruchu dekabrystowskiego. Odrębności polskiego Towarzystwa Patriotycznego nikt raczej nie kwestionuje, chociaż istniały wzajemne kontakty i prowadzono rozmowy o współdziałaniu. Jasna też była pozycja i przynależność organizacyjna Stowarzyszenia Zjednoczonych Słowian, które jesienią 1825 r. połączyło się przynajmniej formalnie z Towarzystwem Południowym. Niejasności mogą się natomiast pojawić z określeniem przynależności członków tajnego Towarzystwa Przyjaciół Wojskowych w Samodzielnym Korpusie Litewskim. Skład organizacji był wielonarodowy, chociaż większość stanowili Polacy. Ich wystąpienie było bliskie w czasie z dekabrystowskim, miało ono miejsce po wypadkach w stolicy i przed buntem na południu. Śledztwo przynajmniej formalnie nie wykazało związków z dekabrystami, ale istniały związki ideowe z szeroko rozumianym ruchem dekabrystowskim. Nie ujawniono jego powiązań z polskim Towarzystwem Patriotycznym. W ocenie Olgi Talskiej, dla władz syberyjskich byli to przestępcy państwowi z Polski, ale hrabia Aleksiej Orłow zaliczał ich do dekabrystów. Wnikliwy badacz zesłańczych losów Polaków Włodzimierz Dżakow, podzielał poniekąd pogląd Orłowa, gdyż też zaliczał ich do dekabrystów [9; 10; 11, s. 55]. Na terenie Syberii Zachodniej znalazła się czwórka spiskowców z tej grupy: Ludwik Wroński, Jan Wysocki oraz bracia Feliks i Karol Ordyńscy. Latem 1827 r. wysłano ich z Tobolska do Omska, ale wkrótce Wrońskiego przeniesiono do Pietropawłowska, a Wysockiego wysłano do Ust'-Kamienogorska. W 1829 r. cała czwórka skierowana została do Semipałatyńska, a w styczniu 1830 r. przeniesiono ich do służby w syberyjskich batalionach liniowych: Wrońskiego do batalionu nr 2 w Twierdzy Priesnowskaja, Wysockiego do nr 3 w Pietropawłowsku, a Ordyńskich do nr 8 w Semipałatyńsku [3, s. 435 – 436, 684, 687].

Rozmieszczenie poszczególnych kategorii zesłańców politycznych i państwowych na Syberii, było przynajmniej teoretycznie podporządkowane określonej polityce władz centralnych. Najbardziej ogólnie rzecz ujmując można stwierdzić, że centrum katorgi w XIX w. mieściło się na terenie Syberii Wschodniej, a osiedleńców rozmieszczano w obydwu generał-gubernatorstwach. Zakłady katorżnicze znajdowały się także na terenie Syberii Zachodniej, ale pracowali w nich głównie zesłańcy określani mianem kryminalnych. Paweł Roszczewski wskazał, że w guberni tobolskiej były to głównie gorzelnie i wymienił je: Bogotolska, Krasnorieczenska, Padunska, Pietrowska, Borowlanska, Jekatierininska, Uspienska, Jertarska, Kiriejewska [12, s. 3]. Jednak i w tym wypadku, praktyka realizowana przez władze syberyjskie, nie zawsze pokrywała się z wytycznymi władz centralnych, a już na pewno nie

zawsze była stosowana wobec Polaków. O ile dekabryści na katorgę kierowani byli do Syberii Wschodniej, to Polacy odbywali karę ciężkich robót także na terenie Syberii Zachodniej. Przykładem mogą być losy Rafała Błońskiego i Rufina Piotrowskiego, przypisanych do gorzelnii Jekateryńskiej koło Tary. Innym przejawem niekonsekwencji była karna służba wojskowa, która wobec dekabrystów była oficjalnie złagodzeniem kary i «carskiej łaski». Spiskowców z 1825 r. kierowano głównie do walki z góralami na Kaukazie, a powstańców listopadowych do syberyjskich batalionów liniowych. Większość z nich rozmieszczona była na terenie Syberii Zachodniej z ośrodkami dowodzenia w Orenburgu, Omsku i Tobolsku. Nie było więc rzeczą przypadku, że pierwszy antyrządowy spisek Polaków zesłanych na Syberię do karnej służby wojskowej, miał miejsce w Omsku. Spisek omski stał się szczególnym przedmiotem badań Aleksego Nagajewa, świadczy o tym chociażby ilość pozycji bibliograficznych [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23]. Michał Janik twierdził, że w samym tylko Omsku było około 800 polskich żołnierzy i chociażby z tego powodu chętnych do buntu nie trzeba było szukać. Zygmunt Librowicz podał szacunkowe dane od Rufina Piotrowskiego, że «na sto ludzi garnizonu było 20 Polaków». Z badań Wiesława Cabana wynika, że w Samodzielnym Korpusie Syberyjskim i Orenburskim znajdowało się łącznie około 2,8 tys. polskich jeńców. Różnie tłumaczy się nazwę «otdzielny» korpus, najczęściej jako «samodzielny», ale także jako «specjalny». W literaturze historycznej wydarzenia w Omsku określa się różnymi pojęciami: «romantyczny rokosz», spisek, próba zbiorowej ucieczki [19, s. 150; 24, s. 116; 25, s. 92, 175 – 176]. Służba wojskowa Polaków, zarówno ta karna jak i ze zwykłego poboru, to jednak odrębny problem, w niewielkim stopniu wiążący się z interesującym nas zagadnieniem.

Liczba zesłanych na Syberię dekabrystów, została w literaturze historycznej stosunkowo dokładnie określona. Od samego początku badań oscylowała ona wokół 120 osób, a ostatnio podawana przez Tamarę Piercową cyfra to 124 jest już chyba ostateczną i optymalną. Według jej obliczeń, 96 osób zesłanych zostało na katorgę do wschodniej Syberii, reszta skazana była na bezterminowe osiedlenie i służbę wojskową w garnizonach syberyjskich. W tej ostatniej grupie znajdowały się osoby przebywające właśnie na terenie Syberii Zachodniej. Próba określenia liczby Polaków zesłanych na Syberię w tym okresie, okazała się praktycznie niemożliwa. Michał Janik, który miał do swojej dyspozycji bogaty zestaw pamiętników, górną granicę zesłańców dla całej Syberii określił na 60 tysięcy. Dla uściślenia tej informacji, powołał się na ukaz Mikołaja I z 26 lutego 1832 r., w którym była mowa o tym, że do służby wojskowej na Syberię należy wysłać «co najmniej 20 tysięcy». Liniowe bataliony syberyjskie, w których mieli zostać rozmieszczeni, stacjonowały w latach trzydziestych głównie w Syberii Zachodniej. Liczbę ludności cywilnej określił na około 12 tysięcy, tyle przynajmniej podał w dzienniku Julian Sabiński, powołując się na słowa ks. Dezyderiusza Haciskiego [26; 19, s. 115; 27, s. 430]. Niezależnie więc od tego, na ile określimy liczbę polskich zesłańców w zachodniej Syberii i nawet jeżeli wyłączymy jako osobny problem żołnierzy, są to tysiące, podczas gdy zesłańców rosyjskich będziemy mieli kilkudziesięciu.

Pierwsza grupa rosyjskich spiskowców, dla których osiedlenie było karą podstawową, przybyła do Tobolska w 1826 r. i została rozmieszczona następująco: Andriej Szachiriew do Surgutu, Iwan Focht do Bieriozowa, Wasilij Wranickij do Pełymu, Nikołaj Mozgalewskij do Narymu, Stiepan Siemionow do Omska. W 1827 r. dotarli na osiedlenie do zachodniosyberyjskiej stolicy kolejni zesłańcy: Andriej Furman wysłany następnie do Kondinskoje, Osip-Julian Gorskij do Bieriozowa, Aleksandr Briggen do Pełymu, a w 1828 r. Flegont Baszmałow do Tary. Przejeżdżając w kwietniu 1827 r. przez Tobolsk, Briggen dobrze wspominał ówczesnego gubernatora Dmitrija Bantysz-Kamińskiego, który dbał o miasto, rzemiosło, tamtejszą ludność i pomagał zesłańcom. Przeprowadzona w 1828 r. rewizja senatorska dopatrzyła się jednak jakichś nieprawidłowości, wszczęto więc w Petersburgu śledztwo ciągnące się do 1834 r. Jałutorowski urzędnik Kapiton Gołodnikow, oceniał jako

pozytywny stosunek ówczesnych dygnitarzy syberyjskich do zesłańców. Zarówno obydwaj syberyjscy generałowie-gubernatorzy – Piotr Gorczakow i Wilhelm Rupert, jak i jadący na rewizję senatorską do wschodniej Syberii hr. Iwan Tołstoj przyjmowali u siebie i spotykali się z przestępcami państwowymi. Gorczakow w 1846 r. załatwił nawet Gołodnikowowi przeniesienie na służbę do Kurganu [28, s. 753 – 761].

Najbardziej uciążliwe było osiedlenie nad dolnym Obem, na dodatek pojedynczo. Przykładem było wysłanie Aleksieja Czerkasowa do Bieriozowa (1830-1833), Furmana do Kondinskoje (1830-1835), Aleksandra Briggena do Pełymu (1830-1836) i drugi raz do Turyńska (1850-1855), Siemionowa do Turyńska (1830-1836), Baszmakowa do Tary (1828-1838). Do późniejszych samotnych osiedleńców należeli: Aleksandr Odojewski w Iszymie (1836-1837), Władimir Szejngel w Iszymie (1837-1840) a później w Tarze (1843-1851), Gawriił Batien'kow w Tomsku (1846-1856). Najdłużej, bo 19 lat w samotności mieszkał chłop-dekabrysta Paweł Wygodowski (wł. Doncow) w Narymie (1836-1854) i w tomskim więzieniu (1854-1855). W połowie lat trzydziestych XIX w., większość dekabrystów, w wyniku ułaskawień i sukcesywnego skracania okresu katorgi, przenoszona była na osiedlenie. Dla zwalnianych z katorgi dekabrystów, przeniesienie na osiedlenie nie oznaczało końca kary. Nadal pozostawali zesłańcami, chociaż ich sytuacja prawna zaczęła się zmieniać na lepsze. Część byłych katorżników pozostała na terenie wschodniej Syberii, część przeniesiono do Syberii Zachodniej. W wyniku tego, do pierwszych 8 zachodniosyberyjskich osiedleńców dołączyło 31 nowych osób z Syberii Wschodniej. Jako ostatni przybył na osiedlenie w 1846 r., wprost z Twierdzy Pietropawłowskiej do Tomska, Gawriił Batien'kow [29, s. 54; Tomsk nie cieszył się popularnością w środowisku dekabrystów i chyba dlatego były tam na osiedleniu jedynie trzy osoby].

Dalsza zmiana polityki władz wobec osiedlonych już dekabrystów, nastąpiła na przełomie lat trzydziestych-czterdziestych XIX w. Głównym terenem osiedlania dekabrystów w Syberii Zachodniej, pozostawała gubernia tobolska. Zaczęto jednak przenosić ich z północnych regionów do południowych, często nawet do miast. W ten sposób powstały trzy duże kolonie: Tobolsk - 14, Kurgan – 13 i Jałutorowsk – 9 osób. Nieco mniejszym skupiskiem był Turyńsk, gdzie osiedlono 6 osób, w Omsku 4 i 2 w Iszymie. Kilka osób stosunkowo często zmieniało miejsce zamieszkania i dlatego nie zostały ujęte w powyższym zestawieniu. Byli to: Siemionow, Nikołaj Basargin, Baszmakow, Iwan Annienkow, Iwan Puszczyń, Piotr Swistunow, Jewgienij Obolenski, Wilhelm Küchelbecker, Władimir Szejngel i Nikołaj Cziżow. Na zmianę polityki władz złożyło się przynajmniej kilka przyczyn, wśród których były starania krewnych, kolegów i przyjaciół. Wasilij Tyzenhauzen już po rocznej katordze w Czycie, w 1828 r. przeniesiony został do Surgutu w Syberii Zachodniej, a w następnym roku dzięki staraniom ojca, umieszczono go w Jałutorowsku. Do tego samego miasta, dzięki zabiegom kolegów, w 1833 r. przeniesiony został Czerkasow. Z kolei Matwiej Murawjow-Apostoł, dzięki staraniom siostry, Jekateriny Bibikowej, stosunkowo szybko został przeniesiony z Wilujka do Twierdzy Buchtarmińskiej w obwodzie omskim, a w 1836 r. udało się go osiedlić w Jałutorowsku. Podobnie potoczyły się losy Iwana Jakuszkina, którego z Piotrowskiego Zawodu w 1836 r. przeniesiono na osiedlenie do Jałutorowska. Był to rezultat starań jego teściowej, Nadieжды Szeriemietiewoj. W październiku 1837 r. Władimirowi Szejngelowi pozwolono przenieść się ze wsi Jełań w gub. irkuckiej do Iszymia. Były jednak i odwrotne przypadki. Nikołaj Mozgalewski, który od 1826 r. był na osiedleniu w Narymie, w 1836 r. uzyskał zgodę na przeniesienie się do okręgu minusińskiego w guberni jensejskiej [29, s. 55].

Prośby o skrócenie katorgi podejmowane były niekiedy w bardzo skomplikowany sposób. Aleksandrowi Odojewskiemu starał się pomóc Aleksandr Gribojedow za pośrednictwem Iwana Paskiewicza, a jednocześnie podobne starania podejmował członek Rady Państwa Dmitrij Łanskoj. Jakby tego było mało, ojciec Aleksandra – Iwan Odojewski – zabiegał o przeniesienie syna z Jełania do Syberii Zachodniej. Efektami tych działań były:

przedterminowe przeniesienie w 1832 r. na osiedlenie, w 1836 r. zamiana gub. irkuckiej na Iszym, a w następnym roku skierowanie do służby wojskowej na Kaukazie. Skuteczne starania o polepszenie warunków życia na zesłaniu Siemiona Krasnokutskiego, podejmowała jego siostra Nadieżda Łukaszewicz. Z pierwszego miejsca osiedlenia w Jakucku, w 1831 r. pozwolono mu przenieść się do Krasnojarska, a w grudniu 1837 r. wyjechał na leczenie do Tobolska. O osiedlenie Iwana Puszcina z Jewgienijem Obolenskim na południu guberni tobolskiej w Turynsku, zabiegały ich siostry: Anna Puszcina i Natalia Obolenska, brat Puszcina oraz szwagier Iwan Nabokow. Ostatecznie w 1843 r. obydwaj przeniesieni zostali do Jałutorowska. W efekcie starań matki, skrócono okres katorgi, a w 1842 r. z gub. jenijskiej do Kurganu przesiedlono Dmitrija Szczepina-Rostowskiego. Po 20 latach uwięzienia w Twierdzy Pietropawłowskiej, w 1846 r. na zamieszkanie do Tomska wysłany został Gawriił Batien'kow. Było to wynikiem przychylniej opinii ówczesnego szefa III Oddziału Aleksieja Orłowa, dawnego kolegi dekabrysty. Ważną rolę odegrała także Natalia Golicyna, gospodyni jednego z petersburskich salonów w latach trzydziestych-czterdziestych XIX w. To ona najprawdopodobniej uratowała od śmierci Zachara Czernyszewa, a później postarała się o złagodzenia losu Czernyszewa, braci Nikity i Aleksandra Murawiówów oraz Matwieja Murawiowa-Apostoła [29, s. 56; O roli salonów w życiu społeczno-kulturalnym Rosji zob.: 30].

Oprócz starań i nacisków krewnych oraz wpływowych osób, powodem zmiany miejsca osiedlenia mogły być względy zdrowotne i klimatyczne. W latach 1829-1830 ówczesny generał-gubernator Syberii Zachodniej Iwan Wieljaminow informował Aleksandra Benckendorfa, że Iwan Focht w Bieriozowie źle znosi tamtejszy klimat. W związku z tym, w marcu 1830 r. przeniesiono go do Kurganu. Umierającego w Pełymie Wasilija Wranickiego przeniesiono w 1830 r. do Jałutorowska. W tym samym roku z Bieriozowa do Jałutorowska został przeniesiony Andriej Jentalcew. Flegonta Baszmakowa w lutym 1838 r. przesiedlono z Tary do Kurganu, a dzięki staraniom matki w marcu 1853 r. mógł zamieszkać w Tobolsku. Z powodów zdrowotnych przesiedlono do Kurganu w 1836 r. Aleksandra Briggena, a w 1840 r. Iwana Powoła-Szwiejkowskiego. O zmianie miejsca osiedlenia Briggenn poinformował w kwietniu 1838 r. kolegę-zesłańca Michaiła Naryszki. Będący na osiedleniu we wsi Kondinskoje Władimir Licharijew, na prośbę matki przeniesiony został w 1830 r. na zamieszkanie do Kurganu. Latem 1832 r., na wniosek miejscowego lekarza i za wiedzą generała-gubernatora Wieljaminowa, pozwolono mu przyjechać do Tobolska na kilkumiesięczne leczenie. Gdy wiosną stan zdrowia jego uległ poprawie, wrócił do Kurganu. Na podobnej zasadzie w 1840 r. z Iszymia do Tobolska przeniesiono Władimira Szejngela, a w 1842 r. z Turyńska do Kurganu – Nikołaja Basargina. Po odbyciu katorgi we wschodniej Syberii, w 1839 r. przyjechał do Tobolska na leczenie Aleksandr Bariatyński, ale w 1844 r. zmarł w tamtejszym szpitalu. Będący na osiedleniu w Kurganie od 1840 r. Wilhelm Küchelbecker, w 1845 r. poważnie zachorował. Zwrócił się więc do władz z prośbą o przeniesienie do Tobolska. Poparli go wszyscy tamtejsi dekabryści, a szczególnie Nikołaj Basargin, Michaił Fonwizina i Pawieł Bobriszczew-Puszkina. Prośba załatwiona została w 1846 r. pozytywnie, ale życia Küchelbeckera uratować się nie udało. Na zesłaniu w Syberii Zachodniej zmarło ogółem 15 osób, a siedem z nich – w Tobolsku: Aleksandr Bariatinski (1844), Wilhelm Küchelbecker (1846), Siemion Krasnokutski (1840), Aleksandr Murawiów (1853), Stiepan Siemionow (1852), Ferdynand Wolf (1854). Jako ostatni pochowany został tu Baszmałow, który nie skorzystał z możliwości powrotu z Syberii i pozostał tu do śmierci w 1859 r. Wszyscy oni pochowani zostali na tobolskim Zawalnym Cmentarzu [29, s. 54, 57 – 58; Nazwa cmentarza „Zawalnoje kładbiszczje» pochodzi od tego, że powstał on za wałami obronnymi miasta].

Z oceny ówczesnej sytuacji w Syberii Zachodniej wynika, że właściwie tylko Tobolsk dysponował fachową kadrą medyczną. Nie dziwią więc przyjazdy chorych zesłańców, na leczenie do tobolskiego szpitala. Jaki był rzeczywisty stan zdrowia konkretnych osób, trudno

stwierdzić. Gdy w 1832 r. dotarł do Tobolska skazany na katorgę Antoni Pawsza, udało się go zatrzymać w mieście dzięki doktorowi Antoniemu Sadowskiemu i wpływowi Piotra Moszyńskiego. Gdy po dwóch latach spokoju tobolski gubernator i prokurator wbrew orzeczeniu lekarza chcieli wysłać go na katorgę, Pawsza otrzymał nieoczekiwane wsparcie od «znakomitych dam tobolskich» i majora żandarmów Ogariowa. Gubernatora Iwana Tałyżina panie przestały przyjmować, a prokuratora «posłały wszystkie prosić go do siebie [...] Każda dama podaje mu rękę aby zobaczył puls, język mu pokazuje, i radzi się w swej chorobie. Zdziwiony prokurator pyta co to jest, odpowiadają mu, że się zna na chorobach, kiedy się sprzeciwił zdaniu *wraczebnej uprawy*» [31, s. 481 – 482; 32, s. 129; 3, s. 404 – 405, 449]. Ostatecznie pozwolono mu zamieszkać w podtobolskiej wiosce Sieriebrianka. Z pomocy rządowego lekarza Juliana Stubendorfa, skorzystał w Omsku Wincenty Migurski. Czekając na przyjazd żony Albiny, teoretycznie był w szpitalu, a rzeczywiście przebywał w mieszkaniu Stubendorfa. Spotkał się tam z Adolfem Januskiewiczem i Pawłem Ciepłińskim, którzy po ułaskawieniach z kwietnia 1841 r. byli już na posadach rządowych [33, s. 229 – 230]. Lichariew został wyleczony w ciągu pół roku i co może się wydać nieco dziwne, w 1837 r. podjął służbę wojskową na Kaukazie. Zastanawiająca jest też dysproporcja pomiędzy liczbą próśb dekabrystów i polskich zesłańców. Być może Polacy początkowo po prostu nie wiedzieli, o możliwości polepszenia w ten sposób warunków bytu na zesłaniu. Jako jeden z pierwszych skorzystał z możliwości opuszczenia Bieriozowa, zesłany tam na osiedlenie Seweryn Krzyżanowski. Po dwuletnim pobycie, z powodu złego stanu zdrowia, przeniesiony został w 1832 r. do Iszymia. W 1838 r. władze zgodziły się nawet na jego zamieszkanie w Tobolsku. Gdy 11 kwietnia 1839 r. dotarła tam Ewa Felińska, udająca się z Józefą Rzążewską na zesłanie do Bieriozowa, odwiedziły umierającego już Krzyżanowskiego. Chociaż był pod opieką lekarzy i polskich zesłańców, zmarł 1 lipca, a trzy dni później odbył się jego pogrzeb [34, s. 39 – 42; 24, s. 108 – 109; 3, s. 156 – 160, 317 – 318, 526 – 527]. Orzeczenia lekarskie nie zawsze i nie do końca musiały oddawać rzeczywisty stan zdrowia zainteresowanego zesłańca. Na przykładzie Pawszy widać, że korzystanie z ulgi zdrowotnej, nie zawsze gwarantowało spokojne życie w mieście, ale nawet pozostanie na osiedleniu w którejś z pobliskich wiosek, okazywało się korzystniejszym wyjściem niż pójście na katorgę.

W związku z powyższymi przypadkami, nasuwa się pytanie o motywy skłaniające urzędników syberyjskich do takiego postępowania. Zrozumiałym był oczywiście fakt, że lokalni urzędnicy dobrze znali warunki klimatyczne, w jakich osiedlano zesłańców. Przenoszenie osiedlonych w surowym klimacie północy na południe guberni tobolskiej, mogło świadczyć o zrozumieniu potrzeb zdrowotnych zesłańców. W pewnym sensie taka polityka polepszała ogólny wizerunek i ocenę postępowania władz, zarówno w oczach skazanych, jak i szerszych kręgów społeczeństwa rosyjskiego. Mogło zostać to odczytane jako swoisty przejaw liberalizacji polityki zesłańczej. Takie działania, zwłaszcza wobec dekabrystów, łagodziły społeczną ocenę polityki wewnętrznej Mikołaja I. Nie zawsze jednak to co władze przedstawiały jako przejaw «carskiej łaski», spotykało się z taką samą reakcją zesłańców. Przykładem był rok 1837, kiedy to osiedlonym w zachodniej Syberii dekabrystom, zaproponowano służbę wojskową na Kaukazie. Niektórzy, jak chociażby Michaił Nazimow, chętni byli do podjęcia służby wojskowej. Wiadomo jednak, że zarówno Nazimow jak i Iwan Focht, z powodu stanu zdrowia i wieku nie nadawali się do służby liniowej. Podlegający wysyłce Andriej Rozen, nie mógł z tego skorzystać z powodów zdrowotnych i rodzinnych. Złamał akurat nogę, miał czwórkę dzieci i chorą żonę. Niechętnie do wyjazdu był ustosunkowany m.in. Michaił Naryszkin. Zdawano sobie też sprawę z tego, że w czasie walk można było zginąć. Taki los spotkał Aleksandra Odojewskiego w 1839 r. i Władimira Lichariewa w 1840. Negatywnie ocenił ten przejaw «łaski» Aleksandr Briggen w liście do żony z września 1837 r. pisząc, że środowisko dekabrystów w Kurganie odebrało to jako nową karę.

Część tych osiedleńczych rotacji dekabrystów, związana była z podjętą służbą cywilną lub wojskową. Na stanowiskach urzędniczych pracowali: Iwan Annienkow, Stiepan Siemionow, Piotr Swistunow, Aleksandr Murawjow i Nikołaj Basargin. Zmiana miejsca pobytu Nikołaja Cziżowa związana była ze służbą wojskową w Tobolsku i Omsku. Powodem przenoszenia urzędników bywały także konflikty z miejscowymi władzami. W imieniu mieszkającego w Kurganie i pracującego w kancelarii tamtejszego sądu A. Briggena, rodzina w 1845 r. zwrócił się do cara z prośbą o przeniesienie go do Rosji europejskiej. Motywowano to wiekiem (53 lata) oraz faktem, że przepracował na tym stanowisku 8 lat. Decyzja Mikołaja I nie pozostawiała jednak najmniejszej wątpliwości – do Rosji z Syberii można było wrócić tylko przez Kaukaz. Dekabrysta wybrał więc dalszy pobyt w Kurganie. Od 1848 r. był nawet ławnikiem sądowym, ale popadł w konflikt z lokalnymi władzami. Powodem było przypisanie zabójstwa miejscowego chłopca osobie całkowicie niewinnej. Briggen wiedział, że śledztwo zostało przeprowadzone w sposób niewłaściwy, ale skargi do władz tobolskich i petersburskich nie dały oczekiwanego rezultatu. Jego natomiast za «niewłaściwe zachowanie» przeniesiono do Turyńska. W 1850 r. w jednym z listów do kuzynki Sofii Briggen, opisał przejawy korupcji w najbliższym otoczeniu generała-gubernatora Gorczakowa. List został zatrzymany w III Oddziale, a Briggen niechcący doprowadził do dymisji zachodniosyberyjskiego wielkorządcy [8, s. 100 – 102, 106, 110]. Przenoszenia dekabrystów na osiedlenie świadczyły także o tym, że uważano ich już za mniej niebezpiecznych dla systemu politycznego, a umieszczanie w miastach pozwalało lepiej kontrolować ich zachowanie. W ten sposób powstawały zesłańcze kolonie, w miejscach wskazanych przez lokalne władze syberyjskie: Tobolsk, Kurgan, Jałutorowsk, Turyńsk czy Iszym. W pewnym sensie było to nawet korzystne i dla samych dekabrystów. W miastach łatwiej można było znaleźć pracę, w grupie nie odczuwano tak silnie samotności, izolacji od świata ludzi wolnych i Europy.

Nawet pobieżne omówienie wszystkich skupisk zesłańczych wymagałoby odrębnej monografii i dlatego ograniczę się do przedstawienia dwóch wybranych zbiorowości – Kurganu i Tobolska. Kolonia dekabrystów w kilkutysięcznym Kurganie, została stosunkowo dobrze opracowana. Pierwszych trzech dekabrystów: Iwana Fochta, Władimira Lichariewa i Michaiła Nazimowa osiedlono tam w 1830 r. Fochta przeniesiono z Bieriozowska, Lichariewa ze wsi Kondinskoje w okręgu bieriozowskim, a Nazimowa z guberni irkuckiej na zamieszkanie. W 1832 r. dołączył do tego grona Andriej Rozen z rodziną (żona i dwaj synowie) i Nikołaj Lorier. W marcu 1833 r. osiedlono tu Michaiła Naryszkinę z żoną, a po kilkuletnich staraniach w 1836 r. przeniesiony został tu z Pełymu A. Briggen. Sprzyjającą okolicznością dla mieszkających w guberni tobolskiej dekabrystów, a szczególnie dla Briggena był fakt, że od października 1832 do stycznia 1834 r. obowiązki cywilnego gubernatora pełnił Aleksandr Murawjow [35]. Gubernator Murawjow znał dobrze z polskich zesłańców: Romana Sanguszkę i Piotra Moszyńskiego. Sanguszko, który podobnie jak część dekabrystów wybrał czynną służbę na Kaukazie, pozostawał w bliskich stosunkach z dekabrystami, nie można jednak powiedzieć tego o Moszyńskim.

Rok 1837, jak słusznie podkreśliła to Olga Talska, stał się ważną granicą w dziejach kurganskiej kolonii dekabrystów. Pięcioro przestępców państwowych: Lichariew, Nazimow, Rozen, Naryszkin i Lorier skierowanych zostało do służby wojskowej na Kaukazie. Wyjazdy na Kaukaz zamykały etap tzw. starej kolonii. W Kurganie pozostali z powodu choroby Focht i Briggen, który okazał się najdłużej mieszkającym tu zesłańcem. Briggen w Kurganie był 16 lat i to on jako ostatni opuścił w 1857 r. to miasto. Tylko o rok krócej był tu na osiedleniu Flegont Baszmałow, który skazany został na osiedlenie w guberni tobolskiej. Pierwszym miejscem pobytu była gmina Rybińska w okręgu tarskim, od 1828 r. pozwolono mu mieszkać przez 10 lat w Tarze, a następnie przeniesiono do Kurganu. Przez 14 lat, czyli do ogłoszenia ułaskawień koronacyjnych w 1856 r., mieszkał w Kurganie ks. Dmitrij Szczepin-Rostowski. Z Piotrowskiego Zawodu zwolniony został dopiero w 1839 r. i osiedlony w okręgu kańskim

guberni jensejskiej. W 1842 r. dzięki staraniom matki przeniesiony został do Kurganu. Znacznie krócej, bo od stycznia 1840 r. do śmierci w maju 1845 r., mieszkał w Kurganie Iwan Powało-Szwiejkowski. Gdy w marcu 1842 r. z Turyńska do Kurganu przeniosła się rodzina Nikołaja Basargina, Powało-Szwiejkowski oddał im swój dom, a sam zamieszkał w oficynie. W maju 1846 r. Basargin z rodziną przeniósł się do Omska, gdzie otrzymał posadę w kancelarii Pogranicznego Zarządu Kirgizów Syberyjskich. Od stycznia 1838 do lutego 1842 r., czyli pełne cztery lata, mieszkał w Kurganie przeniesiony z guberni irkuckiej Piotr Swistunow. Jako ostatni do kurganskiej kolonii dołączył w marcu 1845 r. Wilhelm Küchelbecker i mieszkał tu niecały rok (do stycznia 1846 r.), chociaż oficjalnie przypisany był do wsi Smolino [36, s. 97 – 98].

W Kurganie znalazło się na osiedleniu także kilkunastu Polaków, z którymi dekabryści utrzymywali przyjacielskie kontakty. W pamiętnikach Rozena i Loriera wymienionych zostało z nazwiska sześciu Polaków. Jako pierwsi, na przełomie 1832-1833 r., przysłani zostali do okręgu tobolskiego uczestnicy powstania listopadowego: Cyprian Woroniecki, Ignacy Czarpiński, Porfiry Ważyński, Kajetan Zakrzewski i Franciszek Czerniecki. Po pewnym czasie zostali oni, przynajmniej teoretycznie, rozmieszczeni po okolicznych gminach: Woronieckiego i Czarpińskiego przypisano do gminy Padierinskiej w okręgu kurganskim, Ważyńskiego i Zakrzewskiego do gminy Smolinskiej, a Czernieckiego, do zwolnienia go z zesłania w sierpniu 1834 r., osiedlono w gminie Mienszczykowskiej. Faktycznie jednak wszyscy mieszkali w Kurganie, co potwierdzają mieszkający tam dekabryści i było to powszechną praktyką w polityce władz syberyjskich. Woroniecki, tytułowany przez dekabrystów księciem, przed 1837 r. był częstym gościem w domu Naryszkinów, a po ich i Rozena wyjeździe na Kaukaz, zamieszkał w domu Rozena. Najprawdopodobniej wkrótce na osiedlenie do Kurganu wysłana została trójka zaliwszczyków. W 1833 r. przybył tu Erazm Kleczkowski, do którego przyjechała żona Aniela. W domu Kleczkowskich, od września 1845 r. zamieszkała rodzina Wilhelma Küchelbeckera, a oni przeprowadzili się do dawnego domu Rozena. W 1834 r. osiedli w mieście Ludwik Sawicki i Erazm Czermiński, którego zapisano do gminy Smolinskiej. W 1837 r. przeniesiono z okręgu jensejskiego kuzyna Czermińskiego, Ignacego Orpizewskiego. Do tej samej grupy polskich zesłańców należał Julian Rościszewski, którego na krótko udało się zatrzymać Konstantemu Wolickiemu w Tobolsku, chociaż właściwym miejscem jego osiedlenia była Tara. Stamtąd udało mu się przenieść w 1835 r. do Kurganu, gdzie był na osiedleniu jego wuj E. Czermiński. W 1836 r. Rościszewski załatwił przeniesienie z Iszymia do Kurganu dwóm swoim kuzynom: Eustachemu i Romanowi Chełmickim [36, s. 98 – 101; 37, s. 103 – 104; Z wymienionych polskich zesłańców, w słowniku biograficznym W. Śliwowskiej nie odnotowano tylko nazwiska I. Czarpińskiego; 3, s. 93 – 95, 115 – 116, 270, 436 – 437, 513 – 514, 658, 683].

Wyjeżdżających w 1837 r. na Kaukaz dekabrystów, obok Rosjan, żegnali także polscy zesłańcy, a później za pośrednictwem Briggeny utrzymywali z nimi kontakt korespondencyjny. Jeszcze w 1837 r., Lorier prosił o pozdrowienie Sawickiego, Czermińskiego i Woronieckiego, a Rozen pozdrawiał Kleczkowskich, Sawickiego i Woronieckiego. Michaił Nazimow w 1842 r. przesłał życzenia wielkanocne dla Kleczkowskiego, Sawickiego i Ważyńskiego. Z kolei Briggen w imieniu Polaków przesyłał walczącym na Kaukazie wyrazy szacunku. Informował Naryszkiną o ułaskawieniu Woronieckiego, o rodzinie Kleczkowskich i zamieszkaniu w domu Rozena braci Chełmickich. Świadczy to o tym, że Briggen był w bliskich stosunkach z polską kolonią. Kleczkowski był nawet ojcem chrzestnym jednej z jego córek. Z kolei Eustachy Chełmicki, już po powrocie do stron rodzinnych, wysłał Briggenowi futro. Szczególnym zaufaniem dekabrysty cieszył się Wojciech Reszczyński, który pomagał mu tłumaczyć na rosyjski pracę Juliusza Cezara «O wojnie galijskiej». Z naturalnych względów dobre kontakty łączyły Basargina z Kleczkowskim. Mieszkali po sąsiedzku i obydwaj mieli rodziny. Wspólne mieszkanie w Smolino, zbliżyło Ważyńskiego z Küchelbeckerem. Wracając z pierwszego zesłania Aleksander Bieliński, w drodze z Kurganu do Tobolska zatrzymał się na tydzień w Jałutorowsku. W liście z lipca 1841 r. pisał m.in.: «Byłem pełen smutnych myśli opuszczając Kurgan dlatego, że zostawiałem tam

ludzi mi drogich, których przywykłem widywać prawie codziennie w ciągu dwóch lat, zostawiałem ich tam cierpiącymi, co sprawiało mi ból. I wyobraźcie sobie teraz moje zadowolenie, które musiałem odczuwać po przybyciu do Jałutorowska wśród takich ludzi jak Matwiej Iwanowicz [Murawjow-Apostoł], Iwan Dmitrijewicz [Jakuszkin], Wasilij Karłowicz Tizengauzen. Ich delikatność w stosunku do mnie jest tak bardzo ujmująca, oraz pełna koleżeńskiej przyjaźni i życzliwości, ich mądra rozmowa, wszystko to muszę przyznać, szczerze mnie oczarowało. Tydzień upłynął dosłownie w godzinę i odjechałem z Jałutorowska szczęśliwy z tego powodu, że mogłem poznać zalety jeszcze kilku ludzi». W Jałutorowsku Bieliński spotkał polskiego zesłańca Piotra Cyrynę i dzięki niemu mógł poinformować dekabrystów o zesłaniu Michaiła Łunina do Akatuja [36, s. 108 – 11; 3, s. 109 – 110, 500 – 501].

Na przełomie lat trzydziestych-czterdziestych XIX w. polska kolonia zesłańcza w Kurganie nadal się powiększała. Dołączył do niej w 1839 r. na dwa lata Aleksander Bieliński, zaliczany do tzw. grupy konarszczyków. Główny trzon zbiorowości stanowili nadal zaliwscy, ale z powodu przemieszczeń, przesiedleń i ułaskawień, były rotacje pomiędzy poszczególnymi guberniami lub wyjazdy do stron rodzinnych. W 1838 r. w wyniku ułaskawienia opuścił Syberię Woroniecki, w 1840 r. wyjechali z Kurganu bracia Chełmiccy, Czermiński, Zakrzewski i Sawicki, a w 1841 r. Czarpiniński. Rościszewski natomiast w 1841 r. uzyskał oficjalną zgodę na podjęcie pracy w Tobolskim Rządzie Gubernialnym, gdzie będzie pracować na różnych stanowiskach do 1851 r. Podkreślał on pozytywny stosunek do polskich zesłańców tobolskich gubernatorów, a szczególnie Michaiła Ładyzińskiego. W czasie pobytu w Tobolsku, ożenił się z córką kupca Marią Kremłową. W ich domu zbierali się miłośnicy muzyki, koncertował z udziałem gospodarza początkowo kwartet, a później dołączyła do nich żona gubernatora Kiriłła Engelke i powstał kwintet. Z grupy pierwszych polskich zesłańców w Kurganie, pod koniec lat trzydziestych pozostali tylko Kleczkowscy i Ważyński. Przybywali jednak nowi zaliwscy, m.in. od lutego 1836 r. mieszkał tu Adolf Mostowicz, w kwietniu 1843 r. przeniósł się tu na własną prośbę z guberni jenijskiej Nepomucen Reszczyński. Przeniesiony do Kurganu z Jałutorowska rosyjski urzędnik Gołodnikow, znał kilku Polaków, ale z nazwiska zapamiętał tylko «staruszka Swirszczewskiego», który podobno zapomniał języka polskiego. Wszystko wskazuje na to, że chodziło mu o Onufrego Świerczewskiego, byłego studenta prawa Uniwersytetu Warszawskiego. W maju 1838 r. został on aresztowany i skazany na osiedlenie w guberni jenijskiej. W 1845 r. prosił władze o przeniesienie go z Jenisejska do posiadającego zdrowszy klimat Kurgan i w następnym roku wyjechał do nowego miejsca osiedlenia. Podane przez autora wspomnień informacje są mało wiarygodne. Przyjeżdżając do Kurganu Świerczewski miał 48 lat, a wyjeżdżając w 1851 r. do Królestwa 53. Nie był więc staruszkiem, wątpliwe jest też twierdzenie o zapomnieniu języka ojczystego. Jako ostatni przeniesiony został do Kurganu z okręgu jenijskiego Kazimierz Rościszewski. Jego brat Julian pracował już na rządowej posiadce w Tobolsku i chyba dlatego miał zamieszkać z kuzynem P. Ważyńskim. Łącznie więc w okresie międzypowstaniowym, mieszkało w Kurganie 16 Polaków, jako ostatni z nich wyjechał w styczniu 1857 r. Ważyński [36, s. 102 – 103; 37, s. 106 – 109; 3, s. 399, 500 – 501, 514 – 515, 618].

Życie na zesłaniu w istotny sposób determinowały różnorodne przepisy prawne, chociaż nie wszystkie były konsekwentnie egzekwowane. Korzystniejsze uregulowania były stosowane wobec polskich zesłańców, dotyczyło to zwłaszcza przemieszczania się i podejmowania prac zarobkowych. Prostsza procedura opuszczania miejsc zesłania, ułatwiała kontakty pomiędzy poszczególnymi skupiskami. Przykładowo z Iszymia do Kurganu często przyjeżdżał Adolf Januskiewicz, a Reszczyński ułatwiał kontakty kurgańskich dekabrystów z grupą jałutorowską. Jednak już kontrowersyjna służba wojskowa na Kaukazie, skierowana była raczej do Rosjan, a nie do Polaków. Wzajemne relacje polskich i rosyjskich zesłańców w Kurganie określa się jako przyjacielskie, nacechowane życzliwością. Część dekabrystów była stosunkowo dobrze zabezpieczona pod względem finansowym i była w stanie pomagać polskim zesłańcom.

Cyprian Woroniecki miał zapewnione stałe wyżywienie u rodziny Naryszkinów. Normą były wspólne rozmowy o przeżyciach z powstania i śledztwa. Myli się jednak Olga Talskaja pisząc, że 3 maja świętowano pamięć «republikanina i demokracji» Tadeusza Kościuszki. Chodziło oczywiście o obchody rocznicy uchwalenia Konstytucji 3 maja. Część spotkań polsko-rosyjskich miała charakter towarzyski, jak chociażby wieczory muzyczne organizowane przez Jelizawietę Naryszkinę czy Juliana Rościszewskiego. Przejawem dużej życzliwości wobec polskich zesłańców, była postawa dekabrystów w 1837 r., gdy przez Kurgan przejeżdżał następca tronu. Postanowili oni prosić jedynie o umożliwienie powrotu do stron rodzinnych 72-letniemu Woronieckiemu i jak się okazało z pozytywnym skutkiem [36, s. 104, 107 – 108].

Stolica guberni i do 1839 r. generał-gubernatorstwa – Tobolsk – była atrakcyjnym miejscem osiedlenia zarówno dla polskich, jak i rosyjskich zesłańców. Przez miasto i tamtejszą ekspedycję do spraw zesłańców, przechodzili praktycznie wszyscy idący i jadący na zesłanie. Były jednak wyjątki, jak chociażby Rufin Piotrowski, którego wieziono przez Iszym wprost do Omska i dalej do gorzelnii Jekatierińskiej koło Tary, z pominięciem Tobolska. W pamiętniku odnotował, że na jednej ze stacji pocztowych za Jekatierynburgiem spotkał Sybiraczkę, która «zaczęła wyrzekać na surowość rządu rosyjskiego w obejściu się z Polakami; zachęcała mnie do zniesienia cierpliwie mojego położenia, ale z taką uprzejmością, z tak serdecznym spółudziałem i spółczuciem, że chociaż nie potrzebowałem ani jej rad, ani pocieszenia, szczerem jej za nie był obowiazany i wdzięczny» [38, s. 165, 174]. Polska kolonia zesłańcza w Tobolsku, miała w XIX w. stosunkowo długą tradycję. W 1830 r. dotarł tu na osiedlenie Piotr Moszyński, a w 1832 r. Antoni Pawsza, Ignacy Strumiłło i Roman Sanguszko. Sanguszko skazany był na osiedlenie, ale znane nazwisko spowodowało, że jego losem interesowano się nawet w angielskiej Izbie Gmin. W związku z tym car zamienił mu «w drodze łaski» osiedlenie na służbę w Tobolskim Batalionie Liniowym, a w 1834 r. uzyskał przeniesienie do Korpusu Kaukaskiego. Po czterech latach awansował na stopień oficerski i dzięki temu odzyskał utracone prawa cywilne i tytuły. Duże wpływy i możliwości wszechstronnej pomocy polskim zesłańcom miał Piotr Moszyński, chyba dlatego nazywany św. Piotrem. Moszyński był w bliskich kontaktach z Sanguszką, pomagał finansowo Strumille i słynnemu fałszerzowi rosyjskich banknotów Ignacemu Ceyzikowi. Wyjeżdżając w 1834 r. z Tobolska, pozostawił zesłańczej Polonii bogatą bibliotekę. Z mieszkającymi w Tobolsku Polakami utrzymywali kontakty dekabryści, zarówno miejscowi, jak i mieszkający w innych miastach. Wysoko ocenił przebywających w Tobolsku członków Towarzystwa Patriotycznego baron Andriej Rozen z Kurganu pisząc: «Słuchać ich rozmowę i poglądy było rzeczą nader zajmującą, a rozmowa z nimi mnie przekonywa, że kiedy spotkasz prawdziwie wykształconego Polaka, to on dwa razy więcej jest przyjemniejszym, aniżeli ktokolwiek inny, jakiegokolwiek narodowości». Uważał, że zesłańcy obydwu narodowości mogą wspólnie zrobić dużo dobrego dla przyszłego społeczeństwa syberyjskiego [24, s. 106 – 107, 131; 32, s. 53 – 55, 162; 36, s. 11; 3, s. 92 – 93, 317 – 318, 534 – 535, 576]. Rozen mógł mieć na uwadze Piotra Moszyńskiego, Antoniego Pawszę, może nawet Romana Sanguszkę, ale mało prawdopodobne ażeby chodziło o Seweryna Krzyżanowskiego.

Kronikarzem Polonii tobolskiej był Antoni Pawsza, który ważne wydarzenia odnotowywał w dzienniku. Obszerne urywki z tego zaginionego źródła, z poważnymi zniekształceniami, znamy z przekazu Eustachego Iwanowskiego. Z dziennika Pawszy wiadomo, że od połowy lat trzydziestych, w domu Strumiłły na przedmieściu Tobolska, zbierała się tamtejsza Polonia. Uczestnikami tych spotkań byli m.in. przywiezieni tu w sierpniu 1834 r. Konstanty Wolicki i Gustaw Zieliński. Julian Rościszewski pisał o Wolickim, że był wychowankiem Paryskiego Konserwatorium i chyba dlatego generał-gubernator tobolski Iwan Wieljaminow, powierzył mu kierownictwo miejscowej orkiestry. Nie bez znaczenia było zapewne i to, że Wieljaminow był dawnym kolegą ojca Wolickiego. Wolicki mieszkał z Onufrym Pietraszkiwiczem, Stanisławem Dutkiewiczem i krótko z Gustawem Zielińskim. Po rocznym pobycie w Tobolsku, Zieliński musiał przenieść się do Iszymia, tam zaprzyjaźnił się z

Januszkiewiczem [24, s. 131; 31, s. 480; 37, s. 109; 11, s. 123; 3, s. 146 – 147, 680, 714 – 715]. O Strumille wiadomo, że w 1840 r. w Zawale pod Tobolskiem miał lecznicze łaźnie parowe. W następnym roku pozwolono mu wyjechać do Rosji europejskiej. Dom Strumilli był miejscem spotkań Polaków do końca lat czterdziestych. Pod rokiem 1839 wymienił – obok Pietraszkiewicza – braci Tadeusza-Rafała i Stanisława Kiersnowskich, Jakuba Puzinowskiego, przeniesionego z Jakucka w 1838 r. Mikołaja Kozłowskiego, zesłanego tu na zamieszkanie w 1839 r. Karola Marchockiego, Bajkowskiego, jadącego odpracować w Bieriozowie stypendium doktora Ignacego Wakulińskiego i pułkownika żandarmów Szulca. Wymienił także nazwisko Ceyzika z uwagą, że dalej fałszował pieniądze. Nie wspomniał o Wolickim, który w maju został przeniesiony na dyrygenta orkiestry do Omsku. Pod datą 15 lipca 1839 r. Pawsza zapisał, że za pośrednictwem Pietraszkiewicza poznał dekabrystę Michaiła Fonwizina (von Wieszina), który «w przeszłym roku do Tobolska przyjechał z żoną, która jest siostrą księżnej Gorczałkowej, oświadczał, że od dawna chciał się ze mną poznać, z parą godzin zabawili. Von Wieszin człowiek bardzo czytany, sprowadza dzieła nowe, pisma periodyczne, krajowe i zagraniczne, jest *au courant* wszystkiego, co się dzieje na świecie» ([31, s. 480 – 481, 485; 3, s. 44, 265 – 266, 300 – 301, 367 – 368, 487; 24, s. 120] Wymieniony jest jeszcze trudny do zidentyfikowania doktor Macewicz). Podobnie ocenił małżeństwo Fonwizinów K. Wolicki pisząc: on «mąż pełen rozumu i wykształcenia», a żona była «zacną bardzo kobietą». O przywiezionym z Bieriozowa do Tobolska na leczenie Krasnokutskim, Wolicki pisał, że «Odwiedzaliśmy go wszyscy, co mu przyjemność sprawiało, towarzystwo jego jako człowieka bardzo światłego i wykształconego było bardzo miłe i pojąć nie można było, żeby tak bystry rozum, tak zdrowy sąd o rzeczach, tak silne rozumowanie, mieściło się w tym półtrupie, połową tylko ciała żyjącym» [39, s. 322 – 323]. Dekabrysta był sparaliżowany od pasa w dół.

Stosunek tobolskiej administracji do polskich zesłańców, był na ogół jeżeli nawet nie dobry, to przynajmniej poprawny. Nie wszyscy jednak mieli tyle szczęścia, jak wspomniany powyżej Wolicki czy Pawsza, zwłaszcza, że Pawszy udało się przecież uniknąć katorgi i osiąść pod Tobolskiem. Skazany na katorgę we wschodniej Syberii Justynian Ruciński, przywieziony został do Tobolska na Wielkanoc 1839 r. Najprawdopodobniej na polecenie jakiegoś urzędnika z ekspedycji ds. zesłańców, zamknięto go w więzieniu i uniemożliwiono kontakty z polskimi zesłańcami. Pomoc uzyskał od dwóch polskich urzędników: Michała Kuźmińskiego i Adolfa Koziełło-Poklewskiego oraz lekarza generała-gubernatora – J. Stubendorfa. Dalej na wschód Ruciński szedł już pieszo i dzięki temu spotkał przed Tarą Paulinę Wilczopolską, «Była to już panna niemłoda, wszakże z pewnymi jeszcze pretensjami». Ostatnim mijanym w guberni tobolskiej miasteczkiem był Kaińsk, mieszkało w nim dużo Żydów. Miłe przyjęcie sprawiło, że zesłaniec poczuł się jak u siebie na Wołyniu. Raczej dobre wrażenie zrobił na Julianie Sabińskim gubernator Iwan Tałyzin. Pozwolił mu widzieć się z generałem-gubernatorem i polskimi zesłańcami: Strumiłłą i Marchockim, za których pośrednictwem prześle listy do rodziny ([40, s. 20, 32, 34; 27, s. 89; 3, s. 516 – 517]. Ciekawy opis dokonań rodziny Koziełło-Poklewskich na Syberii Zachodniej zob.: [41]. A. Pawsza odnotował w dzienniku, że w 1850 r. A. Poklewski zawarł w Tiumeniu małżeństwo z panną Makarewiczówną (?), ślubu udzielił im ks. Rafał Jurgielewicz [31, s. 511]). Jadące nieco później na zesłanie: Ewa Felińska, Józefa Rządewska i Paulina Wilczopolska, zostały potraktowane łagodnie. Felińska była wyznaczona do Bieriozowa, Rządewska i Wilczopolska miały odbywać karę w Tarze. Ostatecznie jednak Rządewska na własne żądanie udała się z Felińską do Bieriozowa. Nadeszły wiosenne roztopy i zesłanki musiały zatrzymać się w mieście na dłużej. Nie utrudniano im kontaktu z Polonią: Pawszą, Wolickim, Pietraszkiewiczem, Strumiłłą, braćmi Kiersnowskimi, Marchockim, majorem Jakubem Schröderem i Krzyżanowskim, który polecił im w Bieriozowie swoją dawną gospodynię. Wracając po dwóch latach z Bieriozowa, zastała Felińska w Tobolsku (lipiec 1841 r.) tych samych zesłańców, brakowało tylko zmarłego Krzyżanowskiego, a major Schröder chorował. Na szczególne uznanie Felińskiej zasłużył Pietraszkiewicz: «ograniczony w

środkach, bo utrzymujący się jedynie z własnej pracy [...] umiał jednak być użytecznym wielu: radą, wstawieniem się, posługą osobistą». Gdy w połowie września 1840 r. przywieziono do tobolskiego więzienia Rafała Błońskiego, odwiedzili go hr. Karol Marchocki oraz dwaj jego koledzy: Jan Mocarskim i Aleksander Dzwonkowski [34, s. 39 – 42; 42, s. 63 – 64, 69, 72 – 73; 43, s. 17 – 18; 3, s. 149, 156 – 160, 394, 542, 647 – 648, 669].

Rok 1840 zapowiadał dla Polonii tobolskiej nowe problemy. Już w listopadzie 1839 r. władze tobolskie chciały wyegzekwować orzeczenie sądu i przenieść Strumiłkę do Omska. Ostatecznie ks. P. Gorczakow pozwolił mu pozostać w Tobolsku do 30 maja 1840 r. Przed wyjazdem zorganizowano bal pożegnalny, na którym obok Pietraszkiewicza Pawsza wymienił dwie nowe osoby: Stefana Zapolskiego i Szkuratowskiego. Kolejnym ważnym wydarzeniem w życiu Polonii tobolskiej były uroczystości rodzinne. Pierwsza to ślub Józefy Rzążewskiej z Ignacym Wakulińskim 15 kwietnia 1840 r., którego udzielił ks. Hieronim Hrynczel. Wśród gości weselnych Pawsza wymienił braci Kiersnowskich, nauczyciela języka niemieckiego z miejscowego gimnazjum Ceglarskiego, Tarnowskiego, Higersbergera (formalnie powinien być w Krasnojarsku) i Rypińskiego. Tego samego dnia po nieszpórach odbyły się chrzciny córeczki Ceglarskich. Małżeństwo Ceglarskich zaopiekowało się szesnastoletnią Sikorską, zesłaną do Tobolska, za wysłanie bratu-kantonście w Smoleńsku wierszy Mickiewicza. W listopadzie 1840 r. odbyły się kolejne polskie chrzciny, tym razem syna małżeństwa Moraczewskich. Pod datą 22 listopada Pawsza odnotował, że «przysłali Moraczewscy prosząc mię na chrzciny syna, dano mu imię ojca Michał; trzymali do chrztu Aleksander Michajłowicz Murawiew z panną Olgą Annienkow. Byli na obiedzie Murawiew z żoną, Annienkow z żoną, pułkownik żandarmów Semenow, doktor Wolf, sprawnik z żoną i Pietraszkiewicz. Rosyanie przyjaźnili się i kumali, to jest zawierali duchowy serdeczny związek z Polakami wygnańcami» ([31, s. 486, 491, 503 – 504; por.: 39, s. 317; 3, s. 399 – 400]. W zapisie Iwanowskiego jest podane, że Rzążewska przybyła z Bieriozowa. Brak bliższych informacji o Tarnowskim, Higersbergu i Rypińskim). Z wydarzeń politycznych, dominującą stała się czerwcową wiadomość o mającej nastąpić zmianie gubernatora. Przed wyjazdem do stolicy, dotychczasowy gubernator Tałyzin przysłał podobno do Pawszy dekabrystę Fonwizina, «i prosił abym mu wszystko przebaczył i pojechał do niego pogodzić się z nim, ale ja jechać nie chciałem, powiedziałem von Vizinowi żeby oświadczył, że ja dawno już przebaczyłem; nigdy długo nie chowam żalu w sercu» [31, s. 485 – 486]. (Ferdynand Wolf w 1840 r. był jeszcze we wschodniej Syberii i na chrzcinach w Tobolsku nie mógł być obecnym). Przewidywania okazały się słuszne i od czerwca nowym gubernatorem Tobolska mianowano Michała Ładyzińskiego.

Z okazji Nowego Roku 1 stycznia 1841 r., wszyscy Polacy poszli złożyć życzenia gubernatorowi. Pawsza wymienił następujące nazwiska zesłańców: Marchockiego, Kiersnowskich, Konstantego Jarnowskiego, Higersbergera, Kaspra Szaniawskiego, Mikołaja Kozłowskiego, Aleksandra Dzwonkowskiego i Onufrego Pietraszkiewicza. Kim był Stefan Zapolski i Fryżewski nie wiadomo. Ładyziński «zaraz wyszedł i pominawszy urzędników naprzód do Polaków się zbliżył, życzył im polepszenia losu, i powrotu do kraju». Oprócz wygnańców byli także miejscowi urzędnicy: Ceglarski, Zajączkowski i przybyły z Tomsku młody oficer Rypiński, który przywiózł ukłony od Strumiłki. Nie wiadomo więc gdzie mieszkał Strumiłko, w Omsku czy może w Tomsku, do którego – jak pisał Iwanowski – «sam przeniósł się». Polacy nie będący zesłańcami, «z wygnańcami w dobrych stosunkach żyli, i po bratersku ich u siebie przyjmowali» [31, s. 490; 3, s. 237, 300 – 301, 457 – 458, 590]. Kozłowski w 1838 r. został przeniesiony z Jakucka do Tobolska i od 1839 r. przez 10 lat uczył łaciny w tobolskim gimnazjum. Pietraszkiewicz był domowym nauczycielem francuskiego lokalnej elity urzędniczej.

Przełomowym wydarzeniem dla Polaków w 1841 r. był ślub następcy tronu w. ks. Aleksandra (16 kwietnia) i ogłoszone w związku z tym ułaskawienia. Część zesłańców została przeniesiona do Rosji europejskiej lub Królestwa: z Tary zwolniono Wilczopolską, z

Jałutorowska Romana Cichowskiego, z Kurganu Aleksandra Bielińskiego i Kajetana Zakrzewskiego, z Iszymia Karola Balińskiego i mającego wstąpić na służbę państwową w Tomsku Michała Moraczewskiego. Z Tomsku wracał Strumiłło i od Tobolska miał jechać razem z Piotrem Cyryną przenoszonym do Korpusu Kaukaskiego, a z Tobolska Aleksander Dzwonkowski, Konstanty Jarnowski oraz Michał Łempicki i Ignacy Czepiński. Pietraszkiewicz od 1841 r. oficjalnie był kancelistą. W ramach ułaskawień część zesłańców mogła znaleźć zatrudnienie w tobolskich urzędach: Stanisław Kiersnowski, Pietraszkiewicz, a Szaniawski miał do wyboru służbę cywilną lub wojskową ([31, s. 491 – 493; 3, s. 34 – 35, 45 – 46, 57, 59, 106, 109, 235 – 236, 346, 516 – 517, 647, 697]. Trudni do zidentyfikowania są Szkuratowski i Czepiński, nie wiadomo gdzie był na zesłaniu Michał Łempicki i kim był Oraczewski. Wymieniony w tej grupie Adolf Januskiewicz przeniósł się z Iszymia do Omska, a Walery Waksman mieszkał w Tarze). Przeniesienie siedziby generała-gubernatora do Omska, ułatwiło znalezienie zatrudnienia Polakom w Tobolsku. Przyjazd ułaskawionych zesłańców do Tobolska, Pawsza mylnie datował na lato 1840 r.

Przytaczane przez Iwanowskiego zapisy z kolejnych lat dziennika Pawszy były coraz krótsze, właściwie epizodyczne. W styczniu 1842 r. przyjechał z Jałutorowska do pracy w Tobolskim Rządzie Gubernialnym Julian Rościszewski, a wyjechał do Warszawy chory major Schröder. W wyniku usilnych starań matki, Rafał Kiersnowski otrzymał pozwolenie na powrót do stron rodzinnych. Pawszę chciano wysłać do Uspienskiego Zawodu, władze kilkakrotnie kierowały go na badania lekarskie, ale ostatecznie zdołał załatwić sobie orzeczenie, pozwalające mu pozostać w Tobolsku. Tak jak w latach trzydziestych dom Strumiłły, tak w latach czterdziestych dom Pawszy stał się miejscem spotkań tobolskiej Polonii. Na zapustach oprócz ks. Jurgielewicza bywali: Kozłowski, Szaniawski, Pietraszkiewicz, Marchocki i przenoszony na osiedlenie do Turyńska Justynian Ruciński. Przeniesienie z guberni irkuckiej do tobolskiej miało dla zesłańców bardzo istotne znaczenie, «przesiedlenie go do miasta Turińska w tobolskiej guberni, na samej z Europą granicy». W porównaniu ze wschodnią Syberią, było to bliżej stron rodzinnych i dlatego żegnający go koledzy szczerze mu zazdrościli [31, s. 494 – 495; 27, s. 368 – 369]. (Nic nie wiadomo o trzech innych zesłańcach: Zaborowskim, wyznaczonym do Omska, Humińskim, skierowanym na osiedlenie do Tobolska i szeregowcu Perłowskim z Wilna). Na imieninach u Pawszy w 1843 r. było mieszane polsko-rosyjskie towarzystwo. Polskie grono było takie same jak w poprzednich latach, za to Rosjan reprezentowali: Bułyginowie, sprawnik z żoną i inspektor Miłaman. Dziwił nieco Pawszę stosunek Rosjan do polskich zesłańców: «choć Polacy na Syberii wobec prawa byli degradowani; w stosunku towarzyskim rosyjscy urzędnicy u siebie ich przyjmowali i u nich bywali. Prostoduszności, gościnności odmawiać Rosjanom nie można, i tej przyrodzonej poczciwości, która dotąd u nich się zachowuje» [31, s. 497]. (Nieznana jest postać Gulewicza, który we wrześniu 1843 r. jechał przez Tobolsk z Tary do Włodzimierza). Warty podkreślenia był także fakt, że losy obydwu narodów od rozbiorów Polski zostały ze sobą ściśle połączone. Na zapusty 19 lutego 1846 r. przyjechało do Pawszy stałe grono gości: ks. Jurgielewicz, Kozłowski, Moraczewski, Higersberger, Pietraszkiewicz, Stefański. Na spotkaniu był przybyły w 1845 r. na służbę cywilną do Tobolska Eugeniusz Pfaffius, ale po roku czasu przeniósł się z powodów rodzinnych do Irkucka. Nie było już Marchockiego, gdyż w 1845 r. wyjechał do Odessy. Z opóźnieniem, ale odnotował Pawsza przeniesienie z Irkucka do Tobolska doktora Ferdynanda Wolfa - nastąpiło to w maju 1845 r. Ściągnął go tutaj jego bliski przyjaciel Aleksandr Murawiew [31, s. 499; 27, s. 183, 194]. (Nowe ale nieznane bliżej nazwiska to: Brzozowski, Korzeniowski, Porecki, Pawłowski i Rogalski). Od 1845 r. Wolf pracował jako lekarz więzienny, zmarł i został tu pochowany w 1854 r.

Na imieninach Pawszy w 1848 r., oprócz znanego stałego grona Polaków, obecni byli m.in.: Moraczewscy, Annienkowowie i Murawiewowie z dziećmi, nieznane małżeństwo Żylinów oraz Iwan Zebulin. Na imieninach ks. Jurgielewicza - 17 kwietnia - też «było wielu

Rosjan i wszyscy Polacy». Imieniny Pawszy były coroczną okazją do spotkania się zarówno środowiska zesłańczego, jak i mieszkających w Tobolsku polskich urzędników, osób samotnych i rodzin z dziećmi. Nasz solenizant podsumował to następująco: «W Tobolsku solennie imieniny Rodacy i Rosjanie obchodzili. Polacy wtedy śpiewali narodowe polskie pieśni, Rosjanie nieraz im wtórowali» [31, s. 502, 505, 508]. Co roku na tych przyjęciach, obok znanych, pojawiały się nowe polskie nazwiska, o których nadal często nic nie wiemy. Niejako z kronikarskiego obowiązku odnotował Pawsza zmianę generała-gubernatora Syberii Zachodniej w 1850 r. Podkreślił, że ks. Gorczałow «dla zesłanych Polaków był względny». Gdy na osiedlenie w 1852 r. przyjechał Mieczysław Chwalibóg, jego mieszkanie stało się nowym miejscem spotkań Polaków i być może z tym związany był donos panny Darii Miller. Wiadomości, zwłaszcza te ważne dla zesłańców, docierały do nich bardzo szybko. Już 4 marca 1855 r. wiadano o śmierci Mikołaja I, a w następnym roku 8 września głośno było w Tobolsku o manifeście koronacyjnym i ułaskawieniach. W związku z tym do miasta zaczęli przyjeżdżać zesłańcy, licząc na szybką możliwość opuszczenia Syberii. Już w 1855 r. przybyli z Tary bracia Onufry i Dionizy Skarzyńscy, a z Kurganu z chorą żoną przyjechał Seweryn Malinowski. Z Tomska dotarł dekabrysta Gawriił Batien'kow, po odbiór skonfiskowanych kosztowności. Spędzonych w samotności, w Twierdzy Pietropawłowskiej 20 lat, Batien'kow nie liczył do swego wieku, «Bardzo się prędko z tym wszystkim, co się działo na świecie, obeznał, był ocytany i przyjemny». Ocena charakteru i siły woli dekabrystów była bardzo wysoka: «Dekabryści byli ludzie żelazni, podziwiającej siły moralnej i fizycznej; wycierpieli niewymowne męki, potrafili je przetrwać i zdrowia nie utracili». Ciekawą i wymowną była opinia Pawszy o przybyłych z Jałutorowska Puszczynie i Murawiewie-Apostole: «Widziałem się z przybyłym z Jałutorowska Iwanem Puszczynem, jest to brylant między dekabrystami [...] Poznałem tam przybyłego z Jałutorowska Matwieja Murawiewa-Apostoła. Spędziłem cały wieczór w ich miłym towarzystwie, ale nie mogliśmy się zgodzić w opiniach i nie było końca naszym sporom. Na koniec rzekłem: dajmy spokój tym sporom; panom nie da się mnie przekonać; ja nie mogę zrozumieć panów, a panowie także mnie nie chcecie zrozumieć. Pozostańcie przy swoim zdaniu, ja zachowam swoje i niech to nie przeszkodzi nam być dobrymi przyjaciółmi». Najbardziej istotny był jednak dalszy ciąg myśli Pawszy: «Ta różnica opinii była w kwestii polskiej, Rosjanie wszyscy bez wyjątku, nawet ci, którzy najsrozsze męki cierpieli [...] nie przypuszczali nigdy, aby Polska od poddaństwa rosyjskiego wolną być mogła, aby była niezależną i równą w swych prawach innym narodom. Liberaliści rosyjscy chcieliby zmiany rządu, ale od ujarznienia Polski nie odstępowali nigdy w swych pryncypiach i zamiarach» [39, s. 318 – 319; 31, s. 509, 511, 514, 515, 520 – 522; 44, s. 213 – 218; 3, s. 105, 362 – 365].

Jednoznacznie ocenić wzajemne relacje polskich zesłańców i dekabrystów na Syberii nie jest rzeczą prostą. W wielu dotychczasowych opracowaniach akcentowało przede wszystkim to co łączyło te dwa środowiska, pomijając milczeniem rozbieżności (przykładem może być: [45]). Obydwie grupy zesłańców łączył przede wszystkim wspólny los i podobne warunki odbywania kary, dzieliły cele polityczne. Dekabryści chcieli dokonać głębokiej reformy lub nawet zmiany ustroju w Rosji, Polacy – odzyskać niepodległość. Rozbieżności w ocenie problemu polskiego widać było nie tylko wśród dekabrystów z Syberii Zachodniej, ale także i Wschodniej. Ceniony i lubiany przez Polaków Michał Łunin, też nie widział konieczności przyznania Polsce pełnej niepodległości. Proponowany przez Łunina model stosunków polsko-rosyjskich, miał być podobny do irlandzko-szkocko-angielskiego. Nie mogło to znaleźć akceptacji wśród Polaków [32, s. 305, 310 – 313]. Te różnice poglądów widoczne były także w kontaktach z pietraszewcami, a przykładem może być opinia Waleriana Staniszewskiego. W orenburskim szpitalu spotkał Piotra Szaposznikowa, «towarzystwo jego znalazłem bardzo przyjemnym, był to bowiem człowiek ukształceniem i poglądem na rzeczy wyższy nad sferę, w której żył zwykle [...] Były jednak w pojęciach naszych różnice, w których nie mogliśmy się pogodzić». Wydaje się, że najbardziej realnie ocenił te relacje Michał Janik pisząc: «Różni pamiętnikarze z tego okresu piszą życzliwie o dekabrystach, ale czynią to przygodnie i jakby mimochodem».

Głównym celem polskich pamiętnikarzy nie było opisywanie relacji z rosyjskimi rewolucjonistami, ale losów własnych i polskich współwygnańców. Nie oznacza to, że tych kontaktów nie było lub ich unikano. Wręcz przeciwnie, «Gdy okoliczności pozwoliły, zaczęło się współżycie naszych z Dekabrystami na gruncie towarzyskim» i dalej – jak w przypadku Juliana Sabińskiego – «Nasi i Dekabryści wzajemnie się odwiedzali i dochodzili do zażyłości» [46, s. 187 – 188; 19, s. 200 – 202]. Obydwa środowiska reprezentowały sfery ludzi inteligentnych i zawsze można było znaleźć problemy nie tylko dzielące ale i łączące. Nie dysponujemy wystarczająco obszernym polskim materiałem źródłowym dla całościowej oceny tych kontaktów. Najobszerniej przedstawił je wspomniany powyżej Julian Sabiński, ale już w «Opisaniu Zabajkalskiej krainy w Syberii» Agatona Gillera, kontakty z dekabrystami są na dalszym planie. Natomiast bardzo ostro oceniał relacje z rosyjskimi zesłańcami Staniszewski pisząc, że nie byli skłonni «do oddania nam hołdu z uderzeniem się w piersi i przyznaniem, że między nimi a nami zachodzi stosunek ciemniejszy do pokrzywdzonego» [46, s. 285; 47]. Najkrócej mówiąc, trzeba w tych kontaktach wyraźnie oddzielić relacje czysto ludzkie, od ocen i koncepcji historyczno-politycznych, które zawierały dzielące ich emocje.

Spis Literatury:

1. *Кучер, В. В.* Симпозиум по истории сибирской политической ссылки / В. В. Кучер, Г. А. Бочанова // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 109 – 111.
2. *Бочанова, Г. А.* Политическая ссылка в Сибири в конце XVIII – начале XX века. Источники и историография / Г. А. Бочанова, Л. М. Горюшкин // Вопросы истории. 1985. № 1. С. 155 – 157.
3. *Śliwowska, W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku : słownik biograficzny / Wiktoria Śliwowska ; Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa : "DiG", 1998. 835 s.
4. *Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim : Gustaw Ehrenberg i "świętokrzyżcy" = Sodužestvo Pol'skogo Naroda v Korolevstve Pol'skom : Gustav Èrenberg i "sventokřižcy" / [red. t. W. A. Djakow, S. Kieniewicz, W. Śliwowska ; do dr. przygot. W. A. Djakow i in.].* Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. 477 s.
5. *Spoleczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku = Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 году / [red. t.: W. A. Djakow i in.] ; dokumenty do dr. przygotowali: W. A. Djakow, W. Śliwowska] ; Polska Akademia Nauk. Instytut Badań Literackich. Instytut Historii, Akademiâ Nauk SSSR. Institut Slavânovedeniâ i Balkanistiki, Akademiâ Nauk USSR. Institut Obšestvennyh Nauk. Wrocław [etc.] : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. 807 s.*
6. *Wiosna ludów w Królestwie Polskim. Organizacja 1848 roku, red. W. A. Djakow, S. Kieniewicz, W. Śliwowska.* Wrocław, 1994. 584 s.
7. *Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Podolu, Wołyniu i w guberni kijowskiej. Szymon Konarski = Содружество Польского Народа в Подольской, Волынской и Киевской губерниях. Шимон Конарский / [red. tomu Magdalena Micińska] ; Polska Akademia Nauk. Instytut Badań Literackich. Instytut Historii, Российская академия наук. Институт славяноведения. Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2009. 581 s.*
8. *Тальская, О. С.* Письма декабриста А. Ф. Бриггена в III Отделение / О. С. Тальская // Политическая ссылка в Сибирь XIX-начало XX в. Историография и источники / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1987. 226 с.
9. *Тальская, О. С.* Члены тайного общества военных друзей в Сибири / О. С. Тальская // Советское славяноведение. 1971. № 4. С. 20 – 25.
10. *Орлова, Н. К.* Общество военных друзей в Отдельном литовском корпусе (1825 г.) / Н. К. Орлова // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 1982. № 1. С. 49 – 57.

11. *Sapargalijew, G.* Polacy w Kazachstanie w XIX w. / Gajrat Sapargalijew, Władimir Dżakow ; tł. Anna Trombala i Jan Plater. Warszawa : Czytelnik, 1981. 321 s.
12. *Роцевский, П. И.* Участники антикрепостнической борьбы первой половины XIX века на каторге на Успенском винокуренном заводе Тобольской губернии / П. И. Роцевский // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1980. Вып. V. С. 3 – 20.
13. *Nagajew, A.* Plany powstańcze zesłańców polskich w Syberii Zachodniej w 1833 r. w świetle materiałów Centralnego Państwowego Archiwum Wojskowo-Historycznego w Moskwie / A. Nagajew // Społeczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku = Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 году // [red. t.: W. A. Dżakow et al. ; dokumenty do dr. przygotowali: W. A. Dżakow, W. Śliwowska] ; Polska Akademia Nauk. Instytut Badań Literackich. Instytut Historii, Akademiâ Nauk SSSR. Institut Slavânovedeniâ i Balkanistiki, Akademiâ Nauk USSR. Institut Obšestvennyh Nauk. S. 119 – 137.
14. *Нагаев, А. С.* «Омское дело». 1832–1833 гг. / А. С. Нагаев // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX-XX вв.). Вып. I. Красноярск, 1976. С. 3 – 40.
15. *Нагаев, А. С.* Источники и литература по истории "Омского дела" 1832 – 1833 гг. / А. С. Нагаев // Политическая ссылка в Сибири XIX - нач. XX в. : Историография и источники. Новосибирск : Наука, 1987. С. 130 – 137.
16. *Нагаев, А. С.* «Омское дело» 1832-1833 годов / А. С. Нагаев // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. Н. Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. Вып. IX. С. 44 – 59.
17. *Нагаев, А. С.* "Омское дело" 1832 – 1833 гг. / А. С. Нагаев. Красноярск, 1991. 208 с.
18. *Mitina, N.* Echa "sprawy omskiej" w Permie i Jekaterynburgu / N. Mitina // Społeczeństwo polskie... S.138 – 145.
19. *Janik, M.* Dzieje Polaków na Syberji / M. Janik. Kraków, 1928. Rozdział VII. S. 148 – 183.
20. *Janik, M.* Nieznana relacja w sprawie omskiej / M. Janik // Kwartalnik Historyczny. 1929. № 3. S. 348 – 358.
21. *Fiećko, J.* Droga ku męce. O syberyjskiej postawie księdza Jana Henryka Sierocińskiego / J. Fiećko // Przegląd Powszechny. 1988. № 2. S. 186 – 207.
22. *Śliwowska, W.* Ucieczki z Sybiru / W. Śliwowska. Warszawa : Wydawnictwo Iskry, cop., 2005. 448 s.
23. *Śliwowska, W.* Księdza Jana droga do Polski / W. Śliwowska // Przegląd Wschodni. 1991. Z. 1. S. 169 – 184.
24. *Librowicz, Z.* Polacy w Syberii / przez Zygmunta Librowicza. Kraków : G. Gebethner i Spółka, 1884. 380 s.
25. *Caban, W.* Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831-1873 / Wiesław Caban ; Towarzystwo Miłośników Historii. Warszawa : DiG, 2001. 268 s.
26. *Перцева, Т. А.* Декабристы в Сибири / Т. А. Перцева // Энциклопедия Сибири [Электронный ресурс] URL : [http : //russiasib.ru/dekabristy-v-sibiri](http://russiasib.ru/dekabristy-v-sibiri) (дата обращения: 20.03.2015).
27. *Dziennik syberyjski* / Julian Glaubicz Sabiński ; do dr. z rękopisu przygotowali Wiktor i René Śliwowsky ; przedm. i przyp. opatrzył Jan Trynkowski. Warszawa : Wydawnictwo Neriton : Instytut Historii PAN, 2009. T. 1. 518 s., T. 2. 508 s., T. 3. Indeks osób. 180 s.
28. *Голодников, К. М.* Государственные и политические преступники в Ялutorовске и Кургане / К. М. Голодников // Исторический Вестник. 1888. Т. 34. № 10-12. С. 753 – 761.

29. *Ретунский, В. Ф.* Царская политика размещения декабристов в Западной Сибири (К историографии и проблематике вопроса) / В. Ф. Ретунский // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. Трудов / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. Вып. VIII. С. 50 – 61
30. *Bazyłow, L.* Społeczeństwo rosyjskie w pierwszej połowie XIX wieku / Ludwik Bazyłow. Wrocław: Ossolineum, 1973, 506 s.
31. *Iwanowski, E.* Pamiętki polskie z różnych czasów. T. 2 / przez Eu...go Heleniusza. Kraków: nakł. aut., 1882, 698 s.
32. *Nowiński, F.* Polacy na Syberii Wschodniej: zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym / Franciszek Nowiński; Gdańskie Towarzystwo Naukowe. Wydział I Nauk Społecznych i Humanistycznych. Gdańsk: Wydawnictwo Gdańskie, 1995, 433 s.
33. *Migurski, W.* Pamiętniki z Sybiru / W. Migurski. Lwów, 1863. 250 s.
34. *Felińska, E.* Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie. T. 1 / spisane przez Ewę Felińską. Wilno: nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1852. 348 s.
35. *Tumanik, J. N.* Управленческий конфликт: Декабрист А. Н. Муравьев во главе Тобольской губернии [Źródło elektroniczne]. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=632918> (dostęp z dnia 30.03.2015).
36. *Тальская, О. С.* Декабристы и ссылки в Кургане / О. С. Тальская // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. Трудов / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. Вып. XI. С. 96 – 112.
37. *Дьяков, В. А.* Воспоминания Юлиана Росчишевского – новый источник о пребывании декабристов в Западной Сибири / В. А. Дьяков // Сибирь и декабристы: Сб. / Отв. ред. Б.С. Мейлах. Вып. 3. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983.
38. *Piotrowski, R.* Pamiętniki z pobytu na Syberji Rufina Piotrowskiego. T. 2. Poznań: Księgarnia Jana Konstantego Żupańskiego, 1861, 335 s.
39. *Pamiętniki dekabrystów.* T. III. Sprawy dekabrystowskie w pamiętnikarstwie polskim / wyboru dokonał i przypisami opatrzył Wacław Zawadzki. Warszawa: Państw. Instytut Wydawniczy, 1960. 909 s.
40. *Ruciński, J.* Konarszczyk: 1838-1878: pamiętniki zesłania na Sybir / Justyniana Rucińskiego. Lwów: Jakubowski & Zadurawicz, 1895. 246 s.
41. *Fiel, S.* Na syberyjskim trakcie: Polacy w Kraju Tiumeńskim / Sergiusz Fiel; [tł. z jęz. ros. Ewa Rosowska]. Warszawa: Arx Regia. Ośrodek Wydawniczy Zamku Królewskiego, 1999. 148 s.
42. *Felińska, E.* Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie. T. 2 / spisane przez Ewę Felińską. T. II. Wilno: nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1852. 299 s.
43. *Włoński, R.* Pobyt na Syberji Rafała Włońskiego przez niego samego w Rzymie opisany w 1865 r. / R. Włoński. T. II. Kraków, 1873. 131 s.
44. *Śliwowska, W.* Mieczysława Chwaliboga list z «domu umarłych» / W. Śliwowska // Pamiętnik Literacki. T. XXXII. 1991. Z. 2. S. 213 – 218.
45. *Шостакович, Б. С.* Политические ссылки поляки и декабристы в Сибири / Б. С. Шостакович // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сб. науч. Трудов / Отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1973. Вып. I. С. 243 – 292.
46. *Staniszewski, W.* Pamiętniki więźnia stanu i zesłańca, opr. A. Gałkowski i W. Śliwowska, postowie W. Śliwowska. Warszawa, 1994. 333 s.
47. *Giller, A.* Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberii / A. Giller. T. 1-3. Lipsk, 1867. 950 s.

F. Nowinski

Decembrists from Western Siberia in Polish and Russian literature, relationships with Poles

Summary: Decembrists contacts with Poles in Western Siberia were made possible by the fact that the residence of the former exile coincided with exile of Poles after the November Uprising. Source database on the subject is vast, and even literature which treated of this subject can be considered rich. Leader in the research lead Siberian historians. Polish historians were interested in the subject of the Decembrists in so far as it was connected with the fate of Polish exiles.

Key words: The Decembrists, Polish exiles, Siberia, 19th century, Polish and Russian historiography, memoirs.

Uniwersytet Gdański (Witt Stwosz Str. 55, 80-952 Gdańsk; tel: +48 58 5232039; e-mail: sekih@ug.edu.pl)

УДК 94:325.2(=162.1)(571)

J. Trynkowski

TADEUSZA HRECZYNY LISTY Z NAD MORZA OCHOCKIEGO

Streszczenie: Tadeusz Hreczyna był lekarzem pracującym w guberni Irkuckiej, w okręgu Kamczackim. Do tej pory nie przyciągnął zainteresowania badaczy, przez co życiorys tej interesującej postaci nie został dostatecznie przebadany. Z zachowanych listów, z których część została opublikowana, a część zachowała się w formie rękopiśmiennej, dowiadujemy się o jego podróży do Irkucka, powodach, które kierowały nim gdy przyjmował posadę lekarza na Syberii oraz o jego życiu i pracy tam, na miejscu.

Słowa kluczowe: Tadeusz Hreczyna, polscy lekarze, Syberia, XIX wiek, dobrowolni osiedleńcy.

Badając charakter kontaktów między Polakami przebywającymi w XIX wieku na Syberii z różnymi grupami ludności miejscowej, musimy korzystać ze świadectw jakie oni pozostawili. Jest oczywiste, że niemal w każdym przypadku owe kontakty jak i ich charakter będą odmienne. Będzie to zależało, tak od cech osobowych ludzi wchodzących w takie relacje, ich wykształcenia, sytuacji prawnej czy materialnej. Dopiero analiza większej ilości pojedynczych przypadków może pozwolić na formułowanie wniosków natury ogólniejszej.

Osobną, a zasługującą na uwagę grupę stanowili pracujący na Syberii lekarze. Wszyscy, z natury rzeczy posiadający wyższe wykształcenie, materialnie niezależni, wchodzący z racji wykonywanego zawodu w szerokie kontakty z miejscową ludnością, mieli możliwość gromadzenia doświadczeń, a na ich podstawie formułowania opinii. Warto przy tym zauważyć, że nie ma tu praktycznego znaczenia czy byli zesłańcami, czy lekarzami dobrowolnie tu przybyłymi w poszukiwaniu pracy. Potwierdzać to zdają się przypadki lekarzy skazanych na katorgę – formalnie pozbawionych prawa wykonywania zawodu, a mimo to prowadzących praktykę, przynoszącą im zarówno dochody jak i szacunek otoczenia. Tak było z dr Józefem Antonim Beaupre [1], czy dr

Anicetym Renier [2; 3]. Właściwie podobnie było z zesłanym na mocy wyroku sądowego do służby w wojsku (w charakterze lekarza) Maciejem Łowickim [4; 5].

Jak się zdaje, nie ma też większego znaczenia, miejsce ich przebywania i pracy. To ostatnie w jakiejś mierze usprawiedliwia odstępstwo od przyjętego przez organizatorów konferencji ograniczenia terytorialnego (Syberia Zachodnia)

Tadeusz Hreczyna, bo nim będzie tu mowa, ukończywszy w 1815 r. Uniwersytet Wileński, przyjął zaproponowaną mu posadę lekarza powiatowego w Giżydze (Iżiginsk, Giziginsk) nad Morzem Ochockim w okręgu Kamczackim guberni irkuckiej (Obecnie wieś w Sewiero-Ewenskim rejonie obłasti Magadańskiej). Z miejsca swej pracy wysyłał do Wilna listy, z których kilka zostało opublikowanych, kilka zachowało się w rękopisie. Będą one podstawą poniższego tekstu, dlatego też słuszne będzie ich wyszczególnienie w porządku chronologicznym.

1. Bez daty (pisany zaraz po przyjeździe do Irkucka, czyli po 3 I 1816 r.) do Michała Homolickiego. „Dziennik Wileński”, t. VI, nr 32, 1817 r., s. 157 – 176 (Wyjątki z listów Pana Tadeusza Hreczyny doktora medycyny, pisanych z Hiżygi do przyjaciela w Wilnie mieszkającego); Rękopis w Bibliotece Litewskiej Akademii Nauk w Wilnie [BLAN. F. 7 – 1607. K. 1 – 2].

2. 15 I 1817 r. z Giżygi do M. Homolickiego. Rkps [BLAN. F. 7 – 1607. K. 5 – 10 v.].

3. 22 I 1817 r. z Giżygi do M. Homolickiego. „Dziennik Wileński” t. VI, nr 32, 1817, s. 176 – 177. Rkps [BLAN. F. 7 – 1607. K. 3 – 4 v.].

4. 30 VI 1817 r. z Giżygi do M. Homolickiego. „Dziennik Wileński” t. VI nr 36, 1817, s. 660 – 664 (Wyjątek z trzeciego listu Pana Tadeusza Hreczyny, pisanego z Hiżygi do przyjaciela w Wilnie mieszkającego). Rkps [BLAN. F. 7 – 1607. K. 11 – 12].

5. 15 VII 1817 r. (Data z pewnością błędna). W liście do M. Homolickiego z 30 VI 1817 r. (list 4), Hreczyna pisze: „Według postanowienia mojego do W. Franka z odchodzącym okrętem list w którym opisanie choroby tu panującej pomieściłem”. Tak więc list ten wysłany został przed 30 VI. Nie dysponując rękopisem listu do Franka, możemy tylko przypuszczać, że faktyczna data listu to 15 czerwiec (miesiąc wcześniej) z Giżygi do J. Franka. „Pamiętnik Towarzystwa Lekarskiego Wileńskiego”, t. 1, Wilno 1818, s. 279 – 285 (List Doktora Tadeusza Hreczyny, lekarza skarbowego w mieście powiatowym Hiżydze na Kamczatce, pisany pod d. 15 lipca 1817 do Profesora Józefa Franka w Wilnie).

6. 28 VI 1818 r. z Giżygi do M. Homolickiego. Rkps [BLAN. F. 7 – 1607. K. 13 – 14].

7. 6 III 1826 r. Ostropola do M. Homolickiego. Rkps [BLAN. F. 7 – 1607. K. 15 -16].

Adresatami tych listów są Józef Frank – profesor Uniwersytetu Wileńskiego i promotor rozprawy doktorskiej Hreczyny, oraz Michał Homolicki, jego kolega ze studiów i bliski przyjaciel. Listy drukowane w periodykach wileńskich publikowane były w fragmentach i poddane obróbce redakcyjnej (nieznacznej). Dysponujemy szczęśliwie ich rękopisami (z wyjątkiem listu 5). Poniższe cytaty pochodzą z rękopisów i opatrzone będą kolejnym numerami.

Osoba Tadeusza Hreczyny nie przyciągała jak do tej pory uwagi badaczy. Dobrym tego świadectwem są dwa (chyba jedyne) publikowane jego biogramy [6; 7]. Oba biogramy wymieniają dalszą (skromną) literaturę, różniące się w sposób istotny w szeregu ważnych konkretów (daty życia!).

Urodził się w 1788 r. na Wołyniu w parafii Kotelnia, powiatu żytomierskiego, w niezbyt zamożnej rodzinie szlacheckiej, katolik, syn Michała. Ojciec jego w 1815 r., gdy Tadeusz wyruszał do swej pracy nad morzem Ochockim, już nie żył. Pozostała przy życiu matka znajdowała się w trudnych warunkach materialnych. Po ukończeniu szkoły powiatowej w Żytomierzu, wstąpił (w 1809 r.) na Wydział Lekarski Uniwersytetu Wileńskiego. Jako niezamożny, uczył się na koszt skarbu państwa. Pod kierunkiem prof. J. Franka napisał i obronił w sierpniu 1815 rozprawę doktorską na temat wysypki rțęciowej (Dissertatio inauguralis

doctrinam de exanthemate mercuriali casu practico locupletans. Vilnae 1815). Zobowiązany do odsłużenia otrzymywanego stypendium, wybrał posadę lekarza powiatowego w Giżydze nad m. Ochockim. O motywach jakie nim kierowały przy podejmowaniu tej decyzji sam pisze (w liście 2) przy okazji propozycji jaką otrzymał od gubernatora irkuckiego, by pozostał w Irkucku lub okolicach: „mógłbym się zostać, gdybym nie przekładał wygód naznaczonych dla kamczatskich lekarzów” [O owych „względach” dla lekarzy pracujących na Kamczatce i w Giżydze zob.: 8]. Wyjazdowi Hreczyny z Wilna towarzyszą dramatyczne okoliczności. Tak o tym pisał w swych pamiętnikach prof. J. Frank: „Gdy już dzień wyjazdu był postanowiony, Hreczyna prosił mnie o zwłokę, której mu udzieliłem i to nie tylko ten jeden raz. Podejrzewając, że kryje się w tym jakaś tajemnica, postarałem się o informacje. Jakoż, dowiedziałem się, że Hreczyna przegrał w karty większą część przeznaczonych [na podróż] pieniędzy. Udając, że nic o tym nie wiem, poprosiłem gubernatora cywilnego, aby go zmuszono do wyjazdu. Gdy jednak kilka napomnień nie odniosło skutku, wyciągnięto Hreczynę z łóżka, wsadzono do kibitki i od guberni do guberni dowieziono do Tobolska...” [9, s. 107]. Wszystko wskazuje na to, że po latach, pisząc wspomnienia pamięć Franka zawiodła, lub też świadomie mijał się z prawdą. Powody opóźniania wyjazdu miał Hreczyna poważne. Suma pieniędzy jakie otrzymał na drogę, w wyniku urzędniczej pomyłki, była niższa niż się należało (przekonał się o tym już w czasie podróży, a pisał o tym w liście do M. Homolickiego (list 1): „Omyłka jaka mi się zdarzyła w wyrachowaniu odległości Iżygińska od Wilna jest bardzo wielka, zamiast bowiem 6644 werst, znalazło się 12000; pochodzi ta omyłka z niewiedomości grubej Litewskiego Pocztaamtu [...]. Ja opisaniu takowemu zawierzywszy, bezpiecznie puściłem się w podróż ufając, że mi pieniądze na drogę wystarczą; nie straciłem bowiem w Wilnie wziętej z Skarbu summy” – Końcowa część tego zdania, jest chyba delikatnym zaprzeczeniem twierdzenia J. Franka, jakoby pieniądze przegrał w karty). Nie otrzymał jednak dodatkowych pieniędzy, które mu się należały z racji pracy w tak odległych miejscach. Najważniejsze jednak było to, że skierowanie nie uwzględniało faktu, iż uzyskał stopień doktora medycyny, co oczywiście oznaczało wyższą rangę urzędniczą i wyższe pobory, najwyraźniej więc czekał na odpowiednie dokumenty, które powinny nadejść z Petersburga [Charakterystyczne, że redakcja „Dziennika Wileńskiego” (M. Homolicki?), opatrując pierwszy list Hreczyny wstępem (Wiadomości z Syberii, s. 152 – 157), uznała za słuszne zamieszczenie następujących wyjaśnień: „W Rosji stopniów medycznych, dających prawo do praktyki jest 6, a te są: lekarz czyli medyk trzeciej, drugiej i pierwszej klasy, doktor medycyny, medyko – chirurg, doktor medycyny i chirurgii” „Urzednicy do guberni sybirskich wysyłają się pospolicie na ochotnika, z pomnożeniem dla nich pożytków służby, mianowicie w podwyższeniu rangi [...] i powiększeniu etatowej pensji. Pan Hreczyna zostając w instytucie medycznym wileńskim [...], na wezwanie zwierzchności, oświadczywszy chęć służenia w owych guberniach, otrzymał przeznaczenie tam miejsca w stopniu lekarza czyli medyka; tymczasem na egzaminach w uniwersytecie przyznano mu stopień wyższy, to jest doktora [...]; lecz nie mogąc długo zwlekać wyjazdu, musiał [...] wyjechać z Wilna”]. Czy jakieś pieniądze przegrał w karty? – wykluczyć tego nie można, ale i potwierdzić nie ma dziś możliwości. Wszystkie te „nieformalności” jakie wobec niego popełniono, starał się naprawić już w czasie podróży, w sercu jednak zachował żal..., „pisałem prośby gdzie należy a pomiędzy innymi krzywdami przeze mnie poniesionymi nie opuściłem i tej, że ani Uniwersytet Wileński, ani Frank, ani Gubernator nie dawszy mi urzędownie na piśmie rozkazu jechania do naznaczonego miejsca przymuszony byłem policją do odjazdu...”. Data owego przymusowego wyjazdu z Wilna podana przez „Dziennik Wileński” (1817, t. 6, s. 152) – 25 grudnia 1815 r. jest ewidentnie błędna. Do Irkucka Hreczyna przyjechał 3 stycznia 1816 r. (sam o tym pisze w liście 1). Pokonanie drogi z Wilna do Irkucka (według ówczesnych pocztowych traktów 6193,5 wiorsty, czyli 6607 kilometrów), uwzględniając, iż w Tobolsku przez tydzień leżał w szpitalu, było oczywiście w tak krótkim czasie niemożliwe. Dodajmy, że wysyłanie go z Wilna w pierwszy dzień Bożego Narodzenia, byłoby wyjątkową złośliwością. Z Wilna musiał wyjechać

wcześniej (list 2). Wydaje się jednak, że istota tej sprawy tkwiła w tym, że Hreczyna czymś się J. Frankowi naraził, a ten mszcząc się nasłał na niego policję. Wynika to wyraźnie z następujących słów Hreczyny, który ze względów cenzuralnych sprawę tuszuje, żalu jednak ukryć nie potrafi: „Ja jego [Franka] przed wyjazdem niechcący i niewinnym wcale sposobem naraziłem na siebie, lecz on później poznał zapewne swoją w tej mierze nieostrożność za którą jednak nie mało pocierpiałem, chociaż byłem niewinny; jakkolwiek bądź zawsze jemu jestem wdzięczny chociażby i umyślnie mnie chciał w czymkolwiek szkodzić” (list 4)

Po długiej (11322 wiorsty, czyli 12073 km...) obfitującej w różne przejścia podróży, 24 sierpnia 1816 r. dotarł do miejsca swego przeznaczenia w Giżydze. O jego pobycie w tej maleńkiej miejscowości (Giżyga w tym okresie formalnie była miastem, a miała jak pisze Hreczyna, zaledwie 650 mieszkańców) wiemy tylko tyle, ile wynika z jego listów. Jego list do J. Franka (list 5), stał się bezpośrednim impulsem do powstania „Pamiętnika Wileńskiego Towarzystwa Wileńskiego” – jak J. Frank zapisał w swych pamiętnikach: „List Hreczyny, zawierający ciekawy opis chorób, panujących na Kamczatce, zakomunikowałem Wileńsk. Towarzystwu Lekarskiemu i skorzystałem z tego, by zachęcić je do dania znaku życia przez ogłoszenie drukiem tomu pamiętników” [9, s. 108]. Najprawdopodobniej ten sam list tłumaczony na łacinę (*De morbis illius regionis popularibus*), stał się podstawą do wybrania go w 1818 r. członkiem korespondentem Towarzystwa Lekarskiego Wileńskiego [Zob.: 10, s. 202, 206]. Można podejrzewać, że Józef Frank czując się winnym wobec Hreczyny, tą publikacją i tym wyborem, chciał dokonać czegoś w rodzaju ekspiacji... Po odbyciu przepisanego czasu służby (siedem lat - jak się wydaje cały czas w Giżydze), wrócił do kraju w 1825 r. i podjął na krótko pracę, jako lekarz powiatowy w powiecie hajsyńskim (na Podolu), by następnie (w 1826 r.) objąć podobne stanowisko w Jampolu (w tejże guberni). W 1831 r. otrzymał zwolnienie od służby państwowej [Nie znamy okoliczności, ale nasuwa się niejako automatycznie pytanie, czy to zwolnienie nie miało związku z powstaniem listopadowym]. Po dwu latach, w 1833 r. powrócił do służby i pracował jako operator (chirurg) w urzędzie lekarskim rządu gubernialnego w Wilnie. Data jego śmierci podawana jest różnie. Zmarł w Wilnie, zapewne 3 IX 1834 r.

Wymieniany jako brat Tadeusza, Grzegorz Hreczyna, znany matematyk (1796 – 1840), po ukończeniu Uniwersytetu Wileńskiego, wykładał w Liceum Krzemienieckim (do 1832 r.), Uniwersytecie Kijowskim (1834 – 1839), Uniwersytecie Charkowskim (1839 – 1840) [11], bratem rodzonym być nie mógł - był synem Błażeja [12, c. 137 – 139], podczas gdy ojciec Tadeusza miał na imię Michał. Tadeusz w swych listach nazywa go wprawdzie bratem, byli jednak zapewne braćmi stryjecznymi.

Zarówno osoba Tadeusza Hreczyny, jak i jego listy nie budziły do tej pory większego zainteresowania. Niedawno Ales' Barkouski opublikował w niszowym wydaniu (dostępnym w internecie [13]) tłumaczenie na język rosyjski pierwszego z listów T. Hreczyny, opatrzone skromnym wstępem i bez komentarza [14]. Jak się wydaje jedyny to ślad zainteresowania tymi listami w literaturze rosyjskojęzycznej. Na gruncie polskim sytuacja wygląda nie wiele lepiej. O listach (tych publikowanych w „Dzienniku Wileńskim”) pisał Witold Armon [15, s. 26 – 27; praca ta doczekała się tłumaczenia na język rosyjski: B. Армон, Польские исследователи культуры Якутов. Москва, 2001], wspominał w szeregu swych prac Antoni Kuczyński [16, s. 68 – 69; 17, s. 68 - 69], wzmiankowali inni... Pierwszą i jak do tej pory jedyną próbą uporządkowania naszej wiedzy tak o samym T. Hreczynie, jak i jego listach (również i tych zachowanych wyłącznie w rękopisie), jest tekst zgłoszony na konferencję poświęconą polskim lekarzom na Syberii jaka odbyła się w Łodzi w 2007 roku [18, s. 296 – 307]. Zgodnie z tematem konferencji główny nacisk położony został na informacje treści medycznej i przyrodniczej obecne w tych listach.

Listy T. Hreczyny, jakimi dysponujemy, pochodzą z krótkiego stosunkowo okresu lat 1816 – 1818 (listy 1 – 6), jeden tylko (list 7) jest późniejszy (1826 r.). Pisane są z drogi (z Irkucka – list 1), z miejsca pracy (z Giżygi – listy 2 – 6), oraz jeden już po powrocie do kraju

(list 7). Wielka to szkoda, że tylko te listy dotarły do naszych rąk. Z całą pewnością jego korespondencja z Michałem Homolickim nie ustała, tak przynajmniej wynika z listu 7, pisanego już po powrocie do kraju (6 marca 1826 r.): „Na ostatni mój list pisany z Giżygi do W. Pana Dobrodzieja nie odebrawszy żadnej odpowiedzi mniemałem, że już Pan nie żyjesz” . Ten „ostatni list”, to z pewnością nie może być, list 6, z czerwca 1818 r.... Pozostałe listy być może gdzieś się zachowały, należy mieć nadzieję, że zostaną odszukane. Inaczej wygląda sprawa z ewentualną korespondencją z Józefem Frankiem. Z nim wzajemne stosunki Hreczyny układały się inaczej niż z Homolickim, nie sposób tu mówić o przyjaźni... Warto też pamiętać, że prof. Frank w 1823 r. przeszedł na emeryturę i na stałe opuścił Wilno wyjeżdżając do Włoch [19, s. 221]. Listy z Giżygi (przez Ochock), można było wysyłać dwa do trzech razy w roku (wtedy gdy docierał tam statek). Wtedy też odbierano pocztę przychodzącą. Trudno sobie wyobrazić, by Hreczyna, rezygnował z tak rzadkich okazji kontaktu ze światem zewnętrznym, od którego na codzień był całkowicie odcięty.

Bardzo istotny wpływ na treść korespondencji, ma fakt, że nie tylko Hreczyna jest lekarzem, ale i jego korespondenci: Homolicki i Frank [Znana to prawda, że adresat listu, jest w jakiejś mierze, jego współautorem]. Trudno się w tej sytuacji dziwić, że tematyka „lekarska” w listach wyraźnie dominuje. Najlepiej to widać w liście do Franka (list 5), który niemal w całości poświęcony jest szczegółowemu opisowi jednej choroby. Interesuje Hreczynę również miejscowa przyroda (fauna i flora), którą w listach opisuje. Świadczą też o tym prośby o przysłanie fachowych książek, nie tylko medycznych (co naturalne), ale i z zakresu przyrody [20], (t. 1 w tłumaczeniu na język rosyjski ukazał się w Petersburgu w 1749 r.); [21; 22; 23]. To ostatnie związane jest z planami Hreczyny, który tak o nich pisze: „Jest moim zamiarem materiały cząstkowe zbierać, a pod koniec służby tu mojej, jeżeli zbiór takowy okaże się być godnym i osobliwie pożytecznym, w porządek ułożyć i swojemu przedstawić rządowi.” (list. 6) (Nic umiemy powiedzieć, czy i w jakim stopniu plany te zostały zrealizowane. Warto byłoby tego tekstu poszukać).

Wszystko to nie świadczy, że nie interesowali go napotkani ludzie, choć nie ulega wątpliwości, że nie pisze o nich zbyt wiele.

Ludzi z którymi się spotykał można podzielić na trzy grupy:

1. Autochtoniczni mieszkańcy Syberii;
2. Rosjanie tu mieszkający, lub czasowo tu przebywający;
3. Przedstawiciele administracji państwowej (urzędnicy wyższego, lub niższego szczebla)

Zanim jednak zobaczymy co pisze o reprezentantach tych trzech grup, warto chyba zauważyć dwie grupy, o których nie pisze. Pierwsza to Polacy, o których nie ma najmniejszej nawet wzmianki. Można to wytłumaczyć prosto: nikogo z rodaków nie spotkał, nie ma więc powodu by o tym pisać. Tyle, że w drodze do Giżygi zatrzymał się na trzy miesiące w Irkucku, gdzie od 1812 r. istniała obsługiwana przez OO Jezuitów najstarsza na Syberii parafia katolicka [24, s. 128]. Hreczyna był katolikiem, czyżby nie odwiedzał funkcjonującej wtedy kaplicy (kościół jeszcze nie był zbudowany)? Pytanie to musi pozostać bez odpowiedzi. Warto przytoczyć tu jeszcze jeden interesujący szczegół. Przebywając w Irkucku był zapraszany na obiady u gubernatora. Nie zawsze mógł z tych zaproszeń korzystać z powodów zdrowotnych, gubernator „nie wierząc mojej chorobie, przypisywał to częścią mojej gnuśności a częścią wrodzonej wszystkim Polakom hardości (takie tu mają o Polakach mniemanie)”. (list 2) Ta powszechnie znana w Rosji stereotypowa opinia o Polakach nie powinna zaskakiwać, zastanawia jedynie jej obecność w Irkucku w 1816 r., w sytuacji, gdzie jak mogłoby wynikać z listów Hreczyny, nie ma Polaków...?

Powszechny w Polsce w XIX wieku, zmitologizowany obraz Syberii (Sybiru) jako krainy zesłań [25, s. 161 – 177], nie znajduje w korespondencji najmniejszego potwierdzenia. Jedynie wtedy gdy opisuje ciężkie warunki, z uwagi na surowy klimat, utrudniające rozwój rolnictwa, jakby mimochodem stwierdza: „Wygnańce Ruscy za przestępstwa ponad rzeką

Leną (którędy trakt idzie jakucki), na mieszkanie wskazani, chociaż próbują na dolinach żyzniejszych (bardzo tu rzadkich) zasiewać chleb, lecz nigdy nie dojrzewa a dla niedostatku onego częstokroć przecierpiają głód” (list 2). Odnosi się wrażenie jakby osobiście nigdy z zesłańcami się nie spotkał...

Autochtoniczni mieszkańcy Syberii niewątpliwie budzili zainteresowanie Hreczyny. Dotyczy to ludów, które mógł obserwować w swej drodze do miejsca pracy (Tunguzi, Jakuci), jak oczywiście i ci z którymi spotkał się w Giżydze (Koriacy, a także, w mniejszym zakresie, Czukcze i Kamczadałowie). Poświęca im w swoich listach sporo miejsca opisując ich obyczaje, zajęcia, wierzenia, sposób odżywiania, ubiory. W gruncie rzeczy wszystko co wydało mu się godne odnotowania... Opisuje też, co w jego przypadku jest naturalne, choroby na jakie cierpeli. Tutaj pojawia się też wyraźna nuta zniecierpliwienia. „Roboty mam mało, a dochodów żadnych... Koriaki o lekarzu żadnego wyobrażenia nie mają i mieć nie chcą; u nich czarodzieje, których jest wielkie mnóstwo, zastępują miejsce i lekarzy i kapłanów.” (list 2)

Trzeba jednak przyznać, że jest obserwatorem bezstronnym, nie używa w stosunku do autochtonów epitetów typu „barbarzyńca”, czy „dzikus” – nie próbuje oceniać ich z pozycji „przedstawiciela wyższej cywilizacji”, co było w zasadzie powszechne ówczesnie u autorów, takich jak on. Nie nazywa ich też z pogardą „poganami” [Niejako na marginesie, warto zauważyć, że nie wiemy nic o życiu religijnym Hreczyny. Nie wiemy, czy, gdzie i kiedy realizował swe potrzeby duchowe. W Giżydze oczywiście nie było księdza katolickiego]. Opisowane obyczaje, z których niektóre mogły go szokować, takie na przykład, jak zaobserwowane u Czukczów: zabijanie chorego ojca przez syna, czy ustępowanie na noc żony budzącemu sympatię gościowi, nie spotykają się z wyraźnym potępieniem. Jeden i drugi obyczaj nazywa zaledwie „śmiesznym” (list 2). Tylko jeden raz porzuca ten sposób beznamietnej narracji, gdy w liście do J. Franka, skarży się, że trudno mu jest diagnozować występujące choroby: „chorzy zwyczajnie tak mało mają pojęcia i rozgarnienia, że cierpień swoich dokładnie opowiedzieć nie umieją... O otwieraniu ciał zmarłych ani pomyśleć nawet nie mogłem, bojąc się oburzyć przeciwko mnie lud dziki i nieokrzesany” (list 5). Oburzenie w tej właśnie sprawie, jest zaskakujące, gdy pamięta się o kontrowersjach jakie praktyka sekcji zwłok, wywoływała w jego ojczyźnie.

Wszystkie informacje, czy opinie mają charakter uogólniający, dotyczą danej grupy etnicznej w całości („Jakuty bawiący się tylko pasterstwem i łowiectwem, są gościnni, usłużni, na herbata, tytuń i wódkę niezmiernie łakomi i bardziej do łąk i kniei swoich przytwierdzeni, niżeli Tungusy, którzy na północ od drogi Jakuckiej mieszkający bezprzestannie z miejsca na miejsce wędrują...” (list 2)). Można powiedzieć, że w odniesieniu do ludów autochtonicznych jest Hreczyna obserwatorem zewnętrznym - ani razu nie wymienia z imienia, któregośkolwiek z reprezentantów tych ludów, istnieją oni dla niego wyłącznie jako członkowie większej zbiorowości.

W gruncie rzeczy, podobnie rzecz wygląda jeśli chodzi o jego stosunek do Rosjan na Syberii mieszkających. Inna sprawa, że w czasie podróży do Giżygi miał z nimi możliwość zetknięcia się w sposób raczej przelotny, a w samej Giżydze, nie tyle miasteczku ile fortecy, której mieszkańcy to głównie kozacy stanowiący garnizon wojskowy (i ich rodziny) nie miał zapewne zbyt wielu okazji, a być może i chęci do bliższych kontaktów. Interesujące, że nie ma o Rosjanach najlepszej opinii. Z Irkucka (spędził tam blisko trzy miesiące) wyniósł następującą opinię: – „Przez ciąg bawienia się mojego w Irkucku z wielu poznałem się osobami, lecz poufałości i szczerości pomimo wielkich moich starań nigdzie znaleźć nie mogłem, owszem poznałem, że tutejsi urzędnicy, równie jak mieszkańcy zysku tylko szukają...” (list 2). W Ochocku przebywał również około trzech miesięcy i wyrobił sobie o jego mieszkańcach opinię podobną: „W Ochocku prócz skorbutu i choroby wenerycznej nie widziałem drugich chorób. Co do obyczajów – oszukaństwo, podstęp, pochlebstwo są pospolitym rzemiosłem mieszkańców tutejszych, nie wyłączając nawet z tego niektórych urzędników.” (list 2). Nie

brakuje też obserwacji dotyczących tej prawdziwej plagi, jaką było wszechobecne pijaństwo. Zwróćmy uwagę, że Hreczyna, który z reguły występuje w roli obserwatora zewnętrznego, w tym przypadku jest „obserwatorem uczestniczącym”. „Mieszkańcy miasta Jakucka (to jest Rosjanie od dawna tu zamieszkali), jeszcze bardziej niżeli Jakuci w pijatyce wygórowali, tak dalece, że ja stosując się do ich zwyczaju, poniewolnie ulegając ich gościnności, z samego przyjazdu upiwszy się, nie prędzej trzeźwy zostałem aż po wyjeździe, inaczej zapewne by mnie mieszkańcy i urzędnicy tamtejsi nazwali hardym i głupim” (list 2). W Ochocku, „w kantorze kupców Rosyjsko – Amerykańskich, w każdą prawie niedzielę bywała pijacka kompania, między którymi też i ja miałem honor często się znajdować i ile możności prezerwatywą antyszkorbutyczną to jest rumem zdrowie ratować” (list 2). Na tym ogólnie ponurym obrazie, zupełnie wyjątkowe miejsce zajmuje Jakuck, „w tym pięknym i obfitym w mięso, mleko, masło i ser miasteczku, postrzegłem gościnność tutejszych mieszkańców nadzwyczajną i wcale bezinteresowną...” (list 2). Ta opinia tym bardziej dziwi, że bawił on tam zaledwie trzy dni i cały czas (jak sam pisze) był pijany... Jeszcze bardziej jednak zaskakuje to co pisze o źródłach takiego stanu rzeczy – „Ja mniemam, że przyczyną tak naglej przemiany w charakterze narodu, jest wzór z osoby naczelnej rządowej. Rządca bowiem tutejszy może być przykładem dla drugich – pilny, sprawiedliwy, poufały, małe przewinienia pokrywający, przystępny, szcudroblivy i t. d...” (list 2).

Pozostawiając powyższe bez komentarza, możemy przejść do ostatniej grupy ludzi z którymi Hreczyna miał kontakt – przedstawiciele państwowej administracji zajmujących kierownicze stanowiska (szczebla wyższego i niższego). Jest ich niewiele – obok wymienionego wyżej „rządcy Jakucka”, którego imienia nie udało się ustalić, są to jeszcze – „naczelnik Kamczatki”, W. Rykard, z którym prawdopodobnie się nie spotkał, „Komisarz żyzygiński” Kruz – z którym Hreczyna, jak pisze, żyje w przyjaźni, oraz gubernator irkucki którego nazwiska nie wymienia [Hreczyna, najwyraźniej unika podawania nazwisk ludzi z którymi się spotykał]. O tym ostatnim pisze relatywnie sporo, wprawdzie nie wystawia mu aż takiej „laurki”, jak wspomnianemu wyżej „rządcy Jakucka”, ale pisze o nim dobrze. Zaraz po przyjeździe do Irkucka, „wiele u niego znalazłem względów (...) litował się bardzo nad nieszczęściami i niewygodą poniesioną w podróży, ciekawie i bardzo poufale rozpytywał się o wielu rzeczach, (...) prosił mię abym u niego obiadował, w czasie obiadu przyjęty byłem z największą gościnnością, cała Gubernatorska familia i goście przytomni z ciekawością wielką przytomni z ciekawością wielką rozpytując się o różnych rzeczach z pilnością słuchali. Po obiedzie bawiłem się z synem JW. Gubernatora w bilard” (list 1)... „Tutejszy JW. Gubernator tyle jest przezorny, że każdego przejeżdżającego swojej guberni urzędnika zatrzymuje na czas niejaki w Irkucku, dla poznania jego sposobności, obyczajów i t. d.” (list 2). Gubernator irkucki, o którym pisze Hreczyna, nie wymieniając swoim zwyczajem jego nazwiska, to Mikołaj Treskin, [Nikołaj Iwanowicz Treskin (1763 – 1842), cywilny gubernator irkucki w latach 1806 – 1819] postać nietuzinkowa. Wszystko wskazuje na to, że będąc może nawet i energicznym administratorem, jednocześnie stał się despotą, o nieograniczonej niemal władzy, dopuszczającym się wielu nadużyć [26, s. 156 – 161]. Podobnie postępowali i naczelnicy powiatów... Pokrzywdzeni, których było wielu, byli bezbronni – jedyną nadzieję mogli pokładać w donosach i skargach wysyłanych do Petersburga. Treskin i jego podwładni dokładali wszelkich starań by skargi te nie dochodziły do stolicy [Łoskutow, naczelnik powiatu niżnieudyńskiego, starał się odebrać mieszkańcom papier i atrament, by uniemożliwić pisanie donosów. O tym wszystkim Hreczyna, był najwyraźniej dobrze poinformowany, tak bowiem pisał do M. Homolickiego (list 3): „Proszę mi darować, że w liście moim obszernym i nudnym, który na tejże poczcie osobno posłałem, znajdują się niektóre miejsca przemazane [Rzeczywiście, w liście 2 jest szereg takich „przemazanych” miejsc. Jak się zdaje dotyczą one właśnie miejscowej administracji], pisząc bowiem z Sibiru i w Sibir nadto nie można być

ostrożnym, częstokroć bowiem najmniejsza rzecz w przeciwną stronę wytłumaczona i źle zrozumiana [może] wielkich nieszczęść stać się przyczyną, o co tu nietrudno”.

Wielka to szkoda, że nie dysponujemy listami Hreczyny z późniejszych lat jego służby w Giżydze, moglibyśmy się z nich dowiedzieć jak reagował na skutki rewizji Syberii przeprowadzonej przez M. Sperańskiego, a były one istotne – 17 IX 1819 r. M. Treskin został aresztowany i postawiony przed sądem senackim, pociągnięci do odpowiedzialności byli również inni [27, c. 136 – 137; obok Treskina, do odpowiedzialności pociągnięty był również gubernator tomski – D.W. Illiczewski, w sumie śledztwo objęło 680 osób].

Zachowane list Hreczyny są interesujące i zasługują na większą niż dotychczas uwagę. Informacje dotyczące obyczajów autochtonów zamieszkujących okolice Giżygi, powinny być wykorzystane przez etnografów. Nie bez znaczenia mogą też być jego zapiski dotyczące miejscowej fauny i flory. Poruszające są jego relacje, jako naocznego świadka, dotyczące rozmiarów głodu, który dotknął te tak od centrum oddalone obszary rosyjskiego imperium i miał tak przerażające następstwa (przypadki kanibalizmu).

Dla tematu dzisiejszej konferencji, korespondencja ta może się początkowo wydawać mniej interesująca. Tak jednak nie jest. Niezwykła ostrożność, a właściwie lęk Hreczyny, by nie napisać czegoś co może wywołać gniew miejscowej władzy, unikanie tematów, które zapewne uważa on za „delikatne” (obecność Polaków, czy szerzej zesłańców), pokazują wyraźnie, że despotyczne rządy, takie jakie miały miejsce za władztwa Treskina, rzutują na charakter stosunków międzyludzkich, bez względu na to czy ktoś był Rosjaninem, czy Polakiem.

Nie mamy pewności, czy po usunięciu Treskina i jego ludzi, sytuacja, przynajmniej w oczach Hreczyny, zmieniła się w sposób istotny. Już po powrocie do kraju, pisze w roku 1826: „Ja przebyłem także na Syberii, nie zważając na odległość i bezludność miejsca nie mało przykrości. Doświadczyłem, że wszędzie gdzie się tylko znajdują ludzie, są między nimi zawiść i intrygi...”

Spis Literatury:

1. *Trynkowski, J.* Chatka Antoniego. Komentarz do obrazka „Obchód imienin Antoniego Beaupre w Nerczyńsku w 1855 r.” opublikowanego w „Przeglądzie Wschodnim” 1991, T. I, z. 2. / Jan Trynkowski // *Przegląd Wschodni*. 1991. Z. 4. S. 877 – 884.

2. *Trynkowski, J.* Anicety Renier – katorżnik / Jan Trynkowski // *Z dziejów Europy środkowo-wschodniej : księga pamiątkowa ofiarowana prof. dr. hab. Władysławowi A. Serczykowi w 60 rocznicę Jego urodzin* / [red.: Ewa Dubas-Urwanowicz et al.]. Białystok : Dział Wydaw. Filii Uniwersytetu Warszawskiego, 1995. S. 267 – 273.

3. *Trynkowski, J.* Anicetego Reniera, lekarza wileńskiego, reminiscencje przyrodnicze z pobytu na zesłaniu na Syberii w połowie XIX wieku / J. Trynkowski, Z. Wójcik // *Lekarze polscy na Syberii od XVIII do XX wieku : międzynarodowa konferencja* / pod red. Jerzego Supady'ego. Łódź, 2008. S. 283 – 295.

4. *Trynkowski, J.* Maciej Łowicki i jego „Lekarsko praktyczne notatki” / Jan Trynkowski // *Syberia w historii i kulturze narodu polskiego* / [pod red. Antoniego Kuczyńskiego] ; Uniwersytet Wrocławski. Ośrodek Badań Wschodnich i Katedra Etnologii, Wyższe Seminarium Duchowne Księży Salwatorianów, Stowarzyszenie "Wspólnota Polska", Wrocław : Wydawnictwo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego, 1998. S. 136 – 144.

5. *Трынковский, Я.* Мацей Ловицкий и его „Врачебно - практические заметки” / Я. Трынковский // *Сибирь в истории и культуре польского народа*. Москва : Ладомир, 2002. С. 146 – 154.

6. *Stocki, E.* Hreczyna Tadeusz (ok. 1790 – 1834) // *PSB*. T. 10. Wrocław, 1962. S. 52

7. *Szarejko, P.* Hreczyna Tadeusz (1788 – 1834?) // *Słownik lekarzy polskich XIX wieku*, T. V. Warszawa. 2000. S. 174 – 175.

8. *Полное собрание законов Российской Империи*. Т. XXXII. № 25791. 11 марта 1815 г.
9. *Frank, J. Pamiętniki / J. Frank // przeł. W. Zahorski*. Т. III. Wilno, 1913. 305 s.
10. *Zahorski, W. Zarys dziejów Cesarskiego Towarzystwa Lekarskiego w Wilnie (1806 – 1897) / W. Zahorski*. Warszawa, 1898. 304 s.
11. *Dianni, J. Hreczyna Grzegorz // PSB*. Т. 10. Wrocław, 1962. S. 51 – 52.
12. *Иконников, В. С. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Св. Владимира (1834 – 1884)*. Киев, 1884. 860 с.
13. *Бочкарева, М. (Яшка). Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы / М. Бочкарева. Часть II. Койданова : Кальвина, 2013 // Саха Сирэ [Электронный ресурс] : URL: <http://acaraj-kut.blogspot.ru/2014/01/2013.html>*
14. *Гречина, Т. Сообщения из Сибири (выдержки из писем) / Т. Гречина. Койданова : Кальвина, 2012 // Саха Сирэ [Электронный ресурс] : URL: <http://acaraj-kut.blogspot.ru/2014/01/2013.html>*
15. *Armon, W. Polscy badacze kultury Jakutów / Witold Armon ; [Polska Akademia Nauk. Instytut Historii Nauki, Oświaty i Techniki]. Warszawa : Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1977. 177 s.*
16. *Ludy dalekie a bliskie : antologia polskich relacji o ludach Syberii / wybór i komentarz Antoni Kuczyński*. Wrocław [etc.] : Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo. 300 s.
17. *Kuczyński, A. Syberia. Cztery lata polskiej diaspory : antologia historyczno-kulturowa / Antoni Kuczyński*. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1993. 435 s.
18. *Trynkowski, J. Tadeusz Hreczyna i jego posługa lekarska w północno – wschodniej Azji na początku XIX wieku / Jan Trynkowski, Zbigniew Wójcik // Lekarze polscy na Syberii od XVIII do XX wieku : międzynarodowa konferencja / pod red. Jerzego Supady'ego*. Łódź, 2008. S. 296 – 307.
19. *Beauvois, D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko – ruskich 1803 – 1832*. Т. 1, Uniwersytet Wileński / Daniel Beauvois ; [przekład z jęz. fr. Ireneusz Kania]. Rzym : Fundacja Jana Pawła II ; Lublin : Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1991. 379 s.
20. *Gmelin, I. G. Flora Sibirica sive historia plantarum Sibiriae / I. G. Gmelin*. Petropoli, Т. I – IV. 1747 – 1759. 572 s.
21. *Persoon, Ch. H. Species plantarum seu Enchiridium botanicum / Ch. H. Persoon*. Sankt Peterburg, 1817 – 1821. (5 t.). 477 s.
22. *Drzewiński, F. Początki mineralogii, podług Wernera ułożone dla słuchaczy akademickich / F. Drzewiński*. Wilno, 1817. 615 s.
23. *Instrukcyje do układania po gymnazyach i szkołach powiatowych zapisów w przedmiotach różnych nauk*. Wilno, 1817. 120 s.
24. *Masiarz, W. Powstanie i rozwój pierwszych parafii rzymskokatolickich na Syberii Wschodniej (1805 – 1937) / W. Masiarz // Kościół katolicki na Syberii : historia, współczesność, przyszłość / [pod red. nauk. Antoniego Kuczyńskiego] ; Uniwersytet Wrocławski, Centrum Duchowości Klaretyńskiej, Stowarzyszenie "Wspólnota Polska". Wrocław : DTSK Silesia, 2002. S. 125 – 140.*
25. *Trynkowski, J. Polski Sybir. Przestrzeń zmitologizowana. Próba uporządkowania / Jan Trynkowski // Syberia infernalna – mity i oblicza rzeczywistości / red. Małgorzata Cwenk we współpracy z Janem Trynkowskim ; Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II. Wydział Nauk Humanistycznych. Lublin : Wydawnictwo KUL, 2014. S. 161 – 177.*
26. *Łukawski, Z. Historia Syberii / Zygmunt Łukawski*. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydaw., 1981. 361 s.
27. *Чибиряев, С. А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского / С. А. Чибиряев*. Москва, 1993. 213 с.

Tadeusz Hreczyna's letters from the Sea of Okhotsk

Summary: Tadeusz Hreczyna was a doctor working in the province of Irkutsk, in the district Kamchatka. He has not attracted the interest of researchers, which resume this interesting form has not been sufficiently studied. From the surviving letters, some of which has been published, and some preserved in a manuscript, we learn about his trip to Irkutsk, the reasons that drove him when he accepted a job as a doctor in Siberia, and about his life and work there, on the spot.

Key words: Tadeusz Hreczyna, polish doctors, Siberia, 19th century, voluntary settlers.

УДК 325.2(=162.1):94(571)

В. Сливовска

СИБИРСКИЕ ЗАГАДКИ. НАЙДЕННЫЙ ОРИГИНАЛ АЛЬБОМА ЦИПРИАНА ДУНИН-ВОНСОВИЧА. 1850-1857 ГОДЫ

Аннотация: До распространения фотографии, портреты сосланных в Сибирь участников польского освободительного движения были большой редкостью, часто их писали по памяти. В связи с этим большую ценность представляют случайно обнаруженные наброски польского ссыльного Циприана Дунина-Вонсовича, сосланного в каторжные работы в Омск. В процессе подготовки Альбома Ц. Дунина-Вонсовича к изданию автор столкнулся со многими загадками, связанными с историей жизни Дунина-Вонсовича и его товарищей по изгнанию.

Ключевые слова: польская ссылка, история Сибири, польское освободительное движение Ц. Дунина-Вонсович

Пришедшее на мой электронный адрес в конце 2014 г. письмо от Матеуша Плевинского из Кракова, в котором говорилось о существовании набросков его прапрадедушки Циприана Дунина-Вонсовича, было самой настоящей неожиданностью. До настоящего времени были известны лишь фотографии (не слишком хорошего качества) сокамерников и сотоварищей по ссылке 1850-1857 гг., рисунков Циприана, сделанных в Варшавской цитадели и Омске, хранящиеся в фонде Генриха Верченского Люблинской воеводской библиотеки им. И. Лопачинского.

Из пяти сыновей Петра и Домицелы, в девичестве Сыпневской, Вонсовичей (полного родового имени Дунина-Вонсович в семье в то время никто не употреблял): Хризолога, Циприана, Эвзебия, Протасия и Станислава, трое участвовали в движении за независимость и понесли за это наказание. Сорокалетний Станислав участвовал в ноябрьском восстании и после его поражения оказался в эмиграции во Франции; Эвзебий, рожденный около 1824 г., был участником тайных кружков, действующих на территории Царства Польского, а также так называемой Организации 1848 г., ему удалось сбежать. Скрываясь под именем Юлиана Калиновского, он перебрался в Галицию, затем в Познанское, а после выдворения оказался в Лондоне, где присоединился к Польскому Демократическому Обществу (в письмах подписывался «Юлек») [AGAD. SKŚ. Т. 1/3467; 2, с. 72-78]; о Циприане речь пойдет ниже. Хризолог, рожденный около 1814 г., был смотрителем станции Кломница под

Ченстоховой Варшавско-Венской железной дороги, рожденный около 1817 г. Протасий - писарем земского суда в местечке Сташев. Всё это нам известно из показаний Циприана и Теофила Мошиньского, который переписывался с братьями Вонсовичами, пребывающими в Польше и за ее пределами [2; 3].

Циприан Вонсович (1819-1857) родился в Козеницах Радомской губернии, до девяти лет оставался с родителями в Ломже, где его отец был судьей Трибунала. В 1830-1838 гг. он посещал местную школу, после восьмого класса получил государственную стипендию в Петербургском университете. Через четыре года обучения на Юридическом факультете ему, в отличие от большинства коллег, получивших звание «действительного студента», была присвоена степень кандидата. В 1842 г. вернулся в Варшаву, но не получил места, связанного со специальностью, а стал учителем гимназии в Сувалках и выехал в Августовскую губернию. В 1845 г. его перевели в Радом на аналогичную должность. Спустя три года он получил согласие на выезд в Варшаву, чтобы готовиться держать экзамен на юриста. В 1849 г. стал ассессором Отделения Первого Варшавского Уездного Суда Исправительной Полиции.

В феврале этого же года он женился на Аполонии Помяновской и поселился вместе с ней на ул. Сенаторской, 463. 5/17 марта 1850 г. писал в своих показаниях, что детей не имеет, но уже в последнем абзаце, датированном 14/26 апреля, упоминает, что они с женой ожидают «ребеночка».

Еще в Сувалках он встретил, происходившего из этих мест Ромуальда Свежбеньского, который навещал там своих учителей. В то время двадцатипятилетний Ромек также изучал «за казенный счет» юриспруденцию, но не в Петербурге, а в Московском университете, и также в 1845 г., получил звание кандидата, а не «действительного студента». Он пользовался славой необычайно способного ученика и студента. После возвращения прошел такой же путь от кандидата до ассессора, за исключением того, что это происходило сразу в Варшаве. Вторая встреча этих двух молодых юристов состоялась на варшавской улице.

Свежбеньский был в то время уже не просто членом, так называемой Организации 1848 г., а входил в её правление. Тайное Общество, чтобы не давать поводов для подозрения, не имело ни названия, ни устава. Члены последовательно, по договоренности уничтожали всевозможные подозрительные бумаги. Молодежь, объединяющаяся при Эдварде Домашевском, чиновнике Комитета Внутренних и Духовных Дел, читала запрещенную литературу, рассуждала о перспективах получения независимости. Следы этой подпольной деятельности, как её определяет казенная терминология, мы находим уже в 1842 г., а потом в предвесенье 1845-1846 гг.¹ Название, принятое в специальной литературе, стало титулом первой работы на эту тему Анны Минковской, которая пользовалась, сгоревшими во время II Мировой войны материалами Варшавской Следственной Комиссии, располагавшейся в Цитадели² [4]. Находящиеся сегодня в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве, документы, которые пересылались в центр в копиях, в переводах на русский, а часто в оригинале, позволили, благодаря инициативе Владимира Дьякова и Марии Янён, составить десять томов, содержащих ценные материалы и источники, посвященные польскому освободительному движению в первой поло-

¹ Этому периоду был посвящен том серии, подготовленный еще В.А. Дьяковым, а теперь дорабатываемый Мариушем Куликом как предпоследний; последний, десятый, касается Патриотического Общества (под редакцией Анны Брус). В этом издании не соблюдается хронологический порядок, работа зависит от возможности проведения исследований, заказа материалов и обработки источников.

² В Главном Архиве Древних Актов сохранился лишь указатель Следственной Комиссии, в котором для нужд следствия регистрировали входящие материалы, касающиеся лиц, которые допрашивались и которым были вынесены приговоры.

вине XIX в.³ Уже в тех изданиях появились материалы, касающиеся судеб ссыльных «польских мятежников», как их обычно именовали, например, в «омском заговоре», организованном разжалованными в солдаты участниками ноябрьского восстания и др. Информация, содержащаяся в книгах этой серии, а также в нескольких иных изданиях, чаще всего издаваемых в Польской народной республике, под титулами, не вызывающими подозрения у цензуры (например, см.: [5; 6; 7; 8]), побудили группу энтузиастов после 1989 г. выступить с прошением о получении грантов, которые бы позволили продолжить исследование не только в центральных архивах, но и в региональных. Это способствовало многочисленным публикациям дневников, исследований, составлению картотек, а также словарей, посвященных Польской Сибири в период предшествующий и последовавший за раздѣлами Польши.

Вести, доходившие из Европы, бурные события Весны народов, приносили надежду: может быть, на этот раз удастся? Может быть, не закончится так, как запланированное в 1846 г. восстание на землях трех раздѣлов, отмененное после трагических событий в Галиции? Всѣ более многочисленные тайные кружки объединялись, и Общество росло, охватывая все более широкие круги общества, в которые вошли и ремесленники, и духовенство.

После смерти 1/13 марта 1848 г. работавшего в Следственной Комиссии Внутренних и Духовных дел многолетнего деятеля конспирации, Эдварда Домашевского, руководство Обществом принял на себя Генрих Краевский (1824-1897), выпускник юридического факультета Московского университета, а вскоре к нему присоединился коллега студенческой поры Ромуальд Свежбеньский.

Тайная организация, существующая уже в 1847 г. (не исключено, что даже и раньше), вербовала своих членов не только в Варшаве, но и в провинции в 1848-1849 гг. Было арестовано 269 человек, подозреваемых в нелегальной деятельности (столько проходило по материалам Следственной Комиссии). Естественно, часть из них была освобождена «из-за отсутствия достаточных доказательств совершения преступления». Среди арестованных оказались ремесленники, которых судили по так называемому «делу портных», группа варшавского литографа Дионисия Пашковского, а также члены, так называемого, заговора аптекарей, в котором принимал участие, в том числе Валериан Станишевский (1822-1906), автор интереснейших, написанных после возвращения из ссылки воспоминаний [9]. Необычное общество создали энтузиастки во главе с Анной Скимборович (1808-1875) и, пишущей под псевдонимом Габриэлла, Наркизой Жмиховской (1819-1879), собиравшихся в салоне Ипполита и Анны Скимборович. Именно они повели себя во время следствия наиболее отважно, не только отказывая давать показания о своих коллегах, но произнося – как Н. Жмиховская – пламенное выступление в защиту права борьбы на благо отчизны.

Ранее других арестовали Пашковского вместе с группой ремесленников, они во время следствия признали факт существования тайной организации, а затем приступили к первым арестам членов самого многочисленного, после конарщиков, заговора Общества Польского народа (1836-1839), действующего не только на территории российского разбора. (Конарщикам посвящены в «зеленой серии» 3 тома [10, 11, 12]). Серьезнейшим ударом оказалось появление в Цитадели Ромуальда Свежбеньского, который с первых минут подробно описал деятельность, которую сам организовал, а также назвал фамилии всех своих знакомых и принятых ими в состав тайной организации иных членов.

Р. Свежбеньский давал показания с 5/17 марта до 14/26 апреля 1850 г. Его «заслуги» для следователей были так огромны, что не он только не понес никакой ответственности за свои поступки, но и получил награду в виде трехсот рублей стипендии на медицинскую учебу. Презрение, с которым он столкнулся, вынудило его покинуть родину. Он

³ Было издано восемь томов, два находятся в печати.

вернулся лишь тогда, когда никого из скомпрометированных им коллег уже не было на свете. Р. Свежбеньский оставил написанные в третьем лице анонимные воспоминания под заглавием «Организации с 1839 г. до 1849 г. Из воспоминаний и рассказов. Записи, сделанные в 1853 году», в них он старался оправдать свое поведение мнимыми попытками, которым был подвергнут [Ossolineum. Dział Rękopisów. rkps. 3024]. Этому противоречат даты его показаний. С момента ареста он приступил к даче обширных показаний, о чем отлично были осведомлены остальные узники (Г. Краевский старался даже совершить в Цитадели самоубийство). К печати были подготовлены два тома этих воспоминаний, в которых к наиболее интересным фрагментам относится рассказ об учебе в Москве, но они не были изданы в 1989 г., поскольку издательства (в данном случае PIW) опасались финансовых потерь в новых рыночных условиях и отказывались из всех подобного вида публикаций. Проработанный машинописный вариант я передала в Сувалки, в надежде на издание (оно включает немало интересной информации на тему Августовской губернии, скорее существующих там мифов). [13, с. 181-209].

Р. Свежбеньский подробно рассказал о структуре тайного общества, созданную Домашевским (Начальный Кружок, Главный Кружок, Исполнительные Кружки), суть происходивших обсуждений, не забыл упомянуть и написанное Генрихом Краевским Исповедание веры, которое они выучили на память, так как оригинал после споров был сознательно уничтожен. Подробно рассказал о семи уездных отделениях (равском, луковском, бжезинском и шадковском, грубешовском, люблинском, площком и радомском. В связи с последним упомянул о принятом им самим в Общество Циприане Вонсовиче, с которым познакомился в Сувалках, и которого успешно агитировал «чтобы иных, проживающих в Радомской губернии, склонил к вступлению в Общество». Одним из них, но не единственным, стал «известный своим патриотизмом» Михал Модзелевский, которому было поручено «руководство пропагандой в Радомском уезде». Показания Свежбеньского привели к массовым арестам, в том числе был арестован и Циприан Вонсович, который первоначально пытался всё отрицать, но прижатый к стенке компрометирующими показаниями Свежбеньского и Модзелевского заявил о готовности говорить «правду» (Признание Ц. Вонсовича существует лишь в переводе на русский язык – 2, с. 300-309).

После записи основных данных о себе, семье, Вонсович описывает свой характер, мягкий и не склонный к мятежам, обращая внимание «на пагубные события на Западе», которые привели к тому, что он поддался, как и все вокруг, «безумию», что обнаруживается в его поведении во время встречи с Свежбеньским и затем в агитации Модзелевского, о чем далее подробно пишет. Более чем очевидно, что этим он пытался убедить членов Следственной Комиссии, что его участие в тайном заговоре было случайным. «Я сошел с прямого пути, пишет, а это было бы не так опасно, если бы не трагические (роковые) события 1848 г.» Готов, пишет, понести наказание, но принимая во внимание скорое рождение своего ребенка, просит «о помиловании», заверяя, что раскаивается и сознание вины «без сомнения приведет к полному исправлению» [2, с. 309].

Вердикт Следственной Комиссии от 19/31 июля 1850 г. звучал: засчитать время нахождения под арестом и поместить на три года в тюрьму в Замостье, а впоследствии взять под полицейский надзор. Наместник Иван Федорович Паскевич решения этого не утвердил и приказал 29 сентября/11 октября 1851 г. предать Циприана Вонсовича военному суду. Приговором Военно-полевого суда, утвержденным царем 26 июня/9 июля 1852 г., он был осужден на работы (каторгу до двух лет) [AGAD. SKŚ. Skorowidz. T. I/2914]. Нет информации, когда и в каком, кроме жандармов, обществе он отправился в Западную Сибирь. Попал в Омск.

Во время своего двухлетнего пребывания в Цитадели на обрывках бумаги Вонсович делал наброски портретов своих сокамерников. Наиболее близок к завершению был портрет францисканца, но, в отличие от более поздней привычки сопровождения своих

работ, фамилиями, фигурирующих лиц, на этом рисунке есть только дата: Цитадель, 1850. Когда появились портреты коллег по заговору, отбывающих каторгу в Восточной Сибири, сказать трудно.

На этих зарисовках есть и поляки, находившиеся в то время в Тобольской губернии, столица которой располагалась в Омске, среди них профессор всемирной истории, преподававший в Сибирском кадетском корпусе Ипполит Гонсевский, военный врач Мачей Ловицкий, а также аптекарь из Красноярска с женой и дочерью, о чём свидетельствует подаренная, скорее всего во время визита, фотография. Дунин-Вонсович рисовал портреты своих коллег, арестованных ранее, которые уже прошли каторгу в омской крепости, описанной Федором Достоевским в «Записках из мертвого дома». Шимон Токажевский, Александр Мирецкий уже перешли на поселение и, естественно, встретились с новым художественно одаренным земляком. Он нарисовал не только Мирецкого, но и его жену, дочь полковника Чуйки. Этот брак вызвал скандал в польском омском обществе: в то время в этом кругу доминировало убеждение, что постоянный союз с сибирячками приравнивается к национальной измене, так как приводит к тому, что дети должны быть воспитаны в православной вере, а это приводит к неизбежной ассимиляции всей семьи. Удивительно, что Циприан не заинтересовался, пользующимся всеобщим признанием Юзефом Богуславским, покинувшим крепость вместе с Александром Мирецким и Шимоном Токажевским. Остается также загадкой, как появился портрет Петра Яцека Высоцкого, который уже несколько лет находился в Акатуе, где существовал на средства, которые приносил выпуск мыла, с характерной монограммой «П.В.»⁴.

К нему ездили ссыльные, однако, сомнительно, чтобы кто-то мог доехать из Омска, разве что отправился на родину из Читы, в которой «патриарх» проживал во время своей многолетней ссылки, по коронационному манифесту Александра II 1856 г., принесшего амнистию большинству политических преступников, как полякам, так и россиянам (например, декабристам).

Возвращаясь к омскому периоду жизни Циприана Дунин-Вонсовича, следует упомянуть, что в июле 1853 г. в Западную Сибирь отправились две мужественные женщины: жена осужденного за участие в Организации 1848 г. Константина Рушковского Изабелла, в девичестве Згибневская, и Аполония Вонсович в девичестве Помяновская. По дороге в Пермской губернии, они заехали в Осу, местность, лежащую на главном тракте, к ксендзу Игнатию Шукальскому (1810-1883), также арестованному «за участие в тайной организации, целью которой было возвращение независимости Польши и установление демократическо-республиканского правления», чем вызвали подозрение местной власти ([AGAD. SKŚ. T. I/1837, 3074]; см. также [15, с. 562]). У ксендза в Осе был проведен обыск, конфискованы «подозрительные» бумаги и он сам был переведен в Чердынь, находящуюся в той же губернии, но где значительно труднее было заехать к нему «по дороге». Вонсович нарисовал портрет обоих Рушковских.

Мы ничего не знаем о жизни Вонсовичей в Омске. Без сомнения, также как и в случае других подобных польских семейств в Сибири – Томаша и Терезы Булгаков в Томске, Адольфа и Антонины Рошковских в Иркутске и иных, которые вели открытый дом, занимались опекой над больными земляками, устраивали совместные религиозные и наци-

⁴ Ф.М. Достоевский в «Записках из мертвого дома» пишет именно о Богуславском, в противовес Мирецкому и Токажевскому, которым приписывает надменность и отделение от остальных узников. Юзеф Богуславский опубликовал в 1896 году на страницах «Новой Реформы» свои «Воспоминания Сибиряка», которые до сего дня побуждают к рассуждениям, потому что в значительной степени перекрываются с «Семью годами каторги» Шимона Токажевского (1821-1890), опубликованных впервые уже после смерти в 1907 г. (2 издание, без купюр цензуры, вышло в 1918 году). На это первой обратила внимание София Бобрович-Потоцкая («Гуманитарное обозрение», 1975, № 8). Обширный отчет на эту тему см.: [14].

ональные праздники (Рождество и Пасху, 3 мая, годовщину ноябрьского восстания, смерти Шимона Конарского и другие), Вонсовичи не оставались в стороне.

Была ли в Омске «польская улица», как в Иркутске? «Польский дом», как в Забайкалье у известного доктора Антония Буапре? Существовала ли польская библиотека, как в Тобольске и Иркутске? Книги из Тобольска должны были сюда доходить, однако никакими достоверными данными мы не располагаем. Все поляки - ссыльные и прибывшие добровольно были знакомы друг с другом. Об этом свидетельствуют портреты учителя всемирной истории Ипполита Гонсевского, служившего в Сибирском кадетском корпусе и военного доктора Мачея Ловицкого (1816-1900). Его, состоящие из многих тысяч страниц рукописи, в октябре 1840 г. попали в руки вильнюсских следователей, он был отдан в солдаты. Вместе с ними есть и портрет Готарда Собаньского участника ноябрьского восстания, страдавшего манией преследования, убитого и ограбленного собственным слугой в Ялуторовске Тобольской губернии в 1852 г.

У них должны были бывать коллеги по Организации 1848 года и пребывания в Цитадели, такие как Каэтан Хомичевский (1823 - после 1862), Юзеф Галецкий (1825-1900), Войцех Грабовский (1823-1776), Юзеф Опеньский (1823-1889) и несколько раз изображенный Александр Прайс (1823-1901). Художников должно было быть по меньшей мере двое, однако, остается очередной загадкой: кто оставил два эскиза могилы Циприана Дунин-Вонсовича, скончавшегося в Омске незадолго до возвращения на родину 17 ноября 1857 г., осиротившего жену и детей (портрет одной из дочек сохранился в альбоме). Этого также мы не знаем.

Аполония Дунин-Вонсович (1833-1914) через некоторое время получила вместе с детьми разрешение покинуть Омск. В 1858 г. она уже была на родине и поселилась в Люблине. Здесь она во второй раз вышла замуж за осужденного на пятнадцатилетнюю каторгу в рудниках, участника заговора Сцегенного Фелициана Карпинского (1820 - после 1906), который отбывал наказание за Байкалом; был переведен на поселение, последние годы провел в Чите, откуда в 1857 г. вернулся в Царство Польское и поселился в Люблине. Тетрадь для эскизов как ценную память Аполония очевидно забрала с собой. Когда и кто придал ей форму типичного альбома, в который помещали стихи, записи, а также рисунки и портреты, остается неизвестным.

В Люблине с ней встретился участник Январского восстания, ссыльный Генрих Верченьский (1843-1923)⁵, который называет её Паулиной (возможно это было её второе имя?). Она рассказывала ему, что когда "Вонсович умер в Сибири, даже высшие чиновники присутствовали на похоронах, жена полковника Лепковского россиянка сказала, «что к могиле Вонсовича люди должны приходить как к святому месту» [16, с. 143].

Двадцатилетний Верченьский сражался под командованием Мариана Лангевича, 26 февраля 1863 г. попал в плен; первоначально был приговорен к смерти, наказание было заменено ему на водворение в Сибири. Наказание отбывал в Красноярском крае, с

⁵ Материалы к биографии Генриха Верченьского, собранные в течение многолетних исследований в российских архивах и на основании польской литературы, находятся в картотеке ссыльных повстанцев январского восстания в Институте истории РАН. Там же находится обширная биография, написанная Анджеем Капронем из Люблина, автором докторской диссертации о Г. Верченьском и работы о нём, изданной в Щецине в 2009 году. Первый о Верченьском-Сибиряке писал Михал Яник «История поляков в Сибири» [16]. Дневники Г. Верченьского были опубликованы в обработке Анджея Зайончковского (Люблин 1973). Они охватывают период XIX века, написаны на основании опубликованных материалов и, находившихся в руках издателя, рукописей. В тексте имеется много пропусков, которые отмечаются [...], однако только однократно обосновано "по цензурным" соображениям. Чтение затрудняется отсутствием содержания; забыто также о списке иллюстраций. В 1973 году рукописи и списки были во владении Кристины из Верченьских Зайончковской и других членов семьи.

1866 г. в Красноярске, потом в Енисейске; по очередной амнистии в январе 1869 г. вернулся на родину. Ничего удивительного, что в Люблине с интересом встретился с той, кто была женой двух «каторжников»: Циприана Вонсовича и Фелициана Карпинского, а более того, сама также познала вкус Сибири и вызывающей трепет дороги туда и обратно. Слушал ее рассказы, разглядывал и фотографировал то, что она ему показывала, а также записывал впечатления обоих: Аполонии-Паулины из Омска и Фелициана из Восточной Сибири. Свои заметки он озаглавил «Наши предшественники ссыльные в царствование Николая и [...], правившего с 1825 г. [до] 1855 г., копии портретов, сделанных Циприаном Вонсовичем в Омске по преимуществу вовремя возвращения на родину». На полях написал: оригиналы в руках семьи Вонсовичей.

Материалы, собранные Верченским, состоят из двух частей, названных им:

1. «Сведения о некоторых изгнанниках в Сибири в 1849-1858 гг., взятые из рассказов, пишущему эти строки, Многоуважаемой Паулины из Помяновских по первому мужу Вонсович, по второму Карпинской, проживающей в последние годы жизни в Люблине». На нескольких страницах Верченский записал нечитаемые уже сегодня списки фамилий и данные о людях, в том числе о Краевском, Вонсовиче, деле ксендза Сцегенного и т.д.

2. «Альбом гг. Карпинских, сделанный в Омске в 1857 г. Господином Циприаном Дунин-Вонсовичем» (здесь в первый раз появляется двойная фамилия: Дунин-Вонсович); затем Верченский составил список 35 страниц альбома, «из дела Краевского – 7». «А потому – пишет в письме проф. Эугениуш Небельский, который любезно проверял мои данные с 1997 г., когда я готовила биографический словарь «Польские ссыльные в Российской империи в пер.пол. XIX века» [17] – жена Вонсовича передала немного больше, чем до сегодняшнего дня сохранилось»⁶.

Здесь находится 25 репродукций (некоторые очень слабые, выцветшие, но с подписанными именами и фамилиями), шесть оригинальных карандашных рисунков в хорошем состоянии, но из них два – это неоконченные портреты женщин, перечеркнутые и неподписанные, а также 4 отличных фотографии (А. Краевского, Ш. Токажевского, Ш. Звезжинского, Г. Скужешевского – они же изображены на репродукциях). Мы видим здесь также и рисунок могилы ксендза Сероцинского, участника «омского заговора» и большую оригинальную ретушированную цветом фотографию с надписью: «аптекарь из Красноярска с женой и дочерью». Сохранилась также вырезка из газеты о похоронах, умершей 15 июля 1914 г. Аполонии из Помяновских по первому мужу Вонсович, по второму Карпинской, проживавшей в Люблине по ул. Замойская, 10.

Шесть упомянутых рисунков скопировал, по всей видимости, сам Верченский, на это указывают помещенные в дневнике подписанные его рукой гравюры: «Дорога в Киевский университет» (после с.128), «Крестьяне из-под Красноярска, 1866» (после с. 288), как и некоторые описания осуществляемых работ, а именно: уроки рисунка, даваемые женам местных чиновников, а также рисование на заказ, реставрация икон, декорация разнообразных предметов и рисование портретов [18, с. 331]. Странно, что он сделал только шесть копий, особенно в связи с тем, что фотографии были плохого качества.

Все эти материалы находятся сегодня в фонде 1878, в бумагах Генриха Верченского в Воеводской Библиотеке им. И. Лопачиньского в Люблине. Нет данных о том, когда и кем они были туда переданы.

Среди репродукций, которые в 1997 г. я получила и, которые частично были помещены в моем словаре, а частично остались в моем архиве, были замечательные фотографии Густава Эренберга, Александра Прайса, Циприана Дунин-Вонсовича и прекрасный

⁶ Вся корреспонденция с проф. Небельским, которому выражаю сердечную благодарность за помощь в то время, когда я не имела возможности лично поехать в Люблин, остается в нашем архиве, последовательно передаваемым в Архив Польской Академии наук, во дворце Сташица в Варшаве.

портрет его жены. Фигурируют ли они по-прежнему в альбоме, в который к счастью было вклеено всё, что сохранилось, и оно не может уже исчезнуть, как это бывает, когда неперядочные пользователи получают доступ к хранящимся отдельно листам и эскизам.

Чтобы закончить это перечисление, стоит еще сравнить все копии изображений, хранящихся в библиотеке Лопчинского, с содержимым оригинального альбома. В альбоме, хранящемся в фонде Г. Верченского, не имеется, за исключением недостающих с давних пор, рисунков, стихов и прекрасного титульного листа, открывающего альбом, четырнадцати портретов (1. Ксендз францисканец, нарисованный в Цитадели в 1850 г.; 2. Каэтан Хомичевский, Омск 1856 г.; 3. головка Циприана Дунин-Вонсовича, нарисованная в Цитадели в 1850 г. и его автопортрет до ареста (был в 1997 г., я сохранила фотографию); 4. Густав Эренберг, без даты, был в 1997 г.?; 5. Наполеон Гурский после смерти; 6. Войцех Гроховский, Омск, 9 февраль 1857 г.; 7. старик Городецкий; 8. Екатерина из дома Чуйка Мирецкая, жена Александра; 9. Мирецкий Александр; 10. Рушковский Константин; 12. Леон Жечниковский; 13. Готард Собаньский, убитый в 1852 г.; 14. Фотография портрета Аполонии из Помяновских Вонсович до путешествия в Сибирь, которой также нет в альбоме. Добавим, что изображение Ловицкого ошибочно подписано Левицкий).

Последняя загадка: что обозначают виднеющиеся на части зарисовок в альбоме номера: большие, выразительные, словно механически проштемпелеванные от 1 до 45, однако с пропусками. Кто и почему поставил эти знаки? Почему нумерация неполная: не хватает двадцати номеров: 2, 6, 7, 9, 14, 20, 21, 27-39. Непронумерованных зарисовок имеется столько же плюс два неподписанных женских образа (в фонде Верченского эти последние перечеркнуты крест-накрест).

Сомнительно, что все эти загадки нам удастся разгадать, как удалось идентифицировать встреченного в Цитадели, называемой в то время Александровской «францисканца». Им оказался им Габриель Вонсицкий из монастыря отцов францисканцев с Горы Кальвария, определенный неким Леоном Кшиваньским как участник «неблагонадежных политических» разговоров, который после нескольких лет пребывания в тюрьме был помещен в монастырь бернардинцев в Пширове [AGAD. SKŚ. Т. I/2515; к делу. *Schematyzmu. Ordo divini 1848-1853*].

О другом капуцине, о. Алоизе, мы знаем еще меньше. Кроме латинской надписи, которая виднеется на портрете: P[ater] Aloysius Capucinus olim Capellanus militaris, die 28 February 1855 in Сибирь Occidentalis. - о[тец] Алоиз, капуцин, ранее военный капеллан, дня 28 февраля 1855 в Западной Сибири. До сих пор нам не удалось отыскать никакого отца Алоиза, капуцина, пребывавшего в это время в Западной Сибири. (Кс. Эдмунд Новак в статье Очерк военного католического душепастырства в России (1832-1914) упоминает двух Алоизов, военных капелланов: А. Попеля, тринитария и А. Амброжевича, доминиканца, а также капуцина Ювенализа Язвицкого (инф. Яна Трынковского).

Биографии тех, кого изобразил Циприан Дунин-Вонсович, будут сопровождать портреты в подготовленном к печати альбоме. Возможно, что-то новое удастся выяснить в Омске, благодаря сотрудничеству с исследовательницей Светланой Мулиной.

Нелишним будет присмотреться к трудной судьбе альбома и тому, как и когда он попал к историкам. Оригинал Аполония Вонсович-Карпинская передала дочери Ядвиге Вонсович-Плевинской (18.. – 19..). До второй мировой войны он по-прежнему находился в руках семьи, проживавшей в Варшаве. Как уцелел во время бомбардировок 1939 г., оккупации и варшавского восстания, как попал в Краков – об этом мы еще ждем рассказ от нынешних владельцев Войцеха и Мачея Плевинских.

Фамилия Циприана Дунин-Вонсовича появилась в первый раз в монографии Михала Яника, у которого, возможно, в руках была рукопись воспоминаний Генриха Верченского, так как о его опубликованном дневнике мы не имеем данных [16, с. С. 142-143].

«Генрих Верченский [sic] пишет в своих воспоминаниях, что Циприан Вонсович и

его жена и подруга в ссылке Паулина [sic] по первому мужу Вонсович, по второму Карпинская, написали воспоминания, которые жена после смерти мужа в Сибири привезла на родину. В 1863 г. их закопали из опасений обыска. Поскольку тот, кто закопал воспоминания, умер, не рассказав об этом месте, дневники пропали. Аполония Вонсович является героиней романа «Из адской пропасти» (Краков, 1894), действие которого происходит на Сахалине, где Вонсович в действительности никогда не была».

После Генриха Верченского первым кто добрался до альбома, был известный историк Януш Ивашкевич (1879-1944), ученик Шимона Ашкенази, профессор Вильнюсского Университета, арестованный 5 августа 1944 г. и расстрелянный гестапо на Алее Шука (см.: [19]). В написанной им биографии Томаша Булгака опубликованной в 1937 г. в III томе Польского Биографического Словаря, статье предшествовала следующая информация: «Изображение его [Булгака] карандашом относится ко времени его первого пребывания в Сибири из архива п. Янины [sic] из Вонсовичей Плевинской, проживающей в Варшаве» [20, с. 130].

Перед войной в Польше, в 1935-1937 гг. было издано четыре тома Польского биографического словаря при участии Польской Академии наук, очередной том был готов к печати и должен был выйти в 1939 г. Начало II мировой войны, оккупация привели к тому, что наступил перерыв. Пятый том получил двойную дату 1939/1946, а следующий шестой – 1948, как непрерывное издание Польской Академии наук в Кракове. В биографии Стефана Добрыча, помещенной в пятом томе Польского биографического словаря, написанной Марией Дембовской, а в шестом томе биографии Густава Эренберга, написанной Софьей Неселовской-Ротерт, нет информации об альбоме Циприана Дунин-Вонсовича, потому мы не знаем: или авторы о нем не имели информации, или он перешёл к другому владельцу.

Следующий перерыв в издании Словаря наступил в сталинское время, и лишь октябрьские события вновь обратили внимание на Польский Биографический Словарь: VII том был датирован 1948/1958, а издателем стала Польская Академия наук (головной офис в Варшаве), которая в то время возникла. Я упоминаю об этих известных событиях, поскольку они касаются истории обсуждаемого альбома. В биографиях, написанных Софьей Чехановской (Александра Краевского, Т. XV, 1970), Болеслава Лопушанского (Мачея Ловицкого Т. XVIII, 1973; Наполеона Новицкого Т. XXIII, 1978;), Яна В. Хойны (Жечнёвский Леон Юзефат, Т. XXXIV, 1993) нет информации об оригинальном альбоме и бумагах Верченского. Удивительно, что готовя биографию кс. Яна Генриха Сероцинского для Польского биографического словаря (Т. XXXVII, 1997), а также биографический словарь (1998), в котором я использовала многочисленные фотографии Генриха Верченского из Библиотеки Лопачиньского, я не заметила иллюстрации, представляющие омскую могилу униатского священника, скончавшегося по законному приговору под палками.

До времени распространения дагерротипов и фотографии портреты ссыльных были редкостью, часто их писали по памяти так, как себе представляли героев (примером могут служить популярные в XIX столетии изображения Валериана Лукасинского и Шимона Конарского). Власти обычно запрещали фотографировать «политических преступников» и посылать их портреты семьям, но это не соблюдалось, так как почтовую цензуру удавалось обойти.

Альбом Циприана Дунин-Вонсовича был создан и скопирован с мыслью увековечить жертв борьбы за независимость родины. Не все из них попали после обретения ею свободы на страницы Польского биографического словаря и в Интернет. Омский ссыльный не имел таких возможностей, как Николай Бестужев, создатель портретов декабристов, принадлежащих ныне Музею Частных Коллекций, возникшему по инициативе их

последнего владельца Ильи Самойловича Зильберштейна⁷.

Цель, которая двигала и Николаем Бестужевым, и Циприаном Дунином-Вонсовичем была схожа: сохранить память о тех, которым в этот отказывала власть.

Мы готовим к изданию альбом и надеемся, что общими силами его удастся издать в 2015 году.

Перевод с польского Т. П. Мосуновой

Список литературы:

1. Tyrowicz, M. Towarzystwo Demokratyczne Polskie, 1832-1863 : przywódcy i kadry członkowskie : przewodnik biobibliograficzny / Marian Tyrowicz. Warszawa : Książka i Wiedza, 1964. 871 s.

2. Wiosna ludów w Królestwie Polskim : organizacja 1848 roku = Vesna narodov v Korolevstve Pol'skom : organizaciâ 1848 goda / red. W. A. Djakow, S. Kieniewicz, W. Śliwowska ; Polska Akademia Nauk, Rossijskaâ Akademiâ Nauk. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich : PAN, 1994. 584 s.

3. Śliwowska W. Dzieje Zielonej serii / W. Śliwowska // Drogi Polaków do niepodległości. Kielce : DiG, 2015. (в печати).

4. Minkowska A. Organizacja spiskowa 1848 roku w Królestwie Polskim / Anna Minkowska. Warszawa : Skład główny "Książnica Polska", 1923. 140 s. (Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego ; t. 3, z. 1).

5. Ludy dalekie a bliskie : antologia polskich relacji o ludach Syberii / wybór i komentarz Antoni Kuczyński. Wrocław [etc.] : Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydawnictwo, 1989. 300 s.

6. Skok H. Polacy nad Bajkałem 1863-1883 / Henryk Skok. Warszawa : Państwowe Wydaw. Naukowe, 1974. 334 s.

7. Djakow, W. Partyzantka Zaliwskiego i jej pogłosy : (1832-1835) / Władimir Djakow, Aleksiej Nagajew ; przeł. Maria Kotowska. Warszawa : PWN, 1979. 425 s.

8. Staropiński Z. Między Kamieńcem i Archangielskiem : dwa pamiętniki powstańców z 1863 roku / Zygmunt Starorypiński, Konstanty Borowski ; oprac. Stefan Kieniewicz. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1986. 413 s.

9. Staniszewski, W. Pamiętniki więźnia stanu i zesłańca / Walerian Staniszewski ; tekst do druku przygotowali Adam Gałkowski i Wiktoria Śliwowska ; posł. i przypisami opatrzyła Wiktoria Śliwowska. Warszawa : nakł. Instytutu Stosowanych Nauk Społecznych, 1994. 333 s.

10. Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim : Gustaw Ehrenberg i "świętokrzyżcy" = Sodružestvo Pol'skogo Naroda v Korolevstve Pol'skom : Gustav Èrenberg i "sventokřižcy" / [red. t. W. A. Djakow, S. Kieniewicz, W. Śliwowska ; do dr. przygot. W. A. Djakow et al.]. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. 477 s.

11. Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Podolu, Wołyniu i w guberni kijowskiej. Szymon Konarski = Содружество Польского Народа в Подольской, Волынской и Киевской губерниях. Шимон Конарский / [red. tomu Magdalena Micińska] ; Polska Akademia Nauk. Instytut Badań Literackich. Instytut Historii, Российская академия наук. Институт славяноведения. Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2009. 581 s.

12. Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Litwie i Białorusi. Szymon Konarski = Содружество Польского Народа в губерниях Виленской и Минской. Шимон Конарский, [red. tomu Anna Brus]. Warszawa : Wydawnictwo DiG / Instytut Historii PAN, 2015. (в печати).

13. Śliwowska W. Historyczne peregrynacje : szkice z dziejów Polaków i Rosjan w XIX wieku / Wiktoria Śliwowska ; do druku przygotowała Anna Brus. Warszawa : Instytut Historii

⁷ Илья Самойлович Зильберштейн (1905-1988), ученый, искусствовед, один из создателей издательства „Литературное наследство”, коллекционер, автор биографии Николая Бестужева, а также многочисленных публикаций.

PAN, 2012. 494 s.

14. *Śliwowska, W.* Ucieczki z Sybiru / Wiktoria Śliwowska. Warszawa : Wydawnictwo Iskry, cop. 2005. 444 s.

15 *Kubicki P.* Bojownicy kapłani za sprawę Kościoła i ojczyzny w latach 1861-1915 : materiały z urzędowych świadectw władz rosyjskich, archiwów konsystorskich, zakonnych i prywatnych. Cz. 1, Dawne Król. Polskie. T. 3, Diecezje: sandomierska, sejneńska, warszawska, emigracja kleru po r. 1863, zakony, zestawienia i spisy / oprac. Paweł Kubicki. Sandomierz : nakł. autora, 1933. 869 s.

16. *Janik, M.* Dzieje Polaków na Syberji : z 23 ilustracjami / Michał Janik ; [posł. napisali Antoni Kuczyński i Zbigniew Wójcik]. Wrocław : Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1991. 472 s.

17. *Śliwowska, W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku : słownik biograficzny / Wiktoria Śliwowska ; Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa : "DiG", 1998. 835 s.

18. *Wiercieński, H.* Pamiętniki / Henryk Wiercieński / przedm. i oprac. Andrzej Zajączkowski. Lublin : Wydawnictwo Lubelskie, 1973. 506 s.

19. *Polski Słownik Biograficzny.* T. X. 1962-1964. S. 183-184 (biogram pióra Leonida Żytkowicza).

20. *Polski Słownik Biograficzny.* T. III. Kraków, 1937. S. 130.

W. Śliwowska

SIBERIAN MYSTERY. FOUND ORIGINAL ALBUM OF CYPRIAN DUNIN-WONSOVICH. 1850-1857 YEARS

Summary: Before the circulation of photographs, portraits of exiled to Siberia members of the Polish liberation movement were a rarity, they are often written from memory. In this regard, great value are accidentally discovered sketches exiled Polish Cyprian Dunin-Wonsovich, exiled to hard labor in Omsk. In the process of preparing the album C. Dunin-Wonsovich for publication the author has faced many mysteries associated with the history of life Dunin-Wonsovich and his fellow exiles.

Key words: Polish link, the history of Siberia, the Polish liberation movement C. Dunin-Wonsovich

УДК 908(470)

О. А. Юзева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА ЗА ПОЛЬСКИМИ ССЫЛЬНЫМИ В СИБИРИ В 1860–1870 ГОДЫ. ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В ГОРОДЕ ТОБОЛЬСКЕ

Аннотация: Статья посвящена некоторым аспектам функционирования механизма государственного надзора за польскими ссыльными в Тобольской губернии 1860–1870 гг. Работа основывается на материалах государственного архива в г. Тобольске. Документы, представленные в статье, имеют преимущественно административный характер и отражают процесс надзора через призму вертикали власти. Цель статьи – показать особенности осуществления надзора за польскими ссыльными в Тобольской губернии. Рассматри-

ваются основные функции государственных органов надзора во время пребывания ссыльных в Сибири, такие как организация доставки, водворения, перемещения, учета, регламентации быта, контроля над перепиской, выдачи пособий.

Ключевые слова: поляки, государственный надзор, политические ссыльные, ссылка, Сибирь.

Введение

Восстание 1863–1864 гг. в Польше повлекло за собой жестокие наказания участников. Царское правительство принимает закономерное решение об отправке повстанцев в разные губернии Сибири, поскольку для Российской империи процедура ссылки повстанцев в Сибирь была стандартной и проверенной не одним столетием.

Сибирь, можно сказать, традиционно воспринимается как место каторги и ссылки дореволюционной России. Следует, однако, отметить, что отправка за Урал могла подразумевать собой различные меры наказания и заметно отличаться по своей сути. Это можно хорошо проиллюстрировать на примере водворения этнических поляков. В период с начала XVII в. до 1815 г. они являлись подданными другого государства и могли оказаться в Сибири не по своей воле, в качестве военнопленных. С 1815 по 1830 гг. поляки могли отбывать наказание только на территории Царства Польского. А после восстания 1830 – 31 гг. участники освободительной борьбы, подлежали такому виду уголовного наказания как удаление осуждённых из места постоянного или временного жительства с обязательным поселением в определённой местности, как правило, на периферии в пределах страны, т.е. ссылке. Ситуация в определенном смысле уникальная, возможно, не имеющая даже аналогов в мировой истории, поскольку очевидно, что поляки и сибирские старожилы вряд ли ощущали себя гражданами одной страны, но тем не менее, первые попадали под действие российского уголовного права. И в этом заключается одно из существенных отличий от почти аналогичной ссылки в Сибирь, например, старообрядцев или декабристов. В связи с этим поляки номинально имея российское гражданство находились на территории исконно другого государства, при этом являясь не военнопленными, а уголовными преступниками.

Указанные специфические условия необходимо учитывать при рассмотрении ссылки участников восстания 1863–1864 гг. Следует отметить, что так или иначе этой теме посвящено огромное количество публикаций как в научной, так и в научно-популярной литературе, и в рамках настоящей статьи нет ни возможности, ни острой необходимости рассматривать подробную историографию польской ссылки в Сибирь. Для всего объема опубликованных работ характерно многообразие используемых источников: архивные материалы, воспоминания, письма, законодательные акты, сведения периодических изданий и прочие. Материалы Тобольского госархива нередко привлекались исследователями данной темы, но полномасштабного труда, охватывающего все сферы пребывания польских ссыльных в Сибири, составлено не было. Фрагментарно освещены сведения о польских ссыльных периода Наполеоновских войн в работе В. С. Сулимова [1], им же составлен справочник биографических сведений о польских ссыльных 1830–1860 гг. [2] на основе материалов Тобольского архива, некоторые статистические сведения приводит Е. И. Соловьева в статье «Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в.» [3], о вопросах миграции ссыльных сведения приведены в статье С. А. Мулиной [4]. Наиболее полной работой о польских ссыльных в Тобольской губернии по материалам архива в г. Тобольске можно считать очерк 1963 г., составленный под руководством архивного отдела Тюменского облисполкома – «Участники польского восстания 1863–1864 гг. в тобольской ссылке» [5]. Данное издание посвящено этапам передвижения, пребыванию арестантов на этой территории и продолжении борьбы за освобождение. Но в связи с изменением подхода к критическому анализу источников с 1991 г. данное издание

нуждается в пересмотре. Также достаточно широко освещает некоторые вопросы С. Г. Пяткова в своей диссертации на соискание степени кандидата исторических наук «Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период» [6].

Однако объем хранящегося материала настолько велик, что сегодня можно говорить, что многие важные данные о польской ссылке в пореформенный период ещё не введены в научный оборот.

Результаты исследования

Следует учесть, что механизм надзора за русскими ссыльными принципиально не подходил для поляков. Здесь сказывался и другой менталитет, и непривычный климат, и значительное расстояние, и особенности передвижения (длительность, затратность), к которым поляки были не готовы. Правительство попыталось принять превентивные меры для упрощения и консолидации государственного надзора именно за этой категорией ссыльных, создав Секретное Отделение Общего Губернского управления, но, несмотря на это, на практике происходило множество непредвиденных ситуаций, разбирательство которых входило в ведение различных органов власти и учреждений.

Так, в Тобольском госархиве по вопросу о пребывании ссыльных на территории Тобольской губернии отложились, в основном, материалы административного характера: дознания, материалы, отражающие экономическое положение и общественно-политическую деятельность участников восстания во время их пребывания в сибирской ссылке, их участие в самом восстании, их связи с международным и русским революционным движением и с местным населением, их переписка с товарищами и родственниками. Документы находятся в фондах «Тобольское губернское управление», «Тобольская казенная палата», «Тобольское губернское жандармское управление», «Тобольская экспедиция о ссыльных», «Тобольское тюремное отделение», «Тобольское окружное полицейское управление»

Целью нашей работы является раскрытие некоторых аспектов функционирования государственного надзора на основе характеристики документов о польской ссылке в пореформенный период, хранящихся в фондах архива.

Понятие государственный надзор включает полицейский надзор. По действующему (на период 1897 г.) русскому праву полицейский надзор как карательная мера, отнесен к дополнительным наказаниям, составляющим последствие некоторых наказаний (ст. 58 Уложения), и осуществляется в двоякой форме: надзор полиции и надзор общества, к которому приписан виновный. Цель полицейского надзора, как *меры карательной* – предупреждение совершения преступных деяний со стороны лица уже наказанного. К элементам надзора относятся: а) ограничение в свободном выборе места жительства, выражающееся или в воспрещении поднадзорному жить в определенных местах, или в назначении ему правительством определенного места для жительства; во втором случае надзор составляет род ссылки, и б) ограничение права передвижения из выбранной поднадзорным или назначенной ему местности. Еще основной элемент надзора – срочность. Полицейский надзор назначается или пожизненно – для сосланных на житье в Сибирь, или на срок от 1 до 4 лет – для подвергнутых заключению в исправительных арестантских отделениях, с лишением особых прав. Как *мера административная*, полицейский надзор существует гласный и негласный. Правила гласного надзора, учреждаемого по распоряжению административных властей, определены с полной подробностью положением 1882 г. Высылка и надзор назначаются особым совещанием под председательством товарища министра внутренних дел. От отданного под надзор полиции отбирались документы о звании и вид на жительство, с заменой их особым свидетельством. Временные отлучки дозволялись лишь по особо уважительным причинам, притом на известный срок и в точно определенную местность. Поднадзорные не могли состоять на государственной или общественной службе, быть опекунами и попечителями без разре-

шения министра внутренних дел, быть учредителями, председателями и членами в частных обществах и компаниях. Им воспрещалась всякого рода педагогическая и публичная деятельность. Министру внутренних дел предоставлялось в каждом отдельном случае право воспрещать поднадзорному непосредственное получение частной почтовой и телеграфной корреспонденции. Ссылные, не имевшие собственных средств существования, получали от казны пособие [7, с. 434–435].

Для удобства работы с материалами документы тематически подразделяются на несколько групп: доставка, водворение, учет, перемещение, регламентация быта, сведения о побегах и протестах, нарушения правил, облегчение участи ссылных.

Первоначальной задачей правительства было доставить ссылных к месту пребывания, для чего необходимо было разработать механизм их перемещения. Идея о порядке препровождения ссылных из польских арестантов, не направляя в г. Тобольск по главному почтовому тракту, высказана коллежским советником министерства внутренних дел Берестовым и отражена в деле по отношению Главного управления Западной Сибири 1864–1865 гг. Кроме непосредственно вопросов перемещения в этом деле прослеживается обратная вертикаль власти: записку Берестова о порядке препровождения ссылных из польских повстанцев отправляет генерал-губернатор Западной Сибири тобольскому гражданскому губернатору, который в свою очередь отписывает ее тобольскому приказу о ссылных.

В ответ на эту записку управляющий приказа о ссылных сообщал свои соображения, которые заключались в следующем: «1. Политические арестанты, ссылаемые из царства Польского и из Западного края в Сибирь, направляются из Тюмени в Тобольск, но следуют ли по главному почтовому тракту – на Ялуторовск, Ишим, Омск – Приказу неизвестно. 2. Об одних из этих преступников установленные законом уведомления о приговоре и статейные списки получают в Приказе о ссылных предварительно по почте, а о других таковые доставляются в Тобольск конвойною стражею, вместе с самими арестантами. В порядке приема, распределения и отправки этих лиц Приказ руководствуется установленными на то Общими правилами. А потому главная ссыльно-этапная дорога и для польских арестантов должна иметь одинаковое значение, как и для ссылаемых за обыкновенные преступления, тем более что в противном случае Приказ или будет лишен возможности исполнить свои обязанности, в отношении преступников, о коих имеются у него предварительные сведения, или вовсе не будет знать о людях, подлежащих непосредственному его ведению. 3. Здания волостных правлений на главном почтовом тракте, устроенные с исключительно целью помещения этих учреждений, могут ли соответствовать новому назначению для остановки на ночлег пересылаемых в Сибирь польских арестантов и сопровождающей их стражи неизвестно Приказу, по неимению сведений о поместительности оных. 4. В продовольствии арестантов при перевозке их, не направляя из Тюмени в Тобольск по главному почтовому тракту, действительно не может встретиться затруднения, как равно и в снабжении их одеждою. 5. Не имея сведений ни о состоянии местных (бывших инвалидных) команд и полицейских, ни о потребности расхода их для других служебных надобностей Приказ не может сказать о том, достаточно ли этих чинов для конвоирования польских арестантов от города до города на главном почтовом тракте и 6. В виду скорой замены существующих способов перевозки вообще арестантов перевозкою их на пароходах и на лошадях по Западной Сибири было бы последовательнее сделанные Г. Берестовым замечания принять в соображение при разрешении общего вопроса об изменении ссыльно-этапного тракта между Тюменью и Томском» [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 121. Л. 3, 3 об, 8–9].

Данное сообщение позволяет проследить пункты ответственности приказа о ссылных в процессе передвижения ссылных поляков, которые включали: получение уведомлений о приговоре и статейных списков, ночлег пересылаемых, обеспечение продовольствием и одеждою в пути, обеспечение местными командованиями и полицейскими для

конвоирования арестантов от города до города. Порядок приема, распределения и отправки ссыльных установлен был общими правилами.

Вот так перспективные и экономически выгодные с одной стороны идеи центральных органов власти, встречали препятствия в реализации со стороны местных учреждений и в связи с особенностями организации перевозки ссыльных в Сибири. В данном случае опасения управляющего приказом о ссыльных, что перемещение ссыльных мимо Тобольска приведет к отсутствию сведений о тех из них, документы о которых следуют вместе с ними, были вполне обоснованы.

Начало появления ссыльных поляков на территории Тобольской губернии – это весна 1863 г. Именно в г. Тобольске с 1823 г. располагался приказ о ссыльных и тобольская экспедиция о ссыльных, где происходил прием, распределение и учет партий ссыльных. Здесь же решалась их окончательная судьба, именно поэтому огромный поток прошений, жалоб и прочего документооборота происходил именно здесь. Ссыльные просили о выдаче денег, об облегчении участи, о пересмотре дел.

С 1863 г. по декабрь 1866 г. поступило в Сибирь, включая и добровольно прибывших за ссыльными родственников, около 19 тысяч человек. История сибирской ссылки ранее не знала такого массового притока ссыльных [ГУТО ГАТ. Ф. Р-402. Оп. 3. Д. 188. Л. 3]. Если к 1 апреля 1864 г. прибыло 1008 чел., то к 15 июня 1864 г. тобольским приказом о ссыльных было зарегистрировано уже 3165 ссыльных повстанцев [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 111. Л. 14].

Процесс следования осужденных в Сибирь был не из легких. До г. Нижнего Новгорода поляков доставляли по железной дороге, а оттуда начинался пешеходный переход к месту назначения. Последним пунктом распределения ссыльных был г. Иркутск. Поляки следовали в Сибирь по главному сибирскому тракту. На подводах разрешалось везти только беременных женщин, женщин с грудными детьми и детей до 14 лет [ГУТО ГАТ. Ф. Р-402. Оп. 3. Д. 188. Л. 4].

Для систематизации отправки и следования осужденных группировали в партии по 200–800 человек. В каждой партии выбирался староста, который являлся своеобразным связным между ссыльными и этапным начальством, он должен был беспокоиться о своевременном отдыхе, одежде и пище ссыльных. Перед отправкой осужденных на каторгу заковывали в кандалы, которые снимали только по прибытии на место. Царь, напуганный грандиозным восстанием, приказал этапному начальству не снимать кандалы в пути следования даже с подростков и женщин, не освобожденных от телесных наказаний [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 75. Л. 3].

Для охраны партии формировались небольшие отряды – этапные команды, состоявшие из 31 человека – 25 пеших солдат, 4 конных казаков, офицера и барабанщика [ГУТО ГАТ. Ф. Р-402. Оп. 3. Д. 188. Л. 5].

Тысячи польских повстанцев оказались в Сибири в ужасающем положении: осужденные, лишённые крова и денег, многие оказались не в силах перенести все тяготы пути, заболели и даже сходили с ума. Иллюстрацией сложностей следования в Сибирь служит дело по рапорту тарского городничего об оставлении в г. Таре до выздоровления, назначенного в каторжную работу, политического преступника М. Бутовича 1863 г. [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 77. Л. 4–4 об.]. На благорассмотрение тобольского гражданского губернатора А. И. Деспот-Зеновича Михаил Бутович подал прошение, в котором писал, что назначен он в каторжную работу в заводы на 6 лет. В пути следования он находился более года. Вследствие дурной погоды, непривычки ходить пешком, малого количества кормового, дурных помещений дошел до такой степени, что чувствовал себя совершенно не в состоянии продолжать дальнейший путь, по случаю развития в высшей степени хронической грудной болезни, постоянным грудным кашлем и сильным ревматизмом в ногах. Во время пребывания в г. Тобольске распоряжением приказа о ссыльных

назначен в заводы Иркутской губернии, еще предполагая, что в состоянии будет достигнуть места назначения, не осмеливался утруждать начальство просьбою об оставлении его в заводах Тобольской губернии, но дошел до невозможности следовать далее, тем более что по дороге от г. Тобольска до г. Тары имел несчастье упасть с телеги под колесо, сломал ногу и попал в больницу тарского тюремного замка. Вследствие чего просил оставить его в тобольской губернии. Губернатор в его просьбе отказал.

Массовые заболевания и смертность среди партий ссыльных были обычным явлением, поэтому в документальных материалах тобольского губернского управления мы находим именные списки числом от 20 до 200 и более человек политических преступников, не имеющих возможности по болезненному положению следовать при общих арестантских партиях, отправляемых на подводах за собственный счет отдельно.

Для тех ссыльных, которые относились к категории «особых» и порядок следования к месту назначений был иной. Прежде всего местным властям необходимо было способствовать как можно скорейшей доставке их на место, вследствие чего они отправлялись отдельно от основных партий ссыльных, не пешком, а на перекладных и под усиленным конвоем. Об их следовании сообщалось заранее по всему пути следования для зоркого надзора за ними местных властей [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 56. Л. 588–611].

В 1865 г. приток ссыльных был значительно снижен, вследствие чего появилась возможность перейти с пешеэтапного порядка следования на перевозку их на лошадях для сокращения и облегчения дальней дороги, уменьшения остановок в пути, от чего ссыльные меньше страдали от усталости и голода.

5 марта 1865 г. царем были утверждены временные правила сухопутной перевозки арестантских партий, все без исключения ссыльные, следовавшие по Тюменско-Ачинскому тракту должны были следовать ежедневно на переменных подводах партиями до 40 человек [ГУТО ГАТ. Ф. Р-402. Оп. 3. Д. 188. Л. 9]. На это число ссыльных на всем этапном тракте Тобольской губернии от г. Тюмени должны были быть подпряжены подводы в количестве 10 троек на каждой станции. Поезд, составленный из повозок со ссыльными, мог теперь передвигаться со скоростью 8 километров в час.

Кроме облегчения следования путем найма подвод, в 1865 г. стали перевозить ссыльных и водным путем. В период навигации ссыльных переправляли водным путем на баржах, буксируемых пароходами. Предоставлять пароходы правительству для предпринимателей было выгодно – тюменские, томские, иркутские купцы получали за это солидную плату.

Согласно временным правилам о перевозке арестантов в навигационное время, утвержденных царем 5 марта 1865 г., начальник конвойной команды в г. Тюмени или г. Тобольске, получив арестантов со всеми документами, деньгами, вещами приводил их на пристань, осматривал все помещения, предназначенные для ссыльных, конвойной команды и багажа и баржу арестантской партии, после чего вводилась часть конвоя, расставлялись посты, проводилась перекличка, затем уже размещение арестантов.

На время плавания низший уровень контроля осуществляли так называемые старшие, возглавлявшие десятки (артели), на которые были поделены все арестанты. С момента, когда ссыльные оказывались на барже, ступить на берег они имели только одну возможность – по прибытию на место, причем в этом случае правилами предписывалось, чтобы начальник конвоя первоначально выводил с баржи часть охраны, а уже потом следовали переселенцы. На пути всего следования судно даже во время остановок не подвигалось к причалам, с конвоем ссыльным так же было запрещено общаться. Индивидуальный багаж (он в совокупности не превышал 30 фунтов) проверялся на случай, чтобы в нем не оказались предметы, которые можно было бы использовать для совершения побега [ГУТО ГАТ. Ф. Р-402. Оп. 3. Д. 188. Л. 13–14].

Можно говорить о том, что сама организация такой внушительной по размеру

ссылки не была должным образом подготовлена. Сказывались условия, когда руководство губернии не было должным образом информировано о количестве следуемых переселенцев, и, следовательно, оно не имело возможности принять всех необходимых подготовительных мер.

Из докладной записки тобольского губернатора А. И. Деспот-Зеновича, адресованной министру внутренних дел графу П. А. Валуеву, известно, что у местных чиновников возникли серьезные затруднения в работе по приему польских переселенцев. Как указано в документе, работники приказа и экспедиции о ссыльных были непомерно загружены. Во многом это было связано с тем, что родные и близкие присланных в Сибирь повстанцев, высылали вслед за ними существенные суммы денег, которые было необходимо зарегистрировать в алфавиты и на приход, получать эти средства в почтовых конторах и в дальнейшем отправлять их по местам пребывания ссыльных. Выполнение всего этого требовало оформления всех почтовых объявлений в специальных книгах, а так же уточнять действительное расположение каждого польского переселенца. Так выглядела в подробностях деятельность администрации по обеспечению получения переводов ссыльными.

Слабый надзор за самой администрацией, доступность средств ссыльных, низкий нравственный уровень чиновников экспедиции о ссыльных привели к процветанию канцелярской волокиты и присвоению средств ссыльных. Точнее процветало казнокрадство. Вещи ссыльных бесследно исчезали вместе с деньгами, а казенные продукты продавали по невероятно завышенным ценам [ГУТО ГАТ. Ф. Р-402. Оп. 3. Д. 188. Л. 17].

Многие ссыльные следовали по этапу вместе с родственниками, но при получении решения об отправке их в одно место возникали длительные задержки из-за нерасторопности тобольских учреждений. Также возникали трудности при определении заболевших в больницы и при получении денежных переводов от родственников, которые часто являлись последними сбережениями и единственным возможным подспорьем для ссыльного в Сибири. Для компенсации расходов казны тобольская администрация удерживала из этих денег средства на оплату подвод. Узнав об этом, многие ссыльные предпочитали сбить ноги в кровь, падать от усталости, но не брать подвод, чтоб сохранить эти скудные средства [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 126. Л. 35].

В суматохе и неразберихе следования, особенно при возможности смешаться с толпой, ссыльные называли надзирателям не имеющим подтверждающих документов не свои фамилии, облегчая себе таким образом категорию ссылки [ГУТО ГАТ. Ф. Р-402. Оп. 3. Д. 188. Л. 18].

По некоторым сообщениям, политические преступники могли без разрешения высшего начальства, лишь по решению сопровождающих жандармов останавливаться на вольной почте для отдыха по несколько дней. Городничий просил губернатора дать распоряжение жандармскому начальнику о неукоснительном следовании политических ссыльных к месту их назначения и о воспрещении конвойным жандармам делать длительные остановки в пути. Распоряжение было дано, и имелись правила следования ссыльных от одного пункта к другому [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 88. Л. 82–85].

Подвергая польских переселенцев-революционеров всевозможным лишениям на их долгом пути в Сибирь, царские чиновники излагали в своих циркулярах «гуманные» соображения об облегчении участи ссыльных, предписывали строго выполнять правила препровождения арестантов, рекомендовали посылать на всем протяжении огромного Сибирского тракта губернских чиновников, «толковых» и знакомых с пересыльною частью. Такого рода распоряжения даже тобольский губернатор признавал «бумажными и неделовыми, так как число этапных пунктов в Сибири слишком велико, а число толковых, честных и распорядительных чиновников, к сожалению, очень мало» [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 126. Л. 10].

Вопросу о распределении в пределах Тобольской губернии высланных в Сибирь

участников польского восстания, посвящено исчерпывающее сообщение из Главного управления Западной Сибири тобольскому губернатору о порядке водворения лиц высланных за участие в мятеже из Царства Польского и Западных губерний, ссылаемых на поселение по окончании срока содержания их в арестантских ротах 1866 г. По решению императора не имеющим средств назначалось пособие на 4 месяца по 5 коп. в сутки [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 132. Л. 6].

В фонде «Тобольское губернское управление» и в фонде «Экспедиция о ссыльных» имеется большое количество именных списков лиц, высланных в каторжные работы и на поселение в различные города Тобольской губернии, а также в Восточную Сибирь за участие в польском восстании. В каждом списке содержится от нескольких фамилий до двухсот и более. В списках и личных делах надзирающие органы зачастую прописывали определения, характеризующие состав преступления участников восстания. Встречаются в основном определения следующего типа: «...оказавшимся виновным в замыслах на восстание против русского законного правительства», «за распространение возмутительных сочинений на польском языке», «за принадлежность к вооруженной шайке мятежников», «за произнесение проповеди с призывом взяться за оружие», «за хранение у себя возмутительных бумаг». В итоге обычно имеется стандартный приговор: «приговорен к лишению всех прав личных и по состоянию присвоенных и сослан в Тобольскую губернию».

Исходя из сведений, содержащихся в списках польских ссыльных, подлежащих водворению в Тобольскую губернию за 1863–1866 гг., была создана специальная комиссия по водворению польских переселенцев, куда казенная палата направляла списки [ГУТО ГАТ. Ф. И-154. Оп. 25. Д. 1. Л. 79].

В документах к окладным книгам тобольской казенной палаты в сообщении хозяйственного стола 2-го отделения казенной палаты за 1866 г. значится: «Тобольская казенная палата по выслушании доклада Хозяйственного отделения о причислении по Тобольской губернии политических переселенцев из Царства Польского и Западного края определила: отправленных Тобольской исполнительною Комиссиею по водворению Польских переселенцев на водворение по округам Тобольской губернии политических переселенцев из Царства Польского причислить с начала 1866 г. по тем волостям и селениям в которые они назначены на водворение, мужеский пол со льготами, установленными 59 ст. 12 тома устава о благоустройстве в казенных селениях и чтобы они участвовали в 4^х копеечном сборе на пожарные случаи, а женский пол для одного только счета» [ГУТО ГАТ. Ф. И-154. Оп. 16. Д. 91. Л. 91, 91 об.]. Итак, причисление ссыльных по местностям однозначно находилось в ведении казенной палаты, но приведенный документ позволяет приблизиться к освещению вопроса о сборах, которые платили польские ссыльные на данной территории.

В донесении приказа о ссыльных тобольскому гражданскому губернатору за 1865 г. сообщалось о польских дворянах, переданных в ведение тобольской экспедиции о ссыльных, судя по сведениям донесения, в данное ведомство передавались те ссыльные, которые оставались на постоянное жительство в г. Тобольске [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 177].

Ведение строгого учета места жительства и перемещений ссыльных можно проследить по делам фонда И-152 «Тобольское губернское управление». Основная масса встречающихся документов – документы об установлении надзора за политическими ссыльными, водворенными на жительство в городах Тобольской губернии – как в виде отдельных дел на одного или нескольких лиц, так в виде списков на ряд лиц, подлежащих надзору полиции. Имелась и специальная инструкция министерства внутренних дел «о порядке ведения надзора за лицами, обнаруживающими вредные политические стремления» [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 89. Л. 5–6].

В 1868 г. из Главного управления Западной Сибири генерал-губернатор А. П. Хрущев сообщал господину исправляющему должность тобольского губернатора о получе-

нии сведений о беспрепятственном передвижении на земских лошадях по деревням польских переселенцев в Кобырдакской волости. Разбирательство было поручено омскому окружному исправнику [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 4. Д. 451. Л. 2].

Для начала необходимо разобраться в служебном положении. Исправник – это высшая полицейская должность в округе (уезде). После 1862 г. исправник назначался и увольнялся губернатором. Исправник фактически являлся начальником полиции. В его функции входило наблюдение за общественной безопасностью и производством дел в уездной полиции, а также за своевременным поступлением налогов и выкупных платежей и оброков с крестьян уезда, утверждение в должности и увольнение полевых и лесных сторожей, он состоял директором уездного отделения попечительного о тюрьмах комитета и др. [8, с. 396].

Омский исправник доносил тобольскому губернатору о производстве лично местного удостоверения по донесению старшего чиновника Главного управления Западной Сибири Попова о дозволении Кобырдакским волостным правлением разъезжать польским переселенцам на земских лошадях. При расспросах местного населения сведения не подтвердились. На самом же деле на земских лошадях иногда пересылались в г. Омск заболевшие поляки, которые в силу физического состояния не могли идти пешком, но это были лишь исключительные случаи [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 4. Д. 451. Л. 19]. Это позволяет сделать вывод, что даже простые слухи, самые невероятные тщательно проверялись уполномоченными людьми, и сведения доставлялись тобольскому губернатору.

Одной из основных функций государственных органов надзора была слежка за перемещениями ссыльных, но частым явлением были «неофициальные визиты» и временные отлучки, совершенные ссыльными без согласия властей, документация о которых носит фрагментарный характер. Эти отлучки представляли серьезные сложности для надзора за ссыльными. Если же ссыльный просил официального разрешения, то дело производство сохранилось. Например, для годовой отлучки в Туркестанский край для заработка поляк И. Корчмарик ходатайствовал в 1879 г. первоначально в местное мещанское общество для получения годового паспорта на свободное проживание в Туркестанской области, где ему объявили, что имеют право выдавать такое разрешение только на проживание в Сибирских губерниях.

В связи тем, что Туркестанская область граничит с Сибирью, И. Корчмарик обращался к тобольскому губернатору с просьбой разрешить местному мещанскому обществу выдать паспорт. О решении просил уведомить через тобольское городское полицейское управление. В рапорте тобольского мещанского старосты указано, что Корчмарик был причислен на основании высочайшего повеления об облегчении участи политических преступников 1875 г. в тобольские мещане не из политссыльных, а из польских переселенцев без права на выезд из губернии распоряжением тобольской казенной палаты. Тобольский губернатор направил данное прошение на рассмотрение генерал-губернатору Западной Сибири. Из I отделения Главного управления Западной Сибири вскоре пришел ответ, что И. Корчмарик к особой категории, которой было позволено не отправляться к месту водворения в связи с обзаведением хозяйством в другой области, не относится. И в выдаче паспорта ему отказано [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 8. Д. 180. Л. 1, 3, 5]. Таким образом, причислением переселенцев и ссыльных ведала тобольская казенная палата, а выдачей паспортов полякам-мещанам – мещанское общество, но решения по прошениям мещан губернатору объявлялись через тобольское городское полицейское управление, так же через него подавались и сведения о политической благонадежности ссыльных. Разрешения же о переводах выдавались лишь тобольским губернатором с резолюции генерал-губернатора Западной Сибири.

Причины переселения ссыльных в другие населенные пункты были самые разнообразные. Так, например, в 1864 г. часть ссыльных из г. Кургана была переведена в г. Омск из-за

случившихся в месте расселения пожаров [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 126. Л. 39 об.].

Встречаются сведения о нереализованных планах по перемещению ссыльных. Так, например в 1867 г. министр внутренних дел дал распоряжение о переводе поляков из городов, расположенных на пересылочном тракте, в окружные города, удаленные от оно-го. Но многочисленные финансовые и организационные трудности помешали его реализации [4, с. 138].

Условия ссылки и каторги по замыслу царского правительства должны были сломить волю и подорвать силы непокорного «бунтарского» народа. Но одной из форм пассивного протеста стали побегы ссыльных. Материалы с расследованиями дел о побегах ссыльных встречаются довольно редко. К таким материалам относится дело о бежавших из мест водворения польских ссыльных 1869 г., где в основном представлены списки бежавших и краткие сведения о них [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 25. Д. 21. Л. 6].

Учет перемещенных лиц был также неотъемлемой частью надзора. Прежде всего, он включал постоянный сбор сведений о количестве ссыльных, местах их размещения и прочем. Знаковым в этом отношении является донесение управляющего тюменским приказом о ссыльных с ведомостями о распределении политических и государственных преступников (1875 г.), где имеются ведомости о числе политических и государственных преступников, распределенных приказом о ссыльных в Тобольскую, Томскую губернии и в Восточную Сибирь с 1863 по 1875 гг. [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 7. Д. 289. Л. 15, 16]. Данные, приведенные в этих ведомостях, носят лишь статистический характер, но значительный период, который они охватывают придает значимости этим сведениям благодаря возможности проследить динамику распределений партий ссыльных.

По водворению ссыльных на места их назначения возникает документация о разрешении женам и детям следовать в ссылку в Сибирь за «политическими преступниками», а также об их устройстве на работу. По указанным вопросам ведется переписка между Управлением Западной Сибири, приказом о ссыльных и городничими разных городов губернии. Труд политических ссыльных поляков широко использовался в учреждениях губернии. Имеются целые списки «политических преступников, допущенных к письменным занятиям в различных присутственных местах» [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 125. Л. 22]. Ссыльные поляки занимали разные должности в Общем губернском управлении, в казенной палате, в акцизном управлении, в казначействе, в городской думе, а частной городской управе, в городской больнице, в губернском и окружном судах.

Общее руководство полицейским надзором за ссыльными было возложено на секретное отделение Общего губернского управления. Именно туда омский исправник и отправил донесение о неполучении (в связи потерей пакета омской почтовой конторой) распоряжения о дозволении занимать должность помощника писаря при Кобырдаксом волостном правлении сыну ссыльного поляка Иосифа Клайшевича за 1868 г. [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 4. Д. 451. Л. 12]. Решением министерства было строжайше запрещено ссыльным занимать должности в волостных правлениях, но в данном конкретном случае волостное правление находило, что сын ссыльного к категории ссыльных не относился, поскольку добровольно последовал за отцом. Но после сделанного замечания чиновником Поповым, он немедленно от службы был удален.

О слабости надзора в 1866 г. сохранились сведения в циркулярном письме тобольского губернатора городничим девяти городов губернии, где он писал, что при объезде Тобольской губернии им замечены следующие недостатки: а) некоторые политические ссыльные имеют у себя охотничьи ружья и порох; б) письма сдаются ими на почту и получаются без ведома полиции; в) политические ссыльные отлучаются из городов без ведома полиции; г) ссыльные допускаются к работе даже в полиции; д) иногда в полиции нет сведений о квартирах, где проживают ссыльные. Предлагалось принять срочные меры к устранению этих недостатков и усилить бдительный надзор за ссыльными, с угрозой

принятия самых крутых мер в случае неисполнения этого предписания [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 146. Л. 6].

К строжайшей регламентации быта ссыльных относился и такой малозначимый факт, как фотографирование в национальных польских костюмах. Это было запрещено, поскольку родственники ссыльных, получив такие фотографии, делали заключение, что политические ссыльные открыто носили в местах ссылки национальные польские костюмы [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 90. Л. 145].

О запрещенных встречах ссыльных, происходивших в г. Тобольске в 1867 г., мы узнаем из переписки тобольского губернатора с полицмейстером. В переписке говорится о проведении расследования – с какой целью, находящиеся проездом во внутренние губернии Российской империи «политические преступники» гуляют по г. Тобольску, «устраивают сборища» у семьи неких Ленских, проживающих в г. Тобольске и организуют даже прогулки в Вершинское предместье – с приказанием немедленно их прекратить [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 146. Л. 129–145].

В делах имеются многочисленные рапорта городничих, под чьим непосредственным надзором находились ссыльные на местах, в которых систематически сообщалось о поведении поднадзорных лиц.

Надзору полиции подлежала вся переписка политических ссыльных, за которой велся систематический контроль. Правительство дает официальное разрешение на проверку их писем. Исходя из приведенных данных о количестве ссыльных, можно представить себе и объемы корреспонденции. Они были по истине огромны. Ведь кроме обычной личной переписки чиновникам приходилось разбирать сотни просьб, жалоб, претензий, вести переписку с различного рода ведомствами по самым разнообразным вопросам, касающимся ссыльных, что требовало массу времени [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 1. Д. 126. Л. 1а–15 об.].

О доставке и просмотре корреспонденции поднадзорных велась обширная переписка генерал-губернатора Западной Сибири и тобольского полицмейстера, с губернским прокурором, с пермским и иркутским губернскими управлениями, с управлением генерал-полицмейстера в Царстве Польском, с тобольской почтовой конторой, с варшавским почтамтом.

Самих писем поднадзорных мы не находим в делах, за исключением письменных прошений, направлявшихся ими губернатору: о разрешении остановок в пути, об отправке в другие города, о выдаче денежных пособий – но имеются многочисленные письма родственников участников польского восстания – на русском, польском и французском языках, – с просьбой указать местонахождение сосланных в Сибирь, а также о пересылке им вещей и денег.

Отправка в Западную Сибирь на поселение являлась легкой мерой наказания. За наиболее тяжелые провинности политических преступников ссылали в Восточную Сибирь, главным образом, в Нерчинские рудники, где ссыльные работали в шахтах по разработке и добыче руды в невероятно тяжелых условиях, приводивших к массовым болезням и полному истощению сил каторжан. Неудивительно поэтому, что томское общее губернское управление, тарский и другие городничие в своей переписке с тобольским губернатором упоминает «о дерзких и буйственных поступках на этапах и в пути следования», т.к. ссыльные нередко выражали бурный протест против отправки их в ужасные каторжные условия работы – в Нерчинские рудники, где грозила гибель не только здоровью, но и самой жизни ссыльных. Ввиду этого, начальник местных войск Западной Сибири, по согласованию с тобольским губернатором, дает распоряжение «во избежание своеволия и буйства политических преступников... при отправке их из острога к месту назначения не объявлять меру наказания» [ГУТО ГАТ. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 191. Л. 4].

В отдельную группу можно выделить сведения об активных выступлениях ссыльных

массовых и индивидуальных против царизма и каторжного режима, чем ссыльные только усугубляли свое положение. Так, в деле 1882 г по обвинению отставного ссыльного поляка Антона Витковского в произнесении оскорбительных слов против императора, в рапорте туринаского окружного исправника тобольскому губернатору читаем: «В питейном заведении... отставной солдат Иван Ярушевский и дворянин Антон Витковский завели разговор о вере. Ярушевский выражался так, что мы – поляки живем хорошо, стоим друг за друга не так как русские, что наша вера лучше всех. На что приказчик питейного заведения Кирило Ульянов на эти слова сказал, что много у нас есть вер, но все-таки мы имеем одной православной веры Царя, то на это Ярушевский с Витковским отозвались так, что ты такой же прохвост и сукин сын, как и Царь. При этом обозвали Царя площадными словами. Несмотря на его, Ульянова, убеждения повторили сии слова несколько раз, так что он вынужден был выгнать их» [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 37. Д. 803. Л. 8, 8 об., 22].

После чего произошла драка, Витковский попал в больницу, и Ульянов написал заявление о произнесении дерзких слов против «Особы Его Императорского Величества». Дознание должен был проводить жандармский офицер, но в связи с его отсутствием начальник тобольского губернского жандармского управления просил переложить полномочия на полицейское управление. О результатах дознания туринаский исправник сообщил тобольскому губернатору и помощнику начальника тобольского губернского жандармского управления. Иван Ярушевский и Антон Витковский тобольским губернским прокурором в произнесении оскорбительных слов против императора были признаны виновными, но о мере пресечения сведений не имеется.

Итак, во все времена оскорбления императорских особ расследовались тщательным образом независимо от статуса лица произнесшего их. В случае с поляками делопроизводство выглядело следующим образом: заявление Ульянова, ставшее отправной точкой, с которой началось разбирательство, перемещение функций дознания с жандармерии на полицию (связано это было не с нормативами делопроизводства, а с человеческим фактором), собственно расследование, заключавшееся в опросе всех участников и свидетелей, отчет направленный тобольскому губернатору и исходному органу по расследованию подобных дел – в жандармерию. Затем судебное разбирательство и постановление прокурора, но о последнем этапе ведения дела мы можем судить лишь по косвенному документу – рапорту исправника тобольскому губернатору, где данное решение лишь упоминается.

Особая категория документов повествует об облегчении участи ссыльных поляков, так в деле тобольского губернского управления по указу 13 мая 1871 г. об облегчении участи политссыльных по последнему польскому мятежу, сохранились списки поляков, к которым применено действие высочайшего повеления, которые березовский, ишимский, курганский, сургутский, тобольский, тюменский, тарский, ялуторовский окружные исправники отправляли тобольскому губернатору [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 6. Д. 204. Л. 2].

Вопрос о содержании аппарата чиновников по польским вопросам с каждым годом становился все острее. В 1875 г. тобольский губернатор ходатайствовал перед Главным управлением Западной Сибири об открытии кредита по примеру прежних лет на содержание чиновников, занимающихся просмотром корреспонденции по политссыльным и польским водворенцам, коих насчитывалось по губернии до 4000 человек [ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 6. Д. 928. Л. 3].

Заключение

Подводя итоги, мы видим, что в различных фондах Тобольского архива сосредоточены многообразные документальные материалы, рассказывающие о пребывании в сибирской ссылке участников великого польского восстания. Имеются именные и статейные списки поляков, сосланных в Сибирь за участие в восстании, данные о характере выносившихся приговоров, о препровождении участников восстания к месту ссылки, о полицейском надзоре за ссыльными, о доставке и просмотре полицией их корреспонден-

ции, об устройстве на работу ссыльнопоселенцев, об отправке в каторжные работы, о режиме ссылки и каторги и о многом другом.

Данное исследование проведено по принципу следования от частного к общему, что не исключает ошибочных выводов вследствие отсутствия всей полноты материалов.

Данная работа ни в коей мере не претендует на сколько-нибудь полное освещение всех аспектов государственного надзора за политическими ссыльными на территории Западной Сибири в 1860–1870 гг., но в связи с практически полным отсутствием исследований по данной проблематике носит скорее установочный характер для дальнейшего изучения вопроса. Кроме того, объем документов о пребывании поляков в Тобольской губернии в ГУТО ГАТ весьма обширен и составляет пространные возможности для будущего изучения.

Список литературы:

1. Сулимов, В. С. Польская армия Наполеона в Тобольской губернии / В. С. Сулимов. Тобольск : [б. и.], 2007. 90 с.
2. Сулимов, В. С. Польские ссыльные в Тобольской губернии (1801–1881 гг.) : Биографический словарь / В. С. Сулимов. Тобольск : [б. и.], 2005. 112 с.
3. Соловьева, Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. / Е. И. Соловьева // Политические ссыльные в Сибири. (18 – начало 20в.) / Под ред. Л. М. Горюшкина. Новосибирск Наука, 1983. С. 218–226.
4. Мулина, С. А. Миграции ссыльных участников январского восстания по территории Западной Сибири / С. А. Мулина // Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг. : Мат–лы междунар. науч. конф. Иркутск : Мегалит, 2008. С. 138–148.
5. Участники Польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке / Под ред. Д. И. Копылова. Тюмень : Кн. изд-во, 1963. 76 с.
6. Пяткова, С. Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период : Автореф. дисс. ... к.и.н. Омск, 2004. 30 с.
7. *Энциклопедический словарь* под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XX. СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1897. 480 с.
8. *Государственность России* : словарь-справочник / Сост. И. В. Сабенникова, Н. И. Химица. Кн. 5. Ч. 1. М. : Наука, 2005. 501 с.

O. A. Yuzeeva

Some aspects of the mechanism of public oversight of the Polish exiles in the province of Tobolsk in 1860-1870 on materials of State Archive of the city of Tobolsk

Summary: The article is devoted to some aspects of the mechanism of public oversight of the Polish exiles in the province of Tobolsk in 1860–1870. This article discusses the basic functions of the state agency of supervision during their stay exiles in Siberia. Describe the main points of organizing the delivery, placement, handling, accounting, regulation of life, control of correspondence, issuing benefits. The basis consists of the materials of the state archive of the city of Tobolsk. The papers presented in the article are mainly of an administrative nature. They reflect the process of supervision through the prism of the power vertical.

Key words: Polish, governmental control, political exiles, exile, Siberia.

State Archive in Tobolsk (Sverdlovsky lane, 2, Tobolsk, Tumen region, Russia, 626152; tel: 8 (3456) 22-09-67; e-mail: tobarciv@mail.ru)

J. Legieć

UCZESTNICY POWSTANIA STYCZNIOWEGO W WIĘZIENIU W TOBOLSKU W ŚWIETLE RELACJI SIERGIEJA STACHIEWICZA

Streszczenie: Wspomnienia Siergieja Stachiewicza - rosyjskiego rewolucjonisty, który spędził 25 lat na zesłaniu, to jedno z najciekawszych źródeł do historii pobytu na Syberii Polaków – uczestników powstania styczniowego. Pierwszą okazję do spotkania z nimi Stachiewicz w trakcie sześciomiesięcznego pobytu w więzieniu w Tobolsku. Kontakt ten stał się okazją do ciekawych obserwacji, które wiele lat później opisał w swoich pamiętnikach.

Słowa kluczowe: Siergiej Stachiewicz (1843 - 1918), rosyjskie pamiętniki, Syberia, XIX wiek, polscy zesłańcy, tobolskie więzienie.

Wypada zacząć od stwierdzenia, że na tle morza polskich relacji o życiu zesłańców postyczniowych na Syberii świadectw rosyjskich na ten temat jest niewiele. Wspomnienia Siergieja Stachiewicza są – moim zdaniem – nie tylko jedną najobszerniejszych, ale i najcenniejszych poznawczo rosyjskich relacji o życiu zesłańców postyczniowych. Jest to dzieło bardzo obszerne, rękopis wspomnień liczy łącznie prawie 1300 stron. Z tego przynajmniej 300 stron zajmują fragmenty poświęcone Polakom. Można zastanawiać się, dlaczego do tej pory były one w badaniach naukowych wykorzystywane tak rzadko. Może dlatego, że tylko niewielka ich część doczekała się publikacji, zaś rękopis przechowywany jest w archiwum, do którego badacze dziejów polskich zesłańców na Syberii docierają rzadko?

O samym autorze relacji wiemy niewiele więcej ponad to o czym sam napisał w swoich wspomnieniach. Według najczęściej spotykanych informacji Siergiej Grigorjewicz Stachiewicz urodził się w 1843 roku w Putywlu w guberni kurskiej. Tymczasem na jednym z rosyjskich forów genealogicznych osoba podająca się za prawnuka Siergieja Stachiewicza napisała, że urodził się on rok wcześniej i nie w Putywlu, a w miejscowości Ługań w powiecie siewskim guberni orłowskiej. Według rodzinnej tradycji dziadek Siergieja Stachiewicza miał być Polakiem – uczestnikiem powstania kościuszkowskiego, zesłanym do guberni orłowskiej [1].

Pochodził z rodziny szlacheckiej, jego ojciec był urzędnikiem. Ukończył gimnazjum w Orle, a następnie rozpoczął studia na Akademii Medyko-Chirurgicznej w Petersburgu. 4 marca 1863 roku został aresztowany za kolportowanie proklamacji organizacji „Ziemia i Wola” pt. „leje się polska krew” i 12 marca osadzony w Twierdzy Pietropawłowskiej. Sąd Senatu skazał go na pozbawienie wszelkich praw, 6 lat katorgi a następnie dożywotnie osiedlenie na Syberii. Wyrok został zatwierdzony 30 grudnia 1863 roku.

Do Tobolska Stachiewicz przybył 7 lutego 1864 roku, po trwającej szesnaście dni podróży. Pobyt w tobolskim więzieniu etapowym miał być jedynie krótkim epizodem w jego drodze na katorgę. Stało się jednak inaczej. [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 47] Ponieważ w sentencji wyroku widniał, że Stachiewicz katorgę odbywać ma w twierdzy, a twierdz na Syberii nie było, kierownictwo tobolskiego więzienia zwróciło się z prośbą o instrukcje do władz w Petersburgu. Wskutek tego spędził on w więzieniu nie kilka dni czy tygodni, ale prawie pół roku – do 22 lipca 1864 roku [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1, Д. 243. Л. 47, 88]. Później przetrzymywany był w więzieniu w miejscowości Akatuj, a od 1865 roku odbywał karę katorgi w Zakładzie Aleksandrowskim na Zabajkalu.

W marcu 1870 roku zwolniony z katorgi i skierowany na osiedlenie na terenie guberni irkuckiej. Pracował jako buchalter w przedsiębiorstwach prywatnych i urzędnik gminny. W roku 1887 został uwolniony spod nadzoru policyjnego, a pięć lat później zezwolono mu na powrót do europejskiej części państwa. Po powrocie z Syberii zamieszkał w Petersburgu.

Pracował jako buchalter [2, c. 389]. W stolicy Rosji doczekał roku 1917 i rosyjskich rewolucji. Nowa władza nie doceniła jednak zasług starego rewolucjonisty i zesłańca. Zmarł w maju 1918 roku, a przyczyną śmierci było wygłodzenie [3].

Swoje obszernie wspomnienia z pobytu na Syberii Stachiewicz spisał w dwóch częściach w latach 1908-1912. W części pierwszej, zatytułowanej „Wśród przestępców politycznych” («Среди политических преступников») opisał on swoje losy od momentu aresztowania do końca kary katorgi, czyli do wiosny 1870 roku [РГАЛИ. Ф. 1337 Оп. 1 Д. 243. Л. 505]. Część druga zatytułowana „W niedźwiedzych zakątkach” («В медвежьих углах») obejmuje lata 1870-1876. Stachiewicz opisuje w niej pierwsze lata swojego pobytu na Syberii po zwolnieniu z katorgi [РГАЛИ. Ф. 1337 Оп. 1 Д. 244. Л. 785].

Publikacji doczekały się dotąd – jak już wspomniano – jedynie niewielkie fragmenty wspomnień Stachiewicza. Dwa początkowe rozdziały pierwszej części (dotyczące pobytu w Twierdzy Pietropawłowskiej i tobolskim więzieniu opublikowano na łamach pisma „Byłoję” [4, c. 63-86; 5, c. 112-134]. Z notatek na rękopisie wynika, że do druku na łamach tego samego pisma szykowano kolejne fragmenty tekstu, jednak z nieznanых powodów redakcja zrezygnowała z tego. Trzeba w tym miejscu zaznaczyć, że opublikowane fragmenty różnią się znacznie od oryginału. Redaktor pozwolił sobie, oczywiście bez konsultacji z autorem, na wykreślenie wielu, czasami bardzo ciekawych, fragmentów. Pod koniec lat pięćdziesiątych XX wieku opublikowano również obszerny rozdział pierwszej części pamiętników, poświęcony spotkaniu autora z Nikołajem Czernyszewskim [6, c. 52-116].

Stachiewicz w Tobolskim więzieniu przebywał niecałe pół roku. W tym czasie „pensjonariuszami” tobolskiego więzienia byli prawie wyłącznie zesłańcy postyczniowi, w lwej części Polacy. Oprócz Stachiewicza przez mury tobolskiego więzienia w pierwszej połowie 1864 roku przewinęło się zaledwie dwóch Rosjan. Pierwszym z nich był Nikołaj Czernyszewski, drugim – młody oficer marynarki wojennej Władimir Trubeller.

Autor wspomina, że chociaż z językiem polskim i w ogóle z Polakami pierwszy raz zetknął się dopiero podczas studiów, to w Petersburgu spotykał ich na tyle często, że już wtedy rozumiał część prowadzonych przez swych polskich kolegów rozmów [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 46]. O ile jednak na studiach miał jedynie możliwość kontaktów z Polakami, o tyle w tobolskim więzieniu był na nich – można powiedzieć – skazany.

W momencie przybycia Stachiewicza do tobolskiego więzienia przebywało tam 30–40 Polaków. Byli oni przekonani, że przybysz również jest polskim powstańcem, dlatego próbowali rozmawiać z nim po polsku. Dopiero gdy zorientowali się, że mają do czynienia z Rosjaninem, wydelegowali kilka osób dobrze władających językiem rosyjskim, aby w razie potrzeby pełniły rolę tłumaczy. Od razu przyjęty został przyjaźnie, najwidoczniej połączyła wspólna niedola. W przeciwieństwie do Stachiewicza polscy zesłańcy przebywali w tobolskim więzieniu zazwyczaj zaledwie kilka tygodni, po czym odsyłano ich dalej – do miejsc stałego odbywania kary. Przez okres pobytu autora relacji w Tobolsku przez więzienie przewinęło się co najmniej kilkuset byłych powstańców. Stało się to okazją do poczynienia bardzo ciekawych obserwacji na temat ich życia w tobolskim więzieniu. Na podstawie lektury dalszych partii wspomnień można również przekonać się, że to właśnie w Tobolsku w dużej mierze ukształtowały się poglądy autora na temat Polski i Polaków.

Zacznijmy od opisu obserwacji Stachiewicza, dotyczących struktury społecznej zesłańców. Wśród osób które przewinęły się przez tobolskie więzienie podczas pobytu tam Stachiewicza było bardzo mało chłopów. Polskich chłopów było tam – jego zdaniem – zaledwie dwóch. Uwagę autora przykuła za to kilkunastoosobowa grupa chłopów – „Żmudzinów”, a więc osób narodowości litewskiej [Określenia „Litwin” używa Stachiewicz mówiąc o osobach pochodzących w terenie byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego]. Pochodzili oni z pogranicza guberni kowieńskiej i augustowskiej i nie znali zupełnie języka polskiego. Spośród Polaków również tylko nieliczni potrafili się z nimi porozumieć. W związku z tym stanowili oni dość

wyzolowaną grupę. Stachiewicz zwrócił uwagę, że większość nich stanowiły osoby w dojrzałym wieku. Zapamiętał ich jasne, a w kilku wypadkach już siwe, włosy i wielkie, spracowane dłonie. Może właśnie z racji wieku cechowała ich powaga, granicząca z posepnością. Byli bardzo religijni, często godzinami modlili się ze swych modlitełek [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 53].

Znaczącą grupę stanowili rzemieślnicy. Szczególnie ci pochodzący z większych miast, a zwłaszcza z Warszawy, byli weseli i pewni siebie. Było wśród nich wielu naprawdę wysokiej klasy fachowców. Z kolejnych fragmentów wspomnień Stachiewicza możemy się dowiedzieć, że osoby takie nawet formalnie będąc katorżnikami, na Syberii bez większego problemu znajdowały nie wymagające większego wysiłku fizycznego, a często bardzo popłatne zajęcia [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 54]. Stachiewicz zauważył, że ich stosunek do praktyk religijnych był zupełnie inny, niż wspomnianych wyżej Litwinów. Nie było wprawdzie mowy o wrogim stosunku do religii, ale modlili się oni w milczeniu i krótko – „minutę, najwyżej dwie” [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 55]. Było tak może dlatego, że wśród rzemieślników absolutną większość stanowiły osoby w przedziale od 20 do 30 lat. Zarówno młodszy, jak i starsi należeli do wyjątków.

Najwięcej jednak więźniów tobołskiego więzienia pochodziło – według relacji Stachiewicza – z warstw „inteligentnych”. Byli wśród nich lekarze, architekci, nauczyciele, geodeci, technicy, księża, studenci różnych uczelni. Niewielu było urzędników państwowych, natomiast liczną grupę stanowili urzędnicy warszawskiego magistratu. Najwięcej jednak było wśród nich oficjalistów [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 57]. Ich nastrój w ocenie Stachiewicza był – biorąc pod uwagę położenie – całkiem dobry. Nie narzekali na swój los, ale od rzemieślników odróżniała ich powaga. W grupie „inteligentów” również przeważały osoby w wieku 20-30 lat, ale więcej było osób starszych.

Niewielu było natomiast właścicieli majątków ziemskich. Wszyscy oni przebywali w części więzienia zwanej „szlacheckim korytarzem”. Nazywano tak ciąg kilku niewielkich cel, gdzie – opłaciwszy uprzednio nadzorcę więzienia – można było zostać osadzonym pojedynczo [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 45]. Stachiewicz zapamiętał tylko czterech z nich, przy czym w wypadku jednego z nich o nazwisku Łaszcz ograniczył się jedynie do podania nazwiska. Najbardziej za to w pamięć wbiła mu się osoba hrabiego Edwarda Czapskiego, może dlatego, że był to – jak zapisał Stachiewicz – „magnat w pełnym znaczeniu tego słowa” [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 58]. Czapskiego zapamiętał jako osobę dumną, ale nie wyniosłą. Współwięźniowie traktowali go raczej obojętnie, o służalczości i uniżoności nie było mowy. Hrabia dobrze mówi po rosyjsku i Stachiewicz rozmawiał z nim wielokrotnie.

Kolejnym zapamiętanym przez niego ziemianinem był Eustachy Grabowski [Stachiewicz nie podaje jego imienia], w czasie powstania styczniowego naczelnik cywilny województwa płockiego. Z nim z kolei autor relacji nie zamienił nigdy ani słowa, może dlatego, że Grabowski był w fatalnej kondycji psychicznej. Godzinami siedział na parapecie i patrzył w dal przez okno swojej celi. Inni Polacy mówili, że i z nimi były wojewoda zamieniał tylko pojedyncze zdania. Stachiewiczowi szczególnie utkwiły w pamięci jego oczy. „Если бы я был живописцем на религиозные темы, я бы дал такие глаза Иисусу” – napisał [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 60-61].

W zupełnie innym nastroju był ostatni z zapamiętanym przez autora relacji ziemian – pochodzący również z Płockiego Jan Sokołowski. Stachiewicza poznał z nim Czapski, który mieszkał z Sokołowskim po sąsiedzku na „szlacheckim korytarzu”. Nie mówił on po rosyjsku, ale rozumiał co mówił do niego Rosjanin. Sokołowski był chory, współtowarzysze niedoli podejrzewali gruźlicę. Praktycznie nie opuszczał łóżka. Spędzali ze sobą dużo czasu. Stachiewicz wspomina, że zdrowie samopoczucie Sokołowskiego w więzieniu poprawiało się. Kładł to na karb syberyjskiego klimatu, który miał korzystnie wpływać na stan zdrowia chorych na gruźlicę. Sokołowski był pełen wiary – zarówno w swój powrót do zdrowia, jak i w

odrodzenie państwa polskiego. „Jeszcze będę na balu u polskiego króla i mazurka tańczyć będę! Jeszcze dożyję” – przekonywał [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 62]. Nie było mu jednak dane ani jedno, ani drugie [7, c. 162, 175; Sokołowski niedługo po opuszczeniu przez Stachiewicza tobolskiego więzienia zmarł].

„Pensjonariusze” tobolskiego więzienia należeli w opinii Stachiewicza do przestępców politycznych „średniej kategorii”. Mniej winni, według relacji współwięźniów, byli wysyłani do różnych miejscowości w europejskiej części państwa. Z kolei uznani za prowodyrów, o ile nie udało im się uciec za granicę, kończyli na szubienicach. Osób odgrywających poważniejszą rolę w ruchu powstańczym spotkał Stachiewicz zaledwie kilku [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 52].

Pierwszą z nich był Walenty Lewandowski. Lewandowski nieźle mówił po rosyjsku i Stachiewicz rozmawiał z nim kilka razy. Współwięźniowie odnosili się do niego z wielkim szacunkiem i zawsze tytułowali go „panie pułkowniku”, choć – zdaniem Stachiewicza – posturą i sposobem bycia Lewandowski zupełnie nie wyglądała wojskowego, a tym bardziej oficera. Zaskoczyło go, że powstańczy dowódca był konsekwentnym rzecznikiem dobrych relacji polsko-rosyjskich. Jeżeli Słowianie nie dogadają się między sobą – przekonywał – to w niedalekiej przyszłości „germanizm nas ujarzmi”. Zdanie to podzielało również wielu innych Polaków [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 64]. Wspominał, że podczas przesłuchania przed komisją śledczą w Warszawie na pytanie jak trafiło szeregow powstańczych miał odpowiedzieć [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 65]: „Ja jak tu nie powstawać przeciw wam. Wy już prawie sto lat gospodarujecie na naszej ziemi i co nam przynieśliście? Ucisk, grabież i przelanie krwi” [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 64-65].

Z opowieści Lewandowskiego Stachiewicz dowiedział się, że powstańcy wziętych jeńców prawie zawsze uwalniali najpóźniej po kilku dniach. Właśnie to miało uratować Lewandowskiemu życie, bowiem po dostaniu się do niewoli wstawili się za nim rosyjscy oficerowie, wypuszczeni kilka dni wcześniej [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 66]. Wyjątek stanowili Kozacy, którym nie dawano pardonu, a wziętych do niewoli – wieszano. Powstańcy nie uważali ich bowiem za żołnierzy, a za rozbójników i grabicieli [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 66]. Z relacji innych powstańców wynikało, że takie postępowanie było niemal regułą i jeden tylko Czachowski wszystkich schwytych jeńców miał wieszać bez litości [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 66].

Kolejną osobą, którą Stachiewicz zaliczył do więźniów pierwszej kategorii był ksiądz Józef Stecki. Wspominał, duchowny nie uczestniczył w ruchu zbrojnym, co więcej – był jego konsekwentnym przeciwnikiem. Stachiewicz podejrzewał, że zesłano go z powodu autorytetu, jakim cieszył się u współrodaków, a także dlatego, że uczestniczył w pracach Delegacji Miejskiej, której powstanie i działalność Rosjanie uważali za upokorzenie dla władz. Również Stecki był rzecznikiem polsko-rosyjskiego porozumienia, ale z innych niż Lewandowski powodów. Uważał on, że Polacy i Rosjanie wzajemnie się uzupełniają, gdyż Polacy są narodem rolniczym, zaś Rosjanie dobrze czują się w przemyśle, a zwłaszcza w handlu. Stachiewicz nie mógł zrozumieć na jakiej podstawie duchowny doszedł do podobnych wniosków, tym bardziej, że przecież absolutna większość Rosjan utrzymywała się właśnie z rolnictwa. Również ksiądz Stecki był dla polskich zesłańców autorytetem i cieszył się wśród nich wielkim szacunkiem [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 76-77].

Zupełnie inaczej było w przypadku Ludwika Żychlińskiego. Z nim Stachiewicz nigdy nie miał okazji porozmawiać. Zapamiętał jednak, że przez innych zesłańców Żychliński traktowany był z dużą rezerwą. Fakt, iż będąc dowódcą dużego oddziału powstańczego, po schwytaniu Żychliński nie został skazany na karę śmierci rodził podejrzenia, że ceną za uratowanie życia było pójście na współpracę z władzami rosyjskimi. Co ciekawe, podobnych podejrzeń nie mieli przebywający w tobolskim więzieniu byli podwładni Żychlińskiego, którzy w dalszym ciągu traktowali go jak swojego dowódcę. Stachiewicz uważał Żychlińskiego za bardzo przystojnego mężczyznę, był pod wrażeniem jego eleganckiego ubioru i nienagannyh manier. Na podstawie

swoich obserwacji sądził wręcz, że powstańcy dowódca zapewne uniknął kary śmierci dzięki wstawiennictwu jakiejś kobiety [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 78-79]. Autor relacji spotkał Żychlińskiego ponownie kilka lat później i na tej podstawie wysnuł wniosek, że widocznie oskarżenia okazały się fałszywe. W innym wypadku „nawet na Syberii znalazłby się mściciel i zdrajca nie uniknąłby śmierci” [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 79].

Położenie więźniów politycznych w tobolskim więzieniu Stachiewicz ocenił jako znośne. Nie byli zmuszani do żadnych prac fizycznych, nawet takie czynności jak przynoszenie wody czy usuwanie nieczystości wykonywał specjalnie do tych zadań przydzielony więzień kryminalny. Problemem nie było również wyżywienie. Wprawdzie skarb państwa przeznaczał na ten cel zaledwie siedem kopiejek dziennie na osobę, ale prawie każdy zesłaniec w Tobolsku dysponował jeszcze swoimi środkami finansowymi. Polacy opowiadali również, że zesłańcy dużą pomoc otrzymywali od kilku rodzin polskich mieszkających w Tobolsku. Tobolscy Polacy wspierali zesłańców z własnych funduszy, ale również pośredniczyli w przekazywaniu wsparcia ze środków przysyłanych z kraju. Te ostatnie nie były zbyt duże, ale zesłańcy nie narzekali, rozumiejąc, że wyniszczzonego kraju na więcej po prostu nie stać [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 52].

Z zakupem jedzenia nie było żadnych problemów. Na terenie więzienia znajdował się sklepik, ale mało kto z niego korzystał. Zapewne dlatego, że raz w tygodniu wyznaczeni więźniowie mogli pod eskortą udać się do miasta i kupić zamówione przez współwięźniów produkty znacznie taniej. Na nawet jeżeli ktoś o czymś zapomniał, to przed bramą więzienia zawsze oczekiwało kilkunastu przekupniów, u których można było zrobić zakupy za pośrednictwem „uczynnych” strażników. Sytuację zesłańców znakomicie poprawiał fakt, że jedzenie w Tobolsku było bardzo tanie. Porównując ceny z petersburskimi Stachiewicz zwrócił uwagę przede wszystkim na bardzo niskie ceny ryb, nawet tych najbardziej wykwinnych [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 47-48].

Brak pieniędzy nie był problemem. Stachiewicz zauważa, że w tobolskim więzieniu wśród zesłańców panowała wielka solidarność. Wspierano się nawzajem, nie tylko moralnie, ale i materialnie. W kolejnych latach pobytu na Syberii nie było to – jego zdaniem – regułą. Niektórzy zaczęli myśleć przede wszystkim o sobie.

Relacje między zesłańcami przebywającymi w tobolskim więzieniu Stachiewicz ocenił następująco: „Пробыл я в тобольской тюрьме пять с половиной месяцев; пред моими глазами прошли многие сотни поляков; если бы я захотел обрисовать их взаимные отношения немногими словами, я оказал бы: это были хорошие отношения – товарищеские. За всё это время ни одной драки, ни одного случая воровства, ни одного случая грубой ругани, т.е с употреблением площадных слов. Случались споры и перебранки, но в формах сдержанных, допускаемых нашими жителями обычаями; и где же люди живут без подобных перебранок?” [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 86].

Był wszakże jeden wyjątek. W jednej z cel umieszczono przez kilkanaście dni osobę, o której wiadomo było, że w czasie powstania była rosyjskim szpiegiem i to – jak zaznacza Stachiewicz – „szpiegiem najtańszej kategorii, z grona ulicznych oberwańców” [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 86]. Czym podpadł władzom, że trafił na Syberię – Stachiewicz nie wiedział. Wspomina, że człowiek ów praktycznie nie wychodził spod pryczy, a gdy próbował to robić natychmiast stawał się obiektem ataków, zarówno słownych, jak i fizycznych. Dlatego ze swego legowiska wpełzał bardzo rzadko i możliwie szybko starał się tam wrócić. Nie próbował również w żaden sposób bronić się i to – być może – uratowało mu życie [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 86-87].

Interesującym wątkiem rozmów z powstańcami były rozważania na temat przyczyn wybuchu powstania. Stachiewicz pytał, jaki wpływ na wybuch powstania miały nadzieje na pomoc Zachodu. W zgodnej opinii powstańców nie miało to żadnego znaczenia. Jako bezpośredni impuls wybuchu wskazywali oni „brankę”. Przekonywali, że młodzi ludzie, mając w perspektywie służbę w armii carskiej, woleli zginąć w walce na własnej ziemi, nawet bez

nadziei na wygraną [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 67].

Bardzo ciekawe uwagi Stachiewicza dotyczą śpiewanych przez Polaków pieśni. Szczególnie dobrze zapamiętał on hymn „Z dymem pożarów”, może dlatego, że był on śpiewany najczęściej i zawsze z wielką powagą. Swoje pieśni, których tytułów nie udało się zidentyfikować, śpiewali rzemieślnicy. Autor relacji zauważał, że nie miały one charakteru politycznego i po przetłumaczeniu równie dobrze mogliby śpiewać je rzemieślnicy rosyjscy. Możemy również znaleźć bardzo ciekawą uwagę dotyczącą pieśni „Gdy naród do boju...”. Stachiewicz twierdził, że słyszał ją bardzo często podczas pobytu na katordze, natomiast jeszcze w Tobolsku praktycznie jej nie śpiewano. Powodem miał tu być respektowany ciągle zakaz Rządu Narodowego, który zabronił wykonywania tej pieśni, jako nawołującej do walki klasowej [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 72; Stachiewicz błędnie przypisywał autorstwo słów tej pieśni Juliuszowi Słowackiemu]. Pieśń zrobiła na nim wrażenie tym silniejsze, że z jej słowami sam się w pełni identyfikował [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 73].

Nie wszystkim jednak to polskie śpiewanie się podobało. Wiosną 1864 roku do Tobolska przywieziono drugiego Rosjanina, wspomnianego już oficera marynarki wojennej. Trubeller większość czasu spędzał na czytaniu książek na świeżym powietrzu. Zwierzył się kiedyś Stachiewiczowi, że czyni tak, gdyż w celi w której go umieszczono Polacy prawie cały czas śpiewają, czego ten nie mógł zdzierżyć. I nie chodziło tu o repertuar, ale o jakość wykonania. Polacy – jego zdaniem – byli narodem zupełnie niemuzykalnym [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 73].

W tobolskim więzieniu Stachiewicz spotkał również trzy kobiety. Pierwszą z nich była żona warszawskiego urzędnika Leona Rolke, Otylia [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 83; Stachiewicz pisze o niej „Атолия Станиславовна”], która dobrowolnie podążyła na Syberię wraz za mężem. Przetrzymano ich oboje w „szlacheckiej” części więzienia. Autor wspomina również, że wiele lat później miał okazję spotkać małżonków w Irkucku.

O drugiej kobiecie nazwiskiem Żebrowska Stachiewicz nie pisze nic ponad to, że była właścicielką domu w Warszawie. Najwięcej uwagi poświęcił za to trzeciej z kobiet, Józefie Gudzińskiej. Stachiewicz wspominał, że z opowieści Polaków wynikało, iż kawiarnia Gudzińskiej w Warszawie była miejscem spotkań członków Rządu Narodowego i w związku z tym po aresztowaniu poddano ją bardzo brutalnemu śledztwu. Nie zważając na to, że była w ciąży bito ją różgami również po brzuchu.

Autora relacji intrygowała wiarygodność tych opowieści. Wprawdzie nigdy nie rozmawiał z Gudzińską, ale wielokrotnie widywał ją podczas spacerów i wydała mu się ona okazem zdrowia. „Czy oznaczało to, że wygląd zewnętrzny był w tym wypadku mylący (jak to bywa w wielu wypadkach)? Czy jej organizm [był] na tyle krzepki, wytrzymały i dlatego szybko wróciła ona do zdrowia po torturach? Czy wreszcie opowieść o torturach była przesadzona?” – zastanawiał się autor. Zaznaczał jednak, że opowieści o losach Gudzińskiej słyszał z ust wielu Polaków, co do prawdomówności których nie ma żadnych wątpliwości [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 84].

Na podstawie własnych obserwacji, a także rozmów z współwięźniami Stachiewicz dostrzegał różnicę w położeniu zesłańców pochodzących z Królestwa Polskiego i Litwy. Gdy w lutym 1864 roku do tobolskiego więzienia przybyła nowa partia około 20 zesłańców z Warszawy. Stachiewicz zwrócił uwagę, że praktycznie wszyscy byli dobrze ubrani. Dotyczyło to zresztą nie tylko tej partii. Dalej autor pisze: „Впоследствии не один раз видел я партии поляков, привезенных из Варшавы в тобольскую тюрьму; и все эти партии производили на меня такое же впечатление зажиточности, благооберзия и культурности [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 48].

Zupełnie inaczej wyglądali przybyli z Wilna. Brudni, obdarci, w więziennych chałatach i rozpadających się aresztanckich butach. Ale powodem było nie ich ubóstwo, ale fakt, iż przed ekspedycją odbierano im wszystko, co dostali z domów [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 49]. Źle traktowano ich również podczas drogi. Na stacjach etapowych umieszczano ich w tak

ciasnych pomieszczeniach, że nie było mowy nie tylko o spaniu, ale nawet nie można było usiąść. Okna cel pozostawały zamknięte i bardzo szybko zaczynał doskwierać brak tlenu. „Nawet świeca by zgasła” – wspominał jeden z zesłańców [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 50]. Wybijano więc szyby w oknach, za które rano lokalni komendanci potracali pieniądze ze środków na wyżywienie eskortowanych więźniów. Jeden z zesłańców stwierdził nawet, że gdyby dostał możliwość sądenia cara i skazania go nawet na karę śmierci, to kazałby mu iść na piechotę z Wilna do Tobolska w szeregach jednej z aresztanckich partii a następnie wypuścić na wolność. Powrotna droga do Wilna byłaby – w jego opinii – karą zbyt okrutną nawet dla cara [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 50].

Różnica w podejściu do uczestników powstania komisji śledczych z Warszawy i z Wilna była – zdaniem Stachiewicza – widoczna również w innej sferze. Otóż zapamiętał on, że w sprawie kilkunastu zesłańców z Warszawy zarząd tobolskiego więzienia otrzymał pisma nakazujące odesłać ich z powrotem do Królestwa Polskiego, bowiem śledztwo wykazało, że są niewinni. Nie przypominał sobie natomiast ani jednego wypadku, aby podobne pismo przyszło z Wilna [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 87].

Pamiętnikarz relacjonuje również opowieść jednego z uczestników powstania z Litwy, który sam zgłosił się do władz rosyjskich skuszony manifestem carskim, obiecującym powstańcom, którzy do 1 maja 1863 roku złożą broń, pełną amnestię. Został on natychmiast aresztowany i wysłany na Syberię, zaś przesłuchujący kpili z jego naiwności [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 57-58].

Na zakończenie warto wspomnieć, że wśród wspomnianych przez Stachiewicza powstańców byli nie tylko Polacy. Wspomina o niezapamiętanych z nazwiska: Węgrze i Francuzie oraz o pochodzącym z Wiednia Wiśniewskim (mimo polskiego nazwiska nie mówił on w ogóle po polsku). Tego ostatniego sami Polacy uważali za zwykłego awanturnika, skuszonego plotkami o rzekomo bardzo wysokim żołdzie, wypłacanym przez powstańców [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 85]. Po polsku ani po rosyjsku nie mówił również Francuz, który tym co się z nim działo był przerażony. W rozmowach ze Stachiewiczem przekonywał go, że na Syberię trafił przez pomyłkę, gdyż po interwencji dyplomatów francuskich miał zostać zwolniony. „Wepchnęli mnie jakby w długi, bardzo długi tunel i naciskają tłokiem w plecy. Stacja za stacją, a ja od swojej Francji coraz dalej. I nie wiem gdzie w końcu mnie z tego tunelu wyciągną”. Nikt z konwojujących ani urzędników nie chciał z nim rozmawiać. Żył nadzieją, że w końcu trafi na jakiegoś życzliwego urzędnika, który zechce zainteresować zwierzchników jego sprawą [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 85-86].

Na podstawie obserwacji poczynionych w tobolskim więzieniu, a także podczas późniejszych kontaktów z Polakami, Stachiewicz poczynił ciekawe uwagi, dotyczące ich poglądów politycznych. Jego zdaniem lwia część zesłańców w dziedzinie ustrojowej była zwolennikami monarchii konstytucyjnej, z podkreśleniem roli parlamentu w rządzeniu krajem. Dały się natomiast zauważyć różnice w podejściu do konstytucjonalizmu z zależności od miejsca pochodzenia zesłańca. „Koroniarze” (tak nazywał osoby pochodzące z Królestwa Polskiego) byli jego zdaniem demokratami, czego przejawem było podkreślanie konieczności nadania praw politycznych szerokim masom ludności. Konstytucjonalizm litewski miał za to – jak to określił – odcień szlachecko-burżuazyjny. Z kolei zesłańcy z Rusi prezentowali poglądy najbardziej radykalne, ocierające się o socjalizm. Wśród nich najwięcej było również zwolenników republikańskiej formy rządów [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 226].

Stachiewicz w swoich wspomnieniach wielokrotnie podkreślał, że jego opinia o Polakach jest jak najlepsza i podczas pobytu na Syberii nigdy nie doświadczył z ich strony niczego złego. Zauważał, że Polacy swojej nienawiści do Rosji jako państwa nie przenosili mechanicznie na wszystkich Rosjan. Szybko zwrócił uwagę na dwojakie rozumienie przez Polaków słowa „Moskal”. Moskal to dla Polaków „Wielkorus”, ale również „ciemieżca, wróg i barbarzyńca”. Stachiewicz zauważył przy tej okazji, że dla Polaków „Moskal” był tym samym, czym dla Rosjan był „Tatarzyn”. Wspominał również, że nowoprzybyłym Polakom prawie

zawsze bywał przedstawiany jako „Rosjanin Stachiewicz” i tylko z rzadka współwięźniowie nazwali go Moskalem [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 62].

Bardzo sceptycznie odnosił się natomiast do możliwości polsko-rosyjskiego porozumienia. W rozmowie z księdzem Steckim miał powiedzieć: „дружелюбных отношений я тоже желаю, как и вы, и думаю, что дружелюбные отношения установятся, но только очень нескоро; пока солнце взойдет, роса глаза выест” [РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 243. Л. 77].

Z Polakami na Syberii miał się Stachiewicz stykać jeszcze przez wiele kolejnych lat, ale to właśnie w tobolskim więzieniu zaczął tak naprawdę ich poznawać i to tam ukształtowały się jego polonofilskie poglądy.

Spis Literatury:

1. *Orel-story.ru* / Поговорим об Орле / Ищем свои корни [Электронный ресурс] URL.:<http://www.orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=1&page=86&topic=26> (дата обращения: 07.04.2014)

2. *Деятели* революционного движения в России : Био-библиографический словарь : От предшественников декабристов до падения царизма / Под ред. Вл. Виленского-Сибирякова, Феликса Кона, А. А. Шилова [и др.] ; Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев. - М. : Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927-1934. Т. 1. Ч. 2. 496 с.

3. *Сергей* Григорьевич Стахевич // Rodovid [Электронный ресурс] URL : <http://sr.rodovid.org> (дата обращения: 11.04.2015).

4. *Стахевич, С. Г.* Среди политических преступников / С. Г. Стахевич // Былое. 1923. XXI. С. 63–86.

5. *Стахевич, С. Г.* Воспоминания. В Тобольской тюрьме / С. Г. Стахевич // Былое. 1923. XXII. С. 112–134.

6. *Стахевич, С. Г.* Среди политических преступников / С. Г. Стахевич // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников / Вступит. статья и коммент. Т. И. Усакиной. Т. 2. Саратов 1959. С. 52-116.

7. *Trynkowski, J.* Z Zabajkala, przez Chiny, do Szwajcarii. List Szymona Tokarzewskiego do Agatona Gillera z 13 czerwca 1866 roku / J. Trynkowski // Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane Profesor Wiktorii Śliwowskiej, red. E. Niebelski. Lublin, 2008. S. 162 – 175.

J. Legiec

The participants of the January Uprising in prison in Tobolsk in the light of the relation of Sergei Stachiewicz

Summary: Memories of Sergei Stachiewicz - Russian revolutionary who spent 25 years in exile, are one of the most interesting sources about life in Siberia Poles-participants of the January uprising. The first opportunity to meet them Stachiewicz received during a six-month stay in Tobolsk prison. This contact was the reason for the interesting observations that many years later he described in his memoirs.

Key words: Sergei Stachiewicz (1843-1918), Russian memoirs, Siberia, the nineteenth century, Polish exiles, Tobolsk prison.

The Jan Kochanowski University (Żeromskiego St. 5, 25-369 Kielce; tel: +48 41 349 73 06; e-mail: instytut.historii@ujk.edu.pl)

S. Wiech

UCZESTNICY POWSTANIA STYCZNIOWEGO NA ZESŁANIU WE WSPOMNIENIACH WASILIJA BERWI-FLEROWSKIEGO

Streszczenie: Flerowski - rosyjski emigrant polityczny, który spędził 25 lat swojego życia na Syberii, napisał niezwykle wspomnienia o polskich zesłańcach. Z wielkim współczuciem pisał o losach Polaków na Syberii, był pod wrażeniem ich wykształcenia, kultury, etyki pracy, przedsiębiorczości. Niezwykle pozytywnie oceniał wpływ Polaków na mieszkańców Syberii. Jednocześnie ostro krytykował władze rosyjskie w związku z prześladowaniami Polaków na tle politycznym. Flerowski żałował, że najlepsi przedstawiciele narodu polskiego, byli zmuszeni do życia w bardzo ciężkich warunkach, pozbawieni możliwości rozwoju i skazani na powolną śmierć na Syberii.

Słowa kluczowe: Rosja, Polska, Syberia, XIX wiek, polscy zesłańcy

Wasilij Berwi-Flerowski, którego prawdziwe nazwisko brzmiało Wilhelm Wilhelmowicz Berwi, jest autorem niezwykle cennych i interesujących wspomnień na temat polskich zesłańców, uczestników powstania styczniowego. Urodził się 28 IV/10 V 1829 r. i był synem zrusyfikowanego Anglika, profesora filozofii zatrudnionego na Uniwersytecie w Kazaniu. Na tymże Uniwersytecie młody Wasilij wieku 20 lat ukończył z wyróżnieniem Wydział Prawa, a następnie podjął pracę w wielu urzędach administracji centralnej (od 1849 r. pracował w Ministerstwie Sprawiedliwości w Petersburgu).

Po dziesięciu latach służby urzędniczej, porzucił ją. Powodem było otrzymanie, najpierw od Uniwersytetu w Charkowie (1861), a następnie w Petersburgu, propozycji zatrudnienia na stanowisku wykładowcy. W chwili, gdy z polecenia władz Uniwersytetu Petersburskiego szykował się do wyjazdu na stypendium zagraniczne, stanowiące warunek otrzymania nominacji na stanowisko profesora, w stolicy Rosji wybuchły zamieszki i demonstracje studenckie. Berwi stanął w obronie studentów. Zbierał m.in. podpisy pod listem adresowanym do cara, w którym chciał otworzyć Aleksandrowi II oczy na sprawy studenckie. Za wspieranie protestów studenckich początkowo grożono mu zesłaniem, ale ostatecznie ukarano go zakazem wyjazdu za granicę.

Kara zesłania nie ominęła jednak Berwiego. W roku następnym (1862) został pociągnięty do odpowiedzialności za wystąpienie w obronie 13 ziemian – pośredników ziemskich z guberni twerskiej, którzy w skierowanym do Aleksandra II adresie protestowali przeciwko krzywdzącej chłopów reformie włościańskiej oraz domagali się zwołania przez cara specjalnego zgromadzenia z udziałem przedstawicieli wszystkich stanów. W związku z tym wydarzeniem Berwi napisał adres skierowany do cara, wszystkich marszałków gubernialnych w Rosji oraz ambasady Anglii. W dokumencie tym prosił szlachtę o wystąpienie w obronie własnych praw, zaś cara ostrzegał, że polityka represji doprowadzi do wybuchu rewolucji. Wzywał też ambasadora Anglii, aby ten poinformował Europę o despotyzmie władz rosyjskich. Ponieważ forma listów nie dawała podstawy do postawienia Berwiego przed sądem, dlatego też autora adresu uznano za umyślowo chorego. Skazano go na przymusowy pobyt w szpitalu dla obłąkanych, gdzie przez sześć miesięcy poddawano go uciążliwym badaniom. Kiedy wszystkie komisje lekarskie uznały Berwiego za całkowicie zdrowego, postanowiono go w grudniu 1862 r. skazać na zesłanie do Astrachania.

Berwi na zesłaniu przebywał z przerwami (1870-1874) 25 lat, czyli do roku 1887. Na zesłaniu doznał wielu cierpień: był wielokrotnie przesiedlany, osadzany w więzieniu, poddawany rewizjom, nadzorowi policyjnemu, powtórny aresztowaniom. Jego szlak

zesańcy wiódł przez Astrachań, Kazań, Kuznieck, Tomsk, Wołogdę, Twer, Szenkurs, Kostromę i inne miejscowości. Obserwacje, wiedza i doświadczenia wyniesione z poniewierki na zesłaniu dały podstawę do napisania licznych prac dotyczących historii, socjologii, ekonomii, prawa, etnografii i kultury. Do największych jego prac naukowych należy monografia pt. „Sytuacja klasy robotniczej w Rosji” (1869), napisana pod pseudonimem Flerowski, „Abecadło nauk społecznych” (1871), oraz „Jak należy żyć zgodnie z prawami przyrody i prawdy” (1873).

W 1890 r. Berwi wyjechał do Tyflisu (Tbilisi), a w 1893 r. opuścił Rosję udając się najpierw do Genewy, a następnie do Londynu. Po trzech latach życia na emigracji wrócił do Rosji obejmując w 1896 r. skromną posadę w samorządzie ziemskim w guberni kostromskiej. Rok później przeprowadził się do Juzowki (obecnie Donieck), do swojego syna Fiodora, który był lekarzem. W Doniecku pracował jako księgowy i mieszkał tu aż do końca swoich dni. Ciężko chorując od 1910 roku zmarł w Doniecku 4 października 1918 r. Tam też został pochowany. W pobliżu mogiły wystawiono mu w 1953 r. pomnik. W mogile obok niego spoczęła w 1924 r. poślubiona jeszcze w więzieniu w 1861 r. żona - Ermiona Iwanowna Berwi z domu Żemczuzina, która do końca życia towarzyszyła mężowi.

Berwi-Flerowski znany jest nie tylko jako socjolog, ekonomista, ideolog narodnictwa, publicysta, ale także autor niezwykle cennych i ciekawych wspomnień, które po raz pierwszy opublikował w Londynie w 1897 r. («Trzy systemy polityczne: Mikołaj I, Aleksander II i Aleksander III. Wspomnienia»). Wspomnienia Flerowskiego nie mogły ukazać się w Rosji, gdyż ich autor z pozycji sympatyka ruchu narodnickiego w sposób bezpośredni piętnował system represji i ograniczeń politycznych, jakimi wyróżniała się Rosja za panowania Mikołaja I, Aleksandra II i Aleksandra III. Wspomnienia opisujące pobyt Flerowskiego na Syberii, dotyczą także problemu obecności na Syberii polskich zesłańców. Temu zagadnieniu poświęcił oddzielny rozdział (V), noszący tytuł: „Syberia i polscy zesłańcy” (*Sibir i ssylnyje poljaki*, s. 196-222). Warto nadmienić, że u schyłku życia Flerowskiego charakterystyka polskich zesłańców została z drobnymi poprawkami jeszcze raz opublikowana na łamach emigracyjnego czasopisma „Gołos Minuwszego” (W.W. Berwi, *Wospominanija*, „Gołos Minuwszego”, Moskwa 1915, nr 6-8). Epizody dotyczące polskich zesłańców zamieścił także Flerowski w opublikowanych już pośmiertnie „Notatkach rewolucjonisty-marzyciela” (Berwi-Flerowski W.W., *Zapiski riwolucjoniera-mieczatiela*, Moskwa-Leningrad 1929).

*

Przedstawiona przez Flerowskiego charakterystyka polskich zesłańców, którzy po upadku powstania styczniowego w ramach represji politycznych trafili na Syberię, jest nietypowa. Flerowski dokonuje jej z dwóch perspektyw. Pierwsza to perspektywa zesłańca, bezpośrednio kontaktującego się i obcującego z Polakami, odczuwającego ich ból i wczuwającego się w ich położenie. Druga perspektywa jest znacznie szersza, prowadzona z pozycji ideologa ruchu narodnickiego i ma charakter ogólniejszych refleksji na temat losu, pozycji i przyszłości całego narodu polskiego, który związany został z Cesarstwem Rosyjskim. Dwupoziomowy, nader wnikliwy opis polskich zesłańców, powstał w dużym stopniu na bazie doświadczeń i autopsji wyniesionych w drugiej połowie lat 60-tych XIX w. z pobytu w gubernialnym Tomsku oraz w malutkiej miejscowości leżącej u podnóża gór Ałtaj - Kuzniecku, w których Flerowski odbywał karę zesłania [1, s. 188].

Według ocen Flerowskiego w połowie lat 60-tych XIX wieku na Syberii przebywało blisko 100 tysięcy polskich zesłańców. W samym Tomsku żyło ich około tysiąca, zaś w maleńkim miasteczku Kuzniecku było ich około 150 [2, s. 3-16]. Z obserwacji prowadzonej podczas wędrówki na Syberię Flerowski wnioskował, że znacznie więcej Polaków, zesłanych zarówno z Królestwa Polskiego, jak i Kraju Zachodniego, odbywało karę w europejskiej części Rosji. Dodawał także, że w grupie przesiedleńców z Kraju Północno-Zachodniego przeważali

chłopi, których rosyjscy urzędnicy błędnie lub też celowo klasyfikowali do kategorii „dobrowolnych przesiedleńców” [1, s. 188].

Na Syberii Flerowski miał okazję poznać osobiście stosunkowo liczne grono Polaków, zarówno zwykłych – szeregowych uczestników powstania, jak też znanych i darzonych szacunkiem dowódców powstańczych. Jak pisał, dane mu było poznać cały ciężar ich bólu, cierpienia i rozterek [1, s. 188]. Obcowanie z Polakami, wsłuchiwanie się w ich historie życia, poznanie ich krzywdy i poniżenia doprowadziły Flerowskiego do wniosku, iż naród polski „należał do najbardziej nieszczęśliwych narodów zachodnioeuropejskiej cywilizacji”. Flerowski twierdził nawet, że pod względem doznanych cierpień „żadnego narodu europejskiego nie można było zrównać z losem, jaki spotkał Polaków” [1, s. 189]. „Patrzyłem w oczy tych skutych w kajdany Polaków – wspominał Flerowski – i myślałem, że marzyli tylko o tym, aby wywalczyć sobie wolność i stać się wielkim narodem, [...] przez wieki byli wielkim narodem, światłem wolności i oświecenia i wszystko to utracili. Patrząc na Polaków – dodawał Flerowski – widziałem w nich starożytnych Greków, którzy stali się ofiarą rzymskiego despotyzmu. [...] Różnica polegała tylko na tym, że Polacy, w przeciwieństwie do Greków, nic nie mogli przekazać barbarzyńskiemu imperium, które zniszczyło polskie uniwersytety, polskie biblioteki i polską oświatę” [1, s. 190]. Zdaniem Flerowskiego Polacy po utracie niepodległości stali się ofiarą religijnego i narodowego fanatyzmu Rosji, fanatyzmu, przeciwko któremu nawet światli i wykształceni Rosjanie nie śmieli zaprotestować. „Myśleliśmy – pisał Flerowski – tylko o sobie. Dzisiaj los padł na Polaków, jutro padnie na nas” [1, s. 191].

Snując refleksje historyczne na temat sytuacji politycznej narodu polskiego Flerowski oskarżał Aleksandra I i Mikołaja I, iż ci nie rozwinęli, także dla dobra Rosji, polskich instytucji narodowych i odebrali Polakom swobody narodowe. „Przeklinam Mikołaja I – pisał Flerowski, za to, że zhańbił cześć narodu rosyjskiego, że uciskając Polskę, Kraj Nadbałtycki i Finlandię uczynił z tych narodów wiecznych wrogów Rosji” [1, s. 191-192]. Przeklinał Mikołaja I także dlatego, że za wybuch powstania listopadowego obarczał on winą wyłącznie Polaków, nie widząc przyczyny buntu w swoich rządach. „Polskę – dodawał Flerowski, potraktował gorzej niż Mongołów. Sam był zwierzęciem na tronie” [1, s. 192]. Flerowski snuł przypuszczenie, że gdyby carowie inaczej potraktowali Polaków, to ci odegraliby olbrzymią rolę w procesie cywilizowania Rosji. Za sprawą kultury i doświadczeń politycznych Polaków Rosja dojrzałaby do przyjęcia ustroju konstytucyjnego i wprowadzenia zachodniego modelu sprawowania władzy [1, s. 195]. Tego rodzaju przypuszczenia Flerowski budował na podstawie obserwacji wpływu polskich zesłańców na życie kulturalne i postępy cywilizacyjne miast syberyjskich. „W tych miastach – pisał Flerowski, gdzie Polacy żyli od dawna, np. w Irkucku i Wiatce, wpływ ich na życie kulturalne był bardzo widoczny. W miastach tych za sprawą Polaków wykształciła się znacznie silniejsza grupa inteligencji rosyjskiej, niż w np. w Tomsku, gdzie Polacy pojawili się w większej liczbie dopiero po 1863 r.” [1, s. 195].

Charakteryzując środowisko polskich zesłańców Flerowski zwracał uwagę na ich przyjazne usposobienie i życzliwy stosunek do ludności rosyjskiej. Polacy na Syberii, jak twierdził Flerowski, potrafili dobrze układać sobie relacje i kontakty z ludnością rosyjską. Choć mieli do tego podstawy, to jednak „nie pałali nienawiścią do Rosjan i pięknie mieszkali z tym ludem roboczym. Interesowali się wszystkimi sprawami rosyjskimi. W Kuźniecku organizowałem im wykłady na temat rosyjskiego socjalizmu. Otwarceni byli na te idee i pisali o nich w swoich listach” [1, s. 210].

Życzliwe traktowanie Rosjan sprawiło, że z czasem ludność rosyjska zaczynała patrzeć na Polaków z sympatią i ze współczuciem. Zupełnie inny stosunek do Polaków wykazywali natomiast urzędnicy, którzy za wszelką cenę starali się rozbudzać wśród Rosjan wrogość i nienawiść. Doskonałym tego przykładem była opisana przez Flerowskiego postawa gubernatora tomskiego Hermana Lerche [3, s. 89-90], który tragiczne wydarzenia, jakim był pożar miasta, starał się wykorzystać do wzniecenia wrogości i nienawiści. Lerche obarczając Polaków winą

za tragedię miasta, nakazał wydalenie ich z Tomsku. Decyzja ta spotkała się ze sprzeciwem rosyjskich mieszkańców miasta, którzy skierowali do władz gubernialnych prośby o wycofanie rozporządzenia, dowodząc, że Polacy przynoszą miastu wiele korzyści [1, s. 194].

Wstawiennictwo Rosjan nie odmieniło jednak postawy tomskiego gubernatora, który – jak twierdził Flerowski, prześladował wykształconych Polaków, wyrzucał ich z miasta i za nic miał sobie skargi na złe traktowanie i zbyt krótkie odpoczynki w czasie forsownych marszów na etapach [1, s. 195; 4, s. 93, 103, 107]. W ocenie Flerowskiego odpowiedzialność za takie traktowanie Polaków ponosiły także władze petersburskie i popularni w Rosji działacze polityczni. Zupełnie inaczej rosyjska administracja na Syberii traktowałaby Polaków, gdyby za zgodą i wiedzą władz centralnych nie „spuszczano z łańcuchów takich zwierząt”, jakim był tomski gubernator Lerche, który wyzbywał się wszelkich skrupułów widząc m.in. zachętę i aprobatę dla swoich poczynań ze strony Michaiła Katkowa.

Flerowski charakteryzując środowisko polskich zesłańców podkreślał dające się zauważyć zróżnicowanie dotyczące pochodzenia społecznego, wykształcenia, stanu zamożności. Ze szczególnym współczuciem odnosił się do najuboższych, czyli chłopów z guberni litewskich i białoruskich, którzy byli niewinnymi ofiarami represji popowstaniowych. „Nie mogę sobie wytłumaczyć – pisał Flerowski, czym ci ludzie, niebiorący udziału w powstaniu styczniowym, zawinili władzom rosyjskim. Jeden z urzędników wyjaśniał mi, że wysiedlano ich i wysłano na Syberię profilaktycznie, aby było spokojniej” [1, s. 197].

Z obserwacji poczynionych przez Flerowskiego wynikało, że Polacy zesłani na Syberię z guberni zachodnich, należeli do grupy najuboższych, najszybciej też popadali w biedę, ruinę materialną i duchową. Najbardziej zrozpaczone były żony tych przesiedleńców, z nostalgią wspominające, jak dobrze żyło im się w ojczyźnie. Z opisu Flerowskiego wynikało, że wsie syberyjskie zamieszkałe przez chłopów-przesiedleńców należały do najbiedniejszych, domy nie miały okien, ogrodzenia były rozwalone i wszędzie widać było nędzę i rozpacz. Założenie samodzielnego gospodarstwa utrudniał fakt, że chłopcy syberyjscy nie byli skłonni oddawać Polakom ziemi uprawnej, a karczowanie tajgi starym toporem przerastało ich siły. Pod ciężarem trudności adaptacyjnych i kłopotów materialnych polscy chłopcy z guberni zabranych stawali się na Syberii włóczęgami lub proletariatem poszukującym zarobku, zazwyczaj w kopalniach złota, gdzie szybko popadali w jeszcze większą biedę i zatraćali się w pijaństwie. Wielu z nich, stoczonych na dno, nie wytrzymując próby czasu przyjmowało prawosławie, widząc w tym szansę na poprawienie swojego położenia. Niekiedy dla miernego zysku stawali się w rękach lokalnych władz konfidentami i donosicielami. Wówczas uznawani za zdrajców i odszczepieńców, pogardzani przez resztę zesłańców, traktowani jak pariasi, żyli w zupełnej izolacji i zapomnieniu [1, s. 198].

Odrębną grupę wśród zesłańców stanowiła inteligencja, podzielona ideologicznie na liberałów i „białych”. Do tego środowiska Flerowski zaliczał przedstawicieli wolnych zawodów, ziemian, dymisjonowanych urzędników oraz duchowieństwo [1, s. 199]. „Wszyscy oni bez wyjątku – pisał Flerowski, wyróżniali się znakomitym wykształceniem, [...] organizowali swoim rodakom wykłady, starali się podtrzymywać ich na duchu, [...] niektórzy dokształcali się ucząc jakiś języków”. Ogólnie jednak „prowadzili zamknięte życie i w samotności gryźli swoją gorycz” [1, s. 200].

W ocenie Flerowskiego polska inteligencja, zwłaszcza ta pochodzenia arystokratycznego, nie była przygotowana do życia na Syberii. Z tych to powodów w środowisku tym widoczny był materialny i duchowy upadek, który demoralizował zesłańców. „Potrafili godnie wejść na szafot – pisał Flerowski, ale nie potrafili godnie znieść na Syberii poniżenia. Żyli przeszłością ciągle wspominając, czym byli przed zesłaniem i czym są obecnie. [...] Umierali z tęsknoty. [...] Smutny był to widok pogrzebów, w których za trumnami zesłańców kroczyła garstka dawnej szlachty polskiej. [...] Wielokrotnie stawiałem sobie wówczas pytanie: komu przynosi korzyść zamęczenie polskiej inteligencji? [...] Gdyby dano jej wolność

stałaby się najwybitniejszą częścią społeczeństwa Rosji i dałaby nam wiele tego, czego sami potrzebujemy” [1, s. 201].

Także niektórzy przedstawiciele stanów uprzywilejowanych, przy współudziale administracji, demoralizująco wpływali na otoczenie. Taki negatywny wpływ, zdaniem Flerowskiego, wywierał ziemianin Józef Ponset [5, s. 381-382], który za udział w powstaniu styczniowym skazany został przez wileńskiego generała-gubernatora Murawjowa na karę śmierci. Ponset dzięki swoim kontaktom w Petersburgu wyjednał zmianę wyroku i skazany został do Tomsku. Tu miejscowy gubernator, zgodnie z życzeniem jego krewnych, pozwolił, aby pod szyldem jednego z kupców, otworzył warsztat dla wszelkich rzemieślników. „Jeśli do Tomsku trafiał Polak zesłaniec polityczny z zawodu rzemieślnik, - pisał Flerowski, to gubernator dawał mu do wyboru albo zesłanie do wsi, gdzie żadnej pracy nie znalazł, albo zatrudnienie w warsztacie Ponseta” [1, s. 203]. Właściciel zakładu szybko zyskał opinię wyzyskiwacza, który surowo traktował pracowników i w sposób bezwzględny eksploatował kierowanych do niego rzemieślników. „Do Kuzniecka – wspominał Flerowski trafił m.in. producent powozów z Warszawy, mistrz wyrobów fortepianowych, rymarz i kucharz. Na pytanie moje, dlaczego nie poszli do warsztatu Ponseta odpowiedzieli, że są zesłańcami, a nie pańszczyźnianymi robotnikami, a u Ponseta byliby tylko „krepostnymi”. Ponieważ mistrz wyrobów fortepianowych nie miał zajęcia w Kuźniecku, dlatego też zajął się stolarką, chwalać sobie to, że uniknął pracy w zakładzie Ponseta” [1, s. 203].

W środowisku zesłańców szczególną pozycję zajmowali księża, którzy, jak podkreślał Flerowski, dzięki swojemu wykształceniu stali znacznie wyżej od duchowieństwa prawosławnego i wyróżniali się ascetycznym stylem życia, który pozwalał im, z większą godnością niż czyniła to szlachta, znosić trudy zesłania. Flerowski dodawał równocześnie, że „żadna grupa polskich zesłańców nie korzystała na Syberii z takiego wsparcia, jak księża” [1, s. 203-204]. Mimo tych wyróżników księża na zesłaniu ulegali demoralizacji w nie mniejszym stopniu od szlachty. Szczególną plagą było pijaństwo. Polscy kapłani w ocenie Flerowskiego należeli do najbardziej konserwatywnych. „Rozmawiając z nimi - wspominał Flerowski, nie znalazłem wspólnej płaszczyzny ideowej, [...] przedkładali interesy religijne ponad wszystko, [...] byli bardziej konserwatywni niż sam Mikołaja I, [...] a mimo to carowie uczynili z nich swoich wrogów” [1, s. 205]. Flerowski podkreślał także, że polscy księża pozostali najbardziej wierni idei powstania styczniowego. „Od żadnego z nich, nie usłyszałem stwierdzenia, że był przeciwny powstaniu” [1, s. 203].

Ze szczególnym uznaniem oceniał Flerowski wpływ na otoczenie tej części zesłańców, którą określał mianem „czerwonej inteligencji”, „liberałów” lub „postępowych demokratów”. Ci, jak wspominał Flerowski „podejmowali wysiłki, aby nie upaść moralnie, starali się wspierać niższe warstwy – klasę robotniczą i ubogą szlachtę, [...] podejmowali naukę rzemiosł u kowali, krawców lub cieśli. Spali w ciasnych izbach razem z gospodarzem, a jedynym ich wyżywieniem był czarny chleb, kwas i cebula” [1, s. 206]. Za sprawą „czerwonej inteligencji” powstawały na Syberii różnego rodzaju towarzystwa i korporacje, to oni dzielili się pracą, sami wytwarzali narzędzia, pletli sieci, łowili ryby, uprawiali ogrody i sady, sadzili tytoń. Mieszkali, jedli i pili razem, dzielili się odzieżą i wszystkim, co posiadali. Nikt nie skarżył się na ich zatwardziałość, [...] nikt ich też nie musiał dyscyplinować, [...] nikt od nich nie uciekał” [1, s. 215].

W swoim otoczeniu polscy zesłańcy, choć wymierali z wycieńczenia i chorób, krzewili nieznaną na Syberii wzorce postaw, a przede wszystkim kult pracy. „Zimą, w cienkim ubraniu pracowali cały dzień pod gołym dachem, wielu z nich umierało, ale mimo to górujący wykształceniem Polacy, gonili do pracy gospodarzy okazujących lenistwo. Syberyjscy gospodarze mówili potem, że nigdy nie widzieli takich sług, którzy by budzili pana, gdy ten nie wstawał do pracy”. Wielokrotnie Flerowski podkreślał, że „Polacy tworzyli na Syberii najbardziej utalentowaną i rozwiniętą część społeczeństwa. Pierwsi starali się poprzez pracę wywalczyć swoją samodzielność. Kobiety i mężczyźni pisali mądre artykuły, współpracowali z wydawnictwami,

tłumaczyli książki, wydawali ze swego środowiska artystów, uczestniczyli w koncertach i spektaklach teatralnych, [...] pokazywali, że można być w opozycji do rządu i bronić swoich idei” [1, s. 207, 211].

Warunki syberyjskie oraz stosunek administracji rosyjskiej do zesłańców sprawiały jednak, że umysłowy, moralny i materialny upadek „czerwonej inteligencji” był nieunikniony. Większość z niej wydalona do głuchych wsi, aby się utrzymać, musiała cały dzień pracować. Dodatkowo społeczność wiejska, zgodnie z narzuconymi przez władze administracyjne instrukcjami, utrudniała im życie, skazując na powolną śmierć. Pilnowano zatem Polaków, aby nie oddalali się od wsi na odległość większą niż 25 sążni (ok. 53 metrów), co automatycznie pozbawiało ich możliwości zdobycia dodatkowych zajęć i środków na utrzymanie. Dodatkowo wiejscy starostowie, wykorzystując prawo wymierzania kar cielesnych znęcali się nad nimi fizycznie. „Przykro było patrzeć na polskich zesłańców, [...] którzy stracili swoje ubrania szyte na europejską modę, musieli nosić się z chłopska, [...] a zgrubiałe ręce i rozczochrane włosy upodobniały ich do syberyjskiej biedoty. [...] Dopiero, gdy usłyszało się ich mowę, można było się zorientować, że są to ludzie wykształceni, inteligentni, o wysokiej kulturze i moralności” [1, s. 209]. Na Syberii nie mieli jednak żadnych możliwości rozwoju, ani też przyszłości. „Na ich twarzach i w ogóle w ich oczach wypisana była śmierć. [...] Od nich – pisał Flerowski, można było się uczyć, jak umierać w milczeniu i odchodzić z tego świata bez słowa skargi” [1, s. 214].

Wzruszające przekonanie o bezdusznym zmarnowaniu na Syberii potencjału wielu tysięcy polskich zesłańców Flerowski poparł także przykładem jednostkowym.

„W mojej wędrówce przez Syberię – pisał, spotkałem młodego człowieka [Polaka]. Miał 23 lata i cały, od stóp do głowy, pokryty był ranami. Mówiono, że ma ich 20, albo 30. [...] Waleczność i bohaterstwo tego oficera zrobiły tak duże wrażenia na członkach komisji śledczej, że ci postanowili zataić fakt, iż oficer ów był wychowankiem Akademii Sztabu Generalnego. Gdyby tego nie zrobili, zostałby skazany na karę śmierci przez powieszenie. Ostatecznie otrzymał karę osiedlenia we Wschodniej Syberii. W akcie oskarżenia zatajono także jego rodowód, pisząc, że został pojmany na polu bitwy bez oznak przytomności, a dokumenty świadczą, iż jest obywatelem Stanów Zjednoczonych wywodzącym się z Nowego Jorku. Człowiek ten nie znał po angielsku ani jednego słowa. [...] Kiedy patrzyłem na jego postać – dodawał Flerowski, to ani blizny, ani trudy marszu etapami, nie wymazały z jego twarzy młodzieńczej szlachetności, znamion inteligencji i świeżości. W tym momencie przypomniałem sobie polskich zesłańców, których widziałem w tajdze syberyjskiej. Pomyślałem wówczas: on także stanie się takim, jak oni i już niebawem chodzić będzie w łachmanach i podartej odzieży, a zgrubiałe ręce i stępione rysy twarzy, zakryją wszystko to, co w duszy tego młodego Mazura było bohaterskie i piękne. Wrażenie ze spotkania z tym człowiekiem było tak silne – kończył Flerowski, że do tej pory wspominam jego postać” [1, s. 209].

Dostrzegając pozytywny wpływ polskich zesłańców na otoczenie, Flerowski nie zapomniał także o korzyściach, jakie sam odniósł z obcowania z Polakami. „Patrząc na Polaków na Syberii – pisał, porzuciłem liberalizm i zbliżyłem się do idei wspólnego władania ziemią, równości społecznej i dobrowolnej biedy. Moja znajomość z Polakami – dodawał, miała ogromny wpływ na moje zapatrywania na sprawy gospodarcze oraz idee socjalistyczne. Obserwowałem, jak ludzie bez kopiejki, dzięki swoim zaletom podnoszą się” [1, s. 216].

Zestawiając i porównując zachowanie i postawy Polaków i Rosjan Flerowski dochodził do wniosku, że oba te narody znakomicie się uzupełniają. Stwierdzał równocześnie, że gdyby ich sojusz opierał się na zasadzie dobrowolności i wzajemnego poszanowania, to Polacy i Rosjanie mogliby wiele osiągnąć. W opinii Flerowskiego w budowaniu swojej przyszłości Rosjanie powinni czerpać wzorce z polskiej demokracji, gdyż wykazując dużą apatię w reorganizacji ustroju politycznego, przyczyniają się do umacniania w Rosji monarchii i despotyzmu. Polakom proponował natomiast wyzbywanie się uprzedzeń i podziałów stanowych poprzez przyjmowanie rosyjskich wzorców demokracji w relacjach społecznych. „Odrodzenie

się polskiego i rosyjskiego narodu – konkludował – może dokonać się tylko równocześnie i powinno być efektem wspólnego działania. Carat wstrzymuje ten proces i roznieca między tymi narodami nienawiść. [...] W obopólnym interesie jest pojednanie” [1, s. 219, 222].

Czytając wspomnienia Flerowskiego o polskich zesłańcach nie ulega wątpliwości, że mamy do czynienia z wyjątkowym w rosyjskiej literaturze memuarystycznej przekazem. Bodaj nikt przed Flerowskim, ale także i po nim, nie wyrażał się tak ciepło, z tak wielkim współczuciem i z taką wielką zbiorową odpowiedzialnością na temat losów Polaków na Syberii. Nikt też z tak wielkim uznaniem nie pisał na temat wkładu, wpływu i roli Polaków w życiu mieszkańców Syberii.

Spis Literatury:

1. *Флеровский, Н.* (1829 - 1918). Три политические системы: Николай I-ый, Александр II-ой и Александр III-ий : Воспоминания / [Соч.] Н. Флеровского. - Б. м. : Б. и., 1897. 543 с.

2. *I. N. Nikulina, Polska diaspora na Altaju (lata 60. XIX wieku) // Zesłaniec. Pismo Rady Naukowej Zarządu Głównego Związku Sybiraków. Zeszyt 36 (2008). S. 3-16.*

3. *Яковенко, А. В.* Томские губернаторы : биобиблиографический указатель / А. В. Яковенко, В. Д. Гахов ; Том. обл. универсал. науч. б-ка им. А. С. Пушкина; Гос. архив Томской обл. — Томск : Ветер, 2012. 223 с.

4. *Берви-Флеровский, В. В.* Записки революционера-мечтателя: с портретом автора; предисловие М. Клевенского; под редакцией В. Невского и П. Анатольева. Молодая гвардия, 1929. 231 с.

5. *Pamiętniki* Jakóba Gieysztora z lat 1857-1864 poprzedzone wspomnieniami osobistymi prof. Tadeusza Korzona. T. I. Wilno, 1913. 420 s.

S. Wiech

Exile of participants of the January Uprising in the light of memories Basil Bervi-Flerovsky

Summary: Flerowski – a Russian political exile who spent 25 years living in Siberia, has left a remarkable memories focused on the Polish exiles. He wrote about the fate of the Poles in Siberia with a great sympathy. He was impressed by their education, hard-working attitude and entrepreneurship. He evaluated the impact of Poles on the Russian inhabitants of Siberia extremely positively. At the same time, he condemned the Russian authorities for political persecution of the Polish nation. He lamented that the best representatives of the Polish nation were forced to live their lives in horrible conditions, without any possibility of development, convicted to a slow death.

Key words: Russia, Poland, Siberia, the nineteenth century, Polish exiles.

The Jan Kochanowski University (Żeromskiego Str. 5, 25-369 Kielce; tel.: +48 41 349 73 06; e-mail: instytut.historii@ujk.edu.pl)

РАЗДЕЛ II. ПОЛЯКИ НА СЛУЖБЕ, В КУЛЬТУРЕ И ЭКОНОМИКЕ СИБИРИ

УДК 33:94(438)07

В. А. Скубневский

ПОЛЬША В СИСТЕМЕ ОБЩЕРОССИЙСКОГО РЫНКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы развития промышленности российской части Польши (Царства Польского) во второй половине XIX – начале XX в., прежде всего – текстильной, металлургической, металлообрабатывающей, показана доля продукции польских предприятий в общероссийском производстве, движение польских товаров на внутренний российский рынок, прежде всего текстильных. Дается характеристика ассортимента польских товаров на российском рынке, называются крупные российские торговые центры, в их числе г. Санкт-Петербург, г. Москва, Нижегородская и Ирбитская ярмарки, где, в частности, реализовывался польский текстиль. Показана рекламная деятельность польских фирм в России и в Сибири, в том числе. Особенно эффективно в данном направлении работали крупнейшие текстильные фабрики Польши – К. Шейблера и Познаньского из г. Лодзи, Акционерное общество Жирардовской мануфактуры. Затрагивается вопрос об участии крупнейших машиностроительных заводов Польши («Лильпоп, Рау и Ливенштейн», «К. Рудзский и К») в монополистических объединениях и поставках продукции на общероссийский рынок. Если из Польши на внутренний рынок России шли преимущественно промышленные изделия, то в обратном направлении – главным образом сырье – шерсть, кожи, а также хлеб, который в основном перевозился по железным дорогам транзитом в Германию. В статье в качестве источников использованы материалы энциклопедий начала XX в., справочные издания, «Сибирские торгово-промышленные календари», а также архивные документы.

Ключевые слова: Польша, Россия, Сибирь, рынок, текстильное, металлообрабатывающее производства, польские товары на российском рынке.

Введение

При изучении истории Польши (речь идет о той части Польши, которая входила в состав Российской империи) и российские, и польские исследователи отдают приоритет изучению вопросов борьбы польского народа за независимость, восстаниям 1830–1831 и 1863–1864 гг., репрессиям царизма в отношении участников национально-освободительного движения, ссылке участников движения в Сибирь. На этом фоне меньше внимания уделяется вопросам экономического развития польских земель в составе России и особенно рассмотрению экономики Польши как составной части общероссийского рынка. Этот вопрос и стал предметом исследования в данной статье. Нами были привлечены уже имеющиеся наработки в трудах российских исследователей, в их числе: «История Польши», изданная еще в 1955 г., но не потерявшая своей значимости как фундаментальный труд [1], исследования Н. А. Бухарина [2], В. И. Бовыкина [3], Е. В. Гальских [4], Л. К. Островского [5] и других, а также и опубликованные архивные источники, в их числе: материалы энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [6],

«Коммерческой энциклопедии» Ротшильда [7], «Сибирских торгово-промышленных календарей» и др.

Объектом исследования стал рынок Польши второй половины XIX – начала XX в. как составная часть общероссийского рынка, в частности, движение польских товаров на рынки Центральной России и Сибири и российского сырья в Польшу. Используются методы исследования историко-системный, историко-сравнительный, количественный.

Результаты исследования

Потеряв политическую независимость, Польша, тем не менее, успешно развивала экономику, особенно это относится к периоду второй половины XIX – начала XX в., когда в России в целом и в Польше, в том числе, развивались капиталистические отношения. Наиболее рельефно это проявлялось в сферах строительства железных дорог, развития промышленности и торговли, росте городов.

Принципиально важную роль в модернизации экономики любого государства в XIX в. играло железнодорожное строительство. На территории Царства Польского первая железная дорога – Варшавско-Венская была открыта в 1845 г., позже от нее были проведены ветки на Лодзь и другие города. В 1862 г. было закончено строительство Варшавско-Петербургской железной дороги, в 1867 г. была построена фабричная Лодзинская железная дорога, в 1870 г. открыто движение от Варшавы до Бреста. К 1880 г. сеть железных дорог в Царстве Польском была самой разветвленной в Российской империи [2, с. 1098.].

Из всех групп промышленности Царства Польского особенно успешно развивалось текстильное производство, в котором в середине XIX в. шел переход от ручного труда к механизированному, т.е. промышленный переворот. Текстильные фабрики производили шерстяные, хлопчатобумажные, в меньших объемах – льняные и шелковые ткани. Приведем некоторые данные о росте хлопчатобумажного производства в Царстве Польском с 1870 по 1878 г. За указанный период число веретен увеличилось с 289 тыс. до 397 тыс., стоимость произведенных пряжи и тканей – с 21 – 22 млн. руб. до 41 млн. руб. (в 1884 г.), 2/3 тканей давали фабрики Лодзи и ее окрестностей [1, с. 196, 197].

В конце XIX в. (1896 г.) среди всех губерний Российской империи Петроковская, где размещалась Лодзь, занимала третье место по объемам текстильного производства после Московской и Владимирской, но впереди Петербургской. В Московской губернии насчитывалось 479 фабрик по производству хлопчатобумажных и шерстяных тканей, они в указанном году произвели продукции на 186,8 млн. руб., было занято 123 тыс. рабочих, показатели Владимирской губернии (только хлопчатобумажные фабрики) – 185 предприятий, продукции они произвели на 137, 3 млн. руб. при 76 тыс. рабочих, показатели Петроковской губернии: 384 фабрики, стоимость продукции – 126,9 млн. руб., рабочих – 53,6 тыс. чел. [6, с. 286, 288]. Если в Московской и Владимирской губерниях преобладали фабрики по производству хлопчатобумажных тканей, то в Петроковской губернии – по производству шерстяных тканей. На рубеже XIX–XX в. текстильное производство Польши продолжало расти, при этом темпы его роста были несколько выше общероссийских. Если принять стоимость произведенной пряжи в хлопчатобумажном производстве в 1896 г. за 100%, то к 1910 г. показатель по России составил 180,2%, по Польше – 190,9% [3, с. 45].

Между российскими, прежде всего московскими, и польскими текстильными фабрикантами в 80-х гг. XIX в. обострилась борьба за рынки сбыта, так называемая «борьба Москвы с Лодзью». Шла также конкуренция между российским и польским металлом и другими промышленными товарами. Правительство России в этом противостоянии поддерживало прежде всего производителей внутренних губерний. Так, к польской промышленности применялись ограничительные меры. Например, в 1887 г. по западной сухопутной границе империи были введены повышенные тарифы на ввоз хлопка (1 руб. 15 коп. с пуда, в то время как по другим границам – 1 руб.). Одновременно для московских фабрикантов текстиля были введены льготные тарифы по железным дорогам для

провоза их товаров до волжских пристаней. В итоге лодзинские фабриканты платили за провоз товаров по железным дорогам к волжским городам на 340–370% дороже, чем московские [1, с. 315–316].

Польские текстильные фирмы выигрывали по ряду позиций благодаря притоку иностранных капиталов, прежде всего немецкого более современного оборудования, высокой квалификации рабочих. В «Коммерческой энциклопедии» Ротшильда говорилось о лодзинских фабриках: «Фабрики большею частью поставлены образцово и славятся превосходным качеством изделий» [7, с. 468]. Отметим очень широкий ассортимент польских текстильных изделий. Так, в рекламе Акционерного общества (АО) бумажных мануфактур Карла Шейблера на 1896 г. указаны: пряжа, нитки, ткани: ланкорт, коленкор, мадеполям, доместин, тирольский холст, бязь, болгарское полотно, белые, суровые и набивные ткани, узорчатая ткань, бриллиантин, салфетки, полотенца, трико, бумазья, фланель, бухарские, персидские и армянские ткани, миткаль и др.

Особенно активно на российском рынке действовали три крупнейшие текстильные фабрики Польши – это «Акционерное общество бумажных мануфактур Карла Шейблера в Лодзи» (основной капитал 9 млн. руб., шесть фабрик), «Акционерное общество бумажных мануфактур И. К. Познаньского», также в г. Лодзи и «Акционерное общество Жирардовских мануфактур Гилле и Дитрих» под г. Варшавой (основной капитал 9 млн. руб., более 8 тыс. рабочих).

Так, АО Жирардовских мануфактур имело в Москве оптовый склад и магазин в Верхних торговых рядах (современный ГУМ), а также оптовые склады и магазины во многих городах России, в том числе – Петербурге, Риге, Вильно, Саратове, Астрахани, Оренбурге, Ростове-на-Дону, Одессе, Харькове, Киеве, Екатеринбурге, Баку, Тифлисе, Ташкенте, а в начале XX в. склад и магазин появились и в Омске. АО Познаньского и Шейблера также имели конторы в Петербурге и Москве. Фабрика хлопчатобумажных тканей И. Л. Бари в Лодзи имела собственные склады в Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону, Одессе, Харькове, Риге, Кишиневе, на Нижегородской ярмарке. Некоторые польские текстильные компании открывали склады товара во время проведения Ирбитской ярмарки в Пермской губернии, где, как известно, закупали товар многие сибирские купцы.

Как видно из этого перечня городов, крупные польские текстильные фабрики сбывали товар в разных регионах страны – Центральном, Северо-Западном, Прибалтийском, Поволжском, Уральском, Южном, в Сибири. Например, в Екатеринбурге магазин АО Жирардовской мануфактуры размещался на первом этаже помпезного здания торгового дома Дмитриева и Агафуровых [8, с. 113]. В Петербурге в самом большом торговом комплексе города – гостином дворе на Невском проспекте имелись отделы ряда лодзинских фабрик, в их числе АО шерстяных изделий Густава Лоренца, АО шерстяных мануфактур Штиллер и Бельшовский, АО Юлиуса Гейнца, Якова Шенберга, Осипа Рихтера. Лодзинский текстиль доходил и до сельских ярмарок даже отдаленных районов. Так, по сведениям за 1912 г. его продавали на ярмарках в селах Барнаульского уезда Томской губернии: Анисимовском, Боровском, Новичихе, Знаменском [9, с. 490].

Отметим эффективную рекламу польских текстильных компаний. Например, они в специальных коммерческих изданиях, в том числе «Сибирских торгово-промышленных календарях», размещали целые статьи или выдержки из статей о своих предприятиях с очень обширной информацией. Так, в «Сибирском торгово-промышленном календаре на 1896 год» АО Карла Шейблера разместило наряду с рекламой большую выдержку о своем предприятии из брошюры, которая была издана в 1896 г. для Средне-Азиатской выставки в г. Москве, где, кстати, это предприятие получило золотую медаль за высокое качество продукции.

О рекламной активности свидетельствует тот факт, что на страницах уже упомянутого «Сибирского торгово-промышленного календаря на 1896 год» были размещены

рекламы 110 польских компаний, 60 реклам разместили варшавские, 34 – лодзинские компании, больше всего было реклам текстильных фирм – свыше 50. По рекламной активности на страницах данного издания польские компании соперничали с московскими и заметно опережали петербургские, уральские и поволжские. Разумеется, не все эти компании смогли закрепиться на сибирском рынке, об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в последующие годы на страницах «Сибирских торгово-промышленных календарей» польских реклам было заметно меньше. Так, в календаре на 1910 г. – всего 36, больше всего (25) реклам принадлежали лодзинским фирмам и опять же чаще всего это были рекламы текстильных компаний.

В целом же после постройки в 90-х гг. XIX в. Сибирской железной дороги польский текстиль, как и прочие промышленные товары, стал более активно поступать на сибирский рынок. Хотя сразу же необходимо оговориться, что на сибирском рынке преобладали ткани из Центрального промышленного района. Так, перевозки текстиля по Сибирской железной дороге в 1900 г. составили 35 795 пуд., в том числе из Центрального промышленного района – 22 000 пуд. (61,5%), из Царства Польского – 5 789 пуд. (16,2%), из г. Санкт-Петербурга – 1037 пуд. (около 3%) [4, с. 105]. Владелец самого большого магазина в г. Барнауле – пассажира И. Ф. Смирнов, – сам периодически ездил за товаром в г. Москву и г. Варшаву, а в барнаульском и новониколаевском (Новониколаевск – современный г. Новосибирск) магазинах товарищества «С. Я. Яковлев и А. И. Поляков» продавалась продукция лодзинской фабрики Познаньского и варшавской фабрики занавесей и кружев «Г. И. Биркин и Компания» [ГААК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 71. Л. 88]. В целом же в конце XIX – начале XX вв. 75–80% польского текстиля отправлялось в восточном направлении, в основном на российский рынок, но он попадал на рынки азиатских стран и на Балканы. Одновременно и российский текстиль попадал на польский рынок, но в меньших размерах, чем польский – на российский. Например, в г. Варшаве имелась контора московской фабрики Эмиля Цинделя.

Из польских губерний в Россию также ввозили изделия галантереи, обувь, готовую одежду, мебель и другие товары. Так, по пошиву готового платья Варшавская губерния занимала в России четвертую позицию после Московской, Петербургской и Херсонской. В ней насчитывалось 22 подобных предприятий с 509 портными, стоимость произведенных изделий составляла более 700 тыс. руб. Но показатель Московской губернии был значительно больше: 50 предприятий, стоимость продукции – 6,6 млн. руб. и около 2 тыс. портных [6, с. 292].

АО шляпной мануфактуры Германа Шлее в Лодзи производило в год более 700 тыс. дамских, детских и мужских головных уборов, оно имело собственных агентов в Петербурге, Москве и Киеве и, следовательно, поставляло в эти города свою продукцию. А лодзинский фабрикант Я. Т. Дунович, владелец механической фабрики шерстяных и полушерстяных изделий, занимался и организацией сбыта в Сибирь продукции польских и даже московских фабрик.

Вторую позицию в промышленности Царства Польского занимало металлообрабатывающее производство, при этом следует отметить, что рост данной отрасли ускорился в начале XX в. Если в 1870 г. стоимость продукции металлообрабатывающих заводов Польши составлял 64 млн. руб., то в 1900 г. – 505 млн. руб., в 1910 г. – 860 млн. руб., а в 1914 г. – 1200 млн. руб. [2, с. 1099–1100]. Наиболее крупным центром металлообрабатывающего производства в Польше была г. Варшава. В 1879 г. в городе было 22 металлообрабатывающих завода, которые произвели продукции на 5,5 млн. руб. [10, с. 184]. В целом же по развитию металлообрабатывающего производства Варшавская губерния занимала в России третью позицию после Петербургской и Московской. Наиболее значительными заводами данной отрасли в г. Варшаве были «Лильпоп, Рау и Ливенштейн» и «Рудзский и Компания».

В 1877 г. завод «Лильпоп, Рау и Левенштейн» в числе шести крупнейших предприятий Российской империи получил заказ на изготовление большой партии рельсов для железных дорог страны. Это предприятие входило в ряд монополистических объединений российских металлургических заводов, а это означает, что между участниками соглашений распределялись заказы, устанавливались единые цены на производимую продукцию. В 1882–1887 гг. этот варшавский завод входил в «Союз рельсовых фабрикантов», с 1890 г. – в «Синдикат вагонов» [11, с. 136–137, 222]. В 1904 г. он вошел во Всероссийский картель мостостроительных заводов вместе с Путиловским (в г. Санкт-Петербурге), Брянским, коломенским заводами и польским же заводом «К. Рудзкий и Компания». Оба названных выше польских завода участвовали в так называемом «Снарядном картеле», в составе восьми заводов, который получил большие заказы от военного министерства России накануне Первой мировой войны [3, с. 221–222].

Не только польские машиностроительные заводы, но и предприятия многих других групп производства поставляли свою продукцию для российской армии. В Сувальской губернии, например, торговый дом «Ю. Шейман и Л. Аронсон» в начале 1890-х гг. заключил подряды на поставки в армию крупы и дров [12, с. 174].

Польские металлообрабатывающие заводы изготавливали не только рельсы, конструкции мостов, паровозы и вагоны, но и широкий ассортимент прочей продукции, в том числе станки, оборудование мельниц, винокуренных и пивоваренных заводов, посуду и всевозможные хозяйственные товары. Этим они отличались от крупных российских заводов, например, петербургских, которые предпочитали братья в основном за крупные заказы от министерств путей сообщения и военного. Продукция польских металлургических и металлообрабатывающих заводов находила спрос на обширном российском рынке. При оборудовании частной электростанции Ивана Платонова в г. Барнауле Томской губернии в 1900 г. был установлен паровой котел польского предприятия «В. Фицнер и К. Гампер» [ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 153. Л. 63]. Кстати, завод «В. Фицнер и К. Гампер» совместно с Варшавским торговым банком управлял Краматорским металлургическим заводом в Донбассе. Еще один интересный факт. АО «Вулкан» – Варшавское товарищество фабрик механических и эмалированных изделий, производившее металлическую посуду, имело представительство в далеком г. Иркутске [13, с. 89].

Неплохо развивалось на территории Царства Польского и металлургия (с 1880 г.). До указанной даты, т.е. в 60-70-х гг. XIX в., ее развитие сдерживалось конкуренцией немецкого металла, так как с 1867 по 1880 гг. ввоз металлов из-за границы в Россию был беспошлинным. Такая таможенная политика проводилась в условиях быстрого роста спроса на металл в России со стороны машиностроительных предприятий. Доля выплавленного металла на заводах Царства Польского от общероссийского показателя составляла по чугуну в 1893 г. – 14,5%, в 1900–907 гг. – 9–12%, по стали, соответственно – 16% и 11–14% [1, с. 409].

Если из Польши на восток в основном отправлялись промышленные изделия – текстиль, одежда, обувь, галантерея, изделия машиностроительной отрасли, то в обратном направлении шло сырье: шерсть (ее в основном скупали на ярмарках г. Ростова-на-Дону, г. Харькова и др.), кожи, а также зерно, последнее в основном транзитом в Германию. Так, польские кожевенные и обувные предприятия получали невыделанные кожи из Сибири. В 1897 г. из Сибири было отправлено в г. Варшаву 329 тыс. пуд. невыделанных кож, в г. Белосток – 126 тыс. пуд., в то время как в г. Москву – 108 тыс. пуд. [6, с. 327].

В ряде источников отмечается, что Польша в рассматриваемый период обеспечивала себя хлебом, так, в «Коммерческой энциклопедии» Ротшильда указывалось, что во всех польских губерниях в конце XIX в. имелся избыток местного хлеба [7, с. 467]. Но через Польшу шел поток экспортного русского хлеба в Германию. Т. М. Китанина отмечает, что г. Брест приобрел в 1900-х гг. особенно большое значение в экспортной торговле

ле, здесь формировались составы с зерном, идущие в Германию [14, с. 52]. Через Польшу в Германию шла также шерсть и другое сырье, При этом варшавские предприниматели играли важную роль в посреднической торговле. Один из источников свидетельствует: «В торговых делах Варшавы преобладают операции по вывозу польского и русского сырья (в особенности шерсти) за границу, по размещению фабрикатов края на польских и русских рынках и по посредничеству между Россией и торговыми центрами восточных частей Германии» [7, с. 468].

Интересен частный факт использования польского опыта в Сибири при строительстве и оснащении крупного здания. Речь идет о строительстве здания научной библиотеки Томского университета. Все работы по системе отопления и вентиляции выполнила варшавская фирма «Т. Годлевский и Компания» [15, с. 34–35].

Заключение

Динамику вхождения польских земель в общероссийский рынок хорошо подтверждают такие цифры. Если в 1820 г. на долю России приходилось 17,2% товарооборота Царства Польского, то в 1830 г. – 36,7%, в 1890 г. – 70%, в 1910 г. – 83%. В Россию шел текстиль, галантерея, одежда, обувь, посуда, мебель, продукция металлообрабатывающих предприятий и некоторые другие товары, из России в Польшу – хлопок (из Средней Азии), шерсть, кожи, руда. К началу Первой мировой войны в составе Российской империи Польша относилась к числу развитых в промышленном отношении районов. В 1913 г. валовой продукт на душу населения в текущих ценах составлял в Царстве Польском 63 доллара США, в России в целом – 44 [2, с. 1100].

Сложилась такая ситуация, что потеряв национальную независимость, Польша в экономическом отношении во второй половине XIX – начале XX вв. стала одним из передовых районов Российской империи, чему способствовали выгодное географическое, а, следовательно, и транспортное положение, высокая квалификация польских рабочих и специалистов, использование иностранных капиталов, предприимчивость местной буржуазии, а главное – огромные возможности общероссийского рынка.

Список литературы:

1. *История Польши* / Под ред. И. С. Миллера и И. А. Хренова. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2. 711 с.
2. *Бухарин, Н. А.* Царство Польское / Н. А. Бухарин // *Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. : Энциклопедия.* – М. : РОССПЭН, 2009. Т. 2. С. 1093–1100.
3. *Бовыкин, В. И.* Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. – 1908 г. / В. И. Бовыкин. М. : Наука, 1984. 287 с.
4. *Гальских, Е. В.* Роль Нижегородской и Ирбитской ярмарок в обеспечении Сибири мануфактурой. Формы организации сбыта мануфактуры / Е. В. Гальских // *Предприниматели и предпринимательство в Сибири.* Вып. 2 (XVIII в. – 1920-е гг.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 99–108.
5. *Островский, Л. К.* Поляки в Западной Сибири (1890-е–1930-е годы) / Л. К. Островский. Новосибирск : НГАСУ (Сибстрин), 2011. 460 с.
6. *Россия* : Энцикл. слов. Л. : Лениздат, 1991. 874 с.
7. *Коммерческая энциклопедия* М. Ротшильда, в полной переделке согласно потребностям русских предпринимателей и с добавлением 6 новых русских отделов / Под ред. С. С. Григорьева. СПб. : Изд-во. В. Э. Форселлеса, 1901. Т. 1. 526 с.
8. *История Урала в период капитализма* / Под ред. Д. В. Гаврилова. М. : Наука,

1990. 500 с.

9. Щеглова, Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка / Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. 500 с.

10. Соловьева, А. М. Промышленная революция в России в XIX в. / А. М. Соловьева. М.: Наука, 1990. 269 с.

11. Соловьева, А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. / А. М. Соловьева. М.: Наука, 1975. 315 с.

12. Сведения о торговых домах, действовавших в России в 1892 г. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1893. 212 с.

13. Акционерно-паевые предприятия России. М.: Лавров, 1914. 575 с.

14. Китанина, Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики) / Т. М. Китанина. Л.: Наука, 1978. 287 с.

15. Майданюк, Э. Теплый привет из Варшавы / Э. Майданюк // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск, 1997. № 12. С. 34–35.

V. A. Skubnevsky

Poland in the system of the all-Russian market in the second half of the XIX – early XX century

Summary: The article discusses the development of industry of the Russian part of Poland (the Kingdom of Poland) in the second half of the XIX – early XX century, first of all – the textile, metallurgy, metalworking, shows the share of Polish enterprises in the Russian production, the movement of Polish goods to the Russian domestic market before all textile. The author characterizes the range of Polish goods on the Russian market, called major Russian trade centers, including St. Petersburg, Moscow, trade fairs in Nizhny Novgorod and Irbit, where, in particular, Polish textiles was realized. Shows advertising activity of Polish companies in Russia and Siberia, including. Especially effective in this direction worked the largest textile factory in Poland – K. Sheibler`s and Poznansky`s from Lodz, Joint-stock company of Zhyrardovskaya manufactory. Addresses the question of the participation of the largest machine-building factories of Poland ("Lilpop, Rau and Levenstein", "K. Ruzsky and K") in monopolistic associations and supply of products to the all-Russian market. If from Poland to the Russian domestic market were mainly industrial products, then in the opposite direction – mainly raw materials – wool, leather, and the bread, which is mainly transported by rail, transit, Germany. At the article as a source used materials of encyclopedias beginning of the XX century, reference books, "Siberian trade-industrial calendars", as well as archival documents.

Key words: Poland, Russia, Siberia, market, textile, metalworking production, Polish products on the Russian market.

Altai State University (656049, Barnaul, pr. Lenina, 61, room 315M; tel: +7 3852 291270; e-mail: koi@hist.asu.ru)

ПОЛЯКИ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В СИБИРИ В 1830-1850-Х ГОДАХ

Аннотация: В 1830–1850-х гг. российская монархия столкнулась с мощным патриотическим движением на территории Королевства Польского и западных губерний. Одним из механизмов ликвидации напряженности и интеграции польского населения в российскую цивилизацию была военная служба в Сибири. В статье дается характеристика массовых источников (именные списки и метрические книги Томского римско-католического костела), которые содержат биографические сведения о польских военнослужащих в Сибири в 1830–1850-е гг.

Выявление и описание возможно большего числа биографий позволяет охарактеризовать сообщество поляков на военной службе. Реконструкция биографий на основе массовых источников сопряжена с рядом проблем. Из-за массового зачисления на военную службу участников патриотического движения в именных списках представлена неполная или неточная информация о военнослужащих. Метрические записи римско-католической церкви в Сибири содержат сведения о военнослужащих, поступивших на службу добровольно. Они позволяют установить семейное положение, продвижение по службе, а также контакты военнослужащих с соотечественниками и сибиряками. У именных списков и метрических записей имеется общий недостаток – неточное написание польских имен и фамилий.

Ключевые слова: польская диаспора в Сибири, поляки на военной службе в Сибири

Введение

После инкорпорации Польши российская монархия столкнулась с мощным протестным движением ее населения, причем даже на тех территориях, которые считало исконно русскими, поскольку они некогда входили в состав государства Киевская Русь (пограничные с Польшей области Белоруссии и Украины или Западный край). Перед царским правительством встала труднейшая задача не только ликвидировать напряженность в Польше и Западном крае, но и устранить причины, ее порождающие. В правительственных кругах осознавали, что следует заняться поиском механизмов интеграции польского и колонизированного населения в российское цивилизационное пространство. Одним из таких считалось привлечение поляков на военную службу в отдельный корпус в Сибири.

Проблема привлечения поляков на российскую военную службу в XIX в. стала предметом изучения российских и польских историков Э. Козловского [1], В. Цабана [2], М. Кулика [3], Л. Е. Горизонтова [4], А. С. Нагаева [5] и др. Основательность исследований позволила выявить круг новых вопросов, ожидающих своего рассмотрения, в их числе: данные о численности военнослужащих из Польши и Западного края, их социально-культурная характеристика как сообщества, степень его включенности в жизнь местного общества. Необходимость исторической реконструкции «полного образа» этого явления отмечал еще Э. Козловский [2, с. 11]. Проведение исследований, посвященных проблеме привлечения поляков на российскую военную службу, актуализируется необходимостью развенчания устойчивых стереотипов, сложившихся в сознании населения Польши в отношении Сибири. В течение длительного времени формировался образ Сибири как края изгнания, а сибирско-польская история как «сумма испытаний» участников патриотического движения. Миф о Сибири сложился вопреки тому, что писали сами поляки, побывавшие в азиатской части России в ссылке или на принудительной военной службе, а равно и польские историки. «...Глубоко ошибаются историки и особенно журналисты, у нас и за рубежом, называя ссылку в Российской

империи «царским Гулагом, – пишет профессор В. Сливовская, – Русское государство Романовых во все времена своего существования было самодержавной монархией с разными оттенками в разные периоды; оно не имело ничего общего с тоталитарной системой...». В. Сливовская отмечает, что в Сибири поляки, определенные на военную службу, могли проживать на частных квартирах и даже не носить военной формы. Некоторые военнослужащие привлекались в качестве учителей (а среди них встречались дворяне, обучавшиеся в университете) для детей военного начальства и местных купцов [6]. Реконструкция «полного образа» сообщества поляков на военной службе в Сибири важна как для изучения истории польского общества, которое в силу обстоятельств расставалось со своими соотечественниками на долгие годы или навсегда, так и для составления возможно более полной картины исторической действительности Сибири XIX века. Выходцы из Польши привносили в сибирское общество «дух» Европы, которая всегда считалась в России эталоном эстетического вкуса, культуры быта и качества жизни.

Объекты и методы исследования

Создать по возможности более полную картину жизни польских военнослужащих в Сибири в эпоху Николая I позволит исследовательский метод кейс-стади, который позволяет выявлять, описывать и объяснять на примере конкретных ситуаций в жизни военнослужащих наиболее типичные сценарии поведения человека в контексте исторической действительности. Выбор метода рассчитан на то, чтобы на основе реконструированных биографий выходцев из Польши и Западного края в сибирских военных формированиях изучить индивидуальные жизненные циклы [7, с 101–104]. К ним можно отнести основания зачисления на службу (добровольное решение, рекрутский набор или наказание за участие в патриотическом движении), продвижение по карьерной лестнице, коммуникация с русскими сослуживцами и соотечественниками, адаптация в условиях принимающего сибирского общества (например, заключение смешанных браков). Использование метода кейс-стади имеет смысл и для реконструкции и анализа сложных социальных процессов во второй четверти XIX в., что предполагает воссоздание возможно большего числа биографий. Эффект от использования метода в исследовании социальной общности польских военнослужащих в составе Отдельного Сибирского корпуса напрямую зависит от репрезентативности архивных источников. Подобное исследование проводилось автором при поддержке Стипендиального фонда Музея Польской истории в 2011 г. [8].

Целью предлагаемой статьи является описание и анализ архивных источников с точки зрения их репрезентативности на предмет возможности использования метода кейс-стади. Объектом исследования является сообщество военнослужащих, выходцев из Королевства Польского и Западного края в Сибири в период правления Николая I.

Предмет – массовые источники, содержащие биографические сведения о военнослужащих – выходцах из Королевства Польского и Западного края в составе Отдельного Сибирского корпуса – материалы делопроизводства (именные списки польских политических ссыльных) и метрические книги Томской римско-католической церкви. Автор опирается на определение массового источника, данного Б. Г. Литваком. Данный вид источников отличает следующие признаки: 1) ординарность причин происхождения; 2) повторяемость содержания; 3) однотипность формы [9, с. 331]. В качестве источников исследования послужили материалы из фондов Государственных архивов Российской Федерации, Иркутской, Томской областей, Национального исторического архива Белоруссии (г. Гродно).

Результаты исследования

Николай I отводил армии особую миссию в вопросе интеграции иноплеменных подданных в российское общество. Основу вооруженных сил России составляло православное население, однако уже имелся позитивный опыт привлечения на военную службу инославных подданных (мусульман с XVI в., лютеран и католиков – в XVII–XVIII вв.). С

1827 г. начались рекрутские наборы в армию евреев. Военное министерство поощряло деятельность мусульманского и иудейского духовенства в деле приведения к присяге, посещения больных военнослужащих в лазаретах [10, с. 9, 85].

После подавления восстания 1830–1831 гг. и расформирования Войска Польского рекрутская повинность распространилась на население Королевства Польского. Военная служба стала применяться властями в качестве репрессивной меры в отношении участников польского освободительного движения. Большую озабоченность у правящих кругов вызывала готовность к антиправительственным действиям польской и полонизированной шляхты. В качестве способа нейтрализации активности шляхты рассматривалась государственная служба, как гражданская, так и военная. Ожидалось, что конкуренция с русским дворянством и продвижение по служебной лестнице помогут решить проблему скорейшей интеграции польской шляхты в российское общество. Эта точка зрения нашла отражение в Указе Николая I от 21.04.1852 г.: «Постоянным предметом желаний НАШИХ было [чтобы] дворянство польского происхождения в Западных губерниях империи... соревновало Великороссийскому Дворянству... в благородных чувствах долга верноподданных, служить в рядах победоносных войск НАШИХ...». Однако надежды на добровольное поступление на российскую государственную службу населения Западного края и Польши не оправдались, о чем говорилось в императорском указе: «...К крайнему НАШЕМУ сожалению...большая же часть молодых дворян, принадлежащих к зажиточным семействам, пребывает в праздности, чуждаясь всякой службы...» Любопытно, что незадолго до появления указа в Уголовной палате Сената обсуждалась записка о неудовлетворительном состоянии производства следствия и исполнения судебных решений в западных губерниях. В центре внимания сенаторов оказался маргинализированный шляхтич Вонсяцкий, который с 1841 г. неоднократно обвинялся в кражах, но судебное решение по его делу было принято лишь в 1849 г. Промедление объяснялось плохой организацией содержания и препровождения преступника, который «...делал неоднократные побеги... и во время оных впадал из одного преступления в другое». Вполне возможно, что история Вонсяцкого стала последним аргументом для принятия решительных мер. В Указе от 21 апреля 1852 г. говорилось, что «... столь противныя чувства (праздность – *P.O.*) прямому долгу благороднаго дворянина, более терпимы быть не могут». По повелению императора следовало высылать сыновей неправославных дворян в возрасте 18–25 лет на службу в подпрапорщики или юнкера, если сдадут экзамен или рядовыми на правах дворян, если экзамен не выдержат; молодым дворянам, изъявившим желание поступить на службу, предоставить право выбора полка, но не по месту жительства, а в «Великороссийских губерниях». Осмотр молодых дворян и их высылку на службу надлежало проводить два раза в год: 1 января и 1 июля, начиная с 1852 г. [НИАБ (г. Гродно). Ф. 586. Оп. 1. Д. 21. Л. 37 об., 44].

Желание Николая I привлечь выходцев из Польши и Западного края на военную службу было продиктовано и вполне прагматичными целями. Во второй четверти XIX в. Россия вела многочисленные войны, и армия нуждалась в пополнении офицерского корпуса и рядового состава. Одним из подразделений вооруженных сил Российской империи, куда зачислялись на службу выходцы из Королевства Польского и западных губерний, стал Отдельный Сибирский корпус. Существовало несколько способов зачисления на военную службу жителей Польши и западных губерний Российской империи: 1) добровольное поступление на службу (вольноопределяющиеся); 2) принудительное зачисление на службу молодых дворян польского происхождения; 3) рекрутские наборы; 4) в качестве наказания за участие в патриотическом движении.

По-прежнему остается открытым вопрос о численности польских военнослужащих в подразделениях Отдельного Сибирского корпуса. Невозможно установить генеральную совокупность поляков в сибирских военных формированиях и выяснить, какую долю кон-

тингента они составляли в целом, а также сравнить сообщество польских военнослужащих с другими инославными сообществами Отдельного Сибирского корпуса (лютеранами). Отсутствуют данные о численности польских рекрутов, проходивших службу в Сибири. Профессор В. Цабан установил численность набора польских рекрутов в период 1836 по 1855 гг., которые должны были направиться в сибирский и оренбургский корпуса [2, с. 83, 113]. Не исключено, что часть рекрутов по пути следования «оседала» в европейской части России. Это могло произойти под влиянием жизненных обстоятельств, например, болезни. Страх перед Сибирью заставлял выходцев из европейской России искать способы остаться в более привычных климатических и культурно-бытовых условиях.

Часть польских военнослужащих была зачислена в корпус за антиправительственную деятельность, и информация о них содержалась в материалах ведомств, курирующих политическую ссылку в Сибирь. Четких требований к ведению документации в этот период еще не было, а потому содержание источников не позволяет достоверно установить как численность политических ссыльных в Сибири, так и зачисленных на военную службу в период николаевского правления. Бессистемное ведение делопроизводства усугублялось неудовлетворительным профессиональным уровнем сибирского чиновничества низшего звена.

Установление реальной статистики зачислений на военную службу в Сибирь лиц из Польши и Западного края является трудно разрешимой задачей, поскольку в этот период под Сибирью подразумевалась вся азиатская часть империи за Уралом, т.е. собственно Сибирь с современным Дальним Востоком и северным Казахстаном (Семипалатинский, Усть-Каменогорский округа). «Сибирью» могли посчитать даже территории европейской России или Урала. Участник наполеоновской кампании С. Пешке, сосланный в Саратовскую губернию, был убежден, что находится в Сибири [6].

Очевидно, что численность военнослужащих, направляемых в Сибирь за политическую деятельность, находилась в зависимости от степени политической напряженности в Польше и западных губерниях. Сибирь для поляков была местом максимальной изоляции от их этнического и культурного анклава. В разные периоды численность поляков на военной службе в Сибири могла колебаться от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. По данным А. С. Нагаева в начале 1830-х гг. в Отдельном Сибирском корпусе служили 2296 выходцев из Польши, преимущественно повстанцев 1830–1831 гг. [5, с. 29]. В этот период зачисление в корпус было наиболее массовым.

Информация о польских военнослужащих, зачисленных в Корпус за антиправительственную деятельность, содержится в материалах ведомств, курирующих политическую ссылку в Сибирь. Именные списки составлялись чиновниками III отделения собственной канцелярии императора, Министерства внутренних дел, губернских управлений Западного края, Западной и Восточной Сибири.

Имеющиеся в нашем распоряжении именные списки можно разбить на группы:

1. Списки лиц, принявших участие в антироссийских выступлениях на территории Польши и западных губерний России, составляемые чиновниками в губерниях и уездах, где родились, проживали или были арестованы военнослужащие. В именные списки должны были вноситься сведения о возрасте, семейном положении и социальном происхождении, о характере преступления, приговоре.

2. Именные списки поляков, зачисленных на военную службу в Отдельный Сибирский корпус за участие в патриотическом движении, составляемые структурами, отвечающими за надзор за «политическими преступниками» в месте отбывания наказания или несения военной службы. Подобные списки составлялись как для отчета о содержании репрессированных лиц, так и накануне предстоящего помилования и «облегчения их участи» по случаю бракосочетания наследника престола, 25-летия правления императора Николая I и пр. Обычно именные списки «политических преступников» составлялась в

форме таблиц, в которых содержалась информация следующего содержания: имя, фамилия, социальное происхождение; за что подвергся наказанию; характеристика образа жизни, поведение. В последней графе иногда вносилась информация о предполагаемой «милости» императора (возвращение на родину или изменение режима содержания).

Серьезным препятствием для реконструкции биографий военнослужащих на основе именных списков являются пробелы в отдельных графах, что объяснялось массовым характером зачисления на военную службу участников восстания 1830–1831 гг. На примере деятельности следственных комиссий в Западном крае видно, что списки участников событий 1830–1831 гг. постоянно пересматривались, переписывались и пересылались из одного ведомства в другое. При таком ритме работы составление именных списков с указанием точных биографических данных лиц, подлежавших наказанию, зачастую было невозможно. Допрашиваемый арестант мог назвать себя шляхтичем, что впоследствии не всегда подтверждалось документально; мог сообщить неверные данные о месте постоянного проживания, роде занятий и прочем, надеясь избежать наказания. Значительный объем и срочность работы по составлению именных списков (некоторые списки содержали информацию о более чем 400 особах) притуплял внимание чиновников, вследствие чего некоторые графы забывали заполнить либо оставляли пустыми по причине отсутствия информации. Например, в одном из именных списков участников восстания за 1832 г., составленного на 228 листах, приводятся сведения о 471 человеке, при этом данные о возрасте указаны не более чем о 25 [НИАБ (г. Гродно). Ф. 4. Оп. 1. Д. 192]. В сибирских ведомствах именные списки составлялись на основе сведений, поступивших с места прежнего проживания. Проверить их также не представлялось возможным – находившиеся на военной службе выходцы из Польши и западных губерний были рассеяны на огромных сибирских просторах от Тобольска и Омска до Иркутска и Читы.

Еще одним источником по установлению биографических данных являются метрические книги крещения младенцев Томской римско-католической церкви с 1837 г. и до конца 1850-х гг. Военнослужащие становились участниками обряда крещения младенцев в качестве родителей, восприемников и свидетелей торжества. В метриках фиксировались сведения о дате рождения и крещения младенцев, девичья фамилия супруги и вероисповедание (католичка, лютеранка, православная); социальное происхождение родителей и восприемников («из дворян» или «из мещан») и социальный статус («его Благородие Капитан», «политический преступник» или «рядовой») и пр. Записи в метриках позволяют дополнить биографии сведениям о семьях военнослужащих, месте прохождения службы, а также отчасти проследить продвижение по служебной лестнице, установить семейное положение, а также контакты внутри местной польской диаспоры. В 1841 г. и 1844 гг. «политические преступники» Карл Мархоцкий и Каспер Шанявский стали восприемниками сыновей солдата сибирского линейного батальона № 1 Михаила Зенкевича. К. Мархоцкий также стал крестным отцом сына Рафаила и дочери Феклы рядового тобольского батальона Каспера Парентина [ГАТО. Ф.170. Оп. 9. Д. 72. Л. 16, 20, 26 об., 34 об.].

В случае многократного упоминания военнослужащего возможно проследить его продвижение по служебной лестнице. Военный инженер Григорий Якубович упоминается в метрических книгах в период с 1843 по 1843 гг.: в первый раз в звании прапорщика, а в последний раз – подпоручика [ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 72. Л. 24 об., 28 об., 34 об., 38; Ф.440. Оп.1. Д. 1. Л. 8]. Судя по записям в метрических книгах, майор Иван Греначевский (первое упоминание в 1849 г.) дослужился до подполковника (1857 г.) [ГАТО. Ф. 440. Оп.1. Д. 1. Л. 8, 29, 39].

Немаловажно, что такой источник дает возможность рассмотреть вопрос о брачности польских военнослужащих. Сведения из метрических книг позволили установить, что половина (48%) так называемых вольноопределяющихся польских военнослужащих корпуса имели семьи, в то время как среди определенных на военную службу за патриотиче-

скую деятельность – лишь 8,72 %. Преимущественно брачные отношения были с единоверцами, реже с православными и лютеранками [8, с. 40–41]. К сожалению, метрические книги не содержат сведений о возрасте военнослужащих и их материальном положении.

Для перечисленных источников характерна общая черта. Записи в метрических книгах и именные списки, которые составлялись на русском языке, грешат неточным написанием польских фамилий. Так, в метрических книгах Томского костела польский военнослужащий Нижинский упоминался так же как Нижицкий [ГАТО. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1. Л. 21, 23 об., 52 об.]. Сложилась практика русификации некоторых польских фамилий и имен. Военный лекарь Омского госпиталя Ержиковский упоминался и как Мариан, и как Михаил [ГАТО. Ф. 440. Оп.1. Д. 1. Л. 29, 39, 44, 50 об., 54 об., 55 об.]. Ошибки при написании имен, не характерных для православного населения, также вносят путаницу при реконструкции биографий. Этапный лекарь Кийской волости Вержбицкий упоминался в одном случае как Франц Каэтанов, в другом как Франц Казимиров [ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 72. Л. 16 об.].

Заключение

Краткая характеристика массовых источников может поставить под сомнение репрезентативность опирающегося на них исследования сообщества польских военнослужащих в Сибири. На проблемный характер массовых источников первой половины XIX в. указывал Б. С. Шостакович [11, с. 28]. Возникает вопрос, имеет ли смысл заниматься столь кропотливой работой, как выявление, обобщение и анализ биографий поляков в составе Отдельного Сибирского корпуса. На взгляд автора, такая работа оправдана уже тем, что позволяет описать множество жизненных ситуаций, через призму которых можно представить образ жизни сообщества польских военнослужащих. Тем более что уже имеется опыт проведения подобного исследования. В 1998 г. был издан биографический словарь польских ссыльных в Сибири в первой половине века, подготовленный под руководством профессора В. Сливовской [12]. Словарь включает биографии около 2500 политических ссыльных, в т.ч. и определенных на военную службу, и может служить источником по исследованию темы.

Список литературы:

1. *Kozłowski, E.* Służba rekrutów w armii rosyjskiej (1831–1862) / E. Kozłowski // . Społeczeństwo Polskie XVIII–XIX wieku / Pod red. W. Kuli, J. Leskiewiczowej. T. 6. Warszawa : PWN, 1974. S. 109–128.
2. *Caban, W.* Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873 / W. Caban. Warszawa : Wydawn. DiG, 2001. 268 s.
3. *Kulik, M.* Oficerowie Polacy w syberyjskich oddziałach armii rosyjskiej (przełom XIX i XX w.) / M. Kulik // Wrocławskie Studia Wschodnie. 2006. № 10. S. 29–56.
4. *Горизонтов, Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX) / Л. Е. Горизонтов. М. : Индрик, 1999. 272 с.
5. *Нагаев, А. С.* Омское дело. 1832–1833 / А. С. Нагаев. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 208 с.
6. *Сливовская, В.* Польская Сибирь – мифы и действительность / В. Сливовская // Новая Польша. 2010. № 1. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.novopol.ru/index.php?id=1262> (дата обращения : 30.03. 2015).
7. *Романов, П. В.* Методы социологических исследований. Стратегия кейс-стади в исследовании социальных служб / П. В. Романов // Социс. 2005. № 4. С. 101–110.
8. *Оплаканская, Р.* Военнослужащие из Королевства Польского и Западного края в Отдельном Сибирском корпусе (1830–1850-е гг.) / Р. Оплаканская // Almanach Historyczny. T.15. Kielce : Instytut Historii Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2013. С. 29–43.

9. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособ. / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.

10. *Петровский-Штерн, Й.* Евреи в русской армии. 1827–1911 гг. / И. Петровский-Штерн. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 561 с.

11. *Шостакович, Б. С.* К постановке проблемы научного изучения истории присутствия и эволюции в Сибири польской интеллигенции (XIX – начало XX вв.) / Б. С. Шостакович // Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв.: Сб. матер. межрег. темат. чтений «История и культура поляков в Сибири». Красноярск : Красноярский культурно-исторический музейный комплекс, 2007. С. 14–36.

12. *Śliwowska, W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX : Słownik biograficzny / W. Śliwowska. Warszawa : Wydawn. DiG, 1998. 835 s.

R. V. Oplakanskaja

Poles in the military service in Siberia in 1830-1850

Summary: In 1830-1850-s Russian monarchy was faced with a powerful patriotic movement in the territory of the Kingdom of Poland and the western provinces. One of the mechanisms to eliminate tension and integration of the Poles in the Russian civilization was military service in Siberia: conscription, punishment for participation in the patriotic movement, voluntary. The article describes the mass sources (name lists, metric records of the Tomsk Roman Catholic Church) that contain biographical information about Polish soldiers in Siberia in 1830-1850-s. Search and description of the greatest possible number of biographies allows us to characterize the Poles in the military service in Siberia. Reconstruction of biographies on the basis of mass sources presents a number of problems. In the list of registered political exiles in Siberia is presented incomplete or inaccurate information on the military because the enlistment was massive. Parish records of the Roman Catholic Church in Syberia contain information about the soldiers who entered the service voluntarily. They allow us to establish marital status, promotion, as well as contacts with compatriots and Siberians. Name lists and metric records have a common drawback - inaccurate spelling of Polish names and surnames.

Key words: polish diaspora in Siberia, Poles in the military service in Siberia

Katanov Khakass State University (655000, Lenin Str. 90, Abakan, The Republic of Khakassia; tel: +7(3902)243018; e-mail: univer@khsu.ru)

УДК 325.2(=162.1):94(571.1)

A. Dobroński

RELACJE POLSKO-SYBERYJSKIE NA PRZYKŁADZIE MIASTA WIERCHOTURIE (1863-1864)

Streszczenie: Lektura wspomnień Adolfa Białokoza, uważanego dotychczas za naczelnika powstańczego miasta Białegostoku, skłania do podjęcia badań na powyższy temat. Odnaleziony i przygotowywany do druku pamiętnik dostarczył cennych informacji o Białymstoku na początku lat 60. XIX stulecia, a także o represjach carskich, jakie spadły na

uczestników konspiracji, manifestacji patriotycznych i walk w 1863 r.. Za szczególne oryginalne uważam zawarte w tym pamiętniku zapisy o pobycie Polaków zesłanych w trybie administracyjnym do miasta Wierchoturie. Jednocześnie zrodziły się nowe pytania badawcze i wątpliwości, w tym odnośnie roli spełnianej przez autora. (Jest to przeredagowany artykuł, o zmienionym tytule, którego wersja pierwotna znajduje się na portalu internetowym zeslaniec.pl. URL: <http://zeslaniec.pl/59/Dobronski.pdf>)

Słowa kluczowe: Syberia, polscy zesłańcy, XIX wiek, powstanie styczniowe, Białystok, Adolf Białokoz.

Uwagi wstępne

Białystok został włączony wraz z obwodem do Cesarstwa Rosyjskiego w wyniku ugody zawartej w 1807 r. w Tylży między cesarzem Napoleonem Bonaparte i carem Aleksandrem I. Tak pozostało i po 1815 r., kiedy powstało Królestwo Polskie. Natomiast w 1842 r. zapadła decyzja o likwidacji obwodu i od tej pory Białystok pozostawał miastem powiatowym w guberni grodzieńskiej, poddanym procesom unifikacyjnym i zarazem rusyfikacyjnym. Wcześniej, bo w 1832 r. ustanowiono tytułem kary za powstanie listopadowe granicę celną między Cesarstwem i Królestwem, dzięki czemu niespodziewanie powstały warunki do kształtowania się białostockiego okręgu przemysłu włókienniczego. Miasto nad rzeką Białą od lat czterdziestych szybko zwiększało liczbę mieszkańców (16,5 tys. ok. 1860 r.), z których dwie trzecie stanowili Żydzi (ok. 69%), ponad jedną czwartą katolicy (22%, głównie Polacy), 5% protestanci (tu i Niemcy), 4% wyznawcy prawosławia (w większości byli unicy, grekokatolicy). Społeczność rosyjską wzmacniali ponadto żołnierze, urzędnicy, żandarmi. Ludność żydowska dominowała w handlu i usługach, duże zakłady przemysłowe zakładali zwłaszcza przedsiębiorcy przybyli z Królestwa Polskiego i państw zachodnich [1, s. 272 – 276].

Rękopis A. Białokoza znajduje się w Muzeum Historycznym w Białymstoku. Można z dużą dozą pewności stwierdzić, że jest to tekst przepisany wiele lat po powstaniu 1863 r. i najprawdopodobniej nie przez autora. Jego odczytanie nie nastręczy trudności za wyjątkiem niektórych skrótów i nazw własnych. Część pierwsza wspomnień liczy 83 stron zeszytu, a druga 141 stron i nosi tytuł „Dalej na Wschód”. Ponadto znajduje się w tym samym zeszycie 16 stron nienumerowanych. Linia oddzieliła dodane uzupełnienia i wyjaśnienia, prawdopodobnie konsultowane z A. Białokozem, co by świadczyło, że to on był inicjatorem powstania do dziś zachowanej wersji wspomnień. Najbardziej zaskakuje fakt przerywania tekstu w połowie wyrazu, mimo że przepisujący ponumerował już następne strony. Nie można wykluczyć, że zdarzył się w trakcie pracy jakiś kataklizm, nieszczęście rodzinne. Wielka to strata, bo pewnie już nigdy nie dowiemy się, jak przebiegał ciąg dalszy tej drugiej podróży autora na wschód i jak tym razem ułożyły się relacje między Polakiem a ludnością miejscową. W części zachowanej cieszy styl narracji, dodanie licznych dialogów, co wzmacnia autentyzm. Koniecznością stały się nieznaczące poprawki stylistyczne (na przykład wstawienie brakujących wyrazów) i ortograficzne⁸.

Wspominałem już, że kłopotów przysparza postać autora. Lektura pamiętnika potwierdza, że Adolf Białokoz pracował w gimnazjum białostockim i w Instytucie Panien Szlacheckich mieszczącym się w byłym pałacu Branickich oraz udzielał prywatnie lekcji muzyki „na mieście”. Był ożeniony z panią Albertyną, prawdopodobnie rodem ze Świsłoczy, małżonkowie posiadali trójkę dzieci (Henryk, Stefan, Jadwiga). Białokoz należał do bardzo aktywnych mieszkańców Białegostoku. Można go zaliczyć do elity miejskiej, posiadał liczne kontakty także wśród Rosjan, zapewnił sobie i rodzinie dobre warunki materialne. Najtrudniej odpowiedzieć na pytanie, jak dalece był zaangażowany w działalność konspiracyjną przed

⁸ Prace redakcyjne wykonał pracownik Muzeum Historii Białegostoku (oddział Podlaskiego Muzeum Okręgowego) mgr Piotr Niziołek.

wybuchem powstania 1863 r. i czy przyjął funkcję naczelnika cywilnego miasta Białegostoku. Na pewno znajdował się pod obserwacją żandarmerii, był zatrzymywany dla udzielenia wyjaśnień, na koniec wywieziony w trybie administracyjnym na Syberię. Z miasta Wierchoturie wrócono go do Grodna, tam przeszedł kilku miesięczne śledztwo i był sądzony jako naczelnik cywilny powstańczej organizacji miejskiej, czemu konsekwentnie i skutecznie zaprzeczał. W efekcie nie został skazany wyrokiem na katorgę, a jedynie powtórnie skierowany na osiedlenie. Niestety, nie wiemy gdzie go dowieziono i kiedy powrócił do Białegostoku, gdzie nadal mieszkała jego rodzina.

W opracowaniach historii lat 1863-1864 na Białostocczyźnie powtarzano informację o nominacji A. Białokoza na naczelnika miasta, a z jego pamiętnikiem zapoznał się m.in. Michał Goławski, znany krajoznawca wspierający prof. Henryka Mościckiego w pisaniu monografii grodu nad Białą ([2, s. 51, 59]; w 1932 r. pamiętnik A. Białokoza znajdował się w posiadaniu Stanisława Białokoza). W moim przekonaniu wątpliwości budzi też twierdzenie, że A. Białokoz wraz z Joachimem Hryniewieckim i Wincentym Borotyńskim tworzyli zespół redakcyjny, powołany przez Konstantego Kalinowskiego dla wydania tajnej broszury w języku białoruskim „Hutarka staroho dzieda”⁹ [3, s. 92]. Natomiast skłaniam się do przypuszczenia, że to jednak A. Białokoz napisał rozkaz nr 1 naczelnika miasta Białegostoku, datowany na 31 maja 1863 r. Podobne bowiem wątki zawarł tenże w swoich wspomnieniach [fotokopia rozkazu m.in. w: 4, s. 127]¹⁰. Dla niniejszego artykułu dalsze wywody w tych kwestiach nie mają istotnego znaczenia i dlatego je pomnę. Osobiście sądzę, że A. Białokoz otrzymał jednak propozycję zostania naczelnikiem cywilnym organizacji białostockiej, miał jednak wiele wątpliwości i coraz bardziej krytycznie oceniał przebieg kolejnych zdarzeń. Ponadto miał świadomość, że jest obserwowany przez żandarmów i ich szpiegów, obawiał się o los rodziny. Zaniechał więc działalności konspiracyjnej, ale nie złożył rezygnacji na piśmie, nie chciał kontaktować się z naczelnikiem województwa grodzieńskiego, któremu nie ufał. Nic nam dotychczas nie wiadomo o mianowaniu kolejnego naczelnika cywilnego Białegostoku. Organizacja miejska nie przejawiała ożywionej działalności, na co wpływ miała struktura narodowościowa mieszkańców, obecność silnego garnizonu rosyjskiego i uruchomienie na krótko przed wybuchem powstania nowego więzienia.

Przejazd do miasta Wierchoturie

Po manifestacji patriotycznej w dniu 23 kwietnia (4 maja) 1861 r.. Adolf Białokoz po raz pierwszy został wezwany do płk. Piotra Dziekońskiego, naczelnika wojennego Białegostoku. Ten w ciągu czterech dni przeprowadził rozmowy wyjaśniające z pedagogiem podejrzanym o aktywny udział w niepokojach. Przebiegały one jednak w tonie spokojnym i zakończyły się daniem przez Białokoza słowa honoru, że będzie się dobrze prowadził. W roku następnym siatka konspiracyjna w Białymstoku zyskała wzmocnienie w osobach pracowników budujących szlak kolejowy z Warszawy do Petersburga, wśród których był także Bronisław Szwarce. Wybuch powstania w styczniu 1863 r. autor analizowanych wspomnień skomentował jako czyn „... bardzo nie w porę. Ani broni, ani amunicji, ani dowódców, ani pieniędzy, ani ciepłej odzieży na zimę. Z kijami przeciwko armii dobrze wyćwiczonej, dobrze zorganizowanej i dobrze wyposażonej”. Dodać trzeba, że Białystok należał do powstańczej prowincji litewskiej, w której mobilizację ochotników ogłoszono dopiero w kwietniu. W mieście nad Białą Rosjanie zgromadzili około 15 tys. żołnierzy, użytych m.in. do ochrony wspomnianej linii kolejowej,

⁹ Prawdą jest, że w swych wspomnieniach A. Białokoz bardzo przychylnie odnosił się do postawy i działań K. Kalinowskiego.

¹⁰ Jest w tym rozkazie i we wspomnieniach Białokoza mowa o szerzącym się w mieście szkodliwym plotkarstwie i o zbiorkach prowadzonych bez stosownych upoważnień na cele narodowe (powstańcze).

uruchomionej w grudniu 1862 r.¹¹

A. Białokoz zdecydował w połowie kwietnia 1863 r. o wywiezieniu żony z dziećmi do Świsłoczy i sam przenocował tam jedną noc. Takie postępowanie wzbudziło podejrzenia wokół jego osoby. Rodzi się przypuszczenie, że pozostając formalnie naczelnikiem cywilnym miasta wiedział późniejszy autor wspomnień o planowanej mobilizacji powstańców litewskich. Skutek był taki, że Białokoz został na rozkaz gen. Zachara Maniukina doprowadzony na odwach. Wprawdzie po 4 dniach mógł wrócić do domu, ale miał się meldować codziennie rano na policji. W mieście zaś obserwowano zwiększoną aktywność młodych, szeptano o gromadzeniu prowiantu i planowanych wyjazdach. 29 kwietnia miejscowe oddziały wojska carskiego wymaszerowały w kierunku Królowego Mostu. Tego dnia pod Waliłami stoczyły one zwycięską bitwę z „leśnymi” i fakt ten A. Białokoz opisał obszernie [Podobnie uczynił w pamiętniku Ignacy Arcimowicz (błędnie Aramowicz), nauczyciel matematyki w gimnazjum białostockim, gdzie uczył i Białokoz; 5]

Nie znamy bezpośredniego powodu aresztowania Białokoza w nocy z 23 na 24 czerwca 1863 r. Nie wykluczone, że przyczynił się do tego i wspomniany rozkaz naczelnika cywilnego miasta z 31 maja. Tym razem dokonano w mieszkaniu autora wspomnień rewizji przeglądając m.in. książki, a oficer odpowiedział, by zatrzymany założył cieplejsze ubranie, wziął futro i większą ilość gotówki. W pobliskim klasztorze szarytek żandarmi i kozacy ulokowali także nauczycieli białostockich Stanisława Tokarzewskiego i Wincentego Majewskiego oraz sekretarza dumy (rady) miejskiej Stanisława Pluto i urzędnika kasy powiatowej. Rano oznajmiono im, że zostaną przewiezieni do Petersburga. Pozwolono na wysłuchanie mszy po czym dorożkami przetransportowano całą piątkę na dworzec kolejowy. Przejazd przez miasto wywołał sensację, mieszkańcy jeszcze nie przywykli do takich widoków.

Przypuszczać należy, że wszyscy aresztowani po raz pierwszy odbywali podróż pociągiem. Krótki postój wypadł w gubernialnym Grodnie, dwudniowy w Wilnie (siedziba generała gubernatora), następny w Dyneburgu. W Petersburgu białostoczan ulokowano na 5 dni w więzieniu etapowym, gdzie na transport oczekiwali już m.in. marszałek guberni mińskiej Mieczysław Tukałło i redaktor wileńskiego „Słowa” Józef Ohryzko. Białokoz uznał warunki w więzieniu za dobre, cele nie były jeszcze przepełnione. Wyjątkowo korzystnie wypadł postój w Moskwie, bo Białokozowi pozwolono zanocewać w pierwszorzędnym hotelu. Z Moskwy jego, obywatela (ziemianina) z Wileńskiego Jarosława Tabeńskiego oraz obywatela i sekretarza mińskiej dumy miejskiej Adama Oziembłowskiego skierowano też pociągiem do Niżnego Nowogrodu, a stamtąd parostatkami do Permu. Wykorzystując przerwę w rejsie Białokoz zwiedził Kazań. Z Wołgi parostatek przepłynął na Kamę, po pięciu dobach Polaków wyładowano w Permie, gdzie nocleg wypadł w domu prywatnym. W opisach tej części podróży też nie ma narzekania na warunki i zachowanie się żandarmów, są natomiast zachwyty nad krajobrazem.

Ostatni odcinek skierowani na osiedlenie odbyli *telegami* pocztowymi zaprzęgniętymi w trzy konie. Jechali najpierw 40 godzin, z krótkimi tylko popasami koni, do Jekaterynburga. Oprócz upałów dokuczały muszki (meszki) i muchy, a pasażerowie po wyjściu z pojazdów nie mogli ustać na nogach. Zatrważał stan dróg wiodących przez Ural. J. Tabędzki skomentował to słowami: „Bolesna, męczeńska śmierć nasza będzie na tym przeklętym Uralu”. Również zachowanie konwojujących żandarmów odbiegało od spotkanych wcześniej w dużych centrach rosyjskich. Kolejne 500 wiorst jechano głównie przez lasy nie napotykając wioski i pól uprawnych. Razem droga z Permu do miasta Wierchoturie zajęła 4 dni i kilka godzin. A. Białokoz ocenił: „Nie byliśmy przygotowani do takiej jazdy”. Jednak jazdy, a nie pieszej wędrowki.

¹¹ Nie powstała jeszcze pełna monografia dziejów powstania 1863-1864 na Białostocczyźnie, konieczne są kwerendy w archiwach: białoruskich (Grodno), litewskich (Wilno) i rosyjskich (Moskwa, także ówczesne siedziby władz gubernialnych na Syberii).

Pierwsze doświadczenia osiedlonych

W Wierchoturii [Miasto nad rzeką Turą, dopływem Tobołu, zostało założone w końcu XVI w., zaliczane je do najstarszych na wschód od Uralu. Należało w opisywanym okresie do gub. permskiej, stanowiło punkt na trasie syberyjskiej zesłańców polskich z Kazania przez Nowe Usole] Polaków przyjął *sprawnik*, naczelnik policji powiatowej. Zapytał z jakiego powodu ich tu przysłano. Ci odpowiedzieli, że nie wiedzą, pewnie wszystko podano w papierach. Okazało się jednak, że i w korespondencji urzędowych brakowało stosownych informacji. Policjant zaprowadził przywiezionych na tymczasowy kwaterek w domu prywatnym. Zostali tam mile powitani, ich pragnieniem było jak najszybciej położyć się spać. Pokój robił dobre wrażenie, miał wytapetowane ściany, na podłodze leżały dywany. Po raz pierwszy od sześciu dni zesłani mogli zdjąć obuwie i ubranie, zmienić bieliznę. W nocy mimo zmęczenia Białokoza obudził – tak mu się wydawało – szum wody, krople deszczu padały na twarz. Zapalił świecę i zobaczył przerażający widok mrowia karakanów, a potem okazało się, że były także w tym domu pluskwy (Następnego dnia gospodarz przyniósł naręcza pokrzyw, które miały odstraszyć robactwo). W południe białostoczanin wyszedł na miasto, by kupić cukru do herbaty gotowanej w samowarze. Ledwie uszedł kilkaset metrów, gdy mężczyzna wychodzący z bocznej uliczki zaczął wykrzykiwać: *Wy moszenniki, buntowszczyki, careubijcy – rjezat' was polaczyszki*. Wyzwiskom towarzyszyło rzucanie garściami błota. A w ogóle to miasto sprawiało wrażenie ośrodka na poły wyludnionego.

Przestraszony autor wspomnień powędrował do *sprawnika* zapytać o prawa przysługujące skazanym na osiedlenie. Ten okazał się osobą taktowną i grzeczną, złożył zapewnienie, że więcej przybysze nie doznają żadnych przykrości od mieszkańców. Niemiłą zaś niespodzianką był brak obiadu, bo produkty należało wcześniej przygotować. Co gorsze, wyjaśniono Polakom, że nie ma w całym mieście: *garkuchni* i cukierni, jatek, piekarza, targu, szewca, zegarmistrza, stolarza, brakuje i innych rzemieślników, jest za to dużo wódki. „Tu można spać na złocie i z głodu umrzeć”.

Pierwszy spacer po mieście pozwolił na ustalenie, że domy były pobudowane z grubych okrągłaków („prawie wszystkie krzywe, na suterrenach”). Miały duże okna w odstępach *półarszynowych*, a rzadko *arszynowych* (35-70 cm) i dachy kryte w większości smołowanymi deskami, a tylko niektóre blachą pomalowaną na zielono. Po obu stronach ulic (nie wszystkie wybrukowano) znajdowały się ścieki na wodę i pomyje. Wozy przejeżdżały rzadko, wokół widać było trawę i błoto. W dali połyskiwały wielkie kopuły i złote krzyże monasteru św. Mikołaja, a stało w mieście również kilka cerkwi parafialnych. Największy magazyn (sklep) należał do kupca Muchłynina i zadziwiał bogactwem towarów spożywczych, kolonialnych, bławatnych, sukienicznych, nawet futer, zegarków, dywanów. „Jednym słowem ma wszystko w wielkim wyborze”, ceny jednak były co najmniej dwukrotnie wyższe niż w Białymstoku. Mieszkało w Wierchoturii mniej niż 2 tysiące mieszkańców, jak na stolicę powiatu przystało wyróżniali się urzędnicy, natomiast brakowało garnizonu. Miasto ożywiało się z racji przyjazdów pielgrzymów do relikwii „*prawiednoho* Siemiona uważanego za cudotwórcę” (zm. w 1642 r.). W powiecie znajdowały się bardzo liczne miejsca pozyskiwania złota, kopalnie srebra, miedzi i żelaza.

Kolejne dni pobytu Białokoza w Wierchoturii przyniosły miłsze wrażenia. Polaków odwiedził student Uniwersytetu Petersburskiego, Małorosjanin Kostenko, zesłany do Syberii Zachodniej za przyjazne stosunki z poetą Tarasem Szewczenko. Okazał się posłańcem od państwa Simonow zaliczanych do miejscowej elity, bo mąż był wyższym urzędnikiem powiatowym. U nich to Białokoz i jego trzech współtowarzysze niedoli zaczęli się stołować, a zamieszkali w pobliżu u osiedleńca po odbytej katordze za czyny kryminalne (Obawy, że chodzi o byłego kryminalistę Kostenko oddalił stwierdzając: „... całe miasteczko składa się z ludzi tej kategorii”). L. Krupecki napisał w liście z Wierchoturii, że trzynasta część przestępstw kryminalnych w całej Rosji została popełniona właśnie w tutejszym powiecie [6]; za: E. Polak-

Pałkiewicz, wykład wygłoszony w 2008 r. w Kozłówce, www.deportacje.eu. Sowieckie Deportacje). Państwo Simonow wykazali się życzliwością, współczuli przybyszom („Boże daj, by nieszczęście, jakie na wasz kraj spadło, jak najprędzej przeminęło”). Nie obyło się jednak i bez gafy pani domu, która wyraziła życzenie, że skoro ludzie (Polacy) mają iść na wygnanie, to niechby przysłano im kucharek i praczek, o które trudno w ich mieście.

Po dwóch tygodniach grono Polaków w mieście się powiększyło, nie wszyscy nowoprzybyli posiadali fundusze, a o zarobek na miejscu było niezwykle trudno. W tej sytuacji Adolf Białokoz obmyślił, by zespolić braci osiedlonych, powiązać ich w jedną rodzinę, uchronić przed upadkiem moralnym, a tym samym i nie narazić na szwank imienia polskiego. Napisał zbiór zasad, który przytoczył we wspomnieniach. Nie można jednak w pełni ufać zapewnieniom autora, że był to tekst oryginalny. Na pewno nawiązywał do wcześniejszych „ustaw”, tworzonych przez katorżników z ziem polskich. (Znamy je z literatury sybirackiej i wydawnictw źródłowych. Ciekawe przykłady podał Bogdan Mazur, uczeń prof. Andrzeja Wolanowskiego, autor pracy mgr: [7]). Wiemy też, że „regulamin” Białokoza został punkt po punkcie rozważony i po dyskusji (krytyce) przyjęty przez „kilka osób inteligentniejszych”:

„1. Wszyscy jesteśmy synami jednej matki, drogiej nam ziemi. Wszyscy cierpimy za jedną sprawę, a więc wszyscy jesteśmy sobie równi. Uznaje się różnicę tylko w wykształceniu i zasługach.

2. Każdy z nas obowiązany jest nowo przybyłego brata przyjąć w swoim mieszkaniu, zaspokoić pierwsze jego potrzeby i o przybyłym innych zawiadomić.

3. Nowo przybyły powinien otwarcie objawić: a) czy ma dostateczną ilość bielizny i innych niezbędnych rzeczy, aby brak dopełnić z kasy towarzystwa, jeżeli jest ubogim; b) czy ma lub będzie miał środki do życia; jeżeli ma mało, to ile ma mniej więcej, aby można było obliczyć jak na długo to może wystarczyć, ponieważ towarzystwo musi myśleć o środkach na wszystkie potrzeby.

4. Nie mający żadnych środków do życia ma otrzymywać z kasy towarzystwa podług obliczenia kosztów życia.

5. Posiadającym jakie rzemiosło koledzy obowiązani są wynajdywać robotę, urządzać warsztaty i dbać o najsumienniejsze wykonanie obalunku.

6. Każdy powinien żyć jak najoszczędniej, chociażby żył z własnych funduszy, nie zaciągać długów, pomnąc na to, że dobry przykład, równie jak zły, jest zaraźliwy.

7. Do szynków zachodzić zakazuje się stanowczo, bo to ubliża ogółowi. Wolno posłać po butelkę wódki i mieć u siebie w domu, jeżeli ktoś tego potrzebuje.

8. Nie wchodzić do brudnych miejsc i w bliższe stosunki z ludźmi podejrzaną moralności.

9. Urazy do kogoś, jeszcze z kraju wyniesione, powinny i muszą być zapomniane na wygnaniu. Podajemy sobie ręce i żyjemy w zgodzie.

10. Mogące wyniknąć nieporozumienia rozstrzyga większością głosów sąd koleżeński przez obie strony wybrany.

11. Niepiśmienni powinni korzystać z czasu i uczyć się. Umiejtni obowiązani [są] uczyć. Uczmy się nawet z nieszczęścia wyciągać korzyści.

12. Każdy każdego obowiązany jest odwiedzić przynajmniej raz na tydzień i może po przyjacielsku zapytać się, co zrobił w tym tygodniu, czy otrzymał jakie wiadomości z kraju, od swoich, czy nie ma jakiej gwałtownej potrzeby [by] udzielić mu dobrej rady, a w razie potrzeby zawiadomić o tym stowarzyszenie, aby udzielić mu pomocy. Tak żyjąc, nie będziemy osamotnieni i przed miejscową ludnością dowiedziemy naszej wyższości.

13. Każdy ze stowarzyszonych obowiązany jest zadeklarować i stale wносить do kasy pewną ilość pieniędzy według swej możliwości i dobrych chęci, lecz wyłamywać się spod tego prawa nie może nawet najuboższy, pobierający z kasy na swe utrzymanie, aby być równym między równymi.

14. Biorący z kasy zapomogi nikomu nie dziękuje i nikomu do wdzięczności nie jest obowiązany, lecz obowiązany jest podnosić honor towarzystwa, do którego sam należy, sumiennym i moralnym sprawowaniem się.

15. Tak zorganizowana kolonia wygnańcza powinna stanowić jedną rodzinę i każdy każdego szanować [ma] jak brata. Wyłamujący się spod praw wyżej spisanych tracą prawo do koleżeństwa z członkami tego towarzystwa”.

Były to przesłania i postanowienia oparte w części na dekalogu, nawiązujące do wartości chrześcijańskich. Wynikały też z racjonalnego postrzegania rzeczywistości, konieczności zmierzenia się z nowymi, egzotycznymi warunkami bytowania. W pewnym stopniu wykorzystywano i doświadczenie zdobyte w kraju, programy formowane w kręgu konspiratorów, w tym postulujące reformy społeczne, przełamywanie barier stanowych. Całość spinał duch patriotyczny, wola pozostawania w służbie narodowej i demonstrowania daleko od kraju honoru Polaka. Białokoz jako pedagog wykazał daleko posuniętą troskę o słabszych duchem rodaków, pozbawionych środków do utrzymania. Chciał stosować metody wychowawcze, dbać o dobre samopoczucie wszystkich zesłanych. Tak konieczność splatała się z poczuciem misji. Po przyjęciu „regulaminu” wybrano kasjera i złożono wspólny fundusz.

Wkrótce społeczność polskich zesłańców skonsolidowała się. Przybyły młody fotograf Zahorski, bez środków do życia, objął udanie funkcje kucharza. Marszałek guberni mińskiej M. Tukałło zadeklarował zasilanie funduszu, podobnie i inż. Romuald Kułakowski, księży (m.in. Michał Fiszer i Klemens Kajro, razem było ich pięciu, „:W przeciągu dwóch miesięcy uformowała się wzorowa kolonia licząca dwudziestu kilku członków zgodnych, pracowitych, kochających się jak jedna rodzina”. Białokoz był uznawany z „głową tej rodziny” (dodatkowo zajął się krawiectwem), a jej przyjacielem stał się *sprawnik*! Szewca z Warszawy wyposażono w narzędzia i sprowadzono mu skóry z Jekaterynburga, więc mógł robić obuwie nie tylko dla Polaków. Podobnie stało się ze stolarzem, który miał za sobą m.in. walki w okresie Wiosny Ludów i w Algierze. Niepiśmiennych zaczęto uczyć czytać, czytano książki, zamówiono prenumeratę gazety „Moskowskije Wiedomosti”. Listy i paczki z kraju docierały po 4-6 tygodniach od wysłania. Na propozycję marszałka Tukałło w wynajętym przez niego dużym domu zamieszkało kilku Polaków, wśród nich Białokoz i ks. kanonik z Warszawy [Autor podał jego nazwisko – Wieluński. Prawdopodobnie był to jednak ks. Kazimierz Wieluński z parafii św. Aleksandra, zesłany do gub. permskiej w 1863 r. za sprzyjanie powstaniu]. W każdy czwartek odbywały się tam skromne przyjęcia, czytano książki i listy, rozmawiano o Polsce. W sąsiedztwie Leon Krupecki z Warszawy też wynajął dom i przyjął do siebie kilku rodaków, wspomagał ich, promował tu czytelnictwo ([6, list z 14 VI 1864]. Liczbę osiedlonych Polaków autor listu obliczał na „do 40 osób”, ale ulegała ona zmianie. A. Białokoz szacował polską lokalną społeczność na ok. 30 osób). „Serce skakało z radości patrząc na to braterstwo wszystkich stanów narodu naszego. Gdybyż tak było w swobodnym kraju!” A. Białokoz. zdawał sobie jednak sprawę, że działo się tak w dużej mierze z przymusu („... jesteśmy tu jak wilki, jagnięta, zające, jadowite gady burzą do jaskini zapędzone i ze strachu krzywdy nie czyniące”). Dostrzegając odmienną statusu, poglądów i zachowań zesłańców, wszystkich ich uznał za „wybrańców z naszego kraju”.

Kontakty z elitą miejską, wzajemne na siebie oddziaływanie

Zaskakująco dobrze zaczęły układać się relacje między skazanym na osiedlenie Adolfem Białokozem a *sprawnikiem* Aleksandrem Arsieniewiczem Andronikowem. Ten drugi zaprosił białostoczanina do złożenia wizyty w domu i pokazał mu zakupiony właśnie fortepian. Chciał w ten sposób pomóc nauczycielowi muzyki w Białymstoku, dać mu zarobić. Najpierw dostojnik powiatowy nadzorujący Polaków twierdził, że grania na fortepianie ma się uczyć jego żona, matka trojga dzieci, która nigdy wcześniej nie widziała tej klasy instrumentu muzycznego. W dodatku wedle panującego w Wierchoturii przekonania nieprzyzwoitym, a nawet grzesznym byłoby nauczanie kobiety przez samotnego mężczyznę. Sprawnik był jednak konsekwentny,

kazał swemu pomocnikowi skierować na naukę córkę, namówił także siostrę sędziego powiatowego i ściągnął w tym samym celu z miejscowości odległej o 1300 wiorst swą 9-letnią kuzynkę. Pomimo tak życzliwych gestów autor wspomnień wciąż wymawiał się od poszerzania znajomości z innymi osobami „liczącymi się do wyższego towarzystwa”.

Ciężką próbą dla społeczności polskiej w Wierchoturii stało się przyjęcie urządzone w rocznicę koronacji cara Aleksandra II (26 VIII/7 IX; spadł już śnieg i zaczęły się przymrozki). *Sprawnik* – „pierwsza osoba w miasteczku” – zarządził bal składkowy i przysłał urzędnika z zaproszeniem dla Polaków. Po dwukrotnej odmowie przyjechał on sam i ponowił zaproszenie wyjaśniając, że wszyscy rozumieją smutne położenie skazanych na osiedlenie, miejscowi nie mają jednak do nich żadnego urazu – „macie sprawę z rządem, a nie z nami”. Stało na tym, że na przyjęcie wybrała się trójka zesłańców: marszałek Tukałło, A. Białokoz i J. Tabęński. Ci po wejściu usłyszeli niezbyt udane wykonanie poloneza Michała Kleofasa Ogińskiego „Pożegnanie Ojczyzny”, a zgodnie z tamtejszą tradycją bal powinien rozpocząć się walcem. Następnie goście zostali uroczysto powitani i przedstawiono im obecne ważne osoby. Polaków bardzo zdziwiły zwyczaje panujące na balu, damy i panny wyraźnie nudziły się w przydzielonych sobie salonach, a panowie grali oddzielnie w karty i pili. Jeśli już tańczono to bez rozmów, a o trzeciej nad ranem wrzawę wywołała kradzież 25 rubli. Po przeszukaniu kieszeni znaleziono złodzieja (sekretarz sądu powiatowego) i wyrzucono go przez okno z I piętra do ogrodu.

Zima sprawiła, że życie publiczne w Wierchoturii niemal w ogóle zamarło, Polacy uczyli się, tęsknili, pocieszali, jedyną atrakcją były wzajemne wizyty. Dochodziły do zesłańców coraz bardziej przychylne opinie z miasta. Mieszkańcy dziwili się, że przybysze nie piją, nie wywołują awantur, nie kradną. Za to dużo się modlą i tylko szkoda, że nie są *kreszczonyje*. Zdziwienie było tym większe, bo wcześniejsze zapowiedzi wieściły, że przyjadą barbarzyńcy, rozbójnicy i królobójcy. Z kolei Polaków zaskakiwały sposoby chronienia się stałych mieszkańców przed mrozem i śniegiem, ich ubiory zimowe, potrawy, sposoby polowania, zwyczaje. Trudności przysporzyła żona marszałka wołyńskiego, która przyjechała do męża i za nic miała ustalony „regulamin”. M.in. odnosiła się „z wysoka” do rodziny Jaworowskich wysiedlonych ze spalonej 18 sierpnia 1863 r. wsi Jaworówka w pow. białostockim. Atrakcją dla całej okolicy okazał się jarmark w Irbicie [Miasto na ujściu rzeki Irbit do Nicy, założone w 1631 r. (prawa miejskie od 1775 r.). Słynne na całą Syberię jarmarki odbywały się tam od 1643 r. w dniach od 1 II do 10 III. Irbit leżał ok. 150 wiorst od Wierchouria], na który przybyli także kupcy z Europy Zachodniej. Autor pamiętnika dostał z domu skrzypce i nuty, co zmusiło go do zamieszkania w pojedynkę. Minęła Wielkanoc (dotarły z kraju paczki), z wiosną można było wznówić spacer.

Któregoś dnia do mieszkania A, Białokoza stawiło się 14 Rosjan „z wyższego towarzystwa”, by zaprosić gospodarza do złożenia wizyt w ich domach. W spełnieniu tej prośby pomógł Polakowi *sprawnik*. Rosnąca zażyłość z tym dostojnikiem powiatowym sprawiła, że białostoczanin zyskiwał na odwadze i zwrócił uwagę sędzi powiatowemu, że ten bez należytego szacunku traktuje *popa* (księdza prawosławnego). Otrzymał odpowiedź, że tak jest poprawnie, bo „żaden *pop* do towarzystwa nie jest przyjmowany”, a wyjątek stanowił jedynie *ihumen* (przełożony klasztoru) z *kaznaczejem* (skarbnikiem). Wywiązała się dyskusja, sędzia poprosił Polaka, by wskazał inne jeszcze zwyczaje, które go rażą. Białokoz odrzekł, że wprawdzie jest serdecznie w tym domu przyjmowany i częstowany, ale jeszcze nigdy nie widział żony sędziego. „To daje do myślenia, że nie zupełnie jestem pożądanym”. Odpowiedź brzmiała: „U nas nie jest w zwyczaju, aby kobiety znajdowały się w towarzystwie obcych mężczyzn”. I znów wywiązała się dyskusja, a po obopólnych wyjaśnieniach gospodarz wyszedł na kilka chwil z pokoju. Po powrocie sędzia oświadczył: „Panowie jesteście z innego, lepszego świata, Zapewne wiele wad widzicie u nas. Nie nasza wina, że jesteśmy na niskim stopniu cywilizacji. Proszę być otwartym i pouczającym”. Wkrótce do pokoju weszła żona sędziego, jego młodszy brat i 17-letnia siostra ucząca się u Polaka gry na fortepianie. Białokoz zachęcany do śmiałości wytknął

kolejne uchybienia: wspomniane już dziwne zwyczaje balowe oraz brak wspólnych spacerów porą wieczorową. Dowodził, że takie dziwne maniery czynią życie smutniejszym, młodzież nie rozwija się pod okiem starszych, brakuje pouczających dyskusji. Komentarz zesłańca został przyjęty z pełnym zrozumieniem, a on sam *post factum*, na kartach swego pamiętnika, posunął się do stwierdzenia, że mieszkanie w tym miasteczku było dostateczną karą za grzechy śmiertelne („to jest piekło, a nie czyściec”).

Dzięki Polakom w Wierchoturii zachodziły stopniowe zmiany w życiu towarzyskim elit miejskich. Jednym z pierwszym tego przejawów było złożenie Białokozowi wizyty przez sędziego z bratem w towarzystwie sędziny z córką i *sprawnikowej* z synkiem oraz kuzynką. „Damy u mężczyzny niefamilijnego – rzecz niebywała!”. Przybyłe towarzystwo odmówiło jednak wypicia herbaty i zaprosiło Polaka na wspólny spacer po mieście [„Spacer kobiet z mężczyznami po ulicy w wieczorowej porze niezawodnie jaki monach uczony musiał zapisać w kronikach Wierchoturii jako fakt dziwny, nigdy dotychczas nie praktykowany”]. Po zakończeniu przechadzki wszyscy udali się na herbatkę u żony *sprawnika*, podano tam kawior i tylko kieliszek wódki, a autor wspomnień zagrał na fortepianie dziarską polkę. Przy pożegnaniu powtarzano zgodnie, że żaden bal nie przebiegł tak przyjemnie i wesoło, jak ten wieczór ze spacerem.

Również L. Krupecki w czerwcu 1864 r. napisał w liście wysłanym do kraju, że w Wierchoturii brakuje przede wszystkim cywilizacji, a jedyną (to była przesada) rozrywką miasta jest wódka. Mieszkańcy nie potrafią nawet uszanować niedzieli, wykonując w ten dzień święty ciężkie roboty fizyczne (rąbią, młóca). Autor korespondencji ocenił zarazem, że stosunki między Polakami a ludnością miejscową układały się dość poprawnie. On swego gospodarza nauczył robić sery z mleka kwaśnego i pokazał jak można wykonać na sposób galicyjski siekacz do kapusty. Inni uczyli włościan i rzemieślników wyrobu bardziej wydajnych narzędzi rolniczych i nowoczesnych technik koszenia. Krupeckiego trwożyło, że w miasteczku nie ma ani jednej stodoły, a zebrane zboża przez całą zimę pozostawały na polach. Podobnie nawet w okresach wielkich mrozów krowy trzymane były pod gołym niebem. Krytyczny ogląd rzeczywistości miał ten plus, że L. Krupecki zaczął więcej uwagi zwracać na konieczność utrzymywania porządków, a w listach do żony zalecał przejawianie stałej troski o wychowywanie i nauczanie dzieci, także o samokształcenie. Można powiedzieć, że stał się uczulony na konieczność pożytecznego wykorzystywania czasu, podejmowania przynajmniej drobnych prac i to bez względu na zmieniające się okoliczności. Uznał nawet, że jego pobyt w Wierchoturii ma charakter rekolekcji (list z maja 1864 r.) ([6]; autor wrócił prawdopodobnie do Warszawy w końcu lutego 1865 r.).

Po 10 miesiącach od przybycia do Wierchoturii autor wspomnień odnotował przełom: „W życiu i pojęciach mieszkańców zaszły wielkie zmiany. Mieszczanie, z początku tak źle usposobieni, stali się naszymi przyjaciółmi. Szukali Polaków na lokatora swego i najchętniej służyli czym mogli”. Na ulicach widać było grupy spacerujących mieszkańców, kobiety nie kryły się w domach, liczba fortepianów w mieście wzrosła do czterech. A. Białokoz dawał i lekcje nauki gry na skrzypcach, a jeden z Polaków edukował dzieci Rosjanina. Społeczność polska spisywała się wzorowo, spotkania w domu marszałka przypominały niemal zajęcia uniwersyteckie (brakowało lekarza), zaś dawni analfabeci zaczęli sami pisać listy do rodzin. Wielce wymowny był przypadek jednej z córek z ubogiej rodziny polskiej. Białokoz zgodził się uczyć jej gry na fortepianie za darmo, ćwiczenia natomiast miały miejsce w domu Iwanowa, pomocnika *sprawnika*.

Niespodziewanie 12 czerwca 1864 r. *sprawnik* otrzymał telegram od gubernatora permskiego z rozkazem, aby bezzwłocznie udał się do Kuszwy koło Jekaterynburga i tam czekał dalszych poleceń. Następnego dnia A. Białokoz po spotkaniu imieninowym u rodaka (dzień św. Antoniego) poszedł do wspomnianego Iwanowa odbyć lekcję gry na fortepianie. Został stamtąd przewieziony pilnie do własnego mieszkania, gdzie czekał na niego *sprawnik* w

towarzystwie sekretarza i dwóch żandarmów w pełnym uzbrojeniu. Ten pierwszy odczytał rozkaz gen. M. Murawiowa, by aresztować nauczyciela muzyki Adolfa Stiepanowicza Białokoza, zrobić ścisłą rewizję w jego mieszkaniu, opieczetować książki, listy i wszelkie inne papiery, a następnie odesłać je wraz z zatrzymanym pod strażą dwóch żandarmów do Wilna. *Sprawnik* z ciężkim sercem przystąpił do nakazanych czynności, zaś białostoczanin zapewnił go, że niczego się nie boi i nie ma u siebie żadnych rzeczy „cudzych”. Wyraził przy tym przypuszczenie, że „chyba ktoś ratując siebie, nałgał na śledztwie”.

Andronikow wziął na siebie wobec żandarmów odpowiedzialność za umożliwienie Białokozowi pożegnania się przynajmniej z niektórymi mieszkańcami. Białostoczanin potrzebę takową tłumaczył następująco: „Tutejsi obywatele przyjmowali mnie po bratersku, smutno byłoby i ciężko na moim sercu, gdybym się okazał niewdzięcznym”. Nastąpił kuriozalny przypadek, *sprawnik* odszedł pieszo do domu, a jego furman woził zesłańca do wskazanych przez niego mieszkań. Wszędzie tam żegnano Polaka z głośnym płaczem „jako idącego na śmierć niezasłużoną”, całowano. *Sprawnikowa* wręczyła mu na drogę sporą paczkę z produktami przyniesionymi z różnych domów, a mąż chciał dać autorowi wspomnień pieniądze.

A. Białokoz na koniec wsiadł do kibitki, ta jednak nie mogła szybko odjechać. Ulica, mimo że nastąpiła północ, była gęsto wypełniona ludźmi, słychać było okrzyki: *Moszenniki wy!*, ale tym razem chodziło nie o Polaków, ale o żandarmów. *Warwary! Za szto wy czestnych ludiej muczajetie! Was to czynownikow w katorgu posłat.* Jeden żandarm zszedł z *telegi* i z pałaszem w rękę oczyszczał drogę, a „tłum warczał, jak groźna chmura brzemienią piorunami, czasem wykrzykiwał”.

Opis ten wydaje się być aż nieprawdopodobnym, z pewnością autor wyolbrzymił skalę protestu mieszkańców, ale nie ma powodu, by wątpić, że żegnano go serdecznie, z wdzięcznością. Porównanie okrzyków usłyszanych przez białostoczanina pierwszego dnia pobytu w Wierchoturii z przytoczonymi powyżej z dnia odjazdu, potwierdza generalną zmianę nastawienia ludności miejscowej do Polaków zesłanych tu na osiedlenie. Trzeba będzie szukać potwierdzenia faktów zapisanych we wspomnieniach Adolfa Białokoza (i listach Leona Krupskiego) w materiałach źródłowych (archiwalnych): urzędowych, śledczych, sądowych wytworzonych w Wierchoturii. Trudniej uwierzyć, że mogły zachować się i relacje mieszkańców z tego okresu..

Jeszcze ważniejszym zadaniem badawczym jest określenie na ile „sielankowe” sceny i opisy z miasta Wierchoturii znajdują analogię z sytuacją powstałą w innych ośrodkach Syberii w latach 1863-1864. Można z góry założyć, że wiele zależało od wielkości i usytuowania miasta, ilości obecności w nich urzędników, funkcjonariuszy i wojskowych carskich, składu zasiedziały elit miejscowych, tempa zmian cywilizacyjnych. Nie ulega wątpliwości, że także wiele bardzo ważny był przypadkowy przecież dobór osób zesłanych, obecność wśród nich sprawnych, ofiarnych i rozważnych liderów.

Obawiam się, że wciąż z powodu zbyt małej ilości przebadanych pod tym kątem miejscowości syberyjskich, zwłaszcza miast mniejszych, ulegamy na zmianę czarnej lub białej legendzie, idealizujemy relacje między zesłanymi Polakami a społecznościami miejscowymi, lub je wpisujemy bez głębszej analizy krytycznej na karty męczeństwa ofiar Sybiru. Pozostajemy pod wpływem sugestii pamiętnikarzy, siły i atrakcyjności ich przekazów, ale nie bez znaczenia jest i kontekst aktualnych stosunków polsko-rosyjskich.

Niedokończona relacja z powrotu na Syberię

A. Białokoz kibitką został dowieziony do Permu (w ciągu doby pokonywano dystans 300 – 320 wiorst), potem statkiem popłynął do Niżnego Nowogrodu i stąd z droga wiodła z przesiadkami pociągiem do Grodna. Śledztwo (w celu więzień z pomocą szklanek napełnianych wodą wygrywał pieśni i piosenki) zakończyło się w listopadzie 1864 r. i komisja wysłała do Murawiewa propozycje wyroków dla 75 członków grodzieńskiej organizacji wojewódzkiej. Wyrok dla A. Białokoza brzmiał: „jako po najściślejszym śledztwie nic się nie okazało i sam do

niczego się nie przyznał, na zasadzie, że już był na mieszkaniu w Wierchoturii permskiej guberni, zostawić w podejrzeniu i wysłać na mieszkanie do Tobolska”. Autor wspomnień poczuł się „odstępca moralnym”, choć pozostałe zapadłe wyroki można uznać za dość łagodne, nie skazano nikogo na karę śmierci. Ujawniono natomiast kto zdradził współtowarzyszy, jeden z osądzonych wyraził chęć przyjęcia prawosławia.

Specjalny pociąg z liczną eskortą wyjechał z Grodna 4 grudnia. Przez Wilno (nocleg w więzieniu) głodnych i zmarzniętych *miateżników* dowieziono do Petersburga, gdzie czekała na nich z jedzeniem i prezentami księżna generałowa Etlingier (rozmawiała po polsku). Natomiast w Moskwie obiad pożegnalny wyprawili więźniom kupcy i obdarowali wszystkich datkiem po 10 lub 20 kopiejek. Autor wspomnień uznał, że „w żadnym kraju nie ma takiego miłosierdzia dla więźniów, jak w Rosji”.

W Niżnym Nowogrodzie Białokoz został poproszony do mieszkania przez majora policji, którego żona bardzo lubiła muzykę. Zagrał na fortepianie kilka utworów, a przy wyjeździe z miasta major wręczył białostoczaninowi paczkę z jedzeniem i nalewką, natomiast żona życzyła mu szybkiego powrotu. Osoby pochodzenia szlacheckiego jechały saniami, jednak Białokoz codziennie połowę trasy maszerował, zapraszając na ten czas na swoje miejsce niedołęznego nie-dworianina. W wigilię nowego 1865 r. konwój dotarł do Kazania i w tym momencie urywa się zachowany do dziś zapis wspomnień. Nie wiemy zatem, czy w dużym mieście Tobolsku Adolf Białokoz mógł odegrać wśród rodaków równie pozytywną rolę co w małym Wierchoturii i przyjaźnie ułożyć stosunki z ludnością miejscową.

Spis Literatury:

1. *Historia Białegostoku* / red. nauk. Adam Czesław Dobroński. Białystok : Fundacja Sąsiedzi, 2012. 672 s.

2. *Obok Orła znak Pogoni... : powstańcy styczniowi na Białostocczyźnie* : praca zbiorowa / pod red. Zygmunta Koszytyły ; Ośrodek Badań Historii Wojskowej Muzeum Wojska w Białymstoku. Białystok : Krajowa Agencja Wydawnicza, 1985. 101 s.

3. *Mironowicz, E. Historia Białorusi od połowy XVIII do końca XX wieku* / Eugeniusz Mironowicz, Oleg Łatyszonek. Białystok. 2002. 330 s.

4. *Mościcki, H. Białystok : zarys historyczny z 22 ilustracjami* / oprac. Henryk Mościcki. Białystok : Wydaw. Magistratu m. Białegostoku, 1933. 270 s.

5. *Aramowicz, I. Marzenia : pamiętnik o ruchu partyzanckim w województwie grodzieńskim, w 1863 i 1864 r.* / przez Ignacego Aramowicza.. Bendlikon. 1865. 84 s.

6. *Krupecki, L. Listy zesłańca : 1863-1865* / Leon Krupecki ; oprac. Elżbieta i Adam Jakaccy. Tarnów : Oficyna Wydawnicza "Witek - Druk", 1998. 70 s.

7. *Mazur, B. „Ogół”, organizacja samopomocy wśród Polaków Syberii Wschodniej w okresie międzypowstaniowym* / B. Mazur. Uniwersytet w Białymstoku. Instytut Historii. 2002. 119 s.

A. Dobronski

Polish – Siberian relations in the example of city Verkhoturye (1863 – 1864)

Summary: Reading the memoirs of Adolf Białokoz, considered until now as the head of the insurgent in the city of Białystok, tends to undertake a study on the above subject. Found and prepared for printing the diary provided valuable information about Białystok in the early 60s of the nineteenth century, as well as the tsarist repression that fell on the participants in the conspiracy, patriotic demonstrations and struggles in 1863. To be specific, I believe the original diary contained in the records of the stay of the Poles deported administratively to the city Verkhoturye. At the same time gave birth to new research questions and doubts, in this regard-

ing to the role played by the author. (It is a redrafted article, with a revised title, which the original version is on the website, URL: <http://zeslaniec.pl/59/Dobronski.pdf>)

Key words: Siberia, Polish exiles, the nineteenth century, the January Uprising, Białystok, Adolf Białokoz.

University of Białystok (Plac Uniwersytecki 1, 15 – 420 Białystok; tel: +48 85 745 74 43; e-mail: historia@uwb.edu.pl)

УДК 94:343.264(=162.1)(092)(571)

Z. Wójcik

ALEKSANDER DESPOTA-ZENOWICZ W OCZACH ZESŁAŃCÓW

Streszczenie: Artykuł dotyczy postaw Polaków urodzonych w Rosji, którzy zachowując swą tożsamość narodową i religijną, byli lojalni w stosunku do władzy. Uczciwą pracą oraz właściwym postępowaniem starali się utrzymać opinię o rodakach jako ludziach o wysokim poziomie moralnym. Przy tym wszystkim obcy im był wallenrodyzm, popularny wśród tych, którzy szli niekiedy na daleko idące kompromisy w środowisku o niezbyt jednoznacznych postawach.

Słowa kluczowe: Aleksander Despota-Zenowicz (1829 – 1897), Syberia, XIX wiek, polscy zesłańcy, Polacy urodzeni w Rosji.

W latach 1772–1815 znaczne obszary wschodniej części Rzeczypospolitej na ponad wiek zostały włączone w skład Imperium Rosyjskiego. Tamtejsza szlachta składała przysięgi na wierność carom, tym samym stając się szlachtą Rosji. Zwyczajem ziemiańskim chłopców najbardziej predysponowanych do prowadzenia ojcowizny, po odpowiednim obyciu z obowiązującym prawem (m.in. przez działalność samorządową), pozostawiano w gospodarstwie rodzinnym. Innych chłopców kształcono w szkołach ogólnych bądź uczelniach wojskowych, lekarskich, duchownych itp. Z tego względu zarówno w stolicach Rosji, jak i na prowincji stosunkowo najwięcej Polaków było oficerami w wojsku oraz lekarzami. Ich znaczna liczba, ze zrozumiałych względów, trafiła na Syberię. Byli tam ludźmi, którzy miejsce pracy wybrali dobrowolnie i w miarę możliwości starali się dotrwać na służbie państwowej do przejścia na emeryturę. Nie ukrywając ani swej polskości i religii rzymskokatolickiej, zwłaszcza w drugiej połowie XIX i na początku XX w. wielu z nich osiągnęło wyżyny w hierarchii wojskowej lub cywilnej, ale także w szkolnictwie wyższym. Interesujące, że w sprzyjających okolicznościach do administracji państwowej trafiali niekiedy także zesłańcy. Przykładem tego może być kariera Aleksandra Despoty-Bartoszyńskiego-Zenowicza (1828–1895), w latach 1862–1865 gubernatora tobolskiego.

Wręcz nieprawdopodobnie popularny wśród zesłanych na Syberię, którzy przechodzili przez Tobolsk, nie doczekał się stosownej monografii. W tym co w Polsce na jego temat napisano są błędy nawet w nazwisku, nie mówiąc już o najważniejszych datach życiorysu. Jest tylko zgodność danych z ogłoszonymi przez petersburski „Kraj” w 1895 r. oraz treścią hasła historycznej encyklopedii Syberii z 2009 r. [1, s. 2; 2, s. 17 – 18; 3, s. 486].

Odnotujemy, że w końcu XIX i na początku XX w. we Lwowie ukazały się trzy broszury poświęcone bohaterowi tego szkicu. Jego życiorys zamieściła także w 1895 r. Wielka Encyklopedia Powszechna Ilustrowana. Pierwsza chronologicznie broszura S.A z 1893 r. (za

życia eks gubernatora) oraz kolejna o dwa lata młodsza, pisarza Edwarda Pawłowicza są bliźniaczo podobne (raczej ten sam autor) tytułem (Aleksander Despot Zenowicz b. gubernator tobolski) i treścią (eksponując głosy prasy rosyjskiej o okresie działalności w Kiachcie). Druga ma uzupełnienie tytułu zdaniem: „Współwygnańcom 1863 roku ofiaruje autor”. Odnotowano — niewątpliwie za „Krajem” — prawidłową datę śmierci w starym stylu: 24 kwietnia 1895 r. Taką też datę podała wspomniana encyklopedia.

Najobszerniejszym polskim opracowaniem jest szkic Juliana Talki-Hryncewicza z 1913 r. (50. rocznica powstania styczniowego) pt. Aleksander Despota Zenowicz (ur. 1829, zm. 1897 r.) z błędami w dacie urodzenia i zgonu. Błąd ten został powtórzony w najobszerniejszym, nam współczesnym, słowniku biograficznymi zesłańców polskich z okresu międzypowstaniowego i powtórzony w tomie z 2005 r. Wielkiej Encyklopedii PWN.

Informacje powyższe uzupełnić należy o dane odnośnie zapisu imienia i nazwiska. Imię: Aleksander (syn Jana) lub Aleksander Iwanowicz, nazwisko: według artykułu Włodzimierza Spasowicza z „Kraju” oraz wspomnianej encyklopedii historii Syberii — jak w wyżej podanym zapisie. Sam się podpisywał: Despota (lub z rosyjska Despot)-Zenowicz. W literaturze przedmiotu skrót często: Zenowicz.

Tym samym autor biografii z 1913 r., skądinąd zaprzyjaźniony z eks gubernatorem, podał nie tylko błędne daty krańcowe jego życia, ale także niewłaściwy zapis nazwiska. Błędy te są powtarzane w polskiej literaturze historycznej.

Dokumenty dotyczące Despoty-Zenowicza zachowały się w archiwach rosyjskich — dotychczas prawie nie badanych. Przywołały niektóre dane na podstawie treści ze wspomnianych artykułów z „Kraju”, zwłaszcza iż Spasowicz, wówczas profesor Uniwersytetu w Petersburgu, należał do najbliższych jego przyjaciół. Urodził się w 1828 r. w Kietowiskach w Trockiem w rodzinie pamiętającej o mitrze w pieczęci (tzn. pradawna szlachta). Gimnazjum ukończył w Wilnie w gmachu pouniwersyteckim. Przez matkę spowinowacony z moskiewskim generał-gubernatorem I. Tuczokowem, podjął w tamtejszym uniwersytecie studia prawnicze, uzyskując w 1848 r. kandydaturę. Przygotowywał się do magisterium. Wskutek napięć między Tuczokowem a szefem żandarmów hr. Orłowem w 1849 r. został w Wilnie aresztowany i administracyjnie zesłany do Permu. W roku następnym, mimo pozostawania pod nadzorem policji (do 1855 r.), na życzenie N.N. Murawiewa-Amurskiego — wielkorządcy Syberii Wschodniej, przeniósł się do Irkucka, gdzie był urzędnikiem do specjalnych poruczeń. Zamierzenie reformatorskie generał-gubernatora realizował od 1851 r. jako urzędnik kancelarii gubernatora pogranicznego w Kiachcie (Troickosawsku). W porozumieniu ze zwierzchnikiem z Irkucka uczestniczył w kontrolach komory celnej, wykrywając wielomilionowe nadużycia. Zorganizował wymianę towarów z Chinami (bywał w Urdze i Pekinie). Przede wszystkim, opierając się na miejscowej młodzieży, stopniowo doprowadził do uporządkowania wielu spraw tamtejszej społeczności. Uruchoił m.in. gimnazjum żeńskie, zorganizował bibliotekę publiczną, klub kupiecki i drukarnię wydającą miejscową gazetę. Goszczący przez jakiś czas w Kiachcie Agaton Giller w swoich relacjach z Zabajkała odnotował:

„Zenowicz, człowiek wysokiego wykształcenia i prawości, powznosił szkoły, zaprowadził nieznaną tu sprawiedliwość, i można powiedzieć, ucywilizował ten kąć Syberii, w którym zrobiono go pierwszym urzędnikiem” [4, s. 193].

Sukcesom towarzyszyły awanse, a w tym w latach 1859–1862 stanowisko naczelnika miasta. To zapewne wtedy, mając na uwadze obecność w tej części Syberii zesłańców polskich, prenumerował do miejscowej księżnicy czasopismo „Biblioteka Warszawska”. Jednakowo serdecznie odnosił się do rodaków (m.in. Henryka Krajewskiego), jak i Rosjan (np. Michaiła Bakunina), którym zapewnił możliwość egzystencji [5, s. 250]. Gdy więc po likwidacji stanowiska naczelnika miasta (gradonaczelnika) został wezwany do Petersburga, żegnała go miejscowa społeczność z wielkim żalem.

Opinia Murawiewa-Amurskiego zdecydowała, że Aleksander II postanowił powierzyć Despicie-Zenowiczowi stanowisko gubernatora Tobolska. Według jego relacji, zapisanej przez Pawłowicza, po propozycji cara objęcia tego stanowiska padły zdania: Despota-Zenowicz: „Polakiem jestem, Najjaśniejszy Panie” – car: „Jedź! Ja tobie ufam i zaprowadź tam porządek” ([6], motto (rozwinęty skrót)).

Rozmówcy z pewnością wiedzieli, że wrzeniu w Królestwie Polskim towarzyszą aresztowania i już w 1862 r. przez Tobolsk przechodziły grupy zesłańców Polaków. Władze w Petersburgu uważały, że nowy gubernator uporządkuje stosunki w skorumpowanym mieście, a były naczelnik Kiachty, że pomoże rodakom. Nie spodziewał się, że będzie to w jego życiu najtrudniejszy okres, bo za Ural wysłano tysiące uwikłanych w działania powstańcze lat 1863–1864.

Oficjalną nominację na gubernatora tobolskiego otrzymał w 1863 r. Natychmiast usunął ze stanowisk skorumpowanych urzędników, powołując na ich miejsce ludzi cieszących się szacunkiem miejscowej społeczności (w tym także ludności nierosyjskiej, zwłaszcza Ostiaków i Woguzów). Doprowadził do porządku więzienie i szpital. Uczynił ze stolicy guberni miejsce, gdzie zesłańcy mogli odpocząć po koszmarze stacji etapowych.

Gubernatorem tobolskim był niespełna trzy lata, w których jego poczynaniom towarzyszył potok donosów do Petersburga, pisanych przez usuniętych ze stanowisk urzędników, głównie za szczególne zainteresowanie losem Polaków (zesłańców i urzędników gubernialnych). N.P. Matchnowa w przywołanym już haśle encyklopedycznym odnotowuje jednak, że wiele wysiłku włożył w sprawy opieki nad dziećmi, rozbudował sieć szkół oraz utworzył stowarzyszenie pomocy biednym studentom, a także uruchomił kształcenie zawodowe urzędników. Zarówno w relacjach Rosjan, jak i Polaków z tego czasu podkreśla się, że wręcz pedantycznie trzymał się przepisów prawa i był stanowczy w egzekwowaniu tego od miejscowej ludności. Urzędnicy mieli tego świadomość i – w przeciwieństwie np. do tego, co się działo w Irkucku – dla zesłańców byli uprzejmi.

Podobnie jak w czasie pobytu w Kiachcie, tak i zarządzając gubernią tobolską, cieszył się zaufaniem zwierzchnika Syberii Zachodniej, rezydującego w Omsku generał-gubernatora Du-Hamela, którego w czasie wyjazdów zastępował. Na miejscu miał niewątpliwie niekiedy kłopoty z zesłańcami rodakami, zwłaszcza tymi, którzy udawali się na wschód własnym transportem, przez co byli względnie niezależni od konwojujących żandarmerii. Z rodakami zawsze rozmawiał po polsku, choć zdarzało się, że w czasie konfliktów złośliwi zwracali się do niego po rosyjsku.

Kilka przykładów oceny dokonań gubernatora tobolskiego przez pamiętnikarzy polskich. W partii, która latem 1864 r. wędrowała na wschód znajdował się Benedykt Dybowski. Na jednej ze stacji etapowej zesłańcy zostali okradzeni z pieniędzy przez urzędnika. Składane po drodze skargi naczelnikom żandarmerii pozostały bez odpowiedzi. Dopiero z Irkucka zesłańcowi udało się przekazać list Despicie-Zenowiczowi, który ukarał złodzieja i skradzioną sumę przesłał mu, gdy był w Zabajkalu [7, s. 36].

Inny obrazek w zapisie Włodzimierza Czetwertyńskiego. Przed Tobolskiem konwojujący okradli grupę prowadzoną na wschód z chleba, co spowodowało wrzenie. Oficer powiadomił gubernatora o buncie. Ten, dowiedziawszy się o przyczynach zajścia, przywitał przybyłą grupę pieczywem, co zresztą skończyło się owacją dla wielkorządcy.

Czetwertyński odnotował także tragedię, przynajmniej pośrednio spowodowaną decyzją gubernatora. W jednej z grup zesłańczych do Tobolska dotarł muzyk. Despota-Zenowicz postanowił zostawić go w mieście i sam zorganizował mu występ. Stremowany muzyk – za radą innych – pokrzepił się wódką, wskutek tego koncert nie odbył się. Gubernator nie znosił pijaków, zwłaszcza pijaństwa wśród Polaków. Zdecydował zatem wysłać muzyka na północ guberni do Berezowa. Tego już psychicznie nie wytrzymał zesłańiec [8, s. 172–175].

Z innej relacji. Edward Czapski dotarł do Tobolska pod nieobecność gubernatora w mieście. Przywołał jednak zdarzenie z jednej ze stacji etapowej. Przypadkowo spotkał

urzędnika, który mówiąc po francusku – nie przedstawiając się – polecił skazanemu czekać na swój powrót. Zaznaczył, że wszystko dla niego przygotował i polecił urzędnikom zaopiekowanie się nim. Czapski dopiero od urzędników usłyszał jego nazwisko. Nb. nie doczekał się na powrót gubernatora, zmuszony wskutek nakazu z Petersburga wcześniej wyjechać na wschód.

I jeszcze jeden obrazek. Autorem zapisu jest Jakub Gieysztor, wywodzący się z powszechnie znanego na Litwie rodu. Miał on poważne spięcie z Despotą–Zenowiczem i swoją o nim opinię zakończył słowami: „[...] mimo zacności brakowało mu taktu i jakby trochę było przesady, bo co to za słowa, które nieraz mówił, że zazdrości jadącym na Sybir!” [9, s.232].

Nie ma powodu, by podawać w wątpliwość prawdziwość relacji Gieysztor. Chciał on zostać w Tobolsku, bo tam mógłby sprowadzić rodzinę. Gubernator zaproponował badania stanu serca i jego wynik wskazywały, że dalsza droga na wschód dla zesłańca może być niebezpieczna. Wtedy właśnie Despota-Zenowicz okazał się służbistą i nakazał opuszczenie miasta. Na odjazdne powiedział krajanowi, że ma takie polecenie władz. Z pewnością żał Gieysztor ma w podłożu zawiedzioną nadzieję.

Dla kontrastu inne zdarzenie zanotowane przez Spasowicza, Edwarda Pawłowicza i Talkę-Hryncewicza w niewiele różniących się wersjach. W przybyłej do Tobolska grupie zesłańców znajdował się 14-latek Włodzimierz Doboszyński, sierota, w jakiś sposób zamieszany w wydarzenia z czasów powstania na Litwie. Gubernator wszczął starania o pozostawienie chłopca w mieście i przeprowadził postępowania adopcyjne. Opuszczając Syberię zabrał go ze sobą do Petersburga, gdzie ulokował młodzieńca w szkole oficerskiej. Tak się zdarzyło, że uczestnicząc w wojnie rosyjsko-tureckiej na terenie Bułgarii, został on ranny i zmarł. Samotny Despota-Zenowicz miał tym samym przeżyć, po rezygnacji z funkcji gubernatora, kolejny cios.

Zarówno Spasowicz, jak i Talko-Hryncewicz odnotowali także bezpośrednie zajście, które stało się powodem dymisji gubernatora. Na Wielkanoc 1865 r., będący na zesłaniu w Tobolsku hr. Marian Czapski zorganizował u siebie stosowne przyjęcie z udziałem miejscowego popa. Gdy dostrzegł, że duchowny skradł złoty zegarek, natychmiast powiadomił gubernatora, a ten policję; zegarek odzyskano. Oburzenie archiereja było jednak tak duże, że Despota-Zenowicz, posądzony o prześladowanie prawosławnych, udał się do Petersburga, gdzie złożył dymisję. Aleksander II ją przyjął, tym bardziej, iż posądzony o nietolerancję, doznał wylewu i część ciała miał sparaliżowaną.

Zwłaszcza dwa ostatnie z wydarzeń przywołanych wyżej stały się trwałymi elementami stale rosnącej legendy Despoty-Zenowicza, zarówno w społeczności Syberii, jak i wśród tych, którzy wrócili z zesłania do kraju. Tej legendzie towarzyszył m.in. artykuł z „Kraju” z 1897 r. [10, s. 133 – 134], ale także wspomniane broszury Edwarda Pawłowicza oraz Juliana Talki-Hryncewicza. Ostatnią z nich poprzedziło wprowadzenie Benedykta Dybowskiego, którego fragment przytoczymy:

„Wszyscy zesłańcy, po przybyciu do tego miasta [Tobolska], odczuwali opiekuńcze, jak gdyby anielskie starania, usiłujące ulżyć ich cierpieniom, złagodzić ciężką ich dolę.

Dobrotliwa działalność byłego gubernatora tobolskiego urosła w opowiadaniach tysięcy zesłańców do legendarnych rozmiarów, a postać Zenowicza opromieniona ich wdzięcznością serdeczną stanąć powinna przed oczami przyszłych pokoleń na piedestale chwały godnie zasłużonej. W dobie poświęconej 50-tej rocznicy powstania, gdy przywoływać będziemy przed naszą pamięć dzieje przeszłości bolesnej, poświęcić winniśmy wspomnienie najserdeczniejsze człowiekowi tej niezwyklej miary umysłu i serca, jakim był Aleksander Despota-Zenowicz” [11, s. 3].

W 1865 r. po dymisji ze stanowiska gubernatora, mieszkając w Petersburgu u Alfonsa Koziełła-Poklewskiego, z pewnością zdawał sobie sprawę, że szczęśliwy okres aktywności zawodowej na Syberii miał już za sobą. W latach 1867–1894 był członkiem rady przy ministrze spraw wewnętrznych, zajmując się głównie sprawami azjatyckiej części Rosji. Razem z

Koziółem-Poklewskim i innymi Polakami z wyboru pozostającymi za Uralem dbał o rozwój oświaty, szkolnictwa wyższego (m.in. uniwersytet w Tomsku) i zawodowego (zwłaszcza wojskowego i rzemieślniczego), ale także sprawniej realizacji kolei transsyberyjskiej. Przed wszystkim jednak pomagał rodakom zwracającym się do niego o pomoc materialną lub o listy polecające. W tym ostatnim przypadku z jego serdecznej troski korzystali m.in. Benedykt Dybowski i Julian Talko-Hryniewicz.

Dybowski wrócił z zesłania w 1877 r. opromieniony sławą wybitnego badacza fauny Syberii. Próby znalezienia pracy w Europie nie powiodły się. Dzięki zabiegom Despoty-Zenowicza w 1879 r. otrzymał kontrakt trzyletni lekarza powiatowego na Kamczatce. Nie mógł, jak kiedyś w Irkucku, zorganizować przyrodniczego zespołu badawczego. Zajął się zatem – poza swoją profesją – działalnością charytatywną oraz studiami etnograficznymi. Do kraju wrócił w 1883 r. zaproszony na katedrę na uniwersytecie we Lwowie.

Talko-Hryniewicz jako lekarz w Zwinogródcie na Zadnieprzu zajmował się badaniami archeologicznymi i antropologicznymi. Prowadząc z Godfrydem Ossowskim rozpoznanie kurhanu scytyjskiego, odkryli złote naczynie, które przekazali do Akademii Umiejętności w Krakowie, co wywołało oburzenie specjalistycznych gremiów rosyjskich, a w konsekwencji rozprawę sądową i wysoką karę pieniężną dla lekarza. Sumy tej nie był w stanie pozyskać w normalnych warunkach. Zdecydował się wszcząć starania o posadę lekarza powiatowego na Syberii, ale w takim miejscu, gdzie mógłby prowadzić terenowe badania paleoantropologiczne. W tych staraniach wiele serca okazał mu Despota-Zenowicz. W 1892 r., przed wyjazdem z Petersburga, poznał Georgija Potanina, Sybiraka, prosząc go o wskazówki odnośnie miejsca przyszłej pracy, powołując się przy tym na Despotę-Zenowicza. Zdanie z zapamiętanej rozmowy: „Potanin mi powiedział, że nazwisko Zenowicza wywiera magiczny wpływ na Syberyjczyków, czczą w nim najlepszego administratora, jakiego posiadała Syberia, i człowieka wielkiego rozumu i serca” [5, s. 217]. Na miejscu miał się przekonać, że są to słowa prawdziwe, czego dokumentację znalazł w licznych artykułach prasowych w związku z 30-leciem jego odjazdu. Wszystko zrobił, by podtrzymać tradycję dokonań rodaka. W krótkim czasie Troickosawsk (z Kiachtą) stał się jednym z ważniejszych ognisk nauki na Syberii, z własną filią Cesarskiego Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego, periodykiem naukowym, muzeum itp.

Gdy Talko-Hryniewicz w 1908 r. opuszczał Syberię, był nie mniej serdecznie żegnany, jak w 1862 r. Despota-Zenowicz.

Aleksander Despota-Zenowicz zmarł, mając 67 lat, 24 kwietnia 1895 r. w Korezie koło Jałty na Krymie i tam pogrzebany. Po pewnym czasie kupiectwo Kiachty na jego mogile ustawiło okazały pomnik nagrobny. To jeszcze jeden dowód nie tylko jego szczęśliwych lat działalności na Syberii, ale także pamięci tych, którzy mieli sposobność poznać go w działaniu. Talko-Hryniewicz odnotował, że śmierć ta odbiła się echem także w prasie krajowej, a stosowne wspomnienia zamieściły m.in. „Prawda”, „Gazeta Warszawska” i „Gazeta Lwowska”. Relacji pamiętnikarskich jest o wiele więcej.

Zapewne niewielu Polaków w rozmowie z carem odważyło się powiedzieć: „Polakiem jestem, Najjaśniejszy Panie”, choć i samowładcy, a także ich najbliżsi współpracownicy doskonale o tym wiedzieli. Były okresy, zwłaszcza w prasie moskiewskiej, nagonki na Polaków, motywowanej różnie, w wielu przypadkach z chęci pozbycia się konkurencji w różnych zawodach. Aleksander Despota-Zenowicz, Władysław Spasowicz czy Erazm Pilitz (wydawca „Kraju”), że ograniczymy się tylko do tej grupy Polaków działających w Petersburgu, należeli do tzw. lojalistów. Podobnych było setki na różnych stanowiskach, zarówno w stolicach, jak i na prowincji, także syberyjskiej. Wszyscy zrobili wiele dla zachowania patriotyzmu rodaków, którzy w następstwie wydarzeń dziejowych, przy braku własnej państwowości, utrwalali polskość w Rosji. Szczególną zasługą Despoty-Zenowicza było to, że wprowadzając sprawiedliwość tam gdzie jej nie znano – jak to ujął Giller – a przede wszystkim troszcząc się o los skazanych, uratował wiele istnień. W pełni uzasadnione są więc

słowa Dybrowskiego, że „Historia ostatniego powstania z roku 1863 [...], a szczególnie historia deportacji tysięcy wygnańców na Syberię, byłaby niepełną, gdyby uwydatnioną nie została wspaniała postać Aleksandra Despota-Zenowicza, jakby opatrnościowo wyrokiem niebios zesłanego na jeden z głównych punktów etapowych w Tobolsku, kędy pędzono na Syberię ofiary sądzone na zagładę” [11, s. 3].

Jest nadzieja, że w niedalekiej przyszłości we współpracy historyków polskich i rosyjskich powstanie monografia dokumentująca dokonania byłego naczelnika Kiachty i gubernatora tobolskiego dla kraju, w którym pracował, oraz dla rodaków. Może to być studium dokumentujące także późniejsze zainteresowania eks gubernatora rosyjskim Zauralem. Musiało one być znaczące, skoro jedna ze wsi polskich w zachodniej Syberii otrzymała nazwę: Despotzinowka (Informacja od Anny A. Krich).

Spis Literatury:

1. *Kraj*. 1895. № 17.
2. *Spasowicz, W.* Despota Zenowicz / W. Spasowicz // *Kraj*. 1895. № 18. S. 17–18.
3. *Матханова, Н. П.* Деспот-Зенович (Деспот-Братошинский-Зенович) Александр Иванович / Н. П. Матханова // *Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Гл. ред. В.А. Ламин.* Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. В 3-х т. Т. 1. 716 с.
4. *Giller, A.* Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberyi. T. 3 / przez Agatona Gillera. Lipsk : F. A. Brockhaus, 1867. 339 s.
5. *Talko-Hryncewicz, J.* Z przeżytych dni : (1850–1908) / Juljan Talko – Hryncewicz. Warszawa : Dom Książki Polskiej, 1930. 330 s.
6. *Pawłowicz, E.* Aleksander Despot Zenowicz / E. Pawłowicz. Lwów, 1893.
7. *Dybowski, B.* Pamiętnik dra Benedykta Dybrowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów : Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. 623 s.
8. *Czetwertyński, W.* Na wozie i pod wozem (1837–1917) / W. Czetwertyński. Poznań, 1939. 304 s.
9. *Gieysztor, J.* Pamiętniki z lat 1857–1865. T. 2 / poprzedzone wspomnieniami osobistymi Tadeusza Korzona oraz opatrzone przedm. i przypisami. Wilno : nakł. Tow. Ud. "Kurjer Litewski", 1913. 382 s.
10. *S. P.* Aleksander Despota-Zenowicz. (Z portretem) // *Dział Literacko-Artystyczny «Kraju»*. R. 2. 1897. S. 133–134.
11. *Dybowski, B.* [Wprowadzenie] // *Talko-Hryncewicz J.* Aleksander Despota-Zenowicz. Lwów, 1913.

Z. Wojcik

Despota-Zenowicz Alexander in the eyes of Polish exiles

Summary: The article concerns the attitudes of Poles born in Russia who are preserving their national and religious identity, they were loyal to the government. Honest work, and due process of trying to keep the opinion of compatriots as people of high moral character. With all that wallenrodism was strange to them, popular with those who followed sometimes far-reaching compromises in an environment with very explicit attitudes.

Key words: Despota-Zenowicz Alexander (1829 – 1897), Siberia, XIX century, the Polish exiles, Poles which were born in Russia.

Polska Akademia Nauk, Muzeum Ziemi w Warszawie (00-488 Warszawa, Aleja Na Skarpie 20/26, 27, tel: (22) 621 76 24, e-mail: sekretariat@mz.pan.pl)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЕВЕРА А. А. ДУНИН-ГОРКАВИЧ: НОВЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Аннотация: На основе широкого круга источников рассматриваются малоизвестные страницы биографии исследователя сибирского Севера А. А. Дунина-Горкавича. Впервые вводятся в научный оборот документы личного дела, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Раскрывается история происхождения дворянского рода Дуниных-Горкавичей, приводятся сведения о семье будущего ученого, обучении в гимназии и Лисинском лесном училище.

Ключевые слова: А. А. Дунин-Горкавич, дворянский род, Гродненская губерния, Гродненская гимназия, Лисинское лесное училище

В апреле 2014 г. исполнилось 160 лет со дня рождения сибирского исследователя-энциклопедиста Александра Александровича Дунина-Горкавича. Его имя долгое время было в забвении, и только в последней трети XX в. исследователи Северо-Западной Сибири проявили пристальный интерес к научному наследию самаровского лесничего, чиновника особых поручений при Министерстве земледелия и государственных имуществ.

Его имя вошло в Сибирскую советскую энциклопедию [1, с. 864]. О его научном подвиге описано в энциклопедии «Югория»: «Принимал активное участие в деятельности Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, российских обществ рыболовства и судоходства, Тобольского губернского музея, губернского статистического комитета. Научные достижения краеведа отмечены малой золотой и большой серебряной медалями им. Н. М. Пржевальского, дипломами и почётными грамотами региональных и всероссийских сельскохозяйственных, торгово-промышленных и кустарно-промысловых выставок... Научное наследие Дунина-Горкавича включает 69 печатных и рукописных трудов по истории, географии, экономике, этнографии Северо-Западной Сибири, картографические материалы, комплекты фотографий, рисунков и чертежей, находящихся в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике...» [2].

Он прожил 72 года, из них 36 лет, ровно половину, – в Европейской России, и столько же – в Сибири, в Тобольской губернии. В многочисленных публикациях биографического характера скупо освещен его досибирский период жизни. Здесь сведения сводятся к информации, почерпнутой из формулярного списка чиновника. Цель данной работы – на основе вновь выявленных источников раскрыть малоизвестные страницы биографии ученого. Если говорить о «географии» биографии, то это гродненский (1854–1870) и лисинский (1870–1873) периоды жизни. Для личности это время формирования семейных ценностей, получения образования, выбора жизненного пути, что, несомненно, делает данное исследование актуальным.

Основу работы составляют документы личного фонда А. А. Дунина-Горкавича, из отдела рукописей Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Собрание включает более 2 тыс. единиц хранения [ТИАМЗ. Ф. 1]. Интерес представляют личные дела братьев А. А. и В. А. Дуниных-Горкавичей из фонда Лесного департамента МВД Российского государственного исторического архива [РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 2400; Оп. 3. Д. 27297].

В обширной историографии об исследователе Севера – лесоводе, этнографе, географе, картографе Александре Александровиче Дунине-Горкавиче – вопросы его дворянского происхождения не стали предметом отдельного рассмотрения, тем не менее, суще-

ствует ряд версий, которые вступают в противоречия, как только авторы начинают рассуждать о происхождении двойной фамилии нашего земляка. Так, Ю. П. Прибыльский, благодаря которому доброе имя ученого было поднято из пучин забвения, во вступительной статье к сборнику документов «Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич» писал: «Александр-младший получил двойную фамилию Дунин-Горкавич – в нее добавили прежнее семейное прозвище, произошедшее от глагола „дунь”» [3, с. 6]. В статье Я. Яковлева «Кто такой Александр Дунин-Горкавич?» мы читаем: «Первую часть фамилии Александр Александрович припишет себе позже: Дунин – его детское семейное прозвище. История умалчивает, откуда оно взялось, но сдаётся, что от имени Дуня» [4]. Этот вариант прочтения фамилии был почерпнут из современных словарей. Так, «Словарь русских фамилий» утверждает, что фамилия произошла «от производной формы крестильного имени Евдокия – Дуня». Между тем, замечено: «Однако фамилия могла образоваться и от древнерусского слова дуня – дыня» [5].

В словаре Брокгауза и Эфрона помещена старая по времени публикации, но новая в историографии вопроса версия, на которой и остановимся: «Дунины – польский дворянский род герба Лебедь...» [6, с. 239].

В документах Гродненского дворянского собрания речь идет о дворянском «роде Горкавичей, прозвание Дунин», основанием для этого стало владение в Пружанском уезде Гродненской губернии именем Радчицы [ТИАМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Роду Дуниных посвящена монография современного автора В. А. Дунина [7], который, опираясь на средневековые источники – немецкие и польские хроники, Ипатьевскую и Лаврентьевскую летописи, а также работы В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Б. Л. Модзалевского, М. С. Грушевского, польских и немецких исследователей, раскрывает тайны происхождения фамилии.

Фамилия Дунин берет начало в XII в. и связана с именем Петра Дунина. В указанных источниках оно звучит по-разному: Петр Власт, Властович, Влостович, Швено и др. Считают, что он был сыном Вильгельма Швено, датского дворянина при дворе Эрика Темного, объясняя тем самым скандинавские корни этого рода (с датского «швено» – «лебедь», «датский» по-польски – «дунский»). На сайте Ассоциации членов рода Дуниных размещена краткая история рода, где находим следующее замечание: родоначальник Петр Властович в XII в. не был Дуниным и не имел родового герба. Только в XIV в. его потомки получили прозвище от, «вероятно, латинского варианта имени Доминик: Domin – Donin – Dupin». Эта игра слов попала на благодатную почву, потому что «в роду в то же время ходили легенды о датском происхождении» [8].

В биографии Петра Властовича имеют место и факты, и вымысел, но это не мешает нам разобраться в проблеме происхождения рода. Основатель рода Дунин был женат на русской княжне Марии, правнучке Ярослава Мудрого, дочери черниговского князя Олега Святославовича. Мария Олеговна была из рода Рюриковичей, а ее супруг, по версии польского исследователя Я. Андакревского, «Петр Власт Дунин рода Лебендзов, происходит из селезского города Собутко, сказочно богат, отважен – паладин (граф-палатин (лат.) или пфальцграф (нем.) – управляющий дворцом в период отсутствия монарха – прим. авт.)... Прозвище получил Дунин ... за участие против датчан» [цит. по: 7, с. 10]. Опять же по одной из версий, Пётр Дунин приехал в Галицко-Волынское княжество служить перемышльскому князю Володарю в 1124 г. Считают, что позднее он служил польскому князю Болеславу Кривоустому пфальцграфом Польши и кастеляном (комендантом?) города Вроцлава в Силезии. Одна ветвь Дуниных поступила в русское подданство в середине XVII в., после присоединения Смоленска, другая переселилась в Россию в 1702 г. [6, с. 239].

Герб рода Дуниных, как и другие гербы польской шляхты, имеет название Лебедь, внесён в Общий гербовник дворянских родов Российской империи: «В щите, имеющем

пурпуровое поле, изображен лебедь в золотой короне, плавающий на воде. Щит увенчан дворянским шлемом и короной, на поверхности которой виден лебедь в короне. Намет на щите пурпуровый, подложенный серебром». Его описание дополнено следующей информацией: «Фамилия Дуниных происходит из Польского шляхетства. Потомки сего рода служили Российскому Престолу дворянские службы в разных чинах. Все сие доказывается выписью из Польского гербовника, родословною Дуниных и свидетельством Слободо-Украинского Депутатского Дворянского Собрания, что оный род внесен в дворянскую родословную книгу, 6-ю часть, в число древнего дворянства» [9, с. 168].

Следует учитывать, что польская шляхта имела свои специфические черты, отличные и от российского, и европейского дворянства. В польских землях имело место гербовое родство, не имевшее никакого отношения к родовому. Переход поместья из рук в руки приводил к тому, что каждый новый владелец имения, не состоявший в кровном родстве, приобретал и право ношения фамилии, и новый герб. Кроме того, имелись случаи, когда герб крупного феодала закреплялся за шляхтой, находящейся у него в услужении. При захвате новых территорий феодал мог передавать свой герб новым подданным.

В нашем случае вхождение под знамена шляхты Дуниных произошло в результате приобретения семейством «Реймсрздорвских Горкавичев» имения. Из купчей крепости, заключенной 11 декабря 1716 г., следует, что «Доминик Шемета продал Иосифу и Венедикту Степановым Горкавичам имение Мизгеры с крестьянами, в Слонимском уезде состоящее». После их смерти имение унаследовали их сыновья, «Фома Иосифов, Михаил и Антон Венедиктовы Горкавичи». В 1782 г. некий Юрий Мизгирь приобрел имение у наследников, которые, «ручаясь за спокойное и бесспорное владение тем имением, как за себя, так и за детей своих: Мартына, Матвея и Игнатия Михайловых и Адама Антонова», продали его, а на вырученные деньги были приобретены другие имения [ТИАМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

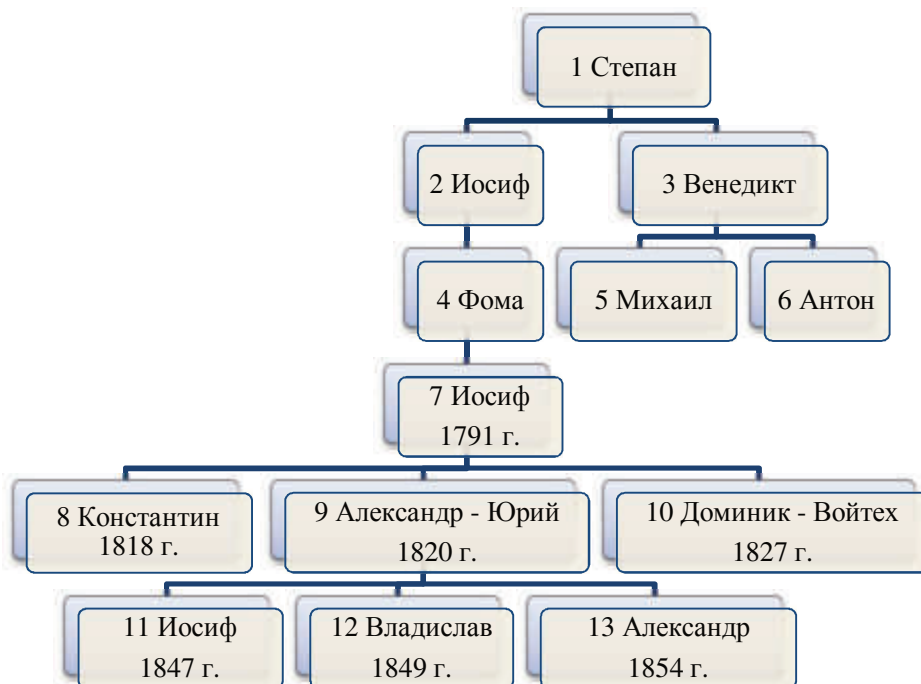
Прадед А. А. Дунина-Горкавича, Фома Иосифов, в 1800 г. завещал свое «имение в околице Радчицах в Селецком тракте в пожизненное владение жены Елены, урожденной Комовской, с передачею, по смерти ее, в собственность сыну его Иосифу Горкавичу» [ТИАМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

Вопрос о внесении рода Горкавичей в дворянскую родовую книгу Гродненским дворянским депутатским собранием рассматривался на протяжении почти 40 лет: в 1819, 1833 и 1857 гг. Это было связано с рядом причин. Так случилось, что родные братья Горкавичи после вхождения территории Гродненщины в состав Российской империи были зачислены в разные сословия: Фома и Александр, дядя и отец А. А. Дунина-Горкавича, были зачислены в дворянское сословие, а Иосиф – в мещанское. Возможно, следующий факт стал причиной этой ситуации. На основании документов дворянского собрания 1844 г. известно, что наследники Венедикта Степановича (вторая ветвь Горкавичей), проживавшие в Пружанском уезде, были записаны в однодворцы по их согласию. Только в 1850 г. консисторией была исправлена ошибка в метрических книгах в отношении наследников Иосифа Степановича, «заменив происхождение от мещан рождением от дворян» [ТИАМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3].

5 июня 1857 г. в Правительствующем Сенате, по рапорту Гродненского дворянского депутатского собрания от 8 марта 1857 г., было заслушано дело о дворянстве рода Дунина-Горкавичей и завершена многолетняя тяжба. На основании предъявленных документов и свидетельств Правительствующий Сенат определил: признать «ныне в потомственном дворянстве, со внесением в первую часть родословной книги: Константина, Александра с сыновьями: Иосифом, Владиславом, Александром и Доминика-Войтеха Иосифовых Горкавичей» (род Горкавичей был внесен в первую часть родословной книги, так как истцы не смогли доказать «владение населенными имениями за сто лет до издания в 1785 г. дворянской грамоты») [ТИАМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1].

В «Алфавитном списке дворянских родов Гродненской губернии» род Горкавичей вписан в первую часть под номером 81 [10, с. 4]. Его родовым гербом стал Лебедь.

Родословная ростись рода Горкавичей [ТИАМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 9]

Закрепление в дворянском сословии позволило членам семейства Горкавичей не только повысить свой социальный статус, но и решить ряд проблем, с которыми раньше или позже сталкивались их современники: устройство на государственную службу, возможность дать наследникам классическое образование и проч. Известно, что Константин Иосифович, старший брат отца ученого, в 1850-е гг. «исправлял должность Слонимского уездного предводителя дворянства», в 1860–1861 гг. в чине коллежского асессора служил в казенной палате акцизным надзирателем 2-го участка, вышел в отставку в чине статского советника [11, с. 33; 12, с. 29; ТИАМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 8]. После смерти брата Александра Иосифовича он взял на себя опеку над племянником Александром.

Отрывочные сведения имеются о других братьях. Отец ученого, Александр Иосифович, в 1860 г. в чине коллежского секретаря работал становым приставом в земском суде г. Волковыска Гродненской губернии [11, с. 65]. Третий брат, Доминик Иосифович, в 1873 г. числился старшим помощником надзирателя в акцизном управлении Рязанской губернии и проживал в г. Сапожке [13, с. 104].

10 апреля 1854 г. в селе М. Рожаны в семье губернского секретаря Александра Иосифовича Горкавича и его супруги Елизаветы Ивановны родился третий сын, Александр. Спустя месяц, 5 мая, младенец был окрещен викарием Рожанского костела ксендзом Сервандом Болтуцем [ТИАМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2].

В их семье было три сына и дочь. Судьба старшего сына Иосифа (1847 г. р.) неизвестна. Средний, Владислав (1849 г.р.) и его младший брат Александр (1854 г.р.), несмотря на пятилетнюю разницу в возрасте, получили одинаковое образование, оба впоследствии работали лесничими. О дочери известно немного: она какое-то время, после продажи имения в 1875 г., проживала с матерью на иждивении среднего сына Владислава [РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27297. Л. 48–49].

Это была типичная семья мелкопоместных дворян, «имеющих или малые имения, или же землю без крестьян». О таких семьях писали: «...живут тихо и умеренно, даже о некоторых можно сказать – слишком уединенно в своих имениях, занимаясь улучшением своего хозяйства... Отличительная черта этих дворян состоит в том, что они почти никогда не живут в губернском городе, но живут по деревням и проводят время между собою без больших издержек» [14, с. 65].

Родители изыскали возможность дать сыновьям гимназическое образование. Азы грамоты постигали в семье. Получив достаточный багаж знаний, дети были определены в Гродненскую гимназию. Не имея возможности дать полный курс наук и не видя, наверное, смысла в этом, учили детей по очереди: с 1862 по 1864 гг. учился Владислав Горкавич, три класса этой же гимназии окончил Александр (1865–1869).

Братья учились в одном учебном заведении, но программа обучения значительно отличалась. Польское восстание 1863–1864 гг. послужило поводом для серьезных изменений в работе учебных заведений Виленского учебного округа. В дореформенный период старший брат Владислав усваивал знания на польском языке. Среди преподаваемых предметов были Закон Божий, языки: русский, славянский, латинский, немецкий, французский, польский; арифметика, алгебра, геометрия, физика, космография, политическая география, всеобщая русская история, естественная история, законоведение, рисование, черчение, чистописание [РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27297. Л. 41].

20 августа 1865 г. Александр поступил в первый класс гимназии из «домашнего воспитания». Ему пришлось слушать курс наук на русском языке, что впоследствии, несомненно, оказало позитивное влияние на его карьеру. В результате реформы польский язык был изъят из программ, даже Закон Божий для католиков преподавался по книгам, переведенным на русский язык. Сменился преподавательский состав. Директора гимназии В. А. Таппера сменил З. Н. Шевелев, затем Балванов, инспектора Л. М. Макса – А. А. Аржавин. Из старого состава остались в штате гимназии лишь законоучители православного вероисповедания – магистр богословия, протоиерей А. А. Шеметилло, римско-католического – кандидат богословия, ксендз Ф. С. Гиттер, преподаватели немецкого языка Э. А. Либерман и рисования, черчения и чистописания – Я. А. Зенькович [12, с. 40–41; 15, с. 67–69].

Спустя 3 года ученик третьего класса Гродненской гимназии Александр Горкавич, «при поведении хорошем», показал следующие успехи: «в Законе Божиим – отличные, в языках русском, славянском, латинском, немецком, греческом, в арифметике, алгебре, русской истории, естественной истории, рисовании, черчении и чистописании – достаточные» [РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 2400. Л. 36–37]. В приказе по гимназии отмечено – «перевод в четвертый класс удостоен», но 21 июля 1869 г. выбыл из гимназии по решению родителей.

Владислав и Александр Горкавичи, родившиеся в Восточном Полесье, продолжили обучение в Лисинском лесном училище, находившемся в столичной губернии. На тот момент это было одно из доступных учебных заведений для детей из западных губерний Российской империи. К тому же это была одна из престижных профессиональных школ: известность ей принесло создание на территории Лисинской лесной дачи в начале XIX в. учебного лесничества, ставшего практической и теоретической базой лесной науки России и основой лесокультурного дела на Северо-Западе, чему в немалой степени способствовало покровительство министра финансов Е. Ф. Канкрин. И, может, самое главное, – Лисино было местом царской охоты.

В училище принимали не только детей дворян, хотя именно они пользовались преимуществами. К пансионерам училища предъявлялось несколько требований: они должны быть не моложе 18 лет, должны уметь читать и писать, знать азы арифметики, «иметь добропорядочное поведение». Училище обеспечивало жильем, отоплением, освещением,

медицинским обслуживанием, но одежду, постель, белье, и главное – ружье – учащиеся обязаны иметь собственные.

В 1869 г. егерское училище преобразовано в лесное. Программа обучения включала широкий круг естественнонаучных, математических и специальных дисциплин. Преподавателями были ведущие специалисты лесного дела в России: Н. М. Зобов, В. П. Ларионов, М. Е. Ткаченко, М. К. Турский и др.

Можно предположить, что братья Горкавичи поступили в училище в 1870 г. Именно – можно только предположить, так как в приказах о зачислении за 1869–1871 гг. их фамилии отсутствуют. Объяснение сему факту кроется, видимо, в следующем: ежегодно дирекция училища и Лесной департамент сталкивались с проблемой: до двух–трех десятков юношей обивали пороги учебного заведения «по недостатку вакансий и неимению средств для возвращения на родину». Так, если в 1869–1871 гг. их было чуть больше десятка, то в 1872 г. – 22 человека. И ежегодно департамент разрешал принять тех, кто показывал достаточные знания [РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 26840. Л. 177–188].

На формирование не только знаний и умений, но и выработку жизненной позиции Александра Горкавича оказал влияние известный исследователь, преподаватель лесных наук Митрофан Кузьмич Турский. О нем современники писали: «Будучи противником книжного зазубривания, он старался заменить это осмысленным практическим изучением предмета, для чего широко использовал экскурсии и практические упражнения. Он строго соблюдал целесообразность работ воспитанников, считая ее необходимой для успеха дела. Заметив, что воспитанники без интереса участвуют в метеорологических наблюдениях, он сам начал приходить к дежурным наблюдателям, помогал обрабатывать получаемые данные и готовить их к печати». Его человеческие качества: правдивость, доброта и откровенность – завоевали любовь воспитанников. Митрофана Кузьмича называли «не лесоводом-промышленником, а лесоводом-поэтом, лесоводом-философом» [цит. по: 16]. Лучшим ученикам М. К. Турский дарил свои книги. На протяжении всей своей жизни в библиотеке А. А. Дунина-Горкавича почетное место занимала работа педагога «Таблицы для таксации леса» с дарственной надписью: «Алекс. Горкавичу от автора».

Братья Горкавичи окончили лесное училище в 1873 г. В приказе по Корпусу лесничих предписывалось приступить к исполнению служебных обязанностей: «для съемочных занятий по лесоустройству» Александру Горкавичу, помощником Рязанского лесничего – Владиславу Горкавичу [РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27297. Л. 1 об. – 2; Оп. 24. Д. 2400. Л. 1–2].

Лучшие выпускники, в том числе и Александр Горкавич, имели возможность продолжить обучение в Лесном институте. Но случилось непредвиденное: документы для поступления в вуз Лесной департамент отправил не младшему брату, в Самарскую губернию, а старшему, в Рязанскую [РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27297. Л. 7]. Время было потеряно. Позднее Александр Александрович неоднократно сожалел о том, что не сумел воспользоваться возможностью получить высшее образование. В Лисино братья Дунины-Горкавичи вернулись спустя 12 лет, в 1885 г., – для сдачи экзамена на классный чин.

Семья Дуниных-Горкавичей навсегда покинула родные пенаты после смерти главы семьи в 1875 г. в связи с поступлением в военную службу для отбывания воинской повинности по жребью сына Александра.

И в гимназии, и училище, и первые годы работы братья в документах значились как Горкавич I (старший, Владислав) и Горкавич II (Александр). В личном деле А. А. Дунина-Горкавича, хранящемся в фондах Лесного департамента МВД, подпись двойной фамилией впервые встречается в документе 1878 г. – «Дунин-Горкавич II» [РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 24. Л. 25].

Среди экспонатов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника есть сургучная печать с изображением родового герба Дуниных-Горкавичей – Лебеда. В геральдическом описании сказано: «Лебедь – величавая птица, на гербе изображена с при-

поднятыми крыльями, выглядит уверенно, вызывает доверие, уважение и умиление. Лебедь твердо стоит на короне, готов взлететь с нее в поднебесье. Почтенная птица – в основе герба, на красном поле и сверху – на самой короне. Это знак того, что род, принадлежащий к гербу, древний, чистый и знаменитый» [цит. по: 7, с. 13]. Эти слова в полной мере можно отнести и к носителю традиций этого рода – Александру Александровичу Дунину-Горкавичу.

Список литературы:

1. *Сибирская советская энциклопедия*. В 4-х тт. Т. 1. А–Ж. Новосибирск : Сибирское краевое издательство, 1929. 998 с.
2. *Прибыльский, Ю. П.* Дунин-Горкавич Александр Александрович / Прибыльский Ю. П., Загороднюк, Н. И. // Рубикон : река информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.rubicon.com/hmao_1.asp (дата обращения: 11.07.2011).
3. *Прибыльский, Ю. П.* Жизнь и творчество А. А. Дунина-Горкавича / Ю. П. Прибыльский // Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич / Сост. Н. И. Загороднюк. М. : Галарт, 1995. 191 с.
4. *Яковлев, Я.* Кто такой Александр Дунин-Горкавич? / Я. Яковлев // Аргументы и факты : Югра. 2013. 26 апр.
5. *Словари и энциклопедии на Академике* [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lastnames/3788> (дата обращения: 12.04.2014).
6. *Энциклопедический словарь* / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XI. Домиции – Евреинова. СПб. : Типо-литография И. А. Эфрона, 1893. 466 с.
7. *Дунин, В. А.* Дунины: из глубины веков : сб. очерков / В. А. Дунин. Керчь: СПД Озаркив А.М., 2012. 224 с.
8. *Stowarzyszenie Członków Rodu Duninów* [Электронный ресурс]. URL: <http://dunin.info/index.html> (дата обращения: 22.09.2014).
9. *Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи*. СПб. : [б. и.], 1803. Часть 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://gerbovnik.ru/arms/1078.html> (дата обращения: 17.09.2013).
10. *Алфавитный список дворянских родов Гродненской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу*. Гродно : Скоропечат. тип. Э. И. Мейлаховича, 1900. 6 с.
11. *Памятная книжка Гродненской губернии на 1860 год*. Гродно : [б. и.], 1860. 138 с.
12. *Памятная книжка Гродненской губернии на 1861 год*. Гродно : [б. и.], 1861. 82 с.
13. *Памятная книжка Рязанской губернии на 1873 год. Адрес-календарь и справочные сведения*. Рязань : Тип. губернского правления, 1873. 209 с.
14. *Военно-статистическое обозрение Российской Империи*. Том. IX. Ч. 3. Гродненская губерния. СПб. : Тип. Департамента Генерального Штаба, 1849. 142 с.
15. *Памятная книжка Гродненской губернии на 1865 год*. Гродно : губернская типография, [б. д.]. 183 с.
16. *Лисинская лесная дача : обзор материалов*. Тосно, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sablino.ru/arhiv/arh.htm> (дата обращения: 12.03.2013).

N. I. Zagorodnuk, I. S. Tomilov, D. Y. Fedotova

Research of the North AA Dunin-Gorkavich: New pages of the biography

Summary: On the basis of a wide range of sources are considered little-known biography of the researcher of the Siberian North AA Dunin-Gorkavich. For the first time introduced into scientific circulation documents the personal file stored in the Russian State Historical Archive. It tells the story of the origin of the noble family of Dunin-Gorkavich, provides information

about the family of the future scientist, studying in high school and college Lisinsky Forest.

Key words: A.A. Dunin-Gorkavich, noble family, Grodno province, Grodno Gymnasium, Lisinsky Forest School

Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Str. named Academician Yuri Osipov, 15, Tobolsk, Tyumen region, 626152; + 7 3456 22-09-33; e-mail: tbsras@rambler.ru)

УДК 373.3:94(571.56)"18"

Е. П. Антонов

ПОЛЬСКИЙ ССЫЛЬНЫЙ Н. А. ВИТАШЕВСКИЙ О СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЯКУТИИ В XIX ВЕКЕ

Аннотация. В статье анализируются теоретические обобщения польского ссыльного и ученого Н. А. Виташевского в сфере изучения начального светского и духовного образования в Якутской области во второй половине XIX в. В контексте результатов исследований современных историков рассмотрены проблемы роста учебных заведений и учащихся Якутии, выдвигание вопроса о формировании национальной школы и преподавания на родном языке.

Ключевые слова: польские ссыльные, светское и духовное образование, министерские и церковно-приходские школы, народный учитель, инородцы, русификация, система Н. И. Ильминского, национальная школа.

Актуальность, цель и методы исследования

Польские ссыльные приняли активное участие в научном познании Якутии, а наиболее видные из них значительно обогатили российскую, польскую и мировую науку. Они внесли огромный вклад в развитие просвещения, науки, литературы, культуры, медицинского дела, организацию библиотек и зарождение национальной интеллигенции Якутской области. Деятельность большинства сосланных поляков в Якутии до сих пор остается неизученной. Между тем польский народ сыграл значительную цивилизаторскую роль в судьбе якутского народа, формировании его этнической самоидентификации. Недаром в дореволюционный период якуты не только выделяли среди прочих ссыльных поляков, но и справедливо ассоциировали их образ с образом интеллигента. Чувства же исторической благодарности, любви и почитания якутской нации к польскому народу, пережившему в своей судьбе много трагических страниц, связанных с российским экспансионизмом, на счастье, не были утрачены, сохранились и успешно прививаются среди молодежи и в начале XXI в.

В данной статье предпринята попытка с помощью историко-сравнительного и статистических методов дать оценку неопубликованной рукописи польского ссыльного, разностороннего ученого-аграрника, статистика, этнографа, фольклориста, религиоведа Николая Алексеевича Виташевского о развитии просвещения в Якутской области во второй половине XIX в.

Основные вехи жизнедеятельности Н. А. Виташевского

Николай (Мыколай) Алексеевич Виташевский родился в г. Одессе 28 сентября 1857 г. Отец дворянин-помещик, после раскрепощения крестьян стал частным адвокатом, а затем нотариусом в г. Тирасполе. Мать происходила из семьи служащего.

Николай Виташевский учился в гимназии Е. Ришелье в г. Одессе, в 1874 г. оказался в г. Санкт-Петербурге, окончил же реальное училище в 1875 г. в г. Николаеве. Записался вольнослушателем на юридический факультет Одесского университета, где посещал лекции естествоиспытателя И. Мечникова. В 1876 г. вступил в революционный кружок и жил в коммуне с И. М. Ковальским, В. Д. Кленовым, В. С. Свитычем и другими. В 1877 г. сопровождал отца на курорт в Германию, побывал в г. Женеве, где в редакции журнала «Набат» принял участие в дискуссии по вопросу стратегии и тактики революционной борьбы. Вступил в одну из подпольных групп «Народной воли». В 1878 г. арестован в квартире с нелегальной типографией, и в ходе перестрелки был ранен в ключицу. Военно-окружным судом приговорен к каторжным работам сроком на 6 лет и конфискации имущества. В 1878–1880 гг. находился в Новобелгородской каторжной тюрьме. В 1881–1882 гг. отбывал наказание на Каре, где участвовал в голодовке и подготовке к побегу. В 1883–1897 гг. был определен на поселение в Ботурусском и Баягантайском улусах Якутского округа. Стал первым государственным преступником, официально допущенным к работе в Статистический комитет Якутской области, участвовал в Сибиряковской экспедиции (1894–1896 гг.).

В 1897 г. получил разрешение вернуться в Европейскую Россию, проживал до 1903 г. в г. Херсоне и г. Одессе, где работал статистиком и страховым агентом земской управы. В 1903–1905 гг., как член партии эсеров работал в газете «Южная Россия», с деятелем польского революционного движения, этнографом Ф. Я. Коном работал в газете «Николаевский курьер» в г. Николаеве. Переехал в г. Полтаву и при участии писателя польско-украинского происхождения, журналиста, общественного деятеля В. Г. Короленко издавал газету «Полтавщина». Из-за разногласий переехал в 1906 г. в г. Санкт-Петербург, где участвовал в работе центрального органа печати эсеров «Дело народа», но после закрытия издания в 1906 г. был арестован и выслан «для подкрепления здоровья» в г. Женеву. Получил финансовую поддержку Русского комитета исследований Средней Азии за материалы о якутах. Вернулся в г. Одессу, проживал в г. Санкт-Петербурге, работал в этнографическом отделе Русского музея, корректором газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Сблизился с польским антропологом и этнографом Я. Чекановским и писал статьи для журналов «Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Былое», участвовал в издательстве Слепцовой «Книжка за книжкой», написал учебник по пению и т.д. В 1914 г. получил хорошо оплачиваемую работу в страховом обществе «Волга».

21 июня 1918 г. он скоропостижно скончался в г. Москве [1, с. 95–97; 2, с. 112–115].

Научное наследие Н. А. Виташевского

Традиционно революционный народник и этнограф Н. А. Виташевский (1857–1918 гг.) считается исследователем чрезвычайно разностороннего плана. Он являлся специалистом в области юридического права, аграрной истории, статистики, этнографии, фольклора, медицины якутов. В «Материалах для изучения шаманства у якутов», «Из области первобытного психонейроза», «Из наблюдений над якутскими шаманскими действиями» анализируются религиозные верования якутов, и раскрывается сущность шаманского камлания. В работе «Материалы для изучения якутской народной словесности» приведены оригинальные образцы песенного творчества якутов, выявлены их особенности и введена классификация песен [3, с. 36–48; 4, с. 165–183; 5, с. 41–57].

Результаты работ Н. А. Виташевского в составе Сибиряковской экспедиции 1894–1896 гг. были изложены им в статьях «Способы разложения и сбора податей в Якутской общине», «Основные правила распределения земли у якутов Дюпсинского улуса Якутского округа» и «Якутские материалы для разработки эмбриологии права». В последнем из этих трудов рассматриваются формы владения землей и землепользование, брак и родство, семейное право, земельное право, наследственное право, уголовное право, судопроизводство и другие вопросы. Это ценное исследование представляло собой одно из

наиболее исчерпывающих очерков по юридическому быту одного из коренных народов Сибири. В работе изложены основные положения «родовой теории», по которому среди якутов до конца XIX в. существовал родовой строй [6, с. 63–77; 7, с. 78–89; 8, с. 89–220]. Работа Н. А. Виташевского «Изображения на скалах по реке Олекма» посвящена наскальной живописи Ленского края [9, с. 280–287; 10, с. 134–142].

Начальное образование в дореволюционной Якутии в трудах историков

Изучение нами документов архива Института восточных рукописей РАН выявило еще одно самостоятельное направление научного творчества польского ссыльного – зарождение начального образования Якутской области в XIX в.

В документальных источниках фонда Н. А. Виташевского этого архива отложились многочисленные данные по количеству средних и низших учебных заведений, учителей, учащихся городских и окружных школ, а также финансирование сферы образования. Большой интерес представляют глубокие теоретические выводы Николая Алексеевича, идущие вразрез со сложившимися в советской историографии стереотипами о поголовной безграмотности, культурной отсталости и дикости населения Якутии.

Общая оценка учебного дела в Якутской области характеризуется Н. А. Виташевским крайне низкой степенью развития и господством беспросветной тьмы среди сельского населения. Однако объективность ссыльного заключается в акцентировании внимания на неодинаковом положении сферы образования в различных местностях. В частности, во всех городах края имелись учебные заведения, а в г. Якутске просвещение получило «весьма заметное распространение». [Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 224].

Таблица 1

Число учащихся Якутской области по годам (в процентах)*

Годы	Количество учащихся, проживающих		
	в городах	в округах	в области
1888	55,9	0,8	2,54
1889	58,6	1,27	3,25
1890	70,47	1,25	3,51
1891	80,8	1,38	3,94
1892	86,2	1,92	4,44
среднее	72,39	1,32	3,53

*Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 224.

Таблица 1, составленная Н. А. Виташевским, свидетельствует об увеличении числа учеников за четыре года в городах в 1,5 раза, в округах – в 1,6 раза, и в целом по области – в 1,4 раза. Остается не выясненным, включил ли автор данные по городам Вилуйск, Среднеколымск, Олекминск, Верхоянск, расположенные в округах, в общие сведения по округам.

По данным историка Т. Н. Оглезневой с 1870-х гг. школьное образование в Якутской области начинало распространяться быстрыми темпами среди улусного и крестьянского населения, что было обусловлено принятием Министерством народного просвещения 26 марта 1870 г. «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Согласно этому документу предусматривалось распространение сети православных школ для инородцев с русским и родным языками преподавания. В качестве учителей привлекались представители аборигенных народов, владеющих русским языком, либо русских, знающих языки коренных народов. При этом особое внимание обращалось на просвещение женщин. [11, с. 16].

По данным Т. Н. Оглезневой в 1877 г. в Якутии имелось 19 начальных учебных заведений с общим числом учащихся 254 (из них 246 мальчиков и 8 девочек). С 1877 г. по 1888 г. (см. табл. 2) рост количества учащихся начальных учебных заведений составил

2,6 раза. В 1886 г. функционировало 18 министерских и 9 школ, содержащихся церковью. [11, с. 17, 24].

Таблица 2

Количество средних и начальных учебных заведений с учащимися*

Годы	Средние учебные заведения	Начальные учебные заведения	Мальчики	Девочки	Всего
1888	3	21	540	114	654
1889	3	44	677	151	828
1890	3	50	712	193	905
1891	3	56	811	220	1031
1892	3	65	896	275	1171
Среднее	3	48,5	727	191	918

*Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 224.

Из таблицы 2, составленной Н. А. Виташевским, видно увеличение числа начальных учебных заведений за четыре года в 2,3 раза, учеников – в 1,4 раза, в том числе мальчиков – в 1,3 раза и внушительный в 1,7 раза – девочек.

Реформы, проводимые в 60–70-е гг. XIX в., создали потребность в грамотных, образованных людях, развитие рыночной экономики повышало спрос на специалистов различного профиля. Это обуславливало развитие сети учебных заведений от низших (церковно-приходских, дававших начальную грамотность) до университетов, выпускавших высокообразованных людей. Количество начальных школ и училищ в Российской империи измерялось десятками тысяч. В 1898 г. в них обучалось около 4 млн. человек. [12, с. 1200, 1202].

С 1836 г. задача по открытию церковных школ была возложена на добрую волю сельского духовенства, в 1864 г. было утверждено положение о начальных народных училищах. Наблюдение за их деятельностью вели представители епархиальной власти. В изданных в 1884 г. и действовавших до 1917 г. «Правилах о церковно-приходских школах» отмечалось, что «школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщить первоначальные полезные знания».

Ядром учебной программы церковно-приходских школ являлся Закон Божий. Церковно-славянская грамота и церковное пение рассматривались как наиболее серьезные предметы, помогающие утвердить церковный характер обучения, религиозные и нравственные понятия среди народа и распространить первоначальные полезные знания. Музыка преподавалась во всех школах, на уроках пения ученики пели и напевами, и восьмиголосным пением, которое ценилось как выражение высокого профессионального мастерства. При преподавании русского языка исключительное внимание обращалось на выработку навыка правильного и беглого чтения, умений писать без звуковых и этимологических ошибок, передавать содержание прочитанных статей, осмысленно выражать свои мысли устно и письменно. В процессе обучения грамоте учащимся сообщались сведения из отечественной истории, географии и этнографии. Обучение арифметике имело целью научить детей основным действиям с числами и сформировать умения применять эти знания к решению практических задач из повседневного быта. Преподавание начальных сведений по русской истории было тесным образом связано с курсом истории Русской церкви и преподавалось совместно. Изучение церковно-славянской грамоты прививало детям необходимое понимание церковной речи, давало возможность принимать участие в богослужении. Церковно-приходские школы принесли значительную пользу, давая первоначальные знания, главным образом крестьянскому населению, способствуя его нравственному воспитанию. [13, с. 364–366; 14, с. 126; 15, с. 149].

Закон 1884 г. о церковно-приходских школах стал основой распространения в Си-

бири церковных школ. Церковно-приходские школы Якутской области, в отличие от других регионов, получили от государства крупные субсидии. Всего с 1884 по 1893 гг. в Якутии число церковно-приходских школ увеличилось с 1 до 53 (33 церковно-приходских, 24 школ грамоты), количество учащихся соответственно с 12 до 515. В 1891 г. были утверждены «Правила о школах грамоты». В 1891 г. в ведение духовенства была передана вся сеть крестьянских школ грамотности. [11, с. 18].

По данным Т. Н. Оглезневой с 1880 по 1903 гг. количество министерских школ уменьшилось с 18 до 17, но при этом количество учащихся значительно выросло с 255 до 496 человек, что свидетельствовало о высокой востребованности обществом просвещения [11, с. 18]. Министерские училища были двух видов: одноклассные (срок обучения – три года) и двухклассные (срок обучения – пять лет). Во втором классе преподавались естествознание, география и история. Как необязательные предметы вводились гимнастика, ремесла и мастерство, а также рукоделие для девочек.

В Якутской области с 1879 по 1892 гг. было принято 1040 учащихся, в том числе 698 якутов. Окончило же учебу всего 396 чел., из них 180 якутов. Остальные выбыли до окончания курса обучения [16, с. 199; 17, с. 10–11]. К 1917 г. в Якутской области было 173 школы, в том числе 5 повышенного типа, 4 средних (реальное училище, женская гимназия, учительская семинария и епархиальное женское училище). В последних обучалось до 900 чел. (из них якуты составляли 10–15%), в высших начальных классах – до 500 чел. (из них якуты 60%), в начальных школах – до 4000 чел. (из них якутов 3000 чел.). Кроме этого функционировали фельдшерская и сельскохозяйственная школы. Вместе с тем в Якутской области 28 000 детей школьного возраста, или 90,9% остались не охваченными школьным образованием [18, с. 258].

Таблица 3

Число учащихся учебных заведений Якутской области по годам (на 1000 чел.)*

Годы	Количество учащихся	
	мальчиков	девочек
1888	83,6	34,1
1889	80,3	44,2
1890	91,1	49,9
1891	108,2	53,5
1892	120	64,5

* Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 229.

Как видим, по данным Н. А. Виташевского, число учащихся – мальчиков на 1000 чел. мужского населения увеличилось в 1,4 раза, а девочек – в 1,8 раза, т.е. почти удвоилось.

Таблица 4

Количество учившихся и не охваченных обучением мальчиков и девочек по годам*

Годы	Мальчики		Девочки	
	учившиеся	не учившиеся	учившиеся	не учившиеся
1888	304	215	91	290
1889	295	230	125	279
1890	340	188	142	265
1891	395	127	156	259
1892	421	80	160	194

* Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 229.

Как видим, из табл. 4, составленной Н. А. Виташевским, рост учащихся – мальчиков составил 1,3 раза при сокращении доли не учащихся – в 2,6 раза; девочек соответственно – 1,7 раза и 1,4 раза.

Н. А. Виташевский объективно указал на увеличение численности учащихся Якутской области во второй половине XIX века, в том числе девочек. Темпы роста числа учеников Якутии он назвал «чрезвычайно высокими» и «благоприятным». Он отметил «заметное распространение» учебного дела в г. Якутске по сравнению с «беспросветной тьмой» в улусах. По его мнению, областной центр в сфере распространения грамотности занимал одно из «выдающихся мест среди других городов Империи».

Таблица 5

Сословный состав учащихся по годам*

Годы	Число учебных заведений	Число учащихся	Из них дети						
			дворян, чиновников	духовенства	горожан	крестьян	казаков	инородцев	староверов
1889	23	654	55	93	141	43	83	232	7
1890	52	828	73	81	144	72	90	368	-
1890	53	905	73	85	174	91	75	389	18
1891	59	1031	77	93	180	78	93	461	49
1892	68	1171	96	107	234	144	96	450	44

* Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 231.

Как видим, из табл. 5, составленной Н. А. Виташевским, число учебных заведений Якутской области за пятилетие увеличилось в 2,9 раза, учащихся – в 1,8 раза. Из них детей староверов – в 6,2 раза; крестьян – 3,3; инородцев – 1,9; дворян и чиновников – в 1,7 раз, горожан – 1,6; духовенства и казаков – в 1,1 раза. Данная динамика численности учащихся по сословному признаку опровергает стереотип о том, что приоритет при приеме в учебные заведения Российской империи имели выходцы из господствующей элиты. Вызывает интерес значительный процент детей якутов, занявших третье место в числе учащихся.

Таблица 6

Конфессиональный состав учащихся Якутской области по годам*

Годы	Число учебных заведений	Число учащихся	Из них				
			Православных	католиков	иудеев	мусульман	староверов
1888	23	654	626	2	20	4	2
1889	52	828	795	1	25	3	4
1890	53	905	881	1	15	2	6
1891	59	1031	992	7	21	7	4
1892	68	1171	1140	5	18	6	2

* Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 231.

Из табл. 6, составленной Н. А. Виташевским, видно абсолютное преобладание учащихся-православных в учебных заведениях Якутской области.

Н. А. Виташевский впервые поднял вопрос о подготовке кадров народных учителей, поскольку в учебных заведениях Якутской области большинство учительских должностей занимали лица с низким профессиональным педагогическим уровнем. Также польский ссыльный обратил внимание на сословный, национальный и религиозный состав учащихся школ. Среди них преобладали лица русской национальности, а из числа инородцев имели шанс окончить полный курс учебного заведения лишь полностью обрусевшие дети коренных жителей. По социальному составу преобладали дети инородцев, городских мещан, духовенства и казаков. По религиозному составу абсолютный приоритет принадлежал православным [Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 230].

Таблица 7

Образовательный уровень основных этнических групп Российской империи по Первой всеобщей переписи 1897 г. (лица старше 10 лет ко всей численности представителей данного этноса в возрасте старше 10 лет)*

	Лица, умеющие читать			Лица с образованием выше начальной школы		
	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин
Всего населения	27,7	38,6	17,0	1,51	1,87	1,14
Русские	29,3	44,9	14,7	2,28	2,80	1,78
Украинцы	18,9	32,4	5,3	0,36	0,47	0,25
Белорусы	20,3	31,0	9,8	0,49	0,83	0,15
Поляки	41,8	44,7	38,9	2,77	3,96	1,60
Литовцы	48,4	49,3	47,6	0,27	0,54	0,02
Латыши	85,0	84,8	85,3	0,63	1,13	0,17
Эстонцы	94,1	93,8	94,4	0,59	0,98	0,23
Немцы	78,5	79,7	77,3	6,37	7,51	5,26
Евреи	50,1	64,6	36,6	1,20	1,18	1,22
Греки	36,7	51,8	17,7	2,10	2,66	1,39
Болгары	29,8	47,7	10,5	1,26	1,40	1,10
Румыны	8,8	15,1	2,2	0,43	0,55	0,30
Грузины	19,5	23,9	14,6	1,45	2,19	0,64
Армяне	18,3	25,7	9,8	2,27	3,07	1,35
Кавказские горцы	7,1	12,2	1,8	0,13	0,23	0,02
Татары и азербайджанцы	16,5	19,1	13,5	0,12	0,16	0,07
Народы Среднего Поволжья	9,8	18,1	1,8	0,04	0,07	0,01
Народы Урала	26,2	30,3	21,8	0,01	0,02	0,00
Калмыки	4,1	7,6	0,3	0,03	0,05	0,00
Народы Средней Азии	3,4	5,7	0,7	0,02	0,03	0,01
Народы Сибири	5,0	9,3	0,6	0,05	0,09	0,01

* Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: «Традиция» – Прогресс-Традиция», 2000. С. 299.

Из табл. 7 видно, что показатели умеющих читать и лиц с образованием выше начальной школы среди коренных народов Сибири превосходили аналогичные данные среди народов Средней Азии и калмыков. И недаром, историк Андреас Каппелер отметил среди сибирских этносов, имевших крайне низкие показатели доли образованных лиц формирование узкой прослойки интеллигенции среди якутов и зырян уже в XIX в. [19, с. 234].

По первой Всероссийской переписи населения в 1897 г. в Якутской области грамотные составляли 4,11% населения, в том числе в городах – 29,13%, в округах (без городов) – 3,23%. Крайне низкой оставалась грамотность в Вилюйском (0,77%) и Верхоянском (1,45%) округах, а сравнительно высокая (13,32%) – в Олекминском округе [18, с. 249].

Таблица 8

Количество министерских и церковно-приходских училищ по годам*

Годы	Министерские школы	Церковно-приходские училища	Всего
1900	18	57	75+4 частных
1905	25	65	90
1910	66	54	120
1917	74	Нет данных	173

* Федоров В. И. Якутия в эпоху войн и революций. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2013. С. 250.

Как видно из табл. 8 в Якутской области количество начальных учебных заведений с 1900 по 1917 гг. увеличилось в 4,6 раза, и как справедливо оценил историк В. И. Федоров, это стало «настоящим прорывом в развитии светской школы». В 1900 г. в начальных учебных заведениях обучалось 1912 человек, в 1905 г. – 2482, в 1917 г. – 4660, т.е. число учащихся возросло в 2,4 раза. [18, с. 250–251].

На 1000 чел. населения в 1909 г. приходилось учащихся: в г. Якутске – 61,1; в Якутском округе (не считая города) – 4,4; в Вилюйском (считая город) – 3; в Верхоянском – 2 и в Колымском – 1,7 человека. Размещение школ по округам было крайне неравномерным. В 1911 г. в Вилюйском округе имелось 19 школ при населении 72 623 чел., в Олекминском – соответственно, 29 и 14 861. В Якутском округе на одну школу приходилось 2045 чел., в Верхоянском – 2124, в Вилюйском – 3822 чел., в Олекминском – 512 [18, с. 256–257].

Таблица 9

Число учащихся на 1000 человек населения*

Государства	Дети дошкольного возраста	Из них	
		обучались	не обучались
Швейцария	202	202 (100%)	0
Германия	218	185 (84,4%)	33 (15,6%)
Англия	235	190 (80,8%)	45 (19,2%)
Франция	175	130 (74,3%)	193 (25,7%)
Россия	228	35 (15,3%)	193 (84,7%)
Якутская область	Неизвестно	7	Неизвестно

* Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2013. С. 249.

Из табл. 9, составленной В. И. Федоровым, видно многократное отставание Российской империи от ведущих европейских стран.

К вопросу о преподавании на родном языке в начальной школе Якутии

В Сибири в XIX в. начали свою деятельность или возобновили ее православные миссии, которые помимо непосредственных религиозных задач проводили и просветительскую работу среди коренного населения. В первой половине столетия развернулась работа по переводу церковной учительной и служебной литературы на языки народов Сибири. Тем самым были заложены основы превращения этих языков в письменные и литературные [20, с. 402].

По данным историка Т. Н. Оглезневой учитель В. И. Попов перевел на якутский язык учебник К. Д. Ушинского «Родное слово». Директор Якутской мужской классической прогимназии П. П. Гадзяцкий составил «Лестничку» – пособие для обучения детей в улусных школах русскому языку. В 1895 г. был издан «Первоначальный учебник русского языка для якутов». Большую роль в просвещении народа сыграли выдающиеся учителя-якуты В. Г. Монастырев, Д. Д. Сивцев, Г. П. Фомин и другие. Учитель народного училища из урочища Бир-Хатун Западно-Кангаласского улуса, член Восточно-Сибирского отделения императорского Русского Географического общества Н. П. Припузов стал известен своими краеведческими исследованиями [11, с. 17–18].

Система Н. И. Ильминского была разработана для крещеных в православие татар, чувашей, башкир, мордвы и др. народов. Курируемая с начала 1860-х гг. Святейшим Синодом как инструмент миссионерской деятельности, она быстро привлекла к себе интерес Министерства народного просвещения [21, с. 281]. Правительство стремилось к тому, чтобы преподавание Закона Божьего проводилось на языке соответствующей конфессии. Поэтому были разрешены католические, протестантские, армянские, мусульманские и еврейские школы, а в некоторых случаях и неправославное образование на нерусских языках. В школах нехристианских конфессий разрешалось преподавание на родном языке, в то время как в государственных школах для нехристианских народов языком обучения оставался русский. Реформатор церковного образования Н. И. Ильминский убедительно доказывал, что язычники должны слышать Евангелие, читаемое на родном языке [22, с. 64–65].

По мере развития различных этнических национализмов Опыт миссионерского преподавания оказал существенное влияние на принятые Министерством народного просвещения в 1870 г. «Правила о мерах к образованию инородцев». В школах, следовавших системе Ильминского, преподавание велось на местных языках («наречиях») и с рекрутированием в учителя и священники представителей этих народностей. «Инородческие» меньшинства рассматривались, как «благородные дикари», носители простоты нравов, нуждающихся в обособленности от испорченной западной цивилизации. Формирование этнокультурной идентичности «инородцев» не противоречило укреплению русскости и делало ее более жизнеспособной, моделировало взаимоотношения старших и младших внутри единой семьи [21, с. 281]. К тому же проблема языка преподавания стала особенно актуальной в связи с пятикратным ростом числа учащихся начальных школ между 1856 и 1885 гг. и последующим четырехкратным ростом к 1914 г. [22, с. 64–65].

, как в консервативной русской среде, так и среди нерусских народов, правительство проявляло все возрастающее внимание к национальным проблемам, что отразилось в организации серии конференций. Одна из них была посвящена пантюркизму, другая носила межведомственный характер и обсуждала проблемы образования инородцев. Организаторы последней надеялись привлечь инородцев в общую систему образования на русском языке для укрепления статуса русского языка как государственного, при этом предполагалось избежать насильственной русификации. Это был явный отказ от «системы Ильминского», так как язык обучения, по крайней мере, на первом и, возможно, втором году начального курса обучения должен был быть русским.

Вместо развития отсталых народов в рамках их собственной культурой в русле православия, целью становилась теперь максимально возможная ассимиляция нерус-

ских народов. Эта межведомственная конференция отвергла «искусственное пробуждение» самосознания отдельных народностей, которые в силу своего культурного развития и немногочисленности не были способны к созданию независимой культуры. Отчет конференции провозглашал желательной, с точки зрения единства государства, общую школу для всех народностей империи с государственным языком преподавания. Данная система школьного образования должна была быть направлена не на угнетение отдельных национальностей, а на развитие в них, как в коренных русских, любви к России, сознания единства, целостности и нераздельности России [22, с. 66–67].

В 1907 г. в порядке эксперимента разрешили обучение на родном языке. Этим воспользовались в том же году в 27 инородческих школах Якутии. В 1913 г. министр народного просвещения утвердил «Правила о начальных училищах для инородцев», где их целью объявлялось распространение среди инородцев «знание русского языка» и сближение с русскими «на почве любви к общему отечеству». В параграфе 4 разрешалось преподавание родного языка и обучение другим предметам на родном языке, но с оговорками, сводящими на нет его реализацию [18, с. 254–255]. Тормозом успешной просветительской деятельности среди коренных жителей Н. А. Виташевский считал отсутствие разработанной программы обучения инородческих детей русскому языку и рациональных педагогических приемов. По существу, эта инициатива акцентировала внимание на адаптацию детей аборигенов к российской образовательной системе через формирование национальной школы [Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 230].

Финансирование начального образования в Якутской области

На основе финансовых данных Н. А. Виташевский выявил ежегодный рост ассигнования центром и Якутской городской думой средств на содержание учебных заведений. Он привел данные о расходах Якутской городской думы на содержание учебных заведений по годам [Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 57. Л. 230]:

1888 г. – 1 126 руб. 10 коп.

1889 г. – 1 255 руб. 50 коп.

1890 г. – 1 406 руб.

1891 г. – 2 405 руб. 17 коп.

1892 г. – 3 929 руб. 19 коп.

Как видим, за пятилетие финансирование сферы просвещения Якутской городской думой увеличилось в 3,4 раза и эти темпы следует считать высокими. Церковно-приходские школы имели менее совершенную учебную и материально-техническую базу по сравнению с министерскими школами, что было связано с тем, что на содержание церковных школ затрачивалось в 3,5 раза меньше средств, чем на учебные заведения Министерства народного просвещения [23, с. 130–131; 14, с. 126].

По данным Т. Н. Оглезневой в 1891 г. государство выделило Якутской епархии субсидию в размере 6 тыс. рублей на содержание церковно-приходских школ и на развитие народного образования в крае. Однако Синодом просветительская деятельность русских миссионеров в крае была признана явно ничтожной. Субсидии от государства объяснились тем, что именно на церковно-приходские школы оно возлагало надежды в распространении грамотности, воспитании детей в духе православия и благонадежности. [11, с. 20].

До 1902 г. содержание всех сельских школ осуществлялось за счет внутренних повинностей самих обществ, что дополнительным бременем ложилось на плечи сельских налогоплательщиков. Поэтому постоянно поступали просьбы о прекращении сборов и финансировании просвещения за счет земских расходов. С 1903 г. это предложение было принято и содержание сельских училищ началось за счет земских сборов. На 1903–1905 гг. иркутский генерал-губернатор одобрил кредит сельским министерским школам в раз-

мере 43 170 руб., или 14 310 руб. в год. Ежегодные средства состояли из пособия казны в размере 2714 руб., процента от пожертвованных капиталов – 1802 руб. и остальная сумма складывалась за счет земских сборов. В земскую смету 1906–1908 гг. для Якутской области предусмотрели пособие с Иркутской губернии 6846 руб. и с Енисейской – 59 955 руб., всего 66 881 руб. [18, с. 252, 257].

Заключение

Таким образом, обширные познания в области статистики, аграрной истории и юридического права, религиозных верований, фольклора якутов позволили польскому ссыльному и ученому Н. А. Виташевскому сделать глубокие теоретические обобщения в сфере изучения народного образования. Он объективно осветил эту проблему, когда он на основе статистических материалов опроверг сложившиеся к тому периоду стереотипы о дикости, некультурности и отсталости Якутии. Исследователь привел данные об увеличении числа начальных учебных заведений за четыре года в 2,3 раза, учеников в городах в 1,5 раза, в округах – в 1,6 раза, в том числе внушительный рост учениц в 1,7 раза, что свидетельствовало о зарождении женского образования уже в XIX в. Особенно стремительным оказался рост духовного образования, когда за девять лет с 1884 по 1893 гг. количество церковно-приходских школ увеличилось с 1 до 53 и учащихся в 43 раза. Историки ассоциировали прорыв в сфере просвещения с началом XX в., а работа польского ученого свидетельствует, что основа для этого была заложена еще во второй половине XIX в., как итог Великих буржуазных реформ. И такой вывод согласуется с данными зарубежных историков, которые говорят о зарождении узкой прослойки интеллигенции среди якутов уже в XIX в. Н. А. Виташевский выдвигал вопрос о разработке педагогической программы обучения якутских детей русскому языку, что было связано с адаптацией детей аборигенов к российской образовательной системе через формирование национальной школы. Успехи в распространении просвещения связывались польским ученым с ростом финансирования сферы образования более чем в 3 раза.

Список литературы:

1. *Патронова, А. Г.* Государственные преступники на Нерчинской каторге (1861–1895 гг.). Библиографический справочник / А. Г. Патронова. Вып. 1. Чита : ЧГПИ. 1998. 850 с.
2. *Армон, В.* Польские исследователи культуры якутов / В. Армон; Отв. ред. В. Н. Иванов. М. : МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. 172 с.
3. *Виташевский, Н. А.* Материалы для изучения якутской народной словесности / Н. А. Виташевский // Известия ВСО РГО. 1890. Т. 20. Вып. 2. С. 36–48.
4. *Виташевский, Н. А.* Из наблюдений над якутскими шаманскими действиями» / Н. А. Виташевский // Сб. Музея археологии и этнографии АН СССР. 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 165–183.
5. *Виташевский, Н. А.* Материалы для изучения якутской народной словесности / Н. А. Виташевский // Известия ВСО РГО. 1890. Т. 21. Вып. 2. С. 41–57.
6. *Виташевский, Н. А.* Способы разложения и сбора податей в Якутской общине / Н. А. Виташевский // Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л. : АН СССР, 1929. С. 63–77.
7. *Виташевский, Н. А.* Основные правила распределения земли у якутов Дюпсинского улуса Якутского округа / Н. А. Виташевский // Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л. : АН СССР, 1929. С. 78–89.
8. *Виташевский, Н. А.* Якутские материалы для разработки эмбриологии права / Н. А. Виташевский // Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по

обычному праву и по общественному быту якутов. Л. : АН СССР, 1929. С. 89–220.

9. *Виташевский, Н. А.* Изображения на скалах по реке Олекма / Н. А. Виташевский // Известия ВСО РГО. 1897. Т. 28. Вып. 4. С. 280–287.

10. *Шилова, Т. Н.* Восточно-Сибирский отдел РГО и научная деятельность Н. А. Виташевского / Т. Н. Шилова // Якутская политическая ссылка (XIX – начало XX вв.): Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. М. Горюшкин, В. Н. Иванов. Якутск : Кн. изд-во, 1989. С. 134–142.

11. *Оглезнова, Т. Н.* Культура Якутии во второй половине XIX в. / Т. Н. Оглезнова // История Якутии. Т. 2. Рукопись научного отчета. 33 с.

12. *История России с древнейших времен до начала XXI века.* / Под ред. А. Н. Сахарова. М. : Издательство «Астрель», 2010. 1742 с.

13. *Русское православие: веки истории* / Ред. А. И. Клибанов. М. : Политиздат, 1989. 723 с.

14. *Юрганова, И. И.* К вопросу о школьном образовании якутов в начале XX века: губернатор И. И. Крафт и епископ Макарий / И. И. Юрганова // Вестник Екатеринбургского института. 2014. № 2. С. 125–128.

15. *Шилова, Н. В.* Организация учебно-воспитательного процесса в церковно-приходских школах и школах грамоты в Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв. / Н. В. Шилова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 2. С. 146–150.

16. *Майнов, И. И.* Зачатки народного образования в Якутской области / И. И. Майнов // Сибирский сборник. Иркутск, 1897. № 3. С. 174–229.

17. *Гадзяцкий П. П.* Деятельность Министерства народного просвещения в далеком Якутском крае / П. П. Гадзяцкий, Н. А. Перловский. Иркутск : Тип. А. А. Сизых, 1893. 48 с.

18. *Федоров, В. И.* Якутия в эпоху войн и революций / В. И. Федоров. Новосибирск : Академическое издательство «Гео», 2013. 676 с.

19. *Каппелер, А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / А. Каппелер. М. : «Традиция» – Прогресс-Традиция», 2000. 344 с.

20. *Алексеев, В. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников М. : Наука, 2004. 600 с.

21. *Долбилов, М. Д.* Превратности кириллизации: запрет латиницы и бюрократическая русификация литовцев в Виленском генерал-губернаторстве / М. Д. Долбилов // Ab imperio. 2005. № 2. С. 255–296.

22. *Суни, Р.* Империя как она есть: имперская Россия, «национальное самосознание» и теории империи / Р. Суни // Ab imperio. 2001. № 1/2. С. 9–72.

23. *Гизей, Ю. Ю.* Церковно-приходская школа Томской епархии / Ю. Ю. Гизей. Кемерово : Кузбасвузиздат, 2004. 143 с.

E. P. Antonov

EXILED POLISH N.A. VITASHEVSKY ON THE PRIMARY EDUCATION SYSTEM IN YAKUTIA IN THE XIX CENTURY

Summary: The article analyzes the theoretical generalizations and exiled Polish scientist N. A. Vitashevsky in the initial study of secular and religious education in the Yakutsk area in the second half of the XIX century. In the context of the results of studies of modern historians consider the problem of rising educational institutions and students of Yakutia, the nomination of the issue of the formation of national schools and the teaching of the mother tongue.

Key words: Polish exiles, secular and religious education, ministerial and parochial schools, popular teacher, foreigners, Russification, the system N. I. Ilminsky, national school.

Department (Group) of Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN) of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Yakutsk 677027, Str. Petrovsky, 1. 8(4112)350367 igibuhg@igi.ysn.ru)

УДК 130.2

В. Г. Кокоулин, И. В. Лихоманов, А. Р. Рахматуллина

СИБИРСКИЕ ОБЛАСТНИКИ И ТУРАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ФРАНЦИШЕКА ДУХИНСКОГО

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу идей сибирских областников второй половины XIX – начала XX в. и Туранской концепции Францишека Духинского в контексте формирования украинского и польского национального самосознания в середине XIX в. Основной проблемой является выявление тех аспектов этих концепций, которые имеют научный характер, важный для понимания истории Сибири с древнейших времён до конца XVI в.; отделение этих аспектов от политической и идеологической составляющей, неизбежно присущей сочинениям полемического характера. Авторы статьи обращают внимание, что создание новой концепции Всемирной истории невозможно без включения в него истории Сибири, понимаемой не как история государств, а как совокупность межкультурных и межцивилизационных связей. В статье делается вывод, что вклад сибирских областников и Ф. Духинского состоит в том, что они изменили взгляд на историю России – не «с Запада на Восток», в соответствии со сложившейся историографической традицией, а «с Востока на Запад», или точнее, с российского Востока на российский Запад. Они сформировали представление об определяющем влиянии природно-климатических факторов на развитие отдельных народов, хотя и не придавали ему значения единственного ведущего концептуального фактора, как это делали евразийцы. Они выдвинули гипотезу о восточном происхождении не только славянской, но и в целом западноевропейской культуры в лице её важнейших элементов: западноевропейского эпоса, христианства и т.п. Они первыми в истории российской социально-политической мысли коренным образом поменяли отношение к истории и культуре кочевых народов. Они заявили о формировании за Уралом особой «сибирской народности», которая была смешением тюрков, фино-угров и славян, т. е. заявили о процессе этнокультурного синтеза, в результате которого сформировалась новая этнокультурная общность.

Ключевые слова: Сибирское областничество, евразийство, Туран, кочевые культуры, Сибирь, межкультурные связи.

Введение

История Сибири до начала присоединения её к Российскому царству (так официально называлось государство до 1721 г.) в советской историографии не получила самостоятельного значения. Её изучали преимущественно археологи, и лишь в редких случаях появлялись работы исторического характера, затрагивавшие историю Южной Сибири в составе Тюркского и Уйгурского каганатов, Улуса Джучи. Изучение Сибирских ханств также не получило значительного развития. Получалось, что история Сибири до прихода

Ермака не имела самостоятельного значения. В последние годы стали появляться работы, посвящённые истории Сибирских ханств [1; 2; 3; 4 и др.]. Однако история Сибири в данных работах рассматривается как локальная история конкретного региона и связана, прежде всего, с образованием государственности у сибирских татар.

Между тем разрабатываемый в западной историографии подход [5; 6] к истории позволяет по-новому взглянуть на историю Сибири до XVII в. Всемирная история в древности и средневековье предстаёт как единая история, развивавшаяся в широкой полосе от Рима до тогдашней столицы Китая Чанани (современный Сиань). Сибирь вплоть до её арктических окраин находилась в северо-восточной части этой полосы. Между всеми странами и народами существовали экономические и культурные связи, которые «сшивали» всю эту территорию в единое целое и формировали поток всемирной истории.

Отношение к истории Сибири как части единого евразийского исторического пространства было в целом в виде сформулировано в работах Г. В. Вернадского и Л. Н. Гумилёва [7; 8; 9; 10 и др.]. Однако следует иметь в виду, что работа Г. В. Вернадского была написана в научно-популярном ключе в качестве учебного пособия для американского читателя и поэтому значительно упрощает историческую картину, а сочинения Л. Н. Гумилёва базируются на концепции «пассионарности», идеалистической по своему существу, что снижает роль экономико-политических факторов в историческом развитии.

Между тем необходимо отметить, что ещё в XIX в. начали разрабатываться теории, которые рассматривали историю Сибири в том аспекте, который сейчас получает признание в западно-европейской и американской историографии. Это сочинения сибирских областников и забытого предшественника евразийцев Францишека Духинского. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть истоки, формирование, сходства и отличия их концепций.

Результаты исследований

Сибирское областничество возникло в начале 1860-х гг. в рамках народнического и революционно-демократического течений. В ходе дальнейшей эволюции сибирское областничество утратило революционный дух и превратилось в разновидность либерального народничества «со значительными вкраплениями просветительства». Эти процессы основательно изучены в фундаментальных работах М. В. Шиловского, посвящённых областничеству [11; 12]. Он же впервые указывает на сходство некоторых идей областников с идеями евразийцев. Однако вывод о том, что основополагающие идеи евразийцев начала 1920-х гг. разрабатывались задолго до этого сибирскими областниками, вызвал возражения со стороны других исследователей этой темы. В частности томский историк С. Г. Селиверстов выдвинул гипотезу о том, что в сибирском областничестве можно проследить две тенденции, представленные Н. М. Ядринцевым и Г. Н. Потаниным. Причём первая привела в итоге к западничеству, а вторая и дала толчок для развития собственно евразийских идей [13]. Основу областнической концепции составляло представление о Сибири как об отдельном географическом и экономическом регионе, в своих существенных чертах по природно-климатическим условиям отличном от Европейской России. Особенно настойчиво они проводили идею удалённости и отгороженности Сибири от «метрополии» и призывали к установлению автономных начал существования Сибири, что превращало Россию скорее в конфедерацию, чем в федерацию.

К числу важнейших заслуг областников следует отнести следующие.

Во-первых, они изменили взгляд на историю России – не «с Запада на Восток», в соответствии со сложившейся историографической традицией, а «с Востока на Запад», или точнее, с российского Востока на российский Запад. Однако, следует отметить, что подобный подход в корне отличается от евразийской концепции российской истории, в которой главным выступает единое и целостное евразийское пространство в качестве исторической арены грандиозного действия, участники которого (индивиды и народы), взаимодействуя друг с другом, вовлекаются в сложный и многоаспектный процесс куль-

турного синтеза.

Во-вторых, они сформировали представление об «определяющем влиянии природно-климатических факторов на развитие отдельных народов», хотя и не придавали ему значения единственного ведущего концептуального фактора, как это делали евразийцы.

В-третьих (в частности, Г. Н. Потанин), выдвинули гипотезу о восточном происхождении не только славянской, но и в целом западноевропейской культуры в лице её важнейших элементов: западноевропейского эпоса, христианства и т. п. Средневековый европейский эпос и фольклор сформировались, по его мнению, под мощным воздействием эпоса и фольклора кочевых азиатских народов, с древнейших времён и до XIII в. вторгавшихся на территорию Восточной и Западной Европы. Таким образом, «мир Евразии» представлял собой единую «огромную мастерскую от Монголии до Франции», в которой путём передвижения кочевых племён Азии с Востока на Запад и в обратном направлении шёл непрерывный культурный обмен. Следует заметить, что данная идея может оказаться весьма плодотворной при разработке новой Всемирной истории.

В-четвёртых, они первыми в истории российской социально-политической мысли коренным образом поменяли отношение к истории и культуре кочевых народов. Пионерской в этом отношении стала статья Н. М. Ядринцева «Значение кочевого быта в истории человеческой культуры», в которой он представил кочевую цивилизацию как отдельный этап в историческом развитии всего человечества со своей внутренней эволюцией, показал разнообразие кочевых культур и их внутреннее богатство, особенно в духовном творчестве. Он разъяснял: «Кочевник стал обладать уже известным досугом, который давал ему возможность философствовать, творить, создал богатую фантазию, поощрил мечтательность и создал поэзию; кочевые племена очень певучи, мифы, сказки их богаты образами, как и моралью» [14, с. 271]. В процессе эволюции кочевая культура достигла совершенства, при этом нельзя сравнивать оседлую и кочевую культуру по одному только параметру: уровню технологического развития. Каждая из культур была самосовершенной, но межкультурные связи приводили к тому, что они становились частью более общего единого целого. В исторической драме борьбы азиатских кочевников с оседлыми народами Восточной и Западной Европы Н. М. Ядринцев рассматривал не борьбу всемирных добра и зла, не борьбу цивилизации с варварством, а позитивный обмен культурными ценностями. Он писал, что «переселение и передвижение народов с востока должно рассматриваться не только в смысле нашествия варваров, но и как начало культурного сближения и обмена Востока с Западом» [14, с. 270]. В частности, речь шла о культурном обмене между «богатыми оседлыми культурами и цивилизациями» Турана (Фергана, Бухара, Туркестан) и народами Восточной и Западной Европы через посредство азиатских степных кочевников. Таким образом, мировая культура представлялась областникам единой культурой, в которой происходил свободный и взаимопродуктивный обмен между различными её компонентами, где сперва Восток оказывал мощное влияние на Запад, а потом Запад выдвинулся на первый план и стал оказывать обратное благотворное влияние на Восток. Развивая эту мысль областников, можно высказать предположение, что подобный же обмен осуществлялся и между Тураном и всей Сибирью, а также кочевники заносили в Сибирь материальные и культурные ценности из Китая, Ирана и Ближнего Востока. Однако эта гипотеза пока нуждается в тщательной разработке.

И, наконец, в-пятых, они заявили о формировании за Уралом особой «сибирской народности», которая была смешением тюрков, финно-угров и славян, т. е. заявили о процессе этнокультурного синтеза, в результате которого сформировалась новая этнокультурная общность. Следует заметить, что они были не первыми, кто обратил внимание на этот феномен. Так, Н. В. Гоголь и Н. Н. Костомаров писали, что украинский этнос возник из смешения славянского населения южной части Древнерусского государства с тюрками, а великорусский – в результате смешения северо-восточных славян с финно-уграми.

Эта же идея легла в основу «туранской теории» Францишека Духинского [15, р. 160–184]. Однако сибирские областники впервые поставили проблемы этнокультурного синтеза в центр научного изучения и первыми предприняли описание этого процесса на конкретном материале Сибирского региона.

Можно сделать вывод, что история областничества и эволюция его идей весьма основательно разработаны в трудах упоминавшихся выше исследователей, однако некоторые аспекты областнической теории, в частности, взаимосвязь с национальным возрождением, которое охватило Украину и Польшу в середине XIX в., лишь намечены. В этой связи представляет интерес сравнить их вклад в общественную мысль с идеями Ф. Духинского, в частности с разработанной им «туранской концепцией».

Научное наследие Францишека Духинского в наше время активно привлекается украинскими учёными для обоснования европейского выбора Украины, однако его имя практически неизвестно российскому сообществу, хотя его антропологическая «туранская» концепция послужила основой для разработки евразийской концепции. Попробуем установить взаимосвязь концепции Ф. Духинского с культурно-историческим контекстом, в котором она зарождалась.

Францишек Духинский родился в 1816 г. в обедневшей шляхетской семье на территории правобережной Украины, входившей в состав Российской империи. Учился в школах Бердичева и Умани, принадлежавших католическому ордену кармелитов. Ярким воспоминанием его отрочества, воспоминанием, которое определило его дальнейшую судьбу, явилось польское восстание 1830–1831 гг. и его жестокое подавление русскими войсками. Хотя Духинский, в силу возраста и территориальной отдаленности от Царства Польского, не мог наблюдать события в непосредственной близости, не говоря уже о том, чтобы принять в них участие, отзвуки героической борьбы польского народа за национальное освобождение сформировали у 15-летнего подростка, с одной стороны, горячий польский патриотизм, а, с другой стороны, такую же горячую ненависть к России, которую Духинский воспринимал как враждебную силу, угнетающую его родину.

В 1834 г. Духинский приехал в г. Киев, где устроился домашним учителем в семьях польских помещиков и где прожил почти 12 лет, до 1846 г. Киевский период жизни Духинского является наиболее важным для понимания истоков его «туранской» концепции. Люди, знавшие Духинского в эмиграции, описывали его как «человека благородного, мягкого в личных отношениях, но догматичного и непоколебимого в теоретических построениях» [16]. Исходя из такой оценки, мы вправе предположить, что именно в Киеве, где он прожил с 18 до 30 лет (период интеллектуального созревания человека), сформировались взгляды Духинского, включая этнологические представления, изложенные позднее в его трудах.

Киев 1830–1840-х гг. был польско-украинско-русским и отчасти еврейским городом, где царил напряженная атмосфера, обусловленная не только русификаторской политикой царского правительства в отношении поляков (априори подозреваемых в стремлении к заговорам), но также подъемом национального сознания и национального патриотизма в среде нарождающейся малороссийской (украинской) интеллигенции. Это культурное явление было частью общеславянского возрождения, охватившего в первой половине XIX в. практически все славянские народы Восточной Европы. В г. Киеве, как в центре интеллектуальной жизни не только Восточной Украины, входившей в состав Российской империи, но также и Польши, поскольку в то время здесь доминировали польский язык и польская культура, ярко проявились три разнонаправленные тенденции славянского культурного возрождения: а) общеславянская, нацеленная на создание славянской федерации, основанной либо на демократических началах, либо под эгидой России; б) национально-освободительная, преимущественно, польская, добивавшаяся восстановления независимого польского государства в границах 1772 г. и в) национально-

культурная, преимущественно, украинская, добивавшаяся не столько независимости Украины от России, сколько признания национально-культурного своеобразия украинского народа и его прав на свободное развитие в составе Российской империи.

Следует отметить, что концепция Духинского сложилась под влиянием таких деятелей украинского возрождения как Н. И. Костомаров, М. А. Максимович и Н. В. Гоголь, которые оказали несомненное влияние на формирование взглядов сибирского областничества. Причинами того, что концепция Францишека Духинского осталась без внимания со стороны россиян, были якобы «антирусская» направленность его идей и приписываемое ему утверждение, что ни русский народ, ни русское государство не принадлежат к «европейскому миру» ни в антропологическом, ни в культурно-историческом планах. Между тем подобная позиция самого Духинского была обусловлена тем, что она была протестом против русификаторской политики царского правительства в отношении поляков, а также была связана с подъёмом национального самосознания в среде украинской интеллигенции, что в свою очередь было лишь частью подъёма, охватившего в начале – первой половине XIX в. славянские народы в Восточной Европе. Точно также отношение царского правительства к Сибири как к «колонии» вызвал к жизни многие идеи сибирских областников.

Заключение

И Ф. Духинский и сибирские областники, разрабатывая свои концепции, подчиняли их не только научным задачам, но и целям борьбы против царского самодержавия. Поэтому не допустимо смешивать научную составляющую их теорий и идеологическую, хотя нельзя отрицать и того, что последняя оказывала влияние на первую. Но нельзя забывать и того, что сибирские областники и Ф. Духинский поставили перед историками и обществоведами важнейшие проблемы историко-культурного и этнокультурного синтеза, происходившие как в Сибири, так и в Европейской России, а также «ввели» кочевые народы в число «исторических». В то же время анализ их концепций позволяет сделать вывод, что история Сибири и история кочевых народов является ключевой в разработке современной концепции Всемирной истории.

Список литературы:

1. *Исхаков, Д. М.* Институт сибирских князей : генезис, клановые основы и место в социально-политической истории Сибирского юрта / Д. М. Исхаков // Гасырлар авазы. 2008. № 2.
2. *Нестеров, А. Г.* Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) / А. Г. Нестеров // Сибирские татары. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 19–20.
3. *Исхаков, Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. / Д. М. Исхаков. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2004. 132 с.
4. *Маслюженко, Д. Н.* Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрахим-хана (вторая половина XV в.) / Д. Н. Маслюженко // Тюркологический сборник. 2007–2008. М. : «Восточная литература», 2009. С. 237–257.
5. *Gilb, C. L.* Toward holistic history: The Odyssey of the interdisciplinary historian / C. L. Gilb. Atherton : Atherton Press, 2005. 487 p.
6. *Frank, A. G.* No civilization / A. G. Frank. URL : http://www.rrojasdatabank.info/agfrank/no_civilization.html (дата обращения 11.04.2015).
7. *Вернадский, Г. В.* Монголы и Русь / Г. В. Вернадский. Тверь : ЛЕАН, 1997. 476 с.
8. *Гумилёв, Л. Н.* Хунну : Срединная Азия в древние времена / Л. Н. Гумилёв. М. : Ин-т вост. лит-ры, 1960. 292 с.
9. *Гумилёв, Л. Н.* Древние тюрки / Л. Н. Гумилёв. М. : Наука, 1967. 504 с.
10. *Гумилёв, Л. Н.* Из истории Евразии / Л. Н. Гумилёв. М. : Искусство, 1993. 78 с.

11. *Шиловский, М. В.* Сибирские корни евразийства / М. В. Шиловский // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1 : Культурный космос Евразии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 102–111.

12. *Шиловский, М. В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. / М. В. Шиловский. Новосибирск : Сова, 2008. 270 с.

13. *Селиверстов, С. В.* Г. Н. Потанин: сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX в.) / С. В. Селиверстов // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300. С. 107–115.

14. *Ядринцев, Н. М.* Сочинения. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение / Н. М. Ядринцев. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 336 с.

15. *Duchński, F.-H.* Peuples aryâs et tourans, agriculteurs et nomades, nécessité des réformes / F.-H. Duchński. Paris : F. Klincksieck, 1864. 186 p.

16. *Лисьяк-Рудницький І.* Францішек Духінський та його вплив на українську політичну думку // Українские страницы. – URL: <http://www.ukrstor.com/ukrstor/rudnycki.html> (дата обращения 1.10.2014).

V. G. Kokoulin, I. V. Likhomanov, A. R. Rakhmatullina

Siberian “Oblastnichestvo” (Regionalism) and Turonian concept by Franciszek Duchinski

Summary: The article is devoted to comparative analysis of ideas by Siberian “Oblastnichestvo” (Regionalism) in the second half of the 19th – beginning of 20th century and Turonian concept by Franciszek Duchinski in the context of formation of Ukrainian and Polish national consciousness in the middle of 19th century. The main problem is to reveal of those aspects of these concepts which have the scientific character important for understanding of history of Siberia since the most ancient times until the end of the XVI century; separation of these aspects from a political and ideological component inevitably inherent in polemical works. Authors of article pay special attention, that the creation of the new concept of the World history is impossible without inclusion in it the history of Siberia, understanding not as a history of the states, but as the history of cross-cultural and intercivilization communications. The main conclusion in the article: the contribution of the Siberian “Oblastnichestvo” and F. Dukhinski is in their changing a view on history of Russia – not "from the West to the East", according to the Russian historiographic tradition, but "from the East to the West", or is more exact, from the “Russian East on the Russian West”. They formed the idea of the defining influence of climatic factors on development of the nations, though they didn't make it the only leading conceptual factor as it was done by Eurasians. They formulated a hypothesis of east origin not only Slavic, but also in general the West European culture in its major elements: West European epos, Christianity, etc. They were the first in the history of the socio-political thought in Russia who radically changed the relation to history and culture of the nomadic people. They declared formation beyond the Urals by the special “Siberian nationality” which was mixture of Turkish, Finno-Ugric and Slavic elements, i.e. declared process of ethnocultural synthesis as a result of the creating of the new ethnocultural community.

Key words: Siberian “Oblastnichestvo” (Regionalism), Eurasians, Turan, nomadic cultures, Siberia, cross-cultural communications.

Novosibirsk Highest Military Command Institute (630117, Novosibirsk, Ivanova Str., 49)
Novosibirsk State University (630090, Pirogova Str., 2; tel: +7-953-762-10-84; e-mail: kwladislaw@yandex.ru)

«ПОЛЬСКАЯ» ФАСОЛЬ В СИБИРИ: ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ, ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ.

Аннотация: В статье рассмотрена история происхождения, распространения, также традиции и генетический потенциал польской фасоли. Приведен результат изучения коллекционных образцов фасоли в условиях южной лесостепи Западной Сибири. Выделены ценные источники из генбанка Польши по различным направлениям селекции.

Ключевые слова: сорта фасоли польской селекции, урожайность, качество бобов и семян.

Фасоль – однолетнее растение семейства бобовых с длинными стручками и зернами продолговатой формы, употребляемое в пищу. Культура фасоль является ценным зернобобовым сельскохозяйственным растением, и в мировом земледелии она занимает первое место среди пищевых бобовых, употребляемых человеком. Фасоль используется как кормовое, лекарственное, сидеральное и техническое растение. Следует отметить и ценные декоративные свойства фасоли, особенно многоцветковой (*Phaseolus coccineus* L.), благодаря которым она получила широкое распространение как цветочное растение, используемое преимущественно для вертикального озеленения.

Родиной фасоли является Южная Америка, где она с древних времен возделывалась индейцами, еще задолго до прихода туда европейцев. В Европу плоды фасоли привезли испанцы вместе с золотом, маисом, помидорами и зёрнами какао. В Россию фасоль попала в XVIII веке из Турции, Франции или Польши и на первых порах носила название турецких и французских бобов. Слово «фасоль» (по-польски – *fasola*) пришло в русский язык в середине XIX в. из польского языка, хотя и является латиногреческим по происхождению.

История распространения фасоли в России мало известна, между тем, потенциальными трансляторами этой культуры в российском обществе могли быть польские ссыльные. «Невозможность реализовать свои профессиональные навыки была причиной того, что поляки даже в сельском хозяйстве вводили новые методы, такие как плуги и косы из Литвы называемые литовками, которые использовали местные крестьяне, и новые семена пшеницы, привезенные из Польши. В садоводстве под их влиянием были введены такие овощи, как петрушка, сельдерей, лук, фасоль, тыква и цветная капуста» [1]. Этот сюжет может быть еще более интересным в связи с тем, что в XIX в., фасоль, а точнее особый ее сорт – «фасоль с орлом» становится значимым национальным символом в глазах поляков. Растение происходило с бывших восточных окраин Речи Посполитой. На белых семенах фасоли был виден орел вишнево-красного цвета. А на некоторых зернах присутствовало даже небольшое пятно, напоминающее польскую корону герба.

Во время разделов Польши фасоль сеяли между картофелем, чтобы ее не было видно и чтобы избежать репрессий. Традиция и патриотический долг обязывали поляков съесть бобы во время Рождества. Важность фасоли как патриотического символа подтверждает, по мнению профессора Анны Рознер, дискуссия, развернувшаяся в сфере власти на тему специфического сорта фасоли с изображением орла на семенах, якобы выращиваемого поляками в некоторых регионах Польши. Причем инициатором этой дискуссии стал В. Я. Рупперт [2]. Продолжала ли играть фасоль роль национального символа в Сибири, не известно.

В настоящее время фасоль возделывают более чем в 70-ти странах, расположенных

в различных почвенно-климатических зонах. В мире общая площадь посевов культуры составляет около 30 млн. га [3, с. 2]. В связи с биологическими особенностями фасоли ее промышленное возделывание в Европе имеет ярко выраженный зональный характер. Так, большие посевные площади под фасоль отведены в Польше, Англии, Франции, Венгрии, Чехии, Словакии, Румынии, Италии, Испании. Высокие требования предъявляются к сортам фасоли, выращиваемых в Польше. Здесь ведется селекционная работа и сосредоточен ценный генофонд культуры.

Целый ряд объективных и субъективных факторов в значительной степени сдерживают промышленное возделывание фасоли в России. К числу факторов можно отнести отсутствие достаточного ассортимента, включенного в Государственный реестр сортов для Сибирского региона. Например, в странах Евросоюза допущено к использованию 2518 сортов фасоли, во Франции дополнительно зарегистрировано 1398 сортов национальной селекции, в Польше - 300, Венгрии - 114, Болгарии - 61 и т.д. В 2014 г. в Государственном реестре селекционных достижений, допущенных к использованию в РФ, зарегистрировано 17 сортов фасоли зернового использования и 65 сортов овощного [4].

Для решения задачи более широкого внедрения фасоли необходимо создание сортов интенсивного типа с широкой генетической основой, пригодных как для Сибирского регионов традиционного приусадебного выращивания фасоли. Работы по селекции таких сортов требуют использования разнообразного исходного материала с высоким потенциалом продуктивности, адаптированного к конкретным экологическим условиям. Для его создания необходимо разностороннее изучение генетических ресурсов фасоли (селекционных, изопризнаковых, генетических, стержневых (коре-коллекций) и других коллекций), откуда впоследствии будет осуществляться выбор наиболее подходящих родительских форм. Успех такой работы определяется не только глубиной изучения местных сортов, но и уровнем мобилизации мировых генетических ресурсов, их оценкой в конкретных агроклиматических условиях, накоплением и дальнейшими испытаниями большого числа сортов, линий, мутантов и другого материала различного происхождения, перспективных для вовлечения в селекционный процесс.

Работа по накоплению, изучению и сохранению генетических ресурсов фасоли широко ведется в странах Европы, Северной и Южной Америки. В этих странах расположены основные селекционные центры по созданию новых сортов фасоли. Благодаря обмену генетическими ресурсами с такими центрами нам удалось в период с 1998 по 2014 гг. изучить в полевых условиях опытного поля лаборатории селекции и семеноводства полевых культур ОмГАУ им. П.А. Столыпина более 500 образцов фасоли различного происхождения, из которых более 100 стали основой нашей коллекции, из них 50 польского происхождения. Основным критерием включения образцов в коллекцию является его достаточная семенная продуктивность, качество боба, устойчивость к болезням.

Проблема повышения продуктивности сибирской земли остается в центре внимания науки и практике. Разнообразие природно-климатических условий региона, их суровость и изменчивость во времени и пространстве ставят исключительно сложные проблемы перед сибирским земледелием. Особенности сибирского резко-континентального климата заключается в том, что по характеру распределения и интенсивности проявления метеорологических факторов по годам и в течение вегетационного периода наблюдается значительная неустойчивость, а почвенный покров характеризуется разнообразием и выраженной комплексностью. В этой связи одно из центральных мест в повышении производительности сибирской земли принадлежит сорту как динамической биологической системе, обладающей способностью реализовать потенциал генотипа при определенных технологических условиях [5,6,7].

В отдельных зонах следует учитывать специфичность культуры и выводить сорта, приспособленные к определенным климатическим условиям. Для районов Нечерноземья необходимы устойчивые к холоду, нейтральные по отношению к длине дня сорта. Для степ-

ных районов они должны быть засухоустойчивыми, для засоленных почв – устойчивыми к засолению. Перед селекционерами (независимо от зон выращивания) стоит задача выведения сортов, пригодных к механизированному возделыванию, кустовых или слабовьющих, с высоким прикреплением нижнего боба и дружным созреванием [8].

В настоящее время коллекционный материал в первозданном виде далеко не всегда удовлетворяет селекционера. Для большинства коллекционных образцов характерен ряд отрицательных признаков и свойств, требующих серьезной селекционной доработки [9,10].

Задача селекции фасоли всех направлений использования (луцильного и овощного) для Западной Сибири – создание сортов с высокой продуктивностью (зрелых семян или зрелых бобов), коротким вегетационным периодом (70–90 суток), высокорослыми растениями (55–70 см) кустового типа; пригодных для механизированной уборки, обладающих устойчивостью к пониженным температурам, невосприимчивых к грибным и бактериальным болезням, обладающих высокими кулинарными, вкусовыми и питательными свойствами. Современные сорта должны быть нейтральными к длине дня и обладать высокой симбиотической активностью [11,12].

Селекционную работу следует проводить по целому комплексу морфологических, биологических и технологических признаков и свойств. Главные из них: высокая продуктивность и качество зеленых бобов, устойчивость к болезням и вредителям, пригодность к механизированному возделыванию и высокая технологичность семян. Внедрение в производство новых высококачественных, устойчивых к болезням сортов и гибридов позволяет без дополнительных затрат повысить урожайность и качество продукции. Однако при использовании ценных сортов, полученных в других природно-климатических зонах, не всегда обеспечен успех. Мы считаем, основная трудность распространения таких сортов в том, что выведенные в иной зоне и показавшие там высокую продуктивность они оказываются непригодными для других зон, поэтому каждая зона возделывания должна иметь свой сортовой состав, адаптированный к местным почвенно-климатическим условиям и устойчивый к основным вредоносным заболеваниям. Многие сорта фасоли различных стран, особенно Польши, Германии, стали исходным материалом для создания ценных отечественных сортов и сортов селекции ОмГАУ им. П.А. Столыпина.

Таким образом, в результате изучения коллекционных образцов фасоли в лаборатории селекции и семеноводства агротехнологического факультета ОмГАУ им. П.А. Столыпина (*Phaseolus vulgaris* L.) в условиях южной лесостепи Западной Сибири полученный материал позволил нам выделить ценные источники из генбанка государства Польше по различным направлениям селекции:

- скороспелости: Peus, Polka Majorka;
- числа бобов на растении: Zolta Sonesta, Hit, Клондайк, Karona, Polka, Tara, Majorka, Ibiza;
- урожайности зеленых бобов: Zolta Sonesta, Hit, Zlota Saxa, Polka, Tara, Karona, Ibiza, Majorka. Polka, Клондайк;
- пригодности к механизированной уборке: Hit, Peus, Maxidor, Majorka, Polka, Бона;
- технологичности: Zolta Sonesta, Hit, Zlota Saxa, Peus, Polka, Tara, Ibiza, Polka,;
- высокой семенной продуктивности: Zolta Sonesta, Hit, Polka, Tara, Ibiza и Клондайк;
- высокой симбиотической активности: Polka, Бона;
- комплексной устойчивости к поражению болезнями: Peus, Hit, Ibiza, Polka;
- высокого содержания сырого протеина: Ibiza, Polka;

Источниками по комплексу биологических и хозяйственно-ценных признаков являются образцы фасоли овощного назначения Польской селекции: Hit, Ibiza, Polka.

В современных условиях в решении проблемы производства продукции растениеводства создание и широкое использование новых сортов и гибридов растений занимает

центральное места как важнейшей составной части развития инновационных технологий. Ценность данных исследований определена новизной и комплексностью их проведения, так как в оценке исходного материала принимали участие не только селекционеры, но и специалисты смежных подразделений – агрохимии, физиологии, биохимии, растениеводства и др. Это позволило сконцентрировать генетический фонд Польской селекции по отдельным проблемам и на его основе создать новый селекционный материал, пригодный для возделывания в сложных условиях южной лесостепи Западной Сибири.

Работа на этом не остановлена: всестороннее изучение исходного материала продолжается. Это процесс непрерывный, так как ежегодно в мире создается большое количество новых сортов, с совершенно иными свойствами. Растут потенциал урожайности, качество продукции (бобов, зерна), устойчивость к болезням, совершенствуется в связи с этим архитектура растений.

Список литературы:

1. *Chernyshev, A.* Działalność oświatowa zesłańców po Powstaniu Styczniowym 1863-1864 r. w guberni jenijskiej / A. Chernyshev, S. Leończyk // *RodacynaSyberii* [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.rodacynasyberii.pl/teksty/3/artykuły/4904/1/działalność-oświatowa-zesłańców-po-powstaniu-styczniowym-1863-%601864-r.-w-guberni-jenijskiej](http://www.rodacynasyberii.pl/teksty/3/artykuły/4904/1/działalność-oświatowa-zesłańców-po-powstaniu-styczniowym-1863-%601864-r.-w-guberni-jenijskiej) (dostęp z dnia 10.03.2015).
2. *Krzysiak, E.* Polska fasola z orzełkiem wyrosnie w Ogrodzie Reformacji / Ewa Krzysiak // *Wiadomości24 – Polska*, 2014 [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.wiadomosci24.pl/artukul/polska_fasola_z_orzelkiem_wyrosnie_w_ogrodzie_reformacji_300763.html](http://www.wiadomosci24.pl/artukul/polska_fasola_z_orzelkiem_wyrosnie_w_ogrodzie_reformacji_300763.html) (dostęp z dnia 10.03.2015).
3. *Задорин, А. Д.* Новые продукты переработки зерна бобовых и крупяных культур / А. Д. Задорин [и др.] // *Материалы докладов 1-ой Российской научно-практической конференции «Актуальные проблемы инноваций с нетрадиционными растительными ресурсами и создания функциональных продуктов»* [Электронный ресурс]. URL : [http : //chem.kstu.ru/butlerov_comm/vol2/cd-a2/data/jchem&cs/russian/n5/1vr80/80.htm](http://chem.kstu.ru/butlerov_comm/vol2/cd-a2/data/jchem&cs/russian/n5/1vr80/80.htm) (дата доступа: 10.03.2015)
4. *Государственный* реестр селекционных достижений, допущенных к использованию – Москва : ФГБУ «Государственная комиссия Российской Федерации по испытанию и охране селекционных достижений», 2014. Т. 1. 456 с.
5. *Цильке, Р. А.* Генетические основы селекции мягкой яровой пшеницы на продуктивность в Западной Сибири: автореф. д-ра биолог. наук. / Регинальд Александрович Цильке. Новосибирск, 1983. 45 с.
6. *Цильке Р. А.* Генетика, цитогенетика и селекция растений / Р. А. Цильке. Новосибирск : НГАУ, 2003. 620 с.
7. *Цильке, Р. А.* Прикладная генетика : учеб. пособие на русском и английском языках / Р. А. Цильке. Новосибирск, 2012. 750 с.
8. *Казыдуб, Н. Г.* Оценка коллекции зерновой фасоли и создание исходного материала для селекции в условиях южной лесостепи Западной Сибири: автореф. дис. . канд. с.-х. наук: 06.01.05 / Нина Григорьевна Казыдуб. Омск, 2005. 20 с.
9. *Магомет, Л. Л.* Изучение исходного материала, выведение, испытание новых сортов овощной фасоли: автореф. дис. . канд. с.-х. наук: 06.01.05 / Лев Львович Магомет. - Киев, 1975. 24 с.
10. *Жученко, А. А.* Адаптивная система селекции растений (эколого-генетические основы) : монография : в 2 т. / А. А. Жученко. М.: РУДН, 2001. Т. 1, 2. 1489 с.
11. *Юрийчук, И. И.* Селекция и технология возделывания фасоли / И. И. Юрийчук // *Селекция, семеноводство и технология возделывания зернобобовых культур* : Сб. науч.

тр. Орел, 1985. С. 52 – 57.

12. *Казыдуб, Н. Г.* Вклад симбиотического азота бобовых (фасоль овощная и зерновая) в плодородие почв Западной Сибири / Н. Г. Казыдуб, А. П. Клинг, О. Ю. Турина // Экономические и экологические проблемы в меняющемся мире: монография. СПб, 2010. С. 111 – 113.

N. G. Kazydub, M. A. Kopylova

Polish the beans in Siberia: history, traditions, genetic potential.

Summary: The article discusses the history of the origin, distribution, traditional and genetic potential of the Polish beans. Shows the result of examining the collection of samples of beans in the conditions of southern forest-steppe of Western Siberia. Selected valuable sources from the gene Bank of Poland for different directions of selection.

Key words: varieties of beans Polish breeding productivity, quality beans and seeds.

Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin (Omsk, 644008, Institut-skaya pl., 2, e-mail: ng-kazydub@yandex.ru)

УДК 378.663(571.13):001.83

Н. В. Стаурская, Т. Ю. Степанова

ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ П. А. СТОЛЫПИНА С РЕСПУБЛИКОЙ ПОЛЬША: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В статье описывается путь Омского государственного аграрного университета имени П.А. Столыпина по налаживанию сотрудничества с научно-образовательными организациями Республики Польша. Подводятся промежуточные итоги данной работы. Изучается роль польских партнеров в расширении географии сотрудничества ОмГАУ. Рассматриваются перспективы развития сотрудничества с польскими коллегами.

Ключевые слова: Республика Польша, полонистика, академическая мобильность, международное сотрудничество.

Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина по праву считается региональным центром по сотрудничеству с Республикой Польша. Такого положения вуз добился не в один день, - тому способствовал долгий путь, в течение которого достигались большие и малые цели, делались шаги, а иногда и прорывы. Сегодня сотрудничество ОмГАУ с Республикой Польша – устоявшаяся реалья, одна из крепких основ международной деятельности университета. Необходимо отметить, что причиной тому стал тот фактор, что данное направление сложилось исторически, естественным образом пройдя путь от первых исследований, посвященных полонистике до создания специализированного центра, проведения международных конференций высоко уровня и других дел, составляющих сотрудничество ОмГАУ с Республикой Польша.

На сегодняшний день сотрудничество с Республикой Польша осуществляется по ряду приоритетных направлений, которые в своем взаимодействии создают комплекс мер по интернационализации университета уже не только в рамках отдельно взятого европейского государства, но и Европейского Союза в целом.

Первым по мере появления основополагающей роли является проведение совместных научных исследований по вопросам польской ссылки в Сибири, изучение опыта культурного, социального, экономического взаимодействия ссыльных поляков и жителей Сибири XIX века и далее, по мере укоренения присутствия польских переселенцев в регионе. Проведение данной научной работы было инициировано доцентом Светланой Анатольевной Мулиной, ныне возглавляющей Центр польской истории, языка и культуры на базе ОмГАУ. Именно посредством налаживания диалога между историками-полонистами стало возможным осуществлять дальнейшее сотрудничество ОмГАУ с Республикой Польша.

Так, на протяжении всего сотрудничества университета с Республикой Польша, подобно маятнику, задает темп работе, международная научно-практическая конференция «Сибирская деревня» - крупное научное бьеннале, ныне объединяющее не только историков, но и аграриев, экологов, экономистов, филологов, философов, культурологов. Начинаясь она в середине 1990-х гг. как внутривузовская, но довольно быстро приобрела всероссийский, а после и международный характер. «Польский крен» у конференции обнаружился с 2006 г., когда проходила VI «Сибирская деревня». Тогда соорганизатором конференции стал Институт международных исследований Лодзинского университета. В конференции приняли участие польские ученые из Лодзи, Слупска, Гданьска и Торуня. А также представители всепольской общественной организации «Вспульнота Польска» Тадеуш Маркевич и Казимеж Юрчак. В 2009 г. польско-деревенская тематика получила неожиданную поддержку у Конгресса поляков в России. При его инициативе и финансовой поддержке Сената Республики Польша и Фонда «Помощь поляком на Востоке» в августе 2009 г. ОмГАУ совместно с тарскими филиалами Омского аграрного университета и Омского педагогического университета стал организатором международной научно-практической конференции «Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни». Надо сказать, что за 20 лет проведения конференции расширился не только спектр предметных областей, но и география, а также уровень зарубежного присутствия. Если первые конференции позиционировались исключительно как российско-польские, то сегодня «Сибирская деревня» - площадка научного диалога между исследователями не только из Польши и России, но и Франции, Чехии, Германии, Казахстана, Белоруссии. Юбилейная, X международная научно-практическая конференция «Сибирская деревня», прошедшая в ОмГАУ в апреле 2014 г. объединила 300 участников из стран СНГ и ЕС. Нельзя не отметить, что в последние годы высокий статус конференции определяется присутствием на ней представителей дипломатического корпуса Республики Польша, что определяет ее значение в русле российско-польского диалога. На региональном уровне конференция неизменно получает поддержку от Министерства сельского хозяйства и продовольствия Омской области, Министерства культуры Омской области, местных культурных сообществ. Неоднократно в рамках конференции проходили встречи правительственного уровня.

Одним из вариантов сотрудничества ОмГАУ им. П.А. Столыпина с польскими вузами стала практика проведения заочных российско-польских студенческих конференций (2006, 2007, 2008 гг.). В сборник материалов первой и второй конференции вошли статьи студентов Лодзинского университета на тему «культурной запрограммированности народов Европы». В свою очередь посредством сборника, отправленного в Польшу, они узнали о проблемах социально-экономического развития регионов Сибири и приграничья. Наиболее интересным оказался сборник 2008 года, в котором кроме польских и россий-

ских участников были опубликованы работы студентов из Беларуси и Литвы. Языками конференции, помимо польского и русского, стал английский. Польские доклады представили студенты института международных отношений университета Н. Коперника в Торуне. К сожалению, сборник 2009 года вышел без участия польских коллег и стал отражением сотрудничества с республикой Казахстан, однако двери для научного сотрудничества аспирантов и студентов широко открыты и сегодня.

В 2007 году начался новый этап развития сотрудничества с Республикой Польша. Причиной тому стало то, что ОмГАУ в составе консорциума европейских и российских вузов, получил грант на осуществление международной академической мобильности в рамках программы Erasmus Mundus: External cooperation Window. Работа проекта Erasmus Mundus IAMONET-RU ведется и по сей день. Среди восьми европейских вузов-партнеров особое место занял Варшавский университет естественных наук – SGGW. Именно этот вуз чаще других вызывает интерес аспирантов, магистрантов, аспирантов и научно-педагогических работников ОмГАУ. Помимо того, что SGGW располагает научно-технической базой для реализации научно-академического сотрудничества практически по всем направлениям деятельности ОмГАУ, этот вуз максимально открыт сотрудничеству с Россией. Это не говорит о том, что другие вузы партнерства были недостаточно оценены омичами, а скорее о том, что у российского и польского народа сложилось особое взаимопонимание. Благодаря долговременному сотрудничеству, НПП и обучающиеся ОмГАУ больше не воспринимают Польшу как далекое государство, где придется преодолевать множество барьеров, языковых и культурных. На смену известного многим чувства страха перед первой поездкой за границу, пришло чувство уверенности в успешности предприятия и отсутствия страха быть непонятым во всех смыслах этого слова. Еще одной причиной налаживания эффективного сотрудничества и установления конструктивного диалога между вузами стало то, что руководитель международной службы SGGW доктор Мечислав Рыгальски посетил ОмГАУ в первые месяцы работы проекта, обозначив тем самым открытость к сотрудничеству.

С 2007 года в Варшавском университете естественных наук прошли стажировки более 30 представителей омских вузов, большее число – от ОмГАУ. Как видно, возможностью перенять зарубежный опыт воспользовались не только представители ОмГАУ, но и многочисленные магистранты, аспиранты и преподаватели других омских вузов. Кроме того, в рамках того же проекта ОмГАУ посетил профессор SGGW доктор Йозеф Мосей. Во время своей стажировки доктор Мосей не только занимался проведением научных исследований, но и читал лекции для студентов ОмГАУ, активно общался с коллегами. Результатом визита стало то, что в дальнейшем профессор осуществлял научное руководство нескольких омских стажеров в SGGW и внес значительный вклад в укрепление сотрудничества ОмГАУ и SGGW, в особенности, по инженерному направлению. Кроме того, в дальнейшем в рамках проекта ОмГАУ посещали студенты, магистранты, аспиранты из Польши, Чехии, Италии, Португалии. В настоящий момент в ОмГАУ полугодовую стажировку проходят аспиранты-историки из Университета Николая Коперника в Торуне и Университета Яна Кохановского в Кельце.

Успешная работа в рамках проекта Erasmus Mundus IAMONET-RU позволила ОмГАУ расширить географию стран сотрудничества не только в Польше, но и Германии, Италии, Австрии, Чехии, Нидерландах, Дании, Швеции. Так, параллельно с осуществлением академической мобильности, началась работа по реализации трех проектов в рамках программы Европейского Союза Tempus.

В 2009 г. ОмГАУ и SGGW вместе с коллегами из других европейских вузов начали работу в рамках проекта Tempus «Повышение квалификации в сфере устойчивого развития сельских территорий и экологии - RUDECO». Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина в проекте выполнял функцию регионального офиса

и, также, курировал работу коллег из Новосибирска и Улан-Удэ. В результате реализации проекта была разработана полноценная система повышения квалификации для фермеров и представителей государственных структур, курирующих вопросы, связанные с сельским хозяйством, развитием территорий и экологией. Кроме того, ОмГАУ вновь расширил географию своего сотрудничества, наладив партнерские связи с Францией.

Если в двух вышеуказанных проектах Варшавский университет естественных наук выступал партнером, то в 2011 г. он пригласил ОмГАУ присоединиться к новому проекту Tempus, где SGGW выполнял роль грантодержателя. Так, в 2012 г. началась работа по реализации проекта Tempus «Разработка рамки квалификации в сфере наук о питании в российских вузах - DEFRUS». Также в реализации проекта приняли участие вузы из Австрии, Португалии, Ирландии и Италии. Рабочей группой НПП ОмГАУ была проведена значительная работа по изучению зарубежного опыта по разработке и внедрению рамки квалификации. В результате реализации проекта была разработана отраслевая рамка квалификации по направлению подготовки бакалавров и магистров в сфере наук о питании. Важным результатом реализации проекта стало создание международного учебно-тренингового центра по разработке рамок квалификации, оборудованного новейшими техническими устройствами. Стоит упомянуть, что данный опыт сотрудничества с SGGW в очередной раз внес значительный вклад в развитие отношений ОмГАУ с вузами Европейского Союза в целом. В 2015 г. началась активная работа по сотрудничеству с Политехническим институтом Коимбры: в ОмГАУ с целью проведения научных исследований на полгода приехала магистрантка, а марте 2015 г. университет посетил ее научный руководитель, в рамках визита которого был подписан двусторонний договор о сотрудничестве.

Положительный опыт реализации проекта Tempus DEFRUS обусловил начало работы SGGW и ОмГАУ в рамках проекта Tempus «Разработка рамки квалификации по землеустройству в российских вузах - ELFRUS».

Для расширения сотрудничества с февраля 2008 г. на гуманитарном факультете ОмГАУ организованы курсы польского языка. В ноябре 2011 г. в ОмГАУ была открыта программа обучения польскому языку на двух факультетах: агрономическом и гуманитарном.

С 2010 г. в университете работает Центр польской истории, языка и культуры. Руководителем центра является С.А. Мулина. Задачей центра является популяризация польской истории, языка и культуры, а также координация и организация научных исследований в сфере польско-сибирской истории.

В планах организация лекций польских ученых, сдача студентами нашего университета экзамена на международный сертификат знания польского языка и, конечно, студенческие стажировки. Формировать фонд учебной и научной, публицистической литературы помогает Посольство Республики Польша в Москве и Фонд «Помощь полякам на востоке».

В 2011-2013 гг. на базе Центра проводились исследования по гранту РГНФ «История и культура поляков Западной Сибири. 18- 20 вв.». За два года работы по гранту было опубликовано несколько научных статей, а также монография С.А. Мулиной «Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 г. в Западной Сибири», а также биографический словарь Мулина С.А., Крих А.А. «Поляки в Западной Сибири. Последняя треть XVIII – первая треть XIX веков».

Центр польской истории, языка и культуры проводит деятельность по сбору и охране памятников истории сибирских поляков. Например, идет процесс изучения и описания польских кладбищ исчезнувших или исчезающих польских деревень. Затерянные в тайге они не имеют надлежащего ухода и постепенно стирают информацию о прошлом. 5 октября 2008 г. сотрудниками Омского государственного аграрного университета был поставлен памятный знак (крест) на католическом кладбище заброшенной польской де-

ревни Минск-Дворянское. В декабре 2011 г. заместитель председателя Конгресса поляков России С.В. Леончик от имени Польского Фонда охраны могил польских героев награбил сотрудников ОмГАУ им. П.А.Столыпина к.с.-х.н. Н.Г. Казыдуб и к.и.н. С.А. Мулину дипломами и бронзовыми медалями за спасение памятников материальной культуры, документирование и популяризацию мартирологии польского народа.

В настоящий момент ОмГАУ имеет действующие договоры о сотрудничестве со следующими вузами Республики Польша: Варшавский университет естественных наук, Университет Николая Коперника в г. Торунь, Университет Яна Кухановского в г. Кельце.

В данный момент ОмГАУ продолжает развивать сотрудничество с Польшей, как в рамках заявленных направлений, так и в новых направлениях, таких как программы Erasmus Plus и Horizon 2020. В 2015-2016 гг. планируется подписание новых договоров о сотрудничестве, чтение польскими коллегами лекций онлайн, увеличение числа польских коллеги среди НПП ОмГАУ, осуществление двусторонней академической мобильности.

N. V. Staurskaya, T. Y. Stepanova

EXPERIENCE OF COOPERATION OMSK STATE AGRARIAN UNIVERSITY NAMED AFTER P. A. STOLYPIN WITH POLAND: EXPERIENCE, PROBLEMS, PROSPECTS

Summary: The article describes the way Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin has made for setting cooperation with research and educational institutions of the Republic of Poland. Interim results and concussions. Role of Polish partners in extension of cooperation area. Capacity for further cooperation with Polish colleagues.

Key words: the Republic of Poland, Polish studies, academic mobility, international cooperation.

Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin (Institutskaya ploshad, 2, 644008, Omsk; +7 3812 651735; e-mail: adm@omgau.ru)

РАЗДЕЛ III. КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ: ПОЛЬСКИЙ ФАКТОР

УДК 947.081/086

М. К. Чуркин

ИНОЭТНИЧНЫЙ ФАКТОР В КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: Сибирь, ставшая последним продуктом колониционных усилий Российского государства, начиная с XIX в. оказывается в центре общественно-политического дискурса, масштабы и содержание которого стабильно расширялись за счёт участников (власть, публицистика, наука) и тематической палитры обсуждаемых вопросов (колониальный статус, общественное состояние, инородческий вопрос и т.). Одним из центральных вопросов сибирского общественно-политического дискурса, в границах которого выстраивалось отношение власти и общества к проблеме сибирского сепаратизма, являлась проблема определения роли, места и значения иноэтничного сегмента колониционного процесса. Представители сибирского областничества, в работах научно-публицистического характера репрезентировали идею региональной автономии, в системе координат которой иноэтничное население Сибири воспринималось как фактор, усиливающий самостоятельность восточных окраин и относительную независимость от метрополии. Адепты русского национализма на страницах изданий консервативного толка сформулировали основные положения теории «большой русской нации», призванной максимально сузить спектр влияния сепаратистских настроений в обществе, активизировав тем самым процесс «русификации» населения. С ростом переселенческого движения, а также расширением его этнического «поля», националистическое напряжение официально-консервативного блока общественно-политического дискурса оказалось значительно снижено, что способствовало формированию краткосрочного благоприятного фона для колонизации региона и относительно безболезненного вовлечения Сибири в общеимперский конструктор.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, колонизация, иноэтничный фактор, сибирское областничество, проект «большой русской нации», имперская политика, «имперская ситуация».

Исторический опыт российской колонизации достаточно широко представлен и отрефлексирован в отечественной историографии. Впервые, оценка колониционной составляющей российского исторического процесса была дана в работах С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского, сформулировавшего тезис, не потерявший своей правомочности и в наши дни, сообразно с которым «история России есть история страны, которая колонизируется» [1, с. 50]. В отличие от С. М. Соловьёва, давшего лишь описание географического контекста русской колонизации, В. О. Ключевский рассматривал и другие её аспекты: экономический, этнологический и социально-психологический. Всё это в значительной степени способствовало усложнению понятия и сближению теоретических построений российского историка с западными концепциями в оценке данного явления, в которых колониционный процесс интерпретировался как искусство, «штучная» работа, не сводимая к простому механическому перемещению народных масс и хозяйственному освоению пустующих территорий. В.О. Ключевский ввёл в научный оборот термин «скрепа», означавший, что в ходе колониционного продвижения на север, восток и северо-восток

ойкумены, решающая роль принадлежала государственным структурам, фиксировавшим результаты присвоения обширных территориальных пространств.

В этой связи, особого внимания заслуживает проблема формирования «имперской ситуации» на окраинах государства, выявления признаков «имперскости», определивших содержание колониальной программы, а также вариантов её осуществления. Следует отметить, что одним из проявлений «имперскости» и реализации имперских практик на восточных окраинах страны становится «политика населения», предполагавшая активное вмешательство государства в этнодемографическую и конфессиональную ситуацию, направленное на урегулирование задач военно-мобилизационного характера.

Именно в такой системе координат происходит становление и структурирование общественно-политического дискурса по сибирскому вопросу, в параметрах которого противоборствовали две ценностные концепции – идея федерализма и попытки «обновления» теории официальной народности графа Уварова, материализовавшиеся в проекте создания «большой русской нации». Объективной данностью, сопровождавшей дискурс, являлось уже состоявшееся признание Сибири в качестве особого региона, обладающего собственной спецификой, имманентно присущими признаками самобытности и региональной идентичности. В данном отношении вопрос о полиэтничном и, в значительной степени, поликонфессиональном составе участников колониационного процесса вписывался в схему общественно-политического дискурса эпохи, являясь своеобразным маркером геополитических устремлений империи и содержания имперской политики на восточных окраинах страны.

Первые шаги по разработке российской модели федерализма в терминологическом формате были связаны с теоретическими наработками декабриста П. И. Пестеля, запечатлёнными в конституционном проекте Н. М. Муравьёва, а также трудами Н. И. Костомарова и А. П. Шапова, провозгласивших идею о наличии у всех народов Российской империи федеративных начал. Применительно к региональному контексту, «кредо» сибирского федерализма было продекларировано в 1862 г. идеологом сибирского областничества Г. Н. Потаниным: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же» [2, с. 59]. Правда при этом, Г. Н. Потанин, уточнял, что областничество, включая в себя сепаратизм не только в области культуры, но и в области политики... не допускает крайнего акта – покушения на целостность государства [2, с. 59–60]. Рассматривая Сибирь в качестве колонии, идеологи движения (Потанин, Козьмин, Вагин и др.) конструировали программу преодоления этого положения за счёт стимулирования и организации свободных переселений, легитимации свободной сибирской торговли и выхода сибирских товаров на мировые рынки, ликвидации ссылки, преодоления общественного абсентеизма, урегулирования инородческого и национального вопроса. Важной составляющей идеологических убеждений сибирских федералистов явился тезис о неизбежном отделении колоний от метрополий. В европейской колониальной науке, ставшей источником теоретических построений сибирских областников, устами П. Леруа-Болье была озвучена максима о том, что «...метрополии должны привыкнуть... к мысли, что некогда колонии достигнут зрелости и что тогда они начнут требовать всё большей и большей, а наконец, и абсолютной независимости» [3, с. 36].

Сепаратистские «фобии» наиболее отчётливо оформились к 1860-м гг. с ростом переселенческого движения на имперские окраины. Именно со второй половины XIX столетия во властных политических программах фиксируются основные задачи конструирования империи, к числу которых относится стремление к «русификации» окраин и насаждению в их пределах русско-православного населения. В рамках усиливающегося русского национализма, ярким идеологом и проповедником которого стал известный

публицист и издатель М. Н. Катков, нарастает опасение возникновения конкурирующих национальных и региональных проектов, которые, как казалось, угрожают целостности империи. В сложной имперской ситуации единство русского народа, создание «большой русской нации» представлялось Каткову главной ценностью. Все отклонения от провозглашенного им курса, откуда бы они ни исходили, справа или слева, казались ему чреватými угрозами единству империи. Его взоры были, главным образом, прикованы к западным окраинам, где он видел основную опасность именно в польском национальном движении, способном, как ему казалось, спровоцировать сепаратистские настроения и в других регионах. В связи с этим обстоятельством, возникло беспокойство и по поводу появления наряду с польской угрозой, украинофильством, еще и сибирского областничества. В дни 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России катковские издания постарались всячески усилить государственное значение исторических событий трехвековой давности, показать, что главным результатом «священного подвига» Ермака стало превращение Сибири в неотъемлемую часть России. «Сибирь не колония только, не окраина, не придаток, – она есть существенная часть России, и таковою ей следует быть во всем ее гражданском устройстве» [4, с. 996]. Газета «Московские ведомости», редактором которых с 1863 г. являлся М.Н. Катков, обозначила в своих публикациях четыре ведущие сибирские темы, погруженные в новый имперско-национальный контекст: «сибирский сепаратизм», активно проповедуемый региональной прессой, «польский вопрос» и влияние политических ссыльных, сибирский университет как оплот будущей антиправительственной оппозиции и железная дорога, в качестве новейшего средства скрепления государственного и национального пространства.

Безусловно, ключевой, в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начале XX вв., становится проблема «сибирского сепаратизма», непосредственно связанная с «политикой населения» и выяснением роли, значения и места иноэтничного фактора в колониационном процессе. В предметные рамки дискурса, таким образом, включалось обсуждение инородческого вопроса и перспектив его урегулирования, статуса славянского населения, различающегося в бытовом и конфессиональном отношении, участия в колониационном процессе не славянского элемента – этнических немцев, поляков, выходцев из прибалтийских губерний.

В центре общественно-политической полемики располагался инородческий вопрос. В рамках областнической концепции, усилиями А.П. Щапова, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева [5; 6; 7] было сформулировано положение о складывании в специфических естественно-географических, исторических и бытовых условиях Сибири новой разновидности русского народа – «европейско-сибирского или великорусского инородческого типа», окончательно закреплённое в тезисе П.М. Головачёва о реальном существовании сибирской народности и её особых свойствах [8, с. 145–146]. Прямым продуктом сибирской народности в дискурсе областников являлся старожил, ставший носителем изменённой, преломлённой на сибирской почве культуры. Сибиряки, по мнению исследователей дореволюционного периода, обладали теми отличительными свойствами, которые были свойственны всем колонистам в условиях осваиваемых регионов. По замечанию Н.М. Ядринцева, русский крестьянин «явился на Восток без всяких знаний, без могущественных научных и технических средств и сил для борьбы с природою... Положив основание повсюду будущей колонизации, он выполнил большую часть самой трудной работы и совершил половину исторической задачи. Едва ли можно отказать ему в героизме, но трудно также и не понять, что подобная борьба не отразилась на утрате многих высших, культурных свойств и не сделала это население более грубым и отсталым» [9, с. 100–101]. В подобной оценке старожильческого типа Н.М. Ядринцев был не одинок. Приведём лишь наиболее распространённые суждения современников о свойствах характера и физическом облике сибиряка: «Ум... сибиряка гораздо менее развит и гибок, чем у какого-

нибудь нижегородца или ярославца, зато он гораздо более преобладает над чувством... Холодно-рассудочная, практическая расчётливость сибиряков и преобладающая склонность к материалистическому взгляду на вещи проявляется и в языке... Сибиряки забыли не только вынесенную из России, но и собственную историю; войны, государственная жизнь не возбуждали здесь патриотизма...» [10, с. 227–229].

Примечательно, что в либеральной публицистике второй половины XIX – начала XX вв. инородческий вопрос обсуждался в тесной связи с этнической лабильностью и высоким конвергентным потенциалом русского народа, обусловленными долговременным опытом соседства русского народа и их предков славян с иноплеменниками. П.Н. Бущинский восхищённо писал: «Русский человек легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем имеет способность ужиться со всякою народностью...» [цит. по: 11, с. 127]. Народоволец С.М. Степняк-Кравчинский полагал, что «нет ни одного народа на Земном шаре, который столь добросердечно относился бы к чужеземцу, как русские мужики. Они мирно живут бок о бок с сотнями народностей, различных по расе и религии» [цит. по: 11, с. 127–128].

Партерналистские императивы в политике Российского государства на окраинах, и в частности в Сибири, попытки предоставления инородцам самостоятельного обособленного управления являлись не случайными, поскольку уже ранний опыт русской колонизации региона показал мощность воздействия инородческого фактора через территориальное соседство, смешанные браки, и, как следствие, культурную миксацию. Существовало вполне очевидное опасение, что попав в Сибирь под влияние иностранцев и инородцев, русские переселенцы утратят собственные национально-конфессиональные черты, свойственные русскому человеку верноподданнические чувства и настроения. Основным аргументом сторонников М.Н. Каткова становятся свидетельства правительственных чиновников, участников реализации колонизационной программы, сообразно с которыми в условиях мирного сосуществования с инородцами русский человек, оторвавшись от привычной социокультурной среды, необычайно легко поддавался чужому влиянию как положительного, так и отрицательного свойства. В этой связи возникало и множилось небезосновательное беспокойство, что попав под влияние местного туземного населения, русский человек растеряет в Сибири свойственные ему национальные черты и привычки, отдалится от родины, утратит верноподданнические чувства. Свидетельства современников событий до некоторой степени подтверждали эти опасения. Писатель И.А. Гончаров в своих «Путевых письмах» говорил об «объёжничивании» русских в Сибири, приморский военный губернатор П.В. Казакевич считал, что такое воздействие оказывают не только якуты, но и камчадалы, чьи привычки и образ жизни усваивают русские переселенцы [12, с. 29]. Подобные явления наблюдались и в Забайкалье, где сибиряки, смешиваясь с бурятами, нередко утрачивали свой первоначальный антропологический тип.

Особая роль иноэтничного фактора в колонизации Сибири наиболее рельефно проявилась в процессе земледельческого освоения региона, причём и в этой плоскости обнаружилось знаковые оппозиции общественно-политического дискурса.

Характерно, что в теоретических построениях адептов проекта «большой русской нации» констатировалось, что представители славянского суперэтноса, включённые в канву переселенческого процесса, столкнулись в Сибири с непривычными природно-географическими условиями и обстоятельствами социокультурной среды. Деятельность в экстремальных условиях региона требовала от участников аграрных переселений высокой степени консолидации, что приводило к воспроизводству привычных форм социализации и трансляции традиционного социального опыта. Считалось, что при доминанте русской культуры и общности хозяйственных интересов на окраине формируется «здоровый русский тип», работу по воспроизводству которого идеологи империи призывали

продолжать сознательно. Совершенно естественно, например, что сохранение украинцами и белорусами национальных языков и во многом признаков этнической идентичности в условиях дисперсного расселения в Сибири носило ограниченный характер.

В то же время, в отношении славянских акторов аграрной колонизации Сибири, тезис об их неизбежном слиянии в «большую русскую нацию» подтверждался лишь эпизодически. Так, одни исследователи Сибири, фиксируя внимание на описании этнического состава населения отдельных мест, констатировали: «В посёлке собрались хохлы, великорусы, сибиряки. Враждебных отношений нет – собрались вместе – надо жить»; «В посёлке живут представители пяти народностей: великорусы, белорусы, зыряне, чувашаи, черемисы. Отношения складываются ровно» [13, с. 21]. Однако наряду с замечаниями о взаимном благоденствии и бесконфликтности, встречались свидетельства и обратного порядка: «Новосёлы-белорусы считаются поляками, «а нет хуже народа, чем поляки»»; «Переселенцы-украинцы участвуют во всех мировых повинностях, но в сходах старожилов участвовать не позволяют – чужие» [13, с. 21–22]. В данной связи, либерально настроенная пресса неоднократно отмечала тот факт, что при общем этническом знаменателе украинцев, белорусов и великороссов, в социальном и хозяйственном поведении первых двух групп, присутствовали и специфические черты, обусловленные характером социально-экономических отношений в местах выхода, а именно слабостью общинной организации и большим материальным достатком.

Отстаивая идеалы сибирской региональной самобытности, теоретики сибирского областничества в союзе с другими носителями либеральных воззрений на колонизацию восточных окраин, отмечали факт постепенной утраты русским человеком в Зауралье традиционной для себя духовной ориентации, что прежде всего находило выражение в его религиозном индифферентизме, который постепенно трансформировался в религиозную беспочвенность. Это представляется особенно важным в связи с тем, что ранние сибирские переселенцы ощущали себя не этнической общностью – славянами, а православными христианами, что создавало условия для культурной гомогенизации всей государственной территории. В то же время полиэтничность и мультиконфессиональный характер включения Сибири в общеимперский конструкт не сопровождался «переплавкой» составляющих его элементов.

Современники событий и исследователи в характеристиках сибиряков неоднократно отмечали, что «их редко посещали идеалистические настроения, а ум был направлен на материальное» [14, с. 53]. Много лет спустя переселенцы пореформенного времени в своём отношении к старожилам указывали на то, что им «не нравится сам склад жизни старожилов: их замкнутость и узкий материализм» [15, с. 191–193].

Утрата духовных ориентиров, присущих русскому человеку, происходила в Сибири по нескольким основаниям. На одну из таких причин, естественных для процесса колонизации, указывал В.П. Семёнов-Тян-Шанский, утверждавший, что «сибирякам была мало свойственна религиозность. Живя разбросанными на огромном пространстве деревнями в 15, 20, 50, 80-и верстах от церкви, сибирский крестьянин поневоле бывал в ней очень редко, часто только раз в жизни, когда приходилось венчаться. Сибиряк отвыкал от церкви и в конечном счёте отвык до такой степени, что не хотел в неё идти, когда она находилась недалеко от его жилья. В Сибири не стеснялись хоронить в лесу без отпевания» [10, с. 226–227]. По поводу религиозного равнодушия сибиряка свидетельствовал и А.Н. Пыпин: «Если церковь находится далеко, то население обходится без священников.... Сибиряки смотрят на причт, как на неизбежную расходную статью общественного и частного бюджета. В итоге сибиряк-старожил оказывается совершенно не знаком с христианским учением, молитв почти не знает, почитает злых духов наравне с инородцами» [16, с. 309].

Вторым основанием для девальвации духовных устоев русского человека в Сибири стали последствия церковного раскола 1660-х гг. и рождение такого явления как религи-

озное диссидентство. Слабая приверженность сельского населения России вообще и черноризского центра в частности ортодоксальному христианству способствовала частому проявлению случаев уклонения от официального вероисповедания в раскол, переходу в различные секты и религиозные общины неправославного толка. Перепись населения, произведённая в 1897 г., показала, что, несмотря на активность официальной церкви по привлечению к ней крестьянского населения и мер по предотвращению отклонений от православия, число лиц, выходящих из лона православной церкви, стабильно увеличивалось, а результаты действий представителей церкви по возвращению отклонившихся малоэффективны. Старообрядчество и сектантство объединялись оппозицией государству и господствующей церкви, были многочисленными и обрастали приверженцами. В 1860 г. их насчитывалось 12 млн., в 1880 г. – 15 млн., в 1897 г. – более 20 млн. чел. [17]. По статистическим данным, в Курской губернии старообрядцев и уклонистов было зафиксировано 21 237 душ (в том числе в Фатежском и Щигровском уездах 8 961 человек), в Тамбовской губернии – более 5 000 душ (в Тамбовском и Кирсановском уездах 2 088 человек), в Воронежской и Орловской – до 15 000 душ обоего пола (около 3 000 душ приходилось на Павловский и Дмитровский уезды) [ГАТБО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Л. 27; ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3288. Л. 3 об.]. В старообрядческой и сектантской среде община играла ещё большую консолидирующую роль, чем в обычных крестьянских объединениях, а мнение старейшин было непререкаемым. Во многом поэтому вчерашних раскольников было невозможно вернуть в православие ни убеждением, ни тем более насильем. В переписке Орловского губернатора с местной духовной консисторией о крестьянах Дмитровского уезда, в количестве 33 человек перешедших в 1860-е гг. из православия в раскол, говорилось: «Подсудимые крестьяне Босыревы, вместе с прочими подвергнутыми тщательному увещанию по распоряжению епархиального начальства с целью обращения их в православие, в своём заблуждении остались непреклонны» [ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3288. Л. 3–3 об.].

Означенная проблема, зафиксированная в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв., в понимании сторонников теории «большой русской нации» имела прямое отношение не только к ситуации нежелательных тенденций автономизации Сибири и проявлений сибирской региональной идентичности, но и непосредственно коррелировала с вектором государственной политики на западных окраинах, а также имперскими вариантами решения польского вопроса.

Общеизвестно, что политика империи в отношении западных окраин отличалась рядом специфических черт. Тем не менее в дискурсе эпохи можно обнаружить определённую фиксацию присутствия тесных связей между процессами в западной и восточной окраинных зонах ойкумены. По определению современной империологии, западные территории России представляли собой своеобразное магнитное поле, район высокой социальной турбулентности, инерцию которой поддерживали украинское, польское, литовское национальные движения. Во многом поэтому существенным фактором имперской политики в границах западных территорий являлось стремление центральной власти выстроить жёсткую модель отношений, призванную свести к минимуму, а чаще всего вообще исключить даже опосредованные межрегиональные контакты, при определяющей роли властных структур в организации управления в данном регионе. Политическая ссылка в Сибирь XIX в., значительное место в которой занимал польский сегмент, вольно или невольно способствовала актуализации сепаратистских настроений среди сибирского населения, что приводило в движение деятельностную активность националистически настроенных кругов. Симптоматично, что реакция власти на присутствие «польского ссыльного сегмента» в Сибири не ограничивалась собственно «польским вопросом», выходя за его рамки: «оградить... Сибирь от этого нового нашествия *иноплеменных*... (курсив наш – М. Ч.)» [12, с. 295]. Гораздо более существенными, представляются опасения властей в связи с ростом миграционной активности крестьянского населения западных

окраин, реальность которых вызывала в государственных сферах не только опасения, но и сообразную этим опасениям молниеносную реакцию. Расширявшаяся с начала реформ П.Д. Киселева практика организации вольных переселений сопровождается интенсивным включением в колонизационный поток иноэтничного элемента: первоначально из числа ссыльных, а после 1861 г. – профессиональных хлебопашцев. Уже с 1840-х гг. иноэтничных представителей сибирской ссылки, власти усаживают на пашню и обращают к земледельческому труду. Так, в мае 1858 г. в Тобольской казенной палате была составлена ведомость под названием «Список о причисленных на поселение в Тобольской губернии бывших государственных и политических преступников, также польских мятежников; с отводом каждому из них по 15 десятин усадебной земли», где фиксировались факты наделения ссыльных поляков земельными участками с 1841 г. [18, с. 228–229]. Этот эпизод замечателен не только тем, что иноэтничные ссыльные внесли неоценимый вклад в развитие новых форм земледельческой практики за Уралом – распространения огородничества и внедрения новых сельскохозяйственных культур, но и послужили своеобразным примером и руководством к действию для тех иноэтничных переселенцев, которые пришли в Сибирь по своей воле. В пореформенный период распространение культурного земледелия за Уралом тесным образом связано с переселением туда этнических немцев, поляков, эстонцев, латышей, белорусов, малороссов. По данным С.Т. Патканова, наибольшей концентрации немецкие поселки в Сибири достигали в Тюкалинском, Тюменском, Тарском, польские поселения в Тюкалинском, Ишимском, Тарском, Тобольском, литовские в Ишимском, Тарском, Тюкалинском уездах Тобольской губернии [19, с. 146–148]. Имперские власти, столкнувшись с резким увеличением числа крестьянских ходатайств о переселении в ряде губерний западных окраин в начале XX в., издали специальный циркуляр, ограничивавший право переселения для значительного числа мигрантов из этих местностей. Мотивы решения властей в полной мере соответствовали духу и настроениям националистического дискурса: «возможным нарушением и без того шаткого баланса между православной и католической частью населения в этих районах» [РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 263. Л. 275–400]. В Сибири центральные и региональные власти уже с 1890-х гг. в отношении иноэтничных мигрантов стремились с одной стороны ограничить их влияние на русских православных крестьян, а с другой стороны с максимальной выгодой использовать их деловые качества. Отрицательно отвечая на прошение немцев-колонистов создать им благоприятные условия для организации образцового хозяйства, крестьянский начальник препровождал Тобольскому губернатору письмо следующего содержания: «Из изложенного явствует, что просители желают устроиться лишь при благоприятных условиях, между тем как они при своей культуре были бы хорошими колонизаторами и для менее благоприятных в этом отношении местностей, таких как Тарский уезд». К письму прилагалось и соответствующее резюме: «в пределах Тарского уезда предоставить право выбрать из свободного фонда тот или иной участок» [РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1. Л. 12]. Подобным решением местные власти, в рамках государственной идеологии решали одновременно две задачи: ограждали православное население от иноконфессионального влияния и содействовали задачам рационального использования колонизационного фонда.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что иноэтничный фактор на всех этапах колонизации Зауралья играл одну из знаковых ролей, придавая своеобразие не только самому процессу заселения региона, но и оказывая непосредственное влияние на социальную сферу, характер взаимоотношений населения, культурные контакты и культурный обмен. Параллельно данный вопрос выступал в качестве значимого аспекта государственной политики, встраиваясь в общественно-политический дискурс второй половины XIX – начала XX вв.

При этом позиция сторонников теории «большой русской нации», артикулирова-

лась в рамках исторически сложившейся традиции окраинной политики, когда власти, добравшись до региона, стремились максимально его «оцентризовать», закрепить путём усиленной аграрной и промышленной колонизации, распространения практики «русификации», а также реформ, апробированных в центре страны, что в практической плоскости являло способ территориальной трансляции социально-политического и социокультурного имперского кода.

Областническая идея представляла собой ориентированный на Сибирь сложный сплав российских социальных проектов с западными доктринами, из которых шёл целенаправленный отбор того, что могло соответствовать стремлениям сибирских сепаратистов создать и реализовать на практике своё учение о векторах регионального развития Сибири.

На рубеже XIX–XX вв. в полемическом противостоянии двух идейных конструкций по вопросу о месте иноэтничного компонента в колонизационном процессе наметилась отчётливая тенденция к компромиссу. Формальным поводом к «примирению» стал объективный процесс: рост крестьянских переселений, эффективность хозяйственной деятельности иноэтничных мигрантов и старожильского сегмента аграрного сектора, отказ от массивной политической ссылки в регион. На этом фоне националистические настроения пошли на убыль, а идеи русификации окраин временно потеряли свою популярность. Вместе с тем отступление «национальной партии» на практике стало лишь рекогносцировкой. С началом Первой мировой войны вновь появился реальный повод для восстановления оппозиций во взглядах на роль колонизационного процесса и место в нём иноэтничного элемента.

Список литературы:

1. *Ключевский, В. О.* Курс русской истории / В. О. Ключевский // Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1988. Ч. 1. 430 с.
2. *Потанин, Г. Н.* Письма / Г. Н. Потанин. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. 280 с.
3. *Леруа-Болье, П.* Колонизация у новейших народов / П. Леруа-Болье СПб. : Тип. Тов. Общественная польза, 1877. 526 с.
4. *Современная летопись* // Русский вестник. СПб., 1882. № 12. С. 980–999.
5. *Щапов, А. П.* Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении / А. П. Щапов // Известия ЗСОИРГО. Т. III. 1872. № 3. С. 142–160.
6. *Потанин, Г. Н.* Областническая тенденция в Сибири / Г. Н. Потанин. Томск : Паровая типо-лит. Сиб. тов-ва печат. дела, 1907. 64 с.
7. *Ядринцев, Н. М.* Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов...: Из газ. «Камско-Волжское слово», «Сибирь» и «Вост. обозрение» за 1873–1884 гг. / Н. М. Ядринцев. Красноярск : Изд. журн. «Сиб. Записки», 1919. [6], XIV, 223 с.
8. *Головачёв, П. М.* Сибирь. Природа, люди, жизнь / П. М. Головачёв М. : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев, 1902. 300 с.
9. *Ядринцев, Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 555 с.
10. *Россия.* Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб. : Изд-во А. Ф. Девриена, 1907. Т.16. 591 с.
11. *Никитин, Н. И.* Освоение Сибири в XVII веке / Н. И. Никитин. М. : Просвещение, 1990. 144 с.
12. *Сибирь* в составе Российской империи / Отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
13. *Материалы* для изучения быта переселенцев, водворённых в Тобольскую гу-

бернию за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). М. : Тип. О-ва распространения полезных книг, 1895. Т. 1. V, 541 с.

14. *Чуркин, М. К.* Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX – начале XX вв.) : Учеб. пособ. / М. К. Чуркин. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. 116 с.

15. *Шелегина, О. Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири / О. Н. Шелегина. Новосибирск : Наука, 1992. 249 с.

16. *Пыпин, А. Н.* Русская народность в Сибири / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. 1892. № 1. С. 300–312.

17. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XX : Курская губерния. СПб. : Изд. ЦСК МВД, 1904. 291 с.

18. *Громыко, М. М.* Новый документ о декабристской и польской ссылке в Западной Сибири / М. М. Громыко // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX вв. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1978. С. 225–230.

19. *Патканов, С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). / С. К. Патканов. Т. 2 : Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб. : Тип. «Ш. Буссель», 1911. 8, 431 с.

M. K. Churkin

The migrant factor in the colonization of Siberia: the political discourse of the second half of XIX – early XX centuries

Summary: Siberia became the latest product of colonization efforts of the Russian state since the nineteenth century is at the center of socio-political discourse, the scope and content of which has steadily increased at the expense of participants (government, journalism, science) and thematic palette the issues discussed (colonial status, social status, national minority question, and so on). One of the Central issues of the Siberian socio-political discourse, within which stood the attitude of the authorities and society to the problem of Siberian separatism was the problem of defining the role, place and importance of the migrant segment of the colonization process. Representatives of the Siberian regionalism, in the works of scientific-publicistic character was represented the idea of regional autonomy, in the coordinate system where the migrant population of Siberia was seen as a factor that increases the Eastern outskirts autonomy and relative independence from the mother country. Adepts of Russian nationalism, in the pages of the publications of the conservative persuasion formulated the basic provisions of the theory of the "great Russian nation", designed to narrow the range of influence of separatist moods in the society, thereby intensifying the process of "Russification" of the population. With the growth resettlement movement and expansion of its ethnic fields, nationalistic tensions official-conservative bloc of socio-political discourse was significantly reduced, which contributed to the formation of short-term favorable background for the colonization of the region and relatively painless involvement of Siberia in General construct.

Key words: political discourse, colonization, the migrant factor, Siberian regionalism «project, a large nation Rus» Imperial policy, «Imperial situation».

Omsk State Pedagogical University (Internationalnaya str. 6, Omsk, 644000, e-mail: proffchurkin@yandex.ru)

В. И. Дятлов

ДИНАМИКА ДИАСПОРОСТРОИТЕЛЬСТВА В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ СИБИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ КОНФЕССИОНАЛЬНО-СОСЛОВНОГО К ЭТНИЧЕСКОМУ ОСНОВАНИЯМ

Аннотация: В динамике формирования переселенческого сибирского общества огромную роль играли процессы интеграции представителей мигрантских религиозных, этнокультурных, иностранных меньшинств. Сосуществовали как индивидуальные, так и групповые механизмы интеграции. Групповые стратегии адаптации можно рассматривать как процесс диаспоростроительства, используя огромный эвристический потенциал такого подхода. Опыт формирования диаспорных групп в контексте разлагающегося сословного строя эпохи поздней империи, Гражданской войны и советского строя демонстрирует возможность различных культурных оснований для этого процесса – как сословно-конфессиональных, так и собственно этнических. Коллективные стратегии интеграции меньшинств в переселенческое общество востока России продемонстрировали, что диаспора – это не данность и не предопределенность. Как специфический уклад жизни и тип человеческих отношений и связей этот феномен демонстрирует огромное разнообразие вариантов и поразительную динамику внутренней трансформации.

Ключевые слова: переселенческое сибирское общество, диаспора, мигрантские меньшинства, стратегии адаптации.

Если понимать Сибирь не как территорию, а как социальность, особый исторически сложившийся тип человеческих отношений и связей, то это «переселенческое общество». В основе его генезиса лежал, и во многом находится до сих пор, самый сложный процесс синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев. Синтез культурного, экономического, социального. При этом необходимо иметь в виду как гетерогенность аборигенного населения, огромное разнообразие его типов, так и не меньшее разнообразие населения пришлого. Пришлое население постоянно укореняется, «осибиричивается», приобретая новые черты культуры, меняя (иногда радикально) старые. Синтез происходит в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, при отсутствии надежных коммуникаций и недонаселенности региона.

Составной частью переселенческого общества становились представители меньшинств – религиозных, этнокультурных, иностранных. Выходцы как из других регионов страны (из-за Урала, «с Запада»), так и из-за рубежа. Какова их судьба и роль в становлении сибирского общества? Здесь нас интересует не гигантское разнообразие индивидуальных человеческих судеб, а групповое существование и самоощущение.

Люди попадали в Сибирь в результате добровольного и недобровольного переселения, в одиночку и группами. Процесс их миграции бывал растянут во времени, но иногда мог принимать концентрированный, «залповый» характер. Переселялись крестьяне и горожане, представители различных социальных, профессиональных, сословных и имущественных групп. На новой земле они добровольно или вынужденно избирали деревенский или городской уклад жизни.

Какие стратегии адаптации при этом выбирались? Входила ли в эти стратегии задача сохранения прежней групповой идентичности? Использовались ли индивидуальные или коллективные практики вхождения в новое общество? И если коллективные – то

формируют ли переселенцы эти коллективы на новом месте или приносят их с собой? Если формируют – то каков механизм? На каких основах это происходит?

Теоретически можно предполагать существование ситуации «плавильного котла», преобладания индивидуальных стратегий, ориентированных на ассимиляцию, полное растворение в принимающем обществе. Особенно если шло постепенное и дисперсное расселение при ограниченных возможностях личного выбора места и условий жизни, в экстремальных условиях природы и замкнутых небольших коллективов. В ситуации полного доминирования русского языка и культуры, давления власти, задававшей параметры групповой организации через сословную систему. Когда смена языка и религии (то есть почти полная смена социального кода) становились условием личного вертикального социального роста. При этом рудименты прежних идентичностей и культурных характеристик могли сохраняться. Шел одновременный процесс русификации и осибирячивания – как обретения неких общих характеристик региональной группы (Пример того, как это происходило с польскими военнопленными и добровольными переселенцами XVII–XVIII вв. приводит С. А. Мулина [1, с. 15–16]).

Осибирячивание могло происходить и без глубокой русификации – через групповые стратегии адаптации. Именно они являются предметом авторского интереса. Каким образом диаспоризация как действие и процесс (диаспора = рассеяние как действие) становилась источником и механизмом формирования нового социального состояния (диаспора = рассеяние как состояние)? На каких культурных основаниях формировались и функционировали формирующиеся из мигрантов сообщества? Еще конкретнее – являлась ли привычная для нас этничность, через монопольную призму которой мы по умолчанию пытаемся понять диаспоральные процессы, единственным объединяющим фактором?

Представляется, что «диаспоры» - это не просто рассеяние, пребывание представителей некой этнической группы вне своего «национального очага» в качестве меньшинства. Тогда неизбежен следующий вопрос – что такое этническая группа, кто такие ее представители и почему, что такое этничность вообще. И этничностью ли только иницируется и регулируется феномен диаспоры.

Мне чуждо примордиалистское представление о врожденном или автоматически унаследованном свойстве этничности, об этносе как вечном и неизменном субъекте общественных отношений. Поэтому диаспора понимается как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическая система формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик людей. Эти связи, стратегии и практики основаны на общности исхода с «исторической родины» (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни «в рассеянии» – в качестве меньшинства в иноэтничном принимающем обществе. Диаспора – не данность, ее существование (или не существование), возникновение и исчезновение может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств (Подробнее см.: [2; 3; 4, с. 7–35]).

Сибирское переселенческое общество демонстрирует разные типы интеграции в него через группу. В ходе массовых, практически одновременных переселений иногда происходила полная или частичная трансплантация культурных норм и механизмов социальной организации. Крайний вариант полной трансплантации группы демонстрировали, например, меннониты. На новых землях они полностью воспроизвели все элементы духовной, религиозной жизни, социальных связей и отношений, хозяйственного уклада, стиля жизни.

Понятно, что представителям меньшинства было легче сохранить привычный уклад и образ жизни, тип социальной организации, систему ценностей, религиозных и культурных норм при аграрном переселении, при формировании собственной сельской общины. Консервативность сельской жизни являлась мощной поддержкой и опорой

групповой самоорганизации и идентичности. Перемены часто принимали форму развития и укрепления традиции. Большую важность приобретал и фактор покинутой (хотя бы и добровольно, с возможностью возвращения) «исторической родины», поддержания связей с оставшейся там «материнской группой» (анализ этих процессов на примере немецких переселенцев в Сибирь см.: [5, с. 412–425]).

Групповая трансплантация была не единственной, возможно, и не преобладающей стратегией адаптации. Процессы групповой консолидации шли и непосредственно на новом месте. Наиболее полно и ярко это демонстрирует процесс формирования еврейских общин. В конце XX – начале XXI веков сложилась богатая традиция изучения дореволюционного сибирского еврейства. Помимо массы отдельных статей, сборников и материалов научных конференций появились и капитальные монографические работы: [6; 7; 8; 9; 10; 11]. Как правило, евреи попадали в Сибирь индивидуально, не в составе групп. Добровольно и принудительно. Расселялись дисперсно, в том числе и в результате целенаправленной политики властей. Избирали по преимуществу городские профессии и сферы занятости (торговля, ремесла, услуги), но часто занимались этим и в деревнях. Приписывались к различным сословиям. Это не мешало им формировать устойчивые общины с эффективными механизмами внутреннего контроля, поддержки и регулирования, воспроизводства культурных норм. Отдельные примеры индивидуальной интеграции евреев (ассимиляция через принятие православия) наблюдались, но это был маргинальный вариант.

Каковы же были стимулы, условия и механизмы групповой консолидации попавших в Сибирь представителей меньшинств? Что заставляло их избирать диаспоральную стратегию и практику адаптации, которая подразумевает формирование сети социальных связей и системы взаимоотношений, жизненных практик и культурных норм, основанных на представлениях о единстве судьбы и места исхода, ценности памяти об «исторической родине» и связей с нею (реальных или духовных)? Каковы механизмы функционирования формировавшихся в результате общин? Наблюдалась ли внутренняя динамика, трансформация этих механизмов?

Для представителей некоторых меньшинств жизнь в диаспоре была нормой и до Сибири. Евреи, как в «черте», так и вне ее, немцы в аграрных колониях и в качестве инородного и инарелигиозного меньшинства в городах Европейской России накопили большой опыт и навыки жизни в диаспоре. Они принесли этот опыт в переселенческое общество.

Практические навыки, умения выстраивать отношения с представителями большинства, властями, находить приемлемые для всех «экономические ниши» были важны. Но еще важнее были ценности идентификации – то, ради чего собственно воспроизводство группы и необходимо. И здесь сразу же выходит на первый план религия, как безусловная ценность, вбирающая в себя все остальное. В условиях господства на новом месте иной религии (господства в силу численного преобладания верующих и опоры на власть), только формирование собственной религиозной общины становилось залогом сохранения прежней социальности. Это была именно конфессиональная община. И то, например, что часто, исходя из современного понимания, рассматривается и маркируется как немецкая община, было общиной лютеранской. Еврейская община – иудейской, польская – католической. Можно предположить (но это нуждается в отдельном анализе), что при отсутствии религиозных различий или при наличии особых отношениях с православием (у армян и грузин, например) и стимулы к общинному строительству были меньше.

Этот процесс происходил в условиях общества, где конфессиональность была одним из сословно формирующих оснований. Поэтому властью самоорганизация в форме религиозных общин признается делом в принципе законным, иногда необходимым. В

некоторых случаях, исходя из общеполитических соображений, власти могут ставить препятствия, но не могут выступать против процесса в целом.

Кроме того, власть через формальные статусы или неформальное, но мощное отторжение выдавливала некоторые меньшинства, что способствовало их консолидации. Известен особый правовой статус евреев страны вообще и сибирских в частности. Происходила стигматизация поляков (позднее – также и немцев) в качестве политически нелояльных империи групп. Это становилось мощным стимулом для групповой консолидации.

Условием диаспорализации становится формирование критически необходимой массы переселенцев. Необходимой для того, чтобы составить группу и поддерживать ее существование и идентичность. Это могут быть и отдельные ядра в городах (но не только), к которым притягиваются дисперсно рассеянные представители группы. Без такого минимума участников невозможно выстраивание каркаса институтов (религиозных и светских), формирование достаточно плотных сетей связей и отношений, поддержание связей с исторической родиной, сохранение и развитие исторической памяти, языка, других элементов культуры. Невозможно создание механизмов взаимного социального контроля и поддержки.

Религиозная основа групповой консолидации, групповая сплоченность как ответ на требование сословного общества, позволяет говорить о *такой* диаспоре как не об этническом по преимуществу феномене. По крайней мере, не только этническом. Законна гипотеза о традиционалистском, сословном типе диаспоральности. Возможно то, что мы считаем априори этнической самоорганизацией и организацией (диаспора как часть этнической проблематики), на деле было самоорганизацией религиозной.

Подтверждением этому может послужить ключевая роль церкви в системе общинных институтов. На каком-то этапе она вбирала в себя или контролировала почти весь набор других институтов. Школа была религиозной, благотворительность действовала при храме, при нем же происходило общение, праздники, функционировала иерархия, выстраивались клиентельные связи. Через церковные институты и иерархов осуществлялась связь с властями, выполнялись общинные обязательства перед ними. Религия была носителем и маркером групповой идентичности, языка, культуры, общей истории и общих предков, механизмом связи с исторической родиной. Масса примеров этого содержится в энциклопедической по объему информации книге И. В. Нам [6].

Однако к началу XX в. далеко зашло разложение сословного строя. В его недрах вызревают элементы новой социальной структуры. Результатом становится формирование в среде религиозных общин уже самостоятельной этнокультурной идентичности. Огромное значение приобретают школа, язык, представления об общности судьбы. Происходит вызревание этнических диаспор через обретение самостоятельной и ключевой роли собственно культурных норм и механизмов: языка, школы, церкви – но уже как культурного феномена, носителя и символа традиции, культуры.

Носительницей национальных чувств и настроений, национального духа, становится городская, светская по духу, современно образованная элита – предприниматели, чиновники, лица свободных профессий, учителя и преподаватели, журналисты. Она выходит на первый план, решительно потеснив элиту традиционную. Она самоопределяется не столько через религию, сколько через культуру, воспринимая и религию как часть культуры. Большую роль в ее становлении играли политические ссыльные. Они привносят, среди прочего, участие в политике, политическую составляющую в жизнь общин.

Особенно ярко этот процесс протекал у евреев, которые из конфессиональной группы трансформировались в этнокультурную общность. Условно говоря, иудеи постепенно становились евреями. Осознавали себя в таком качестве и соответствующим образом выстраивали жизненные стратегии и практики. Евреи, к примеру, активно участвуют в политической жизни – как в общеимперских институтах, так и в специально еврейских.

Формируется новая светская элита, находящаяся в сложных, обычно напряженных взаимоотношениях со старой, традиционной.

Показательна ситуация с интеграцией корейских трансграничных мигрантов. Корейцы – трудовые мигранты и, одновременно, почти беженцы от невыносимых условий жизни на родине. Приходили в Россию с семьями и безвозвратно. Не раз демонстрировали готовность скорее умереть, чем вернуться. Поэтому имели огромную мотивацию к интеграции. Проявляли не только политическую лояльность, но и стремление к аккультурации. Добивались (и в массе своей добились) российского подданства. При благожелательном отношении властей основной экономической нишей избрали сельское хозяйство, добились выделения земель, создали на них корейские деревни. Нанимались также на тяжелые и низкооплачиваемые работы в городах, на золотых приисках. Это формировало и разные типы социализации. Но основными ядрами были сельские общины с деревенским укладом социальности.

В стремлении к глубокой интеграции корейцы принимали православие, пусть и поверхностное, как недовольно отмечали заинтересованные современники. Огромную роль придавали образованию – причем через русские школы и русский язык. Это привело к быстрому формированию русскоязычной образованной элиты, европеизированной через русскую культуру. Именно она, а не лидеры традиционного типа, возглавила формирующуюся диаспору. Это выразилось и в том, что крупнейшие и наиболее влиятельные общинные организации имели черты современных политических партий и ставили перед собой задачи политического плана. Прежде всего – борьбу за национальную независимость Кореи (подробнее о корейских мигрантах и корейской диаспоре в России см.: [12; 13; 14; 15; 16; 17]).

Китайская диаспора на востоке России привлекала огромное внимание как дореволюционных, так и современных исследователей. Сложилась большая историографическая традиция. Поэтому здесь можно ограничиться ссылкой на несколько наиболее значительных работ: [18; 19; 20; 21; 22]. Куда более многочисленные, чем корейские переселенцы, китайцы в массе своей были временными трудовыми мигрантами. Большинство были сезонными отходниками, остальные планировали пробыть в России несколько лет. Мигрировали без семей, как это диктовалось китайскими законами. Мало кто оставался навсегда – и еще меньше было тех, у кого изначально было такое стремление. Императивом было стремление умереть на родине, в крайнем случае – быть там похороненными. Поэтому и стремление к глубокой интеграции (как натурализации, так и аккультурации) проявляли сравнительно немногие. Все это вело к тому, что китайские мигранты оставались вне социальной структуры принимающего общества, да и не стремились к этому.

Однако текучесть состава и изолированность от принимающего общества не означало отсутствия организованности. Это не был рыхлый конгломерат независимых друг от друга людей. Напротив, была именно община, пронизанная густой «грибницей» норм, связей, сетей отношений и зависимостей, формальных и неформальных институций. Эффективно действовали механизмы взаимного контроля и механизм санкций для отступников. Текучесть состава этому не мешала. Можно сравнить это с призывной армией, где при постоянной ротации людей сам институт стабилен и устойчив.

Корейские и китайские общинные институты отличались по целям. Если первые были механизмом коллективной интеграции в принимающее российское общество и, отчасти, модернизации общины, то вторые ориентировались на укрепление связей диаспоры с родиной, на решение задач экономического плана и на осуществление посреднических функций во взаимоотношениях с властями [23]. Они были и более традиционны по способам организации. В этом смысле функции корейской общины ближе по типу к еврейскому, польскому, немецкому вариантам.

Первая мировая война мощно подтолкнула процессы этнизации отношений, формирования этнического взгляда на мир, создав и новые политические практики. Ситуация с российскими немцами дает этому выразительный пример. Потомки лиц, переселившихся в Россию еще до создания Германии, или вовсе остзейские немцы, начинают рассматриваться в контексте Германии как национального государства, как государства немцев. Презумпция наличия у них двойной лояльности формирует соответствующее отношение и административные дискриминационные практики (о германофобии в годы Первой мировой войны см.: [5, с. 448–453; 24]).

Советская власть радикально ускорила процесс диаспоростроительства, окончательно оторвав его от конфессиональной составляющей. Этничность, наряду с классовым критерием, была взята за одну из основ переформатирования общества. Начинаются эксперименты с социальной инженерией, с созданием и пересозданием «национальностей». Человек приписывался к этнической группе, его заставляли самоопределяться постановкой вопросов переписей населения, анкет, похозяйственных книг, системой предпочтений и ограничений по этническому признаку. Иногда власть решала – к какой группе и кого приписывать. И создавала такие условия, что люди с этим соглашались. Враждебное отношение в межвоенный период к Польше, например, формировало и соответствующее отношение к собственным полякам, давало стимул к их «деполонизации» [5, с. 358–386]. Показательны эксперименты с советскими немцами – от их выращивания в качестве «нации», вплоть до права на республику – до коллективных репрессий и стремления уничтожить как группу.

Советская власть более позднего периода постаралась максимально искоренить саму возможность самоорганизации, самодеятельности вообще и в сфере национально-культурного развития в особенности. Представители пришлых этнических меньшинств, выделяемые теперь соответствующими отметками в паспортах и других документах («пятый пункт»), лишились, с другой стороны, любых возможностей для институционализации своих этнических потребностей и задач. Были закрыты возможности создания национальных школ, общественных организаций, культурных учреждений. Практически ликвидированы религиозные общины и институты. Не поощрялись, а зачастую и преследовались, неформальные сети и отношения по этническому признаку. Физически уничтожалась и традиционная, и современная элита. До предела затруднялись связи со странами исхода. Отметка в документах о «родственниках за границей» чрезвычайно усложняла жизнь. И наконец, многие этнические группы подвергались коллективным репрессиям именно как группы, по этническому признаку.

Эта ситуация подталкивала к двум противоположным моделям поведения. Коллективные репрессии по этническому признаку могли вести к консолидации соответствующих групп, развитию внутригрупповых связей и неформальных сетей и структур. Формируется неформальная элита, выступающая от имени группы, при необходимых условиях выдвигающая требования, в том числе иногда и политического характера. Актуализируется проблема «исторической родины» и необходимости укрепления связей с нею, вплоть до постановки задачи репатриации. Конечно, при советской власти все эти процессы протекало замедленно и латентно, но с ее уходом они приняли взрывной характер. Яркий пример реализации подобной модели – советские немцы после Второй мировой войны.

Не менее широко была представлена и иная модель поведения, при которой этническое своеобразие не подчеркивалось, а иногда и просто скрывалось, оставаясь в сфере семейной памяти и традиции. Для многих это был путь к ассимиляции, при которой о «национальности» предков напоминала только запись в паспорте.

Однако интенсивные процессы «национально-культурного возрождения» после крушения социализма свидетельствовали об огромной живучести феномена диаспоры. По всей стране образуются национально-культурные общества и автономии, некоторые

из них объединяются в общероссийские организации. Их численность, направления и формы деятельности различны, но само их повсеместное существование является яркой манифестацией существования этничности и существования диаспоральной жизни. Интенсифицируются отношения с «родинами предков» – иногда вплоть до массовых кампаний по репатриации. Сам термин «диаспора» далеко выходит за пределы научного дискурса и становится привычным элементом лексики политиков, чиновников, журналистов, простых обывателей. Уникальные по масштабам и степени влияния на принимающее общество трансграничные миграции из «старого» и «нового» зарубежья приводят к формированию массовых мигрантских сообществ диаспорального типа. Это дает основание говорить о появлении в России вообще и в Сибири в частности «новых диаспор».

В целом же, коллективные стратегии интеграции меньшинств в переселенческое общество востока России продемонстрировали, что диаспора – это не данность и не predeterminedness. Как специфический уклад жизни и тип человеческих отношений и связей этот феномен демонстрирует огромное разнообразие вариантов и поразительную динамику внутренней трансформации.

Список литературы:

1. Мулина, С. А. Мигранты поневоле : адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири / С. А. Мулина ; отв. ред. А. В. Ремнев. – СПб. : Алетей, 2012. – 199 с.
2. Дятлов, В. И. Диаспора : исследовательская и общественно-политическая нагрузка на термин и понятие в современной России / В. И. Дятлов // Азиатская Россия : миграции, регионы и регионализм в исторической динамике : Сб. науч. ст. Иркутск : Оттиск, 2010. С. 245–266.
3. Дятлов, В. Диаспора : экспансия термина в общественную практику современной России / В. Дятлов // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126–138.
4. Дятлов, В. Армянская диаспора : очерки социокультурной типологии / В. Дятлов, Э. Мелконян. Ер. : Ин-т Кавказа, 2009. 207 с.
5. Восток России : миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск : Оттиск, 2011. 624 с.
6. Нам, И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.) / И. В. Нам. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.
7. Рабинович, В. Ю. Евреи дореволюционного Иркутска : меняющееся меньшинство в меняющемся обществе / В. Ю. Рабинович. Красноярск, 2002. 238 с.
8. Кальмина, Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX века – февраль 1917 г.) / Л. В. Кальмина. Улан-Удэ, 2003. 423 с.
9. Галашова, Н. Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / Н. Б. Галашова. Красноярск : Красноярский писатель, 2006. 242 с.
10. Романова, В. В. Евреи на Дальнем Востоке России (II пол. XIX в. – I четв. XX в.) / В. В. Романова. Хабаровск, 2000. 252 с.
11. Гончаров, Ю. М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.) / Ю. М. Гончаров. - Барнаул : АЗБУКА, 2013. 174 с.
12. Пак, Б. Д. Корейцы в Российской империи / Б. Д. Пак. М. : Наука, 1993. 236 с.
13. Пак, Б. Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов) / Б. Д. Пак. М. ; Иркутск : ИГПИ, 1995. 258 с.
14. Петров, А. И. Корейская диаспора в России: 1897–1917 гг. / А. И. Петров. Владивосток : ДВО РАН, 2001. 400 с.
15. Петров, А. И. Адаптационные проблемы корейской диаспоры Дальнего Востока России начала XX / А. И. Петров // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 36–58.

16. Сагитова, И. О. Этнокультурная и социально-экономическая адаптация корейской диаспоры на территории Приморского края в дореволюционный период / И. О. Сагитова // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 55–68.

17. Нам, И. Страницы истории общественного самоуправления у корейцев Российского Дальнего Востока / И. Нам // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 148–169.

18. Сорокина, Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.) / Т. Н. Сорокина. Омск : ОмГУ, 1999. 263 с.

19. Ларин, А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность / А. Г. Ларин. М. : Восточная книга, 2009. 512 с.

20. Нестерова, Е. И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е. И. Нестерова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 372 с.

21. Алепко, А. В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. – 1917 г.) / А. В. Алепко. Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2001. 368 с.

22. Дацышен, В. Г. Китайцы в Сибири XVII–XX : проблемы миграции и адаптации / В. Г. Дацышен. Красноярск : СФУ, 2008. 327 с.

23. Нестерова, Е. И. Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацяо во второй половине XIX – начале XX в. / Е. И. Нестерова // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск : Оттиск, 2010. С. 402–439.

24. Колоницкий, Б. Метаморфозы германофобии : образ Германии в политических конфликтах Февральской революции 1917 г. / Б. Колоницкий // Россия и Германия в XX веке / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фольперт. Т. 1. Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М. : АИРО-XX1, 2010. С. 97–114.

V. I. Dyatlov

The dynamics of Diaspora formation in a migratory Siberian society: from the confessional estate to the ethnic basis

Summary: The integration processes of representatives of migrant religious, ethno-cultural, foreign minorities played a great role in the dynamics of formation of migratory Siberian society. There were both individual and group mechanisms of integration. Group strategies of adaptation can be considered as a process of Diaspora formation by using a vast heuristic potential of such a reproach. The experience of Diaspora group formation in the contest of decaying estate of the late empire, Civil war and soviet regime demonstrates the possibility of different cultural basis for these processes both confessional estate and ethnic ones. Group strategies of minorities' integration into the migratory society of the East of Russia demonstrated that Diaspora is not given or predetermined. As a specific way of life and a type of human relations this phenomenon demonstrates a vast variety of variants and striking dynamics of inner transformation.

Key words: migratory Siberian society, Diaspora, migrant minorities, strategies of adaptation.

Irkutsk State University (Russia, 664003, Irkutsk, Karl Marx str., 1, tel.: (3952) 24-23-72).

В ЛОВУШКЕ НОМИНАЦИЙ: ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В СОЦИАЛЬНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема соотношения номинируемых властью этнических категорий и групп с социальной реальностью и протекающими в ней процессами. На основе тезиса о номинации этнических категорий и групп в качестве конструкторов, описывающих реальность с позиции власти, анализируется процесс фиксации властного образа в языке описания социальной реальности. Рассматривается проблема интерпретации исследователем данной системы образов не как одного из описаний, но как подлинных групп и их активности. Ставится проблема соотношения языков описания этнического поля в исторических текстах и текстах современного исследователя.

Ключевые слова: этнические групп, номинации, источники, интерпретация

Этнические группы давно и прочно стали центральными акторами социальных процессов и в этом качестве заняли устойчивые позиции не только в рамках социологической науки, но и в исторических исследованиях. Этнические группы и/или их активность описываются исследователями как нечто данное и неизменное, составляющее онтологическую часть мира. Определенные в текстах как общность, основанная на общей «этничности», такие группы выступают базовыми единицами описания реальности в самых разнообразных текстах: от официальных документов до научных работ и беллетристики. В своей статье я хочу остановиться на проблеме, которую чаще относят к сфере исследования социального пространства и описания современного развития общества. Однако довольно часто эта проблема в том или ином качестве появляется и в исторических исследованиях, хотя нечасто рефлексировается историками. Суть проблемы может быть сформулирована довольно просто: насколько описываемая исследователем группа, прежде всего этническая, соответствует социальной реальности? В какой степени в социологических наблюдениях и исторических реконструкциях присутствуют реальные сообщества, а в какой – конструкторы, вольно или невольно создаваемые исследователями?

В своих рассуждениях я отталкиваюсь от тезиса Роджерса Брубейкера о том, что группа и, тем более, группа сплоченная и репрезентируемая как сообщество, не является устойчивым и неизменным фактом социальной реальности. По Брубейкеру групповость – это переменная, а не константа, и довольно часто оказывается «мнимой-вещью-в-мире» [1, с. 18, 23]. Иными словами, групповость и группа не существуют постоянно, но могут актуализироваться или ослабляться под воздействием тех или иных факторов. Наши же представления о группах, как о постоянных агентах социальных взаимодействий оказываются не более чем конструкторами, созданными для и в рамках описания реальности.

Особенно велико расхождение подобных конструкторов и реальности при описании этничности и этнических групп. При их описании чрезвычайно важно понимание различий категории – этничности и групп – тех или иных групп, выделяемых по критерию общей этнической принадлежности. Этничность как категория сама по себе не предполагает групповости: еще М. Вебер отмечал, что этничность является «лишь мнимой общностью» и сама по себе не создает (constitute) группу [2, р. 389]. Следствием этого тезиса является заключение о том, что отнесение к категории (определение этничности) еще не означает существования группы. Это лишь возможность для создания групп(ы), но не обязательный результат. Определение тех или иных жителей Сибири, например, как поляков, немцев, белорусов и так далее, еще не означает, что мы имеем дело с реальными

этническими группами, проживающими или проживавшими на востоке России. Здесь стоит сослаться на широко обсуждаемую проблему определения диаспоры, которая представляется хорошей иллюстрацией: сам факт проживания за пределами «исторической родины» некоторого числа представителей того или иного «этноса» (категории) еще не означает формирование диаспорного сообщества (группы).

Однако в повседневности и, что особенно важно, в риторике и управленческих практиках власти понятие этничности как категории и этнических групп отождествляется. Исходя из этого отождествления, власть формирует обширный массив конструктов – «этнических групп» во всех их производных, включая «национально-культурные общества», «автономии» и других виды формальной организации. Эти конструкты чрезвычайно удобны для связи абстрактной и сложной для управления категории с социальной реальностью (то, что можно назвать овеществлением или скорее объективацией) и столь же далеки от нее. Как следствие, проживающие, например, в г. Иркутске несколько сот киргизов определяются как довольно консолидированная группа («киргизская диаспора»), которой они не являются.

Сама по себе подобная двойственность, вероятно, не страшна, и даже закономерна: любое описание реальности связано с упрощением и неизбежным искажением объекта описания. Однако здесь, как мне представляется, чрезвычайно важна позиция источника («автора») такого описания. Выступая одним из ключевых агентов социального пространства, власть не просто формирует свое (одно из многих) описание реальности, но предлагает ее «официальную» версию. Иными словами, набор конструктов (групп), выработанный властью, становится не просто одним из взглядов, а предписывается как единственно верный и обязательный. В этом качестве выделенные группы номинируются для прочих участников (актеров) социальных взаимодействий, включая в значительной мере и тех индивидов, которые отнесены к выделенным группам.

На практике такое положение дел реализуется через всю палитру управленческих инструментов: от законодательного закрепления (национальное или региональное законодательство) до неформальных практик взаимодействия с выделенными группами. Важно, что через эти инструменты власть формирует и язык описания групп, который в свою очередь, становится обязательным для иных агентов: диалог с властью возможен лишь на языке власти. Номинированные границы групп становятся критериями для сбора различной статистической информации как еще одного «диалекта» языка власти для описания социальной реальности. Вошедшие в язык власти конструкты фиксируются в огромном количестве разнородных документов: от законов и подзаконных актов, официальных писем, инструкций, фискальных ведомостей и росписей бюджетов до текстов выступлений должностных лиц. Подавляющее большинство таких документов не содержат (да и не могут содержать) ни малейшего намека на то, что в них описывается лишь некий властный конструкт, но не реально существующие группы. Значительная часть такой документации откладывается в различных государственных и ведомственных архивах, формируя массив источников для современных и будущих исследователей нашего времени.

Другой стороной медали является то, что выработанный властью спектр групп и язык их описания достаточно быстро проникает в прессу, шире – в медиа-среду. Здесь язык власти довольно быстро адаптируется к языку потребителя масс-медиа, образно говоря, переводится с «канцелярита» на русский. Однако сам набор групп и их признаков остается практически неизменным. Иными словами, масс-медиа транслируют властный конструкт в массовое сознание, превращая его из предмета управления в часть повседневности обычного человека. А поскольку по меткому замечанию Никласа Лумана «то, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа» [3, с. 8], то набор представлений власти о реальности в медийной интерпретации становится одним из основных источников формирования массовых представлений об этнических (или по-

нимаемых как «этнические») группах. Подобные представления о том, «какова реальность на самом деле» [4], укрепляясь в массовом сознании, становятся новым источником как для медиа, так и для властных (управленческих) решений – круг замыкается.

Накапливаясь в публичных и домашних библиотеках (в том числе в формате массовой литературы [5]), электронных архивах, глобальных сетях медийные материалы формируют огромный массив текстов. Они не только фиксируют сложившиеся образы этнических групп, но и выступают сложным фильтром для появления нового языка описания этничности и этнических групп. И дело не только в неготовности или нежелании медиа отходить от устоявшихся и «продаваемых» штампов. Общество начинает говорить об этничности и этнических группах на предложенном языке, и обратная связь с властью (например, через опросы разной степени глубины и научности) показывает картину, достаточно близкую к номинированной властью. Вместе с тем, медиа и общество не становятся пассивными ретрансляторами образов власти: при качественном изменении реальности они начинают описываться новые сущности с помощью закрепившегося языка. Новые смыслы, однако, чрезвычайно медленно институализируются, и потому слабо различимы в текстах, особенно в официальных документах и властной риторике.

Нередко исследовательский анализ этого процесса не добавляет ясности, а, напротив, убеждает в подлинности бытующих представлений – рассматривая властные документы и медийные тексты, исследователь невольно попадает в плен тех же номинаций и языка. Выход социолога и его коллеги – переписчика «в поле» для непосредственной работы с носителями этничности и групповости далеко не всегда добавляет ясности, поскольку «даже самокатегоризация не создает «группы» [1, с. 33]. Такая самокатегоризация происходит в «зазоре» между представлениями о группе исследователя и респондента, предполагающими нередко разные смыслы. Но поскольку диалог идет на языке исследователя, номинированном властью и обществом, то и толкование полученных материалов происходит в рамках устоявшихся представлений. Условный «таджик» в ответах на вопросы исследователя или переписчика относит себя к таджикам как к обширной категории, не предполагая существования консолидированной группы «таджики Иркутска». Однако уже на этапе интерпретации (прежде всего, количественных данных – массовых опросов, материалов переписей и иных статистических обследований) категория трансформируется в группу «иркутские таджики», вольно или невольно понимаемую как консолидированное сообщество, часто обозначаемое как «таджикская диаспора». Властный конструкт получает «научное обоснование» и дает дополнительную базу для номинирования групповых границ. Этот конструкт сначала в научных текстах, а затем и в повседневности, становится едва ли не более реальным, чем сама реальность.

Реальное развитие этнических групп происходит в тени властных образов и принятого социумом языка их описания. Формирование групповых границ происходит по иным критериям, нежели те, которые следуют из категориальных: оставаясь в рамках единой категории (например, «узбеки»), этнофоры образуют достаточно широкий спектр групп, границы которых не тождественны границам категории. Внешним проявлением этого становится появление нескольких «узбекских» обществ, каждое из которых в соответствии с властными номинациями может быть определено как «узбекская диаспора». Однако не совпадение реальных групп с номинированными образами, как правило, рефлексировано властью (а вслед за нею медиа и обществом) не в плоскости возможной ошибочности представлений о реальности, а в терминах «неправильности устройства» этнических групп. Хорошей иллюстрацией к этой мысли является обращение сотрудника ФМС к представителям нескольких «киргизских диаспор» г. Иркутска в рамках работы общественно-консультативного совета: «Вы уже разберитесь, кто у вас там главный!».

Ситуация усложняется и тем, что появление качественно новых сущностей и процессов в социальной реальности приводит к необходимости приспособления номиниро-

ванных категорий и языка к новым реалиям. Так, массовый приток мигрантов на территорию России привел к появлению и закреплению практики описания новых социально-экономических (мигрантских) групп в «этнических» терминах. Мигранты из Средней Азии описываются как «таджики» или «узбеки» без учета реальной этнической (и даже гражданской) принадлежности. Этноним из этнической категории de-facto превращается в социально-экономическую, продолжая формально оставаться термином для описания именно этнических сущностей. В коммуникационном поле одно и то же понятие нагружается разными смыслами, не только более или менее существенно меняющих толкование термина в пределах категории, но принципиально изменяющих и его категориальную принадлежность. В результате, в документах и иных текстах по факту описывается совершенно иные группы, нежели следует из их номинированных «этнических» смыслов.

Подобная ситуация может показаться значимой и актуальной только для сегодняшнего дня и, следовательно, лежащей почти исключительно в плоскости социологических и близких к ним исследований. Однако мне представляется, что здесь существует довольно тесная связь и с ретроспективными описаниями и реконструкциями в рамках исторических изысканий. Эту связь, как мне кажется, можно описать вопросом о том, насколько близок к реальности историк, описывающий ту или иную этническую группу? Если описание (и даже выделение) группы основывается на официальных документах, включая статистические описания (а чаще всего, обойти эти источники нельзя), то историк невольно оказывается в плену властных номинаций. Фиксированные в документах, статистических отчетах, переписке, описания этнических групп отражают не столько реальность, сколько представления авторов документов о реальности. В условиях же быстрых социальных трансформаций (как, например, в позднеимперский период), властные конструкты и транслирующие их источники оказываются безнадежно далеки от социальной реальности и протекающих в ней процессов. Более того, смыслы и образы, вкладываемые представителями сообществ в лексемы, описывающие этнические группы, могут весьма существенно расходиться с исходными (номинированными) значениями. В результате при использовании одного языка, источники описывают совершенно разные сущности.

Позднеимперский и раннесоветский периоды, когда и власть, и общество интенсивно искали новый язык описания реальности, в этом смысле вообще оказываются чрезвычайно насыщены примерами подобных расхождений. Номинированная сословная структура все более неадекватно описывала социальную реальность: особенно ярко это проявлялось при необходимости описания группы, оказывавшейся в чуждой социальной среде. Так, в официальных документах 1860-х гг. всех ссылаемых на поселение в Сибирь участников польского восстания 1863 г. именовали «польскими переселенцами» вне зависимости от их этнической принадлежности [6, с. 358]. Таким образом, категория «поляки» номинируется здесь не как сословная или этническая, а как территориально-административная и даже политическая. Сама по себе эта категория никак не предполагает групповости ни по этническому, ни по сословному критерию. Но помещая «поляков» в иную социальную среду (сибирское переселенческое общество), власть конструирует группу в попытке привести язык описания социума в соответствие с реалиями. Выделяемая группа описывается через комплекс образов и стереотипов, приписываемых ей в официальных документах и официальной прессе. Однако и этот конструкт оказывается далек от реальности: образы и стереотипы, выстраиваемые властью, заметно расходились с представлениями населения, складывающимися в практике взаимодействий [7, с. 518]. Консолидированный характер описываемый группы представляется неоднозначным еще и вследствие размывания, нечеткости контекстуально приписываемых ей границ: процесс «осибирячивания» поляков [8, с. 28], на мой взгляд, отражает не только успешное протекание адаптационного процесса и его отличия от адаптации «поляков» в иных территориях империи [9, с. 359], но и размывание границы «свой-чужие». Подтверждением этому служит достаточно быстрое слияние пред-

ставителей этой группы с остальным населением Сибири [9, с. 359-360].

Отсутствие адекватного языка описания меняющейся социальной реальности подталкивало власть к конструированию новых категорий. Отражением этого процесса могут служить попытки описания одной и той же группы по различным основаниям (этническим, историко-географическим, экономическим, конфессиональным [10, с. 197]. Другим вариантом поиска языка описания становилось отождествление одной и той же группы с различными категориями в соответствии с изменяющимся властным «образом мира». Исследователями описываются случаи приписывания того или иного населения к группе, название которой существовало как топоним, но в качестве само-названия (этнонима) не было известно самим представителям группы [9, с. 373-374].

Процесс конструирования и номинирования нового языка описания социума не прерывался в результате первой мировой и гражданской войны. Установление Советской власти и стремительная трансформация российского социума потребовали принципиально нового языка описания социальной реальности и ее этнического поля. Новая власть от контекстуальных методов (номинация категорий и групп через статистические и документальные описания) переходит к прямому конструированию этнических групп через активную «национальную политику». Как показывает В. Ю. Рабинович, «на местах», в том числе и в Сибири, выделяемые группы вписывались в «этническую «административную вертикаль» с прямым регулированием не только выделения ее представителей для диалога с властью, но и внутренней жизни группы, включая использование «родного» языка. Нередко в рамках конструируемой группы отождествлялись различные, но схожие по названию реально существующие группы (татары сибирские и татары поволжские), официальное представительство укорененных групп формировалось из новоприбывших мигрантов, не инкорпорированных в представляемые сообщества [11].

Следствием активного поиска властью нового языка описания реальности и конструирования этнических категорий и групп неизбежно становится появление множества смыслов, вкладываемых в создаваемые номинации. Подобная множественность ставит вопрос о том, насколько верно реконструируются исторические сюжеты, в которых центральными акторами выступают те или иные этнические группы.

К проблеме полисмыслового характера описания этничности в источнике в историческом исследовании добавляется проблема корректного совмещения языка историка и современной ему эпохи с коннотациями, бытовавшими в период создания источника. Формальное декларирование или искреннее стремление следовать принципу историзма далеко не всегда обеспечивает рефлексивность исследователя по этому поводу. Показательны в этом смысле многочисленные этнографические описания, связанные с реконструкцией тех или иных элементов этнических групп, где группа определяется, во-первых, априорно по документальным (часто статистическим) источникам или ретроспективным интервью, а во-вторых – в рамках современного исследователю толкования используемого языка описания. Как следствие возникают описания «этнической общины» поляков применительно к Сибири XIX – начала XX вв., когда переселенцы из Польши (как добровольные, так и принудительно высланные) определяются как «община», т.е. внутренне консолидированная группа и в социальном, и в экономическом смыслах [12]. Даже само выражение «полония», широко используемое в исторических работах, контекстуально отсылает читателя к некой внутренне организованной группе и даже организации, представление о которой закреплено в современных медиа, прежде всего – электронных [см. напр.: 13; 14; 15].

Является ли это проблемой источника или проблемой его интерпретации? Можно ли говорить о том, что отход от абсолютизации письменного источника позволяет избежать невольного плена властных конструкций, по крайней мере, для периодов до массового распространения грамотности? Очевидным и разумным подходом для критики письменных источников и результатов их интерпретации является обращение к этногра-

фическому материалу. Однако ретроспективный взгляд респондентов отнюдь не гарантирует качественно иного взгляда: описание прошлого опыта и даже биографий дается информантами в рамках уже современных образов и языка. В этом смысле показателен пример, приводимый А. А. Крих при анализе идентификационных процессов польско-белорусских переселенцев в Западной Сибири [6, с. 358]. Населенные пункты, основанные ими или их потомками, в этом свете, достаточно сложно считать компактными поселениями «этнической» группы. Но в интервью, взятом в 1952 г., информант прямо связывает название подобного поселения с «национальностью его жителей». Отсылка информанта к «национальности» основателей поселка («польских переселенцев») вписывает этот конструкт в язык уже XX в., в котором «поляки» – категория этническая, а польские переселенцы в Сибири – этническая группа.

Перечень подобных примеров, наверное, можно продолжать достаточно долго, расширяя спектр участников создания социальных конструктов и механизмов формирования языка описания социальной реальности. Однако и в случае изучения социологом современных процессов, и в случае ретроспективного исторического анализа, исследователь имеет дело, прежде всего, с широким набором конструктов, зафиксированных в языке и тексте. Интерпретация этих конструктов неразрывно связана с собственным языком исследователя, современным ему набором смыслов и коннотаций. Наложение этих массивов друг на друга обуславливает появление развернутых и локальных исследований, в центре которых зачастую оказываются массовые представления о социальной реальности (в частности, этнические и иные социальные группы) и взгляд исследователя на эти представления. Собственно же участники изучаемых событий остаются в тени номинированных категорий и групп, консолидируются в иных границах и на иных основаниях, нежели фиксируют научные тексты.

Список литературы

1. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. М. : Изд-во ВШЭ, 2012. 408 с.
2. Weber, M. Economy and Society / M. Weber. Berkeley; Los-Angeles; London : University of California Press, 1978. 1469 p.
3. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. М. : Праксис, 2005. 256 с.
4. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
5. Тимошкин, Д. О. Этнический стереотип в современном российском криминальном романе / Д. О. Тимошкин // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 2-2. С. 76-84.
6. Крих, А. А. Этническая идентичность и идентификация переселенческих групп Западного края в Сибири (последняя четверть XIX–XX вв.) / А. А. Крих // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI века / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск : Оттиск, 2010. С. 356–375.
7. Мулина, С. А. Образ поляка в Сибири / С. А. Мулина // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI века / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 502–518.
8. Шостакович, Б. С. Поляки в Сибири в 1870–1890-е годы (из истории русско-польских отношений в XIX веке). Автореф. дисс. ... канд ист. наук / Б.С. Шостакович. Иркутск, 1974. 43 с.
9. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск : Оттиск, 2011. 624 с.
10. Галеткина, Н. Г. Категоризация и репрезентация столыпинских переселенцев (на примере двух переселенческих групп) / Н. Г. Галеткина // Местные сообщества, мест-

ная власть и мигранты. Иркутск : Оттиск, 2012. С. 193–217.

11. Рабинович, В. Ю. Советская власть в поиске национальной политики: Иркутск, 1920-е годы / В. Ю. Рабинович // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI века / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск : Оттиск, 2010. С.384–401.

12. Шайдуров, В. Н. Польская община Западной Сибири в конце XIX – начале XX века: особенности формирования и развития / В. Н. Шайдуров // Известия Алт. гос. ун-та. 2009. № 4-3. С. 253–258.

13. International Poland Club [Электронный ресурс]. URL : [http : //poloniapolska.ru/](http://poloniapolska.ru/) (дата обращения: 27.04.2015).

14. Полония России. [Электронный ресурс]. URL : [http : //www.polonia.ru/](http://www.polonia.ru/) (дата обращения: 27.07.2015).

15. Полония России. [Электронный ресурс]. URL : [http : //www.polonia.polska.ru/polonia_gossii.php](http://www.polonia.polska.ru/polonia_gossii.php) (дата обращения: 27.04.2015).

K. V. Grigorichev

In the trap of nominations: ethnic groups in the social and historical researches

Summary: The paper deals with the problem of relations between of ethnic categories and groups nominated by authority on one hand and social reality and processes occurring in it on other hand. Nomination of ethnic categories and groups as a constructs for describe of social reality is the main thesis of article. On a base of this thesis the process of fixing the authority's images in the language for describing social reality is analyzed in the paper. The problem of interpretation these categories and groups not as a variant of describe social reality but as a real groups and their activity is examined in the article. As well as the problem of relations between languages for describe of ethnic field in the historical texts and the language of researcher is formulated.

Key words: ethnic groups, the nomination, sources, interpretation

Irkutsk State University (664003, Irkutsk, Karl Marx str., 1, tel: (3952) 521-551, e-mail: kvg@isu.ru)

УДК (940/47)+950/571

Н. Г. Суворова

ССЫЛЬНЫЕ В СИБИРСКОМ СЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ВАРИАНТЫ СОСЛОВНОЙ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ (XIX – НАЧАЛО XX В.)

Аннотация: В статье проанализированы проекты и мероприятия сибирской администрации по интеграции ссыльных в структуру сельского общества. Колонизационный характер ссылки сохранялся на всем протяжении XIX в., однако, изменения идеологического обоснования колонизационных мероприятий, специфические условия сибирской окраины предполагали использование различных средств интеграции штрафных колонизаторов. Рассматриваются проекты сословной интеграции с водворением ссыльных в старожильческое сельское общество и причислением к государственным крестьянам, а

также попытки местной администрации по созданию обособленных «колоний для хлебопашества», в том числе этноконфессиональных.

Ключевые слова: ссыльные, колонизация, сельское общество, интеграция.

На протяжении всего XIX в. сельские общества Сибири пополнялись не только за счет включения в свой состав равных по статусу категорий сельского населения, но и за счет причисления неполноправных членов. Неполноправные члены крестьянского общества — местные маргиналы, которыми была чрезвычайно богата Сибирь, оказывали значительное влияние на сельское общество, деятельность органов самоуправления, и в целом на культурный климат Сибири. Главной колонизационной задачей государства в отношении ссыльных была их интеграция на новой территории, в новое общество, а преимущественными механизмами — сословные и административные мероприятия.

Перспектива пребывания ссыльнопоселенцев в Сибири отражалась в их номинациях. Непродолжительность и альтернативность этого переходного состояния (от ссыльных до сельских обывателей, крестьян) отмечалась наблюдателями. Ссыльный А. Коцебу, классифицируя ссыльных по степени тяжести совершенного преступления, выделял «не столь важных преступников, которые, однако ж, по суду и закону приговорены к сему наказанию». По прибытии в Сибирь этих ссыльных «записывали в крестьянство», называли «крестьянским именем» и, наделяя землей, определяли в качестве основного источника дохода — землепашество [1, с. 38].

Наименование «поселенец» (крестьяне на поселении; «поселяне», «посельщики», «посельга») происходит от юридической категории «ссыльнопоселенец», оно близко по звучанию с наименованием основного колонизатора Сибири — «переселенец». С точки зрения государства, изменение статуса ссыльнопоселенца до сельского обывателя, крестьянина было связано с процедурой водворения (приобретения статуса самостоятельного хозяина, «дворохозяина»). Понятие «водворение», т.е. поселение на место жительства применялось и в отношении переселенцев, и в отношении ссыльнопоселенцев, фактически, уравнивая в правах столь различные категории российских колонизаторов.

Водворение, создание собственного хозяйства для ссыльнопоселенцев (возможность «нажить себе что-нибудь и облегчить свою участь») можно рассматривать как основную цель штрафной колонизации. Характерно, что и для крестьян-старожилков наличие хозяйства у человека из «поселенческого сибирского люда» служило показателем «окрестьянивания», сигналом «не гнушаться им», вплоть до возможности принятия в свою семью [2, с. 103].

Ссыльный на этапе — «несчастный», «болезненный», получая землю, водворяясь на ней, становился крестьянином из «поселенцев», неводворенный же оставался варнаком, варначищем, посельгой, гульным, прохожим [2, с. 103]. Отсюда происходила и разница в эмоциональном восприятии ссыльных: в одном случае — «несчастные», а в другом — «посельщик». Сошлемся еще раз на «удивленного ссыльного» А. Коцебу, который заметил, что «несчастье быть в ссылке доставляло в Сибири право на общее уважение и помощь. Самое название, которыми означали всегда сосланных, изъясляло нежное сожаление или уверенность в невинности их, ибо их называли несчастные... Никогда я не слыхал другого, по меньшей мере унижительного, преступления означающего, наименования ссыльных» [1, с. 37]. Несомненно, что это идеализированное представление о восприятии поселенцев сибирским обществом, но при этом следует заметить, что именно таково было и представление о перспективах ссыльнопоселенцев законодателей. Государство, наказывая за преступление, разлучало ссыльного с родиной, «очищало испорченное им место», а «...в акте поселения ... в новой стране видится уже желание иметь в нем для новой страны жителя, деятеля, со временем гражданина, впоследствии на честном труде селянина и семьянина, т.е. честного человека» [2, с. 109]. Проекты «штрафной колониза-

ции», задуманные с различными, но, в том числе и с гуманными целями (замена тюремного заключения, возможность исправления, хозяйственное освоение окраин, более привилегированный сословный и социально-экономический статус (из крепостных в государственные крестьяне или из безземельных крестьян к самостоятельному дворохозяину) на практике реализовать было чрезвычайно сложно, требовало значительных материальных и людских затрат. Именно неудачи проектов штрафной колонизации создавали из «несчастливых» бродяг, варнаков, поселщиков. «Слово «поселщик» на языке сибирских старожилов сделалось бранным и поселенец, слыша его обращенным к себе, глубоко оскорбляется им в равной степени с другим обидным, бьющим в сердце и бранным сибирским прозвищем – варнаком» [2, с. 103].

Ссылнопоселенцы являлись важным источником формирования сельского общества в Сибири. Устройство ссыльных в сельском обществе состояло в точном определении порядка водворения и причисления, размера податей и повинностей, механизма погашения долгов, а также пределов административной и судебной власти волостного правления в отношении этой категории. Интеграция ссылнопоселенцев, уравнивание их в правах и обязанностях с крестьянами-старожилами являлось главным основанием для проведения реформ волостного управления Сибири, распространения на них «русской модели» крестьянской общины [РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 165. Л. 1 - 6.].

Слабые и несостоятельные в экономическом и общественном отношении, ссылнопоселенцы легко становились эксплуатируемой частью общества, на которых не распространялись ни общинная демократия, ни мирское сострадание. Ссылные, особенно из бывших крепостных, сосланных в зачет рекрутов или по мирскому приговору, вырванные насильно из привычной среды, являлись носителями принципиально иных взглядов на значение мирской организации. Поселенец не чувствовал привязанности к новым обычаям и местам, куда он попал не по своей воле. Чувство оторванности усиливалось неполноправным положением, в которое попадал поселенец на месте приписки. Начиная с 60-х гг. XVIII в., благодаря указам 1760 и 1765 гг., ссылка в Сибирь приобретает постоянный характер. Ссылные в зачет рекрутов и «за малые вины», бывшие колодники, а также выведенные из Польши старообрядцы определялись на поселение. В 60–80-е гг. XVIII в. сибирская администрация, понимая негативное влияние ссыльных на нравственность старожилов-сибиряков, начинает территориально разделять поселения государственных крестьян и ссылнопоселенцев, «дабы ленью ссыльных не заражать местное население». Основная масса поселян размещалась в притрактовых областях, где, наряду с ямщиками, они должны были обеспечивать почтовую гоньбу.

С начала XIX в. характер ссылки изменяется. Ссылка в зачет рекрут прекращалась, но в значительно большем количестве в Сибирь стали отправлять административно-ссылных, то есть ссыльных по общественным приговорам, по распоряжению начальства и по воле помещиков. При этом начинают практиковать поселение ссыльных в старожильческие деревни и приписку их в сельское общество без согласия его членов. По Уставу о ссыльных для обзаведения собственным хозяйством поселенцу давалось пять лет, при этом выплачивать подати, наравне с крестьянами-старожилами, он должен был с момента поступления в общество. За долги поселенца отдавали в работники к старожилам «за приличную плату и содержание», что, очевидно, делало еще более отдаленной и маловероятной возможность заведения собственного хозяйства. Стимулом к водворению оставались налоговые льготы для причисленных к обществу ссыльных, получивших статус государственных крестьян: трехлетняя льгота от податей, двадцатилетняя – от рекрутства и возможность получения собственных средств, которыми обладали до отправления в Сибирь. Определяемые на водворение поселенцы наделялись землей в законной пропорции наравне со старожилами. М.М. Сперанский, ознакомившись с положением поселщиков, заметил что, вступив в звание казенных крестьян, они пользуются в полной мере крестьян-

скими правами, часто выбираются в мирские старосты и несут разные волостные должности, входят в казенные подряды и хлебные поставки [3, с. 221].

Возрастающий поток ссыльных в Сибирь приводил к такой ситуации, когда в некоторых волостях число причисленных ссыльных равнялось или даже превышало число старожилов. В донесениях Нижнекаинского волостного правления Томской губернии отмечалось, что к деревням этой волости приселены ссыльные, число которых равняется числу старожилов, «а при том большая часть поселенцев, не имея привычки заниматься сельскими работами, обращаются в бродяжничестве и делают кражи и другие вредные поступки» [РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 об.]. Чиновники, ревизовавшие государственные имущества Западной Сибири в начале 40-х гг. XIX в., отмечали, что в районах, где ссыльнопоселенцев становилось больше старожилов, они приобретали перевес во мнениях и увлекали крестьян «к разврату и пьянству», что являлось первым шагом к расстройству хозяйства. Наличие значительного количества необустроенных поселенцев приводило к складыванию криминогенной обстановки в регионе, чему несомненно способствовала их безнаказанность. Волостные начальники, боясь ссыльных, «из видов сохранения собственности и личной безопасности» старались не преследовать поселенцев, преступивших закон. Поэтому дела по проступкам и преступлениям ссыльных, в основном, лежали в волостном правлении без всякого движения. Сибирское общество, также как и чиновники, видели в ссыльных «язву молодой страны», считая, что «испорченность, безнравственность их до такой степени сильны, что вредно и губительно действуют на коренное население, заражая их своим тлетворным ядом» [2, с. 104].

Важно отметить, что ссыльнопоселенцы до причисления не становились членами податного крестьянского общества, следовательно, не были включены в круговую поруку, общины и платили подати под личную ответственность. Такое положение было явно неэффективным при сборе податей, поскольку существовала возможность для поселян уклоняться от выплат, а волостным правлениям — от ответственности за недоимки. Поэтому государство в отношении ссыльных пошло традиционным путем — создания особого податного общества. Сопоставляя его возможности в рамках старожильского общества, местная администрация вынуждена была разрешить избирать старост в волостные правления из среды поселенческого общества для взыскания недоимок и домашних разбирательств, «чтоб при разборах поселенческих дел в волостных правлениях был человек, представляющий интересы поселенцев» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 209. Л. 3]. Охраняя интересы водворенных поселенцев, местная администрация допускала не только избрание старост из своей среды, но и наем писаря, хотя это противоречило законодательству. Подобное решение было обусловлено интересами, прежде всего водворенных поселенцев.

I Сибирский комитет при рассмотрении вопроса о порядке выбора волостных писарей отмечал, что причисление ссыльнопоселенцев к крестьянству, не снимает с них «содеянных ими преступлений» [РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 208. Л. 4]. Поселенцам не разрешалось участвовать в выборах, в деятельности схода, исполнять общественные должности [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1322. Л. 211 об.; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 208. и др.]. Но законодательное установление, даже неоднократно подтвержденное, не являлось доказательством того, что оно соблюдалось в действительности. На практике участие поселенцев в деятельности крестьянской администрации имело повсеместное распространение. Сибирская администрация не раз констатировала, что ключевая должность крестьянского самоуправления — писаря, повсеместно, исполняется людьми, лишенными чинов и дворянства, присланных в Сибирь на поселение [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 952. Л. 209].

Крестьянское происхождение кандидатов на выборные должности волостной и сельской администрации предполагало сохранение общего образа жизни и, следовательно, знание нужд и интересов мира. Более весомыми последствиями общности происхождения были зависимость выборного от избирателей и заинтересованность в результатах

своей управленческой деятельности, как одного из представителей данного общества. Надежды на чиновничий контроль за этим крестьянским бюрократам было мало. Единственное условие, которое нарушало эти оптимистические предположения государства – отсутствие и у российских, и у сибирских крестьян необходимого уровня грамотности и навыков делопроизводства.

Ссылнопоселенцы находились под юрисдикцией волостных правлений, значительно расширяя судебные полномочия сибирской крестьянской администрации. Волостные правления рассматривали не только маловажные проступки поселенцев, должны были разбирать дела о воровстве и кражах, без ограничения суммы украденного. В наказание же могли определять только розги, что ставило поселенцев в исключительное положение даже в сравнении с лицами, не лишенными прав состояния [4, с. 356]. Волостные начальники, боясь ссылных «из видов сохранения собственности и личной безопасности» старались не преследовать поселенцев, преступивших закон. Поэтому дела по проступкам и преступлениям ссылных, в основном, лежали в волостном правлении без всякого движения.

Именно эти обстоятельства вынуждали местные власти вновь обратиться к идее раздельного проживания старожилов и штрафных колонизаторов. В 20-х гг. XIX в. это привело к созданию на территории Сибири специальных казенных поселений, выполнявших функции пенитенциарных колоний. Основным условием создания т.н. «чистых колоний», справедливо, считался семейный статус ссылнопоселенцев, для обеспечения которого требовалось специальное поощрение местного населения. Иркутский губернатор Г. Цейдлер предлагал выделять из казны средства для сибирских старожилов, «которые согласятся, выдав дочь свою за ссылного, принять его семьянином к себе в дом» [5, с. 14]. Эта мера признавалась действенной, но имеющей весьма ограниченные и отдаленные последствия. Поэтому, в духе времени, средством для прочного водворения значительных партий ссылных были признаны «усредоточенный надзор и занятия в хлебопашестве». «Колонии для хлебопашества» были сибирским аналогом военных поселений: в каждом дворе размещались четверо посельщиков, из которых трое определялись, как работники, а четвертый – хозяин или кашевар. Казна ассигновала значительные средства «для первого обзаведения»: на закупку сельскохозяйственных орудий, рабочего скота, семян, одежды, продовольствия, причем большая часть пособия была безвозвратной. Воодушевление администраторов, видевших «прекрасный» и «оконченный» плод своих неусыпных трудов, сопровождалось более здравыми размышлениями о том, что «ссылным самим не нужно поселений: их желание стремиться к глупой воле, бродяжничеству и преступлениям» [5, с. 16 - 18]. Итог эксперимента был вполне предсказуем, несмотря на затраченные казной средства, повышенные меры надзора, в начале 40-х гг. XIX в. колонии пришли в упадок и были причислены к крестьянским волостям.

Тогда же, в 40-е гг. XIX в., западносибирская администрация на основе колонии добровольно переселившихся помещичьих крестьян из Финляндии создает особые лютеранские колонии ссылных, выдвигая на первый план «духовное призрение» колонистов. От общества «европейских колонизаторов» - «остзейских и финляндских латышей, чухонцев, шведов и немцев» ожидали не только быстрого перевоспитания членов «своей средой и верой», но и культурного влияния на старожильское окружение [6, с. 540]. Перевоспитание «людей исключительно воровской и разбойничьей профессии» в хороших земледельцев и скотоводов даже при создании максимально комфортных условий, надления общества лучшими по качеству угольями затягивалось. При этом единственным средством участия старожилов в этом «воспитательном» процессе оставался самосуд, а результатом – «целые плоты чухонцев плавали по реке Оми, или как гласила поговорка, «отправлялись к губернатору на общественной кошке жаловаться»» [6, с. 541]. Живущие оседло колонисты-земледельцы, даже переняв у сибиряков все земледельче-

ские орудия, способы возделывания почвы, одежду, сохраняли свою обособленность и не интегрировались в общественную и хозяйственную жизнь. Наблюдатели выделяли в рамках лютеранской колонии «национальные корпорации латышей, чухны, немцев и шведов», которые враждуя между собой, тем не менее дружно отстаивали свои общие интересы внутри старожильской волости. Осознавая особое положение, не просто бывших преступников, но объединенных общим европейским происхождением и верой, колонисты не выполняли никаких общеволостных повинностей, не выплачивали подати, отказывались подчиняться распоряжениям сельской и волостной администрации. Опыт создания на территории Омского округа, так называемых лютеранских колоний (Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс), был признан неэффективным и с точки зрения управления, и с точки зрения водворения штрафных колонистов.

«Коренные» крестьяне в такой ситуации, по мнению местной администрации, как среда «с неиспорченной нравственностью» и занятые «честным трудом» должны были оказывать большее воспитательное влияние, нежели единое европейское происхождение [ГИАОО. Ф.3. Оп. 8. Д. 13452. Л. 54]. Наличие значительного количества необустроенных штрафных колонизаторов приводило к складыванию криминогенной обстановки в регионе, чему несомненно способствовала их безнаказанность. Часто воровство являлось «единственным ремеслом», которым владел ссыльный, а главным объектом его нападений становились беззащитные соседи. Изолированное положение штрафных колоний не позволяло сельской полиции и волостному правлению осуществлять следственные мероприятия на территории подведомственных колоний, хотя бы потому, что никто из колонистов не соглашался быть понятым, а приглашенные из русских деревень «не владея их наречием», не в состоянии были противостоять действиям по сговорам и сокрытию вещественных доказательств [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13452. Л. 46]. Подозревая в преступлении колонистов, крестьяне «сперва обсуждали, стоит ли начинать дело» и если урон был незначительным, предпочитали «заботиться о большей осторожности на будущее время». В некоторых случаях чиновники фиксировали формирование сплоченных групп, объединенных «общим делом» против крестьянского общества, скрывающих преступников, препятствующих проведению розыскных действий. Такие факты отмечались и в отношении лютеранских колоний. Наличие в этой среде «инакомыслящих» не допускалось, от них стремились избавиться любыми способами, в том числе побоями, кражами «последнего имущества». Конфликты ссыльнопоселенцев и волостных властей могли возникать и в ходе текущей, «некриминальной общественной практики», например, вызова ссыльнопоселенцев на сельский сход. Окружной исправник охарактеризовал такие случаи как «обыкновенные», на которые сельское начальство смотрело «хладнокровно».

Сельское общество государственных крестьян пополнялось также за счет сосланных старообрядцев и сектантов. Добровольно переселившиеся старообрядцы пользовались шестилетней льготой, освобождаясь от всех податей и повинностей. После истечения ее они должны были выплачивать установленный Петром I и сохранявшийся до 1782 г. двойной податной оклад. Исходя из фискальных интересов, государство пыталось выделить и «раскольников», записанных в двойной оклад, в особое общество, связанное круговой порукой. Хотя обычно старообрядцы находились в ведении крестьянской общинной администрации, иногда избирался особый «раскольничий» [7, с. 195]. «Раскольники», причисленные к крестьянскому обществу, составляли особое податное общество, круговая порука которого не распространялась на православных, но сбор денег и недоимок, ведение делопроизводства, также как и в случае с ссыльнопоселенцами, лежали на крестьянской администрации. Государство не смогло организовать самостоятельное общество старообрядцев, так как оно отличалось «крайней нечеткостью и большой подвижностью границ раскола в крестьянской среде». Опасаясь распространения «вредного учения» и совращения православных, старообрядцам и сектантам за-

прещалось участвовать в выборных крестьянских органах. Это требование соответствовало законодательству XVIII в., в котором выборная крестьянская администрация должна была препятствовать распространению раскола среди крестьян. Неоднократно предписывалось «никого из раскольников не возводить на власти, ни токмо духовные, но и гражданские...». Сами крестьяне воспринимали эту несправедливость как привилегию. Жесткие правила, исключавшие раскольников из общественной жизни, были отменены только по закону 3 мая 1883 г. «О расширении прав раскольников в отношении выборной службы». Но при этом секретным предписанием местным властям рекомендовалось «воспрепятствовать раскольникам пользоваться властью и влиянием для распространения лжеучений и не допускать их к выборным крестьянским должностям». [ГУТО ГАТ. Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2].

Парадоксальным, но только на первый взгляд, в связи с этим, выглядит широкомасштабное переселение сектантов и старообрядцев на окраины Сибири и вполне лояльное отношение к ним там местной администрации [8]. Если в зону «плотного» расселения русских крестьян государство стремилось либо не допускать «раскольников», либо изолировать их от православных, то на окраинах, где славянский элемент оказывался в абсолютном меньшинстве и требовалось сохранение национальной идентичности, устойчивость в инонациональном окружении, государство предпочитало именно эти категории в качестве колонизационного элемента. В отличие от православных, «раскольники» на местах водворения создавали чрезвычайно прочную неформальную общность, которая являлась основой традиционных институтов самоуправления. И именно это обстоятельство, наряду с более рациональной системой хозяйственных ценностей делало «раскольников» весьма подходящей категорией населения для исполнения роли пионеров фронта. Несмотря на антигосударственные настроения, старообрядцы невольно закладывали основу российской государственности, неся в своей организации модель «мини-государства», нанося на территорию колонизируемого района первоначальные административные штрихи.

К середине XIX в. местной администрации стало очевидным, что устройство и водворение ссыльных, силами крестьян - старожилов, крайне не эффективно, в силу их незаинтересованности в увеличении числа самостоятельных хозяйств. Чиновники ставили под сомнение необходимость и выгоду для местного населения домообзаводство всех ссыльнопоселенцев. Томский губернатор рассуждал следующим образом: «И что же было бы, если бы все поселенцы обрабатывали поля? Кто бы стал есть хлеб и чем бы уплачивать подати? Дай бог, чтобы число поселенцев на промыслах не уменьшилось, это полезно промышленности и земледельцам, которых труд ныне по дешевизне не вознаграждается...люди слава Богу, заняты, только мы не знаем, чем и где...» [9, с. 35]. Кроме того, отсутствие правил по причислению ссыльных к волостям для волостных правлений и не соблюдение таковых Экспедицией о ссыльных, так же не способствовали укоренению ссыльнопоселенцев. Генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорд после обозрения волостных правлений Тобольской и Томской губерний в 1858 г. отмечал, что «волостное начальство и земская полиция не настаивает, чтобы ссыльные водворялись», это подтверждалось тем, что земские суды выдавали ссыльным увольнительные билеты еще до прибытия их волость, также не особо удерживали их в волостных правлениях, особенно после того как выдача увольнительных билетов была передана от поселенческих смотрителей в волостные правления, и эта сфера стала еще одной «золотоносной жилой» сибирских волостных писарей.

Хотя ссыльнопоселенцы до причисления в сословие государственных крестьян не входили в единое податное общество, но включение их в крестьянское общество снимало с чиновников и перекладывало на волостное начальство целый ряд задач, в том числе по учету населения и сбору податей. В отношении ссыльных эта задача осложнялась и превращалась в чрезвычайно трудоемкий процесс в связи с их постоянными перемещениями

с места приписки. В 1857 г. Главное управления Западной Сибири разработало специальные формы для увольнительных билетов, в которых должно было указываться точное местопребывание ссыльнопоселенцев, чтобы облегчить администрации поиск неисправных налогоплательщиков [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 795. Л. 6 об.].

В начале 50-х гг. XIX в. инспекторский департамент Военного министерства доносил генерал - губернатору Западной Сибири о том, что при выдаче билетов, волостные писари, особенно из польских поселенцев, «пользовались значительными и недозволенными выгодами» [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18312. Л. 13]. Нужно подчеркнуть, что это было одно из тех редких дел, в рамках которого власти попытались выявить не частный случай незаконного исполнения выборной должности ссыльными, а сложившуюся преступную группу, лиц, уроженцев Западных губерний и Царства Польского [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18312. Л. 13; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 559]. В ходе секретной ревизии факты злоупотреблений писарей по Томской губернии, где спрос на вольнонаемный труд и концентрация ссыльнопоселенцев были очень высоки, подтвердились [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18312. Л. 10]. Для подтверждения опасений на счет особого «польского участия» в этом деле были собраны сведения о составе писарского корпуса. В отдельных волостях это участие действительно подтвердилось. Например, в Кольванской волости не только писарь, но и двое из трех его помощников были поселенцы, уроженцы Западных губерний. По Тобольской губернии было выявлено двое уроженцев тех же мест, причем один из них был утвержден вышестоящим начальством. Громкое «польское дело» не получилось по той причине, что из многих округов сведений о происхождении писарей в губернское правление просто не поступило. Однако доходы с такой услуги, как оформление увольнительного билета, получали во всех волостях, где был спрос на рабочие руки вне зависимости от национальности и сословного статуса волостных писарей. По Кольванской волости каждый увольнительный билет обходился золотопромышленнику от трех до шести рублей, смотря «по добросовестности писаря и по мере незаконности обстоятельств», причем за год билетов выдавалось больше тысячи и основная часть суммы шла в доход писаря [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 18312. Л. 13]. Жалоб от золотопромышленников на поборы не поступало, так как писарю платили деньги за упрощение процедуры найма, что было незаконно, но оправдывало себя экономией времени. Единственно возможный выход местная администрация увидела в усилении контроля со стороны земского начальства. Частично дела по ссыльнопоселенцам, в том числе выдача увольнительных билетов и учет поселенцев, передавались специальным ревизорам и поселенческим смотрителям, которых определяли в Томский и Каинский округа, где было сосредоточено наибольшее количество поселенцев [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 18312. Л. 91]. Процедура найма усложнялась, количество инстанций, которых должен был пройти золотопромышленник увеличивалось. По новым правилам, увольнительный билет, полученный у писаря, требовалось утвердить у поселенческого смотрителя и ревизора, находившихся в центре найма Томской губернии - селе Кие. Подобная «отчетная наблюдательность» должна была, по мнению ГУЗС, «стеснить своеволие волостных писарей и преградить путь к безрассудному мотовству и пьянству и другим порокам ссыльных» [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 18312. Л. 94], но с другой стороны, увеличивала число лиц участвовавших в сделке и обладавшими определенными полномочиями, что ставило их в ряд «потенциальных лихоимцев». При обсуждении правил они были признаны неисполнимыми, так как требовали дополнительных средств и ущемляли интересы золотопромышленников. В итоге вопрос об устройстве ссыльнопоселенцев остался открытым.

Можно отметить и те исключительные случаи («не в пример»), когда не сами поселенцы, а представители местной администрации ходатайствовали о разрешении ссыльным избираться на общественные должности [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11107. Л. 1 - 2]. Можно предположить различные мотивы чиновников, поддерживающих кандидатуры

ссылных. Во-первых, ими могло двигать корыстное стремление поставить на должность «своего» человека. Зависимый и благодарный писарь мог принести значительный материальный доход радетелю, потому и «кочевал» из волости в волость по прихоти своего покровителя, избегая обострения отношений с крестьянами. Такие «ставленники» земских исправников «породив всеобщее неудовольствие в одной волости переводятся отсюда для успокоения в другую, а потом по таковой же причине в третью, оставляя везде следы бесчинств» - отмечалось в отчете Г.Х. Гасфорда [ГАТО. Ф. 3. Оп.2. Д. 795. Л. 5 об.]. Хотя, была возможна и некриминальная, а честная чиновничья мотивация: уездный исправник был заинтересован в сильном работоспособном штате волостной канцелярии, поскольку это частично снимало с него некоторые обязанности. Омский окружной исправник, ходатайствуя о ссылке кандидата, отмечал его потенциал и возможности улучшить делопроизводство не только в своем волостном правлении, но и служить примером других писарей. Так по ходатайству исправника, крестьянин из ссылных после десяти лет занятий письмоводством в окружном полицейском управлении, получив «отлично-хорошую репутацию», проявив особенное усердие к труду и примерное поведение, получил такое разрешение в качестве поощрения.

Заселение Сибири во второй половине XIX – начале XX в. еще теснее увязывалось правительством с разрешением крестьянского вопроса в центре России. Это убедительно подтверждают 60 – 80-е гг. XIX в., когда правительство фактически закрыло наиболее доступные сибирские губернии для российских переселенцев. В условиях «закрытия» Сибири для легальных переселенцев в Западном комитете подготавливается уникальный колонизационный проект по водворению польских повстанцев. Главная особенность этого проекта состояла в том, что за его основу был взят план водворения не штрафных колонизаторов, а легальных переселенцев, с предоставлением им тех же пособий и льгот. Условия водворения польских ссылных были скорректированы таким образом, чтобы преодолеть наиболее очевидные недостатки штрафной колонизации и попытаться интегрировать новых колонистов в крестьянское общество.

Ссылка на водворение определялась административно и по суду и распространялась преимущественно на лиц непривileгированных сословий, следовательно, обладающих навыками хозяйственной, в том числе и сельской деятельности. В зависимости от тяжести преступления назначалась местность водворения: признанных более виновными определяли в Якутский и Туруханский края, северные части Архангельской и Тобольской губернии; а прочих – в Западную и Восточную Сибирь, «в местности, имеющие избыток земли» [10]. В «Правилах по устройству быта политических преступников», разработанных генерал-губернатором Восточной Сибири уточнялась обязательная связь между родом занятий переселенцев и характером водворения, а также оговаривался не просто избыток («изобилие») земли, а удобство этой земли для хлебопашества. Поиском «лучших для хлебопашества мест», нуждающихся в заселении, обладающих дешевым лесом и возможностью приобретения семян для засева полей, занимались хозяйственные отделения казенных палат, оберегая «штрафных колонизаторов» от неудачного выбора места водворения.

Это было, несомненно, главным условием преодоления неэффективности принудительной колонизации, предшествующих проектов конца XVIII – начала XIX вв., выдвигавших на первый план государственные надобности: создание этапных линий, заселение трактов и приграничных территорий. Для этих целей все средства казались пригодными, а хозяйственные последствия заселения не вполне очевидными и обязательными.

Не являлось, по сути, ограничением прав ссылноводворенцев отсутствие возможности самостоятельного выбора мест своей новой оседлости, так как и легальные переселенцы направлялись для поселения по строго определенному чиновниками маршруту (отсюда и наименование – «маршрутные переселенцы»). Однако в отношении ссылных поляков применяется другое ограничение, не используемое в отношении русских крестьян.

ян, а именно раздробление общин и подселение к старожилам для преодоления той «общности, которая выступала как единое целое в восстании» [11, с. 383]. Качество переселенческой партии чиновники часто оценивали по сплоченности коллектива, в связи с этим бывшие отходники, ремесленники, утратившие общинные навыки, рассматривались как «не особо удачный» колонизационный материал. Наличие же таких навыков сплоченности у иноэтнического колонизатора напротив, справедливо оценивалось местной администрацией как качество, препятствующее их интеграции в местное общество. Идея приписывать и причислять ссыльных водворенцев к крестьянскому обществу, вполне соответствовала задачам «сближения с русским земледельцем» и превращения их в «полезных членов русского общества» [ГИАОО. Ф.3. Оп.7. Д. 5727. Л. 109].

Явным преимуществом штрафных колонизаторов перед легальными переселенцами была процедура приписки / причисления к старожильческому обществу. Лица, лишенные прав состояния, приговоренные к ссылке на житье или сосланные административным порядком на водворение, приписывались к городскому или волостному обществу с разрешения начальства и независимо от изъявления или неизъявления на приписку согласия со стороны обществ. В отношении переселенцев старожильческое общество обладало большими правами, оно могло самостоятельно принимать решение о причислении переселенцев. В случае причисления к старожильской волости переселенцы были обязаны, как правило, не бесплатно, получать разрешение, в виде приемных приговоров.

Сравнивая материальную обеспеченность и налоговый статус переселенца и ссыльноводворенца, можно также отметить ряд преимуществ последнего. Прежде всего, государство не обременяло штрафных колонизаторов расходами на этапирование, водворение, а также и на приобретение всего необходимого в пути и на месте поселения. Все расходы предполагалось компенсировать из сумм государственного земского сбора, с возвратом этих издержек из сумм Царства Польского и имений в Западных губерниях [10, с. 10].

Водворенцы в отношении пособий приравнялись к переселенцам из малоземельных губерний, получая 55 руб. на семью, «при наличии необходимого числа работников», т.е. с учетом возможности заведения самостоятельного хозяйства. Бессемейных ссыльных размещали в селениях старожилов с выдачей пособия в течение 4-х месяцев тем крестьянам, которые принимали в своем доме ссыльных. Размер пособия зависел от размера семьи ссыльнопоселенца, а срок выплаты – от появления в семье годных работников. Кроме того, не имеющие собственных средств, получали казенное пособие два раза в год, размер которого корректировался с учетом материального состояния «штрафного колонизатора», наличием дополнительных источников доходов, помощи от родственников. Очевидно, что возможности контроля со стороны администрации и учета реального положения ссыльных были значительно ниже, чем возможности вступления в сговор чиновников и ссыльных в ущерб колонизационным задачам правительства [11, с. 383].

Завершение льготного периода предполагало изменение статуса водворенца, а также окончательное причисление к крестьянскому обществу с обязанностью выплачивать подати и нести повинности. Однако реализовать этот фискальный проект, компенсирующий затраты казны на водворение польских ссыльных, не удалось. Повсеместно, не только в сельской местности, но и в городах ссыльные отказывались выплачивать подати в связи с отсутствием средств. Характерно, что местная администрация поддержала желание колонизаторов увеличить льготный период, освобождающий от всех налогов [13, с. 57].

Новый курс Российской империи на азиатских окраинах, сформулированный во II Сибирском комитете, предполагал «вдвинуть Сибирь в Россию», сделать ее русской. Эта программа отразилась, в том числе и на практиках водворения польских ссыльных, направленных не только на интеграцию их в сельское состояние, но и обращение их в «русских землепашцев», «полезных членов русского общества». Но даже в этом случае

мероприятия по водворению польских ссыльных не имели карательного характера и не были направлены на культурно-языковую унификацию. Сравнивая различные группы колонизаторов, и в том числе российских крестьян, прошлое которых не имело предосудительной политической или уголовной истории, чиновник Переселенческого управления В. Л. Кигн определил «польский колонизационный случай» как удивительный по своим результатам. Карательные мероприятия «страшного Муравьева», «варварская» ссылка «нескольких деревень поголовно» неожиданно завершились образованием состоятельных и самостоятельных хозяйств: «До сих пор «Европа с ужасом говорит об этом варварстве», а жертвы варварства пишут домой: «Дурни, чего вы сидите на своем виленском песочке; идите сюда: тут дают по 15 десятин на душу, тут травы, сколько хочешь, и мы развели скота, словно паны, и теперь выгодно продаем масло; святые костелы у нас есть, - один в Каинске, другой в селе Спасском». Вот вам и варварство, типичное русское варварство, которому ужасается цивилизованная Европа!» [14, 278 – 279].

Практики сословной и административной интеграции ссыльнопоселенцев однозначно не имели высокой результативности и требовали либо пересмотра и корректировки, либо отказа от идеи «окрестьянивания». Со второй половины XIX в. колонизационные ресурсы империи на азиатских окраинах значительно сокращаются количественно и изменяются качественно, прежде всего, в связи с проведением крестьянской реформы и появлением нового «вынужденного переселенца». Не менее значимым фактором корректировки колонизационных практик в это время стало формирование новых имперских идеологем, в том числе культурной и национальной инкорпорации и унификации Сибири. Обострение национальных проблем на западных окраинах привносит и в сибирские проекты этническую и национальную риторику, провозглашается в качестве программы русификация региона. Однако попытки использовать на практике этноконфессиональные интеграционные практики не приносили успеха, и местная администрация возвращалась к не всегда эффективным, но знакомым практикам сословной и административной интеграции.

Список литературы:

1. Достопамятные годы жизни Августа Коцебу, или заточение его в Сибири и возвращение оттуда, описанное им самим. Ч. 2. М., 1806. 266 с.
2. *Максимов, С. В.* Сибирь и каторга. В 3 ч. / С. В. Максимов. СПб. : Издание В.И. Губинского, 1900. 492 с.
3. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год / собр. В. Вагиным. СПб. : Типография Второго отделения Собственной Е. И. Канцелярии, 1872. Т. 1. 1872. 801 с.
4. *Прутченко, С. М.* Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 года, в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки: в 2-х т. Т. 1 / С. М. Прутченко. СПб., 1899. 405 с.
5. *Степанов, А. П.* Енисейская губерния. Ч. II. / А. П. Степанов. СПб.: В тип. Конрада Вингебера, 1835. 139 с.
6. *Материалы* для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольскую губернию за последние 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. М. : Тип. О-ва распространения полезных книг, 1895. V, 541 с.
7. *Покровский, Н. Н.* Урало-Сибирская крестьянская община XVIII в. и проблемы старообрядчества / Н. Н. Покровский // Крестьянская община Сибири в XVII – начале XX вв. Новосибирск : Наука, 1977. 287 с.
8. *Лобанов, В. Ф.* Переселение старообрядцев в Приамурье во второй половине XIX в. / В. Ф. Лобанов // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России. XVIII–XX вв. : Материалы междунар. науч. конф., 19-21 марта 1996 г. / Рос. акад. наук.

Сиб. отд-ние. Ин-т истории и др. ; [Редкол. : Л. М. Горюшкин (отв. ред.) и др.]. Новосибирск : Б. и., 1996. С. 115 – 117.

9. Мамсик, Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. / Т. С. Мамсик. Новосибирск : Наука, 1987. 268 с.

10. Макаров, А. Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западных губерний после мятежа 1863 г. (по материалам архива Тобольской казенной палаты) / А. Макаров // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. Вып. 21. 124 с.

11. Ханевич, В. А. «Польский компонент» сибирской деревни во второй половине XIX века и в конце XIX - начале XX века: общее и особенное (на примере Томской губернии) / В. А. Ханевич // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. : в 3 ч. Омск: Издательский дом «Наука», 2012. Ч. I. С. 382 – 387.

13. Герасимов, Б. Г. Ссылные поляки в Семипалатинской области (Краткий исторический очерк) / Б. Г. Герасимов // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 12. Семипалатинск : Тип. Обл. Правления, 1918. 109 с.

14. Кизн, В. Л. Бараба / В. Л. Кизн // Переселенцы и новые места. Панорама Сибири. М. : ППП «Типография «Наука», 2008. 456 с.

N. G. Suvorova

The he exiles Siberian rural society: options class and etnoconfessional integration (XIX - early XX century)

Summary: This paper analyzes the projects and activities of the Siberian administration for the integration of the exiles into the structure of rural society. The colonization nature of links maintained throughout the XIX century. However, changes in the ideological justification of colonization events, the specific conditions of the Siberian margin involves the use of various means of integration penalty colonizers. We consider the projects of integration with social class placement exiles in old-rural society and reckoning for state farmers and local government attempts to create separate "colonies for farming", including ethnic and religious.

Key words: exiles, colonization, rural society, integration

Omsk State University (644077 Omsk, Mira 55a str, tel: (3812)670244; sng19911@rambler.ru)

УДК 94(571)-058

А. В. Филимонов

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФИНАНСОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ И КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ В 20-50-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Аннотация: В статье на основе делопроизводственной документации государственного законодательства и научной литературы сопоставляется финансовое положение польских ссылных и государственных крестьян-переселенцев в условиях формирования и изменения государственных планов колонизационного освоения Сибири в первой

половине XIX в. Представлена постепенная эволюция взглядов правительства на степень колонизационной ценности польских ссыльнопоселенцев и государственных крестьян-переселенцев, выявляется отражение общего колонизационного правительственного курса на финансовом обеспечении обеих категорий.

Ключевые слова: польские ссыльные, государственные крестьяне, Сибирь, переселение

Введение

К настоящему времени накоплен значительный массив исследований по истории польской ссылки и переселений государственных крестьян. Внимание исследователей привлекали самые разнообразные проблемы и вопросы, связанные с данной тематикой. В отношении польского ссыльного элемента в Сибири следует отметить заметное расширение современного исследовательского поля. За последние четверть века как в польской, так и в постсоветской историографии появилось множество работ, посвященных проблемам адаптации поляков в Сибири, сохранения этноконфессионального единства польской диаспоры (в том числе формы национальной солидарности), описания Сибири и сибиряков в мемуарах польских ссыльных, роли национальных восстаний в формировании образа поляков у русского (в том числе сибирского) населения, участия польских крестьян в процессе аграрного освоения региона и др. [См. например: 1]. Тем не менее, вопросы государственного обеспечения ссыльных из Царства Польского в большинстве исследований затронуты лишь косвенно или же вовсе отсутствуют. В качестве общей тенденции необходимо отметить сосредоточение внимания исследователей на проблемах взаимоотношений внутри польской диаспоры, либо между поляками и сибирским населением, при значительно меньшей проработке вопросов взаимодействия ссыльных с местной администрацией.

Различные стороны процесса крестьянских переселений в Сибирь получили отражение в работах дореволюционных, советских и постсоветских авторов. Исследователи конца XIX - начала XX в. в своих работах представляли переселения государственных крестьян первой половины XIX в. в ретроспективном отношении как явление, на основе которого подтверждалась возможность успешных массовых переселений при участии государства [См. например: 2]. Советские авторы в основном рассматривали реформу государственной деревни графа П.Д. Киселева как последнюю попытку улучшить положение малоземельных крестьян без изменения сущности их феодальной зависимости перед отменой крепостного состояния в 1861 г. [См. например: 3]. Современные исследования обращаются к ранее неизученным сторонам переселений; в частности, появляются работы по этноконфессиональному составу переселенцев, их взаимодействию и ассимиляции с местным старожильческим и инородческим населением; исследуются ментальные особенности и установки переселенцев как особой категории крестьян, их индивидуальное восприятие процесса переселения (на основе писем родственникам на родину и других источников личного происхождения) [См. например: 4]. Также, с помощью введения в научный оборот новых материалов пересматриваются и дополняются результаты прежних работ по проблемам социального состава, статистического подсчета переселенцев; по различным аспектам государственной переселенческой политики и т.д. [См. например: 5].

Основным недостатком вышеуказанных групп исследований является их обособленность. Лишь в некоторых работах ссылка (вообще) и переселение рассматриваются в сравнении в контексте более широкого явления - колонизации окраин [См. например: 6]. Кроме того, в обоих пластах исследовательской литературы заметно преобладание работ, посвященных проблемам второй половины XIX в. С одной стороны, это связано с заметным увеличением масштабов крестьянских переселений и польской ссылки в Сибирь в данный период времени (при появлении категории добровольных польских крестьян-переселенцев), с другой стороны, - с доступностью массива источников, значительно

превосходящего таковой для первой половины века. По этой причине представляется необходимым уделить внимание менее исследованному периоду ссылки и переселений первой половины XIX в. с привлечением соответствующей делопроизводственной документации, государственной законодательной базы и исследовательских наработок по смежной проблематике.

Объекты и методы

Особенность нашего подхода заключается в использовании такого аспекта имперской истории как колонизационная политика государства для сравнения положения разнородных по качественному (юридическому, сословному, материальному) и количественному положению групп населения: польских ссыльнопоселенцев и государственных крестьян-переселенцев в определенный период времени (1820-1850-е гг.). В частности, в данной работе исследуется финансовое обеспечение обеих групп с точки зрения колонизационных задач, которые, по мнению государства, должны были выполнять польские ссыльные и государственные крестьяне в Сибири.

Первая половина XIX в. охарактеризовалась значительным увеличением притока населения в Сибирь извне: так, в период 1815-1858 гг. пришлое население выросло чуть более чем в 2 раза (с 1 млн. 101 тыс. до 2 млн. 288 тыс. человек), тогда как местное инородческое население за то же время увеличилось всего на 214 тыс. человек [7, с. 81]. Таким образом, прирост пришлого населения превысил инородческий в 5 раз. Как и в предыдущие века, колонизация этого края происходила двумя путями - правительственным и народным, шедшими параллельно, но при этом зачастую с весьма тесным взаимодействием. Правительственная колонизация региона в первой половине XIX в. имела два основных источника: переселение государственных крестьян и ссылка различных категорий населения. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть следующие вопросы: какие цели преследовало государство, перемещая на окраины часть населения, как оно представляло себе колонизационную ценность его отдельных элементов, насколько правительство заботилось об успешности водворения крестьян и ссыльных, какие меры финансового характера предпринимались для помощи устройства на новом месте государственным "засельщикам".

Отдельные попытки переселения крестьян в Сибирь предпринимались государством еще в первые десятилетия XIX в. Особенностью данного периода являлось то, что правительство еще не определилось, кто будет играть главную роль в колонизации региона. Вследствие этого в переселенческом законодательстве мы встречаем самые различные категории населения: так, по указу 1799 г. о заселении Забайкалья предполагалось переселить до 10 тыс. отставных солдат, ссылаемых преступников и крепостных и отданных помещиками в зачет рекрутов. Для этих целей казной было выделено около 100 тыс. рублей, в том числе предназначенных на выдачу ссуд [8, с. 16]. Предполагалось создать хлебные запасы на 1,5 года, снабдить новоселов сельскохозяйственными и иными орудиями, скотом, семенами для посева, а в первый год также построить дома на 200 душ за счет казны (для переселенцев следующих лет строить дома должны были сами новоселы) [9, с. 137]. Положения 1806 г. предполагали переселение крестьян-земледельцев и ремесленников, а также пожелавших водвориться католиков, лютеран, евреев и цыган с распределением их по городам и селениям. Государственным крестьянам из малоземельных внутренних губерний по этому же положению было разрешено переселяться на свободные казенные земли Томской губернии с правом на денежные пособия и ссуды, освобождаясь от их возврата на первые 5 лет с момента выдачи. Вообще расходование средств на переселяющихся по закону 1806 г. было возложено на местных губернаторов, "предоставляя им употреблять оные по лучшему их усмотрению и со всею хозяйственной бережливостью" [ПСЗРИ. Собрание первое. 1649-1825. СПб. Т. 29. № 22189. С. 406]. Тем не менее, эти и другие законы на практике дали весьма незначительные результаты: местная администрация при водворении переселенцев

столкнулась с такими проблемами, как недостаточность средств на помощь первоначальному обустройству, отсутствие точных границ земельных владений старожилов и сведений об отводимых новоселам земель. В результате в 1812 г. мнением Государственного совета переселения были временно приостановлены до "приведения в известность земель, могущих быть отведенными переселенцам" [10, с. 52].

С начала 1820-х гг. переселения возобновились. Именно с этого времени начинает оформляться официальная позиция по поводу переселения крестьян в Сибирь, впервые четко выраженная у М. М. Сперанского. Находясь в 1819-1821 гг. на посту генерал-губернатора, он провел ревизию сибирских губерний, результатом чего, в частности, стала его докладная записка: в ней указывалось две выгоды от переселений крестьян в Сибирь - заселение края и одновременно доставление крестьянам, "обитающим в губерниях, скудных землями, потребного изобилия" [11, с. 12]. Одновременно определяется и основной контингент переселяющихся - государственные крестьяне. Причина заключалась в том, что государство могло позволить этой категории перемещаться в другие губернии, тогда как для крепостных, от труда которых зависело благосостояние российских помещиков, эта возможность была закрыта. В результате вышеуказанных изменений закон 1822 г. вновь разрешил переселения для государственных крестьян, но при этом в нем ничего не говорилось о выдаче ссуд и пособий. Таким образом, государство на достаточно долгий срок сократило до минимума свою помощь переселенцам.

Упорядочение дела переселения государственных крестьян в Сибирь начало производиться только с конца 1837 г., когда было образовано Министерство государственных имуществ, принявшее на себя заботы по устройству хозяйственного быта государственных крестьян. Их положение к этому времени было достаточно тяжелым: росло количество малоземельных и недоимочных хозяйств, многие крестьяне оставались без скота и земли, и при этом существовал огромный запас казенных земель, не обрабатывавшихся и не приносящих дохода в казну.

Возглавивший новое ведомство граф П. Д. Киселев практически сразу приступил к реформе управления государственными крестьянами. Одним из основных мероприятий было расширение переселений с целью улучшения положения малоземельных крестьян. К этому времени действовал "Устав о благоустройстве в казенных селениях" 1832 г., обобщивший правила 1824 и 1831 гг., регулировавшие переселения между губерниями европейской России. По инициативе Киселева устав был распространен на Сибирь и дополнен правилами 1843 г. Там содержались подробные указания по поводу всего процесса переселения, начиная от того, каким требованиям должны были удовлетворять крестьяне, желавшие переселиться, и заканчивая условиями водворения на новых местах.

Общие цели переселения определялись практически так же как и в записке Сперанского: "а) чтобы сельским обществам, нуждающимся в земле, предоставить, с выходом переселенцев, потребное количество оной на остальные души, и б) чтобы излишние руки в одних местах обратить на другие, к возделыванию пространств, впусте лежащих" [ПСЗРИ. Собрание второе. 1825-1881. СПб. Т. 18. № 16718. С. 236]. К переселению допускались государственные крестьяне любой губернии при условии, что в их сельском обществе на душу приходилось менее 5 десятин земли. При выходе с родины переселенцев предписывалось снабжать особыми пропускными видами и маршрутами, а также проводниками. Окружные начальники губерний, через которые проходили переселенцы, должны были "склонять обывателей к безденежному их прокормлению" [12, с. 61]. Заболевшим в пути полагалось лечение в ближайших городах за счет казны. По прибытии на место водворения крестьяне получали безвозвратное пособие в 35 руб. на семью, или же 20 руб. при отпуске леса по 100 деревьев на двор [ПСЗРИ. Собрание второе. 1825-1881. СПб. Т. 18. № 16718. С. 238]. Также им бесплатно отпускались земледельческие орудия "смотря по свойству почвы и местным обычаям, с потребным числом рогатого скота" на

сумму до 20 руб. и выдавались семена на посев с условием возврата их через три года [ПСЗРИ. Собрание второе. 1825-1881. СПб. Т. 18. № 16718. С. 238]. Более крепкому водворению способствовала 8-летняя льгота в податях, а также сложение недоимок по прежнему месту жительства крестьян. Помимо всего, на Палату государственных имуществ возлагалась помощь новоселам в устройстве мельниц, колодцев и в других нуждах, с заимствованием средств из хозяйственного капитала.

В 1846 г. правила были дополнены особым циркуляром 1846 г. Министерства государственных имуществ, по которому казенные палаты обязаны были выдавать переселенцам пособия в тех случаях, если они перед выходом не смогут выручить необходимую сумму для их содержания в пути. Окружным начальникам и палатам губерний, через которые проходили переселенцы, было поручено при необходимости оказывать им денежную и иную помощь.

Расширялся также географический ареал переселений: начавшись с Тобольской губернии, в которой к 1851 г. было водворено 19,5 тыс. душ мужского пола, переселения распространились затем на всю Западную Сибирь [12, с. 62]. В 1851 г. правительство предложило переселить в этот регион по 300-400 семей из 12 малоземельных внутренних губерний [12, с. 62]. На основании этого предписания только в 1852-54 гг. в Тобольской и Томской губернии водворилось более 38 тыс. душ мужского пола [10, с. 77]. С 1852 г. также по инициативе правительства начался переход в Енисейскую губернию, хотя масштабы здесь были несколько меньшими (за 6 лет удалось водворить около 6 тыс. человек) [10, с. 78]. В качестве эксперимента была сделана попытка переселить старожилов Енисейской губернии на Камчатку, при условии выдачи тех же пособий и ссуд, что и переселенцам из Европейской России в Сибирь.

В 1848 г. правительство издало указ о переселении в Киргизскую степь 3,6 тыс. крестьян из малоземельных губерний и малороссийских казаков, с перечислением их в сибирские казаки [12, с. 64]. В 1857 г. Сибирским комитетом было предложено крестьянам Западной Сибири в составе не более чем 300 семей переселиться в Заилийский и Семиреченский край с зачислением их в казаки Сибирского линейного войска. Данная мера, однако, не имела успеха - желавших переселиться нашлось всего около 50 семей. В 1857-1859 гг. для пополнения этого состава было решено переселять в Киргизскую степь самовольно водворившихся в губерниях Западной Сибири, также с зачислением в казаки. Всем лицам, переселяемым "по вызову" правительства в этот край при водворении давались денежные пособия на первоначальное обзаведение, оказывались льготы по службе и получению провианта, причем нормы определялись заметно выше, чем для государственных крестьян, переселявшихся в другие местности: каждой семье выдавалось по 55 руб. серебром для устройства домов, покупки скота и сельскохозяйственных орудий и кормовые деньги во время пути с прежнего места проживания до нового участка; по прибытии на место также выдавался зерновой хлеб для посева от провиантского ведомства [ПСЗРИ. Собрание второе. 1825-1881. СПб. Т. 34. № 34359. С. 345].

В целом на пособие переселенцам в Сибирь в 1839-1865 гг. ежегодно отпускалось из Государственного казначейства по 142 тыс. руб. (кроме 1853 г., когда размер выделенных средств был сокращен из-за начавшейся Крымской военной кампании) [10, с. 79]. После реформы 1861 г. размеры выделяемых средств на переселения были сильно сокращены и достигли прежних размеров только в 90-х гг. XIX в.

Во время переселений государственных крестьян в 1840-1850-х гг. у местной администрации часто появлялись непредвиденные проблемы с водворением. Так, уже в первой половине 1840-х гг. возникли неудобства в связи с несоответствием количества отмежеванных земель числу переселившихся крестьян. Ситуация привела к тому, что некоторые новоселы начали покидать отведенные им участки и основывать новые селения, что затрудняло их учет для местных властей. В начале 1850-х гг. многие крестьяне при

водворении отказывались от назначенных им участков, заявляя о необходимости предоставить им право самим выбрать землю. В результате губернское начальство вынуждено было прибегнуть к принудительному водворению, а в конце 1852 г. Министерство государственных имуществ приняло меры к тому, чтобы заранее предупреждать переселяющихся крестьян, что назначение для них земель зависит исключительно от местного генерал-губернатора.

Тем не менее, несмотря на отдельные проблемы, переселения государственных крестьян при графе П.Д. Киселеве в целом показали свою эффективность в деле колонизации Сибири. В количественном отношении в 1840-1850-х гг. они росли особенно активно: если по первым правительственным указам и положениям начала XIX в. в сибирские губернии удалось переселить всего лишь несколько тысяч человек, то в 1852-1855 гг. в одной только Тобольской губернии официально водворилось около 25 тыс. душ мужского пола [12, с. 62]. Но главным достижением было качество водворения. Большая часть участвовавших в этом процессе крестьян, судя по собранным в 1880-1890-е гг. данным, сохранили добрую память о "киселевских" переселениях. Успех был достигнут за счет большого запаса плодородных земель в распоряжении казны и благодаря пособиям и льготам от правительства. Также одной из причин успешности этой меры было географическое положение Сибири. В 1840-50-е гг. переселенческий поток (как правительственный, так и самовольный) приобрел два четких направления: Кавказ и Урал вместе с Сибирью (в 1858 г. 44% всех переселенцев шло на Кавказ, 45% - в Самару, Оренбург, Тобольск) [13, с. 980]. Ввиду отдаленности Урало-Сибирского направления переселяться туда решался только наиболее активный и крепкий элемент, что также способствовало успешному водворению на новых землях.

В отличие от переселения государственных крестьян, ссылка в Сибирь имела гораздо более длительную историю: самые различные категории людей, нарушивших закон или имевших ограниченную правоспособность (крепостные крестьяне, сосланные помещиками в зачет рекрутов) в качестве карательной меры отправлялись государством в эту местность.

С самого начала ссылки в Сибирь и на другие окраины страны, правительство заботилось, прежде всего, о порядке выдворения осужденных из пределов Европейской России, предоставляя администрации принимающих ссыльных местностей самостоятельно заниматься их устройством и распределением. К началу XIX в. необходимость заселить окраины Российской империи заставила обратить внимание правительства на колонизационные возможности этой категории населения, что привело к попыткам регламентации положения ссыльных в Сибири. Они фигурировали в упоминавшемся выше законе о заселении Забайкалья 1799 г. наравне с другими группами, получая все те же льготы, и после 10 лет "порядочной" жизни могли переводиться в разряд государственных крестьян [ПСЗРИ. Собрание первое. 1649-1825. СПб. Т. 25. № 19157. С. 814]. В 1811 г. по высочайше утвержденному мнению Государственного совета было решено переселить 360 семей в Туруханский уезд Томской губернии, состоявших из предназначенных к ссылке в Иркутскую губернию (кроме каторжных), а также всех желающих из числа людей, отправляемых из внутренних губерний за Байкал. Всем водворенным предусматривалась выдача денежных пособий в размере 25-50 рублей, с возвратом в течение 15 лет, единовременная безвозвратная выдача некоторого количества муки и соли в первый год водворения, а также освобождение от уплаты податей на 6 лет [ПСЗРИ. Собрание первое. 1649-1825. СПб. Т. 31. № 24737. С. 818]. Как и в случае с ранними мерами по переселению крестьян, водворение ссыльных на земле по первым законам дало весьма неудовлетворительные результаты: так, вследствие неблагоприятных климатических условий, все попытки ссыльных в Туруханском крае заняться земледелием оказались безуспешными и в

1823 г. правительство вынуждено было освободить их от уплаты податей на неопределенный срок.

В начале 1820-х гг., во многом благодаря инициативе М. М. Сперанского, был более детально разработан вопрос о колонизационной пригодности ссыльных, что отразилось в изданном в 1822 г. "Уставе о ссыльных". Устав узаконил двойственный характер сибирской ссылки - отправление на каторжные работы и на поселение. Ссылаемые на поселение были разделены на несколько разрядов: временные заводские рабочие, дорожные работники, ремесленные работники и, собственно, поселенцы, распределяемые по казенным или старожильческим селениям.

Также устав упорядочивал сам процесс ссылки, разделив его на три стадии: отправление, сам путь и устройство на месте. Отправление возлагалось на губернское правление, обязанное снабжать ссыльных одеждой и кормовыми деньгами, размер которых определялся для каждой губернии ежегодно в зависимости от цен на продукты. Деньги, имевшиеся у ссыльных с собой, отбирались губернским правлением и пересылались в Тобольский приказ о ссыльных с условием выдачи не ранее, чем они водворятся на земле или получают работу соответственно роду занятий. Прибывшие на место ссыльные поступали в ведение Тобольского приказа о ссыльных и его отделений, а также местного губернатора, определявшего выдачу им продовольствия или кормовых денег на его приобретение [ПСЗРИ. Собрание первое. 1649-1825. СПб. Т. 38. № 29128. С. 434-435].

В зависимости от рода занятий, ссыльные получали определенные гарантии и преимущества. Так, поступавшим во временную работу на заводы обязаны были в первый год выплачивать двойную зарплату; ремесленникам должны были одновременно ассигноваться от казны средства на покупку инструментов, на постройку помещений и прочие нужды по сметам, составляемым особо по каждой губернии [ПСЗРИ. Собрание первое. 1649-1825. СПб. Т. 38. № 29128. С. 449-450]. Экспедиция о ссыльных помогала устройству разряда ссыльных, определенных в слуги: им гарантировалось жалование не менее 5 руб. в месяц (но не более 25 руб.) [ПСЗРИ. Собрание первое. 1649-1825. СПб. Т. 38. № 29128. С. 452]. Неспособным к работам разрешалось приписываться к волостям на вольное пропитание и по прибытию им сразу же выдавались их собственные деньги. При водворении в казенном поселении государство обеспечивало ссыльным заранее подготовленные земледельческие инструменты, лошадей, хлеб на посев и продовольствие, также в течение 2 лет им постепенно выдавались их деньги. Принимаемые же в старожильческие селения обязаны были водвориться собственным трудом и получали единственную льготу - освобождение от земских и волостных повинностей на 5 лет [ПСЗРИ. Собрание первое. 1649-1825. СПб. Т. 38. № 29128. С. 453-454].

Таким образом, к моменту появления поляков в Сибири была разработана довольно четкая система распределения ссыльных по различным категориям в зависимости от рода занятий, а также были определены размеры их казенного содержания и возможности получения дополнительного заработка.

Тем не менее, поляки оказались в несколько иных условиях, чем прочие ссыльные. Ко времени польского восстания 1830-1831 гг. как правительство, так и местная администрация начали осознавать недостатки штрафной колонизации, на практике сводившие ее результаты на нет. Сам автор "Устава о ссыльных" М. М. Сперанский отмечал, что роль ссыльных для освоения края была минимальной и значительно проигрывала добровольным переселениям: в ссылку отправлялись в основном мужчины, и негативное отношение к ним старожилов зачастую приводило к тому, что они не могли завести ни семью, ни крепкое хозяйство. Правительственные меры, такие как выдача старожилам 150 руб. за согласие принимать в семью ссыльных мужчин и 50 руб. самим женщинам, соглашавшимся на брак с ссыльными, не способствовали разрешению ситуации [10, с. 58-59]. В то же время резкое возрастание количества ссыльных в 20-30-х гг. превысило возможности

учреждений, предназначенных для их устройства, что вызвало увеличение числа побегов и бродяжничества.

Польские ссыльные, с другой стороны, потенциально являлись гораздо лучшим колонизационным элементом, чем прочие категории: причиной было то, что в Сибирь в первой половине XIX в. попадали в основном образованные и принадлежавшие к высшим сословным группам поляки. В связи с этим, хотя для ссыльнопоселенцев-поляков и действовали установленные ранее для всех ссыльных законы, такие как "Устав о ссыльных", но в то же время формировался особый порядок отношения к этой категории со стороны местных властей (особенно к той части, которая была приписана к городским обществам).

Значительным преимуществом перед переселенцами из государственных крестьян для всех ссыльных на поселение и в том числе поляков было приписывание к городскому или волостному обществу с разрешения начальства, даже без согласия со стороны самих обществ. Более всего выиграли от такого порядка причисленные к старожильческим поселениям польские крестьяне, составлявшие, однако, меньшинство в ссылке первой половины XIX в. Старожилы с гораздо большим желанием принимали поляков в свои общества по сравнению с другими категориями ссыльных: поляки, по их мнению, могли создать крепкое хозяйство благодаря большой работоспособности и усердию. Помимо прочего, польские крестьяне при водворении получали казенное пособие в 55 руб. серебром [14, с. 383]. С другой стороны, если польский ссыльный из крестьян хотел вернуться на родину, то этот процесс оказывался зачастую невозможным или крайне затрудненным по финансовым обстоятельствам: практически все прошения польских крестьян к местной администрации выдать им от казны прогонные деньги для проезда до Царства Польского отклонялись. Объяснялось это тем, что происходившим из податных сословий прогонных денег по закону не полагалось.

Польские ссыльные более высокого социального положения или же признанные непригодными для сельскохозяйственных работ размещались в основном в городах и заметно отличались от крестьян по источникам получения средств к существованию. Так, польские дворяне, даже будучи сосланными, сохраняли часть своих сословных преимуществ: в частности, имели право на денежную помощь от казны при невозможности самостоятельного изыскания средств к существованию, а в случае получения разрешения вернуться на родину пользовались казенными прогонами. Кроме того, высокий уровень образованности позволял полякам занимать ниши, зачастую недоступные как другим категориям ссыльных, так и крестьянам-переселенцам. Многие поляки занимались в Сибири этнографическими, геологическими исследованиями, работали в государственных учреждениях, медицине, музеях, пробовали себя в коммерческой деятельности [15, с. 17-19].

Как и прочие ссыльные, поляки по прибытию в Сибирь и причислению к городскому обществу получали из местной казенной палаты от 5 до 15 копеек кормовых денег, предназначенных для покупки продуктов, а также 1 руб. 50 коп. в месяц для оплаты проживания в квартире. Помимо этого предусматривалась выдача пособий в индивидуальном порядке, если полиция устанавливала материальную необеспеченность ссыльного: их размеры колебались от 57 руб. 14½ коп. до 114 руб. 28½ коп. серебром в год [16, с. 12]. Пособие выдавалось за каждый истекший год в феврале или марте следующего года. Однако такой порядок выдачи оказался крайне неудобным и часто вынуждал ссыльных брать деньги в долг. По этой причине генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд с согласия управляющего 3 отделением Собственной е.и.в. канцелярии распорядился с 1858 г. выдавать пособие по третям в продолжении текущего года: состоявшим на низшем окладе предусматривалась выдача 19 руб. 4½ коп. и дважды по 19 руб. 5 коп.; на высшем окладе первая треть составляла 38 руб. 8½ коп., вторая и третья - по 38 руб. 10 коп. [16, с. 12].

В целом, местная администрация не отказывалась от денежной помощи польским ссыльным, если получала доказательства того, что они не имели средств к существованию. Тем не менее, если ссыльный имел возможность устроиться на частные заработки, то начальство незамедлительно прекращало казенное обеспечение. Так было с С. С. Вишневым, уроженцем Белостокской области, поступившим лекарем в сибирский линейный батальон №6. Он был подвергнут бессрочному секретному надзору за общение и переписку в бытность студентом Московского университета с дворянином Виленской губернии Деренговским, выехавшим за границу. Тем не менее, ему было разрешено по-прежнему работать лекарем военного лазарета и иметь положенное по штату казенное жалование в 480 руб. в год, исполняя одновременно обязанности гражданского врача за 140 руб. 10 коп. в год, вследствие чего пособие от казны ему не выдавалось [16, с. 38].

С самого начала польской ссылки на поселение правительство пыталось использовать ее для колонизационных целей. Однако уже вскоре после того, как первые группы поляков попали в Сибирь, для них начали открываться возможности вернуться на родину. В течение 1830-1850-х гг. меры наказания неоднократно смягчались, а поселенцам, которые отбывали свое наказание без нарушений, в большинстве случаев разрешали вернуться на родину. Самым значительным послаблением для поляков стал манифест 1856 г., по которому "подвергшимся разным за политические преступления наказаниям и ныне еще не получившим прощения, но, по изъявленному ими раскаянию и безукоризненному после произнесенного над ними приговора поведению, заслуживающим помилования, даровать ... одним облегчения более или менее значительные в самом месте их ссылки, другим же освобождение от оной, с правом жительства ... в пределах нашей империи и Царства Польского, за исключением С.-Петербурга и Москвы" [ПСЗРИ. Собрание второе. 1825-1881. СПб. Т. 31. № 30878. С. 801].

Местная администрация в соответствии с новым курсом также получила указания относительно содействия прощенным польским ссыльным, решившим уехать на родину. Так, в 1847 г. у Тобольского губернского правления и местной казенной палаты возникли затруднения в определении того, как должны отпускаться деньги на содержание и одежду лицам, возвращающимся в Царство Польское. В результате разбирательства, местному начальству был разъяснен соответствующий порядок: "дворян и чиновников, удаленных из Царства Польского вовнутрь империи по подозрению и оказавшимся впоследствии времени непричастными ни к каким неблагонадежным поступкам, возвращать на свою родину за счет казны, выдавая на местах ... прогоны на 2 лошади и то же во время пути следования довольствие, коим они пользуются в настоящее время, то есть по 50 коп. в сутки" [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2452. Л. 6 -7].

Клюдомир Карлов Миллер, происходивший из обедневших дворян Подольской губернии, был предан военному суду за попытку сговора во время Крымской военной кампании с целью побега к туркам. В 1855 г. переведен в один из сибирских линейных батальонов, в 1858 г. был восстановлен в звании и 5 марта 1859 г. обратился к губернатору с просьбой разрешить возвращение на родину. Губернатор разрешил отъезд и распорядился выдать единовременное пособие на дорогу в 100 руб. и прогонные деньги на 2 лошади - 202 руб. 33 коп. [16, с. 43-45].

И. А. Луневский, дворянин Радомской губернии, сосланный за Краковский мятеж 1846 г., В.Ф. Бржезинский, дворянин Плоцкой губернии, арестованный за намерение присоединиться к познанским мятежникам и за вступление в Польское демократическое общество, В. В. Зиолковский, дворянин Радомской губернии, отданный на военную службу в Сибирь за самовольную отлучку за границу, - все получили от казначейства пособие на дорогу в 100 руб. [16, с. 28; с. 40-43].

Если ссыльный принадлежал к податному сословию, то денег на возвращение от казны ему не полагалось, но в некоторых случаях выдавались единовременные пособия. Для

получения пособия ему необходимо было обратиться к губернскому начальству и представить доказательства того, что его материальное положение не позволяет самостоятельно вернуться на родину.

Рядовому Ивану Заборовскому, в 1842 г. получившему разрешение вернуться на родину для ухода за престарелой матерью Агафьей Заборовской, был выдан соответствующий билет от Тобольского губернского правления, но при этом он должен был добираться на свой счет. Его обращение в правление с просьбой выдать средства для возвращения было препровождено к генерал-губернатору Западной Сибири и в результате, "входя в положение Заборовского, который находится действительно в слабом состоянии здоровья, при том глух и крив, и беден до крайности", просьба была удовлетворена [ГИ-АОО. Ф.3. Оп. 2. Д. 2032. Л. 2].

Ян Войцехов Космаль (Дерницкий), крестьянин Радомской губернии, за участие в заговоре ксендза Сцегенного в 1846 г. был отдан на военную службу в отдельный сибирский корпус. На основании манифеста 1856 г. в ноябре 1857 г. ему было разрешено вернуться на родину. По его ходатайству Семипалатинская городская полиция на основании распоряжения областного начальства просила томскую казенную палату ассигновать ему прогонные деньги для выезда на родину, но та отказала, назвав его польским мятежником. Тогда Космаль 18 сентября 1859 г. обратился к семипалатинскому губернатору, прося выдать прогонные деньги и пособие на дорогу. 29 декабря 1859 г. губернатор ответил, то прогонные деньги ему как крестьянину не полагаются, но распорядился выдать ему единовременное пособие в 80 руб. на путевые расходы при удостоверении в том, что он вернется на родину [16, с. 26-27].

Не всем польским ссыльным удавалось без затруднений получить от казны средства для возвращения, но некоторые решались отправиться на родину даже при условии отказа от казенной помощи. Так, Ян Маврикиев Былевский, дворянин Плисского уезда Минской губернии, сосланный в Сибирь в 1839 г. за участие в "Демократическом обществе" эмиссара Ш. Конарского, получил возможность по манифесту 1856 г. вернуться на родину. Генерал-губернатор Западной Сибири согласился до отъезда выдать ему единовременное пособие в 100 рублей и деньги на прогоны, но приказал насчет казенного пособия сначала снестись с Виленским, Гродненским и Ковенским генерал-губернаторами, а Былевского не выпускать до получения ответа. Опасаясь, что дело затянется, Былевский отказался от казенного содержания, заявив, что родственники смогут содержать его на родине. В результате он все же получил разрешение вернуться с выдачей 193 руб. 56½ коп. прогонных денег и 100 руб. пособия на путевые издержки [16, с. 24-26].

С другой проблемой столкнулся Андрей Станиславов Пекарский, мещанин Варшавской губернии, отданный в военную службу за участие в заговоре 1848 г. По манифесту 1856 г. он получил увольнение и право вернуться на родину. Однако ввиду материальной необеспеченности и необходимости вывезти из Сибири семью, он обратился к семипалатинскому губернатору с просьбой выделить прогоны на 2 лошади и денежное пособие на путевые расходы. Губернатор 26 февраля 1859 г. предписал городской полиции сообщить, что ему отказывается в выдаче пособия ввиду происхождения из податного сословия. Тем не менее, Пекарскому удалось самостоятельно изыскать необходимые средства и через некоторое время выехать в Царство Польское [16, с. 32-33].

Таким образом, польский элемент в Сибири лишь отчасти выполнял задачи по освоению этого региона. При первой же возможности они предпочитали вернуться на родину, даже если это было связано со значительными затруднениями, а, значит, не становились в полной мере членами сибирского общества.

Заключение

При сравнении положения польских ссыльных с государственными крестьянами-переселенцами в 20-50-е гг. XIX в. можно выделить два основных периода. Первоначаль-

но положение поляков-ссыльнопоселенцев в Сибири имело значительные преимущества: государство к этому времени разработало систему ссылки, функции которой не ограничивались одним лишь наказанием, но заключали в себе стремление решить также и колонизационные задачи. В связи с этим ссыльнопоселенцам законодательно обеспечивались довольно значительные пособия и льготы (пособия на обзаведение в сельской местности, кормовые деньги в городах, освобождение от определенных податей и повинностей и т.д.), а также гарантировалось причисление к сельским и городским обществам. Поляки же в силу своего социального состава получали дополнительные преимущества (единовременные и регулярные пособия при неимении средств к существованию, прогонные деньги) и благодаря образованию, торговым или ремесленным способностям, имели больше возможностей получить частный заработок. В то же время попытки переселения государственных крестьян до начала 1840-х гг. не имели большого успеха из-за недостаточной проработки соответствующего законодательства, отсутствия системы пособий и льгот, а также необходимого количества размежеванных участков.

В начале 1840-х гг. ситуация меняется. Сыграв в первой половине XIX в. значительную роль в развитии Сибири, большая часть польских ссыльных при этом сохранила свою идентичность и после амнистий 1841 и 1856 гг. предпочла вернуться на родину. Государство со своей стороны постепенно отходит от идеи ссыльной колонизации окраин и обращается к добровольным переселениям. Реформа государственной деревни графа П. Д. Киселева содержала в качестве одного из ключевых моментов наделение крестьян недостающей землей за счет переселений на окраины, в том числе в Сибирь. Именно с этого времени начинают активно развиваться различные стороны переселенческого законодательства, оно приобретает большую систематичность. Роль привлечения крестьян начинают выполнять не только обещания значительного земельного надела, но и государственные пособия на обзаведение (иногда даже на дорогу, при отсутствии необходимых для этого средств с продажи имущества). Успешность ставки на крестьянские переселения подтверждается не только количественными показателями, но и качеством водворения. Несмотря на неизбежно возникавшие отдельные проблемы, наличие большого массива плодородных казенных земель в сочетании с пособиями и льготами обеспечили становление крепких хозяйств у большинства новоселов.

С точки зрения правительства, как у категории польских ссыльнопоселенцев, так и у переселявшихся государственных крестьян были свои колонизационные преимущества и недостатки. Ссыльные поляки зачастую были непригодны для земледельческих работ и мало ассимилировались с местным населением, кроме того их число было крайне мало в сравнении с остальными категориями ссыльных. С другой стороны, они играли важную роль в самых различных сферах деятельности, от ремесла и торговли до науки, а также не требовали значительных расходов казны ввиду их малочисленности. В свою очередь, государственные крестьяне со временем стали играть ведущую роль в аграрной колонизации Сибири, эффективно используя предоставленные государством возможности улучшения своего хозяйственного положения. Но при значительности масштабов переселений государство вынуждено было ежегодно тратить крупные суммы из казны для поддержания этого процесса. Крымская военная кампания, серьезно ударившая по бюджету страны, заставила правительство урезать многие государственные расходы, в том числе почти прекратив финансирование крестьянских переселений на несколько десятилетий.

Список литературы:

1. *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию освоения целинных и залежных земель (Омск, 23-26 апреля 2014 г.).* В 3 ч. Ч. III / под ред.

Т. Н. Золотаревой, В. В. Слабодцкого, Н. А. Томилова, Н. К. Чернявской. Омск : Изд-во Омск. гос. аграрн. ун-та, 2014. 450 с.

2. *Тернер, Ф. Г.* Государство и землевладение. В 2 ч. Ч. II. Крестьянское землевладение / Ф. Г. Тернер. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1901. 422 с.

3. *Дружинин, Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. В 2 т. Т. 2. Реализация и последствия реформы / Н. М. Дружинин. М.-Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1958. 620 с.

4. *Sunderland W.* Peasant Pioneering: Russian Peasant Settlers Describe Colonization and the Eastern Frontier, 1880s-1910s / W. Sunderland // Journal of Social History. 2001. № 4. P. 895-922.

5. *Ремнев, А. В.* Управление миграционными процессами в позднимперской России: концепты, люди и структуры / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск : Оттиск, 2012. С. 27-92.

6. *Ядринцев, Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. 2-е изд. СПб. : Издание И. М. Сибирякова, 1892. 720 с.

7. *Азиатская Россия.* В 3 т. Т. 1. Люди и порядки за Уралом / под ред. И. И. Тхоржевского. СПб. : Издание Переселенч. Упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. 576 с.

8. *Белянин, Д. Н.* Организация крестьянских переселений на казенные земли Сибири в XIX - начале XX вв / Д. Н. Белянин // Вестник Кемеровского Государственного университета. 2010. № 4(44). С. 16-22.

9. *Максимов, С. В.* На востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания / С. В. Максимов. 2-е изд. СПб. : Издание книгопродавца С. В. Звонарева, 1871. 594 с.

10. *Колонизация Сибири* в связи с общим переселенческим вопросом / Всемирная Выставка 1900 г. в Париже, Ком. Сиб. ж. д. СПб. : Издание Канцелярии Комитета Министров, 1900. 374 с.

11. *Кауфман, А. А.* Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. СПб., 1905. 443 с.

12. *Кирьяков, В. В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири) / В. В. Кирьяков. М. : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1902. 370 с.

13. *Васильчиков, А.И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. В 2 т. Т.2 / А. И. Васильчиков. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1876. 458 с.

14. *Суворова, Н. Г.* Ссылка на водворение польских повстанцев в контексте колонизационных процессов на территории Западной Сибири (60-80-е гг. XIX в.) / Н. Г. Суворова // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию освоения целинных и залежных земель (Омск, 23-26 апреля 2014 г.). Ч. III / под ред. Т. Н. Золотаревой, В. В. Слабодцкого, Н. А. Томилова, Н. К. Чернявской. Омск : Изд-во Омск. гос. аграрн. ун-та, 2014. С. 103-113.

15. *Дегальцева, Е. А.* Модели адаптации польских ссыльных в Сибири / Е. А. Дегальцева // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию освоения целинных и залежных земель (Омск, 23-26 апреля 2014 г.). В 3 ч. Ч. III. / под ред. Т. Н. Золотаревой, В. В. Слабодцкого, Н. А. Томилова, Н. К. Чернявской. Омск : Изд-во Омск. гос. аграрн. ун-та, 2014. С. 15-21.

16. *Герасимов, Б.* Ссылные поляки в Семипалатинской области (краткий исторический очерк) / Б. Герасимов // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Вып. XII. Семипалатинск, 1918. С. 1-109.

A. V. Filimonov

Comparative characteristic of financial position of Polish exiles and peasant resettles in Siberia in the 1820-50's

Summary: This article compares financial position of Polish exiles and state peasant resettles in the situation of formation and change of state plans of colonization of Siberia in the first half of XIX century. The article is based on archive sources, state legislation and scholar works. It represents gradual evolution of state views on the issue of colonization values of polish exiles and state peasant settlers. It also reveals reflection of main colonizing course on the financial provision of both categories.

Key words: Polish exiles, state peasants, Siberia, resettlement

Omsk State University of F.M. Dostoevsky (644077 Omsk, Prospect Mira, 55-a, tel.: (3812) 67-01-04)

УДК 63.3(2)513./521.2=415.3

Н. Н. Скоробогатова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ XIX–XX ВЕКОВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ КАК ОГРАНИЧЕННАЯ В ПРАВАХ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация: В статье на основе новых архивных данных делается попытка рассмотреть социально-экономическое положение польских политических ссыльных в южных провинциальных городах и сёлах Восточной Сибири. Особое внимание уделено проблеме ограничения прав этой категории населения, как фактору, повлиявшему на выбор профессии, образ жизни, семейное положение.

Ключевые слова: политическая ссылка в Сибири, ограничения в правах, полицейский надзор, социально-экономическое положение ссыльных, семейно-бытовые отношения, религиозные потребности.

Введение

Архивы Красноярского края и г. Минусинска хранят значительный корпус документов, связанный с историей политической ссылки на юге Енисейской губернии. В них широко освещается экономическое, бытовое положение ссыльных, особенности их размещения по территории Юга Сибири, надзора и динамика социальных изменений.

Самой большой партией ссыльных из Польши были участники восстания 1863–1864 гг. Первая группа ссыльных (43 человека) [1, с. 29] прибыла в Енисейскую губернию в 1864 г., следующими партиями невольных польских мигрантов стали те, кому согласно царским указам в 1866 г. и 1871 г были сокращены сроки каторжных работ и облегчены условия пребывания в ссылке. В основном это были мужчины в возрасте от 18 до 70 лет.

Особое значение имеют данные о религиозной стороне жизни данной категории населения в условиях отдалённости костёлов и священников.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является ссылка как инструмент карательной политики царизма в отношении участников польского национально-освободительного движения. Региональные особенности пребывания поляков на юге Енисейской губернии. Актуальность данной проблемы определяется и недостаточной изученностью широкого круга источников по истории польской политической ссылки в России на региональном уровне, в том числе и связанных с пребыванием польских ссыльных на юге Минусинского округа. Предмет исследования – польская ссыльная диаспора на юге Енисейской губернии: ее формирование, состав и условия пребывания в крае.

Нами был использован комплексный метод исследования, включающий в себя элементы формационного и цивилизационного подходов, которые дали возможность рассмотреть правовые аспекты польской политической ссылки в условиях российской полицейско-государственной системы и условия жизнедеятельности польских ссыльных в социокультурной среде Южной Сибири с учетом географического, климатического, демографического, социального факторов.

Источниковедческий метод позволил выявить и определить основную фактологическую базу исследования. Аналитический метод использовался в выявлении, отборе, структуризации и систематизации новых, ранее неиспользованных фактических материалов.

Результаты исследований

В отечественной исторической науке уделяется значительное внимание исследованию карательной политики царизма в рассматриваемый период, и, в частности, проблемам политической ссылки, представляющей собою принудительное удаление (по суду или в административном порядке) в отдаленные места на определенный срок или бессрочно лиц, обвиненных в политических преступлениях, т.е. в действиях, направленных прямо или косвенно на уничтожение, подрыв, ослабление, изменение существующего строя или образа правления.

Подавляющее большинство политических ссыльных второй половины XIX в. составляли поляки, так или иначе связанные с национально-освободительным движением, развернувшимся на территории разделенной Речи Посполитой, а именно – с восстанием 1863–1864 гг. Поэтому во второй половине XIX в. Сибирьместила значительное количество ссыльного элемента, а поляки пополнили полиэтничный сибирский социум о чём свидетельствуют статистические данные (табл. 1).

Таблица 1

Распределение политических ссыльных в Сибири, 1863–1864 гг.*

В губерниях и областях	На ка- торгу	На по- селение	На житьё		На во- дво- рение	Прибыв- шие доб- ровольно	Всего
			по ст. 35	адм. по- рядком			
Тобольской	9	49	689	359	2377	618	4101
Томской	1	10	621	440	4305	929	6306
Енисейской	1	1690	21	60	1802	145	3719
Иркутской	3883	404	5	4	1	127	4424
Якутской	–	–	–	53	–	3	56
Всего	3894	2153	1336	916	8485	1822	18606

* ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 23 г. Л. 365.

В Енисейской губернии в конце XIX в. польская община была самой малочисленной по сравнению с Западной Сибирью и составляла 5 986 чел. Однако, вследствие сла-

бой заселенности территории удельный вес поляков был здесь самым высоким для региона – 1,09 % [2, с. 129–130].

Особенности распределения и социально-экономического положения польских ссыльных

Распределение ссыльных по сибирским территориям, также как и вся их жизнь, даже после освобождения от надзора регламентировалось законодательно-правовыми актами: полными собраниями законов Российской империи, указами верховной власти и высших органов управления, а также материалами текущего делопроизводства административных учреждений Восточной Сибири.

Процедура распределения ссыльных по Сибири была чисто механической. Не учитывались их трудовые навыки и адаптивные возможности. Согласно статье 327 Устава о ссыльных чаще всего ссыльнопоселенцы отсылались по волостям на поселение, приселялись в деревни к старожилам либо в новые селения на счёт казны, где должны были водвориться собственными силами.

При вселении принудительных мигрантов соблюдалось пропорциональное соотношение численности политических ссыльных со старожильческим населением. Для этого ссыльных из небольших деревень, таких как, например, Каменка перечисляли в волостные села, такие как Шушенское.

Стоит отметить ещё одну особенность распределения западно-польских переселенцев, обычно этнические группы ссыльных и переселенцев размещались в Восточной Сибири компактно. Довольно много ссыльных поляков проживало в Каптырево Шушенской волости: Лонцовский, Сокович, Мархлевский, Ермолицкий, Качковский и Павловские.

В прошении к Енисейскому гражданскому губернатору 1886 г. политический ссыльный с. Маторского В.О. Двораковский пишет о том, что в Курагинской волости «проживает 65 человек, исповедующих римско-католическую веру с малолетства» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6546. Л. 4–4 об.]. В воспоминаниях Н. Войцеховского отмечается, что в волостном с. Сагайском проживало свыше 40 политических ссыльных, принадлежащих к разным социальным слоям [АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 3].

Места для заселения поляками-ссыльными определялись в губернском управлении. Это могли быть город или отдалённая волость. На месте приписки ссыльному возвращалось всё его имущество, а также предоставлялись льготы в выплатах податей, волостным старшиной выдавался вид на жительство. Отлучаться с места приписки ссыльнопоселенцы могли в пределах уезда через полгода после вселения, а в пределах губернии – через год с разрешения полиции.

Губернские правления, согласно ст. 333 «Устава о ссыльных», позволяли польским переселенцам, причисленным к деревням старожилов, переводиться из одной волости в другую, из одной округи в другую по уважительным причинам. Жизненные биографии ссыльных юга Сибири подтверждают этот законодательный акт. Например, Берген (Берган) Степан, происходивший из отставных фельдшерских учеников Минского госпиталя, был лишён всех прав состояния за участие в мятеже 1863 г. и сослан на каторжные работы на 10 лет. В 1865 г. был отправлен в Нерчинский завод, но в 1866 г. его каторжный срок был сокращён, а в 1868 г. он освобождается от принудительных работ. В 1869 г. С. Бергена причислили в д. Верхний Кужебар Шушенской волости, позднее перечислили в с. Казанцево, где он умер в 1873 г. [МГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1536. Л. 8–9].

Арашевский Иосиф (Юзеф) Филиппович – мещанин г. Варшавы, – был приписан в с. Ермаковском, но с 1868 г. проживал в с. Шушенском по увольнительному билету, где занимался хлебопашеством и служил по найму десятником при волостном правлении. В 1871 г. был возвращён на родину [МГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1536. Л. 16–17].

С дозволения земского исправника шушенский волостной старшина выдал 26 января 1868 г. увольнительные билеты польским переселенцам Абаканской волости Антону

Мильтону и Александру Адамовичу на проживание в с. Шушенском на полгода [МГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1557. Л. 12].

Лица, сосланные на поселение по судебным приговорам с лишением всех прав состояния, по истечении 10 лет пребывания в Сибири перечислялись в крестьяне, с согласия сельского общества.

Первоначально ссыльные не обзаводились своим хозяйством, а расселялись по дворам крестьян в качестве квартирантов, постояльцев, либо, как называли их в Восточной Сибири, подворников или покормленцев. Хозяева должны были кормить ссыльнопоселенцев, заодно и следить за их поведением. Размещенные по дворам политические преступники выполняли самые разные работы. Вот что, в частности, писал в воспоминаниях Н. Войцеховский, который нанялся работником на строительство дома к бухгалтеру золотого прииска И.И. Митрофанову: «С 6–7 мая я стал работником, и как менее всего к этому способный получал 5 рублей в месяц при годовом содержании и жилье в небольшой хате для слуг» [АКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 3].

Осип (Юзеф) Александрович Брушевский (1832 г.р., умер между 1918–1920 гг.) в 1866 г. был выслан из Польши на поселение в Сибирь. 22 сентября 1866 г. 34-летний Брушевский был причислен к д. Байкаловой Абаканской волости Минусинского округа Енисейской губернии [Архив Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское». Без номера]. В 1875 г. он получил право свободного передвижения в пределах Сибири и переехал в с. Каптырево Шушенской волости Минусинского округа, где нанялся в работники к местному купцу Коневу. По воспоминаниям старожилов с. Каптырево – Е. А. Губановой и Н. Н. Горбунова, – Осип Александрович пользовался авторитетом среди жителей села. Для перевозки сена сконструировал повозку-рыдван. Изобрёл топчан-просорушку для очистки проса на крупу. Возле Щучьего озера арендовал 4 десятины неудобной земли у сельского общества. Расчистил землю и превратил её в прекрасный покос, где трава родилась по пояс. Окультуренную землю Осип Брушевский безвозмездно вернул каптыревцам. На перекрёстке дорог, в центре села, по собственному проекту из леса-плавника построил дом. Брёвна подогнал очень плотно, даже мха не потребовалось. Дом имел два крыльца со стороны ограды и одно, парадное, с улицы – для гостей. В конце 1870-х гг. Брушевский женился на дочери енисейского казака А. Монастыршина, Апполинии [3].

Включаясь в иноэтническую среду, поляки втягивались в новые экономическо-хозяйственные связи, должны были прижиться и закрепиться на новом месте. По прибытии в Сибирь и водворении на новом месте жительства на них распространялись особые налоговые положения. В первое трехлетие они были освобождены от уплаты всех податей, а в последующие семь лет уплачивали половинный оклад подушных и оброчных денег, освобождаясь от местных земских податей и волостных сборов, дополнительно с них взимались 15 копеек серебром для составления экономического капитала ссыльных, который использовался на содержание старых и увечных ссыльно-поселенцев. Через 10 лет, становясь полноправными членами сельской общины с согласия крестьян, они облагались полными податями, и несли натуральные повинности наравне со старожилами.

С февраля 1838 г. сибирские власти выделяли ссыльным полякам 15-десятинные земельные наделы. Основанием для этого стало распоряжение, последовавшее от руководителя III Отделения СЕИВК графа А. Х. Бенкендорфа генерал-губернатору Западной Сибири П. Д. Горчакову: «последовавшее в 1835 году Высочайшее повеление об отводе поселенным в Сибири государственным преступникам ... пахотной земли близ мест их жительства» следовало распространить и на «поселенных польских мятежников» [4, с. 249].

На первых порах ссыльные получали арендованную землю, которой они могли пользоваться в течение 3-х лет, а по истечении данного срока земля у них отбиралась, т.к. предполагалось, что за это время новоявленный хлебопашец разработает свою пашню.

Самое главное, что западно-польские переселенцы ни под каким видом не могли уклоняться от этого занятия. 12 февраля 1868 г. волостной старшина с. Шушенского отправляет указание сельскому старосте о том, что все поляки, находящиеся в услужении у крестьян, непременно обязаны заняться хлебопашеством, для этого из хлебозапасных магазинов им будет выдан хлеб на посев, а «... к 15 числу [ты должен] доставить в волостное правление сведения кто из поляков и сколько имеет приготовленной под посев земли, и сколько нужно будет, и какого хлеба выдать каждому на основании общественного удостоверения... причём должен ты обратить внимание на то, что многие из поляков не имеют ещё приготовленной земли и приобретают таковую при стоянии снегов» [МГА. Ф. 42. Оп.1. Д. 1557. Л. 7–7об].

Таблица 2

Именной список политическим ссыльным, желающим заниматься хлебопашеством, 1868 г.*

Имена и фамилии	Количество арендованной пахотной земли на весенний посев	Четверти (количество зерна, необходимое для посева)
Людвиг Краевский	У поселенца Юрия Павлова Овчаровского – 3 дес.	6
Иосиф Врублевский	2 дес.	4
Владислав Пержхало	5 дес.	10
Сигизмунд Лепневич	В Минусинске – 5 дес.	10
Теодор Квенцинский	У Харлампия Ермолаева – 5 дес.	10
Яков Кайревич	В услужении. 2 дес	4
Франц Колодзинский	1 дес.	2
Владислав Корженевский	У Платона Потылицына – 3 дес.	10
Николай Хлебников	У Василия Амисова – 3 дес.	10
Андрей Штамский	5 дес.	10
Ян Годлевский	2 дес.	4
Андрей Галицкий	5 дес.	10
Матеуш Кочаровский	У солдатки Марии Дуришевой – 1 дес.	6

* МГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2082. Л. 48.

Административный политический ссыльный Брониславский Вацлав Осипович, проживавший в 1888 г. в д. Жерлык Тесинской волости Минусинского округа, заседал 10 десятин хлеба. Землю он брал в аренду у крестьянина д. Малая Иня. Просил денег из капитала общественной запашки на поддержание хозяйства, но т.к. к Тесинскому обществу приписан не был, то требуемая сумма не была ему выдана [МГА. Ф. 36. Оп. 1. Д. 184. Л. 38–39]. Общественные запашки представляли собою один из видов кооперативного землепользования. Крестьяне-земледельцы, составляющие одну земельную или административную общину, соединялись для совместной обработки всей или части принадлежащей им или находящейся в их пользовании пахотной земли, причем собранный продукт или вырученные от продажи его суммы обращались на удовлетворение какой-либо общей всем, «мирской» потребности, или же делились между всеми участниками работы путём взаимного соглашения. Следовательно, денежные суммы предоставлялись в случае необходимости только крестьянам-общинникам.

Минусинский округ был развитой сельскохозяйственной территорией, считался житницей Енисейской губернии. Но над сибирской землёй надо было трудиться больше, чем в европейской России: «Зимы в Сибири холоднее и длиннее, лето короче, заработков, кроме земледелия и продажи хлеба нет, урожаи здесь меньше и скотские падежи – чаще» [5, с. 30].

Обработка земли в материальном плане для этой категории сельских жителей была сопряжена с определёнными трудностями, о чём свидетельствуют документальные источники. Казённое пособие на обзаведение своим хозяйством составляла для этой категории ссыльных 55 руб. Полный же хозяйственный обиход в конце XIX в. складывался из следующих трат: «избяной сруб стоил 20–45 р., лошадь с телегой 45–80 р., заработки же подённых рабочих, нанимаемых крестьянами были невелики и давали следующий доход: оплата подённому работнику в страду давала 45–80 коп, одну десятину хлеба убирали за 4 ½–8 рублей. На хозяйских харчах за подобную работу платили 2 р. в неделю, 5 рублей в месяц, 25 рублей в зиму» [5, с. 30].

Волостные исправники через старост следили за тем, как используются ссыльными средства, выделенные на домообзаведство: «имею честь донести, что полученное от казны пособие, деньги политическим ссыльным Теодором Квенцицким – 55 р. употреблены на покупку хлеба для своего продовольствия – 20 рублей за аренду десятины земли на посев хлеба весною сего года, 4 р. потрачены на покупку товара для шитья сапогов у Владислава Пержхала и Матвея Красовского, которые успели подрядиться. 15 января 1868 г.» [МГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1557. Л. 40].

20 апреля 1868 г. политический ссыльный Ипполит Аркушевский – уроженец г. Варшавы, лишённый прав состояния дворянин, – подал прошение с просьбой использовать средства, которые он получил в качестве пособия на домообзаведство, для закупки мелкого товара и занятия торговлей, а также просил выдать ему трёхмесячный увольнительный билет, но получал отказ, который был мотивирован тем, что он получил деньги на домообзаведство, а не для торговли, поэтому должен использовать их по назначению [МГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1557. Л. 36 об.]. Позже он из с. Шушенского по увольнительному билету перешёл в с. Каптырево. Попытался получить разрешение заниматься продажей молочной продукции, но в этом ему тоже было отказано [МГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1757. Л. 35–36]. Если ссыльный получал один раз пособие на домообзаведство, то на расширение хозяйства ему средств больше не давали, даже если он был переведён из одной волости в другую, как, например, в случае с Игнатием Савицким, который получил средства на обзаведение в Ачинской волости.

Хозяйственная деятельность ссыльных сдерживалась законодательными ограничениями. «Осужденные к ссылке в каторжную работу или на поселение, как лишённые всех прав состояния, не могли приобретать никакого недвижимого имущества в собственность» [6, с. 93]. Правда, это не ограничивало их в праве владения имуществом. Но в этом случае акты на покупку земли и домов совершались на имя Экспедиции о ссыльных в местах их поселения, но не в городах, и пользоваться этим имуществом ссыльнопоселенцы могли до тех пор, пока жили в данной местности. Имущество, предоставленное во владение, не могло продаваться, закладываться или обременяться долгами, но его можно было поменять на равную по цене недвижимость с согласия Экспедиции о ссыльных. Если ссыльный причисляется в крестьяне на законных основаниях, то это недвижимое имущество передавалось ему в собственность, причём за совершение сделки не взималось никаких пошлин. Недвижимость могла оформляться на жен, которые сохраняли свободное состояние, последовав за мужьями в ссылку. В некоторых случаях предприятия могли быть оформлены на сибирских промышленников.

В 1883 г. польские ссыльные были восстановлены в правах. В Министерство внутренних дел обратились дети ссыльного дворянина Ивана Каэтановича Романского Кон-

стантин, Иосиф и Иван с просьбой о наследовании земельного участка на правах дворян-земледельцев. В своём прошении от 22 сентября 1903 г. они подчёркивают: «Мы, просители, дворяне польского происхождения. Отец наш Иван Каэтанович Романский был сослан в Сибирь в Енисейскую губернию и водворён в Минусинском уезде. В течение 20 лет, быв лишённым прав, отец наш не мог иначе воспитывать нас, как приучая к хлебопашеству и сельскому хозяйству; а т.к. мы не причислены к сословию крестьян, то нам приходилось приобретать землю у крестьян во временное пользование или пользоваться казённо-оброчными статьями. Со вторжением в Сибирь переселенцев стала ощущаться потребность в земле, а потому мы вынуждены приобрести участок земли под названием Второй Абаканский Минусинского уезда. На этом участке мы уже сделали постройки, распахали пашню и обзавелись скотоводством. Теперь же, как известно, в скором будущем имеет быть у нас душевой надел земли крестьянскому сословию и мы, дворяне-земледельцы, можем быть лишены права на наделение именно той землёй, которой в настоящее время пользуемся, а такое лишение может довести нас до полного разорения, т.к. мы затратили наши средства на распашку полей, постройки и заведение сельскохозяйственных орудий. В виду всего изложенного имеем честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение, не лишая нас права наделения землею согласно утверждённых 22 июля 1900 г. правил и наделить нас той землёй, которой мы в настоящее время пользуемся, сняв её во временное владение от управления государственных имуществ Енисейской губернии» [МГА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 289. Л. 6–6 об.].

Условия полицейского надзора за политическими ссыльными на местах вселения

До обзаведения собственным домом и хозяйством за ссыльными устанавливалось строгое полицейское наблюдение. Функции полицейского надзора в сельской местности на уровне волости – села – деревни полностью ложилась на крестьянское общество, волостным и сельским сходам придавались судебнополицейские функции. Непосредственными организаторами полицейской службы в селениях были сельские старосты и подчиненные им сотские и десятские. Над ними стоял волостной старшина, подчинявшийся становому приставу полицейской стражи, а с 1878 г. старшему или младшему уряднику полицейской стражи. Крестьяне обязаны были сообщать о том, как ведут себя политические в сёлах.

5 сентября 1865 г. крестьяне с. Дубенского Шушенской волости доносили в волостное правление, которое собирало сведения в Комитет для устройства быта политических ссыльных, следующие сведения об Андрее Галицком: «Мы ниже подписавшиеся Енисейской губернии Шушенской волости с. Дубенского государственные крестьяне сим удостоверяем, что политический преступник, причисленный в наше село, Андрей Галицкий ни в чём предосудительном не замечен, а т.к. он Галицкий живёт в месте причисления, без отлучки находился в с. Дубенском, к тому же не имеет никаких с обществом нашего села сношений, то не можем сказать об образе его жизни, ни о наклонностях его» [МГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1541. Л. 53–54].

22 марта 1864 г. минусинский земский исправник Третьяков получает от начальника губернии генерал-майора Замятина секретный циркуляр о строгом наблюдении за политическими преступниками, в котором сообщалось следующее: «До меня доходят сведения и не от земской полиции как бы следовало, а совершенно от посторонних лиц, что некоторые политические преступники из поляков начинают позволять себе по деревням разгульную жизнь (любопытно было бы знать на какие именно средства) и, будучи в нетрезвом виде, очень вольно и свободно разглагольствуют о какой-то польской свободе, и тем самым могут только волновать слабые и неопытные умы мирных и сельских обывателей... Я предписываю в дополнение моих прямых по сему предмету распоряжений:

1. Никому из политических преступников, как и поляков, отнюдь не позволять жить на почтовых трактах, а назначать местами их жительства сёла или деревни распо-

ложенные на просёлках в отдалении от почтового тракта.

2. Не назначать более одного в каждую деревню и всячески наблюдать и не давать повода собираться полякам вместе.

3. Иметь секретное наблюдение за образом их жизни и препровождением времени.

4. О всех замеченных в невоздержанности и предающихся пьянству, и всех их дерзких поступках немедленно и прямо доносить копию с надписью секретное в собственные руки.

5. Лично секретно внушить всем сельским начальникам, чтобы не позволяли никому из поляков гулять, пьянствовать вместе с русским народом.

6. Все представленные от политических преступников из поляков прошения в коих они ходатайствуют о денежных от казны пособиях должны быть непременно удостоверены местным участковым Заседателем в действительной необходимости пособия к проживанию с означением получаемых (по сколько именно?) денег из Польши от своих родителей или знакомых, со времени поселения его в Енисейской губернии или ничего не получает. ...виновный за неточное и несвоевременное выполнение сих моих секретных приказаний и за потворство будет, как неспособный к полицейской службе чиновник немедленно удалён от своей должности» [МГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1510. Л. 7–7 об.].

Согласно «Уложению о наказаниях» обращённые на водворение ссыльнопоселенцы, которые происходили не из крестьянского сословия и не могли себя прокормить в сельской местности, получали дозволение жить в городах, заниматься ремеслом, наниматься в услужение. При этом они продолжали числиться в волостях, к которым были приписаны, но поступали под надзор городского полицейского начальства. Они могли свободно выбирать себе род деятельности и получать вознаграждение, но им запрещалось, согласно Уставу о ссыльных держать у себя учеников [6, с. 98].

40-60 гг. XIX в. были временем «золотой лихорадки» в Восточной Сибири. «Добыча золота в этом регионе оказалась очень выгодным занятием доход составлял от 100 до 850 рублей на рубль вложенного капитала» [7, с. 136]. Польские ссыльные активно поставляли рабочие руки на сибирские прииски. Согласно ст. 680 «Устава о ссыльных», которая носила разрешительный характер и позволяла ссыльнопоселенцам, не получившим ещё звания крестьян, наниматься в работу на частные золотые промыслы с взысканием с золотопромышленников за каждого действительно явившегося на прииски независимо от назначенной платы: 1) по 1р. 50 к. в пользу экономического капитала ссыльных и 2) по 1 рублю для устройства оседлости поселенцев [8, с. 16].

Об условиях труда в этой отрасли сибирской промышленности очень ярко писал польский политический ссыльный 90-х гг. XIX в. В. Гизберт-Студницкий в книге «Современная Сибирь», вышедшей в г. Кракове в 1897 г. С 1891 по 1896 гг. он проживал в разных районах Сибири сначала как ссыльный, а потом как адвокат, которому необходимо было заработать деньги на выезд в Европейскую Россию. «Большое впечатление на сибиряков произвёл реферат доктора Крутовского об исчерпании физических сил работниками при эксплуатации их на золотых приисках, изложенный в Красноярском обществе врачей. Доктор Крутовский пришёл к следующим выводам: продолжительность рабочего дня на приисках не менее 12 часов, а порою доходит до 13–14 часов; размер заработной платы зависит от количества добытого золота (аккордная система), при напряжении всех сил; сложные условия труда как-то: недостаток продуктов питания, перенапряжение, хронический алкоголизм – очень быстро разрушают физическое здоровье приисковых рабочих, в довольно молодом возрасте (40–50 лет) они становятся неспособными к физическому труду. Владелец фабрики не может так притеснять работника, как это происходит на частных золотых приисках, где нет правовых норм эксплуатации рабочих» [9, с. 118, 122].

Двумя крупными промышленными заведениями, по сибирским масштабам, в конце XIX – начале XX вв. владел польский ссыльный Н. Войцеховский. «Находящийся в Минусинском уезде Енисейской губернии казённый абаканский соляной завод был сдан в 1884 г. в арендное содержание без торгов на 15 летний срок, открывшему оный дворянину Скочинскому А.А., который по договору обязан был устроить при оном источнике необходимые для солеварения сооружения, и выпарить единолично не менее 5 000 пудов соли, уплачивая в казну за пользование источником годовую оброчную плату в размере 500 рублей. Затем по истечении упомянутого срока в 1899 г. аренда абаканского источника была продлена Скочинскому на основании 640 ст. Устава горного ещё на 10 лет, а именно по 26 марта 1909 г. с увеличением оброчной подати до 4 000 рублей в год, и с обязательством арендатора добывать ежегодно не менее 5 000 пудов соли. В том же 1899 г. Скочинский передал право аренды названного источника дворянину Н.И. Войцеховскому, который уже с 1886 г. состоял его компаньоном по аренде.

В настоящее время Войцеховский подал в Министерство торговли и промышленности прошение о продлении ему права аренды Абаканского источника, с устроенным на нём солеваренным заводом ещё на 15 лет, без торгов на условиях ныне действующего договора. Ходатайство своё Войцеховский мотивирует тем, что, вступив в 1886 г. в контакт по аренде Абаканского источника, он затратил на свой процент дела до 30 000 рублей собственных денег, и состоял с этого времени распорядителем дела. Всё время был исправным арендатором предприятия, дающего казне, благодаря его трудам и энергии с 1892 г. 4 000 рублей ежегодного дохода» [МГА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1026. Л. 22]. На заводе у Войцеховского работали польский ссыльные: девять человек в качестве чернорабочих и шесть – в качестве служащих [МГА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 4, 6, 17, 21, 33, 36 об., 41, 45, 53, 73].

Возможности выбора профессиональной деятельности в Сибири были ограничены, т.к. в составе населения губернии преобладали сельские социальные слои. Об этом свидетельствуют статистические данные. По данным 1863 г. «сельские жители составляли 92,2% всего населения Енисейской губернии. Это население проживало в 136 селах, 594 деревнях и 63 улусах» [10]. В сфере сельского хозяйства в середине XIX в. было занято «94% населения губернии, или 235,3 тысяч человек. В это время горожан было 15,1 тысяч» [11, с. 208]. Несмотря на достаточно быстрый рост численности горожан в 90-е гг. XIX в. на экономическую структуру губернии они оказывали слабое влияние. Господствующим оставался сельскохозяйственный уклад. Промышленность в городах развивалась слабо. В конце 80-х гг. XIX в. здесь были развиты следующие промыслы: в г. Красноярске – мелочный торг, ремесла: плотничье, сапожное, кузнечное, отчасти земледелие; в г. Енисейске – извоз, рыболовство, плотничество, кузнечные и др. работы, а также работы на золотых промыслах и на пароходах; в г. Канске жители преимущественно занимались хлебопашеством и скотоводством, составляющим всё благосостояние населения. Жители г. Ачинска, обеспеченные достаточными средствами к жизни, частью занимались хлебопашеством, частью извозом. У жителей г. Минусинска промысел заключался в хлебопашестве и скотоводстве, некоторые занимались торговлей, сплавом хлеба, прогоном скота, и, частично, выделкой бараньих шкур. Скотоводство, главным образом, преобладало в Минусинском округе, чему способствовало изобилие лугов и степей, которые мало покрывались снегом и давали возможность скоту долго оставаться на подножном корме [12, с. 105].

В Сибири, богатой различным сырьём, имелись благоприятные условия для развития обрабатывающей промышленности, но «4/5 всей её валовой продукции давала пищевкусовая промышленность, и прежде всего маслодельное, мукомольное и спиртоводочное производство» [13, с. 41]. Александровский винокуренный завод братьев Даниловых, расположенный в 25 верстах от уездного г. Минусинска, начал работать в конце

1863–1864 г. Воинокурение производилось сезонно с июля по апрель. Летом осуществлялся ремонт, зимой – закуп сырья [ГАКК. Ф. 156. Оп. 1. Д. 96. Л. 51].

Из документов Минусинского городского архива следует, что на заводе Данилова работал Людвиг Витковский, которому пересылались деньги в контору винокуренного завода 6 февраля 1867 г. В 80-е гг. XIX в. бухгалтером на данном предприятии работал польский политический ссыльный В. Корженевский [МГА. Ф. 100. Оп. 1. Д. 4. Л. 25].

Быстро формировалась в губернии сеть заведений, торгующих спиртными напитками в окружных городах, на золотых приисках и в сельской местности. В 1883 г. в качестве приказчика в питейном заведении купца М. Попова, которое находилось в доме М. Копьёва на Новой Базарной площади г. Минусинска, работал 45-летний ссыльный Лаврентий Дембский. Винная торговля производилась служащим прииска хозяина дома. В услужении у Л. Дембского проживала стряпка – поселенка Шушенской волости Ф. Федосеева [МГА. Ф. 36. Оп. 1. Д. 71. Л. 54–54 об.].

Ещё одним предприятием, куда нанимались ссыльные, крестьяне окрестных русских деревень и хакасских улусов, был Абаканский железоделательный чугунный завод (Абаза), основанный в 1866 г. на сырье месторождения, названного «Абаканской благодатью». «В 1867 г. завод стал давать первую продукцию. Число рабочих на предприятии в отдельные годы достигало 500–600 человек» [14].

20 октября 1866г. волостное правление с. Тесь Минусинского округа отправляет документ в контору Абаканского железоделательного завода (Абазы) о выдачи кормовых денег ссыльным полякам: Доминику Терлицкому – 1 руб. 60 коп., Иосифу Каминскому, Константину Липовскому и Войцеху Родаку по 1 руб. 50 коп. [МГА. Ф. 36. Оп. 1. Д. 97. Л. 11–11 об.]. Здесь же по билету от земского исправника работал Людвиг Яковлевич Высоцкий, который состоял на причислении в Шушенской волости с 26 апреля 1866 г. [МГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1541. Л. 53–54].

Остальные отрасли производства в губернии большого промышленного и торгового значения не имели. Их техническое оснащение было слабым. Концентрация рабочей силы в мелкой промышленности была крайне низкой: на одно предприятие приходилось в среднем по 1–1,5 работников [15, с. 52]. Ткацкий, кожевенный и шерстобитный промыслы носили примитивный характер, продукция изготовлялась ручным способом, лишь в мастерских у зажиточных крестьян встречались отдельные элементы механизации.

Таким образом, в результате польского восстания 1863 г. большая группа людей пережила глубокие изменения в социально-экономической сфере жизни. Значительная глубина изменений привела к экстремальной адаптивной нагрузке, для большинства начался процесс освоения новой социально-экономической среды в условиях ограниченных законодательно возможностей, связанных со свободой передвижения, выбора места проживания и профессии.

Особенности религиозной и обрядовой жизни польских ссыльных

Национальность проявляется в религиозном обряде весьма ярко и закономерно. Обряд крещения, венчания, отпевания приобретает иной оттенок в зависимости от того, к какой этнической общности принадлежат верующие. Иной оттенок носит архитектура религиозных зданий, строй пения, церковная культура, поэтому в обряде национальное проявляется почти неизбежно. Польские ссыльные, как и переселенцы из разных регионов Польши, были ограничены в отправлении религиозных обрядов. Об этом также свидетельствуют архивные документы начала XX в.: «Штат римско-католического духовенства в губернии остаётся прежним и состоит лишь из настоятелей Красноярского римско-католического костёла и одного викарного священника, которые при обширности территории Енисейской губернии, разбросанности населенных местностей и не везде удобных путей сообщения не имеют возможности посещать одинаково часто все селения, и по необходимости, бывают в некоторых наиболее отдалённых только однажды в год, а через

это духовные обряды остаются подолгу, а иногда, например, похороны, и вовсе неисполненными. Такое положение вызывает постоянные жалобы со стороны римско-католического населения на невозможность удовлетворения религиозных нужд и ходатайства не могут получить благоприятного разрешения вследствие недостатка православных храмов в тех местностях, где поселились переселенцы–католики, а при таких условиях католический храм являлся бы единственным центром христианского служения на довольно значительном пространстве. Кроме того, невозможность удовлетворения духовных нужд, служит нередко, одною из главных причин движения на родину водворившихся уже в Енисейской губернии переселенцев римско-католического вероисповедания» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 26. Л. 1–1об.].

Устав о ссыльных определял не только правила надзора, вопросы трудоустройства и экономической деятельности ссыльных, но регламентировал и вопросы семьи и брака. На основании 761 ст. т. XVI «Устава о ссыльных» волостные правления обязаны были доносить Экспедиции о ссыльных о бракосочетании этой категории населения. В 1889 г. возникла обширная переписка между окружным исправником и Енисейской экспедицией о ссыльных по поводу вступления в брак политического ссыльного Станислава Наперковского, проживающего в с. Казанцево Шушенской волости, который без дозволения местных властей женился. Сам бывший ссыльный не обращался к гражданским властям в связи с тем, что он получил по Всемиловейшему Манифесту 1883 г. прежние права дворянства, и считал, что он имеет право обратиться непосредственно к местному приходскому священнику – курату Красноярского римско-католического костёла Лесневскому с просьбой «о свенчании меня с девицею Валерию Вундерлих» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1736. Л. 2–2 об.]. Священник обвенчал молодых на основании имеющихся у него сведений о том, что Станислав Наперковский не был женат. Брак был заключён в с. Шушенском с соблюдением всех необходимых обрядов, при свидетелях по жениху и невесте дворянах Антоне Богушевском и Иосифе Гриневиче, в присутствии родителей невесты.

Особые трудности в устройстве семейной жизни в местах поселения испытывали женщины, лишённые прав состояния. Согласно 413 статье «Устава о ссыльных», «лицам женского пола, осуждённым за преступления к высылке в Сибирь на поселение, с лишением прав состояния, дозволяется вступать в брак с одними только ссыльными, так же лишёнными прав состояния». Подобное положение впервые было сформулировано ещё в 1826 г. и оставалось в силе до конца XIX в. По истечении определённого срока, когда ссыльно-поселенки могли перечисляться в сословие крестьян, им разрешалось вступать в брак на общих для данного сословия основаниях.

История сохранила довольно яркий пример применения данного законодательного акта. 5 апреля 1882 г. в Енисейское губернское правление поступило прошение Михаила Осиповича Даниловича и Александры Эммануиловны Потылицыной с просьбой разрешить оформить законный брак. Губернатор Педашенко ответил им следующим образом: «Прошу объявить административно-ссыльному Даниловичу и государственной преступнице Потылицыной, в ответ на поданные ими прошения от 5 апреля 1882 г. что ходатайства их, о дозволении им вступить в законный брак, не может быть разрешено, за силою 746 ст. XIV т. Устава о ссыльных, изданного в 1857 г., по которой Потылицына, как лишённая всех прав состояния и сосланная на поселение, не имеет права на вступление в брак с Даниловичем, высланным в Сибирь административным порядком не только без лишения, но и без ограничения прав состояния» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6008. Л. 1]. Молодые люди, желающие вступить в брак, вынуждены были дать расписку о том, что они поставлены в известность, что брак им не дозволяется.

Сын Даниловичей Павел родился до брака – 9 февраля 1883 г., – и был зарегистрирован как незаконнорожденный сын политической преступницы, причисленной в с. Абаканском. Брак между его родителями был заключен только 10 июня 1885 г. в Усть-

Абаканской Ново-Николаевской церкви, когда Александре Эммануиловне было предоставлено право причислиться к крестьянскому сословию.

Особые правила существовали и для погребения политических ссыльных. На похоронах обязательно должен был присутствовать православный священник, который облачившись в епитрахиль и фелонь, провожали покойника до кладбища, где его опускали в могилу при пении «Святой Боже» [16, с. 88]. Земские полицейские власти предписывали православным священникам присутствовать на похоронах католиков, даже если похороны совершались по обрядам католической церкви и доносить об этом в волостные правления.

22 апреля 1880 г. на святой неделе, когда причт православной церкви был занят службами по приходу, в д. Уджейской умер поселенец с. Тесинского Михаил Васильевич Раковский от чахотки. Поэтому 23 апреля он был похоронен товарищами по ссылке по католическому обряду. Православный священник не мог присутствовать при погребении ссыльного. Сельский старшина д. Уджейской сообщил об этом в волостное правление, взяв подписку у поляков-участников этого «грустного события» [МГА. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 74].

Заключение

Сопоставление максимума доступных архивных источников, законодательных, статистических, мемуарных, документации, носящей делопроизводственный характер, позволяет ввести в научный оборот достаточно полноценную информацию о жизненном пути польских ссыльных в Сибири, получить приближающееся к истине представление о взаимодействии этой группы невольных мигрантов с местными сообществами и властью, их социально-экономическом, бытовом и жизненном укладе, поиске «экономических ниш», карьерах, формах поведения, эволюции взглядов.

Список литературы:

1. Шулбаев, О. Н., Политические ссыльные в Минусинском округе – участники восстания 1863 г. в Польше / О. Н. Шулбаев // Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. Сер. 3 : История. Право. 2002. Вып. 2. С. 28–32.
2. Шайдуров, В. Н. Польская община Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX в. : численность, размещение, хозяйственные занятия / В. Н. Шайдуров // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 1 [доп.]. С. 129–130.
3. Форис, П. «... Имел счастье видеть Ильича» / П. Форис // Ленинская искра. 1980. 24 апр.
4. Shaidurov, V. N. Siberian Polonius as a Result of National Policy of the First Half of the XIX Century / V. N. Shaidurov // *Bylye Gody*. 2014. № 32 (2). С. 245–251.
5. *Сибирь* : Общие замечания о Сибири и переселении. Сведения о земледельческой полосе Сибири. Узаконения и распоряжения Правительства. Пути следования в Сибирь и по Сибири. Карта Сибири. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1897. XIV, 230 с. (Справочное издание переселенческого управления МВД. Вып. 1).
6. *Устав о ссыльных* // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб. : Кодификац. отд. при Гос. совете, 1890. С. 170–251.
7. *Потанов, И. Ф.* Красноярск: история в фотографиях и документах / И. Ф. Потанов. Красноярск : Офсет, 2007. 415с.
8. *Свод Законов Российской империи*. Т. XIV. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В.К, 1857. 909 с.
9. *Studnicki, W.* Współczesna Syberya : z mapą Syberyi i kolei syberyjskiej | przez Władysława Studnickiego. Kraków : G. Gebethner i Spółka, 1897. 161 s.

10. *Полиция* Енисейской губернии Общая географическая характеристика. [Электронный ресурс]. URL : <http://rabortada.ru/articles/politsiya-eniseiskoi-gubernii-obshchaya-geograficheskaya-kharakteristika> (дата обращения: 08.05.2015).

11. *Константинова, М. В.* Хлебная торговля в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. : Дис. на соискание уч. ст. к.и.н. Красноярск : КГТЭИ, 2007. 225 с.

12. *Памятная книжка* Енисейской губернии на 1889 год с адрес-календарем. Красноярск : Енисейск. губ. тип., 1890. 395, 16 с.; [1] л. ил.

13. *В. И. Ленин* и социалистические преобразования в Сибири. М. : Наука, 1974. 319 с., 3 л.

14. *История* Хакасско-Минусинского края в период капитализма. Электронный ресурс]. URL : <http://lektsiopedia.org/lek-29557.html> (дата обращения: 08.05.2015).

15. *Федорова, В. И.* Очерки социально-экономического развития Енисейской губернии в пореформенный период: учеб. пособ. / В. И. Федорова. Красноярск: КГПУ, 1999. 111, [2] с.

16. *Практическое* руководство при отправлении приходских треб / Сост. священник Н. Сильченков. Воронеж : Тип. Исаева, 1888. 111 с.

N. N. Skorobogatova

Political exiles of the XIX-XX centuries in Eastern Siberia, as limited rights in social group of the population

In the article on the basis of new archival data attempts to address the socio-economic situation of Polish political exiles in southern provincial towns and villages of Eastern Siberia. Special attention is paid to the problem of limiting the rights of this category of population as a factor that influenced the choice of profession, lifestyle, and marital status.

Key words: political exile in Siberia, the distribution of the Siberian exiles territories, limited rights, police surveillance, socio-economic situation of the exiles, of family relations, religious needs.

Historical-ethnographic Museum-reserve (662713, Russia, Krasnoyarsk region, Shushenskoe, Street New, 1. Shushenskoe; tel: 8(39139) 3-25-41; e-mail: mus@shush.ru)

УДК 94:(343.264+325.2)(=162.1):34:316.4(571)

С. А. Мулина, А. А. Крих

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ В СИБИРИ В XIX ВЕКЕ

Аннотация: Сосланные в Сибирь в XIX в. участники восстаний в Польше, подвергались процедуре идентификации со стороны органов местной власти, поскольку для решения вопросов, связанных с размещением и устройством быта польских ссыльных необходимо было определить положение того или иного ссыльного в системе этносоциальных координат. Попытки приписывания к определенным группам со стороны сибирской администрации приводили к усилению внутренней идентификации ссыльных. С этим, в свою очередь, приходилось считаться актерам идентификационных процессов,

соглашаясь или не соглашаясь с предложенными поляками вариантами этносоциальной самоидентификации.

Ключевые слова: польские ссыльные, Сибирь, внешняя и внутренняя идентификация.

К моменту ссылки участников польских восстаний XIX в. по Сибири прокатились две волны принудительной миграции поляков. На поселение и в военную службу в отдаленный регион Российской империи были отправлены сторонники барской конфедерации и военнопленные наполеоновской армии. Однако ни в том, ни в другом случае у сибирской военной администрации не возникало желания определиться с этносоциальной принадлежностью сосланных поляков. В случае с конфедератами роль идентифицирующего актора выполняла Русская православная церковь в лице священников, которые перед проведением обряда перекрещения конфедератов в православную веру, собирали с них «сказки» о месте рождения, возрасте, социальном происхождении, фактах крещения и миропомазания. Военнопленные поляки наполеоновской армии, первоначально распределенные по гарнизонам сибирских военных линий, вскоре были отправлены по домам. По данным тобольского гражданского губернатора в Сибири осталось 27, приписанные к мещанским или крестьянским окладам и 135 человек были записаны в состав строевых и запасных казаков на Сибирских линиях [РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 150 Л. 31–31 об.]. Вопросы идентификации польского населения стали интересовать сибирскую администрацию лишь в 1833–1834 гг. в связи с проблемами обустройства в Сибири новых партий ссыльных поляков.

Значительная доля участников польского восстания 1830–31 гг. была сослана на военную службу в Сибирские гарнизоны. Руководство Сибирского казачьего войска мало внимания уделяло культурным факторам и определению этнической принадлежности военнопленных. В списках повстанцы, сосланные в Сибирское казачье войско, фигурировали, как «нижние чины», «казаки», «строевые казаки» из «польских военнопленных» или «из польских уроженцев». Данный статус подтверждался информацией о том, где человек был взят в плен, когда, по какому приказу определен на службу в Сибирский корпус и в какой полк. В данном случае подчеркивалась не столько польское происхождение военнопленного, сколько то, что во время ноябрьского восстания он выступил на стороне поляков.

Более серьезно власти взглянули на вопрос о национальном происхождении военнопленных, когда значительная их часть, в надежде на помилование, объявила себя иностранными подданными в связи с изданием манифеста 20 октября 1832 г. о возвращении иностранных подданных, участвовавших в Польском восстании, на родину. Для выявления иностранцев среди польских пленных была разработана форма, по которой на основании показаний ссыльных, составлялись именные списки. Затем, из полков эти списки направлялись в Штаб Сибирского корпуса, в г. Тобольск, а оттуда – к военному министру. Согласно форме, показания ссыльного должны были содержать: имя и фамилию, возраст, национальную принадлежность («какой нации»), место рождения, сословие, место службы в Польской армии [ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 253. Л. 1–1 об.].

В итоге из 144 человек, объявивших себя иностранцами, семеро были приписаны к «австрийской нации», 11 человек – к «прусской», уроженец Киевской губернии Никодим Пиоро (Пюро) и уроженец Каменец-Подольской губернии М. Яблонский – к российской, остальные 123 человека – к «польской нации».

В представлениях российских военных чиновников иностранное подданство должно было выявляться с помощью указания ссыльными своей принадлежности к определенной нации и коррелироваться с помощью графы, в которой отмечалось их место рождения. На практике же оказалось, что при определении иностранцев в первую очередь

смотрели на место рождения: входила ли эта территория в состав Российской империи. В этом отношении показательным является замечание, сделанное командиру 5-го казачьего полка из Штаба Отдельного Сибирского казачьего корпуса. Из этого полка в качестве иностранца был указан Марцин Штамберт «Немецкой нации», родом из Калишского воеводства, но так как данное воеводство находилось в Польше, Корпусный командир приказал Штамберта «из Иностранцев исключить и с тем вместе заметить Г. Командиру 5-го Казачьего полка, дабы он при составлении подобных списков был осмотрительнее» [ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 253. Л. 31–31 об.]. С другой стороны, в этот список попал Юахим Гонденталь, «Австрийской нации, родом Житомирской губернии из г. Ковель» [ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 253. Л. 136 об.].

Ссылные поляки понятия «подданство» и «нация» понимали по-своему, в связи с чем, принадлежность мест их рождения к территории Российской империи не делала из них подданных российского монарха. Именно поэтому 123 ссылных, определивших себя поляками в качестве национальной принадлежности, которые являлись уроженцами Царства Польского, не считали себя подданными российской короны. Однако сибирская администрация не стала включать их в список иностранных граждан, подлежащих амнистии.

Не менее показателен факт вольного отношения тобольских военных чиновников к национальной терминологии, используемой ссылными повстанцами. Во время расспросов в полку Валентий Рудковский, Рафаил Кавицкий и Максим Гоздовский определили свою национальную принадлежность как «жинско-католическую» [ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 253. Л. 39 об.], а в списке, направленном из Тобольска в Санкт-Петербург, они указаны «прусской нации» [ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 253. Л. 131–131 об.].

В 1860-е гг. проблема выявления иностранцев среди сосланных за участие в Январском восстании сохраняет свою актуальность. Поляки пытались выдать себя за иностранных подданных, чтобы получить возможность вырваться из Сибири. Но в данном случае определяющее значение в идентификации имело место рождения или жительства. При наличии соответствующих документов и свидетельств власти достаточно просто выявляли среди «липовых» иностранцев поляков, проживавших на территории Российской империи. Сосланных в Томскую губернию и обозначенных в списках иностранными подданными – Франца Янковского, Валентия и Иосифа Сморгчевских, Андрея Домбровского власти зачислили в состав российских подданных, поскольку они оказались уроженцами Гродненской губернии. Иосифа Сковронского вычеркнули из списка иностранцев, так как он оказался крестьянином Плоцкой губернии, Антона Фишера – потому что проживал в Царстве Польском [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8193. Л. 21 об., 39].

Более важным для сибирской администрации было соотнесение военнопленных с российской социальной структурой и, в частности, с российским дворянством. Принадлежность к дворянству автоматически ограждала солдата от телесных наказаний (так называемых, палок) и создавала благоприятные условия для получения помилования, дальнейшего продвижения по службе или возможности сменить Сибирь, в качестве места ссылки, на губернии Европейской России. Эти процессы шли на фоне общеимперских мероприятий по «разбору шляхты», призванных не только сократить шляхетское сословие на территории Российской империи, но и уравнивать права польского и российского дворянства.

19 октября 1831 г. был издан закон «О разборе Шляхты в Западных губерниях, и об устройстве сего рода людей». Он устанавливал различие «между действительным шляхтичами, то есть доказавшими установленным порядком свое дворянство и признанными в оном Герольдиею и между лицами, именующимися Шляхтою без утверждения присвоенного себе достоинства законными доказательствами» [ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 6 (1831). № 44869. С. 135]. Только для первых сохранялись все права и преимущества, дарованные дворянству Российской империи. Все кто называл себя шляхтой, должны были

предоставить соответствующие документы.

Принадлежность к дворянству доказать было не просто. Например, в 1835 г встал вопрос о происхождении казака 5 полка Сибирского линейного казачьего войска Рафаила Федоровича и рядового 8 линейного сибирского батальона Андрея Чернецкого в связи с привлечением их к военно-судному делу о полковнике Маркевиче и нижних чинах из польских пленных. Оказалось, что ни тот, ни другой не могут доказать дворянское происхождение и из всех документов имеют лишь выписки из метрических книг о своем крещении. Отец Р. Федоровича Лука писал: «Знаю, что отец мой был дворянин и в разных местах Волынской губернии исправлял приличные дворянину обязанности у знатных помещиков; по кончине же его я остался едва 10 лет, и в сем возрасте взят был пребывавшим тогда в Волынской губернии владельцем деревни Рибчевице, состоящей в Красноставском округе, Антоном Залэнцим и привезен в здешний край, откуда уже на родину не возвращался. Этот случай лишил меня возможности отыскать доказательства о действительном моем дворянском происхождении; – впрочем, достигнув совершенного возраста, я не знал, куда и к кому следовало мне обратиться для получения утверждения в дворянстве...» [РГВИА. Ф. 801. Оп. 64/5. Д. 5. Ч. 2. Л. 691–691 об.].

Отец Игнатия-Андрея Чарнецкого – Иосиф – вспоминал, что отца всегда почитали дворянином, но доказать его благородное происхождение не мог: «Я не в состоянии представить письменных доказательств о дворянском происхождении сына моего, ибо, удалившись от родителей и места моего рождения в слишком молодых летах и не предвидев в то время, что таковые доказательства могут быть мне нужны, я вовсе об оных отца моего не спрашивал, и не имею теперь о таковых доказательствах ни малейших сведений» [РГВИА. Ф. 801. Оп. 64/5. Д. 5. Ч. 2. Л. 693].

Власти попытались выработать определенную схему выявления дворянства польских уроженцев. По высочайше утвержденному 6 апреля 1832 г. предложению главнокомандующего действующей армии при обращении нижних чинов бывшей польской армии на службу дворянами считали:

- тех, кто записан в дворянские книги, хранящихся в воеводствах;
- сыновей военных штаб и обер-офицеров, которые родились по уже после получения их отцами этих чинов;
- сыновей гражданских чиновников, которые родились после получения их отцами чинов, соответствующих штаб-офицерскому званию военной службы;
- тех, чьи отцы, хотя и не дворянского происхождения, но имеют российские или Царства Польского ордена, при условии, что они родились после получения уже отцами таковых знаков отличий [ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1 Д. 258. Л. 306–306 об.].

Сенатский указ от 11 ноября 1832 г. выработал более общую схему, разделив людей, относящихся к «сословию бывшей Шляхты», на три разряда:

1. Дворяне, утвержденные или не утвержденные Дворянскими депутатскими собраниями, которые владеют имениями с подданными либо владеют только подданными.
2. Дворяне, не владевшие имениями, но утвержденные Дворянскими депутатскими собраниями.
3. Шляхта, не владевшая имениями и не утвержденная Дворянскими депутатскими собраниями.

Третий разряд безотлагательно подвергался подымному сбору и воинской службе. Второй был освобожден от службы и налога до рассмотрения доказательств дворянства, предоставленных Герольдией. Первый не подлежал ни подымной подати, ни военной службе. Этим же указом Депутатским собраниям Западных губерний запрещалось выдавать подтверждение дворянства без утверждения Герольдии [ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 7 (1832). № 5746. С. 836–837].

Сложность с определением дворянского происхождения военнопленных вынудила

войсковое начальство преимущественно, ориентированные на дворян, в ряде случаев распространить и на польских шляхтичей. В начале 1833 г. по приказу командира Сибирского линейного казачьего войска поступивших на службу польских пленных из шляхтичей, не доказавших своего происхождения, было запрещено наказывать телесно, а только арестом и прочими наказаниями; если же кто часто будет впадать в преступление, то таких надлежало предавать суду [ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1 Д. 258. Л. 13].

Процесс определения сословного статуса польских военнопленных был связан с вопросом о производстве чинов. Особенно актуально это было для польской шляхты, не имеющей возможности отыскать дворянство, или представителей низших сословий, поскольку продвижение по службе сопровождалось повышением социального статуса. Использование «авансов» для склонения польских военнопленных к принятию православия и укоренению верноподданнических чувств давало неплохие результаты в предшествующие десятилетия. Достаточно вспомнить массовый переход в православие ссыльных участников Барской конфедерации и службу империи включенных в российские войска участников наполеоновских походов [1; 2]. В 1830-х гг. власти не торопились с подобным решением. Вопрос о продвижении по службе польских военнопленных был представлен на высочайшее обсуждение лишь в 1833 г. Решением императора рядовые, поступившие в службу из польских пленных, происходящие из дворян и низших званий, могли быть производимы в унтер-офицеры за «отлично-хорошее поведение и примерное к службе усердие», но не раньше, чем через три года их службы [ПСЗРИ. Собрание (1825–1881). Т. 8 (1833). Ч. 1. С. 201. № 6095]. Поэтому первые примеры продвижения по службе польских военнопленных могли иметь место не раньше 1835 г.

Статистику продвижения по службе польских военнопленных представить сложно. Из доклада начальника штаба генерал-майора Галафьева от 3 апреля 1837 г. можно судить лишь о том, что влияло на решение командования о производстве чинов. В частности, Галафьев докладывал, что рядовые 4-го сибирского линейного батальона Кнак, Хайнский и Рошковский «за усердие и верность» были произведены в унтер-офицеры. Линке и Мундрак не получили повышения, так как слабо знали русский язык и фронттовую службу, а также потому что по указу императора от 16 февраля 1837 г. были высланы для следования за границу. Находящийся на службе в Енисейской инвалидной команде Грудзинский «по слабому поведению» не достоин производства в унтер-офицеры [РГВИА. Ф. 801. Оп. 64/5. Д. 5. Ч. 2. Л. 698, 698 об., 699 об.].

В 1838 г. нижним чинам из польских военнопленных была открыта дорога к получению офицерских званий, и их положение постепенно уравнивается с российскими военнослужащими. Например, по указу от 18 июля 1838 г. нижним чинам, уроженцам Царства Польского, которые по беспорочной выслуге 15-летнего срока, имея право на бессрочный отпуск, пожелают продолжить службу, были предоставлены те же преимущества, что и русским уроженцам, прослужившим 20 лет [ПСЗРИ. Собрание (1825–1881). Том 13 (1838). С. 18. № 11412].

Известны факты, когда ссыльные, выходя в отставку, имели чины и награды. Но все же процесс продвижения по службе ссыльных повстанцев начался поздно и шел медленно. Вкупе со сложностями поиска и доказательства дворянского происхождения это тормозило процесс объединения участников восстания 1830–1831 гг. с российской дворянской элитой, а значит и процесс русификации польской шляхты.

В этих условиях более значимой оказывалась принадлежность военнопленного к казачьим войскам – особой социальной группе (сословию), ориентированному на военную службу на рубежах империи. Новый социальный статус включал в себя важные социальные и культурные маркеры. Продвигая имперские интересы, казачество являлось носителем верноподданнической традиции. В казачьих войсках процесс русификации первоначально должен был идти не через усвоение иноэтничным пополнением россий-

ских норм культуры и даже не посредством укрепления связей польского дворянства с российской элитой, а через усвоение российской гражданственности. Первым шагом в этом направлении должна была стать верноподданническая присяга.

Но и на этом направлении имперской политики обнаружились сложности. Оказалось, что поляки понимали присягу по-разному. По мнению Яна Сероцинского «присяга есть призывание Бога во свидетельство справедливого показания или истинной правды, так как он есть истинною правдою». Но в отличие от официальной версии Сероцинский ставит вопрос о том, возможно ли насильственное приведение к присяге: «Присяга должна быть свободна и с размыслом выполненная, и для того дети, особы ума и свободы лишенные, к присяге не приводятся. – Присяга, вынужденная неизвестием, угрозами и насилием, не обязует выполнившего» [РГВИА. Ф. 801. Оп. 64/5. Д. 5. Ч. 8. Л. 74]. Подобные рассуждения бытовали и в более позднее время. Примером могут служить участники второго польского восстания, зачисленные на службу в 1-й Сибирский линейный батальон. Они отказались принести присягу на верность российской короне, так как поступили на службу не по желанию, а по назначению правительства [ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 116].

Принятие присяги могло происходить после взятия в плен, но большинство проходили этот обряд при поступлении в Сибирское казачье войско. Между тем, поляки различали присягу на подданство России и на верность службе Николаю I, несмотря на то, что власти объединяли эти два понятия в одной церемонии. По словам казака 8-го полка Костана Рубинского, он присягнул «на верность подданства России» по взятии в плен в г. Каменец-Подольске, а «на верность службе» к присяге приведен не был [РГВИА. Ф. 801. Оп. 64/5. Д. 5. Ч. 4. Л. 167–169 об.; Ч. 9. Л. 49–53]. Строевой казак 5-го казачьего полка Федор Ходоровский и рядовой 1-го сибирского линейного батальона Фердинанд Пятницкий показали, что к присяге «на верность подданства» были приведены в г. Житомире, а при поступлении в действительную службу приведены к присяге не были [РГВИА. Ф. 801. Оп. 64/5. Д. 5. Ч. 2. Л. 648; Ч. 4. Л. 82–83 об., 99–102 об.; Ч. 6. Л. 161 об., Ч. 9. Л. 57–62]. Когда подобные примеры вскрылись, в начале февраля 1834 г., полковым командирам и командиру конно-артиллерийской бригады было предписано немедленно навести справки, и тех из поляков, кто не приведен к присяге, немедленно привести [ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 252. Л. 595]. Отступления от правил обнаружились лишь в 4-м и 5-м полках. В 4-м полку на начало марта 1834 г. все польские военнопленные были приведены к присяге, кроме 6 человек [ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 252. Л. 610]. В 5 казачьем полку без присяги остались казаки Шимон Шиманский, Дионисий Кильневский, Федор Ходоровский и Рафаил Федорович, поскольку находились под судом [ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 252. Л. 612]. Схожая ситуация была в сибирских линейных батальонах. Например, рядовой 3-го батальона Федор Шестерини и рядовой 7 батальона Ксаверий Шокальский на верность службы не присягали, поскольку находились в лазарете [РГВИА. Ф. 801. Оп. 64/5. Д. 5. Ч. 4. Л. 59–69 об., 117–125]. Все это позволяет предположить, что процесс принятия присяги не всегда сопровождался усвоением присягнувшими гражданских позиций, воинский устав и Артикулы поляки знали слабо, а иногда и понятия о них не имели. Отсюда различные правонарушения, побег, а также возможность сосуществования валленродизма наряду с понятиями дворянского достоинства и воинской чести.

«Разбор шляхты» затянулся на несколько десятилетий. Постепенно права шляхты, не утвержденной Герольдией, уменьшались. В конце концов, правительство попыталось приписать шляхтичей к уже существующим сельским или городским сословиям. Но в Сибири аристократизм шляхты продолжал ощущаться. Польские ссыльные воспринимались как привилегированное сословие. Образование, деньги, связи, манеры позволяли полякам завязывать контакты с верхушкой сибирского общества. Под предлогом, что поляки «благороднее», им оказывали предпочтение при назначении на чиновничьи должности [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18510. Л. 7]. Проблема документального подтверждения

дворянства сохраняет свою актуальность. Например, участники Январского восстания, сосланные без лишения прав «на водворение» при документальном доказательстве своего дворянского происхождения могли быть официально перечислены в категорию сосланных «на житье». Поэтому многие уроженцы Царства Польского и Западных губерний, не обременявшие себя хлопотами в Герольдии, сопряженными с финансовыми издержками, занялись поиском и доказательством своего дворянства, будучи в ссылке.

В период ссылки участников восстания 1863 г. изменяются критерии внешней и внутренней идентификации поляков. Место рождения и религиозная принадлежность становятся основной чертой польскости. В административной переписке поляки часто фигурируют как «уроженцы Царства Польского и Западных губерний» или же «лица католического исповедания». При этом уроженцы Западных губерний в глазах сибиряков сливались с прибывшими из Королевства Польского и идентифицировались как поляки.

В деле этнической идентификации польских ссыльных фактор происхождения практически теряет свое значение. Увеличение количества ссыльных сопровождалось ухудшением качества их учета. Данные о происхождении политического преступника часто отсутствовали. При водворении ссыльных опрашивали только о возрасте, социальном происхождении, роде занятий на родине и физическом положении, чтобы безошибочно причислить их к определенному разряду ссыльных, а вопрос о месте проживания и национальной принадлежности не поднимался [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6314. Л. 4].

На первое место во внешней идентификации, т.е. со стороны местных сибирских властных структур, выходит содержание вины осужденного. Все причастные к мятежу 1863 г. получали статус «политических преступников». Последние, в свою очередь, приравнивались к полякам. В соответствии с разрядной системой они могли быть сосланы «на житье» с лишением прав или без, «в арестантские роты», «на военную службу», «в каторжные работы», «на заводы», «на водворение». Эти маркеры обязательно присутствовали в административной переписке, поскольку поясняли правовое положение ссыльного, его права и обязанности. Нормы полицейского надзора, ограничивающие передвижение ссыльных, вынуждали фиксировать место приписки ссыльного в Сибири: например: «польский переселенец Томской губернии Спасской волости Казимир Васильев Пивинский» [ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12974. Л. 19]. Ссыльные, оказавшиеся на водворении, получили официальное название – «польские переселенцы» [3].

Регулярные промежуточные амнистии увеличивали дифференциацию социально-правового положения ссыльных и вынуждали власти вместо устойчивых формулировок, скрупулёзно описывать те или иные нюансы юридического статуса ссыльного.

Процесс смягчения наказаний и последовавшая амнистия польских ссыльных 1883 г. изменили положение сосланных поляков в сибирском обществе, в связи с чем изменилась их внутренняя и внешняя идентификация. Польский переселенец Иосиф Карнацевич получил разрешение возвратиться на родину в 1882 г., но не воспользовался этим правом, поскольку не имел средств на выезд из Сибири. После амнистии 1883 г. он получил паспорт из Тюменской мещанской управы от 11 Мая 1887 года за № 273, на свободное проживание по всей Российской Империи, в котором между прочим было прописано: «Тюменский мещанин из польских переселенцев, паспорт выдан на основании Всемиловейшего манифеста 15 мая 1883 года» [ГУТО ГАТ. Ф. И 152. Оп. 12. Д. 69. Л. 1 об.]. В июне 1887 г. И. Карнацевич обратился к тобольскому губернатору с просьбой о сложении с него звание «из польских переселенцев», оставляя лишь звание тюменского мещанина, поскольку амнистия 1883 г. позволяла надеяться, что он полностью прощен.

Документы не сохранили всей процедуры рассмотрения этого вопроса. О её сложности мы можем только догадываться, опираясь на тот факт, что решения Карнацевич дождался четыре года. Только 4 июня 1891 г. предписанием тобольского губернатора тюменскому окружному исправнику было объявлено: «не употреблять на будущее время

в паспортах, выдаваемых Карнацевичу выражение «из польских переселенцев». А просто именовать его Тюменским мещанином» [ГУТО ГАТ. Ф. И 152. Оп. 12. Д. 69. Л. 2].

Избавление от статуса польского ссыльного связывалось избавлением от ограничений, свойственных политическим преступникам. Например, сосланный «на водворение» в Тобольскую губернию Павел Павловский в 1881 г. обратился с просьбой разрешить ему повсеместные разъезды в границах Российской империи, не исключая столицы, Царства Польского и Западного края. В прошении он отмечал, что еще в 1877 г. ему разрешили зачисляться в купеческое сословие, участвовать в городских выборах и признали его «добровольно поселившимся в Сибири». Последний факт, по нашему мнению, Павловский добавил от себя, полагая, что предыдущие две милости автоматически лишали его статуса политического ссыльного.

Если И. Карнацевич в своем настойчивом желании избавиться от статуса «польского переселенца» демонстрировали установку на слияние в социальном плане с принимающим городским сообществом, то группа бывших польских ссыльных, проживающих в различных деревнях Тарского и Тюкалинского уездов Тобольской губернии выбрала иной путь адаптации к сибирским условиям при отсутствии возможности вернуться на родину. Этот вариант адаптации предусматривал сохранение за группой названия «польских переселенцев». В 1893 г. в министерство государственных имуществ поступило прошение Ивана Иванова Гавелко, выступавшего от имени 29 польских семей, проживавших в различных населенных пунктах Бергамакской, Карташевской, Логиновской и Такмыкской волостей Тарского округа, а также Карасукской волости Тюкалинского округа с просьбой предоставить полякам для поселения и создания отдельного сельского общества казенный участок земли при озере Тенкуле в Логиновской волости Тарского округа [РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 150. Л. 130–134 об.]. Это прошение было отклонено. Формальным поводом для отказа объявлялся тот факт, что бывшие ссыльные уже были наделены землей в местах своего проживания – деревнях русских старожилов, – в связи с чем переводворение их в новом поселке привело бы к махинациям с пособиями, нарезкой земельных участков и выплатами налогов.

В 1897 г. Иван Гавелко, как доверенное лицо от той же группы «польских переселенцев» подал еще одно прошение о предоставлении полякам земли для образования отдельного поселка. На этот раз доверителям И. Гавелки приглянулся переселенческий участок Почекуевском в Логиновской волости Тарского уезда [РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 386. Л. 2]. Но, как и в 1893 г., в просьбе об образовании отдельного поселения было отказано. На этот раз отказ сопровождался отсылкой к переселенческому закону 1896 г., по которому водворение на казенных переселенческих участках ссыльных не допускалось. Однако в ответе на прошение И. Гавелко уточнялось, что в Тобольской губернии имеются земельные участки, предназначенные исключительно для поселения ссыльных [РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 386. Л. 2]. В ответ на это замечание Гавелко написал еще одно обращение в министерство земледелия и государственных имуществ, в котором отмечалось, что согласно постановлению об амнистии 1883 г. он и его доверители не принадлежат более к ссыльным, а являются «польскими переселенцами» [РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 386. Л. 3–3 об.].

Таким образом, внешняя идентификация со стороны сибирской администрации активизировала процесс самоидентификации ссыльных и задала определенный вектор последней, акцентируя внимание на категориях социального порядка. Тем самым государство не только вырабатывало описательный механизм в канцелярской и юридической практике, но и формировало стратегию дальнейшей адаптации польских мигрантов.

Список литературы:

1. Крих, А. А. Польские конфедераты в Сибири / А. К. Крих, С. А. Мулина // Изве-

стия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2012. № 2. Ч. 2. С. 13–21.

2. Мулина, С. А. Польские военнопленные на службе в сибирском казачьем войске / С. А. Мулина – [Электронный ресурс]. URL : <http://www.omgau.ru/tsentr-polskoy-istorii-yazyika-i-kulturyi/voennoplennyye-polyaki.html> (дата обращения: 25.04.2015).

3. Майничева, А. Ю. Польские переселенцы в Томской губернии (середина XIX в.) / А. Ю. Майничева // «Сибирская заимка» – [Электронный ресурс]. URL: [http:// polisy.narod.ru/Russian/pol-tomsk.htm](http://polisy.narod.ru/Russian/pol-tomsk.htm) (дата обращения: 04.05.2015).

S. A. Mulina, A. A. Krikh

Ethno-social identification of exiled Polish in Siberia in the XIX century

Summary: Participants of an uprisings in Poland were deported to Siberia in the XIX century, where were subjected to identification procedures by the local authorities because they needed to determine the position of a some exiles in the ethno-social coordinates as to address issues related to the placement and the device life of Polish exiles. But attempts by attributing to certain groups from the Siberian administration led to increased internal identification of exiles. This, in turn, had to be take in account all actors of identification processes, agreeing or disagreeing with the options of ethno-social identity proposed by Polish exiles.

Keywords: Polish exiles, Siberia, external and internal identification.

Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin (2 Institutskaya pl., Omsk, 644008, tel.: +7(3812) e-mail: sa.mulina@omgau.org)

Omsk State University named after F. M. Dostoevskiy (55-A, Prospekt Mira, Omsk, 644077, tel.: +7(3812)670515 e-mail: krikh_aa@mail.ru)

УДК 272:94(470.53)

А. Горак

СПИСКИ КАТОЛИКОВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

Аннотация: Статья посвящена истории Католической церкви на территории Пермской губернии, которая в этом отношении была связанная с центром 4-го округа войск внутренней стражи в Казани. Автор обращает внимание на метрические книги Казанского католического прихода и на списки лиц католического исповедания, составляемые в 70-е гг. XIX в. для Пермской губернии.

Ключевые слова: Российская империя, Католическая церковь, Пермская губерния, Казанский военный округ, метрические книги, списки католиков.

Введение

История Католической церкви в так называемых внутренних губерниях Российской империи, прежде всего, без территории бывшей Речи Посполитой, является предметом, еще слабо изученным в польской научной литературе. Исследования этой территории всегда уступали место изучению земель бывшей Речи Посполитой или были лишь маргиналом для других тем, сосредоточенных на биографиях отдельных лиц или групп на

фоне истории нации и ее культуры [1; 2; 3; 4; 5]. Нет сомнений, что понятия «история» и «культура» сосуществуют нераздельно. Особенно сегодня, очевидным является тот факт, что религиозность человека являлась и является одной из наиболее важных из его идентификаций, духовных активностей и в сочетании с национальной идентификацией определяет основу большинства его выборов и действий. С удвоенной силой эти элементы духовности давали о себе знать в неволе, в ссылке, на чужбине, под присмотром враждебной власти. Перед историками стоит задача показать значение исповедания и национальной идентичности как основных ценностей европейской культуры, а в данном случае основ местных обществ, которыми католики ассимилировались, создавая богатство культурного разнообразия.

Данная статья, конечно, не имеет задачей популяризацию прошлого. В этом тексте я хотел бы представить читателю основные факты, связанные с историей Католической церкви на территории Пермской губернии и рекомендовать источники, которые могут быть полезными в дальнейшем развитии исследований по этой теме. Поскольку ничто не является таким успешным оружием в борьбе с ложными представлениями об истории как источники.

История Католической Церкви на Прикамье и Урале

Первым центром католической церкви на всей территории среднего Поволжья, Прикамья и Урала была Казань. Католическая община Казани начала формироваться в первой трети XIX в. Быстрый рост количества католиков не являлся естественным процессом и происходил посредством войн, захватов и репрессий со стороны Российской империи на своих западных окраинах [6, с. 52].

Агрессивная политика по отношению к своему западному соседу - Речи Посполитой - привела к упадку этого государства и репрессиям, развернутым против населения в цели обрусения следующих территорий. Время от времени такая политика вызывала вооруженное сопротивление, а после его подавления возникали следующие волны ссыльных и пленных, невольно отправляемых из своей родной страны на отдаленные территории Российской империи. Кроме удаленности от отечества, ситуация усугублялась тем, что для ссылки власти выбирали территория малонаселенные, а нередко и с трудными условиями жизни. Одним из таких, крупнейших в европейской части Империи, центров польской ссылки была Казань и территории к востоку от нее [7].

Не надо забывать, что кроме католиков, на данную территорию ссылали бывших или упорствующих греко-католиков, называемых униатами. Насильственное уничтожение Греко-католической церкви на территориях бывшей Речи Посполитой, включенных в Российскую империю, а потом и в Королевстве Польском привело к ситуации, когда многие униаты, официально причисленные к Православной церкви, искали возможность участвовать в религиозной жизни католических общин.

Конечно, не только поляки были католиками. Среди преследованных за сопротивление царским властям было много литовцев, особенно в Пермской губернии. Среди офицерского корпуса и служащих различных ведомств немало было немцев католического исповедания и представителей других европейских наций. На совсем другом основании существовали еще с XVIII в. на этой территории немецкие колонисты. Следует подчеркнуть, что до трети немецких колонистов также являлись католиками.

С преследованиями тесно связано присутствие католиков в рядах военных отрядов на указанной территории. Казань являлась центром IV-го округа Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, в состав которого входили несколько губерний Среднего Поволжья и Приуралья (Вятская, Казанская, Нижегородская, Пермская и Симбирская) и расположенные там полки (нижегородский № 19, 1-й казанский 20, 2 казанский 21, симбирский 22, вятский 23, пермский 24) [ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 4. № 3199]. С этим связано присутствие военопленных и пленных, по наказанию включенных в армию из числа пленных

наполеоновской армии, а потом и армии Королевства Польского. Кроме того, во второй половине XIX века в Королевстве Польском была введена рекрутская повинность, и поэтому многие поляки оказались в отрядах, дислоцированных в казанском округе, пополняя католические общины. Е. В. Липаков пишет, что после войны 1831 г. в Казани было несколько сотен польских солдат и офицеров [16, с. 14]. Считается, что в IV-м округе служило более 2 тыс. католиков. Сильное увеличение количества католиков на этой территории произошло во время I мировой войны в связи со следующими волнами пленных (поляков с Австро-Венгрии и Пруссии) и беженцев с западных частей Империи [9].

Были и другие поводы присутствия католиков на этой территории. В Казани 5 (17) ноября 1804 г. был учрежден и начал свою деятельность в последующем году, Императорский казанский университет. Профессора, чиновники и студенты Университета были очень важной общиной. До учреждения в 1878 г. университета в Томске Казанский университет был самым отдаленным на востоке. Не стоит забывать и о научном округе, связанном с Университетом, и его культурной роли, которая всегда способствует толерантности.

На протяжении XIX в. царский режим постепенно уничтожал высшие учебные заведения на территории бывшей Речи Посполитой, а после и в Королевстве Польском. В поиске мест для получения образования поляки уезжали и в Казань. Университет способствовал также ассимиляции ссыльных поляков на этой территории. Особенно, когда их дети попадали в стены университета, – среди преподавателей и студентов Казанского университета было много католиков. Динамичное развитие университета начинается именно с 30-х гг., когда во всех российских университетах важную роль начинают играть иностранные профессора, в том числе и католики. Из польских профессоров надо вспомнить как минимум Николая Лобачевского, а потом сосланных в Казань филаретов и филоматов Иосифа Ковлевского, Иосифа Ежовского и Яна Непомуцена Верниковского [10], а из позднейших – Миколая Крушевского и Яна Бодуэн де Куртенэ. Среди студентов было тоже немало католиков, главным образом поляков [11, 12, 13, 14, 15], а местные священники читали им лекции.

Следующим фактором притока католиков был поиск места работы и содержания. Русификация кадрового состава учреждений на западе империи и сильное ограничение возможности чиновничьей карьеры для католиков способствовали эмиграции для поиска места службы. Это относится как к гражданским, так и военным [16]. Можно сказать, что кроме студентов и торговцев, чиновники и офицеры были одинокими добровольными эмигрантами на данной территории. Не надо забывать, что возможность получения должности была и поводом отказа от поворота на родину освобожденных ссыльных.

Все католики в губерниях Российской империи, кроме территории бывшей Речи Посполитой, входили в состав Могилевской епархии. Важным фактором в их положении было подписание 3 августа 1847 г. конкордата со столицей Католической Церкви – Ватиканом. Некоторые историки считают, что именно конкордат позволил учредить тираспольскую епархию со столицей в Херсоне, но немаловажным фактором было также отделение немецких колонистов Поволжья от влияния польских священников и вхождение их в состав Могилевской архиепархии. Такое положение утвердил папа Пий IX буллой *Universalis Ecclesiae cura* от 3 июля 1848 г. После протестов представителей православной церкви ее столицу перенесли 6 августа 1852 г. в г. Тирасполь, а потом в Саратов [17].

Конфессиональная политика властей менялась лишь в начале XX в. Указ от 17/30 апреля 1905 г. давал возможность безнаказанного перехода из православия в католичество, что имело особое значение для бывших греко-католиков и для детей от смешанных, межконфессиональных браков. К 1905 г., появилось довольно большое количество, так называемых, «упорствующих», т.е., лиц, официально считавшихся православными, но в действительности связанных с Католической церковью [18, 19]. Несмотря на бюрократи-

ческие преграды, новый закон облегчил смену церковной принадлежности в рамках христианской веры.

Капеллан IV Округа отдельного корпуса внутренней стражи

В польскоязычной литературе малоизвестным фактом является учреждение и развитие сети католических приходов внутри Империи в тесной взаимосвязи с армией [8]. В 30-е гг. количество католиков в имперской армии достигло такого количества, что это привело к созданию должности капелланов при округах внутренней стражи. Главным поводом для создания данной должности являлась необходимость приведения к присяге нижних чинов, а также исполнение их духовных треб — исповеди, крещения детей, проведения бракосочетания, похорон и других таинств. Немаловажной потребностью была забота о нравах офицеров и служащих нижних чинов. Всё это и привело к учреждению должностей римско-католических военных священников (капелланов). В литературе предмета можно найти разные даты указа, введшего в 1833 г. при штабах округов внутренней стражи должности католических военных капелланов. По одним из данных это был приказ Военного министерства от 29 июля 1833 г. Военные капелланы Казани должны были подчиняться начальству IV-го округа отдельного корпуса внутренней стражи и получать жалование из казны. При этом они могли исполнять духовные требы лиц остающихся, как на военной, так и на гражданской службе, с разных ведомств, проживающих в губерниях, входивших в состав IV-го округа [20].

Это объясняет первоначальный объем влияния казанского капеллана и прихода, к которым причислялись губернии Нижегородская, Вятская, Казанская, Пермская, Пензенская, Саратовская и Симбирская, и выделенная из нее в 1850 г. Самарская. Даже включение Саратовской губернии в Тираспольскую епархию не отменило полномочий казанского капеллана, и то не только в отношении к военным и пленным.

Важным подтверждением права капелланов был указ от 12 апреля 1835 г.: император дозволил «Римско-Католическим Священникам и причетникам их, назначенным в округи Корпуса Внутренней Стражи, для исправления духовных треб нижним Польским чинам, пользоваться обывательскими квартирами, на том же основании, как оными пользуются полковые Священники православного исповедания, возложив на начальство Внутренней Стражи, каждый раз, давать знать местным полициям о времени их прибытия» [ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 10. № 8050].

Связи с армией облегчали сношения с администрацией и в определенном размере давали и материальные основы для организации прихода, мест молитвы и обрядов. Важным в этом отношении был указ от 21 марта 1836 г. Он был вызван сомнениями, которые возникли в Олонецкой губернии при исполнении предыдущего указа, об отводе квартир римско-католическим священникам и причетникам их. Надо было разъяснить: следует ли отводить помещение для Римско-католической церкви тоже. И здесь ответ был положительный — дозволено «для имеющих при внутренних гарнизонных батальонах Римско-Католических церквей [...], отводить в натуре, или нанимать квартиры на общих, существующих по тому или другому городу, на счет отправления квартирной повинности, правилах» [ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 11. № 9004]. В 1885 г. в российской армии было 40 католических капелланов.

Вплоть до 1884 г. в Казанский приход официально входили все губернии Казанского военного округа. Даже если в других городах создавались храмы или приходы, то священники этих приходов отчитывались перед казанским куратором, а местные власти продолжали каждый год аккуратно составлять списки католиков и отсылать в Казань. Это странное положение было отменено лишь в 1884 г.

Развитие сети гражданских католических приходов

В первом периоде существования казанского прихода он имел военный характер, хотя священники служили и гражданскому населению. Структура католической церкви

на данной территории развивалась на его же основе и с использованием ссыльных священников и монахов, проживающих в пределах этого грандиозного прихода. И так первый постоянный священник приехал в Казань в 1835 г. Он именовался капелланом IV округа внутренней стражи и получал жалованье от военного ведомства, оно же обеспечивало храм. Лишь 1 ноября 1858 г. был освящен новопостроенный костел в Казани. До этого времени постоянные священники появлялись и в других крупнейших городах. Это было признаком того, что католические общины выходили из военного надзора. Прибывший в Казань в декабре 1864 г. кс. Ян Пукель получил уже назначение на должность не только капеллана войск IV округа, но и курата (настоятеля) казанского прихода. Непосредственным начальником казанского курата был московский декан. Казанский приход был самым великим в России и в 1873 г. насчитывал более 20 тыс. верующих, больше чем приходы в Петербурге и Москве.

Постоянные разъезды были тяжелой обязанностью капелланов. Постепенно в крупнейших городах они организовали места встреч с верующими. Уже в 1837-38 г. в Перми была устроена часовня в частном доме. Со временем следующие священники, проживающие на территории прихода, получали от римско-католической консистории разрешения на богослужение. В крупнейших городах открывались дома молитвы и часовни, строились костелы: в 1847 г. в Перми, в 1853 г. - в Вятке, в 1857 г. - в Симбирске, потом в Екатеринбурге и Чердыни [21; 22].

В Пермской губернии кроме столичного города большие католические общины были в Чердыни и Красноуфимском уезде, а также в Соликамске. На этой территории встречаем известного в Польше ксендза Петра Сцегенного [23], который был инициатором ходатайства об устройстве в Перми постоянного католического храма. В том же 1864 г. там был учрежден самостоятельный приход, но для богослужений был арендован дом, переделанный в часовню Святого Иоанна Кентийского. 15 авг. 1875 г. совершилось освящение новопостроенного католического храма. К приходу были отнесены Католики всей губернии. После выделения екатеринбургского прихода в составе пермского прихода остались католики Пермского, Соликамского, Красноуфимского и Кунгурского уездов. В 1902 в Пермской губернии проживали около 700 католиков, главным образом литовцы, а также поляки и французы [24; 25; 26; 27].

В Екатеринбурге в марте 1876 г. католики подали прошение об открытии часовни, а в июле 1882 г. началось строительство храма. В 1883 г. польская газета „Кгај” отмечала, что благодаря пожертвованиям господ Козелл-Поклевских в Екатеринбурге был построен великолепный костел Св. Анны. В 1884 он был освящен. К Екатеринбургскому приходу относились католики Верхотурского, Екатеринбургского, Ирбитского, Камышловского и Шадринского уездов, то есть, проживающие на территории к востоку от уральского хребта. В 1884 г. община насчитывала около 300 семей прихожан, а в 1913 уже около 1000 человек [28, 29].

Метрические книги

Основным источником при изучении католических общин являются метрические книги Казанского, Пермского и Екатеринбургского приходов. Важным шагом в регламентации формуляра книг было введение печатных и посылаемых в консистории книг 7 мая 1806 г. [ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 29. № 22118]. Образец вводил одну книгу, разделенную на три части: об урожденных, о бракосочетавшихся и об умерших. Книга имела вид табеля. Затем последующие указы проводили уточнения и унификацию (см. указ от 1838 г. [ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 13. № 10956]). Где-то с половины века начинается практика ведения трех отдельных книг, формированных и скрепляемых печатью уже в консистории, а потом передаваемых в приход [ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 41. № 43773]. Первоначально книги велись на латыни, затем на государственном языке, но еще в 1 пол. XIX в. встречаются целые записи на польском или немецком языках. Немаловажно, что

выписки из метрической книги являлись в то время основной формой идентификации личности [30].

Структура и информационное качество этих книг представляются известными. Метрические книги сохраняют богатство данных, использованных в разных парадигмах исторических наук, и главным образом необходимы при идентификации личности и статистическом изучении целых групп лиц. В этом отношении католические метрические книги имеют особое значение при исследовании территориального пространства прихода и, прежде всего, социально-профессиональной структуры и деятельности католиков.

Важным этапом в регламентации формуляра этих книг был циркуляр римско-католической духовной консистории «О доставлении в приходы книг о крещении, бракосочетании и погребении» от 29 ноября 1849 г. Было предписано разослать новые метрические книги, в которые «аккуратно записывались бы на русском диалекте на сей год и в последующие времена - метрики». В 1849 г. каждый приход получил по три русскоязычные книги: о крещении, бракосочетании и погребении [31].

Такие же книги мы встречаем в Казанском приходе. Они содержат записи за период 1849-1917 гг. и имеют разнообразный характер, являясь лишь частью большого собрания. Они представляют собой четыре крещенных и две погребенных книги. Что интересно, в Казанском приходе для учета браков велись дела, а не книги.

Книги хранятся в Национальном архиве Республики Татарстан. Одна из самых ценных книг находится в фонде № 709, в Казанской Римско-Католической церкви. Это книга с записями крещенных в 1849-1863 гг. Остальные книги включены в фонд № 4 „Православные и магометанские приходы“, что сильно затрудняет доступ к ним.

1. **Заглавие:** Книга / Метрика Крещаемых / Казанской Римско-Католической / Церкви/ с 1849. года по 1863 год; **даты:** 1849 – 1863; **состав:** книга, **язык:** русский [НАРТ. Ф. 709. Оп. 9. Д. 2. 146 л.].

2. **Заглавие:** Книга / о погребении за 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856 / Умерших Католиков Римско-Католической Казанской Церкви с 1849 года по 1869 г.; **даты:** 1849 – 1868; **состав:** книга, **язык:** русский [НАРТ. Ф. 4. Оп. 181. Д. 2. 70 л.].

3. **Заглавие:** Метрическая книга о родившихся римско-католического 1863 до 1875 года; **даты:** 1863 – 1875; **состав:** книга, **язык:** русский [НАРТ. Ф. 4. Оп. 181. Д. 3. 173 л.].

4. **Заглавие:** Метрическая книга о родившихся римско-католического [карандашом написано - 1875 год, 1876] С 1877 до 1889; **даты:** 1875 – 1884; **состав:** книга, **язык:** русский [НАРТ. Ф. 4. Оп. 181. Д. 4. 90 л.].

5. **Заглавие:** Книга о родившихся за 1890 – 1917 гг.; **даты:** 1890 – 1915; **состав:** книга, **язык:** русский [НАРТ. Ф. 4. Оп. 181. Д. 5. 173 л.].

6. **Заглавие:** Метрическая книга умерших римско-католического казанского прихода; **даты:** 1892 – 1917; **состав:** книга, **язык:** русский [НАРТ. Ф. 4. Оп. 181. Д. 6. 202 л.].

Списки католиков Пермской губернии

Как уже упомянуто тяжелой обязанностью казанского капеллана был объезд территории прихода. Примерно половину года священник проводил в разъездах. Местные гражданские и военные власти имели обязанность информировать католиков о приезде священника. Это касалось не только военных, но и чиновников, и ссыльных. Полицейские исправники ежегодно отправляли в Казань списки католиков, проживавших в их уездах. Списки из губерний Нижне-Новгородской, Вятской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Пермской, Казанской, Самарской поступали в Казань даже после учреждения в этих губерниях приходов. Это были все же гражданские приходы, а полномочия казанского капеллана были военные. Примерно в 1874 г. полицейский пристав г. Ирбита именовал его «Куратором и Капеланом Войск Казанского Военного Округа» [НАРТ. Ф. 709. Оп. 6. Д. 4. Л. 136].

В Национальном архиве Республики Татарстан сохранилось обширное дело со списками лиц католического исповедания [НАРТ. Ф. 709. Оп. 6. Д. 4]. Основная часть дела - это списки за 1874, 1875, 1877 и 1878 г. Их сравнение позволяет прочитывать даже неразборчивые фамилии. Самые богатые в информационном плане последние списки, начиная с 1878 г. Часто списки имеют форму табеля, где поименованы лишь главы семей. Более интересны списки с разделением на служащих, дворян или мещан, нижних чинов и ссыльных под надзором. Характерно в этом отношении письмо из канцелярии самарского губернатора к самарскому уездному исправнику от 7 февраля 1878 г., в котором губернатор предписывает исправнику составить для капеллана войск Казанского военного округа и курата Казанской римско-католической церкви именной список лиц римско-католического исповедания обоюбого пола и семейств их, проживающих в Самарском уезде, с показанием: имени, отчества, прозвания, лет от роду, звания, какой губернии и уезда уроженец. Список этот содержит 282 лица, не считая списка города Самары, в котором перечислено 136 лиц.

В приведенных ниже таблицах опубликованы некоторые списки лиц католического вероисповедания, обнаруженные в Национальном архиве Республики Татарстан.

Таблица 1

Список лицам Римско-католического исповедания проживающим в 1 части г. Екатеринбург*

№	Фамилия, имя, наличие семьи	муж.	жен.
1	чиновник Лев Игнатьев Орановский с женой	1	1
2	чиновник Юшкевич (учитель гимназии) с семейством	1	2
3	- Миновский (-)	1	
4	майор Тачитский Людвиг Францевич	1	1
5	чиновник Пеутлинг	1	
6	доктор Туржанский	1	
7	Анна Уельская с мужем	1	1
8	Лядман		1
9	Станислав Неутравский унтер-офицер	1	

* НАРТ. Ф. 709. Оп. 6. Д. 4. Л. 121.

Таблица 2

Список лицам Римско-католического исповедания, проживающим в г. Верхотурье, 1873 – 1874 гг.*

№	Имя, фамилия	№	Имя, фамилия
1	Иосиф Чапковский	20	Петр Кокамы
2	Иван Ольшевский	21	Францеска Митинкся
3	Сигизмунд Росицкий	22	Регина Давыдовичева
4	Николай Рутковский	23	Марина Радченкова
5	Иван Тычанский	24	Бренц Добаль
6	Иосиф Касперович	25	Адам Ланской
7	Константин Станкевич	26	Дмитрий Петровский
8	Иван Доброговский	27	Станислав Сипайло
9	Войцех Россовецкий	28	Иосиф Плющевский
10	Михайл Секерко	29	Леон Гаучис
11	Александр Богуславский	30	Адам Вильгась

12	Яков Фальковский	31	Франц Адамайтас
13	Иван Пиорунский	32	Казимир Адамайтас
14	Иосиф Сергиенко	33	Иван Довьято
15	Тадеуш Дзиковский	34	Иван Крестович
16	Григорий Пашинский	35	Антон Антонович
17	Антон Зброянко	36	Анелия Брозюлис
18	Адам Галкевич	37	Анелия Гацевичева
19	Лука Мюславский		

* НАРТ. Ф. 709. Оп. 6. Д. 4. Л. 125.

Таблица 3.

Список лицам Римско-католического исповедания, проживающим в Кушвинском, Верхотуринском, Нижнетагильских и Алапаевском заводах*

№	Имя, фамилия	Место проживания
1	надворный советник Максимилиан Товкач	Кушвинский завод
2	жена чиновника Батышева Юлия Карлова	
3	Матвей Янчак	
4	Августин Стефановский	
5	Лаврентий Боровской	
6	Михайло Ясинский	
7	Михайло Гарась	
8	Андрей Сераскевич	
9	жена чиновника Гретнера Елизавета Федорова	Верхотуринский завод
10	Унтер Офицер Матеуш Адамовский	
11	Карл Карлов ФрелихВикентий Францов Сапальский	Нижнетагильский завод
12	Константин Рогалевич	
13	Амалия Ковалевская	
14	Фадеи Мацеевич	
15	Михаил Проль	
16	Бронеслав Козеровский	
17	Константин Свежинский	
18	Антон Бжезицкий	
19	Владислав Таурогинский	
20	Аурелиан Былино	
21	Управляющий заводами Николай Юльев де Ришмон	Алапаевский завод

* НАРТ. Ф. 709. Оп. 6. Д. 4. Л. 126.

Таблица 4

Список лицам Римско-католического исповедания, проживающим в Шадринске, 1873 – 1874 гг.*

№	Имя, Фамилия	№	Имя, Фамилия
1	Аполинарий Боровский	14	Борадзич с семейством
2	Альфонс Жуковский	15	Горецкий с женой
3	Ленген Жуковский	16	Эдуард Вольский
4	Франц Маловский	17	Константин Тышко
5	Юлиан Синявский	18	Феликс Смолко
6	Адам Каминский с семейством	19	Иван Иван Багржевич
7	Болеслав Морозевич с женой	20	Ярослав Развиллович

8	Кылосовский с семейством	21	Петр Станкевич
9	Зисосневский	22	Викентий Войткевич
10	Марцелиан Дубинский с семейством	23	Василий Шульц
11	Кучевская	24	Юлия Забродская
12	Михальский с семейством	25	Матильда Кубашевская
13	Иван Богданович с семейством		

* НАРТ. Ф. 709. Оп. 6. Д. 4. Л. 129-129об.

Таблица 5

Список лицам Римско-католического исповедания, проживающим в г. Оса, 1875 г.*

№	Имя, фамилия	№	Имя, фамилия
1	Гендрих Антонович Козерацки	24	Иван
2	жена его Эмилия	25	Дочери: Клементина
3	дочь их Эмилия	26	Юлия
4	Ванда Христофорова Гоштвот	27	Викентия Осипова Мацкевичева
5	Карл Осипович Дзерожинский	28	Андрей Першхалло
6	Николай Иванович Гоголинский	29	Станислав Лиходзеевский
7	Леон Флорианов Залеский	30	Осип Осипов Лесницкий
8	Леон Викентиев Янковский	31	Григорий Керсновский
9	жена его Анна Яковлева дети их:	32	Тимофей Невашковский
10	Сыновья: Михаил	33	Тимофей Смиховский
11	Леон	34	Иван Золотаревич
12	Александр	35	Алфрет Плотницкий
13	Дочь: Адолфина	36	Марцанна Жубрикова
14	[...] Михайлов Франковский	37	Франц Войтковский
15	Валерья Каземирова Валуцкая	38	Болеслав Шульц
16	мать ея: Леонора Бацись	39	Леонард Хомский
17	Иван Каземиров Бацись	40	Якуб Васильев Мигарин
18	Жена его: Анна	41	Леонард Ковальский
19	дочь Атанислава	42	Анофрий Буйницкий
20	дочь Антонида	43	Франциска Адамова [...]
21	Николай Викентьевич Лапинский	44	Казимирь Малиновский,
22	жена его: Михалина Иванова дети их:	45	Цезарий Шейстовский
23	Сыновья: Осян	46	Иосиф Франковский

* НАРТ. Ф. 709. Оп. 6. Д. 4. Л. 130.

Таблица 6

Список лицам Римско-католического исповедания, проживающим в г. Красноуфимске и Красноуфимском уезде*

№	Имя, фамилия	№	Имя, фамилия
1	краснеуфимский земский исправник Болеслав Станиславович Макаревич	33	Константин Лашевский
2	его жена Соломия Генриховна	34	Иван Савинский
3	земский врач Леон Ущатовский	35	Филип Здраковский
4	купец 2 гильдии Яков Осипович	36	Федор Кучинский

	Бедлинский		
	<i>Ксендзы:</i>	37	Осип Микутский
5	Антон Гуцевич	38	Станислав Левданский
6	Феликс Лисецкий	39	Антон Шрейдер
7	Иван Бржостович	40	жена его Марциана
8	Теофил Святловский	41	дети их: Константин
9	Михаил Грекович	42	Владимир
	<i>отставные и бессрочноотпускные нижние чины:</i>	43	Павлина
10	Александр Маминский	44	Екатерина
11	Казимир Гирдзюс	45	Ипполит Ярошевский
12	Ян Янковский	46	Адам Давнорович
13	Якуп Маковский	47	Михаил Заневский
14	Иван Войнаровский	48	Степан Захаревич
15	Ян Апалька	49	Антон Стуллина
16	других званий	50	Иван Квятковский
17	Каэтан Ушаповский	51	Антон Вишеваты
18	Адам Спирадович	52	Иван Григорович
19	Владислав Седлиский	53	Людвиг Рушковский
20	Людвиг Зальцман	54	Тимофей Швец
21	Эраст Кошалковский	55	Игнатий Банковский
22	Густав Гнотовский	56	Илларию Терлецкий
23	Антон Немиро	57	Михайло Гинейко
24	Михаил Шуневич	58	Женета Марицкевич
25	Петр Модзелевский	59	её дети: Евгений
26	Игнатий Шукшта	60	Мария
27	Мамерт Игнатович	61	Людвиг Окинчиц
28	Александр Грамоль	62	Фортунат Цвезинский
29	Мартын Вишневецкий	63	Федот Федосеев Буйницкий (дворянин)
30	Ян Рышкевич	64	Михаил Иванов Цедронский (дворянин)
31	его сыновья: Альфонс	65	Константин Антонов Коплевский
32	Лев	66	Степан Захаревич
		67	земский врач Барановский

* НАРТ. Ф. 709. Оп. 6. Д. 4. Л. 131 – 132.

Таблица 7

**Список лицам Римско-католического исповедания, проживающим в
Екатеринбургском уезде***

№	Имена и фамилии	число членов семьи		Место проживания
		муж. пола	жен. пола	
1	дворянин Александр Иванович Дзеконский	1		Невьянский Завод

2	майор Людвиг Тачицкий	1	1	Верх-Исетский завод
3	Иван Михайлов. Цеховский	1		
4	Анисим Егоров. Келер	1		
5	дворянин Владислав Францов Духчицкий	1		Кыштымский завод
6	колежский ассесор Иван Андреев Свинцкий	2	2	
7	инженер капитан Эдмунд Ксавериев Карево	4	3	с. Куяшское
8	дворянин Станислав Нейман	1		Кывтымский завод
9	Семен Антонов Урбанович	1		с. Куяшское
10	французский подданный Октавий Сейдель	1		Пышминский завод
11	солдатка Устилья Галинбаевская	1	2	
12	Константин Антон Осипович	2	5	Сысерт
13	Австрийский подданный Иван Иванович Дусан	1		Арамиль

* НАРТ. Ф. 709. Оп. 6. Д. 4. Л. 138 об.

Таблица 8

Список лицам Римско-католического исповедания, проживающим в г. Чердынь*

№	Имя, фамилия	№	Имя, фамилия
1	помощник Чердинского уездного исправника Фома Матвеевич Шимкевич	20	Осип Шипулинский
2	чердинский уездный врач Владислав Михайлович Оржельский	21	Антон Чернявский
3	судебный следователь Адам Фадеевич Матусевич	22	Александр Березовский
4	вишерский лесничий Иван Игнатъевич Збарышевский	23	жена Березовского Паулина
5	Мировой Посредник Николай Васильевич Зварковский	24	Павел Кишкевич
6	ксендз Виктор Мастицкий	25	Дементий Войновский (в отлучке)
7	ксендз Зефирин Заромбский	26	Франц Косинский
8	ксендз Марьян Масинский	27	Августин Гаевский
9	ксендз Петр Мечинский	28	Сусанна Гаевская
10	нижние чины местной команды	29	Владислав Гаевский
11	Маркел Чондрук	30	Степан Острожинский
12	Щелам Сигула	31	Семен Заровский
13	Леон Езерский	32	Елена Ляхович (в тюрьме)
14	Иван Дзюгель	33	Андрей Пихтурно
15	Петр Пилка	34	Яков Госко
16	Станислав Бороновский	35	Франц Калиновский
17	Франц Сальсюль	36	Осип Зайкевич в отлучке
18	<i>ссылъные под надзором полиции:</i> Осип Носевич	37	соликамский мещанин Леон Мащкевич
19	Осип Стронский (в тюрьме)		

* НАРТ. Ф. 709. Оп. 6. Д. 4. Л. 279.

**Список лицам Римско-католического исповедания, проживающим в г. Оханске,
1878 г.***

№	Имя, фамилия	возраст	Семейное положение	Место рождения
1	Оханский уездный врач надворный советник Иосиф Викентьевич Братковский	62	вдов	город Вильна
2	Сосланный под надзор полиции Иосиф Иосифович Новоминский	19	холост	Пётроковская губерния, г. Пётроков
3	Сосланный под надзор полиции Болеслав Викентьевич Козловский	?	женат, семейство проживает в полтавской губернии	Полтавская губерния
4	Отставной унтер офицер Иван Пантелеевич Шнайдер	80	холост	Прусское Королевство, Опольская губерния, Любцицкий округ дер. Цимхович
5	Оханский мещанин Каетан Францович Бугдзевич	67	женат, жена на родине	Ковенская губерния и уезд
6	Отставной рядовой Матвей Ефимов Карпов	50	холост	Ковенская губерния и уезд
7	Отставной рядовой Фабриан Станиславович Чубак	63	женат, жена и дочь вероисповедания православного	Варшавская губерния, Конинский уезд дер. Брузин
8	Отставной рядовой Томаш Александрович Сачковский	66	женат, жена и дети, вероисповедания православного	Сувалкская губерния Местечка [...]
9	Солдатская жена Алимпиада Осипова Коротаява	68	имеет мужа, вероисповедания православного	Царство Польское, город Варшава
10	Отставной рядовой Францис Лопатинский	за отсутствием оных лиц места жительства их, семейное положение и место родины их не известны		
11	Отставной рядовой Яков Гусинский			

* НАРТ. Ф. 709. Оп. 6. Д. 4. Л. 291.

Заключение

Опубликованные выше списки уже с первого взгляда обращают внимание исследователя на деформацию фамилий посредством перемены окончаний и неуважение к подлинному написанию. В отношении к именам и отчествам русификация принимает даже формы перевода имен на русский язык. Такие признаки затирания польской традиции в целом не меняют наше мнение о Российской империи как о государственной машине, которая с перспективы позднейших гонений и зверств Советского союза, представляется нам цивилизованным и почти гуманным государством. Изначально выдающим его элементом была русификация посредством религии. Прозелитизм и миссионерство закреплялись в законе лишь за Православной церковью и запрещались другим, даже

христианским церквам. Ожидаемым последствием государственной политики в области, как покорения местных народов, так и управления ссыльными и колонистами было обращение и, конечно, переход на православие.

Список литературы:

1. *Historia Kościoła Rzymskokatolickiego w Imperium Rosyjskim (XVIII–XX w.) w dokumentach Rosyjskiego Państwowego Archiwum Historycznego* / [red. naczelny Krzysztof Pożarski] ; Federacyjna Archiwalna Służba Rosji, Rosyjskie Państwowe Archiwum Historyczne, Parafia św. Stanisława. Sankt Petersburg : Strojizdat SPb ; Warszawa : [Wspólnota Polska], 1999. 289 s.

2. *Historia Kościoła Rzymskokatolickiego w Rosji i Polsce w dokumentach archiwów, bibliotek i muzeów Sankt Petersburga : zarys-przewodnik* / [red. naczelny Krzysztof Pożarski i.e. Pożarski ; tł. z jęz. ros. Jadwiga Frołowa] ; Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych, Stowarzyszenie "Wspólnota Polska", Parafia św. Stanisława. Warszawa : Strojizdat SPb ; Warszawa : [Wspólnota Polska], 2000. 655 s.

3. *Radwan, M. Ecclesiastica w Rosyjskim Państwowym Archiwum Historycznym w Sankt Petersburgu* / Marian Radwan. Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II, cop., 2008. 657 s.

4. *Radwan, M. Kościół katolicki w archiwach Departamentu Wyznań Obcych rosyjskiego MSW : repertorium* / Marian Radwan. Lublin : Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2001. 197 s.

5. *Radwan, M. Repertorium wizytacji kościołów i klasztorów w archiwach petersburskiego Kolegium Duchownego (1797-1914)* / Marian Radwan. Lublin : Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1998. 230 s.

6. *Харитонова, А. Д. Ссылные поляки в Кунгуре* / А. Д. Харитонова // Пермская губерния: история, политика, культура, современность: по материалам международной науч.-практ. конф. Кунгур, 1997.

7. *Кадырметова, Н. Н. Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX в. по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 200 с.*

8. *Липаков, Е. В. История католического прихода в Казани. Историко-архивные исследования* / Е. В. Липаков, Г. Г. Нугманова. Казань, 1997. 47 с.

9. *Суржикова, Н. В. Военный плен в российской провинции (1914-1922 гг.)* / Н. В. Суржикова. М., 2014. 422 с.

10. *Шофман, А. С. Казанский университет польский просветитель Ян Верниковский* / А. С. Шофман // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX-начало XX вв.). Материалы конференции в Казани 13—15 октября 1993 г. Варшава, 1995. С. 75 – 80.

11. *Рузевич, Е. Поляки в университете и ветеринарном институте Казани* / Е. Рузевич // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX-начало XX вв.). Материалы конференции в Казани 13—15 октября 1993 г. Варшава, 1995. С. 69 – 74.

12. *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904 гг.) : Факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера. В 2-х частях* / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. 1038 с.

13. *Syunczuk, R. Polska profesura w przestrzeni intelektualnej Cesarskiego Uniwersytetu Kazańskiego (1820-1870)* // *Myślą i słowem. Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku* / pod red. Łukasza Adamskiego i Sławomira Dębskiego ; Centrum Polsko-

Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia. Warszawa : Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2014. С. 425-452.

14. *Гатилова, А. В.* Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском Императорском университете / А. В. Гатилова // Вестник КГУКИ. № 3. Казань, 2011. С. 94 – 99.

15. *Гильмутдинова, О. М.* Петр Зейфман – первый директор Казанского Ветеринарного Института / О. М. Гильмутдинова // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX- начало XX вв.). Материалы конференции в Казани 13—15 октября 1993 г. Варшава, 1995. С. 117 – 122.

16. *Горизонтов, Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX - начало XX в.) / Л. Е. Горизонтов. М. : Индрик, 1999. 272 с.

17. *Шостак І.* Особливості розвитку відносин між Російською імперією та Ватиканом протягом першої половини XIX століття / І. Шостак // Наукові записки. Серія «Історичні науки». Вип. 20. Острог, 2013. С. 202 – 206.

18. *Верт, П.* Трудный путь к католицизму. Вероисповедная принадлежность и гражданское состояние после 1905 г. / П. Верт // Lietuvos kataliku mokslo akademijos metraštis. T. 26. 2005. С. 447 – 475.

19. *Szabaciuk, A.* „Rosyjski Ulster” : kwestia chełmska w polityce imperialnej Rosji wobec Królestwa Polskiego w latach 1863-1915 / Andrzej Szabaciuk. Lublin : : Wydawnictwo KUL : Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2013. 308 s.

20. *Машковцев, А. А.* Католические военные капелланы Казани в 60—90-х годах XIX века / А. А. Машковцев // Армия и общество [Электронный ресурс] URL : [http : //history.milportal.ru/2012/12/katolicheskie-kaPELLany-kaz](http://history.milportal.ru/2012/12/katolicheskie-kaPELLany-kaz)

21. *Машковцев, А. А.* Католические военные капелланы Казани в 60-90-х годах XIX века / А. А. Машковцев // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 56 – 59.

22. *Машковцев, А. А.* Католическое духовенство в казанской ссылке: система административно-полицейского контроля / А. А. Машковцев // История государства и права. 2013. № 23. С. 52 – 56.

23. *Caban, W.* Piotr Ściegienny – rewolucjonista w sutannie / W. Caban, M. Kalwat // Historie kieleckie [Źródło elektroniczne] URL : www.historiekieleckie.blox.pl.

24. *Пермские поляки* / ред.-сост. В. Гладышев. Пермь : Раритет - Пермь, 2001. 127 с.

25. *Козлова, В. Ю.* Город и городское население пермского Прикамья второй половины XIX в. в социальном, культурном и этническом измерениях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В. Ю. Козлова. Пермь, 2011. 254 с. Приложения с. 1- 100.

26. *Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии* / Под ред. А. В. Черных. СПб. : Изд-во «Маматов», 2009. 304 с.

27. *Козлов-Струтинский, С.* Пермь / С. Козлов-Струтинский // Католическая Энциклопедия. Т. III. М., 2007. С. 1402 – 1403.

28. *Мосунова, Т. П.* Под покровительством Св. Анны: К 120-летию основания прихода римско-кат. церкви г. Екатеринбург / Т. П. Мосунова. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1996. 23 с.

29. *Козлов, С.* Екатеринбург / С. Козлов, П. Чистяков // Католическая Энциклопедия. Т. I. М., 2002. С. 1804 – 1805.

30. *Метрики* (общие акты состояний) у православных (по ведомствам епархиальному и военно-духовному), инославных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан. акты гражданского состояния в Царстве Польском. сост. Л. П. Новиков. СПб, 1907. 294 с.

31. *Лиценбергер, О. А.* Аннотированная опись дел Коллекции документов римско-католических церквей (1789-1934 гг.). Государственный исторический архив немцев Поволжья / О. А. Лиценбергер, Е. М. Ерина. Саратов: "Издательский Дом "MapK", 2009. 156 с.

A. Gorak

**The lists of Catholics in Perm province in the nineteenth century.
The research potential**

Summary: Article is devoted to the history of the Catholic Church in the Perm province, which in this respect has been associated with the center of 4 District Internal Guard troops in Kazan. The author draws attention to the parish registers Kazan Catholic parish and lists of persons Catholic compiled in the 70s. XIX century. for districts and counties of the Perm province.

Key words: The Russian Empire, the Catholic Church, Perm Province, Kazan military district, parish registers, lists of Catholics.

Maria Curie Skłodowska University (Plac Marii Curie-Skłodowskiej 5, 20-031 Lublin; tel: +48 (81) 537 51 00; e-mail: insthist@poczta.umcs.lublin.pl)

УДК 94(571.1)(=162.1)«189/192»

Л. К. Островский

**ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ПРИНИМАЮЩИМ ОБЩЕСТВОМ)**

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы численности и состава польской политической ссылки в Западную Сибирь рубежа XIX–XX вв. В центре внимания автора находится социальный состав польских ссыльных и их материальное положение. Исследование этой стороны жизни ссыльных важно с точки зрения их взаимоотношений с местным населением. Приводятся сведения об изменении состава ссылки с началом Первой мировой войны. В целом делается вывод о доброжелательных отношениях между ссыльными и местным населением, о влиянии ссыльных на развитие традиционных занятий местного населения. Центральным для ссыльных был вопрос выживания в условиях ссылки. Оказавшись в ссылке, поляки и русские создавали артели, совместные мастерские. В преодолении трудностей и лишений, с которыми ссыльные встречались в Сибири, большую помощь им оказывало местное население и польские общественные организации. Автор статьи считает важной проблему удовлетворения культурных запросов ссыльных. Создание школ, библиотек, драматических кружков и театров сыграло большую роль не только в жизни ссыльных, но и местного населения.

Ключевые слова: польские ссыльные, Западная Сибирь, конец XIX – начало XX вв.

Исследователи справедливо обращают внимание на то, что численность польского населения в Сибири зависела с одной стороны от численности ссыльных и прибывших добровольно в Сибирь переселенцев [1, с. 93]. В XIX в. среди поляков, прибывавших в Сибирь, преобладали политические ссыльные. После Январского восстания в период с

1863 по 1872 гг. было сослано по данным российских и польских исследователей от 22 тыс. до 24 тыс. человек [2, с. 46].

В конце XIX в., преимущественно с 1890-х гг., состав польского населения Сибири меняется качественным образом. С этого времени началась активная добровольная миграция польского населения в Сибирь. Таким образом, наряду со ссыльными в Сибирь прибывали добровольные переселенцы: служащие, офицеры русской армии, купцы, ремесленники, рабочие и крестьяне. Важно отметить, что с Сибирью поляки связывали не только надежды улучшить свое материальное положение, сделать карьеру, но и избежать крайностей в этнической политике государства, с которыми они сталкивались в западных регионах страны.

Однако поток политических ссыльных за Урал на рубеже XIX–XX вв. полностью не прекратился. В период с 1890-х гг. и до февраля 1917 г. в Сибирь были сосланы представители 18 польских политических партий и течений. Несмотря на пестроту партийного состава польской политической ссылки, имеющийся фактический материал позволяет нам сделать следующие выводы: в 1895–1904 гг. наиболее представительной группой среди польских ссыльных были социал-демократы, на втором месте находились члены «Союза польского народа». Третью по численности группу составляли члены ППС. С 1906 по 1917 гг. наиболее многочисленной среди ссыльных поляков была группа членов ППС. Среди политических ссыльных были члены небольших подпольных организаций. Так, ссыльный Михаил Новак был осужден Киевским военно-окружным судом за принадлежность к тайной организации, которая ставила своей целью оторвать Польшу от России и присоединить польские земли к Австро-Венгрии [ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 199. Л. 381].

Установить точное число поляков, сосланных в Сибирь в конце XIX – начале XX вв., не представляется возможным. Тем не менее, автор данной работы предпринял попытку продвинуться в данном направлении. Нами, на основании анализа широкого круга источников, установлены имена более 2 тыс. польских политических ссыльных и каторжан, сосланных в Сибирь в период с 1890 по февраль 1917 гг.

В различные годы изучаемого нами периода количество польских политических ссыльных в Сибири было разным. По нашим данным, в период с 1890 по 1904 гг. в Сибирь было направлено 147 польских политических ссыльных, с 1905 по 1907 гг. – 560, с 1908 по 1914 гг. – 1351, с 1915 по февраль 1917 гг. – 113 человек. Как видим, более половины всех сосланных в Сибирь в рассматриваемый период приходится на годы «реакции», то есть период после поражения революции 1905–1907 гг. и до начала Первой мировой войны. Среди социальных групп преобладали рабочие, которые составляли в разные периоды от 35,4 % до 55% всех учтенных ссыльных. Обращает на себя внимание небольшой процент крестьян среди польских ссыльных, что было характерно для политической ссылки данного периода [3, с. 21–22]. Зато значительной была доля среди политических ссыльных учащихся и интеллигенции. В 1890–1904 гг. они составляли 26,3% всех учтенных польских политических ссыльных.

После поражения революции 1905–1907 гг., в Тобольскую и Томскую губернии, была направлена огромная масса сосланных в административном порядке (873 человека), а губернии Восточной Сибири стали местом поселения ссыльнопоселенцев. В Западной Сибири, в 1905 г., в Тобольском уезде в ссылке находилось 177 польских политических ссыльных [ГУТО ГАТ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–73].

В целом доля поляков среди ссыльных была высокой. По подсчетам Е. Никитиной в 1908 г. доля русских и украинцев в ссылке составляла 60%, а в целом в населении России – 69%. Доля поляков в этот период в ссылке – 12%, а в населении страны – 6% [ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 22. Л. 1]. В период с 1906 по 1909 гг. доля поляков среди административно-ссыльных составляла 34,9%, а к 1913 г. она сократилась до 12,8%. Гораздо

меньше насчитывалось поляков среди осужденных на каторгу и поселение (7,2% и 7,6%) [4, с. 257].

В конце XIX – начале XX вв. весь контингент политических ссыльных делился на три группы: административно-ссыльные, ссыльнопоселенцы за государственные преступления по суду и ссыльно-поселенцы, отбывшие каторгу. Административно-ссыльные получали пособие от казны, а для ссыльно-поселенцев, которые не получали пособия, главным источником существования был собственный заработок.

Пособие административно-ссыльных составляло от 1 руб. 80 коп. до 11 руб. в месяц для привилегированных. Кроме этого пособия политическому ссыльному в год выдавалось «одежных» от 25 до 35 руб. Пособия не хватало иногда для уплаты за комнату, так как минимум квартирной платы колебался от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. в месяц [5, с. 41, 48].

Вследствие того, что основная масса ссыльных расселялась в районах слабо развитых в социально-экономическом отношении, многие оставались без работы, и, следовательно, терпели материальные трудности. Ссыльные брались за любую работу. Многие из них нанимались в батраки, работали на жнивье, покосе, молотье [ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 340а. Л. 43], извозчиками у крестьян, сбывавших свою продукцию в городах [ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 776. Л. 45], на заготовке дров для местной «аристократии» – попа, урядника, хозяина магазина [6, с. 78], выполняли работу по хозяйству (рубка дров, ношение воды и т.д.) [7, с. 243–244], занимались сбором кедрового ореха [8].

Обострению материальной нужды политических ссыльных зачастую способствовала и царская администрация, задерживая выдачу «кормового» и «одежного» пособия. Например, член Государственной Думы Белоусов в 1908 г. из г. Нарыма прислал просьбу от собрания ссыльных сделать запрос правительству о причинах задержек, как кормового, так и одежного довольствия политическим ссыльным Нарымского края. Выдача летней и зимней одежды задерживалась на месяцы. В письме говорилось об особенно тяжелом положении польских рабочих (несколько сот человек), которые были сосланы в Нарымский край «с поистине невразумительной поспешностью», а многим из ссыльных поляков «придется зимовать буквально в одних пиджаках» [9, с. 56].

Оказавшись в ссылке, поляки и русские создавали артели, совместные мастерские. Ряд таких предприятий, организованных ссыльными, существовал в с. Колпашево Нарымского края. В годы «реакции» (1907–1913 гг.) польские ссыльные организовали здесь булочную, кузню и столярную мастерскую, которые, по словам ссыльной Э. Тенненбаум, «находят отклик среди крестьян. Таким образом, политические ссыльные волей-неволей насаждают культуру» [10, с. 75, 79].

Ссыльные оказали некоторое влияние и на развитие таких традиционных занятий местного населения, как рыболовство и охота. Проживая в глухой, таежной местности ссыльные много занимались рыболовством, охотой, заготовкой леса. В. Ногин писал в своих воспоминаниях, что ссыльный Якутской области Казимеж Петкевич, страстный охотник и рыбак, «научил местных жителей одному способу рыбной ловли, которым они пользуются и теперь» [11, с. 166].

Большой интерес представляют формы адаптации политических ссыльных в Сибири. Известны случаи, когда политические ссыльные, попавшие в Сибирь в период с 1890 по 1917 гг., становились в Сибири предпринимателями. Например, сосланный в Сибирь за принадлежность к партии «Пролетариат» С. Битнер, имел в г. Чите два участка земли, изразцовый завод, кузницу и вдобавок занимался торговлей [ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1(пол.). Д. 1088. Л. 299–300].

Одним из распространенных видов бизнеса в тот период являлась торговля вином, которой занимались некоторые из ссыльных [ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 825. Л. 51]. Политические ссыльные, занимавшиеся торговлей вином, подвергались бойкоту со стороны своих товарищей. Для определения степени виновности и меры наказания ссыльные создавали

товарищеские суды. Так, в с. Инкино Нарымского края двое административно-ссылных поляков занимались торговлей вином. На общем собрании ссылных было принято решение объявить виноторговцам бойкот [ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 2419. Л. 8–8 об.].

С началом Первой мировой войны более разнообразным становится состав ссылных, направляемых в Сибирь. С 1914 г. из Польши и Западных губерний России в Сибирь в административном порядке стали поступать ссылные, которых высылали на время военных действий. Военный генерал-губернатор г. Варшавы на основании пункта 17 статьи 19 «Правил о местностях, состоящих на военном положении», принимал решение о высылке в Сибирь лиц, которые отличались «вредной для общественного порядка и спокойствия» деятельностью [ГУТО ГАТ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 170. Л. 4].

В основном среди данной группы ссылных находились уголовные и полууголовные элементы. В отношении высылаемых в Сибирь за «порочное поведение» власти не устанавливали надзора в лице особых надзирателей, которые нанимались для наблюдения за политическими.

22 декабря 1914 г. Варшавский полицмейстер согласно резолюции начальника Двинского военного округа и на основании статьи 19 «Правил о местностях, объявленных на военном положении», постановил выслать на время действия военного положения в Томскую губернию под надзор полиции группу лиц из 40 человек. В состав данной группы входили уголовники, осужденные в разные годы за кражи [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 433. Л. 1–2; Д. 431. Л. 2; Д. 430. Л. 2; Д. 429. Л. 2; Д. 435. Л. 4].

Главный начальник Киевского военного округа в феврале 1915 г. приказал выслать в Заволжские губернии всех проституток, а также всех продающих спиртные напитки. В числе ссылных могли оказаться обычные обыватели. К примеру, жительница г. Ровно Юзефа Марчук, сосланная в административном порядке в Нарымский край, жаловалась, что была наказана за найденные у нее бутылки вишневого настояки [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 413. Л. 1–3].

В Сибирь в ссылку с началом войны прибывают военнообязанные поляки, которые являлись гражданами Германии и Австро-Венгрии. Во второй половине 1914 г. российские власти депортировали из Царства Польского около 25 тысяч поляков, которые были подданными Австро-Венгрии и Германии, в качестве гражданских пленных [12, с. 280].

С началом Первой мировой войны губернаторы западных прифронтовых губерний руководствуясь пунктом 17 статьи 19 о местностях, объявленных состоящими на военном положении, подвергают высылке в Сибирь на время военного положения тысячи людей. Значительное количество военнообязанных поляков граждан Германии и Австро-Венгрии оказалась в ссылке в городах Тобольск, Тюмень и Курган Тобольской губернии, где они находились под надзором полиции. В 1915 г. ссылаясь на циркуляр Министерства внутренних дел, по которому военнообязанным славянам разрешалось повсеместное пребывание на территории России, польские ссылные обращаются с прошениями о разрешении на переезд из места ссылки в губернии Европейской России. Как правило, военнообязанные просили разрешения на переезд к родственникам или для поисков работы, которую они не могли найти по месту ссылки. Так, уроженец Люблинской губернии Владислав Кнайдровский, сосланный в г. Тюмень, в январе 1916 г. обращался с просьбой к властям о разрешении выехать к брату, проживавшему в Харьковской губернии [ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 34. Д. 1052. Л. 18].

Многие поляки были высланы в Томскую губернию как заподозренные в военном шпионаже. В результате отступления русской армии в 1915 г. на территории Королевства Польского и Галиции было арестовано и сослано в Сибирь большое количество людей, заподозренных в шпионаже или в негативном отношении к России [13, с. 304].

Часть высланных на время военных действий оказалась в ссылке в Нарымском крае. Так, Елизавета Барановская была выслана из Екатеринославской губернии в

Нарымский край с тремя маленькими детьми. Находившаяся в ссылке в 1916 г. в с. Колпашево семья Барановской оказалась в бедственном положении, так как данная категория ссыльных не получала казенного пособия [ГАРФ. Ф. Р-5115. Оп. 1. Д. 277. Л. 12].

На гражданских пленных накладывались различные правовые и административные ограничения. Они не могли селиться в городах, вести переписку на родном языке, не могли свободно передвигаться по территории губернии, их неохотно принимали на работу, что было связано с полицейскими предписаниями и с негативным отношением к ним местного населения. В марте 1915 г. власти издали распоряжение, которое отменяло часть ограничений, касавшихся гражданских пленнх славян [13, s. 307–308].

Говоря о жизни и деятельности политических ссыльных в Сибири, нельзя обойти молчанием вопрос их взаимоотношения с местным населением. Ссыльные работали в Сибири врачами, учителями, оказывали местным крестьянам разные услуги. Они писали за неграмотных крестьян письма, прошения, жалобы, протесты, давали советы и т.д. К примеру, ссыльный с. Христорождественского Канского уезда Енисейской губернии Тренкнер имел тайное соглашение с крестьянами села. Становой пристав 3-го стана Канского уезда 28 июля 1901 г. доносил, что «Тренкнер два раза обращался к мировому судье 4-го участка с словесным заявлением, что он имеет подать от имени Христорождественского общества какой-то иск к местному крестьянскому начальнику» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 3651. Л. 14]. Тренкнера крестьяне приглашали на сход для ведения их дел, поэтому становой пристав предлагал удалить ссыльного из с. Христорождественского в более отдаленное место.

Одним из добровольных корреспондентов крестьян являлся ссыльный В. Ястшембский [14, s. 428]. Другой характерный в этом плане пример приводит в своих воспоминаниях ссыльный М. Багаев, находившийся в селении Харат Иркутской губернии в годы русско-японской войны. Он вспоминал: «Особенно близко сошелся с крестьянами я и отчасти Рубинштейн (член партии ППС). Это сближение наше произошло на почве писания писем на театр военных действий и писания прошений о выдаче солдатам пособий за призванных в армию» [ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1038. Л. 12 об.].

Местные жители выражали ссыльным и каторжанам свое сочувствие. Сосланный на каторгу в Тобольскую губернию в 1907 г. Станислав Мартыновский вспоминал, что, встречая этап, женщины вручали каторжанам подарки со словами: «Вспомни моего мужа» или «Вспомни моего сына». По прибытии в г. Тобольск, народ, встречая ссыльных, дарил им папиросы и конфеты. Но беглых выдавали властям, поскольку за поимку беглеца выплачивали три рубля, а за его голову – пять рублей [15, s. 38].

Юзеф Плебанек, сосланный в 1907 г. в Якутскую область, так описывал дорогу из Александровского централа в г. Якутск: «На некоторых остановках люди угощали нас чаем, мясом, рыбой, маслом и чем только кто мог, а вместо денег просили спеть революционные песни» [16, s. 112].

Необходимо заметить, что обычно взаимоотношения между крестьянами и ссыльными были хорошими. Ссыльные поляки указывали на отсутствие у местных крестьян национального шовинизма, вражды к представителям других национальностей [17, s. 157]. Польские ссыльные Ю. Шинкелевский, И. Лисовский, Г. Радлинская и др. отмечали в своих воспоминаниях следующие черты характера, присущие сибирскому крестьянину: доброта, гостеприимность и приветливость, благородство, а также твердый характер и упрямство [18, s. 62]. Польский ссыльный В. Гавронский, сосланный в г. Нарым, отмечал доброту «чалдонов», которые помогли ему справиться с болезнью, помогали ссыльным и своим односельчанам, попавшим в трудное положение [19, s. 375].

Конечно, нельзя представлять взаимоотношения ссыльных с местным населением как идеальные, лишенные противоречий и конфликтов. У некоторых ссыльных поляков ненависть к царизму сочеталась с ненавистью ко всему русскому. Среди ссыльных поля-

ков бытовало представление о России как о совершенно отсталой стране. В частности в письмах ссыльных из Сибири можно было встретить такие слова: «Живем очень плохо среди полудикарей. Скучаем мы здесь ужасно» [ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 340а. Л. 135].

Сближению ссыльных с сибирскими крестьянами препятствовало и то, что среди ссыльных встречались полууголовные, занимающиеся в ссылке грабежом, пьянством, развратом. Часто свои преступления ссыльные объясняли тяжелыми условиями жизни. Газета «Сибирская жизнь» от 3 сентября 1911 г. рассказывала, что двое рабочих поляков попали на скамью подсудимых за воровство. На суде они рассказали, что попали в безвыходное положение, так как цена хлеба составляла 1руб. 50 коп. пуд, а пособие – 6 руб. 30 коп. Притом, что крестьяне не хотели брать ссыльных на работу [20]. В с. Новоильинском Нарымского края дело дошло до того, что крестьяне на сходе, в котором «участвовала и группа интеллигентных ссыльных», решили выселить из своего села 18 человек, исключительно поляков, замеченных в разбойном поведении» [21].

Конфликтная ситуация складывалась в 1913–1914 гг. и в с. Каргасок Нарымского края, где крестьяне подозревали в нескольких кражах денег и товаров из лавки местных торговцев административно-ссыльных Ю. Петрушко и Ф. Галонзко. В результате оба подозреваемых были взяты под стражу. Срок ссылки Ю. Петрушко заканчивался в сентябре 1914 г., но средствами для проезда на родину он не располагал. Возможно, что именно это обстоятельство было одной из причин преступления [ГАТО. Ф. 419. Оп. 5. Д. 103. Л. 18–25об.].

Имели место случаи, когда местная администрация, служители культа настраивали крестьян против ссыльных. Ю. Шинкелевский, сосланный вместе с группой товарищей в 1909 г. в Тобольскую губернию, был назначен на жительство в с. Озерное Тарского уезда. Шинкелевский вспоминал, что крестьяне встретили ссыльных настороженно, недружелюбно. «Потом мы узнали, – писал он, – что это поп настроил людей против нас. Именно, объявил в церкви, что в деревню придут разбойники из Польши. Несколько месяцев прошло, прежде чем местные жители прониклись доверием к нам» [22, с. 185].

По воспоминаниям Станислава Мартыновского, сосланного на каторгу в г. Тобольск, польская колония Тобольска и окрестностей оказывала помощь заключенным [15, с. 39]. Таким образом, в преодолении трудностей и лишений, с которыми ссыльные встречались в Сибири, большую помощь им оказывало местное население (крестьяне, бывшие повстанцы 1863 г., польские общественные организации).

Удовлетворению культурных запросов ссыльных служили школы, библиотеки, драматические кружки и театры. Один из драматических кружков создали где-то в конце 1909 или начале 1910 г. польские политические ссыльные в с. Тогур Нарымского края. В его состав вошли Б. Рудинский, А. Зейлер, З. Блонский, С. Тарас, К. Фабишевский, К. Дура и другие ссыльные. Члены кружка в коллективном прошении на имя Томского генерал-губернатора от 25 марта 1910 г. указывали, что кружок «всю зиму почти еженедельно в селе Тогур устраивал любительские спектакли». Всем 15 участникам кружка срок ссылки заканчивался и, желая заработать денег на обратный путь, они просили разрешения дать несколько спектаклей на польском языке в г. Томске [ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 776. Л. 136]. В том же Нарымском крае в 1908 г. существовала польская труппа театра политических ссыльных, а вообще театр в с. Колпашево имел еще еврейскую и украинскую труппы. По свидетельству Э. Тенненбаум, чистый доход от одного спектакля составлял около 18 руб. и шел на культурные цели: увеличение библиотеки, покупку диапозитивов. Колпашевский театр, к сожалению, был вскоре закрыт по распоряжению губернатора [23].

По воспоминаниям ссыльного Гавроньского купец Родинков предоставил ссыльным помещение под театр, игрались два польских спектакля, поставленных Голинским. Из русских авторов ставились произведения Толстого, Андреева и Гоголя. Купцы помо-

гали Гавроньскому получить реквизиты, а губернатор Нолькен отмечал, что «Ревизора» ссыльные ставили лучше, чем в г. Томске [19, s. 374].

В заключение необходимо отметить, что польская политическая ссылка в Сибирь конца XIX – начала XX вв. носила качественно иной характер, чем ссылка после восстания 1863–1864 гг. Во-первых, численность ссыльных поляков резко сокращается. Во-вторых, происходят качественные перемены в составе польской ссылки в Сибирь. По партийному составу поляки, прибывавшие в ссылку на рубеже XIX–XX вв., представляли практически два десятка различных партий и организаций. Несмотря на пестроту партийного состава польской политической ссылки, в ней преобладали члены польских политических партий: ППС, СДКПиЛ. По сравнению с предшествующим периодом происходят перемены и в социальном составе политической ссылки, которая стала носить «пролетарский» характер. Среди ссыльных по социальному составу преобладали рабочие, которые составляли в разные периоды до 55% всех учтенных ссыльных. Значительной, в составе политической ссылки, была доля учащихся и интеллигенции. В 1895–1904 гг. они составляли более четверти всех учтенных польских политических ссыльных. Возрастной состав политической ссылки характеризовался преобладанием молодежи над людьми старших возрастов.

С началом Первой мировой войны состав ссылки в Сибирь претерпевает существенные изменения. С одной стороны, политическая ссылка в Сибирь практически прекращается, с другой стороны в Сибирь начинают прибывать ссыльные уголовники, которых отправляли в Сибирь из местностей, которые находились на военном положении. Также в Сибирь начинают прибывать люди, сосланные из Западных губерний за шпионаж в пользу Германии и ее союзников. Польские ссыльные принимали участие в рабочем движении в Сибири, а после свержения царизма принимают активное участие в политической борьбе в составе социалистических партий.

Список литературы:

1. *Оплаканская, Р. В.* Польская диаспора в Сибири в XIX веке / Р. В. Оплаканская // Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв. : Сб. мат-лов межрегион. тематич. чтений «История и культура поляков Сибири». Красноярск : Красноярский культурно-исторический музейный комплекс, 2007. С. 89–99.
2. *Недзелюк, Т. Г.* На пути к гражданскому обществу: католики на востоке Российской империи (рубеж XIX–XX вв.) / Т. Г. Недзелюк. Новосибирск : СибАГС, 2011. 164 с.
3. *Хазиахметов, Э. Ш.* Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (Облик, организации, революционные связи) / Э. Ш. Хазиахметов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. 183 с.
4. *Kaczyńska, E.* Polacy w społecznościach syberyjskich (1815–1914). Zagadnienia demograficzno-socjologiczne / E. Kaczyńska // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / pod red. Antoniego Kuczyńskiego. Wrocław : Silesia, 1998. S. 253–264.
5. *Комков, В.* Сухая гильотина. (Очерк современной политической ссылки в России) / В. Комков // Образование. 1908. № 8. С. 34–52.
6. *Dąbski, J.* Pół wieku wspomnień / J. Dąbski. Katowice : Śląsk, 1960. 166 s.
7. *Nowosiński, S.* Z czasów rewolucji 1905 roku, i późniejszych walk o niepodległość Polski / S. Nowosiński // Niepodległość. T. VI. Zesz. 2. 1932. S. 243–244.
8. *Сибирская жизнь.* 1910. 22 авг.
9. *Из портфелей* сибирских депутатов. К положению нарымских ссыльных // Сибирские вопросы. 1908. № 35–36. С. 55–56.
10. *Тенненбаум, Э.* По тюрьмам из Лодзи в Нарымский край / Э. Тенненбаум. М. ; Л. : Московский рабочий, 1926. 96 с.

11. *Ногин, В.* На полюсе холода / В. Ногин. М. : Коммунист, 1919. 196 с.
12. *Чаплицкий, Б.* Католическая благотворительность в России в 1860–1918 гг. / Б. Чаплицкий. Гатчина : СЦДБ, 2009. 427 с.
13. *Мądzik, M.* Działalność Polskiego Towarzystwa Pomocy ofiarom wojny na Syberii w latach I wojny światowej / M. Mądzik // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / pod red. Antoniego Kuczyńskiego. Wrocław : Silesia, 1998. S. 302–311.
14. *Jastrzębski, W.* Wspomnienia. 1885–1919 / W. Jastrzębski. Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1966. 602 s.
15. *Martynowski, S.* Droga do wolności. Wspomnienia z katorgi Tobolskiej / S. Martynowski. Łódź : Stow. Byłych więźniów politycznych, 1928. 2, 97 s.
16. *Plebanek, J.* Wspomnienia byłego bojowca z roku 1907 / J. Plebanek // Kronika ruchu rewolucyjnego w Polsce. 1937. T. III. № 2 (10). S. 107–117.
17. *Шаповалов, А. С.* В борьбе за социализм / А. С. Шаповалов. М. : Госполитиздат, 1957. 310 с.
18. *Radlińska, H. (H. Orsza).* Wspomnienia uczennicy i nauczycielki / H. (H. Orsza) Radlińska // Niepodległość. 1932. T. VI. Zesz. 1 (12). S. 41–63.
19. *Gawroński, W.* Na zesłaniu w Narymie / W. Gawroński // Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach polaków : 1815–1914. Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 1992. S. 372–375.
20. *Сибирская жизнь.* 1911. 3 сент.
21. *Сибирская жизнь.* 1910. 16 мар.
22. *Szynkielewski, J.* Młodość nie lęka się śmierci / J. Szynkielewski // Wspomnienia weteranów rewolucji 1905 i 1917 roku / red. Zdzisław Spieralski. Łódź : Wydawnictwo Łódzkie, 1967. S. 163–190.
23. *Теодорович, Т.* Из жизни ссыльной музы / Т. Теодорович // Красное знамя. 1968. 14 дек.

L. K. Ostrovsky

Polish exiles in Siberia in late XIX - early XX centuries (the problem of interrelation with the host society)

Summary: The article examines the size and composition of the Polish political exile in Western Siberia in the turn of XX century. The author focuses on the social composition of the Polish exiles and their financial situation. The study of this aspect of life is important from the standpoint of the exiles, of their relationship with the local community. Provides information on the changes in reference to the beginning of the First World War. It draws conclusions about the overall friendly relations between exiles and the local population about the impact of deportees on the development of the traditional activities of the local populations. A matter of survival in exile was the central problem to the exiles. Once in exile, Poles and Russian created a cooperative, collaborative workshops. In overcoming difficulties and hardships, which the exiles met in Siberia, a lot of help them to provide the local population and the Polish community organizations. The author considers the most important problems to meet the cultural needs of the exiles. The establishment of schools, libraries, theaters and theatrical circles played a major role not only in the lives of exiles, but also for the local population.

Key words: Polish exiles, Western Siberia, the end of XIX – early XX centuries.

Novosibirsk State University of Civil Engineering (Leningradskaya Str., 113, Novosibirsk, 630008, tel.: 2664282; e-mail: leo-ostrovskij@yandex.ru)

K. Latawiec

POLACY W PERMIE I OKOLICACH NA PRZEŁOMIE XIX i XX WIEKÓW W ŚWIETLE AKT STANU CYWILNEGO ARCHIWUM PAŃSTWOWEGO KRAJU PERMSKIEGO

Streszczenie: Przez wiele lat polscy i rosyjscy historycy zajmowali się tematyką Polaków w Imperium Rosyjskim. Pojawiały się prace poświęcone różnym formom ich działalności. Głównym źródłem materiałów badawczych były akta różnych organów władzy. Przeważa tu jednak materiał pochodzący z archiwów organów Ministerstwa Spraw Wewnętrznych. W badaniu małych polskich społeczności w guberni permskiej bardzo przydatnym materiałem są akta stanu cywilnego (księgi metrykalne), szczególnie zaś te wytworzone przez księży parafii rzymsko-katolickiej w Permie.

Słowa kluczowe: Polacy, akty stanu cywilnego, gubernia permska, XIX wiek.

Gubernia permska, leżąca po obu stronach pasma górskiego Uralu, tak jak inne obszary Imperium Rosyjskiego, w drugiej połowie XIX w. i na początku XX w. stała się miejscem pobytu Polaków. Interesujący nas obszar odgrywał niebagatelną rolę w dziejach monarchii Romanowów. Początkowo stanowił on wschodnie rubieże imperium. Jednak z postępującą kolonizacją granice Rosji przesunęły się daleko na wschód i południe.

Polacy zamieszkujący zachodnie rubieże Imperium Rosyjskiego, gdzie stanowili rdzenną ludność osiadłą od stuleci, z różnych przyczyn rozprzestrzeniali się po ziemiach centralnej i wschodniej Rosji. Trafiali oni również do guberni permskiej. Z biegiem czasu zaczęli tworzyć niewielkie społeczności. Należy jednak podkreślić, że liczba Polaków w guberni permskiej nigdy nie przekroczyła wartości 1% ogółu mieszkańców interesującej nas jednostki podziału administracyjno-terytorialnego kraju. Nasuwa się pytanie: jak więc badać kwestie obecności Polaków na tym obszarze przy tak śladowej obecności interesującej nas nacji? Badanie tak niewielkich społeczności nastręcza wiele trudności. O ile jesteśmy w stanie, najczęściej na podstawie różnych źródeł drukowanych w postaci *памятных книжек*, ustalić liczebność społeczności, to bardzo trudno jest poddać analizie np. strukturę społeczno-zawodową takich grup.

Wielce pomocnym źródłem umożliwiającym badania nad niewielkimi społecznościami są źródła będące wynikiem działania urzędników stanu cywilnego. Księgi stanu cywilnego służyły rejestrowaniu chrztów, ślubów i zgonów. W Imperium Rosyjskim przyjęto zasadę, by funkcję urzędników stanu cywilnego pełnili w stosunku do ludności chrześcijańskiej proboszczowie parafii (prawosławnych, greckokatolickich, rzymskokatolickich, ewangelickich), zaś niechrześcijańskiej specjalnie wyznaczeni do tego urzędnicy administracji państwowej.

Podstawowym źródłem dla naszych rozważań są akta stanu cywilnego powstałe w wyniku działalności parafii rzymskokatolickiej w Permie w latach 1869-1918. Proboszczowie tej parafii rejestrowali chrzty, śluby i zgonów osób wyznania rzymskokatolickiego stale lub czasowo przebywających na obszarze guberni permskiej, a więc terytorium znajdującego się w jurysdykcji księży przebywających w Permie.

Na wstępie analizy kwestii aktywności Polaków w guberni permskiej należy zaznaczyć, że o charakterze obecności przedstawicieli interesującej nas nacji decydowała polityka wewnętrzna wobec tego żywiołu w zachodniej części Imperium Rosyjskiego. Otóż gubernia permska w XIX stuleciu odgrywała olbrzymią rolę w systemie penitencjarnym państwa Romanowów. Stała się miejscem przymusowego osiedlania osób skazanych za naruszenie kodeksu karnego, jak i tych, którzy wystąpili przeciwko istniejącemu porządkowi polityczno-społecznemu [1]. Akta stanu cywilnego parafii rzymskokatolickiej w Permie z przełomu lat 60.

i 70. XIX w. utwierdzają nas tylko w przekonaniu, że większość Polaków znalazła się w guberni permskiej wbrew własnej woli. Reprezentowali oni zesłańców, którzy trafili na wschód od Wołgi w okresie międzypowstaniowym. Dość znaczącą grupę Polaków-zesłańców, już tutaj obecnych np. od lat 30. i 40. XIX w., zasiliły osoby kierowane w głąb imperium na podstawie okólnika Departamentu Policji Ministerstwa Spraw Wewnętrznych z 28 V 1863 r. Ten akt prawny zaliczył gubernię permską do grupy 14 jednostek podziału administracyjno-terytorialnego imperium, do których kierowano osoby oskarżone o udział w polskim ruchu niepodległościowym lat 1863-1864 [2, s. 33-34].

Z treści akt stanu cywilnego wynika, że grupa zesłańców Polaków nie przedstawiała się jednorodnie. Pojawiało się wyraźne rozróżnienie grupy zesłańców politycznych od pozostałych. Na podstawie wpisów nie jesteśmy jednak w stanie określić przyczyny obecności zesłańców-aresztantów niepolitycznych. Ponadto pojawia się grupa wpisów dotyczących członków rodziny zesłańców niepolitycznych [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 19 об. - 62].

Interesującą grupę stanowili zesłańcy polityczni. Wśród nich obecne były osoby pochodzenia szlacheckiego. Jeden z zapisów z 1869 r. informuje, że w 16 III w mieście Szydrińsku zmarł Józef Izbicki, szlachcic guberni grodzieńskiej, liczący 40 lat, pozostający pod nadzorem policji w sprawach politycznych [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 19 об.]. W lutym 1875 r. w wieku 32 lat zmarł Józef Leopold Lubiczankowski, szlachcic guberni mińskiej, również zesłany z przyczyn politycznych do Permu [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 39 об.]. Dwa lata później w Kungurze zmarł 65-letni szlachcic guberni wileńskiej Tomasz Łukaszewicz zesłany do guberni permskiej na dożywotnie osiedlenie, zaś w czerwcu 1878 r. śmierć przerwała przymusowy pobyt Aleksandra Falkowskiego [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 52, 78]. Obecność przedstawicieli stanu szlacheckiego wśród grupy zesłańców politycznych jest jak najbardziej uzasadniona, ze względu na bazę społeczną powstańców styczniowych.

Komisje śledcze powołane w celu ścigania „polskich buntowników z lat 1863-1864” skazywały na zesłanie również przedstawicieli duchowieństwa rzymskokatolickiego (czynnie uczestniczących i sympatyzujących z powstaniem), co w swoich badaniach wykazał Eugeniusz Niebelski. W księgach stanu cywilnego parafii permskiej również odnotowano wielokrotnie fakt obecności księży rzymskokatolickich przymusowo przebywających na interesującym nas terytorium. Dnia 11 I 1870 r. w szpitalu miejskim w Permie zmarł 44-letni ks. Aleksander Sidorowicz zesłany z przyczyn politycznych z diecezji wileńskiej. Kilkanaście miesięcy później (5 XII) zmarł 66-letni ks. Jan Chryzostom Jakszewicz, pracujący przed zesłaniem także w diecezji wileńskiej [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 22, 23 об.]. Przeszło cztery lata później w Solikamsku zmarł w wieku 56 lat ks. Ferdynand Zdanowski, który przed zesłaniem był administratorem jednej z parafii w powiecie reżyckim guberni witebskiej. W Permie zmarł ks. Jakub Kuczak z powiatu nowogródzkiego guberni mińskiej [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 32 об., 33 об.]. W kwietniu 1876 r. w Permie zmarł kolejny duchowny-zesłaniec polityczny ks. Wiktor Bajkowski z diecezji wileńskiej, liczący 85 lat [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 44]. Rok później (24 X) również w Permie zmarł 57-letni ks. Wincenty Kuminkiewicz z diecezji kowieńskiej, przebywający z przyczyn politycznych na terytorium leżącym na wschód od Wołgi [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 58]. Ostatni księża zesłańcy przebywali w guberni permskiej jeszcze w latach 80. XIX w. 19 XI 1882 r. w Krasnoufimsku zmarł 83-letni ks. Jan Brzostowicz z diecezji wileńskiej. Dnia 8 XII 1887 r. zmarł w Permie ks. Walenty Barabasz, który w momencie wybuchu powstania styczniowego pracował w diecezji sandomierskiej [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 91 об., 125 об.].

Gubernia permska dla Polaków żyjących w Imperium Rosyjskim była nie tylko terytorium przymusowego osiedlenia z powodu nielegalnej działalności politycznej czy też łamania kodeksu karnego. Jak każda część państwa Romanowów była miejscem pracy dla szerokiej rzeszy osób, którzy swoją przyszłość wiązali z pracą w administracji państwowej.

Najbardziej rozpowszechnionymi organami administracyjnymi były te znajdujące się w jurysdykcji ministra spraw wewnętrznych. Do najważniejszych organów administracyjnych, poza stanowiskami gubernatora i wicegubernatora, należała kancelaria gubernatora i rząd gubernialny. W tym ostatnim w końcu lat 70. XIX w. etat pomocnika permskiego gubernialnego inspektora lekarskiego (medycznego) zajmował Kornel Osipowicz. Dosłużył się rangi radcy stanu i przebywał w Permie aż do chwili śmierci 14 II 1887 r. [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 63 об., 121 об.]. Na początku drugiej połowy lat 80. etat pomocnika osińskiego isprawnika powiatowego zajmował szlachcic Stefan Masalski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 117 об.].

Polacy służyli także w strukturach policyjnych. Stanowisko nadzorca policyjnego w Solikamsku zajmował szlachcic Stanisław Markiewicz. Jednym z policjantów w Permie w latach 70. XIX w. był Marcin Ignatczyk. W połowie lat 90. XIX w. etat naczelnika policji 4. rewiru powiatu ochanskiego zajmował Henryk Rupiński [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 71 об., 74].

Jednym z pionów finansowej administracji specjalnej były organy nadzorujące ściąganie podatków akcyzowych. Pierwsze wzmianki w aktach stanu cywilnego o Polakach a administracji akcyzowej pojawiają się ze stycznia 1875 r. Wtedy wymieniony jest niejaki Konstanty Osipowicz, szlachcic pracujący w Permskim Gubernialnym Zarządzie Akcyzą [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 37 об.].

Istniejące kompleksy leśne w guberni permskiej wymagały utrzymania odpowiednich struktur administrujących zasobami będącymi własnością skarbu państwa. Działały one w ramach Ministerstwa Dóbr Państwowych. Tutaj także swoją aktywność zawodową wykazywali Polacy. Do stycznia 1873 r. na obszarze guberni permskiej działał urzędnik do specjalnych poleceń Kajetan Makowski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 26 об.]. Na początku lat 80. XIX w. w leśnictwie czerdyńskim pracował asesor kolegialny Wiktor Czesław Wojnicki [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 91]. Wysokiej rangi radcy kolegialnego dosłużył się Otton Mickiewicz. W guberni permskiej do połowy kwietnia 1885 r. zajmował kontrolą działalności leśniczych (rewizor leśniczych). Analogiczne stanowisko powiecie kamyszłowskim posiadał szlachcic z powiatu nowogródzkiego guberni mińskiej radca tytularny Ludgard Nowicki [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 110 об., 126 об. – 127].

Okazuje się, że Polacy mogli zajmować wysokie stanowiska urzędnicze np. w administracji pocztowej. W 1888 r. naczelnikiem Permskiego Okręgu Poczto-Telegraficznego był radca stanu Jan Piotrkowski. Legitymował się pochodzeniem szlacheckim [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 126].

Obszar guberni permskiej na przełomie XIX i XX w. wchodził w skład VI Okręgu Dróg Komunikacyjnych. Także tutaj Polacy znaleźli zatrudnienie. Długoletnim pisarzem kancelarii 8. Dystansu wspomnianego okręgu był Andrzej Dombrowski, który pochodził ze zubożałej szlachty powiatu mazowieckiego guberni łomżyńskiej.

Nadzór nad stroną finansową działalności administracji państwowej sprawowała Permska Izba Kontrolna. Pierwsi Polacy w resorcie Kontroli Państwowej pojawiali się już w połowie lat 60. XIX w. Księga metrykalna kościoła permskiej informuje nas, że do października 1883 r. etat pomocnika rewizora Permskiej Izby Kontrolnej zajmował asesor kolegialny Walerian Giecewicz [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 97].

Rząd rosyjski prowadził w guberni permskiej badania kartograficzne. W tym celu utrzymywano sieć stanowisk starszych i młodszych topografów. Jednym z nich w 1880 r. w Jekaterynburgu był szlachcic posiadający rangę radcy tytularnego Edward Józef Makowski. [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 74 об.].

Polacy w guberni permskiej zajmowali również stanowiska w strukturach terenowych Ministerstwa Sprawiedliwości. W latach 70. XIX w. pracowali tutaj sędziowie śledczy: Bronisław Mickiewicz (szlachcic dziedziczny guberni kowieńskiej), Otton Dybowski, Bolesław

Rostocki [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 20, 61; Ф. 688. Оп. 1. Д. 7. Л. 1]. Etatowym komornikiem sądowym Zjazdu Sędziów Pokoju w Jekaterynburgu w pierwszej połowie lat 80. był Lucjan Buszyński [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 99]. Wśród innych urzędników sądowych należy wymienić np. Stefana Fogla pracującego w Permie [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 26 об.].

Przedstawiciele interesującej nas nacji pracowali także w zakładach penitencjarnych. Do 16 III 1878 r. więzieniem w Osie kierował Mikołaj Gogoliński, który w chwili śmierci miał 60 lat. Swój stopień oficerski majora uzyskał w różnych jednostkach piechoty stacjonujących w latach 50. i 60. XIX w. na terenie guberni permskiej [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 63 об.].

Należy wspomnieć, że w co najmniej kilkudziesięciu przypadkach odnotowano w analizowanych aktach stanu cywilnego obecność urzędników posiadających rangi od rejestratora kolegiального (odpowiednik chorążego) do radcy stanu (odpowiednik pułkownika) kończąc. Jednak sporządzający wspomniane akty nie określił miejsca pracy przedstawicieli inteligencji urzędniczej.

Z lektury wielotomowej pracy Piotra Szarejki poświęconej lekarzom polskim w XIX w. wynika, że wielu przedstawicieli interesującej nas nacji było zatrudnionych w strukturach ochrony zdrowia. Czy Polacy byli zauważalni wśród osób udzielających wykwalifikowanej pomocy medycznej w guberni permskiej? Akta stanu cywilnego parafii rzymskokatolickiej w Permie przynoszą nam wiele informacji o lekarzach pochodzenia polskiego. Stanowisko lekarza powiatu solikamskiego w 1878 r. piastował Kazimierz Osipowicz [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 64 об., 69 об.]. Analogiczny etat do 19 VI 1883 r. w powiecie ochanskim zajmował szlachcic asesor kolegialny Jan Olszański [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 95].

Ziemstwa, jako organy samorządu terytorialnego, posiadały prawo prowadzenia różnych instytucji zajmujących się ochroną zdrowia. Ze swoich środków prowadziły szpitale i apteki, opłacały etaty lekarskie itd. Bardzo chętnie decydowały się na podpisywanie umów na świadczenie usług medycznych z lekarzami pochodzenia polskiego. Ślady takiej działalności Polaków znalazły się w analizowanych materiałach źródłowych. Otóż do kwietnia 1874 r. krasnoufimskim lekarzem ziemskim był Antoni Baranowski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 34]. W analogicznym okresie etat lekarza ziemskiego w Fabryce Kamieńskiej zajmował Witold Wyszyński [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 39]. Swój gabinet we wsi Bieriezowce w powiecie kingurskim w drugiej połowie lat 70. XIX w. posiadał radca tytułarny Aleksander Dmochowski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 52]. W mniejszych miejscowościach zadania niesienia pomocy lekarskiej spadała na barki felczerów medycznych. We wsi Bielajewska w powiecie ochanskim pracował w 1876 r. Julian Kotowski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 50 об.].

Wielu lekarzy decydowało się na prowadzenie własnej prywatnej praktyki lekarskiej. W końcu lat 60. XIX w. w Permie usługi medyczne świadczył lekarz Józef Bratkowski. Analogicznie w powiecie solikamskim doktor Józef Wyzio [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 20 об., 42]. Prywatną praktykę lekarską w połowie lat 80. XIX w. w Jekaterynburgu prowadził doktor nauk medycznych Wiktor Turzański [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 105].

Księgi metrykalne informują nas także o Polakach lekarza weterynarii. Pomoc weterynaryjną w Szadryńsku w końcu lat 70. niósł Klemens Sawicki [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 68].

Rozwój struktur ochrony zdrowia znacząco wpłynął na rozbudowę instytucji zajmujących się dystrybucją lekarstw i innych leków. Apteki zakładane były z inicjatywy ziemstw i duma miejskich oraz z inspiracji osób prywatnych. Okazuje się, że na tym polu w guberni permskiej Polacy również zaakcentowali swoją obecność. W Permie szlachcic Rafał Malinowski pracował w charakterze pomocnika aptekarskiego. Analogiczne stanowisko zajmował również Antoni Wikiewo [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 35, 39 об.]. Szlachcic guberni mińskiej Jordan Osipowicz pracował do jesieni 1886 r. w aptece w Ochansku [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 120 об. - 121].

Na obszarze guberni permskiej funkcjonowały znacząco rozbudowane różne gałęzie przemysłu. Funkcjonowały tutaj państwowe i prywatne zakłady przemysłowe. Ich sprawne działanie było uzależnione od obecności wykwalifikowanej kadry technicznej. W grupie tej obecni byli również Polacy, o czym możemy się przekonać z lektury akt stanu cywilnego. Nadzór techniczny nad stalownią w Motowilichie w powiecie permskim do chwili śmierci 21 VI 1879 r. sprawował inżynier-technolog Jan Krukowski (s. Adama). Pochodził z powiatu bielskiego guberni grodzieńskiej i przynależał do kategorii honorowych obywateli [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 67 об.]. Dwa lata wcześniej w Permie pracował pochodzący z Warszawy inżynier-technolog Daniel Jarociński [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 53, 79 об.]. W fabryce „Kuszwa” w powiecie wierchoturskim do listopada 1883 r. nadzór nad procesem produkcyjnym sprawował inżynier górnictwa sekretarz kolegialny Władysław Kozłowski a w powiecie permskim Lucjan Teńczyński [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 98 об.]. W pierwszej połowie lat 80. XIX w. na stanowisku technika Jekaterynburskiego Ziemstwa Powiatowego pracował Władysław Raczyński, w Permie inżynier-technolog Stefan Sławiński, zaś w Kamyszłowie Walerian Jan Łopatto [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 94 об., 122; Ф. 688. Оп. 1. Д. 7. Л. 1].

Na terenie guberni permskiej działali również architekci pochodzenia polskiego. W 1913 r. odnotowano obecność Jana Franciszka Bendy [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1096. Л. 135 об. - 136].

Zdecydowanie na rozwój przemysłu wpływała kolej. Na obszarze guberni permskiej bardzo szybko doszło do rozwoju linii kolejowych. Struktury te działały pod nazwą Uralskiej Górniczo-Przemysłowej Kolei Żelaznej. Również i tutaj wśród osób zatrudnionych na wspomnianej kolei pojawili się pracownicy pochodzenia polskiego. W 1883 r. naczelnikiem sekcji ruchu pociągów był inżynier-technolog pochodzenia szlacheckiego Kazimierz Krzypkowski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 98 – 98 об.]. 28 VIII 1879 r. na stacji kolejowej „Kuswia” zmarł nagle 42-letni Adam Zentak pochodzący ze Snochowic w powiecie kieleckim. Kilkadziesiąt dni wcześniej w Jekaterynburgu zmarł ober-konduktor kolei uralskiej 29-letni Rafał Dewulewicz. Także tutaj pracował p.o. kontrolera Kolei Tiumeńskiej radca kolegialny Leon Piskorski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 70 об. – 71, 120]. Stanowisko pomocnika głównego buchaltera zajmował Franciszek Dombrowski przynależący do stanu szlacheckiego guberni mińskiej, zaś nadzorcą fabryki kolejowej w Permie szlachcic powiatu poniewieskiego guberni kowieńskiej Medard Kieldysz [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 74, 77 об.]. W drugiej połowie lat 80. na istniejącej Jekaterynbursko-Tiumeńskiej Drodze Żelaznej stanowisko naczelnika stacji „Poklewska” w powiecie kamyszłowskim zajmował Józef Jankiewicz. Przynależał do szlachty dziedzicznej guberni kowieńskiej [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 125].

Badania Wiesława Cabana, Jacka Legiecia i Mariusza Kulika wielokrotnie propagowane w szeregu ich publikacji ukazujących się w Polsce i Rosji wykazały na aktywność przedstawicieli interesującego nas żywiołu w szeregach armii carskiej w głębi imperium Romanowów w XIX i na początku XX w. [3; 4; 5]. Czy w aktach stanu cywilnego parafii rzymskokatolickiej w Permie Polacy w mundurze armii carskiej znaleźli swoje odzwierciedlenie? Sporadycznie pojawiały się wzmianki o interesujących nas osobach posiadających rangi oficerskie. W 1874 r. w Jekaterynburskim Oddziale Konwojowym służył major Ludwik Toczyński [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 31 об.]. Pięć lat wcześniej (6 I 1869 r.) śmierć przerwała dobrze zapowiadającą się karierę sztabs-kapitana Franciszka Ksawerego Sawickiego służącego w 1. Zachodnio-Syberyjskim Batalionie Liniowym [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 19]. 24 VI 1888 r. w Permie zmarł w wieku 54 lat dowódca Permskiego Batalionu Wojsk Lokalnych pułkownik Antoni Wincenty Borodzicz [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 127 об. - 128].

W grupie oficerów znajdowały się osoby, które w guberni permskiej spędziły ostatnie dni w służbie czynnej a następnie zdecydowały się tutaj pozostać na czas pobierania emerytury. Do lipca 1872 r. w Permie mieszkał sztabs-kapitan Antoni Czerniawski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 25 об.]. Również w Permie swój pobyt na emeryturze związał pułkownik Wiktor

Grodecki [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 57 об. - 58]. W Jekaterynburgu kilkanaście lat emeryturę pobierał Jan Rudnicki, major w stanie spoczynku 117. Jarosławskiego Pułku Piechoty [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 60 об.]. Podpułkownik ułanów Stanisław Kozięłło, szlachcic dziedziczny powiatu wilkomierskiego guberni kowieńskiej, po zakończeniu służby wojskowej pracował w charakterze kierownika Tiuszewskiego Zakładu Przemysłowego w powiecie krasnoufimskim [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 84 – 84 об.]. Swoje życie z Permem po zakończeniu służby wojskowej postanowił związać podporucznik Władysław Siedliński, który pochodził z guberni lubelskiej. Ten kawaler zmarł w Permie 5 II 1886 r. [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 116]. Ze spokojnej emerytury w Kungurze korzystał np. Tadeusz Mikołaj Rewieński. Był podpułkownikiem w stanie spoczynku straży granicznej [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 126 об.].

W wielu jednostkach i instytucjach wojskowych na obszarze guberni permskiej zaakcentowali swoją obecność żołnierze niższych stopni wojskowych pochodzenia polskiego. 11 XI 1877 r. w kościele rzymskokatolickim w Permie odnotowano zgon szeregowca 2. Kompanii Permskiego Batalionu Wojsk Lokalnych Jana Stempla. Do końca grudnia 1877 r. przy Permskim Szpitalu Wojskowym służył Franciszek Bieńkowski pochodzący z guberni mińskiej [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 50, 58 об.]. W stopniu podoficera w Permskim Oddziale Zbiorczym do 5 I 1879 r. znajdował się Józef Tomala [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 64 об.]. Księgi stanu cywilnego informują nas o obecności Polaków w Permskim Batalionie Straży Wewnętrznej. Służył tam m.in. Karol Kowalski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 87]. Kilkanaście lat w Jekaterynberskim Oddziale Powiatowym służył Adam Kamiński [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 96].

Analizowany materiał źródłowy przynosi nam wielokrotnie informacje szeregowcach czy podoficerach w stanie spoczynku przebywających na obszarze guberni permskiej. Decydowali się na egzystencję z dala od swoich rodzinnych stron z powodu np. znalezienia zatrudnienia w sektorze prywatnym. W Permie do lutego 1886 r. zamieszkiwało m.in. dwóch szeregowców w stanie spoczynku pochodzących z guberni warszawskiej Stanisław Radzewicz i Jakub Korwański. Fabryka Jugo-Kamska w powiecie permskim była miejscem pobytu szeregowca w stanie spoczynku Jakuba Bodorzuka, pochodzącego z powiatu wieluńskiego guberni kaliskiej [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 116 об., 127].

Spora grupa żołnierzy kończących służbę wojskową pochodzenia polskiego w jednostkach stacjonujących w guberni permskiej, co wykazał w swoich badaniach Jacek Legieć, nie decydowała się na powrót do swoich rodzinnych miejscowości. Powodowało to zasilanie lokalnych polskich społeczności lub też powolne asymilowanie się z miejscową ludnością. W Kungurze w wieku 65 lat 12 II 1879 r. zmarł szeregowiec w stanie spoczynku Bernard Zieliński [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 66]. Kilkadziesiąt lat od chwili zakończenia służby wojskowej w Permie mieszkał podoficer w stanie spoczynku Andrzej Jakulewicz. Również w Permie ostatnich swoich dni dożył szeregowiec w stanie spoczynku Jan Ponikierski pochodzący z powiatu mławskiego guberni płockiej. Dwukrotnie żonaty na terenie guberni permskiej był szeregowiec w stanie spoczynku Jerzy Konaszewicz [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 71 об.].

Badając sfery aktywności nielicznych społeczności polskich w głębi Imperium Rosyjskiego bardzo trudno jest omówić fakt zatrudnienia interesujących nas osób w sektorze prywatnym. Taką szansę dają nam właśnie akta stanu cywilnego. Do listopada 1882 r. w Jekaterynburgu w biurze miejscowego kupca Nasiedkina pracował Wincenty Maciejewski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 92].

Polacy przebywający na terenie guberni permskiej wielokrotnie uzyskiwali zgodę na przynależność do miejscowych stanowych społeczności mieszczańskich. W końcu lat 70. XIX w. do mieszczan Kungury przynależeli Zenon Koniuszewski i jego małżonka Anna z Borowskich [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 65 об.]. Analogicznie w skład stanu mieszczańskiego Wierchoturii wchodził Filip Olszewski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 83 об.]. Bardzo często władze miejskie wyrażały zgodę na włączenie w skład stanu

mieszczańskiego osób zesłanych na teren guberni permskiej, wobec których okazano akt łaski. Właśnie w takich okolicznościach mieszczaninem Czerdyni został chłop guberni grodzieńskiej Franciszek Kosiński [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 85 об.].

Na terenie Imperium Rosyjskiego, w interesującym nas okresie, obecni byli obywatele państw ościennych, głównie Austro-Węgier i Cesarstwa Niemieckiego. Wśród nich byli również Polacy, którzy przybywali do Rosji w celach zarobkowych. Obecność właśnie takich osób w guberni permskiej odnotowały także księgi stanu cywilnego. W 1881 r. Polacy – obywatele Austro-Węgier przebywali w Jekaterynburgu np. Jan Prawiecki i Henryk Franciszek Kłocaczewski [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 80].

Interesujące nas akta stanu cywilnego przynoszą nam ogromny zasób informacji o przynależności stanowej Polaków obecnych na terenie guberni permskiej. Odnotowujący chrzty, śluby lub zgony w większości w sposób lakoniczny posługiwali się terminami „szlachcic”, „szlachcic dziedziczny”, „mieszczanin” lub „chłop”. Nie informując o wykonywanym zawodzie określenie ich profesji pozostaje jedynie w sferze domysłów. Prawdopodobnie bardzo duży odsetek Polaków utrzymywał się ze służby u osób prywatnych.

Reprezentanci żywiołu polskiego obecnego na terenie guberni permskiej zakładając związki małżeńskie nie decydowali się na zamążpójście lub ożenek wyłącznie w obrębie swojej grupy narodowościowej. 27 III 1877 r. w Permie zmarła Konstancja Tarabukina, Polka, która była zamężna z urzędnikiem Permskiego Sądu Okręgowego w randze sekretarza kolegiального [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 52, 91 об.]. W tym samym roku zmarła w Lonwie w powiecie solikamskim Rozalia Siemienowa, żona starszego nadzorcy solanek Nikołaja Siemienowa [ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1094. Л. 53 об.]. W stołecznym mieście gubernialnym mieszkało wiele polsko-rosyjskich małżeństw mieszanych. W 1883 r. w Permie pracował kontroler Permskiego Oddziału Banku Państwowego Henryk Żukotyński żonaty z Aleksandrą Woroniną [ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 504. Л. 3 об. - 4]. Dwa lata później funkcjonował związek szlachcica Władysława Domeckiego i Pelagii Bierieziny mieszczańki permskiej [ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 507. Л. 4 об. - 5]. Liczba małżeństw mieszanych w guberni permskiej przekroczyła wartość 300.

Reasumując akta stanu cywilnego stanowią świetne źródło do badań nad lokalnymi społecznościami polskimi funkcjonującymi nie tylko na obszarach Imperium Rosyjskiego położonych na wschód od Wołgi. Ze względu na swój ładunek informacyjny mogą posłużyć do przygotowanie głębszej analizy struktury wewnętrznej niewielkich grup społecznych.

Spis Literatury:

1. *Терехин, А. А.* Ссылка в Пермской губернии в XIX веке / А. А. Терехин. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003. 284 с.
2. *Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии* / Под ред. А. В. Черных. СПб. : Изд-во «Маматов», 2009. 304 с.
3. *Caban, W.* Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831-1873 / Wiesław Caban ; Towarzystwo Miłośników Historii. Warszawa : DiG , 2001. 268 s.
4. *Legieć, J.* Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii rosyjskiej w latach 1874-1913 / Jacek Legieć. Kielce : Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2013. 306 s.
5. *Кулик, М.* Офицеры польского происхождения в Казанском военном округе на рубеже XIX и XX веков / М. Кулик // Polonia в Казани и Волго-Уралье в XIX-XX вв. : сб. научных статей и сообщений / сост. и ответ. редакторы П. Глушковски, Г. П. Мягков, Р. А. Циунчук. Казань : Казанский ун-т, 2011. С. 226 – 238.

K. Latawiec

Poles in Perm and the surrounding areas in the late nineteenth and early twentieth century in the light of the civil status of the National Archives of Perm Country

Summary: For many years, of interest to historians of Polish and Russian is the question of the presence of Poles in the depths of the Russian Empire. Appeared in works devoted to various forms of their activity. The basis of the research are the source materials as a result of the activities of the state administration offices. Predominate among them those created within the Ministry of Internal Affairs. When examining the small Polish community in the province Permian are very useful source of civil state records (church registry books), especially those drawn up by the Roman Catholic parish priests in Perm.

Key words: Poles, civil state records, Permian province, the 19th century.

Maria Curie Skłodowska University (Plac Marii Curie-Skłodowskiej 5, 20-031 Lublin, phone: +48 (81) 537 51 00, e-mail: insthist@poczta.umcs.lublin.pl)

УДК 94:(325.2+343.264)(=162.1)(571)

С. В. Леончик

ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ И ПОЛЬСКИЕ ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НА НОВОЙ РОДИНЕ

Аннотация: Статья посвящена проблеме крестьянской эмиграции поляков на территорию Сибири в конце XIX – начале XX вв. Добровольная миграция началась в 80-е гг. XIX в. и происходила с территорий Царства Польского (Привислинский край), а также с территорий Северо-Западного и Юго-Западного краёв. Российские власти по началу практически запретили эмиграцию с территории Царства Польского, при этом позволив проживавшим в Северо-Западном и Юго-Западном краях польским крестьянам свободно переселяться в Сибирь. Ситуация в этих регионах не способствовала возвращению польских повстанцев из Сибири на родину после амнистии 1883 г., нередко неприятие бывших «героев» становилось причиной их обратного оттока в Сибирь и пропаганды среди местных польских крестьян к переселению.

В Сибири польские переселенцы столкнулись не только с материальными проблемами, с трудностью адаптации в других климатических условиях, но также с бюрократическими проволочками, а зачастую нежеланием властей удовлетворять их религиозные потребности. Отсутствие должной духовной опеки сводило на нет польскую крестьянскую эмиграцию на территорию Азиатской России. Несмотря на проводимую аграрную реформу, потоки польских переселенцев направились в Америку, особенно в Бразилию, где строительство костёлов входило в государственную поддержку переселенцев, а католицизм был государственной религией.

Оставшиеся после репатриации 20-х XX в. польские крестьяне, несмотря на компактность своего проживания, достаточно быстро ассимилировались. Коллективизация и сталинские репрессии уничтожили большинство польских сёл в Восточной и Западной

Сибири. Попав в сибирские города, польские крестьяне нередко создавали семьи совместно с потомками ссыльных поляков.

Ключевые слова: польские ссыльные, крестьянская эмиграция, Царство Польское, Северо-Западный край, Юго-Западный край, адаптация, религиозные потребности, амнистия, репатриация.

Проблематика добровольной миграции польских крестьян в Сибирь как в российской, так и в польской историографии не является предметом отдельного направления в научных исследованиях. В культовых работах польской историографии, а именно в «*Polacy w Syberii*» З. Либровича [1] и в «*Dzieje Polaków na Syberii*» М. Яника [2], данная проблематика вообще не затронута. И хотя М. Яник использует термин «массовая добровольная эмиграция», но не касается этой темы.

Фрагментарно данная проблема была освещена в эмигрантской печати, примером может служить работа В. Сероевского или Л. Каро [3; 4, с. 251–256]. В дальнейшем Первая мировая война и борьба Польши за возвращение независимости отодвинули изучение этой проблемы на второй план. Более массовый отток польского крестьянства на запад и за океан, при поддержке польской эмиграции в США, нашёл отражение в исследованиях социологов В. Томаса и Ф. Занецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» [5]. Исследования по миграционным процессам в большинстве своем проводились в 1911–1913 гг. Именно на эти годы приходится пик переселений польских крестьян в отдаленные губернии Российской империи. В независимой Польше (1919–1939 гг.) теме добровольных переселений в Сибирь было посвящено несколько статей таких авторов, как, например, Ю. Околович [6, с. 375–381], Ю. Сокульский [7]. Истории и современному состоянию католической церкви в СССР и в Сибири в частности, были посвящены исследования Ф. Рутковского [8, с. 57–72] и А. Около-Кулака [9, с. 30–39].

Современные польские исследователи истории польской диаспоры в Сибири теме добровольных переселений также затронули фрагментарно. В этом ряду стоит выделить работы А. Плиха [10], З. Лукавского [11, с. 43–45; 12, с. 54–58, 71–72] и Э. Качинской [13]. Более подробно темой добровольных переселений польских крестьян в Сибирь занимался в 90-е годы XX в. профессор Краковского политехнического университета В. Мясж [14; 15; 16]. Среди сибирских исследователей необходимо отметить статьи о добровольном переселении крестьян в Сибирь, написанные преподавателем Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета Л. К. Островским, [17].

Аграрная реформа 60-х гг. XIX в. не решила проблем Царства Польского и лишь вызвала рост сельского пролетариата, перемещавшегося по стране в поисках заработка. Это явление привело к обострению ситуации в период аграрного кризиса, охватившего Россию и всю Центральную Европу в 80-е гг. XIX в. Всё это приводило к усилению процесса эмиграции в страны Западной Европы и Америки.

Российское правительство старалось переориентировать потоки мигрантов на восток, за Урал, где заселение территорий стало одной из главных целей политики царизма.

Процесс передела земельных наделов между наследниками в крестьянских хозяйствах, имевший место в польской деревне в 80-е гг. XIX в., породил явление так называемого «земельного голода». Именно этот процесс на фоне усиливающейся официальной пропаганды переселения, стал первопричиной миграций польских крестьян из Царства Польского в Сибирь, начавшихся в 80-е гг. XIX в.

Несмотря на то, что российские правовые акты, принятые в июле 1889 г., не распространялись на Царство Польское, переселение, особенно из Калишской, Плоцкой и Радомской губерний, а позднее из Люблинской и Седлецкой в 90-е гг. XIX в. ещё более усилилось [4, с. 255].

Российское законодательство до начала XX в. не разрешало переселяться на казённые земли Сибири полякам из Царства Польского, однако совсем другое отношение было к полякам, проживавшим на территории Северо-Западного и Юго-Западного краёв. В отчёте за 1903 г. генерал-губернатор Северо-Западного края П. Д. Святополк-Мирский предлагал разработать систему мер, которая, с одной стороны, содействовала бы удержанию белорусского крестьянства на месте, а с другой стимулировала бы переселение других национальностей, а особенно поляков. 2 декабря 1904 г. Переселенческое управление предоставило в Кабинет министров специальную записку, название которой говорит само за себя: «О мерах к пресечению отлива из Северо-Западных губерний коренного русского населения» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 136. Л. 17–22; Д. 84-б. Л. 74–75; Ф. 391. Оп. 2. Д. 1486. Л. 3, 12; Оп. 3. Д. 160. Л. 2].

Во второй половине XIX в. в Северо-Западном и Юго-Западном крае Российской Империи проживало почти один миллион поляков. Правительство разными способами ограничивало число поляков в этих регионах и это касалось также возвращающихся из Сибири по амнистии ссыльных повстанцев. Проще было поселиться в Царстве Польском, чем на в этих приграничных регионах. В первые годы амнистий (вторая половина 60-х годов XIX в.) в Царстве Польском поселилось 6 000 амнистированных поляков из Северо-Западного и Юго-Западного краёв [18, с. 146].

По возвращению на родину многих бывших ссыльных, героев восстания, ждало разочарование. В российской газете «Вольнь» даже появилась заметка на эту тему, которую в дальнейшем перепечатал польский «Крај», в которой говорилось, что вернувшиеся после Манифеста 15 мая 1883 г. поляки столкнулись с безразличием, и даже враждебностью местного польского населения. Многие амнистированные повстанцы с добром вспоминали «далёкую и холодную Сибирь, а некоторые даже решили вернуться в Сибирь» [19, с. 14].

Кроме того поляки проживавшие в Северо-Западном и Юго-Западном краях в результате репрессий после восстания 1863 г. были лишены права приобретать землю и расширять имеющиеся у них наделы земли. Согласно закону от 10 декабря 1865 г. в западных губерниях местным уроженцам католического исповедания разрешалось только ограниченное приобретение земли, а именно «чтобы общее количество земли, состоящее в собственности приобретателя земельного имущества, а также неотделенным членам его семьи, не превышало, вместе с покупаемым участком, шестидесяти десятин» [20]. Всё это стало причиной того, что бывшие ссыльные возвращались в Сибирь уже как добровольные переселенцы [21, с. 222]. Как утверждает А. А. Крих, на основании устного рассказа семьи Скуратовичей, после амнистии 1883 г., бывшие участники Январского восстания 1863 г. вернулись на родину, но им не удалось приспособиться к новым реалиям и в 1893 г. вместе с добровольными переселенцами из Минской губернии они приехали в Тобольскую губернию, где и основали пос. Урайский [22, с. 361]. В самом начале переселения поляков в Сибирь местная администрация старалась селить семьи добровольных переселенцев в уже существующих старожильческих сёлах, так, чтобы польского населения в этих сёлах было не более 10 %. Именно так расселяли еще 20 лет тому назад ссыльных повстанцев, однако со временем власти стали допускать возможность создания чисто польские поселения, так как оценили цивилизационный положительный вклад поляков в местное сельское хозяйство [ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2405. Л. 1–11 об.].

Статистические источники конца XIX в. свидетельствуют, что «польские переселенцы – самая культурная группа населения», большинство из них живёт в добротных домах, иногда двухэтажных. «Внутри опрятность и чистота поразительная. Окна завешены белыми занавесками. Пол большею частью крашеный. Стены нередко штукатурены. Вместо русских лавок, подле стен стоят большей частью стулья. В каждом домике можно найти молитвенник и календарь. Польские переселенцы народ довольно зажиточный и

предприимчивый. Некоторые из них занимаются различного рода торговлей (например скупкой скота)» [23, с. 88].

Согласно данным переписи 1897 г. численность крестьян среди поляков в сибирских губерниях составляла 61,9% [24]. Стоит также отметить, что большинство польских крестьян на этапе первоначального расселения, во многом стихийного и самопроизвольного, выбирали Западную Сибирь.

Министерство внутренних дел обратило внимание на проявление интереса со стороны польских крестьян к самовольному переселению в Сибирь и связанные с этим многочисленные прошения о переселении, а также на ежегодный уход части населения на сельские работы в соседние провинции Пруссии. Все это дало повод министру внутренних дел, действительному тайному советнику Горемыкину указать на заседании Комитета Сибирской железной дороги 2 апреля 1897 г. на возможность воспользоваться ситуацией и направить польских крестьян, изъявивших желание переселиться, в район Пермь-Котласской железной дороги. Варшавским генерал-губернатором князем Имеритинским была создана комиссия, которая должна была согласовать действующий в Привислинском крае порядок переселения с порядком, установленным для внутренних губерний России. В результате работы этой комиссии 22 июня 1900 г. на свет появилось положение Комитета Сибирской железной дороги, которое одобрило предложение Министра внутренних дел о направлении переселенческого движения, наблюдаемого в Привислинских губерниях, на казённые земли империи [Archiwum Państwowe w Siedlcach. Komisarz do spraw włościańskich powiatu Sokołowskiego. Д. 161:13. Л. 2–3, 11].

Министерство установило условия, которые посчитало необходимыми к исполнению в отношении к польским переселенцам. Во-первых, Министерство отметило, что широкое переселенческое движение из губерний Царства Польского нежелательно, поэтому оно лишь допускается, но не поощряется. Во-вторых, Министерство оставило за собой право разрешать или запрещать переселение конкретной семье. В-третьих, губернские по крестьянским делам присутствия обязаны были представлять в МВД прошения о переселении с подробным заключением присутствия. В-четвертых, в связи с увеличением числа переселившихся в Сибирь, заселены были лучшие земли, а переселение на оставшиеся участки, в основном в лесной зоне, было затратным и от семьи необходимо требовать наличия 500 руб. и достаточного числа взрослых работников. В-пятых, Министерство признало необходимость высылки ходоков, как от семей, так и от отдалённых населённых пунктов в Польшу. Обуславливалось это тем, что польские крестьяне будут неохотно селиться совместно с русским населением в виду различия вероисповедания, особенностей быта и порядка землепользования. Поэтому образование особых польских поселков в Сибири зависело бы также и от ходоков, представляющих несколько семей. Рекомендовалось также проверять «благонадёжность» кандидата в ходоки и знание им русского языка.

Все эти вопросы живо обсуждались между варшавским генерал-губернатором и губернаторами Привислинского края. В письме к седлецкому губернатору варшавский генерал-губернатор отмечал, что предлагаемые ранее участки в районе Пермь-Котласской железной дороги заняты, а в Сибири из-за истощения степных участков ходоки из Привислинского края могут найти свободные земли в таёжном районе в Мариинском уезде Томской губернии, в Ачинском и Канском уездах Енисейской губернии, в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии, а также в притаёжных местностях Туринского и Тарского уездов Тобольской губернии. Варшавский генерал-губернатор в 1901 г., в начале официального переселения из Привислинского края в Сибирь, ограничил число ходоков до 500 человек в год [Archiwum Państwowe w Siedlcach. Komisarz do spraw włościańskich powiatu Sokołowskiego. Д. 161:13. Л. 5–7].

В начале XX в. переселенческий процесс затронул главным образом Люблинскую губернию, из которой в период с 1885 по 1904 гг. переселилось в Сибирь 896 крестьян, а в одном только 1905 г. – 1796 [25, с. 155–156]. Новый импульс крестьянской миграции в Сибирь придала Столыпинская реформа. С 1905 по 1914 гг. из Люблинской губернии переселилось 5580 крестьян, из Холмской – 480, из других губерний Царства Польского – более 3000 [25, с. 156].

Начиная с 1906 г. власти систематически проводили в губерниях Царства Польского пропагандистские акции в поддержку переселения в Сибирь. Варшавский генерал-губернатор Г. А. Скалон указывал в циркуляре, адресованном люблинскому, ломжинскому, седлецкому и сувальскому губернаторам, что переселение за Урал является одним из средств для уменьшения числа безработных и малоземельных в Царстве Польском [1, с. 225].

Кризисная ситуация, сложившаяся в Домбровском угольном бассейне в 1905–1907 гг., заставила задуматься о переселении в Сибирь значительной части населения этого региона в 1910 г. Этому предшествовала пропагандистская акция властей в местной польской прессе. Однако власти даже не предполагали последующих масштабов переселенческого движения. Комиссар по крестьянским делам Бендзинского уезда в г. Сосновце в письме к губернатору Петроковской губернии от 18 сентября 1909 г. так описывает сложившуюся ситуацию: «Ко мне почти ежедневно является масса горнорабочих из различных копей и заводов Бендзинского уезда с ходатайствами о разрешении им переселиться в губернии Азиатской России. Ходатайства о содействии Правительства при переселении должны быть подаваемы в административные присутствия уездных съездов, или в соответствующие сим съездам учреждения. Таким учреждением является у нас Губернское по крестьянским делам Присутствие, куда я и предлагаю просителям обращаться, хотя, как человек хорошо знакомый по прежней службе с Азиатской Россией и не советую им туда ехать, советы эти далеко не действуют, так как движение приобрело какой-то стихийный характер и может прекратиться лишь тогда, когда значительные партии переселенцев, не успев устроиться в Азиатской России, вернутся на родину, чего, впрочем, может и не случиться» [APŁ. Piotrkowski gubernialny urząd spraw włościańskich. Д. 541. Л. 15–17].

Стоит отметить что, Переселенческое Управление выборочно подошло к прошениям крестьян Домбровского угольного бассейна, и, например, горнорабочим Бендзинского уезда было заявлено, что для земледельческой колонизации они признаны непригодными и поэтому их ходатайства о переселении на казённые земли Сибири не подлежат удовлетворению. Слово «Сибирь» стало у жителей Домбровского угольного бассейна популярным и не вызывало страх, как у большинства поляков, а наоборот интересовало, с этим словом они связывали свои надежды. Появлялись легенды о невообразимых богатствах Сибири, плодородной земле, золотых песках и буйных степях. Проповеди местных римско-католических священников, в которых они призывали народ не ехать в Сибирь, так как они едут туда на уничтожение, приводили к обратному результату [26, с. 1–2].

Немалую роль в пропаганде Сибири как места переселения для польских крестьян сыграли рассказы польских солдат, участвовавших в войне с Японией: они просто смешивали понятия «Манчжурия» и «Сибирь». Агитировали за переезд в Сибирь и политические ссыльные из числа рабочих [27, с. 377]. Также и своим личным примером они невольно агитировали крестьян. В своём письме комиссару Бендзинского уезда Игнатий Халиньский просил помочь переселиться в Енисейскую губернию, так как он вернувшись с Дальнего Востока, не мог найти работы на родине. Нашел только работу на заводе «Gr. Renarda», но жалование было настолько мизерным, что ему не хватало на то, чтобы прокормить семью. Всё это склонило его поехать в Сибирь. Обычно власти положительно разрешали просьбы бывших солдат русско-японской войны и давали им бесплатный би-

лет по железной дороге до места из причисления [APŁ. Piotrkowski Gubernialny Urząd do Spraw Włościańskich. Д. 547. Л. 1–20].

Проблема миграции из Домбровского угольного бассейна вызвало неподдельный интерес польского общества, в результате чего в октябре 1909 г. в г. Варшаве появилось Общество опеки над мигрантами [7, с. 31].

Иркутская губерния привлекала поляков из Домбровского угольного бассейна не столько из-за возможности трудиться на земле, сколько из-за того, что в окрестностях Черемхова были шахты, принадлежащее поляку Игнатию Собешиньскому, в них работало в 1908 г. около 10 000 человек [14, с. 238].

В польской прессе отмечали, что местные поляки из ссыльных отговаривали ходяков из Петроковской губернии выбирать на место своего жительства таёжные леса будущего с. Вершины. Один из начальников переселенческого управления, поляк по происхождению, горячо отговаривал своих соплеменников, но они не послушались его, пожаловавшись на него в главное управление в г. Иркутске [28, с. 1].

Делегат Общества опеки над мигрантами Александр Боровинский посетил в 1912 г. новые польские села в Сибири. Больше всего переселенцев он нашел в Балаганском уезде Иркутской губернии. «Колонизационный материал – абсолютно непригоден к местным условиям. На всю деревню из 36 хозяйств только три крестьянина, а остальные горнорабочие, ремесленники. Всё зависит от того, кто сколько средств с собой привёз». Также А. Боровинский отмечает неприязненные отношения с местным населением, которое так и норовит обмануть поляков. Особенно трагическими он считает судьбы переселившихся поляков с. Вершины. Большинство из них переселилось на последние деньги, а некоторые даже в долг. Многие живут в нищете. Уже два года подряд не видели они ксёндза, в селе нет ни одной книги и газеты на польском языке [27, с. 377, 380].

В тяжелом положении оказались также и поляки в Западной Сибири. В июле 1911 г. крестьяне пос. Маличевского Томского уезда в прошении на имя томского губернатора указывали на свое бедственное положение. В 1910 г. у них вымерз на полях хлеб, а частично был выбит градом. Переселенцы не смогли посеять рожь и обращались к властям за ссудой для уплаты долгов за строительство костёла [ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 19. Л. 5–7].

Польская диаспора Сибири, а в городах это были ссыльные, потомки ссыльных и представители интеллигенции добровольно поселившейся в Сибири в начале XX в., по мере своих сил старалась помочь польским переселенцам. 15 марта 1909 г. в здании Томского Торгового Представительства состоялся спектакль, доход от которого предназначен был для помощи переселенцам Тюхтетской волости Мариинского уезда [29, с. 43].

Неудачное переселение подталкивало польских крестьян искать работу в сибирских городах, а после того, как скопится необходимая сумма, к возвращению в Польшу. Хотя и там их никто не ждал. По прибытию на место переселения глава крестьянского хозяйства был обязан написать расписку, в которой он должен был навсегда отказаться от своего земельного надела в Привислинском крае и на основании закона от 5 октября 1906 г. исключался по прежнему месту приписки и перечислялся по месту нового водворения [APŁ. Rząd Gubernialny Lubelski. Д. WP 1910:18. Л. 48]. Леопольд Царо описывает случай массового обращения польских крестьян из-под г. Красноярска в земельное управление фарфоровой фабрики под г. Варшавой. Крестьяне, живущие уже 20 лет в Сибири, тоскуя по Родине, желали бы переселиться в Польшу и готовы заплатить за землю, оставив свои участки в Сибири [4, с. 254].

Нередко поляки искали счастья в других странах. Юзеф Окулович описывает случай, когда встретил бывших сибирских колонистов, выходцев из Келецкой губернии, на сахарной плантации на Гаваях. Выборочный подход к переселению и та реальная дей-

ствительность, с которой сталкивались переселенцы, в первую очередь, в Иркутской губернии, а также неурожайные 1910–1912 гг. в Западной Сибири уменьшило число желающих переселиться [27, с. 379–381].

Всё это вызывало беспокойство властей в г. Петербурге. К этому времени они оценили польский этнический элемент как более старательный и привязанный к земле. Поляки привносили в зарождающуюся сибирскую сельскохозяйственную культуру важные и прогрессивные для начала XX в. элементы. В 1904 г. на Алтай со своим семейством переселяется Альберт Ковальский. Выходец из Подольской губернии, он прибыл по приглашению своего друга, который в многочисленных письмах сообщал, «что здесь есть нужда в паровых мельницах и мастерских для исправления крестьянских сельскохозяйственных орудий». Мельница, созданная А. Ковальским после почти двухгодичной перепалки с местной бюрократией, позволила в 1909 г. обеспечить мукой население 15 населённых пунктов на Алтае. В 1904 г. варшавский мещанин Петр Пель также организовал мельницу вблизи Барнаула [30, с. 65–66].

Начальник Главного переселенческого управления граф Г. Глинка в письме от 25 марта 1914 г. к митрополиту всех Римско-католических церквей в Империи архиепископу могилевскому В. Кучинскому отмечал, что польское население из польских и белорусских губерний, переселившееся в Азию, «вскоре привыкнет к местным условиям, несмотря на трудности и общие условия жизни, и благодаря трудоспособности, любви к земле они быстро станут хорошими хозяевами». Глинка подчеркивал, что не имея собственной земли на родине, именно там, в Сибири, они ищут возможности улучшить свои условия жизни. Он уверял митрополита, что его управление заботится о хозяйственном устройстве поселенцев и их религиозных потребностях, что выделяет средства на строительство домов и католических храмов [РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1951. Л. 86–87].

А вот как раз в духовном плане польские крестьяне-переселенцы испытывали не меньшие проблемы, чем в плане материальном. До начала крестьянского переселения поляков, в сибирских городах уже более 50 лет существовали католические общины, основу которых составляли польские ссыльные и их потомки. Генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель не поддерживал строительства новых костёлов и увеличения числа римско-католического духовенства, однако не препятствовал проведению месс в уже существующих приходах в г. Омске, г. Кургане, г. Тобольске и г. Томске [31, с. 13–14].

Польские ссыльные, в своём большинстве были образованными людьми и нередко по образованию и культуре превосходили представителей местной элиты. Несмотря на запрет выполнения профессий учителя, врача, польские ссыльные получали неофициальное право работать по этим специальностям, часто неплохо при этом зарабатывая. Ссыльным помогали их семьи из Польши, различные организации помощи повстанцам [32, с. 20–25]. Другое дело бедные крестьяне-переселенцы, чаще всего безграмотные и живущие за чертой бедности.

Стоит заметить, что если в 80-е гг. XIX в. переселенцы были настолько богаты, что могли позволить построить часовню, приходской дом и затем пригласить ксёндза, то эмигранты в начале XX в. были настолько бедны, что этого себе позволить не могли. Всё это негативно сказывалось на их духовной жизни, сохранении национальных традиций и языка [РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 486. Л. 9–9 об.].

В местах компактного проживания поляки старались в первую очередь построить костёл. Но власти часто не давали согласие на это строительство. На сельском сходе 31 августа 1900 г. поляки д. Канок Рыбинской волости Канского уезда Енисейской губернии высказались за необходимость постройки костела. В приговоре схода они написали: «Живём как заблудшие овцы в лесу без пастыря и необходимых наставлений для души» [РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1661. Л. 7]. Крестьяне постановили ходатайствовать перед енисейским губернатором о строительстве храма, выбрав для этого поверенного. В обраще-

нии к губернатору сельчане попросили выделить средства на постройку костёла и содержание притча, так своих средств не имеют и могут только доставлять к месту постройки костёла необходимый материал.

Просьбы переселенцев отсылались не только на имя губернатора, но и в г. Иркутск на имя генерал-губернатора. Власти же руководствовались заключением Енисейской православной епархии. Епископ Ефимий в этом заключении написал, что ходатайство крестьян д. Конокской следует отклонить «ввиду малочисленности католиков, а также в виду недоброжелательного отношения их к православному населению, выражающегося в склонности католиков притеснять православных в их житейских нуждах по чисто вероисповедным побуждениям» [ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 4765. Л. 16–17]. Губернские власти не принимали во внимание донесения местных властей. В своем рапорте губернатору канский уездный начальник сообщал, что «постройка храма является необходимою. Канокское общество, которое, как еще мало обеспеченное в материальном отношении ввиду недавнего водворения на новое место жительства, нуждается в помощи от правительства для уплаты подрядчикам за работы». После долгих мытарств и ожиданий, не получив поддержки от губернского правительства и казны, польские переселенцы в 1907 г. сами возвели костёл в д. Канок [33, с. 301].

В 1910 г. поляки составляли 0,4 % жителей Тобольской губернии, в Томской губернии поляков от общего числа жителей насчитывалось 0,3 %, а в Акмолинской области – 0,2% [34, с. 65]. Несмотря на то, что поляки были разбросаны по разным населенным пунктам Тобольской губернии, они старались селиться вместе и нередко просили власти о перевыдворение. В своих просьбах они писали: «Мы испытываем гонения за веру, «насмешки» большинства над религией меньшинства, издевательства во время приезда ксёндза на богослужение». Тобольский губернатор писал в одном из своих писем от 24 октября 1910 г. в Переселенческое управление: «Благодаря разнородному по религии, экономической и духовной культуре населению задерживается нормальное развитие поселка, причем численно слабейшая сторона нередко подавляется в ее культурно-экономических начинаниях. Я признал необходимым ... селить переселенцев нерусской национальности и неправославных при значительных их партиях на отдельных от русского православного населения участках» [РГИА. Ф. 391. Оп.4. Д. 1. Л. 15].

Увеличение числа поляков после 1910 г. можно проследить по увеличению числа римско-католических храмов и часовен. К 1914 г. в Тобольской губернии было основано 3 католических прихода и построены храмы в г. Тобольске (1909 г.), г. Ишиме (1910 г.), г. Кургане (1904 г.) и г. Тюмени (1903 г.). Открыты молитвенные дома в г. Таре, д. Ботвино, пос. Хлебном и пос. Гриневици. Во всех этих поселениях проживали поляки. Общее количество прихожан тобольского прихода составляло в 1911 г. около 7 000 прихожан, а в 1912–1916 гг. – 8 000 [20, с. 147]. И если сравнивать с Акмолинской областью, то там был только один приход с приходским храмом в г. Омске, поляки-католики были представлены только в одном пос. Деспотзенновском, в остальных же населенных пунктах проживали немцы (пос. Зеленполь, Келлеровка, Мариенбург) [35, с. 195–196].

Благодаря римско-католическим приходам поляком удавалось сохранить свои традиции и язык. Попытки открыть молитвенный дом в г. Таре начались еще в конце XIX в. В то время в городе проживало около 100 католиков, а поляки-католики также проживали в окрестных переселенческих поселках (Хлебное, Гриневици, Богдановка, Минск-Дворянск), а так же в старожильческом с. Сидельниково. Разрешение от властей на постройку молитвенного дома было получено в 1902 г., однако только в 1910 г. был куплен дом и в 1911 г. устроено в нём часовню. Число верующих в 1911–1912 гг. составляло 2188 человек. Во время Первой мировой войны количество поляков в г. Таре значительно увеличилось из-за беженцев и военнопленных. При часовне была открыта школа, в которой занятия для 50 детей проводили пленные офицеры [33, с. 149].

В д. Ботвино Тарского уезда костёл намеривались построить ещё в 1907 г. Представленный проект деревянного храма за 1300 руб. не мог быть реализован, так как финансовые возможности переселенцев не превышали 500 рублей, поэтому не возможно было просить помощи у государства. В д. Ботвино действовал молитвенный дом [РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 1002].

Отсутствие должной духовной опеки, когда с трудом построенные часовни и костёлы в польских сёлах стояли без ксёндза, а для того чтобы разрешить строительство костёла необходимо было несколько лет ходатайствовать перед властями и в том числе перед православным епископом – всё это сводило на нет польскую крестьянскую миграцию на территорию Азиатской России. Несмотря на проводимую аграрную реформу, потоки польских переселенцев направились в Америку, особенно в Бразилию, где строительство католических храмов входило в государственную поддержку переселенцев, а католицизм был государственной религией.

Стоит отметить, что хотя переселение поляков в Сибирь завершилось с началом Первой мировой войны, однако вплоть до 1918 г. в результате военных действий несколько тысяч польских крестьян попали на территорию Сибири в качестве беженцев, больше всего поляков было из Витебской губернии [ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 154. Л. 56]. Только из Царства Польского в Сибири в 1916 г. находилось 110 601 беженцев. Из числа крестьян больше всего беженцев было из Хелмской губернии, которые в основном разместились в селах Тобольской губернии и Акмолинской области [36, с. 34–35]. Хотя переселение беженцев из Царства Польского и западных губерний во внутренние губернии Российской империи не носило добровольного характера, новыми польскими крестьянами были наполнены уже ранее образованные польские села в Сибири.

После революции 1917 г. и заключения договора о репатриации между Советской Россией и Республикой Польша 21 февраля 1921 г., а также мирного договора в г. Риге 18 марта 1921 г., поляки воспользовались правом репатриации. Оставшиеся же польские крестьяне, несмотря на компактность своего проживания, достаточно быстро ассимилировались. Коллективизация и сталинские репрессии уничтожили большинство польских сёл в Восточной и Западной Сибири. Попав в сибирские города, польские крестьяне нередко создавали семьи совместно с потомками ссыльных поляков, усиливая тем самым городские полонийные диаспоры в таких городах как Омск, Красноярск, Томск, Иркутск, Новосибирск, Барнаул и Абакан. Надеюсь, что и эта тема найдёт своего исследователя.

Список литературы:

1. *Librowicz, Z. Polacy w Syberji / przez Zygmunta Librowicza. Kraków : G. Gebethner i Spółka, 1884. 380 s.*
2. *Janik, M. Dzieje Polaków na Syberji : z 23 ilustracjami / Michał Janik ; [posł. napisali Antoni Kuczyński i Zbigniew Wójcik]. Wrocław : Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1991. 472 s.*
3. *Sieroszewski, W. Wychodźstwo polskie w Rosji i na Syberii. Pamiętnik wzniesienia i odsłonięcia pomników Tadeusza Kościuszki i Kazimierza Pułaskiego / W. Sieroszewski. Chicago, 1911.*
4. *Caro L. Emigracya i polityka emigracyjna ze szczególnem uwzględnieniem stosunków polskich / L. Caro ; przetłomaczył z niem. wyd. książki autora [...] Karol Englisch. Poznań : nakładem i czcionkami Drukarni i Księgarni Św. Wojciecha ; New York : Polish Book, 1914. 392 s.*
5. *Chłop polski w Europie i Ameryce. T. 3, Pamiętnik imigranta / William I. Thomas, Florian Znaniecki ; tł. Stanisław Helsztyński. Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, cop. 1976. 320 s.*
6. *Wychodźstwo i osadnictwo polskie : przed wojną światową / J. Okołowicz. Warszawa : nakł. Urzędu Emigracyjnego: Skł. gł. Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1920. 412 s.*

7. *Sokolski, J.* Wychodźstwo na Syberię / *J. Sokolski* // Sybirak. 1939. № 2 (18). S. 63–66.
8. *Rutkowski, F.* Arcybiskup Jan Cieplak (1857–1926) : szkic biograficzny / *F. Rutkowski*. Warszawa : [s. n.], 1934. 415 s.
9. *Okoko-Kułak, A.* Szkice misyjno-wschodnie / *A. Okoko-Kułak*. Warszawa, 1929. 111 s.
10. *Pilch, A.* Migracje w głąb Rosji / *A. Pilch* // Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych : (XVIII–XX w.) / pod red. *A. Pilcha*. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. C. 223–231.
11. *Łukawski, Z.* Ludność polska w Rosji, 1863–1914 / *Z. Łukawski*. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. 229 s.
12. *Łukawski, Z.* Polacy w rosyjskim ruchu rewolucyjnym 1894–1907 / *Z. Łukawski*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1984. 308 s.
13. *Kaczyńska, E.* Polacy w społecznościach syberyjskich (1815–1914). Zagadnienia demograficzno-socjologiczne / *E. Kaczyńska* // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / pod red. *A. Kuczyńskiego*. Wrocław : Wydawnictwo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego, 1998. S. 251–264.
14. *Masiarz, W.* Migracja chłopów polskich na Syberię w końcu XIX i na początku XX wieku / *W. Masiarz* // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / pod red. *A. Kuczyńskiego*. Wrocław : Wydawnictwo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego, 1998. C. 230–242.
15. *Masiarz, M.* Mała Polska Ojczyzna na Syberii Wschodniej. Polska wieś Wierszyna (1910-1990) / *M. Masiarz* // Krakowskie Studia Małopolskie. Kraków, 1998. № 1 (2). C. 39–63.
16. *Masiarz, W.* Dzieje kościoła i polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii : 1838–1922 / *W. Masiarz*. Kraków : Wydaw. i Poligrafia Zakonu Pijarów, 1999. 201 s.
17. *Островский, Л. К.* Польские крестьяне в Сибири (1809–1920-е гг.) / *Л. К. Островский* // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 38–40.
18. *Beauvois, D.* Walka o ziemię : szlachta polska na Ukrainie prawobrzeżnej pomiędzy caratem a ludem ukraińskim 1863–1914 / *D. Beauvois* ; z jęz. fr. przeł. *Krzysztof Rutkowski*./Przeł. *K. Rutkowski*, Sejny : Pogranicze, 1996. 302 s.
19. *Kraj*. 1885. № 50.
20. *Жукович, П. Н.* О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России. Речь, предназначавшаяся к произнесению на торжественном годовичном акте С-Петербургской Духовной Академии 17 февраля 1895 г. / *П. Н. Жукович*. СПб : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1895. 53 с.
21. *Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 4 : Комитет Министров в царствование императора Александра Третьего (1881 г. 2 марта – 1894 г. 20 октября) / Сост. И. И. Тхоржевский ; под гл. ред. статс-секретаря Куломзина. СПб. : [б. м.], 1902. [4], VI, IV, 472 с.*
22. *Крих, А. А.* Этническая идентичность и идентификация переселенческих групп Западного края в Сибири (последняя четверть XIX–XX вв.) / *А. А. Крих* // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. *В. И. Дятлов*. Иркутск : Оттиск, 2010. С. 356–375.
23. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 17. СПб. : Тип. «Счетовод» Г. Букешина 1892. [6], 212, XX с.
24. *Общий свод* по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2-х тт. Т. 2. СПб. : паровая типо-литография *Н. Л. Ныркина*, 1905. [6], LX, 417 с.
25. *Скляров, Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / *Л. Ф. Скляров*. Л. : Изд-во Ленин. ун-та, 1962. 586 с.
26. *Świerk.* W sprawie wychodźstwa na Syberię // *Kurier Zagłębia*. 1910. № 99.

27. *Okołowicz, J.* Wychodźstwo i osadnictwo polskie : przed wojną światową / J. Okołowicz. Warszawa : nakł. Urzędu Emigracyjnego : Skł. gł. Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1920. 412 s.
28. *Szczęście* na Syberii // *Gazeta Świąteczna*. 1909. № 1492.
29. *Кутилова, Л. А.* Национальные меньшинства Томской губернии : хроника общественной и культурной жизни, 1885–1919 / Л. А. Кутилова, И. В. Нам, Н. И. Наумова, В. А. Сафонов ; под ред. Э. И. Черняка. Томск : Изд-во Томского университета, 1999. 296 с.
30. *Шайдуrow, В. Н.* Роль западных национальных меньшинств в развитии перерабатывающей промышленности Алтая в конце XIX – начале XX вв. / В. Н. Шайдуrow // *Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. : Сб. науч. ст. Вып. 2.* Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. С. 62–69.
31. *Родигина, Н. Н.* Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX в. : автореф. дисс. канд. ист. наук / Н. Н. Родигина. Новосибирск, 1997. 23 с.
32. *Качинская, Е.* Политические ссыльные и уголовные преступники. Столкновение двух миров / Е. Качинская // *Польская ссылка в России XIX–XX веков : Региональные центры.* Казань : Изд-во Мастер-Лайн, 1998. С. 20–24.
33. *Majdowski, A.* Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim : Syberia, Daleki Wschód, Azja Środkowa / A. Majdowski. Warszawa : Wydaw. Neriton, 2001. 339 s.
34. *Ежегодник* России. Спб., 1910.
35. *Недзелюк, Т. Г.* Римско-католическая церковь в полиэтническом пространстве Западной Сибири 1881–1918 гг. / Т. Г. Недзелюк. Новосибирск: Изд. дом «Прометей», 2009. 218 с.
36. *Korzeniowski, M.* Tułaczy los : uchodźcy polscy w imperium rosyjskim w latach pierwszej wojny światowej / M. Korzeniowski, M. Mądzik, D. Tarasiuk. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. 238 s.

S. V. Leonchik

**Polish exiles and voluntary settlers in Siberia in the late XIX-early XX centuries.
Causes of appearance, relationships in their new homeland**

Summary: The article deals with the problem of peasant emigration of Poles to Siberia in the late XIX – early XX centuries. Voluntary migration began in the 80s XIX century, and it occurred in the territories of the Kingdom of Poland (Privilinsky region), as well as the North-West and South-West Regions. The Russian authorities have virtually banned at the beginning of emigration from the territory of the Kingdom of Poland, while allowing resident in the Northwestern Krai and Southwestern Krai Polish farmers free to move to Siberia. The situation in these regions did not contribute to the return of the Polish insurgents from Siberia to their homeland after the amnesty in 1883, often rejection of the former "heroes" became the reason for their return outflows to Siberia and propaganda among the local Polish peasants for resettlement.

In Siberia the Polish settlers faced not only with the financial problems, the difficulty of adapting to different climatic conditions, but also bureaucratic and often the unwillingness of the authorities to meet their religious needs. The lack of adequate spiritual care nullified Polish peasant emigration to the territory of Asian Russia. Despite the ongoing agrarian reform, streams of Polish migrants headed to the United States, especially in Brazil, where the construction of churches was part of the state support of immigrants and Catholicism was the state religion.

Remaining after the repatriation of the 20s of XX century Polish farmers, despite their compact residence, quickly assimilated. Collectivization and Stalin's repressions destroyed most

of Polish villages in Eastern and Western Siberia. Once in the Siberian cities, Polish farmers often raise families together with the descendants of the exiled Poles.

Key words: Polish exiles, peasant emigration, the Kingdom of Poland, Northwestern Krai, Southwestern Krai, adaptation, religious needs, amnesty, repatriation.

Siedlce University of Natural Sciences and Humanities (ul. Konarskiego 2, 08-110 Siedlce, Poland; tel: 0048 25 644 20 48; e-mail: rektor@uph.edu.pl)

УДК 94:341.43(=162.1)(571)

И. В. Нам

ПОЛЬСКИЕ БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ¹²

Аннотация: Статья посвящена одной из малоизвестных страниц истории польского присутствия в Сибири – беженцам Первой мировой войны. Анализируется численность польских беженцев и их распределение по территории Сибири. Рассматривается положение беженцев, организация государственной помощи беженцам. В течение 1916-1917 гг. размер государственного пособия почти не менялся, несмотря на стремительный рост цен. Анализируется деятельность польских организаций помощи беженцам – Центрального гражданского комитета губерний Царства Польского (ЦГК) и Польского общества помощи жертвам войны (ПОПЖВ). После Февральской революции положение беженцев резко ухудшается в связи с дестабилизацией политической и экономической ситуации в стране, что вызывает недовольство беженцев. Разворачивается борьба за влияние на польских беженцев между руководством сибирских отделений ПОПЖВ и ЦГК и левых польских партий – обеих фракций Польской партии социалистов (ППС-левицы и ППС-«фракции») и СДКПиЛ. Лишь в единичных случаях эта борьба приводила к созданию самостоятельных беженских организаций, таких, как «Союз беженцев-поляков» в Красноярске. С приходом к власти большевиков прежняя государственно-общественная организация помощи беженцам была полностью разрушена. Задачу «демократизации» беженского дела взял на себя Всероссийский союз беженцев. На местах (в Новониколаевске, Томске, Иркутске) создаются Польские советы (рады) беженцев. Структуры ЦГК в Сибири ликвидируются. С созданием в декабре 1917 г. Комиссариата по польским делам при Народном комиссариате по делам национальностей (Наркомнац), опека над польскими беженцами переходит к польским комиссариатам, которые к моменту Чехословацкого переворота были образованы только в Омске, Иркутске и Чите, но развернуть свою деятельность не успели. Возвратиться на родину беженцы из Польши смогли только к концу 1921 г. после подписания соглашения о репатриации между советскими республиками и Польшей и Рижского договора в 1921 г., завершившего советско-польскую войну 1919-1921 гг.

Ключевые слова: польские беженцы, Первая мировая война, Сибирь, польские организации помощи беженцам

¹² Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009)

События Первой мировой войны 1914–1918 гг. сопровождалась «великим переселением» народов – массовым движением беженцев из оккупированных и прифронтовых районов, которое существенно повлияло на усложнение национального состава внутренних губерний и областей России, принявших беженцев. Начало военных действий в конце 1914 – начале 1915 г. на западных границах России и в Закавказье, военные неудачи 1915 г. вызвало появление в стране первых сотен тысяч беженцев, расселившихся в прифронтовой местности. Отступление русских войск на западном театре военных действий в 1915 г. с потерей Галиции, Польши, Литвы, части Прибалтики и Белоруссии привело «к принудительному выселению» жителей прифронтовых районов вглубь страны. Летом 1915 г. на восток направился многомиллионный поток эвакуированных из числа украинцев, поляков, русских, белорусов и жителей Прибалтики. Это были «даже не беженцы, а выселенцы, так как покинули свои родные места и бросили свое достояние не по собственной воле, а по распоряжению и под давлением военных властей» [1, с. 80–81]. О том, как это происходило, рассказывается в воспоминаниях М. Форнальской¹³. В деревню, где она жила, как и в тысячи других деревень и местечек, пришла весть, что жители «должны покинуть свои дома и, кто как может, пешком или на лошадях, двинуться в направлении, указанном военными властями. Сжатый и сложенный в копны хлеб приказано сжечь, дома тоже... Через несколько дней в деревню прискакал кавалерийский отряд. Разбившись на группки, всадники объезжали дома, вызывали хозяев и категорически приказывали запрягать коней, грузить вещи, угонять скот... Очевидцы рассказывали, что обозы беженцев растягивались порой на несколько километров...; от грязи, от недоваренной пищи начались болезни; детей и взрослых хоронили без плача там, где их застала смерть» [2, с. 208–209]. Волна беженцев, следовавших без всякого плана, застала местные власти врасплох. Неустроенные беженцы неделями проживали в вагонах, переезжая с места на место. В пути умирало свыше 16% беженцев¹⁴.

Массовое прибытие беженцев с западного театра военных действий в тыловые губернии Российской империи началось в июле – августе, достигло максимума в сентябре – октябре, завершилось в ноябре – декабре 1915 г. Регулярное прибытие беженских эшелонов в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток началось позднее – с конца сентября, но завершилось одновременно с европейской территорией – к исходу 1915 г. [3, с. 135–136].

Официальные сведения о численности эвакуированного населения учитывают почти исключительно «призреваемых» беженцев из «простонародья», что позволяло контролировать выдачу им государственных пособий. Вне регистрации оказались государственные служащие с семьями, получавшие «жалованье» и особую «ссудную» помощь, и все «состоятельные» беженцы, не нуждавшиеся в «государственном попечении», а также выселенцы, состоящие под надзором полиции, которых только в ходе весенней амнистии 1917 г. в массовом порядке перевели из категории «административно-высланных» в разряд «беженцев» [3, с. 140]. «Мало-мальски обеспеченные группы населения в территориях, подвергшихся эвакуации, имея возможность не остаться без определенных занятий и тяготясь ограничениями в передвижении, которым подвергались беженцы, решительно отказывались регистрироваться в числе беженцев, называя себя выселенцами и не пользуясь регулярной поддержкой патронирующих организаций» [4, с. 70]. По этой причине нет точных данных, как об общей численности беженцев, так и о распределении их по национальностям.

Всего на Азиатскую Россию (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия) приходилось 114637 чел., или 3,0% всех беженцев, больше всего их осело в Акмолинской области – 31 936 и Томской губернии – 30 005 чел. [3, с. 141]. К 1 февраля 1917 г. общая численность

¹³ Марцянна Форнальская – мать Малгожаты Форнальской, секретаря ЦК Польской рабочей партии, погибшей в застенках гестапо.

¹⁴ Ср.: смертность среди переселенцев в пути составляла 0,06%.

беженцев в Сибири достигла 86664 чел. [5, с. 263] По подсчетам Л.М. Горюшкина, первое место по количеству беженцев занимала Томская губерния, за ней следовала Акмолинская область [6, с. 94]. По нашим подсчетам, в Иркутской губернии на 15 ноября 1916 г. 42491 беженцев, в Томской губернии на начало 1917 г. – 30488, в Енисейской губернии на это же время – 12299 [РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 10. Л. 70-80].

По сведениям статистического отдела Татьянинского комитета, который занимался разработкой регистрационных карточек на беженцев в районах водворения, национальный состав 3,2 млн призываемых беженцев в России (без Закавказья) на конец 1916 г. выглядел следующим образом: русские — 58,8%, поляки — 15,0%, латыши – 10,0%, евреи – 6,4%, литовцы – 2,8%, эстонцы и др. – 7,0%. [3, с. 141]. При этом нужно учитывать, что термин «русские» имел обобщенный смысл, включая население «великорусское», «малорусское» и «белорусское». В Сибири доля беженцев нерусской национальности, без учета украинцев и белорусов, достигала 20-25%. Польские беженцы были второй по численности, после русских, этнической группой, составляя к середине февраля 1917 г., по неполным данным, 8,29% (4274 чел.) от общей численности беженцев (без Тобольской губернии) [РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 10. Л. 79-80].

В связи с наплывом беженцев возникла необходимость создания специальных организационных структур, занимающихся оказанием помощи беженцам. В местах их размещения создавались губернские (областные), уездные и городские совещания и комитеты, которые занимались общей координацией нужд беженцев и непосредственным попечением эвакуированных «русского» происхождения (великороссов, малороссов и белорусов). Помощь беженцам других национальностей оказывалась национальными организациями. Польские беженцы подлежали попечению Центрального гражданского (обывательского) комитета губерний Царства Польского (ЦОК, ЦГК), и Польского общества помощи жертвам войны (ПОПЖВ). В Сибири, как и в других регионах размещения беженцев, были созданы отделения этих комитетов. Национальные организации обеспечивали материальные и культурно-духовные потребности беженцев, включая поддержку религиозных традиций, выполняя тем самым консолидирующую роль в их среде.

Во все крупные центры скопления беженцев были направлены уполномоченные ЦГК. Первоначально были назначены уполномоченные и в каждую губернию (область) Сибири. Так, уполномоченным для Томской губернии был П. А. Залэнский, инструкторами по устройству беженцев – К. А. Эйдымт, В. Суржицкий и К. Выгановский [ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 2]. Но в августе 1916 г. Главное управление ЦГК, «преследуя цели экономии», отозвало окружных уполномоченных и упразднило занимаемые ими должности. Руководство всеми его отделениями в Сибири было передано присяжному поверенному И.И. Здзеницкому, его местопребыванием сначала был Красноярск [ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 117], а с июня 1917 г. – Омск [ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 4. Л. 236]. ЦГК брал под свою опеку главным образом беженцев-крестьян, полагая, что это позволит им сохранить свою национальную самобытность [7, с. 307]. Для привлечения к труду работоспособной части беженцев они объединялись в партии по 100 чел., с проводником во главе. Для таких партий подыскивались квартиры, работа, оказывалась помощь при доставке продуктов и т.п. [ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 6].

Деятельность Петроградского общества вспомоществования бедным семействам поляков и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий¹⁵, районом деятельности которого определялась вся Российская империя, направлялась Польским комитетом, образовавшимся в августе 1914 г. в Москве. Во главе его стоял А. Ледницкий, член ЦК партии кадетов, один из наиболее известных представителей польского либерализма в России [8, с. 29]. Во всех районах размещения беженцев силами местной

¹⁵ Так первоначально называлось Польское общество помощи жертвам войны.

польской интеллигенции были созданы отделения общества. В Томской губернии отделения ПОПЖВ были открыты в Томске (1 декабря 1914 г.), Барнауле (декабрь 1914 г.), Татарске (январь 1915 г.), Новониколаевске (ноябрь 1915 г.), Каинске (6 февраля 1916 г.). В других регионах Сибири отделения ПОПЖВ были образованы в Кургане, Омске, Ачинске, Красноярске, Иркутске, Чите, Благовещенске [ГАРФ. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 197. Л. 24–29; ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 239. Л. 9, 19, 34, 55, 60].

В отличие от ЦГК, оказывавшего помощь преимущественно беженцам-сельчанам, ПОПЖВ имело своей целью, согласно уставу, оказание помощи всем полякам, пострадавшим от войны [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 239. Л. 1]. Его демократизм выражался в более внимательном отношении к нуждам бедноты, в оказании беженцам медицинской помощи, организации школ, детских садов и яслей, приютов и убежищ для детей и стариков. ПОПЖВ не чуждалось оказывать помощь ссыльным полякам – как административно высланным, так и политическим, а также подданным воюющих с Россией держав. Так, весной – летом 1916 г. с разрешения Департамента полиции была организована поездка в Нарымский и Туруханский края уполномоченных Совета съездов польских организаций (Шишлович), львовского Польского вспомогательного комитета (С. А. Ума) и ПОПЖВ (Я. С. Бархвиц) с целью оказания помощи полякам – административно-ссыльным и высланным из Галиции [АААКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1058. Л. 1; ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 429. Л. 144–145]. Для оказания помощи военнообязанным иностранным подданным с разрешения МВД при местных отделах ПОПЖВ открывались патронаты [АААКК. Ф. 595. Оп. 70. Д. 406. Л. 37]. К началу 1916 г. патронаты действовали в обеих столицах, во многих городах Европейской России, а в Сибири – в Иркутске [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 239. Л. 23 об.] Но власти на местах далеко не всегда приветствовали их создание. В Томске, например, все усилия местных поляков, направленные на то, чтобы открыть патронат, были безуспешны, несмотря на поддержку Петроградского комитета [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 239.. Л. 21, 23–24, 30].

Помощь беженцам со стороны правительства начала оказываться спустя год после начала беженского движения. Летом 1915 г. было создано Особое совещание по размещению и устройству беженцев с функциями высшего консультативного органа МВД в отношении всех нужд беженцев в России, состоявшее из представителей министерств, обеих законодательных палат, общественных организаций, включая национальные, и Всероссийского земского и городского союзов и Объединенного отдела по устройству беженцев. Рабочим органом самого МВД был отдел по устройству беженцев на правах временного департамента. Особое совещание функционировало с 10 сентября 1915 г. до конца 1917 г. После февраля 1917 г. оно было переименовано во Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны. Оказание помощи беженцам возлагалось также на полуправительственную организацию – Татьянинский комитет (Комитет Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны) и его местные отделения, а также на особых главноуполномоченных по устройству беженцев.

Систематическая помощь беженцам по линии государства начала оказываться только в марте 1916 г., когда были опубликованы выработанные Особым совещанием Руководящие положения по устройству беженцев, определившие ее характер и размеры¹⁶. Но очень скоро началось свертывание политики государственного призрения беженцев под предлогом, что они уже успели освоиться на новых местах. Летом 1916 г. Особое совещание дважды принимало положения, предусматривавшие снятие с пайка сначала 10-15, затем 50% беженцев. В этих условиях помощь беженцам со стороны национальных организаций, которая, кроме распределения среди опекаемых ими беженцев государственных средств,

¹⁶ Предусматривались следующие виды помощи: продовольственная, квартирная, одеждой, санитарная и медицинская, трудовая и хозяйственная, содержание школ и учителей, культурно-просветительная, религиозная, юридическая и др.

включала и благотворительную помощь, создавала для нерусских беженцев более сносные условия для выживания, чем для их русских товарищей по несчастью.

О характере помощи, оказываемой польскими беженскими организациями, можно судить по архивным материалам и по сообщениям газет. К примеру, в Томске отделом ПОПЖВ к октябрю 1915 г. были созданы секции: материальная, приютов, санитарная, юридическая и труда, характеризующие направления и содержание оказываемой помощи. В помещении приходского дома при костеле, которое было предоставлено куратором костела ксендзом И. Демикисом, открылось бюро регистрации беженцев, пожертвований и предложений труда. Было снято 20 квартир, в которых размещалось около 400 человек. Еще 600 человек, находившихся на попечении общества, снимали квартиры самостоятельно [10. 1915. 17 окт.] К 1 апреля 1916 г. на обслуживаемых обществом квартирах жили 693 беженца, а к 1 июля квартирная помощь оказывалась уже 1037 беженцам, из них более 70% жили на квартирах, снимаемых комитетом ПОПЖВ. Комитет оплачивал также расходы на отопление, освещение, снабжение водой и т.п. [ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 65–66, 145]. Нетрудоспособные беженцы обеспечивались продовольственной помощью, дети в школе получали горячие завтраки. Для престарелых беженцев был организован приют в убежище Римско-католического благотворительного общества. Была устроена амбулатория, приглашена фельдшерица, которая оказывала первоначальную помощь беженцам, посещала их квартиры, наблюдала за их санитарным состоянием. Чтобы обеспечить беженцев одеждой и хотя бы частично решить проблему заработка для женщин-беженок, была организована швейная мастерская.

Духовные потребности беженцев-католиков удовлетворялись как местными ксендзами, так и специально командированными в Сибирь. Так, в феврале 1916 г. в Томскую губернию по направлению могилевского архиепископа Цепляка прибыл ксендз Казимир Ясас, поселившийся в г. Тайге, а несколько позднее Юлиан Юркевич [ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 48–49]. По линии ПОПЖВ в 1916 г. в Томскую губернию был направлен священник Котарский [ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 70, 312, 316]. Бароковский приход Маринского уезда обслуживал ксендз М. Шварась, Боготольский – ксендз И. Янулис, Маринский – ксендз И. Папалейгис. Совершая необходимые требы бесплатно, они также безвозмездно исполняли и обязанности инструкторов [ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 48].

В связи с массовым наплывом беженцев стали создаваться школы для детей беженцев. Осенью 1915 г. было открыто низшее частное училище для детей беженцев-поляков в Томске «под ответственным наблюдением» преподавателя томского Алексеевского реального училища Ф. Р. Дульского. С разрешения училищного совета наряду с общеобразовательными предметами в школе преподавался польский язык. При открытии школа была рассчитана на 20 детей, но уже в октябре их число достигло 180, а в 1916 г. в школу было принято 312 детей. Для польских детей была организована летняя колония в деревне Заварзино [ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 65–66, 145, 312, 316]. В этом же году Польским обществом помощи жертвам войны была открыта школа для детей беженцев в Новониколаевске. Располагавшаяся в новом здании при римско-католическом костеле школа была устроена по типу школ Царства Польского. Обучалось в школе 140 детей, заведовал школой ксендз Ю. Юркевич [11. 1916. 23 авг.; 10. 1916. 28 авг.]

В годы революции и гражданской войны положение беженцев резко ухудшилось. Оказываемая им помощь, несмотря на рост дороговизны и преобладание нетрудоспособных беженцев, не индексировалась и оказывалась нерегулярно. Это вызывало рост недовольства среди беженцев, нередко перераставшего в беспорядки. Так, в июле 1917 г. «толпа женщин-беженок», как сообщалось в газетах, «учинила возмутительную расправу» над одним из членов польского комитета по оказанию помощи беженцам в Томске, «избив его и, в буквальном смысле слова, выбросив в окошко из помещения». «Оскорбления действием» были нанесены также секретарю комитета. Поводом послужило «незаконное» требова-

ние беженцев о выдаче им 20-рублевого пособия, тогда как в распоряжении комитета имелась лишь сумма, из которой можно было выплатить не более 7 руб. 50 коп. на человека [10. 1917. 20 июля].

На фоне все более ухудшавшегося положения развернулась политическая борьба за влияние на беженцев, за «демократизацию» организаций помощи беженцам. Членам СДКПиЛ в Красноярске удалось объединить большую группу польских беженцев в «Союз беженцев-поляков г. Красноярска» и вывести их из-под опеки ЦГК. В резолюции, принятой собранием беженцев 18 мая 1917 г., говорилось: «Красноярские беженцы-поляки, находясь под опекой Центрального обывательского комитета, будучи недовольны действиями г. уполномоченного и его помощников, почти поголовно решили отказаться от их опеки и объединиться в самоуправляющийся союз». Собранием был принят устав и избран комитет. В его состав вошли Я. М. Красовска-Пекаж, одна из руководителей группы СДКПиЛ в Красноярске, и врач В.С. Маерчак, которого избрали председателем Союза беженцев-поляков [АААКК. Ф. 595. Оп. 71. Д. 12. Л. 247–248, 271]. Добилась «демократизации» местного отделения ПОПЖВ и группа СДКПиЛ в Омске [8, с. 120].

После Октября положение беженцев в Сибири еще более ухудшилось. «Октябрьский переворот создал в беженском деле прямо катастрофу», – отмечал председатель Главного управления ЦГК в письме на имя «гражданина Председателя Совета Народных Комиссаров», выражая «протест против той разрухи, которая внесена ныне в беженское дело...» [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1082. Л. 72–73]. Весной 1918 г. беженцам не только не было выдано обещанных Советским правительством в связи с ростом дороговизны прибавок, но даже из того, что им следовало по прежним нормам, они получили лишь незначительную часть. В газетах сообщалось, что поляки-беженцы переживают «кризис и бедствия» из-за прекращения поступления денежных средств на содержание беженских организаций [13. 1917. 25 дек.]

Прежняя государственно-общественная организация беженского дела была полностью ликвидирована. Задачу «демократизации» беженского дела взял на себя Всероссийский союз беженцев, созданный на I Всероссийском съезде беженцев (сентябрь 1917 г.) II Всероссийский съезд беженцев, проходивший 19–25 ноября 1917 г., избрал Центральное правление Всероссийского союза беженцев, который сосредоточил в своих руках помощь беженцам [РГИА. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 1750. Л. 1]. В циркуляре местным советам от 15 декабря 1917 г. указывалось на необходимость демократизации беженских учреждений, привлекая к участию в них широких масс беженцев. Создаваемые с этой целью комиссии по делам беженцев, действуя в контакте с революционными организациями, в том числе национальными, должны были создавать беженские советы, избираемые общими собраниями или съездами беженцев. Беженские советы, в свою очередь, избирали губернский/областной исполнительный комитет, ведающий делами беженцев в данном регионе [ГИАОО. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 50. Л. 7; 13. 1918. 20 февр.]

Опираясь на эти постановления, исполком Западно-Сибирского совета рабочих и солдатских депутатов предложил советам провести демократизацию беженских учреждений на местах. В зависимости от местных условий разрешалось организовывать беженцев по национальностям с тем, чтобы затем слить их в единый центр. Вместе с тем указывалось, что целесообразнее было бы не считаться с национальными различиями [13. 1918. 19 янв.] Реорганизация помощи беженцам происходила в острой политической борьбе, в которой верх одерживали в большинстве случаев левые политические силы. В Томске вопрос о перестройке беженских учреждений в губернии рассматривался на совещании представителей организаций помощи беженцам 28 января 1918 г. На голосование было поставлено 3 резолюции: председателя губернской беженской управы большевика Ансона и представителей польского отдела Пиотровского и еврейской организации Савицкого. Большинством в 13 голосов при 10 воздержавшихся была принята большевистская

резолуция, в которой предлагалось провести реорганизацию беженских учреждений на основе положений, выработанных Всероссийским союзом беженцев. Резолюция Пиотровского, предлагавшая признать существующие комитеты помощи беженцам не подлежащими коренной перестройке, получила лишь 3 голоса. Резолюция Савицкого и вовсе была снята с голосования [13. 1918. 20 февр.]

В марте 1918 г. прошли выборы в советы польских беженцев в Новониколаевске [14. 1918. 20 марта]¹⁷, Томске и Иркутске. На выборах в Польскую раду беженцев в Иркутске, проходивших 10 марта 1918 г., конкурировали 2 списка: № 1, выставленный социалистическим блоком (СДКПиЛ, ППС-левица, ППС-«фракция», демократическая часть беженцев), и № 2 – польских общественных организаций, по которому баллотировались, как писалось в социалистической прессе, «ставленники местной польской буржуазии». Победу одержал список социалистов, собравший 292 голоса (19 мест в раде). Список № 2 получил 256 голосов (16 мест в раде) [15. 1918. 20 марта]. Выборы в Польский совет беженцев в Томске, проходившие 24 марта 1918 г., также дали победу списку польских социалистов и демократической части беженцев [13. 1918. 27 марта].

В этих условиях руководство ЦГК и ПОПЖВ пыталось найти взаимопонимание с новой властью. 20 февраля Сибирский районный совет ЦГК¹⁸ направил в Омский совет резолюцию. В ней содержалось признание совета, как представителя Совнаркома, и выражалась надежда на то, что беженцы-поляки найдут «поддержку в тяжелые минуты скитаний, а также уважение наших прав на самоопределение, ... получают самую широкую помощь при подготовке к возвращению в Польшу». Это не означало, что Сибирский совет ЦГК согласился с действиями большевиков и не пытался предотвратить ликвидацию структуры ЦГК в Сибири. Его действия соответствовали позиции Главного совета ЦГК, который полагал, что поскольку «революционное правительство России декларировало самоопределение народов, то есть предоставило полякам право на самоуправление», все вопросы, касающиеся судеб беженцев-поляков, должны решаться самими беженцами, объединенными в независимую организацию [7, с. 314]. Такая позиция предопределила ликвидацию структур ЦГК в 1918 г.

Ликвидация структур Сибирского совета ЦГК началась с закрытия 15 января 1918 г. представительства комитета в Красноярске. 22 февраля, спустя два дня после принятия упомянутой резолюции, Сибсовет ЦГК принял новую резолюцию с выражением «самого энергичного» протеста «против каких-либо нападков, насилия и вмешательства агентов нынешнего Российского правительства во внутренние дела польских организаций по оказанию помощи и от имени своих избирателей». Одновременно было принято решение о выходе из состава Омского совета рабочих и солдатских депутатов и выдвинуто требование о немедленном предоставлении финансовых средств, предназначенных для оказания помощи беженцам [7, с. 314].

Одной из задач ЦГК была подготовка к возвращению беженцев на родину. 10 марта 1918 г. вопрос об организации возвращения поляков на родину обсуждался на совещании представителей польских общественных организаций в Омске, в котором участвовало около ста представителей политических, общественных, профессиональных и благотворительных организаций. Не были представлены только СДКПиЛ и местное отделение ПОПЖВ. Здесь сказались разногласия между ЦГК и ПОПЖВ. Участники совещания решили создать Комитет по возвращению поляков на родину. В его состав вошли представители ЦГК, общества «Огниско», ППС, благотворительного общества, Общества польских рабочих, кружка «велькополян», железнодорожных рабочих, отряда польских стрелков и политического клуба. В результате комитет так и не сумел начать свою рабо-

¹⁷ Данные о партийной принадлежности избранных в Польский совет беженцев в Новониколаевске опубликованы не были.

¹⁸ Сибирский районный совет ЦГК был создан 18 марта 1917 г.

ту, не решен был и вопрос об организации совместного возвращения поляков на родину [7, с. 310-311; 9, с. 325]. 28 апреля была предпринята еще одна попытка спасения отделений ЦГК в Сибири. На собрании польских беженцев, состоявшемся в этот день в Омске, было решено передать все имущество Польского районного совета в распоряжение Комитета возвращения на родину. Но президиум Омского совета, не считаясь с мнением польской общественности, постановлением от 30 апреля 1918 г. передал функции и имущество Польского районного беженского совета Польскому комиссариату [ГИАОО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 126. Л. 37].

Опеку над польскими беженцами, солдатами и военнопленными взял на себя Комиссариат по польским делам при Наркомнаце, образовавшийся в начале декабря 1917 г. В обращении «К польскому люду в России» говорилось, что задачей комиссариата «будет защита преданных забвению национальных и культурных прав польского населения в России, опека общества и государства над массами польских беженцев, пленных и солдат, а также оказание помощи подлинно демократическим учреждениям в их культурной, общественной и организационной работе» [16, с. 185]. Декретом от 11 декабря всем правительственным учреждениям предписывалось при издании распоряжений, касающихся польских беженцев и солдат, предварительно сноситься с Польским комиссариатом [17. 1917. 14 дек.]

Образованию Комиссариата по польским делам предшествовало совещание представителей СДКПиЛ, ППС-левицы, ППС-«фракции», Главного польского военного комитета-левицы и других левых организаций, состоявшееся в Петрограде 24 ноября (7 декабря). Совещание конституировалось как Совет революционно-демократических организаций. Его руководителями стали представители СДКПиЛ (Б. Мандельбаум), ППС-левицы (Л. Пинкус) и ППС-«фракции» (А. Плавский). Участники совещания договорились о сотрудничестве с создававшимся комиссариатом, который должен был действовать под контролем Совета революционно-демократических организаций. Был принят проект идейной платформы, исходивший из признания Совнаркома единственным правительством России и рассматривавший «русскую революцию как акт международной революции, которая ставит перед пролетариатом всех стран задачу непосредственной борьбы за социализм». Подчеркивалось, что принявшие идеологию этого документа организации видят возможность национального освобождения Польши «только по пути революционной классовой борьбы польского пролетариата в тесной связи с борьбой международного пролетариата за социализм» [18, с. 135-136].

Специальной инструкцией, разработанной Польским комиссариатом, предписывалось создавать в местах сосредоточения поляков местные советы революционно-демократических организаций, в состав которых могли входить группы польских социалистических партий и те рабочие, солдатские и беженские организации, которые стоят «на платформе Совета польских революционно-демократических организаций». Советы в свою очередь могли выделять из своего состава комиссариаты, подчинявшиеся центральному Комиссариату по польским делам. Местные комиссариаты являлись правительственными учреждениями по польским делам, их задачи заключались в проведении в жизнь правительственных декретов, касающихся поляков, в оказании помощи беженцам и пленным, проведении демобилизации польских солдат, реэвакуации беженцев, осуществлении культурно-просветительной деятельности и т.п. [16, с. 188]

В Сибири одним из первых возник Комиссариат по польским делам в Иркутске, открывший свои действия 29 января 1918 г. Инициаторами его образования стали группы СДКПиЛ и ППС-левицы. От СДКПиЛ в раду Комиссариата вошли Кнерлевич, Фальковский, Скворонек, Сиодлак, Котевский, Гемборек, Рыковский [15. 1918. 30 янв., 14 марта]. Группа ППС-«фракции» сначала отказалась послать своих представителей в состав Комиссариата [19. 1918. 28 янв.] После конференции ППС-«фракции», состоявшейся в Москве в

феврале 1918 г., которая признала Советскую власть¹⁹, представители «фраков» вошли в Комиссариат, а их лидер И. Познанский стал помощником комиссара по польским делам Е. Лосевича, члена ППС-левицы [РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 296. Л. 129].

В Омске, где группа ППС стояла на антисоветских позициях, организацию Польского комиссариата провели члены СДКПиЛ. По решению общего собрания группы СДКПиЛ, состоявшегося 18 марта 1918 г., был создан временный комиссариат по польским делам из 6 человек. Комиссаром стал Я. Ф. Сковроньский, помощником комиссара – М.И. Лучак, секретарём – И. Перог [20. 1918. 16 мая]. В структуру комиссариата входило 6 отделов: по охране прав военнопленных, эмигрантов, по организации отправки эмигрантов на родину, военный, просвещения и труда [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1037. Л. 46–47]. Была установлена связь с Польским комиссариатом в Москве. 27 марта вопрос об организации Польского комиссариата обсуждался на заседании исполкома Омского совета и был решён положительно. Было постановлено послать представителей комиссариата в отдел по борьбе с контрреволюцией при Совете [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1037. Л. 48–49]. И вплоть до чехословацкого переворота Польский комиссариат в Омске и местный совет действовали весьма слаженно, ликвидируя польские «буржуазные» организации. Так, 11 апреля президиум Омского совета постановил закрыть «за азартные игры» польский клуб «Огниско». Имущество и помещение клуба были национализированы и переданы комитету иностранных пролетариев. Детский сад и школа, организованные культурно-просветительным обществом «Огниско», были «приобщены» к другим общегородским организациям [ГИАОО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 126. Л. 25, 28 об.] Но родительскому комитету общества «Огниско» удалось убедить областной исполком советов, что это не клуб, а культурно-просветительная организация, в которой «азартные игры – в карты и в лото – не допускались ни под каким видом». Поэтому 20 апреля было вынесено новое постановление Омского совета – вернуть обществу конфискованную мебель, а для польской школы и детского сада подыскать помещение. Общество снова было открыто для всех поляков, начали действовать дешевая столовая, библиотека-читальня, детский сад, а с 1 декабря 1918 г. – курсы польского языка, которые могли посещать дети всех поляков, причем дети бедных родителей – бесплатно [ГИАОО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 126. Л. 31, 41-42, 52].

В конце апреля 1918 г. был создан Польский комиссариат Забайкалья в Чите. Его образованию предшествовало создание революционно-демократического совета, в состав которого входили представители ППС-«фракции», Союза железнодорожных служащих и рабочих поляков, Совета беженцев, Республиканско-демократического общества. В состав комиссариата вошли: комиссар – А. В. Пешч (представитель ППС-«фракции»); помощник комиссара – С. Карч (представитель Союза железнодорожников, член ППС), оба – слесари читинских мастерских; секретарь – Я. Станишевский (член Союза железнодорожников, конторщик читинских мастерских, беспартийный). Информировав об этом Совнарком Забайкалья, А. Пешч подчеркнул, что комиссариат конституируется как областное учреждение по польским делам и будет работать в контакте с Советской властью [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1036. Л. 301, 353, 356]. Однако Совнарком Забайкалья отказался признать мандаты членов Польского комиссариата и выдать запрашиваемый аванс на его деятельность впредь до получения соответствующих распоряжений из центра – Польского комиссариата и Наркомата внутренних дел. Основанием для отказа послужило участие в совете представителей Республиканско-демократического общества, «буржуазного по существу», а сам комиссариат не является выразителем интересов польского населения Читы, поскольку значительная часть поляков-социалистов относится к нему отрицательно [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1036. Л. 300–300 об.]

¹⁹ В действительности речь идет не о съезде, а III конференции ППС-«фракции», которая приветствовала победу Октябрьской революции и призвала членов партии встать на ее защиту, вступая в части Красной армии.

Центральный комиссариат по польским делам установил контакты и с другими сибирскими городами, в частности, с Красноярском и Курганом [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1025. Л. 116, 127, 128]. Но в результате чехословацкого мятежа связь с польскими комиссариатами в Сибири была прервана, а их деятельность прекратилась²⁰ [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1029. Л. 3, 7 об.] Реальной помощи беженцам польские комиссариаты в Сибири не оказали как в силу кратковременности их существования, так и потому что такой цели они, в сущности, и не ставили. Для них важнее было вывести польских беженцев из-под «буржуазного» влияния и привлечь их на сторону большевиков. Благотворительная деятельность польских общественных организаций ЦГК и ПОПЖВ, несмотря на то, что оказываемая ими помощь беженцам не всегда достигала цели из-за огромных трудностей, вызываемых войной и революцией, все же облегчила жизнь беженцев-поляков в условиях изгнания. Первая мировая война закончилась в ноябре 1918 г., но возвратиться на родину беженцы из Польши смогли только к концу 1921 г. после подписания соглашения о репатриации между советскими республиками и Польшей и Рижского договора в 1921 г., завершившего советско-польскую войну 1919-1921 гг. И лишь малая их часть осталась в Сибири.

Список литературы:

1. *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914-1917) / Н.С. Курцев // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98-113.
2. *Форнальская М.* Воспоминания матери / М. Форнальская. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 670 с.
3. *Курцев А.Н.* Беженство / А.Н. Курцев. // Россия и Первая мировая война: Мат. междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С 135-141.
4. *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. / Е.З. Волков. М.; Л., 1930. 272 с.
5. *Киржниц А.Д.* Беженцы и выселенцы / А.Д. Киржниц. // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. Т. 1. С. 262-264.
6. *Горюшкин Л.М.* Беженцы в Сибири в годы Первой мировой войны / Л.М. Горюшкин // Бахрушинские чтения. 1977 г.: Сб. науч. тр. Новосиб. гос. ун-т, 1977. С. 93-102.
7. *Кожаневский М.* Деятельность Центрального гражданского комитета в Сибири (1915-1918 гг.) / М. Кожаневский // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 299- 316.
8. *Манусевич А.Я.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (февраль-октябрь 1917 г.). / А.Я. Манусевич. М.: Наука, 1965. 412 с.
9. *Мондзик М.* Деятельность Польского общества помощи жертвам войны в Сибири в годы Первой мировой войны М. Мондзик // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С.317-326.
10. *Сибирская жизнь.* Томск.
11. *Алтайское дело.* Барнаул.
12. *Голос Сибири.* Новониколаевск.
13. *Знамя революции.* Томск.
14. *Дело революции.* Новониколаевск.
15. *Власть труда.* Иркутск.
16. *Документы* и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. М.:

²⁰ В условиях гражданской войны оказание помощи польским беженцам в Сибири взял на себя Польский национальный комитет для Сибири и России (Полнацком), подчинявшийся Польскому национальному комитету в Париже. В Полнацкоме был образован особый отдел помощи жертвам войны и реэмиграции.

Изд-во АН СССР, 1963. 547 с.

17. *Путь народа*. Томск.

18. Манусевич А.Я. Польские социал-демократические и другие революционные группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти (октябрь 1917 – январь 1918 г. / А.Я. Манусевич // Из истории польского рабочего движения. М., 1962. С. 103-189.

19. *Новая Сибирь*. Иркутск.

20. *Известия* Западно-Сибирского и Омского областного исполнительных комитетов Советов.

I. V. Nam

Polish refugees in Siberia during the World War One

Summary: The article is dedicated to one of the little known parts of the history of Polish presence in Siberia – to the case of WWI refugees. The analysis is provided as to the number and distribution of the Polish refugees on the territory of Siberia, as well as to their life and the organization of state assistance to them. During the years of 1916-1917, the amount of state benefits remained almost unchanged despite the rapid price increase. The article considers the activity of Polish refugee assistance organizations, namely, of the Central Civil Committee of Kingdom of Poland provinces and the Polish War Victims Society. After the February Revolution the life of the refugees rapidly deteriorated due to destabilization of the political and economic situation in the country which caused discontent among the refugees. The leadership of Siberian divisions of the Polish War Victims Society and the Central Committee of Kingdom of Poland provinces and Polish leftist parties – both factions of the Polish Socialist Party (PSP-Levitsa and PSP-‘faction’) and the Social Democracy of the Kingdom of Poland and Lithuania – started to compete for the influence over the Polish refugees. Rarely this competition would lead to the creation of independent refugee organizations such as the ‘Union of Polish Refugees’ in Krasnoyarsk. When the Bolsheviks came to power, the previous state-public organization of assistance to refugees was completely destroyed. The All-Russian Union of Refugees was to solve the task of ‘democratization’ of the refugee situation. On the ground (Novonikolayevsk, Tomsk, Irkutsk), there were Polish refugee councils (radas) created. Divisions of the Central Civil Committee of Kingdom of Poland provinces in Siberia were eradicated. When, in December of 1917, the Commissariat for Polish Affairs was established under the People’s Commissariat for Nationalities (Narkomnats), the custody of refugees was transferred to Polish commissariats which, by the time of the Czechoslovak upheaval, were only created in Omsk, Irkutsk, and Chita and did not manage to expand their activities yet. The Polish refugees could only return to their homeland by the end of 1921 after the agreement had been signed as to the repatriation between Soviet republics and Poland, and after the 1921 Treaty of Riga putting an end to the Soviet-Polish War of 1919-1921 had been concluded.

Key words: Polish refugees, World War One, Siberia, Polish refugee assistance organizations

Federal State Autonomous Institution of Higher Education National Research Tomsk State University (36, Lenin Ave., Tomsk, 634050 Russian Federation; tel.: 007 (3822) 529 852; e-mail:rector@tsu.ru)

РАЗДЕЛ IV. СИБИРЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПОЛЯКОВ, ПОЛЯКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СИБИРЯКОВ

УДК 94(571.16)

М. П. Чёрная

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОМПОНЕНТ В КУЛЬТУРНОМ КОДЕ ВОЕВОДСКОЙ УСАДЬБЫ ТОМСКА (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVII – СЕРЕДИНА XVIII ВЕКА)

Аннотация: В статье рассматривается проникновение в Сибирь в ходе её колонизации в XVII–XVIII вв. компонентов европейской культуры и моды, их присутствие в предметном оформлении и наполнении воеводской усадьбы в Томске, который возглавлял один из сибирских разрядов – наиболее крупную административно-территориальную единицу, и играл роль координирующего центра большой округи. Воеводы города такого ранга, как Томск, являлись одним из самых заметных звеньев западных и восточных связей России в Сибири. Археологически документированное наличие в резиденции высшего должностного лица местной администрации европейских новинок в виде печей определённой конструкции, изразцов, стеклянной посуды, элементов костюма и проч., которые служили внешними выразителями административной значимости воеводы, демонстрировали его власть, престиж, статус и подчёркивали принадлежность к элите. Зарубежные новации становились объектами творческой переработки, в ходе которой шло их постепенное преобразование в местный продукт, ставший уже органической частью «своей» среды. Культурный взаимообмен как на социальных верхах, так и на низовом обыденном уровне способствовал расширению исторических перспектив развития сибирского региона в масштабах всей страны и его взаимодействию с окружающим миром.

Ключевые слова: Сибирь, Томск, воеводская усадьба, влияние европейской культуры, печи, изразцы, посуда, костюм, археологические исследования.

Введение

Воеводское управление в Сибири являлось органической частью общероссийского процесса реорганизации института местной власти, обусловленного ходом социально-политического развития страны в конце XVI – начале XVII в. Воевода как главный управленец, назначенный Москвой, становится основной фигурой местной администрации в общероссийском масштабе [1, с. 4–9, 12]. Централизация института местной власти актуализировалась также в связи с территориальным расширением Русского государства и особыми задачами правительственной политики по освоению новых земель. С началом колонизации Сибири становление воеводского управления обретает в рамках страны евразийский размах. В специфических условиях региона – необъятность пространств, отсутствие частного землевладения, крепостного права, жёстких сословных рамок при возрастающих потоках переселенцев, в том числе «стихийных», стремившихся в Сибирь «за землёй и волей» – воеводы как представители и исполнители центральной власти выступали важнейшим звеном в аппарате управления. Однако, как справедливо отмечает Е. В. Вершинин, при всех указанных особенностях ни организационно, ни по содержанию воеводская администрация Сибири не являлась колониальным аппаратом, но формировалась на тех же принципах и выполняла те же функции, что и в европейской части страны [1, с. 9, 185].

Результаты исследования

Власть, статус, престиж воеводы находили овеществлённо-символическое выражение в резиденции высшего должностного лица местной администрации – воеводской усадьбе. Топография воеводской резиденции, состав и облик её застройки, интерьер и предметное наполнение существовали в контексте определённых общественных отношений, выполняя функции социальной репрезентации и коммуникации. Статусный код воеводской усадьбы был понятен окружающим, выступая своеобразным «руководством», «регулятором» поведения и взаимоотношений людей в конкретных социально-практических ситуациях.

Вот и дом томского воеводы своими внушительными размерами, галереей, парадным, высоким крыльцом, внешней отделкой хором с применением дорогостоящих строительных материалов давал верное представление о положении воеводы разрядного города. Посетители и гости, поднявшись по лестнице, попадали в парадные сени воеводского дома, кто-то из них удостаивался приглашения во внутренние покои, где стояли печи, покрытые «красными» и муравленными изразцами, сразу приковывавшими к себе взгляды входящего.

Изразцовые печи из кирпича, достаточно большие по размерам и правильной формы имели особую конструкцию. Их внезапное появление в Москве в конце XVI – начале XVII в. связано с переносом на русскую почву западноевропейской традиции устройства печей с облицовкой конкретного типа и определённой архитектуры (о конструкции и архитектуре европейских печей см.: [2, с. 346, 347, 357–361; 3, с. 143–159; 4, с. 63–68, tabl. XLVI /A, B, XLVII /A, B; 5, с. 15]): позднеготической, позднеренессансной, барочной, с последующей их апробацией и адаптацией к местным условиям [6, с. 30–40].

Материальным носителем знаков власти и силы, демонстрировавшим верховный статус разрядного воеводы Томска, была «орлистая» печь, облицованная изразцами с коронованным одноглавым орлом, натягивающим тетиву лука. Атрибутами власти являются такие элементы рисунка, как царственный орёл, корона, и буквы «Г» и «Р», которые можно прочесть, как «Государь [Всея] Руси». Политико-демонстрационная роль «орлистых» изразцов предельно ясно выступала в интерьере съезжей избы или приёмных/парадных сеней воеводского дома (рис. 1). Печная облицовка с такими выразительными сюжетами была овеществлённым носителем официальных идей и политики, которые легко «считывались».

Не случайно «орлистые» печи находились на территории кремля – административно-политического, общественного, военно-оборонительного центра города и округа – и в резиденции воеводы – первого административного лица, обладавшего в границах своих владений почти неограниченной властью, который вместе с тем должен был служить официальным проводником государственной политики [7, с. 7–13].

Изразцы с коронованным одноглавым орлом, с высоко поднятыми крыльями, держащим в лапах лук, имеют ещё один важный исторический контекст, который археологически документирует включённость Томска в развитие и укрепление культурных связей Сибири с Западом, что стало важной частью общего процесса европеизации страны – вживления в собственную культуру творчески переработанных образцов, идей, стиля западной культуры.

Европеизации страны весьма способствовала политика правительства. Закрытость границ Российского государства в XVI и XVII вв. не исключала, а, напротив, предполагала постоянный приток иностранцев-иммигрантов – «внешних иноземцев», как их тогда называли. Власти всячески поддерживали миграцию, исходя из прагматизма: страна нуждалась в различных специалистах и иностранцы привлекались на русскую службу. «Внешние иноземцы» и сами «выезжали на государево имя», образуя достаточно интенсивную добровольную миграцию, обусловленную внутренней ситуацией в Европе: мно-

голетними войнами, религиозными преследованиями, безземельем и полным разорением. Были и «вынужденные иммигранты» – из военных и угнанных, которые в основном попадали в «служилые иноземцы», особый социальный слой России. Из трёх основных групп – выходцев из Западной Европы, Речи Посполитой, Османской империи – самую многочисленную традиционно составляли выходцы из Речи Посполитой, устойчиво преобладая в миграционном потоке. Их приоритет в миграции определяло, с одной стороны, славянское родство, с другой – стремление московского правительства расширить nobilitas собственной страны за счёт шляхтичей-иммигрантов. Этот путь пополнения иммиграции был тем более востребован, причём обоюдно, что место человека в системе русского иерархического государства определяло его происхождение [8, с. 5–19].

Дыхание западной жизни, проникавшее через торговые, военные, дипломатические, бытовые контакты, способствовало постепенному, спокойному, подчас незаметному для самих себя, внедрению начал западной культуры в разных её проявлениях в общественную и домашнюю обстановку как «верхов», украшавших палаты живописными «парсунами», так и «низов», вешавших на стены изб «фряжские» и «немецкие» «потешные листы». Запад пришёл в самую Москву в виде немецкой и польской колоний, создав в центре Московии микрокосм западной культуры, со своими домами, храмами, школами, забавами, мастерскими, служившими музеем наглядных пособий. Особым каналом проникновения западного влияния был импорт иноземных мастеров, которых приглашали на русскую службу с неременным условием: «Нашего б государства люди то ремесло переняли». По свидетельствам самих иностранцев, смыслённые и переимчивые русские ремесленники быстро учились: «сами русские так понятливы во всех родах искусства, что часто превосходят своих учителей-иностранцев». А. Олеарий даже советовал соотечественникам не показывать своего искусства ни одному из русских, если кто-нибудь из них хотел бы только сам пользоваться особенным знанием или приёмом в ремесле. Вторжение в русскую стихию западноевропейских начал, которые помогли русскому человеку через противопоставление своего чужому открыть глаза на своё, заметить в чужом недостойное и взять из него потребное, способствовало переходу значительных групп русского сообщества от бессознательной «чужебоязни» к сознательному национальному самоопределению [9, с. 39–105, 282].

Волны западного влияния, накатывавшие на Московию, получили новый импульс в Смутное время, а затем в Петровскую эпоху, что нашло выражение в различных культурно-государственных формах. Процесс обновления в России не был простым расширением потока западных образцов или их прямым заимствованием, русская культура начала вырабатывать стадильно близкие культурам европейских стран идеи, принципы, механизмы. При этом привозные новшества становились объектами творческой переработки, в ходе которой шло их постепенное преобразование в местный продукт, ставший уже органической частью «своей» среды [10, с. 185–194; 11, с. 19–24; 12, с. 10].

Не осталась в стороне от западных влияний и Сибирь. Да и не могла остаться, поскольку Сибирь являлась самым грандиозным за всю историю России объектом расширения этнокультурной и государственной территории под названием «русская колонизация». По мере срастания с Россией Сибирь становится крупнейшим узлом евразийских связей страны. Представители социальной элиты, направляемые Москвой на воеводство в далёкую сибирскую «украину», были носителями национальных культурных традиций и, вместе с тем, новых веяний, которые они могли исподволь вводить в обиход, адаптируя к привычной жизни, или же, реализуя свои претензии на власть и социальное превосходство, выставлять на показ.

На распространение западных идей и моды, несомненно, оказал влияние приток в Сибирь вольных и невольных переселенцев из европейских стран. Многие из них, обладая военным опытом и относительно хорошей грамотностью, получали возможность сде-

вать карьеру и попадали в начальствующий состав служилых людей – в дети боярские, отметились как в военных походах, так и в воеводском бюрократическом аппарате. По числу служилых иноземцев Томск занимал второе место среди сибирских городов. Обращаясь в Сибири не только служебными, но и родственными связями, обзаводясь семьями, уже во втором поколении с детства усваивая русскую культурную традицию, «иноземцы» становились полноценными местными жителями [13, с. 24–32; 14, с. 125–129]. Культурный взаимообмен как на социальных верхах, так и на низовом обыденном уровне способствовал расширению исторических перспектив развития сибирского региона в масштабах всей страны и его взаимодействию с окружающим миром.

Воеводы города такого ранга, как Томск, являлись одним из самых заметных звеньев западных и восточных связей России в Сибири. Наиболее ярким их воплощением, известным сегодня по археологическим данным, служат муравленые изразцы с символикой государственной власти, которые несут на себе черты западного влияния.

В XVII в. русская геральдика как система определённых требований делала свои первые шаги в разработке государственного герба, гербов городов и частных лиц. В ходе геральдической реформы, проводимой Алексеем Михайловичем, в Россию хлынул поток художников и геральдистов из Речи Посполитой. Отражением модернизации в духе западных традиций стала Большая государственная печать 1667 г. (рис. 2) [15, с. 132, 172; 16, с. 41, 42; 17, с. 35, илл. 17]. В середине XVII в. патриарх Никон в связи организацией изразцового производства приглашает изразечников – выходцев всё из той же Речи Посполитой. Приехавшие в Московию из-за польско-литовского рубежа мастера изразцового дела, как и геральдисты, безусловно, были носителями европейской традиции [18, с. 208], а потому несли с собой западные идеи и образы, и определённый стиль их воплощения.

Видимо, неслучайно художественное выражение идеи государственной власти на томских муравленых изразцах перекликается с образом одноглавого орла на польском гербе (рис. 2). Перенос этого образа мастерами из-за рубежа и его восприятие, пусть и творчески переработанного, на российской почве было тем легче, что одноглавый орёл как символ верховной власти князей имеет в русской традиции давние корни. Одноглавый орёл – один из распространённых образов как в польской гербовой сюжетике, в том числе и на кафлях, так и на изразцах из белорусских земель.

В томских муравленых изразцах с одноглавым орлом это находит отражение в прорисовке такой заметной детали как высоко поднятые распростёртые крылья, тогда как до 1667 г. крылья у орла изображались опущенными (рис. 2). Исключением является двуглавый орёл с поднятыми вверх крыльями на печати 1604 г. Лжедмитрия I, изготовленной, скорее всего, польским мастером, а также на одной из золотых медалей Лжедмитрия I, созданных, видимо, в Кракове в 1605 г. по случаю его обручения с Мариной Мнишек. Когда Лжедмитрий становится московским царём, то традиционные формы изображений российского герба на его печати возвращаются [17, с. 31–32, илл. 14].

Вероятным отражением западного стиля на муравленых изразцах Томска являются буквы по бокам короны. Для западной традиции характерно наличие букв на гербах. Это можно увидеть на польских и белорусских изразцах с геральдическим орнаментом и на личных гербовых перстнях-печатках и печатях [19, с. 420, 586].

Сама корона над головой орла на томских муравленых изразцах, состоящая из обруча с четырьмя лепестками и четырьмя малыми зубцами, внутренней подушки, дуги с нанизанными жемчужинами, даже учитывая обобщённо-схематичную передачу, имеет не только русские аналоги, но и напоминает некоторые западные образцы.

Другим, пусть и менее ярким, элементом облицовки печей на дворе томского воеводы, имеющим западные истоки, являются изразцы с выпуклой полусферой. Изразцы с «куполообразным» декором известны, по крайней мере, в восточноевропейских землях с XVI по XX вв.

Не только изразцы, но и другие находки западного импорта являются предметным воплощением контактов томских воевод как представителей элиты, более подверженной модным течениям, с европейским миром. Среди таких находок – стеклянная посуда, безусловно, входившая в разряд престижного потребления. Среди посуды европейского производства в Томске присутствуют виды стекла, выполненного в различных техниках, применявшихся, прежде всего, в Венеции, а с XVI в. получивших распространение в других западноевропейских странах. Химический анализ томских стёкол показал высокое содержанием калия содержание в них золы растений средней полосы с, что характерно для мастерских Западной Европы.

В обиходе томского воеводы находились склянницы, дно которых по окружности обработано в виде фестонов. Осколки такого сосуда зеленоватой воды имеют прямые аналогии со стеклянной посудой XVI–XVII вв., известной по раскопкам на Рынке и Ратушной башни в г. Кросно – центре стеклоделия и административном центре Подкарпатского воеводства в Польше [20, с. 39–63; 21, с. 419–440].

Наличие импортной стеклянной, в том числе специализированной посуды, документирует пользование не только дорогой тары, но ещё более дорогих импортных продуктов – парфюмерии и вина, что мог себе позволить воевода разрядного города. Присутствие в бытовом укладе воеводской усадьбы Томска западноевропейских новинок предметно подчёркивает знакомство томских воевод с передовыми веяниями моды, свидетельствует не только о возможностях, но и стремлении соответствовать своему высокому должностному статусу и принадлежности к социальной элите.

Ярким образчиком демонстрации высокого социального положения является использование элементов иноземной моды в костюме, в частности каблучной обуви, ношение которой обитателями воеводской усадьбы хорошо документировано. Каблуки, набранные из мелких обрезков кожи и крепившиеся к подошве снизу, уже с 1611 г. называли в Англии «польскими». Многослойные каблуки из кожаных фликов появляются в русских городах во второй половине – конце XVI в. Каблуки подбивали гвоздиками или подковками, что специально отмечали западноевропейцы, посещавшие Московию, считая эту деталь русской особенностью. Однако появление подколок связано с влиянием «польской» или «венгерской» моды.

Диапазон высоких каблуков находился в пределах 3–14 см. Адам Олеарий свидетельствовал: «У женщин, в особенности у девушек, башмаки с очень высокими каблуками, у иных в четверть локтя длиною... В таких башмаках они не могут много бегать, так как передняя часть башмака с пальцами ног едва доходит до земли» [22, с. 176]. Ему вторит курляндец Яков Рейтенфельс: «Сапоги ... снабжены у них более высокими, нежели у поляков, каблуками, обитыми железом (подковками) ... а каблуки у их башмаков так высоки, что ходить весьма трудно. Эти каблуки ... помогают «стреножить» потенциально ветреных подруг и удерживают чересчур бесстыдных и безрассудных женщин от бесполезного праздношатания» [Цит. по: 23, с. 15, 16; 24, с. 54].

Оценка обуви на высоком каблуке в гендерном ключе как атрибута и знака социально опосредованного полоролевого поведения приложима и к мужской части социума. Ярким образом в этом плане является Чурило Пленкович (Щеголевич), который, оправдывая своё прозвище, красовался в сапожках «зелен сафьян, а «под пята хоть соловей лети» [25, с. 228].

Безусловно, обувь на высоком каблуке являлась принадлежностью костюма статусного порядка. Высококаблучная обувь была данью моде, пришедшей, как и подковки, первоначально появившиеся в Польше около середины XVI в., видимо, с Запада, что связано с общей тенденцией «европеизации» России после Ливонской войны [24, с. 53, 54, 57].

Отношение к иноземному костюму менялось, в том числе и под влиянием политической конъюнктуры. В царствование Алексея Михайловича в 1675 г. указом было запрещено носить немецкое и польское платье. При Фёдоре Алексеевиче, который слыл большим понофилом, польский костюм, наоборот, стал пользоваться монаршим покровительством, что дополнялось поощрением брадобрития и стрижкой волос на новый лад. По указу Петра I воспрещалось «всем русским выходить за городские ворота не в польском кафтане или не в голландской одежде, чулках и башмаках [9, с. 79, 80; 23, с. 16, 19, 55; 24, с. 54, 57]. Появление указов с запретом носить/не носить иноземное платье свидетельствует об ориентации некоторых слоёв русского сообщества, прежде всего социальной элиты, на западную моду, когда костюм перенимали целиком или его отдельные элементы.

Заключение

Инокультурные новинки, как с Запада, так и с Востока пробовались «на вкус», проходили отбор, что-то отвергалось, что-то принималось и адаптировалось к национальному быту. Возможность приобретения иноземных диковинок в целом имело престижно-знаковое значение.

Ясно, что в общественно-политических условиях края, где отсутствовало крепостное право, но наличествовали дух предприимчивости, проницаемость сословных границ, служилые люди представляли столь серьёзную силу, что если их «не нять, то они всех воевод вышибут» [26, с. 74], в обстановке сложной, изменчивой конъюнктуры, сибирские воеводы должны были использовать весь арсенал доступных средств из отечественной традиции и зарубежных новаций, которые служили внешними выразителями их социальной и административной значимости – в манере говорить, одеваться, вести переговоры, в облике и вещном оформлении своей резиденции.

Подписи к рисункам:

Рис. 1. Реконструкция печи из воеводских томских хором. (Реконструкция автора. Рисунок Л. В. Чёрной)

Рис. 2. Орлы на печатях, гербах изрязах: 1, 2 – оттиск и «Печат[ь] Великих г[осу]дарей Сибирские земли Албазинск[о]го острогу» (1682 г.) [27]; 3 – рисунок оттиска печати Нерчинска (1692 г.) [28]; 4 – рисунок оттиска «Печати императорского величества Сибирской земли Нерчинской» (1715 г.) [28]; 5 – герб Сибирского царства (1672 г.) [29]; 6 – одноглавый орёл с изряза из воеводской усадьбы Томска; 7 – рисунок оттиска «Печать земли Сибирския Енисейских острогов» (1672 г.) [17, с. 31, илл. 14]; 8 – Печать Лжедмитрия I (1604 г.) [17, с. 31, илл. 14]; 9 – Печать Алексея Михайловича (1654 г.) [16, с. 47, рис. 23]; 10 – Большая Государственная печать Алексея Михайловича (1667 г.) [17, с. 35, илл. 17]; 11 – изрязец с одноглавым орлом из Кракова (конец XVI – первая половина XVII в.) [5, s. 277, fig. 148]; 12 – польский герб [30].

Список литературы:

1. *Вершинин, Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век) / Е. В. Вершинин. Екатеринбург : Развивающее обучение, 1998. 204 с.
2. *Piątkiewicz-Dereniowa, M.* Kafle Wawelskie okresu wczesnego renesansu / M. Piątkiewicz-Dereniowa // *Studia do dziejów Wawelu*. Kraków : Ministerstwo Kultury i Sztuki; Centralny Zarząd Muzeów i Ochrony Zabytków, 1960. Т. II. S. 303–375.
3. *Dąbrowska, M.* O siedemnastowiecznych kaflach i piecach z terenu ziem polskich / M. Dąbrowska // *Średniowieczne i Nowożytne Kafle: Regionalizmy – Podobieństwa – Różnice*. Białystok : Muzeum Podlaskie, 2007. S. 143–159.

4. *Motylewska, I.* Renesansowe kafle z zamku w Inowłodzu / I. Motylewska. Łódź : Muzeum Archeologiczne i Etnograficzne, 2008. 163 s.
5. *Moskal, K.* Kafle w zbiorach Muzeum Historycznego Miasta Krakowa / K. Moskal. Kraków : Muzeum Historyczne Miasta Krakowa, 2012. 487 s.
6. *Немцова, Н. И.* О стилях архитектуры русских изразцовых печей XVII–XVIII веков / Н. И. Немцова // Коломенское: Материалы и исследования. М. : [Б. и.], 1993. Вып. 5. Ч. 1. С. 30–41.
7. *Чёрная, М. П.* Роль русского города в освоении Сибири: диалектика возможностей и исторической практики / М. П. Чёрная // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск : Изд-во Омск. институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 7–16.
8. *Опарина, Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии / Т. А. Опарина. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
9. *Три века.* Россия от смуты до нашего времени: [в 6 т.] / сост. А. М. Мартышкин, А. Г. Свиридов. [Репринтн. изд.]. М. : ГИС, 1991. Т. 2 : XVII век. Вторая половина. (4), 272 с., 22 л. ил.
10. *Беляев, Л. А.* От Ивана III к Петру Великому: «Московская культурная модель» в эпоху ранней глобализации (архитектурно-археологическая версия) / Л. А. Беляев // Вестник истории, литературы и искусства. М. : Собрание; Наука, 2005. Т. I. С. 185–197.
11. *Рогожин, Н. М.* У государевых дел быть указано... / Н. М. Рогожин. М. : Изд-во РАГС, 2002. 285 с.
12. *Чёрная, Л. А.* Русская культура переходного периода от средневековья к новому времени: Философско-антропологический анализ русской культуры XVII – первой трети XVIII в. / Л. А. Чёрная. М. : Яз. рус. культуры, 1999. 257 с.
13. *Люцидарская, А. А.* Польские переселенцы в сельскохозяйственном освоении Томского уезда / А. А. Люцидарская // Проблемы трансмиссии и бытования этнокультурных традиций славянского населения Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 24–32.
14. *Резун, Д. Я.* Выходцы из стран Центральной и Западной Европы на русской казачьей службе в Сибири XVII в. / Д. Я. Резун // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты: История. Археология. Культурная антропология. Этнография. М. : [Б. и.], 1996. С. 125–129.
15. *Каменцева, Е. И.* Русская сфрагистика и геральдика / Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. М. : Высш. шк., 1974. 264 с.
16. *Хорошкевич, А. Л.* Символы русской государственности / А. Л. Хорошкевич. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1993. 96 с.
17. *Пчелов, Е. В.* Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв. / Е. В. Пчелов. М. : Старая Басманная, 2011. 202 с.
18. *Баранова, С. И.* Изразцы из Коломенского дворца: пример трансформации художественных импульсов / С. И. Баранова // Коломенское: Материалы и исследования. М. : [Б. и.], 2011. Вып. 13. С. 197–215.
19. *Kraków – europejskie miasto prawa magdeburskiego.* Katalog wystawy. Krakow : Muzeum Historyczne Miasta Krakowa, 2007. 710 s.
20. *Muzyczuk, A.* Odkrycie dwóch obiektów architektury monumentalnej na Rynku w Krośnie / A. Muzyczuk, M. Bicz-Suknarowska // Rzeszowska Teka Konserwatorska. T. III–IV. Rzeszów : Regionalny Ośrodek Studiów i Ochrony Środowiska Kulturowego, 2002. S. 39–63.
21. *Muzyczuk, A.* Średniowieczny Rynek w Krośnie w świetle badań archeologicznych. Uwagi wstępne / A. Muzyczuk, J. Gancarski // Gancarski J. Późne średniowiecze w Karpatach polskich. Krosno ; Rzeszów : Mitel, 2007. S. 419–440.
22. *Олеарий, А.* Описание путешествия в Московию / А. Олеарий. Смоленск : Ру-

сич, 2003. 480 с.

23. *Осипов, Д. О.* Обувь московской земли XII–XVIII вв.: материалы охранных археологических исследований / Д. О. Осипов. М. : Ин-т археологии РАН, 2006. Т. 7. 202 с.

24. *Визгалов, Г. П.* Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.) / Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович, А. В. Курбатов. Нефтеюганск ; Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2011. 216 с.

25. *Былины.* М. : Худож. лит., 1986. 300 с.

26. *Резун, Д. Я.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. Новосибирск : Сова, 2005. 196 с.

27. *Артемьев, А. Р.* Печать Албазинского острога / А. Р. Артемьев // Вестник ДВО РАН. 1993. № 1. [Электронный ресурс]. URL : // <http://ostrog.ucoz.ru/pechat.jpg> (дата обращения: 03.06.2015)

28. *Герб Нерчинска.* [Электронный ресурс]. URL : // https://ru.wikipedia.org/wiki/Герб_Нерчинска (дата обращения: 03.06.2015)

29. *Сибирская губерния.* [Электронный ресурс]. URL : // https://ru.wikipedia.org/wiki/Сибирская_губерния (дата обращения: 03.06.2015)

30. *Герб Польши.* [Электронный ресурс]. URL : // https://ru.wikipedia.org/wiki/Польша#/media/File:Herb_Polski.svg (дата обращения: 03.06.2015)

M. P. Chernaya

The European Component in the Cultural Code of the Tomsk Voevoda's Manor (the last third of XVII – middle XVIII century)

Summary: The article is considering the penetration of European culture components and fashion in Siberia during its development in XVII–XVIII centuries and their presence in furnishing of the mansion of Tomsk voevoda, who governed one of the Siberian razryads, i.e. the largest administrative and territorial unit and coordinating center of a huge region. Voevodas of such high ranked city as Tomsk were one the most significant links of Russia's Western and Eastern connections in Siberia. The presence of European novelties such as stoves of a certain construction, stove tiles, glass ware, and dress items etc. is archaeologically documented in the residence of the highest ranking official. Those things demonstrated voevoda's power, significance, status and emphasized his belonging to the social elite. Foreign innovations became objects of creative reworking during which they were converted into a local product, that already was an organic part of own environment. Mutual cultural exchange on social tops as well on lower ordinary level promoted widening of historical development perspectives of Siberian region on the entire country scale and its interaction with the world.

Key words: Siberia, Tomsk, voevoda's manor homestead, European culture influence, tiled stoves and tiles, table ware, dressing, archaeological researches.

National Research Tomsk State University (Of. 36 & 37, 34 Leniva av., Tomsk, Russian Federation, 634050; tel.: +73822529668; e-mail: mariakreml@mail.ru)

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

КАРОЛЬ ЛЮБИЧ-ХОЕЦКИЙ – БАРСКИЙ КОНФЕДЕРАТ В ССЫЛКЕ

Аннотация: статья посвящена истории пребывания в Сибири ссыльного польского конфедерата Кароля Любич-Хоецкого. Его воспоминания являются не только наиболее полным описанием пребывания барских конфедератов в Сибири, но также содержат богатый материал о регионе и его жителях

Ключевые слова: история Сибири, сибирская ссылка, польские конфедераты.

В XVIII в. на польских землях, с короткими интервалами, иностранные войска (российские, прусские, шведские и саксонские) вели военные действия, разрушая и постепенно поработывая Речь Посполитую. В 1764 г. Станислав Август Понятовский, в соответствии с пожеланиями Екатерины II, был избран на царствование. Процесс избрания проходил под охраной российских войск. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что спустя несколько лет в крепости Бар на Подолье произошел антигосударственный и антироссийский заговор. Он получил название Барской конфедерации (1768-1772 гг.). Вооруженное восстание польской шляхты было подавлено. Полтора десятка тысяч солдат попали в плен и оказались в ссылке в России. В 1772 году соседние державы (Австрия, Пруссия и Россия) захватили значительные территории Речи Посполитой.

Такова была политическая обстановка, во время которой попавшие в плен барские конфедераты были сосланы в Сибирь. Небольшая их часть вернулась на родину. Большинство конфедератов были присоединены к военным корпусам, в составе которых они принимали участие в военных действиях на юго-западе сибирского региона - в подавлении восстания под предводительством Емельяна Пугачева, а также восстания татарских племен вблизи Азовского моря.

Российские архивные источники, касающиеся присутствия барских конфедератов в Сибири, не были должным образом исследованы. Наши знания об их судьбах в основном базируются на воспоминаниях тех из пленных, которым удалось вернуться в Европу, в частности на воспоминаниях Франсуа Огюста Тесби де Белькура, опубликованных в Амстердаме в 1775 г. под названием «Дневник французского офицера на службе Польской конфедерации, взятого русскими и сосланного в Сибирь» (*Relation ou journal d'un officier françois du service de la Confederation de Pologne pris par les Russes et relégué en Sibérie*). Среди пленных был Кароль Любич-Хоецкий. Его воспоминания были опубликованы в Варшаве в 1789 г. под названием «Память польских деяний. Путешествие и неудачный успех поляков». (*Pamięć dzieł polskich. Podróż y nie pomyślny sukces Polaków*). К числу ценных источников следует отнести также «Дневники» Мауриция Августа Бенёвского, опубликованные в 1790 г. в Лондоне под названием «*The memoirs and travels*» (в переводе на польский язык в 1797 г. – «*Historia podróży i osobliwych zdarzeń*»).

В 1773 году Франсуа Огюст Тесби де Белькур, как иностранец, был освобожден из плена в Тобольске. Возвращаясь из плена, он привез список заключенных, состоящий из более чем 5 тыс. фамилий (документ сохранился до наших дней [1]). Мауриций Август Бенёвский совершил побег во время пребывания в Казани, но на пути в Москву он был схвачен и отправлен на Камчатку. Оттуда он сбежал во Францию на захваченном им корабле с российским экипажем. В 1776 году Кароль Любич-Хоецкий совершил побег из армии во время боевых действий с крымскими татарами из лагеря, располагавшегося у реки Кальмиус на побережье Азовского моря, откуда в одиночку добрался до Польши.

Если идет речь об информативности описаний, касающихся условий пребывания барских конфедератов в Сибири, а также на южных и юго-западных территориях, воспоминания Кароля Любича-Хоецкого являются самыми полными. Их первое издание было опубликовано в 1789 г. в Варшаве под названием «Память польских деяний. Путешествие и неудачный успех поляков, пера уроженца Кароля Любич-Хоецкого». Второе их издание, к сожалению, анонимное, появилось в 1790 г. под названием «Как поляк - конфедерат через Москву в Сибирь уведен. Вести о мятеже Пугачева». В России его ценность была признана только в конце XIX в. Фрагменты мемуаров были опубликованы в «Киевской старине» (1883 г.) и на страницах журнала «Русский архив» (1886 г.). Последующие польские издания его мемуаров вышли в свет, спустя более двести лет [2; 3].

Военная служба

Из содержания «Воспоминаний о польских делах» следует, что воинская служба конфедерата Хоецкого началась в первой половине 1768 г. С июня по август он участвовал в обороне г. Кракова, осажденного русскими. Город был взят ими в конце августа. Участники обороны города оказались в тюрьме замка и 1 сентября 1768 г. под конвоем были отправлены на восток. Первое длительное пребывание (конец октября 1768 г. - начало 1769 г.) имело место в киевской крепости. Из Киева они прибыли в Казань, где находились до осени 1769 г., откуда через Кунгур добрались до Соликамска, где пребывали до лета 1770 г. Осенью ими был пересечен Урал (что практически не было зафиксировано в воспоминаниях). Они добрались до сибирского Верхотурья, а оттуда в Тюмень, где провели Рождество. В январе они были отправлены в Тобольск, а затем в Тару (февраль - март 1771 г.). Находясь там, они убедились в том, что их статус был изменен. Молодых и здоровых ссыльных (в том числе Хоецкого) готовили к воинской службе в Сибири, которая началась весной 1771 г. в Омске. Первоначально он служил в драгунах, затем в пехотном полку. Не имея другого выхода, ссыльные приняли присягу. Все лето 1771 г. они участвовали в погоне за калмыками, совершившими побег из Оренбургской губернии в Китай. Они пересекли территорию современной киргизской степи (ныне Казахстан), добравшись до китайской границы. На обратном пути они посетили Семипалатинск - город «семи дворцов, которых были видны только стены. Никаких местных жителей там нет, а кем эти здания были сооружены, мы узнать не смогли», - отметил в своем дневнике Хоецкий.

Калмыки, которых им не удалось остановить, добрались на юг к границе с Китаем. Преследовавшие их военнотружущие восхищались выносливостью калмыков, когда они переходили реку и преодолевали высокогорья. Хоецкий, наблюдал за ними, и, не проигнорировав происходящее, написал: «[...] Калмыки по маленьким дорожкам на этой высокой скале и над рекой, именуемой Бухтармой, и называемой висячей, по которым вряд ли пеший человек мог бы пройти, они смогли туда пробраться с лошадьми, а пробравшись через эту скалу на ровное место, прошли довольно быстро: одни - вплавь, другие - на повозках через реку Бухтарму переправились, на китайских остановились границах» [3, s. 83].

1772 год и половина следующего - время его службы в Омске, которая проходила, вероятнее всего, без каких-либо контактов с жителями города. Оттуда 9 сентября 1773 г. в составе Сибирского корпуса он отправился в военный поход с целью борьбы с повстанцами Емельяна Пугачева. Кроме того, по пути были усмирены бунтующие поселения башкир и мордвы. Военнотружущие корпуса пребывали на этой территории до начала 1776 г., участвуя в опасных боях с повстанцами. Следующий год - переход через Поволжье и участие в боях с крымскими татарами вблизи Азова, а также с другими татарскими племенами на Кубани. Имели место интенсивные погони с целью подавления мятежных коренных народов. Хоецкий совершил драматический побег, во время которого он должен был добраться на западный берег Днепра. Даже больные ноги не изменили его наме-

рений совершить побег на родину, который закончился удачно после 8 лет военной службы ссыльного.

О мемуарах Хоецкого

Прежде всего, следует отметить, что воспоминания Хоецкого необходимо связывать с мемуарной традицией и дневниками солдат, составленными еще в XVII веке, в основном в период польско-московских войн. Пользуясь цитатой из книги Анджея Чунского - историка литературы - большого специалиста по польской мемуаристике XVIII века, необходимо подчеркнуть, что эти воспоминания открывают «длинный список воспоминаний, посвященных народным страданиям и мартирологии. Это такая модель мемуаров, в которой интерес к истории, фактам и событиям преобладает над интересом к индивидуальному опыту. Но история в таких мемуарах имеет особый характер, поскольку в них идет речь ни об армии, ни о предводителях или сражениях, или дипломатических подвигах, сколько речь идет о судьбах людей, сформированных историей» [4, s.109].

Воспоминания Хоецкого - записки барского конфедерата, который восемь лет провел в неволе. Как пленного, его перенаправляли в разные места. Как русский солдат, он принимал участие в военных действиях с местными племенами на южной границе Российской империи, а также в подавлении восстания под предводительством Емельяна Пугачева. Пребывая в различных местностях, он отмечал, в частности, что сибирские города красивы, цены на продукты питания и одежду ниже, чем в европейской части России, а люди приветливее. Он был свидетелем жестокости со стороны чиновников (особенно подавления в Тобольске выступления отряда конфедератов, которых отказывались возвращать в Польшу). Из описания Хоецким пути в Сибирь, а также из описания пребывания за Уралом и на других территориях, проведения военных операций Сибирского корпуса, практически отсутствуют обширные наблюдения местности, за исключением упоминаний о лесных массивах, местах с горькой водой в колодцах, местах охоты на зверя и др. Более подробная информация приводится автором о трудностях военной службы, о людях и об их личных переживаниях. В этих описаниях имеется не только простая реконструкция имевших место событий, но иногда встречается их оценка. В общей сложности, воспоминания Хоецкого - неплохой рассказ о службе барского конфедерата в Сибири. Его преимуществом является разнообразие взглядов на свою судьбу, а также на вопросы, касающиеся различных сторон жизни некоторых коренных народов Сибири.

Города

В описании пути ссыльного присутствуют разные жанры, а повествование ведется через призму индивидуального опыта. Иногда имеются краткие записи, но в то же время встречается более подробное описание мест, людей и солдатского опыта. Это зависело от конкретной жизненной ситуации, что позволяло автору воспринимать случившееся и запоминать тот или иной примечательный факт - явления природы, городские пейзажи или их ближайшие окрестности, а также коренные народы, различающиеся своими традициями и обычаями, одеждой от русских переселенцев, которые, прежде всего, заселяли города. Бывало, что очень короткий фрагмент мемуаров касался, в том числе, природы: лесов, рек, пейзажей, а также городов и людей. Несмотря на то, что такие описания очень далеки от подробной культурно-географической фактографии, они свидетельствуют о том, что те территории Сибири, на которых пребывал Хоецкий, осваивались переселенцами из российской глубинки. Таким образом, имел место медленный процесс колонизации этих районов. Его мемуары содержат немного информации об этом. Также получили отражение вопросы этнического характера и вопросы, касающиеся русских переселенцев. Путь ссыльного находит свое отражение в различного рода повествовании автора. Новый для мемуариста мир описывается сквозь призму собственного восприятия автора и его эмоциональных переживаний. В поле наблюдений оказались ближайшие населенные пункты, города, в которых он пребывал, люди, которых он встречал, а также широкие

реки, степи и горы. Несмотря на то, что мемуары Хоецкого не богаты фактографическими данными, вся содержащаяся в них информация является отражением реальности, воспринимаемой их автором.

Достоверность описываемых в дневнике событий не вызывает сомнений. Автором был запечатлен современный ему образ сибирских территорий. Несмотря на многообразие этого образа, следует отметить его поверхностность, поскольку Хоецкий писал о том, что переживал, а также о том, что осталось в его памяти. Например, он зафиксировал факт присутствия колонии немецких поселенцев в Поволжье и представил краткую информацию об этническом составе населения Казани и ее окрестностей, отметив, что первыми «туземцами» на этой территории были татары. Находясь в Казани дольше, чем в других местах, он упоминал о том, что туда постоянно прибывали группы конфедератов из Киева. Казань являлась крупным переправочным пунктом, в котором принимались решения в отношении территорий расселения конфедератов и прохождения ими военной службы. Вспоминая пребывание в этом городе, он сообщал, что: «Раньше он был столицей сибирских татар, взятой русскими в тяжелых боях, в результате которых часть крепостных стен были снесены. Сам город представляет собой укрепление из довольно толстых опоясывающих его стен; большинство домов построено из тесаного камня, на наши европейские здания они совсем не похожи, потому что это уже находится в азиатской части мира. [...] в крепости есть также несколько церквей; раньше были на их месте мечети, а теперь они заменены церквями, и внутри все переделано, но снаружи можно заметить, что это азиатское творение, что было оно когда-то мусульманской обителью. Выходя из крепости, по правой и левой стороне видно город из деревянных и кирпичных зданий, очень широко раскинутый. Во всем этом городе, опоясанном деревянной и длинной стеной, живут одни москали; Татарам для их обитания была отдана только одна улица, и то далеко от города. И хотя этот город когда-то принадлежал казанским татарам, их в Казани осталось очень мало, потому что москали уже заполнили весь город собственным народом. Татары на улице, где живут, имеют красивую мечеть, достаточно красиво обставленную. Но если выехать за Казань, там находятся одни татарские деревни, среди которых нет ни одной московской, и кроме татар никакого другого человека нельзя увидеть, наверное через миль 40, снова находится другой народ» [3, s. 46 – 47].

Лаконичная и краткая презентация этого «нового сибирского мира», однако, не теряет в его дневнике выразительности, свидетельствующей о том, что текст мемуаров действительно является интересным. С одной стороны, в нем отражается первозданная природа тех обширных территорий, но с другой стороны, предстает лаконичный образ культур коренных народов, их земель, которыми постепенно овладевает Россия. Путь ссыльного Хоецкого пролегал из Кракова через Киев, Казань и другие города - Кунгур, Соликамск, Верхотурье, Тара, Тобольск, Тара и Омск. О последнем городе он сообщал следующее: «Была там крепость, мощно укрепленная земляными валами, в которой были выстроены казармы для военных и для генерала лейтенанта, который командовал всем сибирским корпусом, стоящим по линии в несколько десятков миль, а за крепостью городок из деревянных зданий, в котором жили одни только казаки, имеющие жен и свои собственные дома, но обязанные следить за границей и отбывать всякую воинскую повинность

Река, именуемая Омью, протекает через центр города, над которой построен мост достаточно хорошей формы, а за городом достаточно большая река Иртыш, переплыв которую, сразу начинается пустынная степь, принадлежащая киргизским татарам» [3, s. 75 – 76].

«В то время стоял в Омске Ревельский Драгунский полк, к которому нас, девятерых поляков, приписали, а других – к другим полкам, далее от Омска вдоль границы стоящим, по тринадцать и двенадцать к каждому. Нас девятерых оставили в Омске, остальных наших отослали к другим полкам. Привели нас в церковь и приказали нам принять присягу на верность военной службе, но никто из нас присягать не хотел. Призывали нас

к этому поступку офицеры, весьма уважительно к нам обращаясь, но их уговоры до нас не дошли. Когда мы вышли из церкви и увидели парад отряда из полтора десятка солдат состоящий, который, окружив нас, в арест нас отправил. Под арестом мы были только двое помещены. День и ночь нас держали в голоде, а на следующее утро нас обоих подвели к церкви и принудили нас таковую присягу принять» [3, s. 76 – 77].

Дальнейшие события – грустная история о последующем принуждении к принятию присяги, унижениях, которые заканчивались побоями и ударами «по полутора тысяч раз палками в спину». Поэтому служба давалась Хоецкому нелегко, что отражено в его мемуарах. Их ценность заключается в основном в том, что они отражают жизненный опыт их автора, пребывавшего в неволе. В них четко прослеживается стиль краткого повествования. Автор дополнил их фрагментами описания жизни ссыльных, те из них, которые испытал лично, например, принуждение к присяге.

Страна и люди

Изучение Сибири и проживающих там коренных народов происходило во время продолжительного пути или длительных постоев ссыльных. Среди персонажей, встречающихся в описании, имеются конфедераты, чиновники, командиры соединений, простые солдаты и другие люди, которые встречались на пути в ссылку. Сложившаяся ситуация требовала адаптации ссыльных к новым условиям. В пути автор воспоминаний получал различного рода навыки и опыт путешественника-этнографа.

Повествование раскрывает уникальность пути ссыльного по неизвестным местностям, полных неожиданностей и опасности. Путь ссыльного был мучительным, и это отражает дневник. Иногда в нем встречаются описания неприятных ситуаций, опасных боевых эпизодов, побед и поражений, а также позитивных событий, которые сопутствовали конфедератам. Все эти события, являясь наглядным примером трудностей, были связаны с пребыванием ссыльных в неволе. Кроме того, они содержат достаточно много информации об авторе. Следует отметить, что повествование мемуаров отчетливо отражает общность судеб конфедератов на чужбине. Этот факт способствовал тому, что конфедераты не потеряли полностью надежды на возвращение на родину. Однако не всем это удалось, как автору дневника.

Территории, по которым пролегал путь Хоецкого, были различны географически и этнически. Его восхищали местные пейзажи, большие леса и широкие реки, а также встречавшиеся вдоль его пути города-крепости и укрепленные поселения коренных жителей. Он был свидетелем необыкновенного явления - так называемых «Белых ночей». Также он упоминал о степях и о недостатке там воды. К ежедневным невзгодам добавлялись низкие температуры и отсутствие надлежащей одежды. Много раз упоминалось о сибирских морозах и мучительном холоде, о необходимости использования тулупов или приобретения «бурок» у татар. В Соликамске - городе, известном своими соляными заводами, «умерло семеро поляков, которых мы похоронили далеко от города». При этом он обращал внимание на то, что местный «губернатор» был неблагоприятно настроен по отношению к полякам.

В то же время, автор с симпатией писал о казанском губернаторе Андрее Самарине, сообщая, что он был «человечным и великолепным. Когда-то он был в Польше в качестве посла, его жена была не менее благоразумна». Подобным образом он упоминал о коменданте Тары: «он был человеком необычайно доброжелательным, на нашем польском языке говорил так хорошо, что урожденный поляк лучше не скажет. Он был очень любезным и имел человеческие черты характера. Мы часто бывали у него». Также он писал в своем дневнике, что «тобольский генерал-губернатор был человеком хорошим, гордым и думающим. Он обладал обширными знаниями, немного говорил по-польски. Несколько десятков наших поляков сидели с ним за его столом не потому, что застолья были у губернатора щедрыми, а потому что они были открыты большому количеству людей» [3, s. 48, 66].

По словам автора, в этой необыкновенной стране, которая была медленно завоевана Россией, жили дружные люди, в стране, в которой простой народ испытывал симпатии к ссыльным. В то же время он встречал людей неотесанных, нетолерантных и жадных. Историки солидарны в том, что в период колонизации Сибири и создания на ее территории каторжно-исправительной колониальной системы имело место практика телесных наказаний, беззаконие и произвол. Значительная удаленность от губернских центров была в этом плане особенно символична. Все, что указано выше, представляет собой лишь малую часть мемуаров Хоецкого, которые являются отражением крайне тяжелой судьбы автора – польского ссыльного, а также выражением его собственной точки зрения об отношениях ссыльных и представителей сибирской администрации. В мемуарах раскрывается отношение польских конфедератов к своим угнетателям, и наоборот - отношение угнетателей к ним. Например, поляки были многократно неприятно удивлены и даже выражали спонтанные протесты против того, что их принуждали принять православие.

Кроме негативных явлений, имевших место в отношениях ссыльных с представителями власти, на страницах мемуаров имеются позитивные мнения о взаимоотношениях с некоторыми российскими офицерами. Автором описываются конкретные случаи игнорирования ими строгих правил и дружественного отношения к ссыльным. Мемуарист зафиксировал проявление человеческого отношения к ним от тех людей, которым поручено соблюдать дисциплину и строгость в отношении к ссыльным. Таким образом, в повествовании присутствует два различных образа: российского чиновника – угнетателя, исчадия зла и всех бед, и российского офицера - человека гуманного и понимающего идеалы свободы.

В дневнике также имеются повествования этнографического характера, касающихся людей, которых автор встречал во время своего пути. Он описывал их домовладения и обычаи. Он отмечал экспансию православия и вытеснение коренных народов с территорий их проживания, шаткость древних культур под натиском колонизаторов. Следует добавить, что такие случаи были характерны не только для Сибири. Подобные процессы имели место и в отношении других коренных народов и культур, исчезнувших в водовороте цивилизационных изменений. Таким образом, Сибирь потеряла частицу собственной этнокультурной идентичности. Польская культура ощутила на себе подобные процессы уже в конце XVIII столетия.

Познание отдаленного сибирского мира и различных самобытных культур имело место во время медленных маршей, а также более длительных постоев, обозначенных конвоем, который вел ссыльных, а затем командирами рот, в которых служил мемуарист. Автор этих воспоминаний был сослан вглубь России и был приписан к драгунскому полку сибирского корпуса, в котором служили также и другие польские конфедераты, взятые в плен. Какое-то время он пребывал в Омске, а затем отправлен в борьбу с повстанцами Е. Пугачева. После подавления восстания он был откомандирован в Бахмутский казачий полк. В его составе он принимал участие в военных действиях против бунтующих татар вблизи Азовского моря. Во время переходов и частых смен мест дислокации войск ему удалось совершить побег и вернуться на родину. Его мемуары содержат многочисленные описания реалий жизни на территории Сибири. В них он описывает местный климат и природу, трудности солдатской жизни, мелкие и крупные населенные пункты. Он сообщал, что в Тобольске, Казани и других городах и селах он встречал: «многих наших поляков, уже сильно старых, находившихся в различном состоянии, нескольких десятилетий назад взятых, которые после революции короля Станислава Лещинского оказались в плену; они не могли уже спастись; многих из нас охватил страх, подвергнуться подобной опасности» [3, s. 74].

Но особый интерес вызвали неизвестные ему народы вотяков (удмуртов), черемисов (марийцы), сибирских татар и киргизов (казахи), их повседневная жизнь, одежда, жилье, традиции и обычаи. Например, о казахах он писал, что: «Они живут в пустынной степи, где нет никаких зданий, они не едят хлеб, земледелия не знают, живут только за счет молока и

мяса, имеют очень много крупного рогатого скота, один хозяин может иметь 5000 баранов, 2000 крупного рогатого скота, 1000 или больше лошадей и 300 или 400 верблюдов. Их жилища похожи на палатки, покрытые войлоком, имеют деревянные ограды, сложенные железными пружинами, которые ставятся вокруг, сверху стропила из жерди установленные на распорках, которые также накрыты войлоком с оставленным отверстием для выхода дыма от огня, который горит внутри по середине жилища. У них имеются одни железные котлы, в которых они варят мясо, и посуда на подобии чашек, деревянных китайских, из которых, когда приготовится мясо, они пьют куриный бульон, а затем едят одно мясо.

Они живут на одном месте недолго, потому что для их многочисленных стад скота необходима трава, поэтому они часто переезжают с места на место, и когда они намереваются переезжать, они собирают свои дома и складывают их на своих верблюдах, отмерив несколько миль или дюжину миль, где трава имеется в изобилии, на этом месте со скотом своим останавливаются. Хозяева также не живут в одном месте шесть или семь лет из-за многочисленного рогатого скота, который осваивает территорию в несколько миль.

Никаких денег они не знают и не берут их, потому что все необходимые им вещи приобретают в обмен на свой скот. С москалями постоянно торгуют на ярмарке, обменивая свой скот - несколько десятков, а чаще всего десятков тысяч скота - на вещи. Москальи переправляются к ним за Иртыш и там с ними разные меняют товары за один только рогатый скот, баранов и лошадей с неописуемой однако выгодой» [3, s. 84 – 85].

Следует еще на минутку вернуться к повествованию, которое отражает образ жизни коренных народов северного Казахстана, с указанием на процессы, которые там в то время уже произошли в результате русской колонизации Западной Сибири. Напоминание о том, что представители одного из коренных народов переправлялись через Иртыш на ярмарки, является подтверждением существования поселений в северном районе страны, то есть тех поселений, которые существовали там до русской экспансии в эту область. Со всем тем, что описано К. Любич-Хоецким, необходимо согласиться. Поверхностный характер информации о коренных народах, которых он встречал на своем пути, не исключает ее достоверности и истинности, несмотря на то, что описанный автором мир кажется неполным, в частности, в представлении картины жизни коренных жителей, невероятной судьбы автора и других польских конфедератов, вынужденных нести военную службу в Сибири.

На родине

Читая этот небольшой дневник, нельзя не предположить, насколько досаждала его автору-ссылному неволя, и какие разнообразные испытания он преодолевал, находясь далеко за пределами своей родины. На страницах воспоминаний Хоецкого предстает многообразная и сложная событийная картина. Они читаются с интересом, что обогащает наши знания о зарождении польско-сибирских связей. На страницах мемуаров появляется много различных фигур людей, принимавших участие в судьбе автора в рамках социокультурного контекста.

Воспоминания заканчивается описанием побега из «бахмутского полка в Польшу», полного невероятными обстоятельствами. Путь беглеца пролегал через дикие украинские степи, укрываясь в прибрежных камышах на берегу Днепра, и завершился переправой через реку в непосредственной близости от дислоцированных там российских войск. Необходимо подчеркнуть уникальность этого побега и его описание в мемуарах. По мнению известного историка литературы Мечислава Климовича, в описании этого побега наблюдается та же атмосфера как в «Огне и мече» Генрика Сенкевича [5, s. 459].

Жизнь в сибирской армии подтолкнула автора к решению о побеге из неволи. Можно утверждать, что, несмотря на большой риск, побег являлся его основной целью и стремлением к его осуществлению. После того, как все произошло, К. Любич-Хоецкий написал в своем дневнике, что он удачно добрался до польской границы под конец 1776 г.:

«Радуюсь достижению желаемого результата,

О восьми лет в Москве я забыл печали» [3, s. 122].

Перевод с польского Артема Чернышева

Список литературы:

1. *Kraushar, A.* Konfederaci barscy na Syberyi (1774) // A. Kraushar, Kraków : nakład Redakcyi "Świata" 1895. 160 s.
2. *Chojecki, K.* Pamięć dzieł polskich : podróż i niepomyślny Pamięć dzieł sukces Polaków / Karol Lubicz-Chojecki ; oprac., wstęp i przyp. Wojciech Turek. Gdańsk : Turkus, 1992. 122 s.
3. *Chojecki, K.* Pamięć dzieł Polskich / Karol Lubicz Chojecki ; na podstawie pierwodruku z 1789 roku wydali oraz przypisami i komentarzami opatrzyli Antoni Kuczyński i Zbigniew J. Wójcik. Bagno [etc.] : Wyższe Seminarium Duchowne Salwatorianów ; Stowarzyszenie "Wspólnota Polska", 1997. 204 s.
4. *Cieński, A.* Pamiętnikarstwo polskie XVIII wieku / Andrzej Cieński ; Polska Akademia Nauk. Instytut Badań Literackich. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1981. 218 s.
5. *Klimowicz, M.* Oświecenie / Mieczysław Klimowicz. Warszawa : Państw. Wydaw. Naukowe, 1972. 483 s.

A. Kuczynski, Z. Wojcik

Karol Lubich-Chojski - Bar Confederate in exile

Summary: an article on the history of staying in Siberia exiled Polish confederates Karol Lubicz-Hoetsky. His memories are not only the most complete description of the Confederate lordly residence in Siberia, but also contain a wealth of material about the region and its inhabitants.

Key words: history of Siberia, Siberian exile, Polish Confederates.

Instytut Historii Nauki PAN (Nowy Świat 72, 00-330 Warszawa, tel: (22) 826 87 54, ihn@ihimpan.waw.pl)

УДК 325.2 (=162.1) : 94 (571)

A. Кучинский

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК КАЗАХСТАНА
В ПИСЬМАХ АДЛЬФА ЯНУШКЕВИЧА**

Аннотация: В статье освещены основные вехи сибирской биографии Адольфа Янушкевича, оказавшегося в ссылке в Сибири в результате участия в ноябрьском восстании 1830-1831 гг. Янушкевич оставил богатое эпистолярное наследие, насыщенное бытовыми зарисовками. Его служба в Пограничном управлении сибирских киргизов была сопряжена с частыми поездками в северные районы казахских степей, в связи с чем в его письмах на родину содержится разносторонняя информация о культуре и быте казахско-

го населения. Это обстоятельство вписало имя А. Янушкевича в современный национальный дискурс Республики Казахстан.

Ключевые слова: казахская степь, эпистолярный жанр, издание писем А. Янушкевича в Казахстане.

Прежде чем перейти к освящению проблемы, указанной в названии данной статьи, следует кратко остановиться на более общих вопросах, касающихся роли личности Адольфа Янушкевича в истории польско-казахских связей. Эта проблема сегодня всё чаще поднимается в польской историографии, а также в работах казахских и российских исследователей. Её освящение имеет более объективный характер, без политической конъюнктуры, которая в советское время зачастую сгущала образ этих связей. На основе собственных научных контактов с российскими историками, прежде всего из Сибири, руководствуясь их мнениями, следует сделать вывод о том, что борьба поляков за независимость от России в XVIII и XIX вв. воспринимается коллегами как вполне обоснованная. С этой точки зрения её последствия – ссылка поляков в Сибирь, а также проведение ими научных исследований, касающихся различных польско-сибирских контекстов, следует рассматривать как положительное явление. Отчётливо видно, что это обстоятельство обогащает наши знания по этой теме, особенно, если они основаны на обширных материалах из архивов Зауралья, которые на протяжении продолжительного периода времени были недоступны для исследователя.

В настоящее время проблема польско-сибирских связей исследуется в различных научных центрах России. Конференции по этой теме проходят в таких сибирских городах, как: Якутске, Иркутске, Южно-Сахалинске, Красноярске, Томске и Омске. По устным выступлениям и печатным публикациям чётко прослеживается объективное знание российскими исследователями истории присутствия поляков за Уралом в XIX в. Они приводят неоспоримые факты, свидетельствующие о том, что вопреки ссылке поляки привнесли в Сибирь свои знания, умения и свой труд, способствуя пополнению научных знаний о культуре и языке автохтонных этносов, а также развитию естественнонаучных знаний о бескрайних сибирских территориях. Это подтверждается, в том числе и многочисленными географическими названиями на картах Сибири, например: Хребет Чекановского, Хребет Черского, гора Дыбовского, а также в виде других памятных символов, таких, например, как памятник в г. Якутске, воздвигнутый «Памяти поляков жертв ссылкок XVII–XIX вв. и массовых репрессий XX в., а также выдающихся исследователей Якутской земли», памятник Пилсудскому в г. Южно-Сахалинске, созданный по инициативе действующего там Института Научного Наследия Бронислава Пилсудского, мемориальной доски Б. Дыбовскому, открытая в 2013 г. в г. Петропавловске-Камчатском и другими памятниками. Необходимо отметить, что некоторые из этих памятных символов были инициированы российскими научными объединениями и общественными полонийными организациями в Российской Федерации при поддержке польских ученых, занимающихся проблемой польско-сибирских связей в области науки и культуры.

К польскому наследию в области исследования Сибири и казахской культуры имеет отношение фигура Адольфа Янушкевича (1803–1857) – студента Вильнюсского университета, участника ноябрьского восстания 1830 г. Из повстанческих рядов он был отправлен в ссылку в Сибирь. Первоначально он пребыл в г. Тобольске, а затем в д. Желяково под г. Ишимом. С 1835 г. он проживал в г. Ишиме, где на деньги, присланными ему семьей, купил небольшой дом. В г. Ишиме он установил тесные контакты с пребывавшими там в ссылке соотечественниками, которые часто его навещали. У него имелась скромная библиотека: книги присылали ему родные или он приобретал их на месте. В письмах, адресованных своей семье, он старался рассказать о повседневной жизни, о тре-

воживших его проблемах, смешивая при этом различные темы и сюжеты. Кратко описывая город, он сообщал, например, что:

«Здесь проходят ярмарки, каждая из которых длится целую неделю, особенно в зимнее время. Отовсюду издалека съезжаются купцы. До шести тысяч гостей заполняют город, жители которого в это время вынуждены ютиться как «сеledки в бочке». Глухие и безлюдные улицы вдруг наполняются гулом и движением. Везде бродят киргизы, татары, бухарцы и ташкинцы в своих национальных костюмах; повсюду обилие товаров: пирамиды из жиров и масел, стопы из заячьих шкурок, батареи из железных горшков, башни из разноцветных коробок и ящиков, стада крупного рогатого скота, табуны лошадей, бесчисленные стада гусей. Всё это очень забавляет и радует глаза, уставшие от однообразия, но те, кто имеет своё хозяйство, должны смешаться с ярмарочной толпой не ради развлечения, а для того, чтобы на целое полугодие запастись всем тем, чего до следующей ярмарки нигде нельзя будет найти» [1, с. 59].

Таким образом, письма Янушкевича дают нам возможность ознакомиться с его собственными впечатлениями об этой далекой стране, бытующими в то время обычаями и традициями, климатическими условиями, степными пространствами и коренными народами, населяющими её. Письма содержат сотни различных подробностей, казалось бы, незначительных, однако, позволяющих нам лучше изучить этот далекий край. Они привлекают наше внимание и заставляют нас глубоко задуматься. Как известно, сообщения подобного характера доходили на родину от других ссыльных, описывавших свои судьбы в условиях неволи. Этот очень интересный и насыщенный фактографический материал, обогащающий образ Сибири, где им предстояло жить. С 1841 г. А. Янушкевич жил в г. Омске – в то время губернском городе, где он сначала работал в суде, а затем в канцелярии Пограничного управления сибирских киргизов. В одном из писем он сообщал, что Омск является городом, который «... был взнесён как большая крепость: в дополнение к крепости он состоит из нескольких частей, разбросанных на значительном пространстве и отдалённых друг от друга рекой Омь, которая в черте города впадает в Иртыш, достаточно широко текущего в степи. Имеется много красивых зданий, в том числе и каменных, несколько православных церквей, татарская мечеть, с минарета которой ежедневно раздаётся голос муэдзина. На улицах движение и люди различного положения и внешнего вида. По воскресеньям и в праздничные дни, музыка играет для прохожих, прогуливающих по так называемому саду, который является ничем иным, как березовой рощей, раскинувшийся на несколько улиц [1, с. 113].

Профессиональные обязанности А. Янушкевича были связаны с частыми поездками в северные районы казахских степей. Пограничное управление сибирских киргизов было заинтересовано экономическими и политическими проблемами, имевшими здесь место. Это было связано с планами присоединения территории в состав Российской Империи, в связи с чем управление часто направляло своих работников на места для сбора важной информации о проживающих там народах, их экономике и культуре. Как и другие чиновники, Янушкевич ездил в малоизвестные районы, обещая помощь от империи для туземцев, объединяя глав родов для целей колонизационной политики. Среди работников управления, посылаемых на территории, были также участники ноябрьского восстания. Они служили в воинских подразделениях, дислоцированных в крепостях, окружавших казахскую землю. В обязанности этих работников входило задержание коренных народов, убегавших на юг.

Но вернемся к фигуре Янушкевича, втянутого, в некотором роде, в колонизационную политику России по отношению к этой территории. Подобные задания он выполнял в течение более десяти лет. Он встречался со многими главами казахских родов и завоёвывал их доверие, был в курсе существующего там большого социального расслоения, о чем сообщал в своих докладах. Подчеркивая устоявшуюся традицию власти глав родов, он часто

писал о крайней бедности, преобладающей среди простых пастухов казахской степи. В 1849 г. ослабленное в результате ссылки здоровье привело к тому, что он оставил службу. До 1852 г. он жил в г. Омске, прилагая все усилия к получению разрешения о возвращении на родину. Получив его, он поспешил к матери и брату, проживавших в это время в д. Дягильно (ныне Белоруссия). Там, менее чем через год после своего возвращения из ссылки, он умер в окружении близких, которым на протяжении многих лет писал свои письма.

Необходимо добавить, что собственная судьба ссыльного не могла принести ему покоя, поэтому многое из пережитого он передал в письмах к матери, брату и друзьям. В них он описывал жизнь казахов, таким образом, придав своему дневнику и письмам характер исторического документа. Являясь ссыльным и государственным служащим, он представил реальные факты и события, миниатюрные изображения своей собственной жизни и людей, которых он встречал на своем пути. Часто наблюдая тяжелые судьбы убогих туземцев, в них он видел будущее других этносов. Иногда он испытывал сочувствие к этим людям, считая, что придет время: «когда кочующий сегодня номад займёт почетное место среди народов, что нынче смотрят на него сверху вниз» – так писал он в одном из своих писем.

В дневниках и письмах из ссылки Янушкевича прослеживаются две основные линии: описания различного рода знаний о реалиях Казахстана, грамотно изложенных автором, а также автобиографическое повествование. Эти две линии проходят через все его воспоминания. Они кардинально отличаются от традиционных воспоминаний других ссыльных и текстов эпистолярного характера. Многие из описанных реалий, этнографических или исторических, были связаны с казахами. Эта информация является ценной и познавательной. Янушкевич был свидетелем церемонии принятия Великой Киргизской Ордой российского суверенитета, то есть зависимости от колониационной политики Российской империи. Информация, содержащаяся в письмах и дневнике, представляет автора не столько как певца жизни степных аулов, сколько важного летописца истории казахского народа. За более чем десятилетнее путешествие по степи у него появилось много друзей среди казахов. Он был частым гостем в юртах, как бедных людей, так и богатых биев. Несмотря на то, что он являлся российским чиновником, в его письмах отчётливо выражалась критика в отношении имперской политики России, к навязыванию подданства народу, который больше всего любил свободу, а обширные степи были его домом. Поэтому, не удивительно, что его мнение часто цитируется современными казахскими историками, исследующими давние общественные отношения в Великой Орде. Например, вызывает интерес мнение Янушкевича о восстании Кенесары Касымова, который, объединив большинство казахов, был противником подчинения своих соотечественников российской власти.

С точки зрения автора статьи – этнолога и историка науки, – описания А. Янушкевича, касающиеся социально-культурных образов Казахстана, заслуживают признания и положительной оценки. Все они интересны и познавательны, поскольку содержат не только важные сюжеты из жизни ссыльного, но и описания людей, живущих в казахских степях. Фактический материал иногда представляется автором в историческом контексте, касающимся истории этих земель, что значительно расширяет воображение читателя. Главное его преимущество заключается в документальной достоверности, основанной исключительно на основе наблюдений, проводившихся Янушкевичем в течение трудного пути, когда он проезжал по территориям проживания коренного населения. Он кратко упоминал о султанине Бараке, который был одним из правителей Средней Орды. Он представил интересную информацию о славившемся большим авторитетом среди казахов Кунанбае – отце самого известного казахского поэта Абая Ибрагима Кунанбаева (1845–1904). В своём творчестве поэт использовал мотивы народной поэзии и восточные темы. Также он считается основоположником современной казахской литературы, в которой

отражаются проблемы морального и социального характера. По мнению Янушкевича, отец Абая – «великая знаменитость в степи. Сын простого киргиза, наделённый от природы здравым разумом, удивительной памятью и даром выступать, деловит, заботится о благе своих соплеменников: великий знаток степного права и предписаний Алкорана, он хорошо знает русские уставы, касающиеся киргизов; судья с неподкупной совестью и примерный мусульманин, плебей Кунанбай завоевал себе славу пророка, к которому с самых отдалённых аулов спешат за бескорыстным советом и млад, и стар, бедные и богатые [1, с. 86].

Образ Абая – известного казахского поэта – является важным элементом современной казахской культуры. Он позволил казахам почувствовать национальную идентичность и создать условия для её дальнейшего развития. И снова необходимо упомянуть о том, что два польских исследователя правовых обычаев казахов – Северин Гросс и Ян Виторт, находившиеся в 1880-х гг в ссылке в г. Семипалатинске, гостили у Абая Кунанбаева. Эта встреча обогатила их знания традиционной социальной культуры казахов. Вспоминая об этом по прошествии многих лет, Ян Виторт писал в своей автобиографии: «Я познакомился с цивилизованным киргизом – Кунанбаевым, который вместе со своим скотом и большой семьёй кочевал по степи; в сентябре я получил приглашение от него и поехал к нему. С Гроссом мы ехали по степи, от аула к аулу, как указывали нам киргизы, потому что мы были под опекой рода Кунанбаевых – очень большой семьи. Эта поездка навсегда останется в моей памяти из-за оригинальных и необыкновенных впечатлений, какие мы испытали в степях, в гостевом шатре Кунанбаева. Мы действительно были рады и довольны встрече...» [2, с. 244].

Но вернёмся к фигуре А. Янушкевича, оказавшегося, в некотором роде, втянутым в российскую колониальную политику на территории Казахстана. Во время работы в канцелярии Пограничного управления сибирских киргизов он занимался вопросами, связанными с реализацией мероприятий российских властей с целью присоединения Казахстана к империи. Конечно, его частые поездки в казахские аулы были необходимы для того, чтобы иметь более полное представление о социально-политической обстановке, сложившейся у туземцев. Следует понимать, что переговоры с различными правителями были большим риском для госслужащего-посредника. И здесь мы перейдем к сути проблем, которые решал А. Янушкевич в интересах России. В течение более чем десяти лет он усердно исполнял свои должностные обязанности, за что получил звание титулярного советника. Он знал многих глав казахских родов, пользовался их доверием. В отчётах, представленных своему начальству, он объективно информировал о ситуации среди казахов, указывая на их большое социальное расслоение, сформировавшееся под влиянием колониальной политики. Он подчёркивал абсолютную власть глав родов, часто выражал сочувствие людям бедным, страдающим от нищеты и голода.

Он интересовался фольклором, особенно народными певцами-импровизаторами (акынами). Двух из них – Орынбая и Джаная, – описал в своих письмах из Степи. Поэтому не удивительно, что на его мнение часто ссылаются исследователи истории казахского народа. Следует также вспомнить, что в 1966 г. письма из ссылки и дневники путешествия А. Янушкевича были переведены Ф. И. Стекловой – профессором университета г. Алма-Аты*[3], а затем они были опубликованы в переводе Мукаша Сарсекеева на казахском языке. Личность и творчество А. Янушкевича, представленные в Казахстане благодаря Ф. И. Стекловой, стали неотъемлемой частью истории этой страны и ценными ис-

* *Прим ред.:* Эта книга была переиздана в 2005 г. в рамках мероприятий, посвященных 10-летию конституции Республики Казахстан: Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям / А. Янушкевич. Алматы : Международный клуб Абая, 2005. 232, [1] с., а затем и в 2007 г.: Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям / А. Янушкевич. Астана : Алтын кітап, 2007. 300 с. (Библиотека казахской этнографии ; т. 29).

точниками изучения её культуры. В настоящее время пополнению информации о жизни А. Янушкевича, знаний о реалиях культурной жизни степного народа, а также расширению поля существующих исследований, мнений и научных отзывов по проблеме может способствовать новое издание его писем под редакцией Халины Гебер [4; 5; 6]. Эти исследования содержат много интересных данных, представленных в широком спектре времени и места, они связаны с различными сюжетами и обстоятельствами его пребывания в г. Ишиме и путешествий по Степи.

Возможно, сегодня полное издание его писем из Степи выйдет в Казахстане, что справедливо, поскольку предшествующие их издания, переведенные на русский и казахский языки, не совершенны. Хотелось бы выразить надежду на появление такого издания в этой далёкой, от Польши, стране. Благодаря этому появится реальный шанс для решения этой проблемы в рамках сотрудничества польских и казахстанских университетов. Кто, в конечном счете, возьмёт на себя этот труд? В Казахстане в конце XX в. появились книга Утегена Кумисбаева о А. Янушкевиче под названием «Польша перзенти» [7], которая была позднее переиздана [8]. Одна из улиц г. Алма-Аты названа его именем. Планируется появление этой улицы и в других городах – Астане и Аягузе. Много лет назад имелись намерения воплотить в жизнь идею установки ему памятника в г. Алма-Ате. Сейчас таких планов нет. Может, стоит вернуться к этой идее? Возможно, оба посольства – Посольство Республики Казахстан в Польше и Посольство Республики Польша в Казахстане, – когда-нибудь приложат усилия к реализации этой идеи на практике, благодаря чему может появиться еще один символ памяти нашему соотечественнику в Казахстане.

Рамки данной статьи, несмотря на её достаточную обширность, не позволили представить полный анализ фактографического материала культурного характера, содержащегося в письмах А. Янушкевича. Следует отметить тот факт, что их большим преимуществом является представленный в них материал, охватывающий множество сфер материальной, социальной и духовной культуры казахов. Результатом этого повествования является многомерное видение жизни этого степного народа. Читая эти описания, следует рассматривать их как бесценный источник для верификации местной культурной фактографии, необычайно сложной и детерминированной географическими, социальными, политическими и религиозными факторами.

Перевод с польского: Артем Чернышев.

Список литературы:

1. *Wrotnowski, F. Żywot Adolfa Januszkiewicza i jego listy ze stepów kirgiskich / F. Wrotnowski. Berlin : Księgarnia B. Behr'a (E. Bock), 1875. T. I. XIII, [3]. 248 s.*
2. *Witort, J. Autobiografia / J. Witor / Opracowali A. Kuczyński i Z. Wójcik // Lud. 1997. T. 81. S. 209–252.*
3. *Дневники и письма из путешествия по казахским степям / Пер. с пол. и предисл. Ф. И. Стекловой. Алма-Ата : Казахстан, 1966. XXXVIII. 267 с.*
4. *Januszkiewicz, A. Listy z Syberii / Adolf Januszkiewicz ; wybór, oprac. i przypisy Halina Geber ; przedm. Janusz Odrowąż-Pieniążek. Warszawa : Czytelnik, 2003. 436.*
5. *Januszkiewicz, A. Listy ze stepów kirgiskich i dziennik podróży / Adolf Januszkiewicz ; oprac. Halina Geber. Wrocław : Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2013. 296 s.*
6. *Gaibulina, K. Adolf Januszkiewicz : 24 lata zesłania na Syberii : pomiędzy „cywilizacją” a „światem półdzikim” / K. Gaibulina. Warszawa : Fundacja Amicus Verus, 2014.*
7. *Кумисбаев, Ө. Польша перзенти : Роман : Польша патриоты Адольф Янушкевич туралы / Ө. Кумисбаев. Алматы : Қазақ университеті, 1997. 312 б.*

8. *Күмісбаев*, □. Польша перзенті : роман / □. Күмісбаев. Алматы : Қазақ ун-ті, 2010. 298 б.

A. Kuczynski

The socio-cultural image of Kazakhstan in the letters of Adolf Yanushkevich

Summary: The article describes the key milestones of the Siberian biography of Adolf Yanushkevich caught in exile in Siberia as a result of involvement in the November Uprising of 1830-1831. Yanushkevich left a rich epistolary heritage, full of everyday sketches. His service in the Siberian Kyrgyz border management was associated with frequent trips to the northern areas of the Kazakh steppe, and therefore his letters to home contains comprehensive information on the culture and traditions of the Kazakh population. For this reason, his name was inscribed in the modern national discourse of the Republic of Kazakhstan.

Key words: Kazakh steppe, epistolary genre, publishing Yanushkevich' letters in Kazakhstan.

Polska Akademia Nauk (Nowy Świat 72, 00-330 Warszawa, tel: (22) 826 87 54, ihn@ihnpn.waw.pl)

УДК. 282(571.16)(091)

B. A. Ханевич

ССЫЛЬНОЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ВОСПРИЯТИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1830–1880-Е ГОДЫ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы политической ссылки в Сибирь, в частности, в пределы Томской губернии представителей римско-католического духовенства в периоды подавлений вооруженных восстаний 1830–1831 и 1863 гг. польского народа против царского самодержавия. Рассматривается их персональный состав, причины и условия ссылки, места размещения, материальное положение и род занятий, взаимоотношения с местной администрацией и штатным клиром местной католической общины, отношения с ссыльными соотечественниками и местным православным населением.

Ключевые слова: Польша, Россия, Сибирь, политическая ссылка, католическая церковь.

Введение

С 1795 г. в результате сговора трёх соседних держав России, Австрии и Пруссии польская государственность прекратила своё существование. В продолжавшейся 123 года борьбе польского народа за её восстановление видная роль принадлежала католическому духовенству, представители которого активно участвовали как в вооруженных восстаниях 1830–1831 и 1863 гг., так и в ряде конспиративных организаций, что действовали в промежутке между восстаниями на всей польской территории, особенно – в Королевстве Польском.

Свое неприятие сложившейся ситуации, свой протест против национального и религиозного гнета польское духовенство выражало и иными средствами, в том числе в своих проповедях и в частных разговорах с прихожанами.

В своих взаимоотношениях с католическим духовенством в Королевстве Польском и западных губерниях царские власти пользовались испытанным способом «кнута и пряника». Тех духовных лиц, которые не выходили за рамки религиозно-пастырской деятельности, кто не высказывался публично против разделов Речи Посполитой, власти старались поощрять повышением в церковных званиях и должностях. Любые же формы «неблагоденности» в отношении существующих порядков приводили виновных к понижению в должности или к переводу на менее доходное место, лишению права занимать высшие должности, направлению на покаяние в монастырь со строгим режимом. Для молодых и здоровых клириков власти применяли нередко определение на военную службу на южные или восточные окраины империи. Для значительной части из них была уготована отправка в каторжные работы в Восточную Сибирь или же ссылка под строгим надзором полиции в губерниях Западной Сибири. Собственно, к данной категории ссылных духовенства, подвергнутого ссылке в пределы Томской губернии в 1830–1850-е, а затем в 1860–1870-е гг. XIX в., и относится тема данной работы.

Анализ всего объема специальной литературы, существующей по изучаемой теме, позволяет говорить о том, что в отечественной и польской историографии пока отсутствуют обобщающие научные исследования, посвященные истории католической церкви в данном регионе Западной Сибири. Отсутствуют также специальные монографические работы, которые касались бы такого заметного аспекта данной темы, как политическая ссылка в Сибирь польских католических священнослужителей.

Объектом исследования стали ссылные на жительство в Томскую губернию под строгий надзор полиции лица духовного звания римско-католического вероисповедания как составной части польской ссылки в Сибирь в XIX в.

Результаты исследования.

1830–50-е гг. XIX в. для Сибири ознаменовались очередной волной политических ссылных из Западных губерний империи и территорий Царства Польского как результат расправы над участниками польского восстания 1830–1831 гг., активных деятелей национально-освободительного и конспиративного движения, среди которых были также представители католического духовенства, активно содействующие освободительному движению или же просто отнесенные к неблагонадежным в политическом отношении.

Перед властью уже тогда встал непростой вопрос их размещения в местах ссылки: размещать вместе с другими своими соплеменниками и единоверцами или же постараться их изолировать от таковых? Российское правительство явно опасалось даже в местах ссылки католического духовенства влияния их на светских изгнанников, на их возможность даже в ссылке проводить среди своих соплеменников и единоверцев активную духовно-пастырскую работу, поддерживать дух, не допускать его упадка, укреплять патристические и освободительные устремления светского контингента ссылных. Чтобы этого не допустить, в 1834 г. в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий МВД возникла идея учредить в одной из губерний Западной Сибири «дом смирения для преступных римско-католических духовных», т.е. устроить специальную тюрьму для ссылных ксендзов, где бы они могли быть полностью изолированы от своих единоверцев. На сей счет было дано распоряжение генерал-губернатору Западной Сибири изучить этот вопрос и внести конкретные предложения. Генерал-губернатор этот вопрос передал на рассмотрение губернских управлений. Из Тобольского общего губернского управления ответствовали, что «... в Тобольской губернии римско-католических церковей не имеется и потому учреждение здесь дома смирения для преступных римско-католических духовных ... не удобно ...». Из Томского общего губернского управления поступил точно такой же по смыслу ответ, но с более развернутой аргументацией не в пользу учреждения в Томской губернии «дома смирения» для ссылных ксендзов: «... учреждение дома смирения для преступных римско-католических духовных... предполагается с тем намерением,

чтобы им духовным пресечь всякую возможность иметь сношения с людьми подозрительными и чрез их распространять превратные толки и вредные внушения между народом... Для этой цели необходимо совершенное удаление тех преступных духовных лиц в места малолюдные, где наименее находится людей, могущих преклоняться их вредным внушениям; или же необходим строжайший за теми людьми надзор. Но Томская губерния представляет важные затруднения: во-первых, по неимению в городах губернии казенных зданий для помещения преступных католических духовных; во-вторых, по множеству находящихся здесь ссыльных из всех российских губерний, между коими встречается большое число бывших жителей литовских губерний и от Польши присоединенных; в-третьих, по значительному числу находящихся поляков, которые за участие в бывших возмущениях в Царстве Польском и сопредельных ему губерниях сосланы или на поселение в Томскую губернию, или определены в Сибирский линейный батальон и некоторые инвалидные команды...» [1, с. 122]. Далее отмечалось, что неудобны для этого «малолюдные города Томской губернии: Бийск, Каинск и Кольвань, похожие более на селения... Губернский город Томск и горный город Барнаул по устройству своему и по числу жителей могут называться довольно значительными городами и составляют сосредоточение Управлений губернского и горнозаводского; на устройство в сих городах дома для смирения преступных римско-католических духовных было бы несообразно с видами правительства, которое признало нужным упомянутые лица удалять от многолюдства и заключать в монастыри... А сверх того, на основании коренных узаконений и Высочайших повелений, весь округ Кольвано-Воскресенских заводов освобожден не токмо от постоянного, но и даже временного пребывания всех людей, ссылаемых из внутренних российских губерний на поселение или под полицейский надзор...». На территории Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа, входившего в состав земель императорского Кабинета, ссылка была запрещена официально законами 1762, 1766, 1808 гг. Поэтому в Томской губернии представляются видимые неудобства к учреждению дома для смирения преступных римско-католических духовных...» [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17953. Л. 12–13]. В соответствии с этими мнениями из Главного управления Западной Сибири министру внутренних дел 30 марта 1835 г. было сообщено о неудобстве «учредить в каком-либо из губернских городов Западной Сибири специального дома смирения для преступников из римско-католических духовных» [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17953. Л. 14–17].

Таким образом, вняв доводам Томского и Тобольского губернаторов в МВД тогда отказались от идеи создания в Тобольской и Томской губерниях специальной тюрьмы для ссыльных ксендзов, предписав размещать ссыльных ксендзов в отдаленные места губернии под строгий полицейский надзор, что и было осуществлено. Впрочем, желание изолировать католических духовных лиц в каком-либо одном месте не исчезло и было реализовано властями во время следующей волны польской ссылки после подавления восстания 1863 г. и произошло это уже в Восточной Сибири, в небольшой деревне Тунка, расположенной в 180 верстах от г. Иркутска, в котловине Саянских гор. Эта деревня, по сути, стала для нескольких десятков католических духовных лиц своеобразной тюрьмой на длительный срок.

Говоря о ссыльных ксендзах, оказавшихся в 1830-е гг. в Западной Сибири, прежде всего, следует отметить ксендза Яна Сероциньского (1798–1837), с именем которого связано так называемое «Омское дело» 1833 г. – готовящееся массовое вооруженное антиправительственное выступление ссыльных из Царства Польского с участием солдат и офицеров, а также русских солдат, ссыльных, арестантов. Личность Сероциньского, как и само «Омское дело», достаточно полно освещены в работах российских и польских исследователей и не являются предметом нашего повествования, хотя следует отметить, что известия об омском заговоре прокатились по всей Сибири и вызвали ряд выступлений польских ссыльных в г. Енисейске, г. Ачинске [2, с. 240], а расследование этого дела

незамедлительно отразилось на ужесточении условий ссылки для многих поляков, в том числе и ксендзов, отбывавших наказание в Томской губернии.

В списке государственных и политических преступников в Томской губернии, находящихся на конец июля 1844 г. под надзором полиции находилось 18 человек, в их числе декабрист Павел Выгодковский и четыре католических ксендза: Михайло Торчановский (в г. Барнауле), Павел Шишко (в г. Бийске), Анджей Михайлович (в г. Колыване) и Антоний Анкудович (в г. Кузнецке) [ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 105. Л. 1–15]. Доставлены они были в Сибирь по Высочайшему повелению в 1839 г. из Брусиловского монастыря, куда были помещены на покаяние по обвинению «в преступных речах, в хранении у себя возмутительного содержания бумаг и в непозволительной переписке», предписанием генерал-губернатора Западной Сибири от 23 декабря 1839 г. отправлены для проживания в указанные города Томской губернии [1, с. 132]. Двое из них (Анджей Михайлович и Антоний Анкудович) смогли вернуться на родину, а Михаил Торчановский и Павел Шишко навсегда остались в Сибири: первый скончался 25 апреля 1843 г. от чахотки в Барнаульском заводском госпитале [ГАТО. Ф. 3 Оп. 4. Д. 105. Л. 11 об.], а второй, Павел Шишко, викарный ксендз и глава церковного прихода Сидра Белостокского уезда Городненской губернии, скончался 25 августа 1856 г. в месте своей ссылки г. Бийске [ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 105. Л. 70].

В период очередной волны ссылки после Январского восстания 1863 г. в сибирских регионах оказались различные слои польского общества, в том числе и представители католической церкви, поскольку польское католическое духовенство активно поддерживало восставших. По воспоминаниям государственного деятеля, военного министра России Д. А. Милютина, «вообще духовенство католическое приняло самое деятельное участие в мятеже...» [3, с. 45]. Это подтверждает мнение А. Каппелера о репрессиях после 1863 г. «по отношению к католическому духовенству, которое было второй после шляхты движущей силой и опорой национального сопротивления» [4, с. 188].

Обвинения в отношении католического духовенства были во многом стандартны и сводились в разных вариантах к таким пунктам как «содействие участникам мятежа», «возбуждение крестьян к мятежу», «проведение проповедей патриотического содержания и чтение с амвона повстанческих материалов», «допущение в костеле пения революционных гимнов и не произнесение в течение некоторого времени молитв за государя императора», «участие в мятеже, выраженное встречей шайки мятежников с хоругвями и служения для них молебствия», «противодействие распоряжениям начальства относительно процессий и крестных ходов», «принятие к присяге лиц, желавших вступить в состав революционной полиции». Зачастую ссылали по голословному обвинению в политической неблагонадежности, «вредности пребывания в здешнем крае», «за распространение в народе ложных слухов...», «за недонесение...». Были пункты обвинения и чисто религиозного характера, например, отказ в исповеди человеку, выдавшему восставших, «унизительные отзывы о лицах, принимающих православие» или же за «явное стремление удержать в католицизме крестьян, изъявивших добровольное желание принять православие». В отличие от многовариантности обвинений, шкала наказаний за эти преступления сводилась практически к двум пунктам: 1) ссылке в Сибирь с лишением прав состояния и духовного звания и 2) ссылке без лишения прав состояния и духовного сана священника.

На основе изучения и систематизации архивных материалов нам удалось установить, что в Томской губернии в 60–80-е гг. XIX в. на положении ссыльных находилось 82 духовных лица римско-католического вероисповедания: приходские ксендзы, монахи нескольких католических орденов и одна монахиня, Анна Домбровская – настоятельница женского монастыря в г. Вильно. Из них 34 человека были отправлены в ссылку без лишения прав состояния и духовного сана, 18 человек – с лишением прав состояния и сана

священника, в отношении 29 человек не содержится сведений о том, с какой степенью наказания была применена к ним ссылка.

Удалось проследить дальнейшую судьбу некоторой части ссыльного римско-католического духовенства, находившегося здесь на жительство. Установлено, что 8 человек (Иосиф Диакевич, Доменик Жук, Доменик Козицкий, Людвиг Лебедзинский, Феликс Ленковский, Северин Микутович, Викентий Нарвойш, Киприан Скирмонт) впоследствии смогли получить разрешение выехать в центральные губернии России, 13 человек (Игнатий Бартлинский, Игнатий Бортницкий, Иосиф Давидович, Фрацишек Дыгло, Иосиф Лавкович, Людвиг Миницкий, Николай Сволкен, Казимир Скибневский, Михаил Скорупский, Викентий Улинский, Леопольд Урбанович, Плацид Шарковский, Амброзий Шульц) вернулись на родину. Иосиф Давидович, до ссылки в Сибирь ректор Борнянской римско-католической семинарии, возвратился на родину в Иукшту, где умер в 1882 г., оставил воспоминания о пребывании в ссылке, опубликованные в г. Кракове в 1901 г. [5]. Один из вернувшихся на родину в 1885 г. (ссылный ксендз Людвиг Миницкий из Виленской губернии Дисненского уезда), получив разрешение, выехал за границу.

28 человек умерли в ссылке. Из них 14 ссыльных ксендзов (Георгий Бакевич, Гилярий Бышулевич, Иоан Витковский, Августин Войшнар, Михаил Воловский, Николай Гиртович, Эдуард Григалюнович, Иоан Даржинский, Игнатий Дышкленич, Пацифик Залевский, Амвросий Косаржевский, Аврелий Мацкевич, Иосиф Носальский, Константин Стефанович) умерли в г. Томске и были похоронены на местном католическом кладбище, 7 – в Мариинском уезде, в том числе четверо из них (Эдуард Котович, Плацит Милосницкий, Урбан Таргоньский и Викентий Усцинский) – в г. Мариинске. Один из священников (Дионисий Сташкевич) при невыясненных обстоятельствах был убит 12 декабря 1872 г. в с. Нарым [ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 7. Л. 101].

6 ссыльных ксендзов после окончания ссылки остались в Сибири и служили штатными священниками в храмах Сибири. Михаил Олехнович и Казимир Скибневский служили vikarями в храме г. Томска, последний в 1899–1900 гг. временно исполнял обязанности томского курата. Георгий Косиловский в 1881 г. был назначен vikарным ксендзом костела в г. Красноярске, в 1884 г. – куратом Красноярского прихода и в данной должности служил до 1887 г. Викентий Мосей в 1881–1883 гг. исполнял обязанности тобольского курата, в 1883–1893 гг. был капелланом храма в с. Спасском Каинского округа Томской губернии, в 1893–1901 гг. – vikарным священником в г. Томске, в 1895–1897 гг. служил в г. Каинске. В 1897 г. – вновь в с. Спасском, где скончался в 1911 г. Викентий Юстинович в 1885–1889 гг. служил vikарным священником в г. Казани, в 1889–1897 гг. – куратом в г. Чите. Ксендз Иосиф Лавкович в 1882–1890 гг. служил vikарным священником в г. Иркутске, в 1890–1894 гг. – vikарным священником костела св. Марии в г. Санкт-Петербурге, в 1894–1897 гг. был куратом храма в г. Выборге, в 1897 г. вернулся на родину в Тельшевский деканат. К сожалению, дальнейшая судьба 29 сосланных в Томскую губернию католических священников пока остается неизвестной.

Прибывающих в ссылку ксендзов местная администрация первоначально старалась разместить подальше от городов, в сельскую местность, но те, используя всевозможные доводы и причины, старались остаться на жительство под надзором полиции если не в губернском г. Томске, так в других окружных городах, в том числе в Кузнецке, Колыване и Бийске, входившие в округ Колывано-Воскресенских заводов, освобожденный от заселения ссыльным элементом. Подсчитано, что в окружном г. Кузнецке в разные годы проживало 10 ксендзов, 23 католических священника пребывало в г. Мариинске и Мариинском округе. В 1881–1884 гг. в губернском г. Томске одновременно проживало 8 ссыльных католических священников.

Нахождение под надзором полиции для ссыльных означало то, что они всецело зависели от местного полицейского надзора, могли в любой момент быть подвергнуты задержанию, обыску, а затем по надуманным обвинениям наказаны и переведены на жительство в другое место под более строгий надзор полиции. Не были в этом отношении исключением и ссыльные ксендзы. Так, например, в феврале 1870 г. по распоряжению томского губернатора из губернского города в уездные г. Каинск и г. Мариинск под строгий надзор полиции в срочном порядке были высланы жившие в г. Томске ссыльные ксендзы Иосиф Давидович и Викентий Улинский. Первый был обвинен в том, что учредил без ведома начальства школу и учил в ней мальчиков и девочек грамоте, а второй, Викентий Улинский, отправлял богослужения, доказательством чему стало найденное у него в ходе обыска церковное священническое облачение и другие церковные принадлежности [ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 362. Л. 5–6].

Интересные упоминания о ссыльных представителях духовенства содержатся в воспоминаниях В. В. Берви, находившегося в г. Кузнецке в 60-х гг. XIX в. Он отмечал, что ксендзы «отличались способностью к тому роду самоотвержения, которое прививается католическому духовенству его аскетическим воспитанием. Это помогало им переносить свою судьбу с большей стойкостью и с большим достоинством..., ни от одного из них я не слышал малодушного уверения, что он был против восстания...» [6, с. 118].

Следует отметить, что материальное положение большинства ксендзов в ссылке, как, впрочем, и всей остальной массы ссыльных, было достаточно сложным и зависело от помощи родных и близких с родины и от пособий казны, назначаемых по прошению. Так, например, 9 декабря 1866 г. находившийся в ссылке в г. Кузнецке ссыльный иеромонах бернардинского ордена Урбан Таргоньский обратился к начальнику губернии с прошением о назначении пособия, указывая, что был прислан в г. Кузнецк из Минской губернии вследствие конфирмации главного начальника края и здесь в ссылке «нашелся поверженным в крайнюю нищету», поскольку как монах не мог иметь и раньше собственных денег, был нищим, а здесь заработать копейку... не в состоянии по сану... и преклонным летам...» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1149. Л. 101]. Исполняющий должность кузнецкого городничего подтвердил, что перечисленный в кузнецкие мещане ксендз капеллан Урбан Таргоньский никакой работы в городе не имеет, «поведения хорошего, пособия от родных не получает и существовать без денежного от казны пособия не может по старости лет и нездоровью...» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1149. Л. 102А].

Чтобы получить пособие просителям приходилось неоднократно обращаться по инстанциям, обращая внимание на свою материальную несостоятельность, бедственное положение и невозможность получить средства к жизни своим трудом. Обычный размер выдаваемого «кормового» пособия в 1867 г. ссыльным политическим преступникам, сосланным без лишения прав состояния составлял 15 коп. в сутки и 1 руб. 50 коп. в месяц «квартирных». Сосланные с лишением прав состояния могли рассчитывать на пособие не более чем в 1 руб. 24 коп. в месяц, т.е. по 5 коп. в день. Несколькими годами позднее, в середине 1870-х гг. в связи с ростом цен на продукты размер этого пособия был увеличен до 5–6 рублей в месяц.

Однако даже получение просимого денежного вспомоществования не защищало их нищенского существования, так как было недостаточным, выдавалось нерегулярно, а то, из-за бюрократических проволочек, и вовсе прекращалось. Например, 26 октября 1868 г. находившийся в г. Мариинске политический ссыльный ксендз Николай Сволкен обратился с прошением в губернатору, в котором указал, что по распоряжению начальства был переведен на жительства из г. Колывани в г. Мариинск с выплатой того же пособия, что получал по прежнему месту жительства, тогда как вот уже полгода такового не получает, «несмотря на неоднократные прошения, поданные в местную полицию...» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 248. Л. 641]. Просил губернатора сделать распоряжение о начислении пособия за

прошедшее время и начислить впредь далее, «так как таковое было лишь единственным средством к ...проживанию...» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 248. Л. 641]. Известно, что живущий в 1866–1867 гг. в г. Мариинске ксендз Юлиан Кельпш пек хлеб, находившийся в г. Каинске ксендз Феликс Ленковский занимался садоводством, пока в 1867 г. не получил разрешения переехать в Вятскую губернию. В 1866 г. живший в Томском округе ссыльный монах Павел Лукашевич из Цитовянского монастыря ордена Бернандинов в Россиенском уезде Ковенской губернии выполнял «черные работы и работы по меди». Живший в г. Томске в 1871 г. под надзором полиции ксендз Северин Микутович, помимо того, что получал месячное пособие в 5 руб. 70 коп., занимался починкой часов.

В воспоминаниях ссыльного поляка Болеслава Шостаковича, находившегося в 1873–1876 гг. в ссылке в г. Нарыме есть указание на то, здесь же в это время пребывали в ссылке два ксендза, один из которых занимался починкой ружей, а другой ремонтировал часы [7].

Следует отметить, что по ведомостям политических преступников, находившихся на жительстве в Томской губернии, назначалось пособие от казны на содержание и наем квартир значительному количеству ксендзов, в том числе жившим в г. Мариинске Евстафию Буйно, Яну Виткевичу, Якову Демидовичу, Доменику Жуку, Георгию Коссиловскому, Эдуарду Котовичу, Андрею Кржыжановскому и другим. Те же ксендзы, кто получали финансовую помощь от родных и близких, своих бывших прихожан, сами делились этой помощью с другими ссыльными. Например, на допросе, устроенном в 1870 г. губернским чиновником ссыльному ксендзу Иосифу Давидовичу относительно его доходов и расходов последний дал следующее пояснение: «... деньги, получаемые мною я обращал на бедных, а именно: некоему Зелинскому, возвратившемуся в Царство Польское я дал 25 руб. Родзевичам, бедной семье, живущей на почте, раздал 25 руб., другой 2 рубля, третьей рубль. Больным в лазарете я часто давал чай и сахар и многим еще, которых я не помню. Главный расход был на содержание 80-летней старухи Ирунович с двумя маленькими детьми, изувеченного старика Добровольского, Домбровского с тремя маленькими детьми, из которых одно померло, и две малютки Тарасевич. Так как присылаемых денег было мало на пропитание моих бедных, то я одолжил 95 рублей, завел хозяйство – лошади и возкою кирпича и дров сам лично зарабатывать нечто. Вот источники моих средств и точный расход...» [ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 362. Л. 14–15].

Важным вопросом для католического духовенства, сосланного в Сибирь был вопрос получить дозволение вести богослужения в месте ссылки среди своих, таких же ссыльных единоверцев, а также других католиков. По этому вопросу в ГАТО отложился достаточно большой массив архивных документов – переписки на поданные прошения и ходатайства ссыльных ксендзов. Однако существующие правовые нормы запрещали даже не лишенным духовного сана ссыльным священникам вести религиозную деятельность, запрещалось даже использование титула «ksenдз». И это тогда, когда одной из проблем существования в Сибири римско-католических приходов являлась острая нехватка духовенства. Оказавшимся в сибирской ссылке католическим священникам запрещалась любая религиозная и миссионерская деятельность.

И все же жизнь в ссылке со временем вносила и в этом вопросе свои коррективы. Огромное количество прибывших в Сибирь ссыльных католиков одновременно с достаточно большим количеством ссыльного духовенства не могла не изменить существовавшие запреты и не создать условий для пастырской службы.

В первые годы массовой ссылки поляков местные власти не предпринимали каких-либо мер, запрещающих ссыльным священникам исполнять требы в среде самих ссыльных. Об этом может свидетельствовать тот факт, что сосланному без лишения духовного сана в Томск «по политическому делу как неблагонадежному в политическом отношении» ксендзу Чечерского костела Могилевской епархии в Ковенской губернии Николаю Гиртовичу в конце 1864 г. было дозволено томским губернатором исполнять обязанности том-

ского курата на время отсутствия последнего в губернском г. Томске, а затем в течение почти двух лет исполнял обязанности томского викария.

Следует отметить, что вопрос о дозволении осуществлять богослужения в штатных костелах римско-католическим священникам, высланным без ограничения права состояния, поднимался ещё летом 1865 г., однако, официального разрешения от министра внутренних дел тогда получено не было. В сентябре 1865 г. тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович, «желая устроить быт польских ссыльных изгнанников...» и в то же время «избавить казну от значительных, непроизводительных ныне затрачиваемых на содержание их расходов» представил министру внутренних дел записку, в которой предлагал дозволить высланным без лишения прав состояния и духовного сана ксендзам римско-католического исповедания совершать богослужения в тех городах, где есть костелы, например, в г. Тобольске и г. Омске. Поводом для такого предложения «послужили постоянные просьбы подобных лиц о дозволении им этого права». В своей записке он указывал, что «дозволение это не представлялось бы неудобным ни в каком отношении, т.к. молитва и богослужение есть только дело совести и нравственной нужды человека ... и потому в дозволении совершать богослужение не может быть никакой опасности для спокойствия края, особенно если при этом, безусловно, будет запрещено ксендзам говорить проповеди, тогда как напротив стеснение человека в этой необходимой и высшей нравственной потребности может только вызвать попытки к удовлетворению их скрытно от местного начальства» [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5727. Л. 3–4, 61–61об.].

Таким образом, факты говорят о том, что местные губернские власти, да и сам генерал-губернатор Западной Сибири, в первоначальный период ссылки поляков в Сибирь весьма лояльно отнеслись к духовным нуждам ссыльных католиков и даже не были против устройства временных католических часовен-каплиц, но были против дозволения ссыльным ксендзам разъезда по округам губерний и выступали против устройства в Сибири новых католических храмов и часовен. Так, например, в июле 1866 г. начальник Томской губернии, донося генерал-губернатору о том, что разрешил «некоторым из ссыльных ксендзов, не лишенным духовного сана и присвоенных преимуществ отправлять на места их причисления под надзором полиции богослужения и исполнять те духовные требы, которые не сопряжены с записью в метрические книги», но, в то же время, предписал не дозволить ксендзам из политических ссыльных разъезды по округу.

Разрешение не лишенным духовного сана ссыльным ксендзам служить только «тихие обедни» и только в штатных костелах вовсе не решало проблемы духовного окормления тех тысяч ссыльных, кто был размещен на поселение и водворение в сельских местностях сибирских губерний, т.к. в середине 60-х гг. XIX в. католические храмы на территории Западной Сибири были лишь в г. Тобольске, г. Омске и г. Томске.

Благодаря настойчивому ходатайству томского курата Иосифа Энгельгарта, часть ссыльных католических священников получила официальную возможность в местах своего жительства устраивать на своих квартирах временные каплицы и совершать в них богослужения, духовно опекать живущих рядом единоверцев. Подобные богослужения проходили в городах Колывани, Бийске, Кузнецке и Мариинске. Отсутствие четких конкретных предписаний из центра на предмет правил поведения в сибирских губерниях ссыльных ксендзов, неточность и противоречивость указаний губернских властей позволяло и местным властям сквозь пальцы смотреть на богослужения, которые зачастую проводились полутайно ссыльными ксендзами не только в уездных городах, но и в сельской местности. Однако продолжались эти вольности только до середины 1867 г. 22 июня 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущов своим циркуляром, ссылаясь на мнение министра внутренних дел, приказал сделать распоряжение о том, чтобы впредь до особых распоряжений «ксендзам, высланным в Сибирь по правительственным видам с

ограничением или без ограничения прав не было дозволено совершать богослужения» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 295. Л. 124–124 об.].

Полный запрет на всякую религиозную деятельность всем без исключения ссыльным ксендзам продлился до осени 1870 г. Томский губернатор, транслируя запрет властей на религиозную деятельность ксендзов до сведения своих подчиненных, указывал, что если «разрешить сосланным ксендзам совершение ... духовных треб, то они разрешение это могут принять за особенное к ним снисхождение правительства и в этом случае весьма трудно будет за них поручиться в политическом отношении, ... принимая во внимание настоящее, беспокойное время не следовало бы разрешать ксендзам из польских ссыльных совершение духовных треб, которое сопряжено с разъездами...» [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 9789. Л. 4 об.].

Только в ноябре 1870 г. томский губернатор получил уведомление, что министр внутренних дел дал разрешение «в неотложных случаях и при неимении налицо других священников, ... по особому на каждый случай разрешению начальника губернии» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 295. Л. 129], допускать к свершению крещения, погребения и бракосочетания не лишенных прав состояния и духовного сана ссыльных католических священников.

Архивные документы свидетельствуют о том, что запреты ссыльным ксендзам совершать объезды селений в округах губернии для совершения духовного окормления своих соотечественников-поляков продолжались еще достаточно долго, впредь до освобождения от надзора полиции с дозволением «жить повсеместно». Томский курат Захаревич в этом деле мог рассчитывать только на своего помощника, викарного священника Валериана Громадского, присланного в Томск в 1869 г. [8].

Говоря о состоянии католической Церкви на томской земле с середины 60-х гг. по 80-е гг. XIX в., можно констатировать, что это был период массового пребывания здесь не только политических ссыльных лиц римско-католического вероисповедания, но также достаточно большого количества лиц духовного звания римско-католической Церкви, таких же политических ссыльных. Совместное проживание в местах изгнания давало им возможность взаимно чувствовать и вести себя «почти как на родине».

Все католические священники, оказавшиеся в ссылке в это время, сохранили не только приверженность своему исповеданию, но, несмотря на выпавшие невзгоды и испытания, вели себя мужественно и самоотверженно, по мере возможности занимались просветительской деятельностью среди населения. По словам Бронислава Пилсудского, «если им это было позволено, они исполняли свои обязанности с достоинством и подлинной священнической самоотверженностью. Но, даже лишенными прав, среди верующих товарищей-ссыльных они были признаны духовными руководителями, которые несли невыразимое облегчение своей добродетелью и моральной деятельностью» [9, с. 24].

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы отметить, что изучая тему ссылки поляков в Сибирь, в том числе и римско-католического духовенства, следует помимо внешней стороны (выяснения вопросов о том, кого, когда, с каким приговором репрессировали, где и в каких внешних условиях отбывали наказание осужденные, когда возвратились на родину) также обращать внимание на то, как влияла на репрессированных природа Сибири и люди тех регионов, в которых они оказывались, степень вовлеченности ссыльных в местную жизнь и как это повлияло в дальнейшем на их идейно-политические воззрения, на отношение к русскому и другим народам Российской империи. Как справедливо отмечал профессор В. А. Дьяков [10], решение такого рода задач – весьма нелегкое дело, проблематика эта слабо обеспечена источниками в количественном смысле и сложна в истолковании. Но, в тоже время, внимание к этой стороне проблемы открывает путь к более активному включению ссылки в широкую и важную проблематику взаимо-

отношений между российским и польским народами, а такая задача представляется весьма актуальной.

Одним из способов решения данной проблемы, на наш взгляд, могла бы стать совместная работа польских и российских исследователей по подготовке и изданию словаря ссыльных поляков, в том числе и духовенства, оказавшихся в сибирской ссылке во второй половине XIX в. Хороший пример подобной работы мы видим в словаре ссыльных поляков в Российской империи в первой половине XIX в., подготовленном и изданном проф. Викторией Сливовской [11].

Список литературы:

1. *Никулина, И. Н.* Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.) / И. Н. Никулина. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2004. 175 с.
2. *История Сибири*: учеб. пособ. для студентов истор. специальности вузов. Томск : ТГУ, 1987. 122 с.
3. *Воспоминания* генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин 1860–1862 / Д. А. Милютин. М. : Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова : Рос. архив Российский архив, 1999. 559 с.
4. *Каппелер, А.* Россия – многонациональная империя : Возникновение. История. Распад / А. Каппелер. М. : «Традиция», 2000. 344 с.
5. *Z listów Sybirskiego Misyonarza X. Józefa Sylwestra Dawidowicza* / J. S. Dawidowicz. Krakow, 1901. 154 s.
6. *Берви, В. В.* Воспоминания / В. В. Берви // *Голос минувшего*. 1915. № 6–8. С. 110–126.
7. *Шостакович, Б. С.* Революционер-шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке (по сохранившимся его воспоминаний и другим неопубликованным материалам) / Б. С. Шостакович // *Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.)*. Новосибирск : Наука, 1978. С. 175–204.
8. *Ханевич, В. А.* Ксёндз Валериан Громадский в истории католической общины г. Томска / В. А. Ханевич // *Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее* : Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Томск : ТГПУ, 1999. С. 100–105.
9. *Пилсудский, Б.* Поляки в Сибири / Б. Пилсудский // *Сибирь в истории и культуре польского народа*. М. : «Ладомир», 2002. С. 13–30.
10. *Дьяков, В. А.* Карательная политика царизма по отношению к католическому духовенству (1832–1855) / В. А. Дьяков [Электронный ресурс]. URL : <http://krotov.info/history/19/1840/dyakov1996.htm> (дата обращения : 30.04. 2015).
11. *Śliwowska, W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku : słownik biograficzny / Wiktoria Śliwowska ; Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa : "DiG", 1998. 835 s.

V. A. Khanevich

EXILED ROMAN CATHOLIC CLERGY IN THE EYES OF THEIR COMPATRIOTS, RUSSIAN ADMINISTRATION AND COMMUNITIES OF TOMSK PROVINCE, 1830–1880s)

Summary: In this article we're going to take a closer look at the political exile of representatives of the Roman Catholic clergy to Siberia, to Tomsk Province in particular, during the periods of the armed uprisings of Polish people against the autocracy that took part in 1830-1831 and 1863. We are going to review their names list, reasons and conditions of their exile,

accommodations, financial positions, occupations, mutual relations with local administration and regular clergy of local Catholic community, relationships with their exiled compatriots and local Orthodox community.

Key words: Poland, Russia, Siberia, political exile, Catholic Church.

Tomsk Local History Museum of M.B. Shatilov (634050, Tomsk, 44 Lenina Prospect, tel.: +7 3822 516133, e-mail: han.tomsk@yandex.ru)

УДК 59 (092) (=162.1) : 94 (571)

M. Przeniosło, M. Przeniosło

POLACY W OCZACH ROSJAN I LUDNOŚCI TUBYLCZEJ SYBERII ZACHODNIEJ W ŚWIETLE SPUŚCIZNY PAMIĘTNIKARSKIEJ BENEDYKTA DYBOWSKIEGO

Streszczenie: Artykuł skupia się na postaci Benedykta Dybowskiego, traktując go jako przykład dla przedstawienia stosunku ludności syberyjskiej do Polaków. Dybowski brał udział w powstaniu styczniowym (był komisarzem Rządu Narodowego na Litwę i Białoruś), za co został skazany na śmierć, po czym karę tę zamieniono mu na 12 lat zesłania na Syberię. Poniższy artykuł przedstawia postać Dybowskiego głównie z perspektywy jego dwóch pamiętników, które zawierają mnóstwo informacji na temat życia zesłańców na Syberii i ich stosunku do ludności tubylczej.

Słowa kluczowe: Benedykt Dybowski (1833 – 1930), polscy zesłańcy, polskie pamiętniki, XIX wiek, polscy uczeni, powstanie styczniowe, Syberia.

Spuścizna pamiętnikarska Benedykta Dybowskiego – lekarza, zoologa i antropologa, niewątpliwie należy do najcenniejszych pozostałości autorstwa Polaków, którzy przymusowo lub dobrowolnie znaleźli się w XIX wieku na terenie Syberii. Niektórzy z zesłańców, wcześniej aktywni naukowo, swój pobyt wykorzystywali na prowadzenie badań. Dzięki nim nieznaną Syberia odkrywana była dla nauki światowej. Taką osobą był Benedykt Dybowski. Odkrycia poczynione na Syberii na trwałe wprowadziły jego nazwisko do historii tych ziem [Zob.: 1; 2; 3].

Umiejętności pisarskie, dogłębność analizy i dociekliwość powodują, że materiał pamiętnikarski autorstwa Dybowskiego jest świetnym źródłem historycznym. W referacie autorzy skoncentrują się na analizie dwóch pamiętników jego autorstwa, na obszernym „Pamiętniku dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878”, wydanym we Lwowie w 1930 r. i relacji „O Syberii i Kamczatce”, cz. 1, „Podróż z Warszawy na Kamczatkę”, Warszawa – Kraków 1912. Oba dotyczą problematyki syberyjskiej – pierwszy okresu, gdy Dybowski przebywał na Syberii jako zesłaniec, drugi gdy po powrocie z zsyłki zdecydował się na wyjazd na Wschód w celach naukowych.

Oba pamiętniki są wielowątkowe i obfitują w bogactwo informacji. Autorzy zwrócą uwagę na te fragmenty, które mówią o postrzeganiu przez Dybowskiego mieszkańców Syberii – chodzi przede wszystkim o rdzenną ludność, częściowo jednak także o osoby czasowo przebywające na opisywanym terenie z racji pełnionych funkcji (np. rosyjskich urzędników). Jeszcze większy akcent położony zostanie na relacje odwrotne, to znaczy jak (w odczuciach autora pamiętników) wspomniane grupy widziały i oceniały Polaków [Wątek podjęty w referacie poruszony został przez autorów także w tekście: 4, s.223 – 232].

Benedykt Tadeusz Dybowski urodził się w 1833 r. w Adamarynie w powiecie mińskim na Białorusi. [Adamaryn był majątkiem czasowo zarządzanym przez rodziców Benedykta]. Uczęszczał do gimnazjum w Mińsku, tu w 1853 r. złożył egzamin dojrzałości. W latach 1853-1857 odbywał studia medyczne i przyrodnicze na Uniwersytecie Dorpackim, w 1857 wyjechał kontynuować studia we Wrocławiu, a w 1858 przeniósł się na Uniwersytet w Berlinie – tu uzyskał dyplom doktora medycyny i chirurgii. W 1862 r. w warszawskiej Szkole Głównej został adiunktem w Katedrze Zoologii i Anatomii Porównawczej. W Warszawie silnie zaangażował się w działalność niepodległościową. W 1863 r. uczestniczył w pracach Rządu Narodowego. W 1864 r. aresztowano go w Warszawie, następnie więziono na Pawiaku i w Cytadeli. Został skazany na 12 lat ciężkiej katorgi.

Droga zesłańcza Dybowskiego rozpoczęła w Warszawie początkowo zakończyła się w Kraju Zabajkalskim. W kolejnych miesiącach i latach zmieniał miejsce pobytu (w 1869 r. dotarł aż do Władywostoku), wszędzie starał się prowadzić badania naukowe, szczególnie z zakresu zoologii. Wyjątkowo cenne były jego ustalenia dotyczące Bajkału. W 1877 r. uzyskał zezwolenie na powrót do ojczyzny. Warto przytoczyć ostatnie zdanie z jego pamiętnika opisującego pobyt na zesłaniu: „Rozstawałem się z Syberią w głębokim smutku” [5, s. 614]. Na takie stwierdzenie oczywiście wpływ miała pasja, z jaką podchodził do badań naukowych i możliwości, jakie w tych badaniach dawała wciąż nie w pełni odkryta jeszcze Syberia. Takie opinie na temat pobytu na Sybirze wyrażali zresztą i niektórzy inni zesłańcy. („Sybir” to słowo – hasło, które kolejnym pokoleniom Polaków kojarzy się z miejscem zsyłki ich rodaków walczących o niepodległość. Niewątpliwie termin ten budzi skojarzenia negatywne, jednak w spuściznie samych zesłańców, także dotychczasowej twórczości historycznej, dostrzec można i inne oblicze Syberii – krainy, która jest „straszna”, zarazem jednak fascynująca (ze względu na swe ogromne rozmiary, tajemniczość, potencjalne możliwości jakie dawała jej dobrowolnym i przymusowym mieszkańcom). Sybir i Syberia to słowa równolegle stosowane w języku polskim, faktycznie należy je jednak traktować jako określenia mające różne znaczenie. Sybir to nie tyle kraina geograficzna, co bardziej, jak pisze Wiktoria Śliwowska, suma doświadczeń doznanych przez polskich zesłańców na rozległych obszarach cesarstwa rosyjskiego. Dotyczy to nie tylko terenu określanego geograficznie jako Syberia [6]).

W „Pamiętniku dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878” znajdujemy szczegółową relację z zesłańczego pobytu na Syberii. To obszerne, wielowątkowe dzieło zawiera liczne informacje na temat postrzegania przez Dybowskiego mieszkańców Syberii, także obrazu jaki ci mieli o Polakach. Pamiętnik pisany był wiele lat po powrocie z Syberii w oparciu o korespondencję prowadzoną z rodziną (w niej znajdowały się obszerne opisy jego pobytu na zesłaniu), posiadane fotografie, oczywiście także w oparciu o własną pamięć. Takie przynajmniej informacje na ten temat Dybowski zamieścił we wstępie swego dzieła.

W liczącym ponad 600 stron pamiętniku znajdujemy szczegółową relację przedstawioną według porządku chronologicznego rozgrywających się wydarzeń. Zapis rozpoczynają informacje o okresie bezpośrednio poprzedzającym zsyłkę, w tym o aresztowaniu i pobycie w więzieniu w czasie procesu. Kolejne fragmenty dotyczą podróży do miejsca zsyłki i samego pobytu na Syberii. W przypadku interesującego nas zagadnienia obszerne partie dotyczące Syberii (jak wcześniej wspomniano Dybowski zmieniał miejsce pobytu) umożliwiają przeprowadzenie bardzo obszernej analizy. W związku z ograniczeniami objętościowymi autorzy skoncentrują się wyłącznie na podróży autora pamiętnika do miejsca docelowego. Podobnie zresztą będzie w przypadku drugiego z analizowanych pamiętników, w jego wypadku nie wynika to jednak z wyboru autorów, ale z faktu, że cały tekst faktycznie dotyczy opisu podróży. [Obie podróże odbywały się jednak w odmiennych okolicznościach – pierwsza miała charakter przymusowy, druga wynikała z dobrowolnej decyzji].

Nie ma wątpliwości, że podróż ułatwiała czynienie obserwacji na temat stosunku ludności syberyjskiej do Polaków i relacji odwrotnych. Działo się tak chociażby ze względu na

możliwość poznawania podczas przemieszczania się dużej liczby osób. Ważna była także pewna sprzyjająca obserwacji okoliczność – często noclegi organizowano w prywatnych domostwach (stąd możliwość bardzo bliskiego kontaktu między gośćmi i gospodarzami).

Podróż Dybowskiego na zsyłkę biegła z Warszawy (wyruszone w lecie 1864 r.) przez Petersburg, Moskwę i Niżny Nowgorod, zesłańców transportowano koleją. [W wagonie więziennym z Warszawy na Syberię wyekspediowano wówczas w sumie 50 osób (w tym Dybowskiego). Wśród transportowanych znajdowali się także więźniowie kryminalni]. Następnie skierowano ich do Tobolska, zmienił się już jednak środek transportu na kibitki. Po przerwie w Tobolsku (skazanych przetrzymywano w budynku miejscowego więzienia). Autor pamiętnika w grupie około 100 zesłańców wkrótce wyruszył w dalszą podróż, skierowano ich do Tomsku. Tym razem przemieszczano się podwodami. Dybowski wraz z dwoma innymi zesłańcami zdecydował się za własne środki nabyć powóz nieco bardziej wygodny. W pamiętniku znajdujemy dość obszerny fragment poświęcony podróży z Tobolska do Tomsku, opis tego etapu obfituje w interesujące nas informacje [5, s. 36 – 46].

Zesłańcy znajdowali się pod dozorem grupy żołnierzy, ale mieli sporo swobody jeśli chodzi np. o tempo podróży. W wyznaczonych mijanych wioskach woźnica zmieniał konie, w miejscowościach tych zatrzymywano się też zwykle na noc i spożywano posiłek. W pamiętniku znajdujemy komentarze na temat przyjęcia przybyszów przez miejscowych mieszkańców. Poniżej przytaczamy dwie takie relacje:

1. „Udaliśmy się do środka domu porządnie zbudowanego, po lewej stronie od wejścia z sieni, izba obszerna, od frontu u okien ława, na której siedzą odpoczywający więźniowie naszej partii [...]. Na stole stoi duży samowar kipiący, przy nim cała zastawa szklanek, na półmisku bułka na porcje pokrajana [...]. Dom, w którym to gościnne przyjęcie urządzone dla nas, należał do zamożnego Tatara: w ogóle Tatarzy odnosili się bardzo przychylnie do Polaków, wiedzieliśmy po drodze mieszkania tatarskie kilkakrotnie”.

2. „Tylko po miastach stawaliśmy w więzieniach [Warunki jakie zapewniano transportowanym zesłańcom w pomieszczeniach więziennych często były wręcz rozpaczliwe. Tak było np. w przypadku nieco dłuższego pobytu w Omsku, władze miejscowego więzienia z powodu jego przepełnienia wręcz odmówiły części zesłańcom zakwaterowania. Poza przepełnieniem problemem był też panujący w więzieniu tyfus], zwykle zaś rozmieszczano nas po chatach, przyjęcie przez włościan było ogólnie mówiąc życzliwe, płaciliśmy im za nastawianie samowarów, za bułki (szangje) etc. Taniość produktów jadalnych była wówczas niesłychana [...]. Podczas całej naszej podróży do Irkucka było tylko parę wypadków, nie przyjęcia nas przez włościan na kwatery”.

Przyczyny odmowy udzielenia noclegu były różne, w pamiętniku nie znajdujemy informacji, że mogły one wynikać z jakiejś ugruntowanej niechęci do polskich zesłańców, czy w ogóle zesłańców jako takich. Zresztą początkowa odmowa przyjęcia na kwatery nieraz ostatecznie kończyła się pomyślnie. Czasem wystarczyła chwila rozmowy lub przyjacielskie gesty i właściciele domostw nie tylko nocowali przybyłych, ale zaczęli ich traktować wręcz po przyjacielsku. Przytoczyć można dwa fragmenty z opisem takich sytuacji:

1. „Zwykle rozmieszczali nas dziesiątnicy wioskowi, otóż razu pewnego przybyliśmy późno wieczorem, dziesiątnik wskazał nam porządne zabudowania powiadając, że świeżo wybudowana została tam połowa domu i ona dotąd nie zajęta, więc będziemy mieli obszerne pomieszczenie. Bramę od wjazdu na dziedziniec zastaliśmy zatarasowaną od wnętrza, furtkę przy niej zamkniętą. Pukamy do okna od ulicy, gospodarz odpowiada nam, że nie wpuści bo »pokojnik jest w izbie«, czyli że nieboszczyka mają w chacie. Na to mówi dziesiątnik – »on kłamie« i tuż zaraz przełazi przez parkan, otwiera bramę i nasze tarantasy (powozy) wjeżdżają na dziedziniec. Gospodarz rozżłoszczony wybiega z izby, obił dziesiątnika i krzyczy, ażebyśmy się wynosili, ale woźnice wyprzęgli konie i uciekli co najprędzej. Burzyński (Tomasz Burzyński (1834-1904), prawnik. Na zesłaniu do 1883, autor wspomnień), elokwentny w języku

rosyjskim, zaczyna perswadować gospodarzowi, przemawia mu do jego serca, cytuje jakieś zdania z ewangelii, pomaga mu Kietliński (Stanisław Kietliński, prawnik) i w prężnym czasie ułożył się gniew w olbrzymim chłopie, następnie, gdyśmy go poczęstowali herbatą z rumem, stał się przyjacielskim, a nazajutrz żegnając, życzył nam wszelkiego szczęścia w życiu”.

2. „[Inny] wypadek mieliśmy z babą, gdyśmy ją prosili o przyjęcie, odpowiedziała: «nie wpuszczu, waszy poduszku ukradli». Dziesiętnik nam towarzyszący, rzekł «ona kłamie». Kilkoro dzieci wybiegło z izby, ażeby nam się przypatrzeć. Bogusławski (Władysław Bogusławski (1838-1909), literat, krytyk teatralny. Na zesłaniu do 1868 r.), lubiący dzieci, miał zawsze parę cukierków przy sobie, poczęstował je i wnet złagodniała groźna ich matka, przyjęła nas na kwatere; pozostawaliśmy z nią w przyjacielskich stosunkach, a dzieciaki nazywały nas «diadiami»”.

Benedykt Dybowski wspomina i o innych możliwościach zjednywania sobie przychylności mieszkańców Syberii. Jeden z jego współtowarzyszy (Gustaw Paprocki (1845-1909), student Szkoły Głównej Warszawskiej, Izraelita. Na zesłaniu do 1881), który przemieszczał się innym powozem, bez kłopotu „załatwiał” kwatery obiecując, że wkrótce przybędzie „znakomity lekarz”. Na myśli miał Dybowskiego, który w takich sytuacjach po dotarciu do danej miejscowości musiał oczywiście przyjąć pacjentów, którym taką wizytę wcześniej obiecano. Dybowski wprawdzie uważał to za pewną uciążliwość dla siebie, jednak, jak pisze, przy okazji miał „sposobność propagować zasady abstynencji”. Spożywanie (nadużywanie) alkoholu traktował on jako element rujnujący zdrowie, także finanse rodzin. (Propagowanie abstynencji charakterystyczne było praktycznie dla całego jego długiego życia. Bardzo silnie w działalność tego typu angażował się on na Syberii, także później, gdy mieszkał i pracował we Lwowie).

Także w dalszych partiach pamiętnika znajdujemy refleksje Dybowskiego na temat kontaktów z mieszkańcami Syberii. Pisze o nich zarówno podczas relacjonowania przebiegu dalszej podróży, jak i stałego pobytu zesłańczego. Już wcześniej była mowa, że Dybowski w okresie, gdy przebywał na Syberii dość często przemieszczał się. Początkowo bardziej ścisły reżim, jakiemu poddany był jako zesłaniec, po kilku latach udało mu się zamienić na łagodniejszy. Dzięki temu łatwiejszą stawała się jego aktywność naukowa.

Wkrótce po powrocie z Syberii Benedykt Dybowski wyruszył w kolejną podróż. Po kilkumiesięcznych przygotowaniach, wraz z Janem Kalinowskim udał się w celach naukowych na Kamczatkę. Pobyt na krańcach Azji, tym razem dobrowolny, trwał ponad cztery lata. Dysponujemy szczegółowym opisem podróży Dybowskiego i jego towarzysza. W sumie trwała ona kilka miesięcy, rozpoczęła się w grudniu 1878 r., zakończyła dotarciem do miejsca docelowego w lipcu 1879 r.

Opis podróży Dybowskiego, która zakończyła się na Kamczatce to obszerna, licząca ponad 550 stron relacja. Trasa przebiegała m.in. przez Petersburg, Moskwę, Niżny Nowgorod, Jekaterynburg, Tomsk, Irkuck i Władywostok. Analizie poddamy etap podróży pomiędzy Jekaterynburgiem a Tomskiem [5, s. 111 – 184]. Trasa na tym odcinku biegła przez Tiumeń, Iszym, okolice Omska i Kaińsk. Przemierzano ją w okresie zimowym (w drugiej połowie stycznia i pierwszej połowie lutego 1879 r.). Podróż odbywała się własnym wozem i wynajmowanymi po drodze zaprzęgami konnymi. Relacja z analizowanego odcinka trasy zawiera szereg wiadomości na interesujący nas temat. Są to m.in. opisy dotyczące tych rodzin syberyjskich, u których mieszkano w czasie przemieszczania się przez kolejne tereny. Nieraz były to pobyty krótkotrwałe – tylko na nocleg, nieraz dłuższe. Wydawałoby się, że większość przerw w podróży wyglądała podobnie, a kontakt z gospodarzami ze względu na ich codzienne obowiązki, także zmęczenie przybyszów, powinien ograniczać się tylko do grzecznościowej wymiany zdań. W rzeczywistości często było inaczej. Przybysze byli swoistego rodzaju atrakcją a i oni nie stronili od rozmów. Oczywiście za nocleg (noclegi) i pożywienie należało zapłacić, jednak nawet krótkie pobyty polskich gości przez obie strony z pewnością długo były

pamiętane. Było to zasługą otwartości przybyszów, ale i gospodarzy. Z pewnością nie małe znaczenie miała tu też dotychczasowa opinia mieszkańców Syberii o Polakach. Nie ma wątpliwości, że wielu o nich słyszało już wcześniej, niektórzy mieli z przybyszami z ziem polskich kontakt bezpośredni. Świadczy o tym chociażby opinia bardzo młodej osoby, córki gospodarzy, u których podczas podróży spożywano posiłek: „Zaraz poznałam żeście Polacy, ja Polaków znam, tu u nas mieszkało we wsi kilku. [...] Ja lubię Polaków”.

Opinie o Polakach musiały być na tyle dobre, że w żadnym z miejsc na trasie między Jekaterynburgiem a Tomskiem nie spotkały ich ze strony gospodarzy jakieś niemiłe niespodzianki. Być może częściowo wynikało to też z korzystania przez podróżnych z adresów polecanych im przez poprzednich gospodarzy (wszystkie wymienione w pamiętniku nazwiska takich osób miały rosyjskojęzyczne brzmienie). Za wyjątkowy należy uznać komentarz Dybowskiego na temat rodziny, u której zatrzymano się na jeden z noclegów: „Przyjmują nas niezbyt uprzejmie”. Nie wykluczone, że wynikało to jednak z późnej pory przyjazdu podróżnych (godzina pierwsza w nocy) i kłopotów zdrowotnych gospodyni.

W kilku miejscach Dybowski wyraźnie podkreśla, że przyjazne postawy mieszkańców odwiedzanych miejscowości nie wiązały się z aspektem zarobkowym. Świetnym tego przykładem jest chociażby opis zachowania gospodyni domostwa, w którym spędzono jedną z nocy. Pamiętnikarz szczegółowo opisał jej gościnność, na końcu zamieszczając komentarz: „Czy gościnność, którą opisałem, spowodowana była chęcią mizernego zarobku? – nie, leżała ona najnaturalniej w świecie na dnie duszy naszej gospodyni i Sybiraków w ogólności, podówczas nie spaczonej jeszcze prądami nowymi egoizmu kulturalnego”.

Podobnie jak rodziny syberyjskie, u których nocowano i posiłano się, lub tylko korzystano z posiłku, w zdecydowanej większości Dybowski dobrze oceniał osoby wynajmujące mu konie do podróży. Poza końmi umowa przewidywała także najęcie woźnicy, był nim albo właściciel koni, albo jego pomocnik. Przy kolejnych zmianach koni oczywiście zmieniali się i woźnice. Większe zastrzeżenia do wynajmujących konie pojawiły się dopiero gdy zbliżano się do Tomsku (Pamiętnikarz twierdził, że być może wynikało to z większej biedy na tym terenie, częściowo także z większej plagi alkoholizmu). Kilukrotnie zawyżano zapłatę za wynajem, w jednym wypadku Dybowski zanotował w pamiętniku, że najmujący konie domagał się podwójnego wynagrodzenia, tłumacząc to żądanie złym stanem dróg. Podróżni nie mieli wyjścia i wyłożyli konieczną kwotę.

Tematyka rozmów prowadzonych przez Dybowskiego i jego towarzysza z mieszkańcami miejscowości, w których zatrzymywano się dotyczyła różnych kwestii, szczególnie bieżących problemów. Przybyszów wypytywano o kraj, z którego pochodzili, o cel podróży, nieraz rozmówcy wykazywali także zainteresowanie losami polskich zesłańców. Na wieść o tym, że Dybowski jest lekarzem, czasem starano się wykorzystywać ten fakt, by otrzymać poradę. Zdarzało się, że w tym celu do miejsca kwatery dość licznie schodzili się okoliczni mieszkańcy.

W pamiętniku Dybowski zamieszczał nieraz także wiadomości o zaobserwowanych zwyczajach ludności syberyjskiej. Nie są to fragmenty zbyt obszerne, zdarzały się jednak informacje bardziej szczegółowe, tak było np. w przypadku opisu dotyczącego rozrywek młodzieży żeńskiej i męskiej na wsi. Sam pamiętnikarz był uczestnikiem jednego z takich spotkań młodzieży. Osoby biorące udział w zabawie z zadowoleniem przyjmowały pomysły Dybowskiego dotyczące uatrakcyjnienia wieczoru. Można się domyślać, że niektóre z propozycji polskiego gościa weszły na stałe do „programu” spotkań okolicznej młodzieży, wzbogacając dotychczasowe formy uatrakcyjniania wolnego czasu.

Pamiętnikarz namiętnie odnotowywał swoje spostrzeżenia dotyczące urody spotykanych po drodze kobiet i dziewcząt. Fascynowały go sytuacje, gdy „mieszanka krwi” słowiańskiej i azjatyckiej prowadziła do wytworzenia rysów bardzo oryginalnych, a zarazem jego zdaniem wyjątkowo pięknych. Zapiski na ten temat mają cechy opisu bardzo oryginalnego i wyszukanego. Przynotować tu można chociażby charakterystykę urody córki gospodarza Jofima

Fiodorowicza Sfirydowa, u którego Dybowski zatrzymał się, by spożyć posiłek: „Córka, jedynaczka, młoda dziewczyna, o karych dużych oczach, niezwykle bujnych włosach i ładniutkiej twarzyczce, stanowi osobny typ piękności syberyjskich. Jest to uszlachetniony typ tatarski, przy czym oczy, brwi, rzęsy i policzki nie mają już nic w sobie z typu prarodzicielskiego”. Ojciec dumny był nie tylko z urody córki, ale i z tego, że jak mówił, jest ona piśmienna, poza tym potrafi szyć na maszynie.

Dybowski zachwycał się także urodą (i intelektem) osiemnastoletniej córki Mykity Aleksiejewa Abaskułowa. Jak pisał: „była zjawiskiem rzadkim, piękna jak anioł”. Równie zachwycony był również urodą żony Mykity. U rodziny tej Dybowski i Kalinowski spożywali obiad. Przybysze tak przypadli do gustu gospodarzom, że ci nie tylko nie wzięli zapłaty za obfity i wykwintny posiłek, ale zegnali odjeżdżających „jak przyjaciół”. W pamiętniku Dybowskiego nie brakuje opisu i innych przypadków całkowitej rezygnacji z zapłaty np. za posiłek, czy za herbatę.

W analizowanym pamiętniku nie znajdujemy zapisów, w których autor komentowałby jakieś niedociągnięcia intelektualne osób spotykanych po drodze podczas podróży przez Syberię. Był on człowiekiem wykształconym, obytym w świecie, ale w żaden sposób nie starał się tego dawać do zrozumienia rozmówcom. Odnosi się wrażenie, że podczas spotkań byli oni dla niego równorzędnymi partnerami. Być może częściowo właśnie taka jego postawa powodowała, że „nowi czasowi znajomi” dobrze czuli się w jego towarzystwie. Nie znaczy to oczywiście, że w całym materiale pamiętnikarskim takich krytycznych opinii o różnych osobach, grupach osób (ich cechach charakteru, zachowaniu) nie znajdujemy. Nie dotyczy to jednak rodzin syberyjskich, z gościny których Dybowski korzystał na analizowanym odcinku trasy. Z małymi wyjątkami, nie dotyczy też innych pojedynczych osób – stałych mieszkańców Syberii – z którymi się wówczas kontaktował. Właściciela jednego z zaprzęgów, wynajętego przez podróżnych, Dybowski scharakteryzował: „Podobał mi się ten człowiek z jego szczerością i prostotą”. Jak wynika z kart pamiętnika, sam Dybowski też wyraźnie przypadł do gustu właścicielowi zaprzęgu.

Po drodze Dybowski kontaktował się także z dawnymi znajomymi z okresu zesłania, z zainteresowaniem słuchał o ich perypetiach, dowiadywał się o syberyjskich nowinkach. Taki charakter miała np. niemal całodniowa rozmowa z byłym zesłańcem Zdzisławem Mitkiewiczem, który dzięki koneksjom otrzymał intratną posadę agenta ubezpieczeniowego na całą Syberię i osiadł na stałe w Jekaterynburgu. Rozmowa dotyczyła wspólnych znajomych z zesłania, także np. wiadomości o życiu wyższych urzędników syberyjskich, często z tytułami arystokratycznymi, którzy przysyłani byli z Rosji „dla napelnienia kieszeni, opróżnionych w stolicy”. Warto wspomnieć, że Dybowski odnotował w pamiętniku, iż swoje starsze córki Mitkiewicz wydał za zesłańców syberyjskich.

Dość szczegółowo Dybowski opisał pobyt w drugim dużym mieście, do którego zawitał (na trasie poddanej analizie w niniejszym tekście), mianowicie w Tomsku. Podróżni zatrzymali się w jednym z miejscowych hoteli noszącym nazwę Europejski. Posiadał on dobry standard. Właścicielem obiektu był Polak, polscy zesłańcy stanowili dużą część obsługi. W Tomsku Dybowski odwiedził znajomych, rozmowy dotyczyły m.in. dość licznej w mieście grupy polskich zesłańców. Ich sytuacja materialna na ogół była zła, istniały trudności ze znalezieniem pracy. Podobnie jak to było podczas rozmowy ze znajomym w Jekaterynburgu, również w Tomsku pojawiał się wątek dotyczący przysyłanych ze stolicy Imperium wysokich urzędników. Ich głównym celem miało być – zdaniem rozmówców – szybkie wzbogacenie się kosztem miejscowego społeczeństwa. W samym mieście kręgi inteligencji, w tym i niektórzy miejscowi Polacy, pewną szansę dla rozwoju miasta widziały w budowie i otwarciu uniwersytetu. Mógłby on kształcić miejscowe kadry urzędnicze, które dbałyby o rozwój regionu. Zdaniem wielu, uniwersytet wpłynąłby pozytywnie także na podniesienie poziomu życia kulturalnego i towarzyskiego miasta. Wśród problemów, o jakich dużo mówiło się w Tomsku, a które

Dybowski odnotował w swym pamiętniku, wspomnieć można o powszechnej opinii na temat wzrostu w mieście przestępczości.

Nie ma wątpliwości, że spuścizna pamiętnikarska Benedykta Dybowskiego jest materiałem wyjątkowo cennym przy badaniu wzajemnych relacji istniejących między mieszkańcami Syberii a polskimi zesłańcami. W referacie analizie poddano tylko wybrane fragmenty dwóch pamiętników, takie które dotyczą obszaru Syberii Zachodniej. W jeszcze większym zakresie materiał pamiętnikarski autorstwa Dybowskiego pozwala na taką analizę w przypadku innych miejsc, w których przebywał zarówno w okresie gdy na Syberii funkcjonował jako zesłaniec, jak i w czasie jego pobytu dobrowolnego podczas zorganizowanej wyprawy naukowej.

W 1884 r. Benedykt Dybowski po kilkuletnim pobycie na Kamczatce udał się do Lwowa, okazało się, że z miastem tym związał się na kolejnych 46 lat. Pozycja naukowa Dybowskiego była na tyle silna, że nie miał problemu z otrzymaniem katedry uniwersyteckiej. Powierzono mu kierowanie Katedrą Zoologii i Anatomii Porównawczej. Poza pracą naukową i dydaktyczną, Dybowski zdecydował się także sprawdzić jako osoba funkcyjna. W 1886 r. był dziekanem, a następnie (w 1887 r.) prodziekanem Wydziału Filozoficznego. Mimo wybrania go w 1900 r. rektorem Uniwersytetu Lwowskiego, nie zdecydował się na objęcie tej funkcji. Po osiągnięciu wieku emerytalnego, przez kilka lat pracował na swym dotychczasowym stanowisku. Ostatecznie, mimo jeszcze dobrej kondycji fizycznej i intelektualnej, w 1906 r. musiał jednak zakończyć formalną współpracę z uczelnią. [Liczne informacje o Dybowskim jako nauczycielu akademickim znaleźć można w jego teźce osobowej przechowywanej w Lwowskim Państwowym Archiwum Obwodowym w zespole (fondzie) Uniwersytet Jana Kazimierza we Lwowie: f. 26, op. 5, spr. 628. Materiał ten nie został dotychczas wykorzystany przez badaczy piszących o Dybowskim. Materiały z teźki osobowej (ponad 90 kart) dotyczą w największym stopniu spraw finansowych] Po przejściu na emeryturę Dybowski nadal starał się być aktywny naukowo, w większym zakresie poświęcił się także rodzinie. Z jego znacznie młodszą żoną (ślub w 1886 r.) miał troje dzieci. Dybowski dożył sędziwego wieku, zmarł w 1930 r., pochowany został na Cmentarzu Łyczakowskim we Lwowie w kwaterze powstańców z 1863 r.

Spis Literatury:

1. *Brzęk, G.* Benedykt Dybowski : życie i dzieło / Gabriel Brzęk. Wrocław : Polskie Towarzystwo Ludoznawcze : "Biblioteka Zesłańca" ; Warszawa : Stowarzyszenie "Wspólnota Polska", 1994. 396 s.
2. *Bykowski, L.* Dybowski Benedykt / L. Bykowski // Polski Słownik Biograficzny. T. 6. Kraków, 1948. S. 112.
3. *Polacy w nauce, gospodarce i administracji Syberii w XIX i na początku XX wieku /* pod red. Antoniego Kuczyńskiego ; Uniwersytet Wrocławski. Ośrodek Badań Wschodnich - Katedra Etnologii i Antropologii Kulturowej, Stowarzyszenie "Wspólnota Polska". Wrocław : Wydawnictwo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego, 2007. 716 s.
4. *Spuścizna* pamiętnikarska Benedykta Dybowskiego (1833-1930) – zesłańca i badacza Syberii, profesora Uniwersytetu Lwowskiego // Znani i nieznanym dziesiętnastowiecznego Lwowa : studia i materiały. T. 4 / pod red. Marka Przeniosła i Lidii Michalskiej-Brachy. Kielce : Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2014. S. 223-232.
5. *Dybowski, B.* Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878 / B. Dybowski. Lwów : Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. 623 s.
6. *Śliwowska, W.* Ucieczki z Sybiru / Wiktoria Śliwowska. Warszawa : Wydawnictwo Iskry, cop. 2005. 444 s.

Poles in the eyes of Russians and Western Siberian indigenous peoples in the light of Benedict Dybowski's memoir

Summary: The article focuses on the figure of Benedict Dybowski, treating him as an example for the presentation of the Polish - Russian relations. Dybowski took part in the January Uprising (he was commissioner of the National Government to Lithuania and Belarus), for which he was sentenced to death, then this penalty commuted to 12 years of exile in Siberia. The following article presents the figure of Dybowski mainly from the perspective of his two memoirs, which contain a wealth of information on the life of exiles in Siberia and their relation to indigenous peoples.

Key words: Benedict Dybowski (1833 – 1930), Polish exiles, Polish memoirs, 19th century, Polish scientists, January Uprising, Siberia.

The Jan Kochanowski University (Żeromskiego St. 5, 25-369 Kielce, phone: +48 41 349 73 06, e-mail: instytut.historii@ujk.edu.pl).

УДК 93

Т. П. Мосунова

ОБРАЗЫ ПОЛЯКОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Аннотация: статья рассказывает о взаимном восприятии русских и поляков в произведениях уральского писателя Д. Н. Мамин-Сибиряка.

Ключевые слова: национальный стереотип, Урал, литература, поляки, имагология, Мамин-Сибиряк

На сегодняшний день общие вопросы польского присутствия за Уралом в XIX в. достаточно хорошо изучены. За последние десятилетия вышел не один десяток монографий, посвященных этой тематике, но вряд ли когда-то в её изучении будет поставлена финальная точка. Исследователей волнуют не только проблемы воссоздания судеб отдельных персоналий или численность сосланных за Урал поляков, интересуют вопросы взаимного восприятия россиянами поляков, поляками россиян, а учитывая многонациональность и многокультурность Сибири, речь идёт не только о русских, но и иных народах, проживавших в Сибири. Здесь открывается обширное поле для имагологии. Как следует из названия, имагология изучает интерпретацию образов «других», «чужих», инородных для воспринимающего объектов. В ведении этой науки находится изучение процесса становления и бытования стереотипов, мифов и т.д. По сравнению с чистой историей, поле источников имагологии значительно шире, ведь оно включает в себя не только архивные документы, но и, например, художественные произведения.

К середине XIX в. в российском сознании уже бытовал некий стереотип поляка. География и история накладывали свою специфику на его появление в отдельных регионах России, но при всем разнообразии исходных условий становления, он имел общие черты. Большую роль в формировании, или точнее, вербализации этого образа сыграла русская классическая литература. На страницах произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гого-

ля, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского появляются героини-поляки, воплощающие черты, приписываемые всей польской нации: гордость, спесивость, воинственная мужественность, подлость, храбрость. Польские женщины в этих произведениях, как правило, красивы, горды, но коварны.

Первоначально как-то определять свое отношение к польской нации приходилось непосредственным соседям поляков: украинцам, белорусам, литовцам, русским, проживающим в европейской части России, но со времени разделов Польши и начала польской ссылки в Сибирь, необходимость осмысления отношения к представителям этой нации появилась и у народов азиатской России. Первые поляки, попавшие в Сибирь вместе с русскими поселенцами в XVI-XVII вв., быстро ассимилировались. Начиная с кон. XVIII в. польское население азиатской России (Сибири) неуклонно росло. Сначала в основном за счёт ссыльных, а со второй половины XIX в. и за счёт добровольных мигрантов.

Культурные различия между представителями народов Сибири и Польши были столь очевидны, что не могли не приводить к конфликтам. Свою роль играли и исторические причины появления поляков в Сибири, а также и то, что среди ссыльных, особенно пер. пол. XIX в., было значительное число лиц по своему образованию, происхождению намного превышающих уровень местного населения. В многочисленных воспоминаниях ссыльных в Сибирь поляков описывается непонимание ими местной действительности. То, что коренные сибиряки воспринимали как данность, у поляков рождало протест и неприятие. Часто на страницах своих произведений (дневников, мемуаров) они высказывают упреки, касающиеся местных традиций, уклада и т.д. Ссыльный С. Макронь писал: «Народ сибирский и московский очень веселый, ни о чем не заботится, разве что один другого обмануть или обокрасть. Никакое развлечение не обойдется у москалей без водки и песен» [1, с. 40]. Некоторые из мемуаристов старались быть объективными в своих сочинениях, но и они далеки от понимания и принятия местных обычаев. Например, граф Кердей писал: «Трудно требовать от людей, которых никто не учит что такое религия. Почва хорошая, но что с того, когда никто ее не обрабатывает. Поп считает свою работу ремеслом. За исповедь надо платить. Если бы малограмотных попов могли бы заменить образованные католические священники, так ведь нет. Однако мне нигде не довелось увидеть столь великого милосердия как в России. /.../ Главное содержание веры — суеверие. Все чары, нашептывания, ворожба, наговоры, считаются в народе высшим искусством. Во главе всего стоит царь. Царя своего любят от всего сердца, от всей души. Я уверен, если бы царь ждал какой-то большой жертвы от народа, то тот час бы ее получил». Он же описывает и отношение к ссыльным местного населения: «Как на нас смотрели москали? Российское общество принимало нас хорошо, особенно люди, занимающие положение в обществе и женщины. В целом не любили они поляков за то, что те «бунтовали против царя и России», но это не влияло на их чувства к конкретным людям. Молодежь к нам была настроена недоброжелательно, но не из-за какого-то конкретного политического повода, а потому, что наше превосходство чувствовалось на каждом шагу. Я так пишу не из желания поднять в глазах читателя себя или моих товарищей, но им действительно было сложно равняться с нами, выпускниками университетов, знающих этикет и обычаи светского общества, в то время как они хорошо, если закончили по 3-4 класса. Нам завидовали, даже больше скажу, нас ненавидели, но тянулись к нам очень, хотели установить близкие отношения. И, конечно, этого не случалось. Нас всегда вежливо принимали, когда приходили с визитами, но если мы устраивали какую-то свою вечеринку, то безжалостно их исключали. Мы жили в очень хороших отношениях с москалями, но в доверительных никогда. Позднее были, правда, исключения, но редкие». [2, с. 51]. Адольф Янушкевич так определял положение ссыльных относительно местного населения: «В целом, хоть и хотят Сибирь представить как антитезу западу, но с точки зрения материального быта и нужды от недостатка происходящей, судьба наших изгнанников сибирских гораздо более легкая,

чем судьба изгнанников западных. Они оказались в стране по культурному уровню ниже собственного, имели большие возможности». [1, с. 48].

Коренные жители Сибири отнюдь не были единодушны в своём отношении к чужакам-полякам. Их привлекала, но одновременно и отталкивала образованность, гордость прибывших, их устроенный более комфортабельно быт и т.д. Консервативность, присущая провинциальному укладу, провоцировала конфликтные ситуации, которые в исключительных случаях могли закончиться трагедией, как, например, произошло в 1860-х гг. Кургане, когда поляков обвинили в поджоге города. Еще более глубокими противоречия стали, когда на волне реформ середины XIX в. в Сибири начали появляться новые предприятия. Поляки, более динамичные и опытные, теснили местных предпринимателей, особенно в таких сферах, как винокурение, пивоварение, а также торговля, в том числе вином. В обществе росло недовольство прибывшими, которое проявилось, в том, что поляков обвиняли в спаивании русского народа и т.д. Образ поляка-кабатчика попал в народный фольклор. Все эти обстоятельства не могли не влиять на формирование стереотипа поляка.

В делопроизводственной документации достаточно сложно вычленить эмоциональный градус отношения русского чиновника к полякам и, тем более отношения к ним коренного нерусского населения. Понимание взаимоотношений представителей двух наций нам дают мемуаристы, журналисты, авторы художественных произведений. И здесь наблюдается интересная картина. С одной стороны писатель, особенно талантливый, является выразителем взглядов определенной общественной среды, а с другой стороны, он на эту среду воздействует, её формирует и направляет. Появляющиеся на страницах художественных произведений образы, не просто вызывают у читателя некие эмоции, но и переходят в нарицательные, иначе говоря, являются базой для закрепления существующего стереотипа. В этой связи интересно присмотреться к тому, какими предстают поляки в произведениях сибирских писателей. Одним из крупнейших региональных беллетристов своего времени был Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852-1912).

Д. Н. Мамин-Сибиряк принадлежит к немногочисленной плеяде писателей сибирской глубинки, которым удалось достичь всероссийского признания. Как следует из взятого псевдонима «Сибиряк», значительная часть жизни Мамина прошла вдалеке от столиц. Родился он в посёлке Висим Верхотурского уезда Пермской губернии в 1852 г. в семье православного священника. Ему с большим трудом пришлось пробивать дорогу к получению образования. После окончания Екатеринбургского духовного училища, а затем Пермской духовной семинарии, в 1872 г. он становится петербургским студентом. Трудное материальное положение и литературные способности подтолкнули его к занятию журналистикой. Материалом стали истории из сибирского прошлого. Из-за проблем со здоровьем и трудностей в семье ему пришлось прервать образование и вернуться на Урал. Здесь он провел тринадцать лет, написал, принесший известность роман «Приваловские миллионы», начал работу над новыми произведениями. После возвращения в столицу остался верным теме исторического романа. Действие большинства его произведений происходит на Урале.

Перу Мамина принадлежит более десяти романов. В четырех самых известных, среди главных действующих лиц фигурируют поляки. Это «Приваловские миллионы» (Игнатий Ляховский) [4] и «Хлеб» (Болеслав Май-Стабровский) [5], «Золото» (Карачунский) [6] и «Горное гнездо» (Братковский) [7]. Такое внимание к польским героям наглядно показывает, что представители этой нации играли значимую роль в уральском социуме.

Начинавший как журналист, Д. Н. Мамин-Сибиряк на Урале активно собирает местные истории, фольклор, одновременно знакомится с историческими документами. Д. Н. Мамин-Сибиряк много ездит по Уралу. С прототипами некоторых своих персонажей Мамин был знаком лично, о некоторых был слышан. Ему удалось создать удивительно жи-

вые картины жизни уральской провинции: городов, сёл, заводов. Такие, что герои его произведений кажутся реальными людьми, происходившие события не расходящимися с исторической правдой, а настроения соответствуют господствовавшему в обществе в то время.

Отношения между представителями местного коренного населения и героями-поляками в романах Мамина Сибиряка построены как конфликт. Этот конфликт усугубляется не только противоречиями, вызванными бытовыми, профессиональными, культурными отличиями, но и тем, что поляки в его романах практически всегда принадлежат к силе, противостоящей традиционному укладу сибирского общества. Это сила прогресса и европейской традиции. Но в произведениях писателя последствия этой силы далеко не всегда несут положительные последствия

Принёсший литератору славу роман «Приваловские миллионы», был опубликован в 1883 г. Его действие происходит в городе Узел (Екатеринбург) в 1860-х гг. В город приезжает владелец горных заводов, представитель известной уральской старообрядческой купеческой семьи, Сергей Привалов. В результате масштабной интриги, Привалов лишается своих горнозаводских предприятий, переживает несколько личных трагедий, но в итоге, получив новый опыт, освободившись от гнета прошлого, начинает новую жизнь. Польская семья Ляховских, с которой сталкивается главный герой, играет в его судьбе не слишком благовидную роль. Глава семейства Игнатий Ляховский по смутным слухам происходит из ссыльных поляков. Его биография довольно темна. По словам местной, сплетницы богатство было нажито нечестным образом: «Вот еще Ляховский... Разжился фальшивыми ассигнациями да краденым золотом, и черту не брат!» [4, с. 92]. Купеческая семья, к которой принадлежит главный герой Сергей Привалов, тоже не без греха, но это семья русская. Богатство, нажитое преступлением и обманом, разврат и бесчинства недавних предков, все это не красит героя, но в глазах читателя выглядит хотя и диким, но понятным. В то время как образ поляка Ляховского автор подает как некое новое явление, неизвестно откуда взявшееся. «Игнатий Ляховский принадлежал к типу тех темных людей, каких можно встретить только в Сибири. Сам он называл себя почему-то хохлом. Молва гласила другое, именно, что он происходил из кантонистов. Свое состояние он нажил в Сибири какими-то темными путями. Одни приписывали все краденому золоту, другие – водке, третьи – просто счастью. Общий голос громко кричал о том, что Ляховский пошел жить от опеки над наследством Приваловых. Вернее всего было, что создающими элементами здесь являлось много различных сил и счастливых случаев, а узлом всего являлась удивительная способность Ляховского сразу определять людей и пользоваться ими, как игрок пользуется шахматами в своих ходах. Все-таки как источник богатства Ляховского, так и размеры этого богатства оставались для обывателей уездного городка и всей губернии неразрешимой загадкой» [4, с. 160]. Причем, в журнальной версии романа «Приваловские миллионы» (Дело. 1883. № 1 – 5, 7 – 11) содержатся размышления автора о «туманном, нелегком прошлом» своего героя: один из предков Ляховского был коренным гетманом, а сам он выслан из Варшавы в связи с польским восстанием 1863 г. Следует отметить, что прототипом Игнатия Ляховского послужил известный сибирский миллионер, поляк Альфонс Поклевский-Козелл. Автор признает за своим польским героем немалые способности. По словам старообрядки Бахаревой: «он хоть и бусурман, а всех умнее в городе-то» [4, с. 62]. Однако, в романе продолжателей у Ляховского нет. Сын игрок и прожигатель жизни. Дочь подвержена нервным припадкам, и сам отец говорит о том, что «в Зосе много дурной крови» [4, с. 162]. Создавая образ Ляховского, Мамин-Сибиряк отдает должное бытующему в местном обществе представлению о темном происхождении капитала вообще и у поляков в особенности. После прочтения нескольких произведений писателя складывается впечатление, что поляки появляются как бы из ниоткуда или приезжают в Сибирь из каких-то захудалых польских провинций, чтобы разбогатеть и не брезгают для этой цели никакими средствами.

Поляки в «Приваловских миллионах» показаны как умные, хитрые, предприимчивые люди. Женщины-польки красивы, но словно лишены души. Они занимают достаточно высокое положение в обществе, но остаются здесь чужими. Кульминацией соприкосновения двух миров: русского и польского становится в романе сцена польского бала.

На протяжении всего романа автор дает понять, что существует особый польский мирок, как бы параллельно той действительности, в которой живут все остальные герои. Особенно ярко это показано в сцене дня рождения Зоси Ляховской. В этот день был дан бал, к которому заблаговременно готовились. «Зося шла под руку с высоким красавцем поляком, который в числе других был специально выписан для бала Альфонсом Богданыхем. Поляк был необыкновенно хорош, хорош чистотой типа, выдержкой, какой недостает русскому человеку. Видимо, что он был в своей сфере, как рыба в воде, и шел свободной уверенной походкой, слегка улыбаясь своей даме. Свободным движением поляк расчистил себе дорогу и плавными мягкими кругами врезался в кружившуюся толпу. /.../ Когда с хор захватывающей волной полились звуки мазурки Хлопицкого, все бросились в зал, где танцующие пары выстроились длинной шеренгой. Впереди всех стоял седой толстый пан Кухцинский, знаменитый танцор; он танцевал с самой пани Мариной. За ними стоял молодой красавец поляк, пан Жукотынский с Зосей; дальше пан Мозалевский с Надеждой Васильевной, Давид с Верочкой, «Моисей» с Аней Поярковой, молодой доктор с Аллой, Альфонс Богданых с Агриппиной Филипьевной и т. д. Расправив седой ус и щелкнув каблуками, пан Кухцинский пошел в первой паре с тем шиком, с каким танцуют мазурку только одни поляки. /.../

Мазурка продолжалась около часа; пары утомились, дамы выделяли па с утомленными лицами и тяжело переводили дух. Только одни поляки не чувствовали никакой усталости, а танцевали еще с большим воодушевлением» [4, с. 250].

В «Приваловских миллионах» уже хорошо просматривается тот образ поляков, который Мамин-Сибиряк транслирует и в других своих произведениях. Мужчины, не смотря то, что обладают определенными талантами, остаются чужими для местных. Они могут быть честными, как Карачунский в «Золоте» или плутоватыми как Стабровский или Ляховский в «Хлебе» или «Приваловских миллионах», но их инаковость в конечном итоге приводит к краху. Женщины-польки часто красивы, но подвержены или недугу, или пороку.

Польская сюжетная линия в романе «Приваловские миллионы» заканчивается тем, что на место Игнатия Ляховского приходит целое семейство Пуцилло-Маляхинских. Это хлынувшая за Урал волна жадных до наживы предпринимателей, уже не имеющая у автора даже собственных имен.

Если роман «Приваловские миллионы» можно считать попыткой заинтересовать читателя экзотическими картинками жизни уральской глубинки, то роман «Хлеб», опубликованный в 1896 г., был более зрелой пробой осмысления опасностей наступающего капитализма. Действие романа происходит в городе Заполье, где предприниматель из старообрядцев решает поставить новую мельницу. Эта инициатива вызывает к жизни новые проекты, которые после краткого наслаждения обретенным благополучием, приводят к обнищанию некогда благословенного Зауралья. Среди тех, кто стоит у истоков катастрофы, поляк-предприниматель Болеслав Май-Стабровский. В романе «Хлеб», также как и в «Приваловских миллионах», прототипом польского героя становится Альфонс Поклевский-Козелл. В этом произведении он еще более узнаваем. Мамин-Сибиряк использовал подлинные факты водочной войны, которую вел Поклевский со своими конкурентами. Как и в «Приваловских миллионах», в «Хлебе» Мамин-Сибиряк далек от однозначной трактовки своего героя. Болеслав Май-Стабровский образ более чем противоречивый. В романе он происходит из ссыльных поляков. Первая его характеристика: «Стабровский умен и тоже гениальный человек» [5, с. 65].

Хотя заманчиво в Май-Стабровском видеть конкретный исторический персонаж, все же думается, этот образ описателен и характеризует целое явление. Сибирские переселенцы последней волны оказались более мобильными и открытыми на новые экономические возможности, появившиеся в обществе. Им помогал имевшийся прошлый опыт, а также отсутствие связей с местной традицией. Коренное население, чьи настроения выражает Мамин-Сибиряк, поляков причисляет к немцам и евреям, в среде которых бродят новые идеи опасные для русского человека.

Герои поляки в отличие от кроенного населения, которое практически находится в состоянии дремоты, видит сибирских (уральских) землях огромные перспективы, но перемены приведут к неизбежному конфликту с приверженцами традиционного уклада. Слова Май-Стабровского: «Какие все чудные места!.. Истинно страна, текущая млеком и медом. Здесь могло бы благоденствовать население в пять раз большее... Так, вероятно, и будет когда-нибудь, когда нас не будет на свете» [5, с. 144].

Стабровский представляет образ предпринимателя нового типа. Он просчитывает каждый свой шаг. «Май-Стабровский купил в уезде упраздненный винокурный казенный завод. Были и свои винокуры, но это был народ все мелкий, работавший с грехом пополам для местного потребления, а Стабровский затевал громадное, миллионное дело и повел его сильною рукой. Все устраивалось по последнему слову винокурной науки. От Заполя до нового завода было верст сто, и туда отхлынула вся польская челядь, окружавшая Стабровского. Запольские купцы только смотрели и ожигались. Их «старинка» оставалась позади, а вперед лезли новые люди, удивлявшие своею пробойностью и прожорливостью. По старинке считали на тысячи и много-много на десятки тысяч, а тут сразу счет пошел на сотни тысяч». «Не теряя времени, Стабровский сейчас же разъяснил сущность дела, причем Галактион пришел в ужас. Этот богатый пан знал, кажется, решительно все и вперед сосчитал каждое зерно у мужика и каждую копейку выгоды, какую можно было получить. Говоря о конкуренции с сильной фирмой «Прохоров и К^о», он вперед определил сумму возможных убытков и все комбинации, при которых могли получиться такие убытки. Это уж совсем не походило на тот авось, с каким русские купцы вели свои дела. Тут все было на счету, и Стабровский мог рассказать чужие дела, как свои.

«Что же это такое? – спрашивал Галактион самого себя, когда возвращался от Стабровского домой. – Как же другие-то будут жить?»

Он понимал, что Стабровский готовился к настоящей и неумолимой войне с другими винокурами и что, в конце концов, он должен был выиграть благодаря знанию, предусмотрительности и смелости, не останавливающейся ни перед чем. Ничего подобного раньше не бывало, и купеческие дела велись ощупью, по старинке» [5, с. 145].

Русский герой учится у поляка настоящей работе: «под руководством Стабровского Галактион выучился работать по-настоящему, изо дня в день, из часа в час, и эта неустанная работа затягивала его все сильнее и сильнее. Он чувствовал себя и легко и хорошо, когда был занят» [5, с. 164]. Однако, Мамин-Сибиряк, отдавая должное деловой сметке Поклевского, тут же обвиняет его в том, что он своим размахом вредит русскому честному и правильному предпринимателю. «Уже скоро Галактион перестал замечать разницу между промышленным злом и промышленным добром» [5, с. 165]. К концу романа этот герой превращается в циничного, беспринципного зверя. Ответственность за это превращение Мамин-Сибиряк во многом возлагает на поляка Май-Стабровского с его европейской культурностью и безжалостным предпринимательским прагматизмом.

Как и в «Приваловских миллионах» главный польский герой при всех замечательных качествах: таланте, предпринимательской сметке, нежной заботе о потомстве, не понят местным обществом и остается, не смотря ни на что, для него чужой. Сцена встречи Стабровского и предпринимателя старообрядца: «Сам Стабровский, несмотря на свои за пятьдесят и коротко остриженные седые волосы, выглядел молодцом. За ним уже

установилась репутация миллионера, и Тарас Семеныч, по купеческому уважению ко всякому капиталу, относился к нему при редких встречах с большим вниманием, хотя и не любил его». [5, с. 88]. Но и для Стабровского местные обычаи не становятся родными: «Как ни привык Стабровский к купеческой обстановке, но и он только съежил плечи, оглядывая ветхозаветные горницы» [5, с. 89]. Любопытно, что автор вновь обращается к волнующей многих беллетристов того времени теме вырождения. Этому опять-таки подвержены его польские герои. Для укрепления здоровья дочери Стабровский решает взять на воспитание русскую девочку. «Стабровский давно хотел взять подругу для дочери, но только не из польской семьи, а именно из русской. Ему показалось, что Устенка – именно та здоровая русская девочка, которая принесет в дом с собой целую атмосферу здоровья» [5, с. 92]. Девочку он называет славяночкой. Отец девочки размышляет: «Очень уж он любит детей, хоть и поляк». Мамин-Сибиряк продолжает: «Луковникову пришлось по душе и это название: славяночка. Ведь придумает же человек словечко! У меня, мол, дочь, хоть и полька, а тоже славяночка. Одна кровь» [5, с. 93]. Близкие отца девочки высказывали недовольство его решением отдать девочку в польский дом: «Дальше писарь узнал, как богато живет Стабровский и какие порядки заведены у него в доме. Все женщины от души жалели Устенку Луковникову, отец которой сошел с ума и отдал дочь полякам.

– Изведут девку вконец, – говорила попадьа. – Сама полячкой сделается, а полячки – злые-презлые. Так и шипят, как змеи подкожные» [5, с. 119].

Тема особого русского здоровья неоднократно подчеркивается Маминим-Сибиряком: «Умный поляк долго приглядывался к молодому мельнику и кончил тем, что поверил в него. Стабровскому больше всего нравились в Галактионе его раскольник сдержанность и простой, но здоровый русский ум» [5, с. 130]. «Ах, какая она красавица! – говорила с завистью пани Стабровская, любовавшаяся всяким здоровым человеком. – Право, таким здоровым и сильным людям и умереть не страшно, потому что они живут и знают, что значит жить» [5, с. 156].

В романе «Хлеб» Мамин-Сибиряк с воодушевлением противопоставляет европейский, полный культуры быт польских героев, заскорузлomu миру местных жителей. «Харитина необыкновенно скоро вошла во вкус новой обстановки и устраивала все, как у других, то есть главным образом как у Стабровских. – Как к чему?.. Ах ты, глупый! Посмотрел бы ты, как все устроено у Стабровских... Мне и во сне не видать такой роскоши. Что стоит им, миллионерам...» [5, с. 77]. Или «Неорганизованную девочку» больше всего интересовала невиданная никогда обстановка, особенно картины на стенах, статуэтки из бронзы и терракоты, а самое главное – рояль. Ей казалось, что она перенеслась на крыльях в совершенно иной мир. Благодарная детская память сохранила и перенесла это первое впечатление через много лет, когда Устенка уже понимала, как много и красноречиво говорят вот эти гравюры картин Яна Матейки и Семирадского, копии с знаменитых статуй, а особенно та этажерка с нотами, где лежали рыдающие вальсы Шопена, старинные польские «мазуры» и еще много-много других хороших вещей, о существовании которых в Заполье даже и не подозревали. /.../ В течение четырех лет перед глазами «славяночки» развернулся целый мир, громадный и яркий, перед которым запольская действительность казалась такою ничтожной. Устенка могла уже читать по-французски и по-немецки, понимала по-английски и говорила по-польски. Эти первые шаги ввели ее в сокровищницу мировой литературы, начиная с классиков. Затем она училась музыке, которую страстно любила. Пани Стабровская заставляла ее читать по вечерам на трех языках и объясняла все непонятное. В ее уме все лучшее теперь неразрывно связывалось с теми людьми, с которыми она жила, – в этом доме она родилась вторично. Часто, глядя из окна на улицу, Устенка приходила в ужас от одной мысли, что, не будь Стабровского, она так и осталась бы глупою купеческою дочерью, все интересы которой сосредоточиваются на нарядах и глупых провинциальных удовольствиях. Разве можно так жить, когда на свете

так много хорошего? Заполье представлялось ей какою-то ямой. И какие ужасные люди кругом!» [5, с. 91].

Об иных поляках кроме семьи самого Май-Стабровского мы узнаем в романе лишь из эпизодических реплик автора. Он упоминает польскую челядь, окружавшую Май-Стабровского, о пришедших ему на смену отнюдь не джентльменах, а хищниках, готовых безо всяких сантиментов пользоваться накопленным другими богатством.

«Приваловские миллионы» и «Хлеб» достаточно наглядно демонстрируют, что появляющиеся образы поляков, несмотря на сибирское происхождение, не значительно отличаются от тех, которыми наводнена русская классическая литература. В качестве специфических черт польских героев приводятся все те же хитрость и гордость. Польские образы, созданные Маминым-Сибиряком, не однозначны. Автор симпатизирует своим героям, но все же не оставляет им шансов на продолжение. Герои либо умирают, не оставляя жизнеспособного потомства, либо погибают, либо покидают Урал. С уверенностью можно сказать лишь то, что для коренных жителей, не смотря на долгое взаимодействие, они продолжают оставаться чужаками.

Список литературы:

1. *Matraś, S. Ze wspomnień Sybiraka / Stanisław Matraś. Poznań, 1899. 346 s.*
2. *Kierdej, Z. Wspomnienia z wygnania : 1865-1874 / przez Zygmunta Kierdeja [pseud]. Poznań : nakł. aut., 1875. 132 s.*
3. *Januszkiewicz, A. Listy z Syberii / Adolf Januszkiewicz ; wybór, oprac. i przypisy Halina Geber ; przedm. Janusz Odrowąż-Pieniążek. Warszawa : Czytelnik, 2003. 436 s.*
4. *Мамин-Сибиряк, Д. Н. Приваловские миллионы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Свердловск : Средне-Уральское издательство, 1980. 448 с.*
5. *Мамин-Сибиряк, Д. Н. Хлеб / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Москва : Правда, 1984. 448 с.*
6. *Мамин-Сибиряк, Д. Н. Золото / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Минск : Изд-во «Беларусь», 1983. 384 с.*
7. *Мамин-Сибиряк, Д. Н. Горное гнездо / Д. Н. Мамин-Сибиряк. М. : Астрель, АСТ, 2011. 385 с.*

T. P. Mosunova

Image of Poles in works D. N. Mamin-Sibiryak

Summary: The article tells about the mutual perceptions of Russian and Polish in the works of the Ural writer DN Mamin-Sibiryak.

Key words: National stereotypes, the Urals, literature, Poles, imagology, Mamin-Sibiryak

Sverdlovsk Regional Museum (620014 Jekaterinburg, Malysheva Str.46, tel.: +7(343) 376-61-56)

WACŁAW LASOCKI NA SYBERYJSKIM ZESŁANIU

Streszczenie: Artykuł skupia się na losach lekarza Wacława Lasockiego w trakcie jego podróży z Wołynia do Irkucka w latach 1863 – 1865, jego pobycie w Usolu oraz jego działalności w tamtejszej guberni. Lasocki, uczestnik powstania styczniowego, wydany został władzom przez chłopów i skazany został na śmierć, jednak wyrok zamieniono na 10 lat ciężkich robót w warzelni soli w guberni irkuckiej, a następnie, w 1866 roku, wyrok ten znów został zamieniony, tym razem na osiedlenie. Jego pamiętnik jest interesującym studium, opisującym z jednej strony losy Polaków w drodze na zesłanie, jak również już na miejscu, do którego byli przeznaczeni, z drugiej zaś wiele jest wzmianek w nim o stosunkach polsko-rosyjskich, w szczególności zaś w odniesieniu do relacji więźniów-naczelnik oraz osiedleńców-władze.

Słowa kluczowe: Wacław Lasocki, polscy zesłańcy, polscy lekarze, stosunki polsko-rosyjskie.

Wstęp

Badacz, mający na celu zapoznanie się z tym, jak wyglądało życie zesłanych na Syberię, dysponuje ogromną bazą źródłową w postaci pamiętników. Zawierają one w sobie historię życia spisującego wspomnienia, jak również, najczęściej, nakreśla sylwetki osób mu towarzyszących, o których dowiedzieć się można jedynie z ustępów danego pamiętnika. Nie zagłębiając się w szeroką charakterystykę pamiętnika jako źródła, wspomnieć należy jednak, że pamiętniki, najczęściej spisywane z pewnej perspektywy czasowej, nie są źródłem w stu procentach wiarygodnym. Michał Janik we wstępie do pamiętnika Wacława Lasockiego wspomina o tym, jednocześnie zaznaczając, że nie poprawia szczegółów niezgadujących się z historią, bowiem pamiętnik jest czymś osobistym, przedstawiającym opinię danej jednostki na konkretny temat.

Patrzac szerzej na problem, można dojść do wniosku, że kontakt Polaków z Syberią i jej mieszkańcami rozwijał się nie z własnej woli Polaków (pomijając grupę, która wyjeżdżała tam dobrowolnie, zazwyczaj na zlecenie rządu lub w celach zarobkowych). Główną wszak grupą byli zesłańcy i więźniowie polityczni – „[...] w oczach rządu rosyjskiego niewolnicy lub przestępcy, męczennicy narodowi w poczuciu społeczeństwa polskiego” [1, s. VIII]. Do tej grupy należał również Wacław Lasocki, urodzony w 1837 roku w Bisówce w guberni wołyńskiej. W 1859 roku otrzymał dyplom lekarza na uniwersytecie w Kijowie. W trakcie powstania był on czynnym członkiem Komitetu Powstańczego Wołyńskiego, a nawet naczelnikiem powiatu żytomierskiego, po czym zdecydowano, że zostanie on „[...] organizatorem w czwartej części powiatu[...]” [2, s. 435], na co przystał niechętnie. Nie chciał bowiem być bezwolnym wykonawcą rozkazów.

Po wielu perypetiach związanych z organizacją partyzantki oraz dostarczania broni i dokumentów różnego rodzaju, Lasocki wraz z Józefem Łagowskim złapani zostali przez chłopów. Stało się to dnia 25 kwietnia, gdy powstańcy mieli zawieźć do jednej z miejscowości konieczne do walki rzeczy. Chłopi, uprzedzeni przez wójta, że mają łapać i wiązać „panów”, tak też zrobili. Skutkiem tego Lasocki, Łagowski oraz Zygmunt Husarowicz, zostali pojmani, przesłuchiwani jeszcze przez włościan i wywiezieni do Żytomierza. Tam też poddano ich rewizji i ograbiono z posiadanych rzeczy.

W więzieniu przebywał Lasocki 4 miesiące, które – jak wynika z jego relacji – były jednostajne jeśli chodzi o tryb życia. Wszyscy z choćby dyplomem gimnazjalnym, a więc wykształceni, zostali zaliczeni do 2 kategorii, a zatem przeznaczani do ciężkich robót. Więźniów zamykano po kilku lub kilkunastu w celi. Po pewnym czasie zostali Lasocki i

Łagowski wezwani do komisji, która zaliczyła ich do kategorii 1, czyli do emisariuszy. Równało się to z wymierzeniem kary śmierci. Ojciec Lasockiego, w czasie gdy ten spisywał w więzieniu swoją ostatnią wolę, popełnił samobójstwo. Lasocki określa to „dziwnym zbiegiem okoliczności” [2, s. 470]. Ciekawy jest opis znajdujący się w „Tygodniku Ilustrowanym”, w którym okoliczności te zostały w ten sposób przedstawione: „Schwytny z papierami, skazany na śmierć, od której ratują go starania żony, znaczne ofiary materialne, a gdy to wszystko nie wystarczało jeszcze, własnowolna śmierć ojca, oddającego życie, byle okupić śmiercią swą życie syna [...]” [3, s. 564]. I faktycznie, łapówka w wysokości 5 000 rubli sprawiła, że kara śmierci zamieniona została na 10 lat ciężkich robót w Usolu [4, s. 528]. Pewnym pocieszeniem był na pewno fakt, że jego żona zdecydowała się towarzyszyć mu w podróży oraz już na miejscu, na Syberii, z nim zamieszkać.

Poniższy artykuł opiera się w głównej mierze na drugim tomie pamiętnika Lasockiego, w którym opisuje on swoją podróż na Syberię, pobyt w Usolu i Irkucku, a następnie w Galiczu i Kostromie. Staram się niejako zrelacjonować na podstawie zapisków bohatera, jego historię, w której zawiera się wiele elementów, takich jak na przykład stosunek ludności miejscowej do niego oraz jego polskich towarzyszy, czy też jego działalność lekarska.

Droga na Syberię

Podróż rozpoczęła się dnia 2 września 1863 roku, a jej celem był Tobolsk. Ubrani zostali w odzienie skazańców, które Lasocki opisuje w ten sposób: „Rękawy były wąskie i krótkie, świta tak szczupła, że się zapiąć nie dawała, a czapki tak ciasne, że się żadna mojej głowy trzymać nie chciała. Zrobiłem mimowoli złośliwą uwagę, że przedsiębiorca widocznie uwolniony od robienia czapek dla ludzi z głowami, bo te, co nam przymierzają, zaledwie na półgłówek starczą. Pułkownik garnizonu, który asystował przy ubieraniu nas, przerwał mi mówiąc: <<Bardzo proszę, tylko bez niepotrzebnych uwag>>. Poczem ruszyliśmy w drogę” [5, s. 8].

Grupa zesłańców liczyła ponad 50 osób, z których było trzech więźniami stanu, czyli Wacław Lasocki, Józef Łagowski (skazany na 6 lat pracy w fabrykach) i Julian Morzycki (skazany na 15 lat w kopalniach). Resztę aresztantów stanowili kryminaliści.

Przy wyjeździe ich z miasta Lasocki wspomina reakcję ludzi: „Szliśmy z więzienia ulicą Cudnowską wśród licznej publiczności, bliskich, życzliwych, a w znacznej części ciekawych. Na wszystkich wszakże, nawet na obojętnych twarzach, malowało się współczucie. To nas rozrzewniło i podtrzymało w chwili tak ciężkiej, jaką było opuszczenie kraju nie wiadomo na jak długo, może na zawsze!” [5, s. 8]. Dalej zaś przedstawia sytuację, w której, z pewną dowolnością interpretacji, Lasocki przedstawia dobro i zło w swoich naturalnych postaciach; zło w postaci kozaków eskortujących więźniów, a dobro w postaci pobożnych katolików – Polaków. Sytuację tę przedstawia w sposób następujący: „To też, zrównawszy się na placu z kościołem pobernardyńskim, w którym właśnie w tej chwili odbywało się nabożeństwo, nie umawiając się między sobą padliśmy jednocześnie na kolana, błagając Boga o łaskę w naszym strasznym położeniu i o siły do wytrwania. Kozacy z eskorty podskoczyli na razie, chcąc nas nahajkami zachęcić do dalszej podróży, ale widząc nasz spokój i mocne postanowienie dokończenia modlitwy, dali za wygraną i pozwolili odmówić półgłosem <<Pod Twoją obronę>>. Powstawszy, raźniejsi i silniejsi ruszyliśmy dość spieszonym krokiem przez ulicę Kijowską, otoczeni tłumem wciąż wzrastającym” [5, s. 8].

Kolejnym przystankiem na ich drodze był Kmitów, gdzie przebywał książę Drucki-Sokolnicki, którego Łagowski był domowym lekarzem. Lasocki przytacza rozmowę, jaką Łagowski odbył z księciem. Książę zapytał więźnia, dlaczego wmieszał się w sprawę powstania będąc człowiekiem „rozumnym”. Łagowski odpowiedział, że służba ojczyźnie to jego obowiązek. Dalej wywiązała się dyskusja, z której wyczytać można, że książę byłby gotów pomóc w ten czy inny sposób skazańcowi. Upór Łagowskiego był jednak silny, przez co książę ostatecznie życzył zesłańcowi powodzenia, sił fizycznych i moralnych. Łagowski odpowiedział

na to, że sił nie będzie zawdzięczał życzeniom księcia, a raczej swojej własnej wytrwałości i opiece swej małżonki. Na koniec nadmienia, że „Niemniej podtrzymywać mię będzie widok trojga dziatka, najniewinniej skazanych na towarzyszenie ojcu w jego niedoli” [5, s. 10]. Nie da się zweryfikować, czy rozmowa ta nie została nadto ubarwiona albo przez Lasockiego, albo Łagowskiego. Jedyńm świadkiem tejże rozmowy był syn księcia. Lasocki natomiast opisuje, że nikogo, poza ich trójką wtedy nie było w pomieszczeniu.

Uwydatnia się tutaj też szczególna umiejętność obserwacji i wnikliwość, jaką dysponował Lasocki: „Nadmienię tylko, że Łagowski był przed powstaniem domowym lekarzem Druckiego, co nie zmniejszyło wcale jego zawziętości. Chciał on Łagowskiego i mnie ukarać śmiercią bez sądu i pytał się, czy mu na to pozwolą? A gdy przyszło z Kijowa zaprzeczenie, starał się wpłynąć na sędziów naszych najniekorzystniej. Cała więc komedia pożegnania wywołaną była chwilowem usposobieniem. Jechał do śmiertelnie chorej córki, a był przesadnym, co z kolei wpłynęło na chęć osłodzenia Łagowskiemu podanej przez siebie pigułki” [5, s. 10].

Lasocki w dalszej części wdaje się w opis etapów i samej podróży, zaznaczając, że opisy piekła Dantego bledną w porównaniu z podróżowaniem traktem syberyjskim wraz z więźniami cywilnymi i kryminalnymi – „Więźniowie cywilni i kryminalni stanowią z małemi wyjątkami stek brudów moralnych. Wszyscy z braku środków skazani są na konieczne wytwarzanie wkoło siebie brudnej cuchnącej atmosfery. Własnej odzieży, bielizny i pieniędzy mieć im nie wolno; muszą więc wszyscy nosić odzież i bieliznę skarbową, zaś tej ostatniej dostają tylko po dwie sztuki w każdym gatunku. Nie mając gdzie i kiedy jej przeprać, całemi tygodniami nie rozstają się z płócienną częścią stroju, co bieliznie szczególnie nadaje woń mdłą i wstrętną. Zapachy te ohydne potęgują się do nieskończoności w tak zwanych <<onuczach>>, to jest w szmatach, owijających stopy. Woń straszna udziela się stopniowo obuwiu od onuczy, a siermięgom od bielizny. Każdy kryminalista nasiąka nią zwolna cały jak gąbka, tak iż w obcowaniu staje się fizycznie niemożliwym, przymusowe zaś jego dla więźniów stanu towarzystwo jest niemal do nie zniesienia. Dodajmy tu, że oddech ich i gatunek tytoniu, który palą, są nową formą męczarni dla powonienia” [5, s. 13] – i dalej Lasocki brnie w opis okropności, z fizjologii skazańców zrodzony: „Oto co noc wnoszą zwykle do każdej Sali olbrzymią kadź drewnianą <<paraszą>> zwaną jako zbiornik do zaspokajania wszelkich potrzeb naturalnych. Można sobie wyobrazić, czem są owe kadzie, dziesiątkami lat niezmieniane, całe inkrustowane solami amoniakalnemi i gromadzące w sobie w ciągu nocy płynne i stałe ekskrecje kilkuset często ludzi. Co się więc dzieje z powonieniem i próżnią ust ludzi, przywykłych do warunków więcej higienicznych, nawet u względnie najbiedniejszych więźniów stanu, tego mówić nie potrzebuje” [5, s. 14]. Dalej jeszcze opisuje straszne i obrzydliwe twarze kryminalistów, ich rozrywki w postaci chóralnych krzyków, tortury w postaci brzęku kajdan, nadto jeszcze wspomina o lęgnących się wszędzie pasożytach. Widać jednakże, iż opis ten z pamięci jest przywoływany: przepelniony jest wszak z jednej strony wielką odrazą do mimowolnych współwięźniów, a z drugiej zaś daje się zauważyć w pewnych momentach wysublimowane poczucie humoru Lasockiego. Ociera się wręcz o czarny humor przy opisach okropności dręczących zmysły powonienia, słuchu i wzroku. Wspomina również o rodzajach kajdan i sposobach zakuwania poszczególnych więźniów ze względu na kategorię, jak również na pochodzenie. Z kajdan, jak wspomina, można było się uwolnić płacąc oficerowi lub podoficerowi – było to jednak chwilowe.

Co jeszcze rzec można o Lasockim to to, że jego refleksje dotyczą również osobowości i charakteru. Wdaje się w analizę psychiki kryminalistów punktując przyczyny, dla których ich życie wygląda tak a nie inaczej. Znow pokazuje umiejętność wnikliwej analizy oraz szeroki punkt widzenia, szukając nawet usprawiedliwienia dla więźniów, a winą obarczając częściowo warunki zewnętrzne. Widzi zawsze dwie strony medalu, co sprawia, że jego wspomnienia stają się bardziej wiarygodne: „Gdy obok cynicznie wygłaszanych przechwałek o popełnionych zbrodniach wysłucha się czasem szczerzej spowiedzi z lat dzieciństwa, widzi się jak na dłoni, iż większa część winy, jak w każdym prawie pojedynczym wypadku, spada na otoczenie, w

którem się jednostka rozwijała, a więc na rodzinę, rząd i społeczeństwo! Musimy też uznać, że brak nam na każdym kroku opieki zastępczej dla sierot i dzieci opuszczonych lub źle chowanych, natomiast złych rad i złych przykładów nigdy i nigdzie nie brak. Brak nam urzędów, by głód prawdziwy w porę zaspokoić, a głód ten zakrada się często do rodzin całych i staje się złym doradcą” [5, s. 16]. Dalej wskazuje na słabo zorganizowaną prewencję przestępstw oraz niedorozwiniętą oświatę konstatując, że jedynym lekarstwem dostępnym w Rosji przeciwko przestępstwom są więzienia: „Wreszcie, gdy pod wpływem ujemnych warunków niedorozwinięta, słaba, bez charakteru jednostka zbłądzi przeciwko przykazaniom boskim, których najczęściej nie rozumie, lub przeciwko jednemu z tysięcy paragrafów kodeksu, o którym nie ma najmniejszego wyobrażenia, znowuż brak nam sił ratunkowych, dodatnich. Natomiast zjawia się jako lekarstwo jedyne a daleko gorsze od samej choroby więzienie, a więzień takich w Rosji jest co niemiara, daleko więcej aniżeli średnich zakładów naukowych. Są to prawdziwe akademje zbrodni. Tu bowiem bezpłatnie biegli w swej sztuce złoczyńcy kształcą w złem całe pokolenia naiwnych, często wypadkiem tu zbłąkanych lub nieletnich, na skończonych zbrodniarzy! Przeciwdziałania i tu żadnego nie napotykamy, bo i duchowieństwo mało się zajmuje nawracaniem w tej sferze zbłąkanych owieczek. Z tej też drogi nikt prawie na łono cnoty i obowiązku nie wraca!” [5, s. 16 – 17]. Uwidacznia się w tym fragmencie zacięcie moralizatorskie Lasockiego. W jego mniemaniu należy szukać źródeł problemu przestępstw w samym społeczeństwie, jego organizacji. Więzienia nie zapobiegają wykroczeniom, a nawet tworzą nowych kryminalistów z ludzi, którzy niekoniecznie w perspektywie swojej działalności kryminalistami byli. Gani również duchowieństwo za brak zainteresowania nawracaniem marginesu społecznego. Dość to idealistyczne podejście, albowiem wielu kryminalistów było czy to katolikami, czy prawosławnymi. Samo duchowieństwo działałoby nie więcej w więzieniach, aniżeli osiągały to organy prawne. Idealizm jednakowoż wynika najczęściej z cnoty, bez umniejszania więc Lasockiemu stwierdzić można, że na społecznika i moralizatora Lasocki się nadawał idealnie – dostrzegał problemy oraz ich źródła i szukał sposobów na ich rozwiązanie. Wskazuje również na przykład złodziejstwa wśród administracji i urzędników, dając do zrozumienia, że taki przykład skłania ludzi do postępowania tak jak władza – czyli do kradzieży.

Innym elementem, nieodłącznym w trakcie podróży, jak by się mogło zdawać, było wszechobecne łapówkarstwo naczelnika i całej eskorty. Daje tutaj Lasocki przykład: „7 września stanęliśmy w Stawiszczach. [...] nasz pan naczelnik etapu konfidencjonalnie zakomunikował towarzyszowi broni, a słudze naszemu, że gdybyśmy dali 6 rubli, to żony nasze mogłyby być z nami przez całe trzy dni w Stawiszczach i na dniówce w Motyżynie. Pokusa była za silna, by jej nie ulec. Oficer i cała komenda pili bez pamięci trzy dni [...]”, a dalej opisuje jeszcze sytuację, gdzie nowy naczelnik przejął ich partię: „10 września w Białogrodce oficer nasz oddał partję przybyłemu po nas z Kijowa otyłemu, semickiego pochodzenia naczelnikowi etapu, a przedstawiając nas sobie wzajemnie wypowiedział wielce dyplomatyczny frazes po rosyjsku: <<Panowie, zróbcie dla mego kolegi to, co zrobiliście dla mnie, a on zrobi to, co ja dla was zrobiłem>>. Daliśmy więc znowu 6 rubli, składając się na nie po dwa ruble od trzech rodzin. Lecz pan oficer zażądał natychmiast drugie tyle, a gdy nie otrzymał żądanych duplikatów, pozamykał nas na klucz i dostępu żonom do nas wzbronił. Musieliśmy z konieczności ulec temu bezprawiu, nie mając możliwości ani sposobu ukarania tego niegodziwca; urzędowy bowiem Kijów był przesiąknięty głęboką niechęcią dla powstania i powstańców” [5, s. 21].

Po wjeździe do Kijowa początkowo zesłańców witali ich znajomi z dawnych lat. Cała sytuacja przedstawiona jest emocjonalnie, z rozrzewnieniem. Po pokazaniu wszystkich dokumentów, w drodze przez Padół do Cyrkułu, spotkała ich „[...] zorganizowana przez policję banda dymisjonowanych żołnierzy i wszelkiego tałatajstwa, która wymyśla nam, przeklina, grozi nożami, wyje itd. My i Morzyccy przyjmujemy to najzupełniej obojętnie. Ale pani Olga Łagowska jako Rosjanka jest mocno tą sceną podrażniona; mąż ją uspokaja, ale i sam jest

poruszony. Wkońcu żołnierze usuwają natrętnych i partja wkracza na dziedziniec cyrkułowy” [5, s. 22]. Fragment ten pokazuje, że tego typu sytuacje zdarzały się – organizacja przez policję band mających zdeprimować i przestraszyć skazanych. Co prawda Lasocki nie nadmienia jakiej narodowości była to banda, jednakże w istocie ważną rzeczą jest tu fakt, że żona Łagowskiego jako Rosjanka była poruszona tą sytuacją. Znaczyć by to mogło, że przykro jej, że rodacy mogli coś takiego uczynić.

Ciekawa sytuacja miała miejsce w dalszej części drogi. Lasocki opisuje, jak udało im się dogadać z jednym z podoficerów, który za dodatkową opłatą bronił ich przed szczególnie natarczywymi gapiami. Ponadto „nastawał” na nich pop. Autor nie podaje szczegółów, w jaki sposób duchowny sprawiał im problem, fakt jednak, że taka sytuacja miała miejsce, że duchowny prawosławny uprzykrzał podróż skazańcom, nie była bez wątpienia odosobnionym przypadkiem. Lasocki całą rzecz opisuje tak: „Nim ten nastąpił, zaszła nowa scena, charakteryzująca owe czasy. Podoficer, prowadzący nas, roztropny, młody blondynek, był niegdyś lokajem w zamożnym ukraińskim domu, mówił dobrze po polsku, rusińsku i rosyjsku. To też prędko związał się między nim a nami dobry stosunek. Gdy więc usunął gawiedź, co nam towarzyszyła, zjawia się złośliwy popek, który wchodzi za nami na dziedziniec i w dalszym ciągu nastaje. Znudzeni tem brzęczeniem, dajemy znak naszemu podoficerowi, aby się z napastnikiem rozprawił, pokazując trzy palce, co oznaczało w języku więziennym premjum 30 kop. Nie w ciemną bity, nasz przyjaciel zabiera się niezwłocznie do rzeczy i jak z ambony pali popowi moralną naukę, że się nie godzi osobie duchownej znęcać nad nieszczęśliwymi, którzy już dość są ukarani, że obowiązkiem księdza jest pomodlić się za nich i t.p. Pop oburzony idzie na skargę do oficera, który zbliża się do nas dla rozpatrzenia sprawy. Podoficer z logiką i cywilną odwagą broni się na mocy instrukcji, by obcych osób nie dopuszczać do więźniów i nie pozwalać rozdrażniać ludzi, co i tak już niewiele mają do stracenia. Oficer go chwali, a gdy popek się upiera, każe go usunąć. Podoficer prosi raz jeszcze grzecznie; gdy to nie pomaga, robi gest kolbą, wymownie proponując ustąpienie z placu, tą rzą z zupełnym skutkiem. Obiecane premjum wyliczyliśmy w chwili właściwej z zachowaniem incognita uzdolnionemu obrońcy naszemu” [5, s. 23].

Nie tylko z Rosjanami przyszło się Lasockiemu mierzyć, ale i również z Żydami. Tak wspomina kontakt z właścicielem jednego z zajazdów w trakcie podróży: „Żony nasze zatrzymały się w zajazdzie żydowskim, gdzie im również Perejasław dał się we znaki, obdarło je bowiem za nocleg bez miłosierdzia. Gdy zaś protestowały, właściciel zajazdu żydzisko z arogancją się odezwał, że nic nie ustąpi, bo nie jest <<poliskim żydkiem>>, ale ruskim jewrejem>>” [5, s. 26 – 27].

Nie zawsze wszak jedynie przykrości spotykały skazańców ze strony naczelników partii. Zdarzył się również jeden przypadek szlachetności: „Dnie 29 i 30 września spędziliśmy w Modzelówce, gdzie nas spotkał jedyny w ciągu całej podróży czyn bezwzględnej szlachetności, dokonanej przez naczelnika etapu. Prosił on nas przy pierwszym spotkaniu, abyśmy jego podoficerom nic nie dawali. Gdy wzięwszy to za żart po starym obdarzyliśmy służbę, odniósł nam datek nasz, robiąc najgrzeczniejszą wymówkę. Skamienieliśmy ze zdumienia. Dopiero potem wyjaśniło się, że jest on Małorosjaninem i właścicielem Modzelówki, który wziął sobie za ambicję wyróżnić siebie i swoich podwładnych delikatnością, szlachetnością i wygórowaną bezinteresownością. Mam też sobie za najświętszy obowiązek uderzyć publicznie czołem przed tak rażącym wśród naczelników etapu wyjątkiem, a bardzo żałuję, że mi uleciało z pamięci nazwisko tego porządnego człowieka” [5, s. 27].

W Kremienczugu do kompanii dodano kolejnego więźnia, którym okazał się niejaki Orłow, tytułowany rosyjskim szlachcicem. Początkowo Lasocki, widząc że ten nie ma nic do jedzenia ani picia, dzielił się z nim pożywieniem. W Lubatyniu okazało się, że więźniowie muszą długo czekać na wymarsz, co – jak się okazało – było winą wspomnianego Orłowa. Jeden z podoficerów powiedział Lasockiemu, że szlachcic rosyjski uciekł. Znalaziono go jednak

i, jak opisuje Lasocki, mocno pobito i poobdzierano. Jako uciekinierowi związano na krzyż kajdany i łańcuchy za plecami (lewą rękę do prawej nogi, a prawą – do lewej) i posadzono na wozie z workami. Na postoju w Charkowie Rosjanie dawali słodycze dzieciom Łagowskich, w tym też czasie Lasocki i Łagowski poszli zobaczyć co z owym Orłowem, czy aby nie potrzebuje pomocy czy opatrzenia ran. Ku ich zdziwieniu Rosjanin tańczył z kolegą, co Lasocki opatruje również komentarzem na temat natury Rosjan: „Jakież było nasze zdumienie, gdy patrząc w okienko więziennej Sali ujrzelśmy szlachcica rosyjskiego z przyschniętymi na głowie i twarzy ranami, tańczącego z kolegą polkę tremblante z gracją i swobodą ruchów. Przekonał nas tem, że on i cały naród jego dobrze do bicia przysposobiony i zahartowany! Wróciliśmy po tem widowisku prędko do siebie, bojąc się, by z naszej gorliwości nie żartowano!” [5, s. 29].

W dalszej części autor opisuje nieprzyjemne spotkanie z naczelnikiem straży garnizonowej oraz słowa otuchy skierowane do nich przez prokuratora. Ponadto znów pokazuje ostrość języka Łagowskiego: „Ja byłem w żałobie po ojcu i ani mi się śniło, żeby to komuś zawadzać mogło. Tymczasem gdy mię pułkownik ujrzał, stanął w postawie wyzywającej i groźnie zawołał: <<Cóż to za żałoba? Już ją w Warszawie zrzucano, natychmiast mi ją zdjąć, bo każę spalić całe ubranie>>, Z pogardą i oburzeniem zdjąłem mój tużurek, złożyłem go i zostałem w negliżu. Pan naczelnik dał pokój dalszym uwagom, widząc mój uśmiech ironiczny, zwiastujący może granicę wyczerpującej się cierpliwości, i ruszył dalej. Prokurator, który mu towarzyszył, również jak ja był w żałobie. Miał smutny, pełen współczucia wyraz twarzy, a odchodząc rzekł do nas stłumionym od wzruszenia głosem: <<Nie bierzcie tego za obrazę, to człowiek, który nie pojmuje tego, co mówi>>. Na to Łagowski, który w podrażnieniu nie umiał się nigdy hamować, zawołał: <<Nie wątpię, iż to jest jeden z tych ludzi, który z synami za złodziejstwa i rozboje, a którego żona i córki za dzieciobójstwa mogą się tylko dostać na Syberję, zaś całej tej rodziny nie spotka pewnie zaszczyt cierpienia za zasady i przekonania, więc jako jednemu z milionów ciemnych wybaczymy>>” [5, s. 30].

W Lipiecku zatrzymano partię na kilka tygodni na czas rozlewu wód. Rodzina Lasockich urządziła się w sali etapowej wraz z Łagowskimi i Morzyckimi. Jak pisze Lasocki :”[...] z koczowników zmieniliśmy się chwilowo na ludzi prawie osiadłych” [5, s. 31].

Natknęli się tam na innych wygnańców: marszałka szlachty z Litwy – Stachowskiego oraz prezydenta Izby Cywilnej z Mohilowa nad Dnieprem – Brzostowskiego. Zesłańcy otrzymywali od wspomnianych wygnańców gazety, z których dowiadywali się, co działo się w kraju. Lasocki przeczytał w niej, że 1 września 1863 roku powstanie trwało jeszcze, a spośród powstańców najwyraźniej odznaczali się m.in. ksiądz Mackiewicz na Żmudzi, Wróblewski w Grodzieńskim i na Podlasiu, generał Czachowski w Krakowskim oraz Hauke-Bosak i Zygmunt Chmieleński. Powstanie jednak traciło na siłach, jak zauważa Lasocki. Wnioskuje, że to między innymi przez wpływ „[...] terroryzmu Murawjewa na Litwie, Berga zaś w Warszawie [...]” [5, s. 32].

Nie brakowało wzruszających momentów na etapach. W Kozłowie więźniów prowadził Polak – służbista, który chciał żony powstańców zamknąć w jednej celi ze zbrodniarkami. Po głośnych sprzeciwach i kąśliwym komentarzu Łagowskiego, oficer Skłodowski, zmieszany, zgodził się na oddanie wszystkich do więzienia w mieście. Tam nadzorca Tatar, otrzymawszy „datek” otworzył drzwi cel, dzięki czemu mogli oni urządzić wigilię, był bowiem 24 grudnia. Lasocki przytacza fragment listu swojej żony do matki, w którym opisuje ona warunki oraz smutek i żal, jaki poczuli przy łamaniu się opłatkiem, a którego źródłem był los Polaków pod rosyjskim zaborem oraz los powstańców. Dzieci po wieczery zaczęły śpiewać kolędy, ale zaledwie się to rozpoczęło, rozległ się hałas. Zebrani pobiegli tam, skąd dochodził. Okazało się, że był to stróż więzienny, szlochający gwałtownie usłyszawszy kolędy. Był to Mazur, który zatracił swą narodowość, a u którego śpiew dzieci przywiódł wspomnienia z dzieciństwa. Prosił wręcz jeszcze o śpiewanie kolęd.

W Tambowie, przez chorobę Łagowskiego (zapalenie wyrostka robaczkowego), zesłańcy spędzili 4 miesiące. Dalej Lasocki wypisuje wszystkich zesłańców znajdujących się w Tambowie. Tam też spotkali państwo Nowickich. Zorganizowali oni „Pomoc Bratnią”, towarzystwo pomagające idącym przez Tambow zesłańcom dając im ubrania oraz jedzenie, otaczając opieką. Tam też Lasocki wpadł na pomysł stworzenia albumu pamiątkowego z podróży na zesłanie. Fortunat Nowicki wpisał do niego pierwszą kartkę, która przedstawiała odtworzony w kolorze obraz mikroskopowy włókien wątroby. Pod obrazem znajdował się wiersz, według Lasockiego stosujący się tak do rysunku jak i do ich położenia:

„Gdy sprawiedliwszej przyszłości promienie
Nikły z przed oczu niby ogień błotny,
A cnota, wiara, miłość, poświęcenie,
Szły po kolei pod pręgierz sromotny,
By nie oszaleć, pytałem przyrodę,
Azali bezład stworzenia udziałem?
Lecz na wstyd ludom porządek i zgodę
W życiu najmniejszych atomów widziałem!” [5, s. 38].

W dalszej części pamiętnika Lasocki przytacza również historię o „Żydku-błaźnie”. Opowiada on, że w ich grupie znajdował się „Żydek”, który często tańczył polkę „na modłę dandysów”, ponadto dość często dawał improwizowane pokazy. W historii tej Lasocki charakteryzuje w pewnym sensie urzędników gubernialnych, bowiem błażen ów zgłosił się do gubernatora tambowskiego, by zostawiono go w tymże mieście jako błażna. Znudzony czekaniem w przedśionku zaczął dawać improwizowany pokaz artystyczny: tańczył i śpiewał. Usłyszawszy śpiew, z biur wyszli urzędnicy. Po pewnym czasie przedstawienie się skończyło, a błażen chciał zbierać zapłatę za wykonane przedstawienie. Urzędnicy jednak milczeli zniesmaczeni. Wtedy to błażen rzekł: „Panowie! wybaczenie mi; zapomniałem, że to jest rząd gubernialny, gdzie za wszystko biorą, ale za nic nie płacą” [5, s. 48].

Do Kazania dotarła grupa Lasockiego 5 czerwca. Tak też opisuje, z moralizatorskim zacięciem, tamtejsze więzienie: „Więzienie w Kazaniu przeraziło nas, było bowiem wyładowane więźniami, jak beczka śledziami. Tutaj też pierwszy raz ujrzeliśmy smutne sceny bezwstydu, który przy wielkim natłoku ludzi różnej płci zwykł się rozwijać. Wszelka demoralizacja była integralną, składową częścią rządowego programu względem wygnańców; i tu też niby niechcący starano się ją szerzyć” [5, s. 50].

12 czerwca grupa wyruszyła z Kazania statkiem po Wołdze, a następnie Kamie. Na tymże statku ulokowani zostali skazańcy w II klasie, w całkiem wygodnych kajutach. Tam też Lasocki zapoznał się z m.in. rodziną Żeligowskich i Olechowskich. Tam też poznał doktorów Ignacego Tomkowicza oraz Walickiego. Z Tomkowiczem Lasocki zaprzyjaźnił się na resztę podróży. Zcharakteryzował go następująco: „[...] Jakiś jegomość bardzo oryginalnej powierzchowności, ubrany w ponsową koszulę, pasem lakierowanym przepasaną, z olbrzymimi rudymi faworytami, w żółtej czapeczce dzokiejkiej na głowie i w szyldkret oprawnych okularach [...]”, a dalej pisze o nim tak: „Ożywienie naszego towarzystwa wzrastało z każdą chwilą pod batutą tego dziwnego na pozór, w gruncie rzeczy nieskończenie dowcipnego i najmilszego towarzysza podróży, jakim był doktor Ignacy Tomkowicz. Robiąc z nim znajomość, ani przeczuwałem, jak długi i bliski połączy nas stosunek, ile skarbów towarzyskich i umysłowych znajdę w bogatej naturze tego szlachetnego, zdolnego, a bardzo nieszczęśliwego człowieka” [5, s. 52].

Na przykładzie szpitala w mieście Kungur w guberni permskiej, przedstawił stan szpitali na prowincji rosyjskiej, opisując je jako zaniedbane, niesanitarnie i mające wysoką śmiertelność. Dlatego też, gdy Lasocki zapadł na tyfus brzuszny, jego żona płaciła tamtejszemu lekarzowi, by nie interweniował. Oddał się więc Lasocki pod opiekę Łagowskiemu, mieszkającemu z nim w jednym pokoju. 3 sierpnia, gdy doszedł do zdrowia, wyruszyli w dalszą drogę do Jekaterynburga.

Splot zdarzeń doprowadził Lasockiego 8 sierpnia do dawnej fortecy Bisierskoje. Tam też przyszło mu skonfrontować się z pijanymi żołnierzami, którzy jego i Łagowskiego wyciągnęli z chaty włościańskiej, w której zamieszkiwali. Po perypetiach z tym związanych, zostali z powrotem oddelegowani do chaty, Łagowski jednak nie dał za wygraną i z prowadzącym go oficerem poszedł na skargę do naczelnika. Łagowski tam dał popis swojego sprytu, bowiem wyczuł w naczelniku „stary typ oficera z czasów mikołajowskich” [5, s. 59]. Rzekł więc, gdy pijany oficer machał rękoma tłumacząc swoje postępowanie, że „gdyby cesarz Mikołaj wstał z grobu i ujrzał, jak podoficerowie pod nosem oficerów machają rękami, położyłby się napowrót do grobu” [5, s. 59]. W tym też momencie naczelnik, poruszony słowami Łagowskiego, spoliczkował dwukrotnie oficera.

Lasocki opisuje, jak na jednej ze stacji pomiędzy Kungurem a Jekaterynburgiem mijają ich partia, w której skład wchodził m.in. prof. Dybowski, Władysław Bogusławski, Henryk Wohl, Tomasz Burzyński, Tomasz Inicki oraz Marian Dubiecki. Do Tiumeni grupa Lasockiego dotarła 6 września, a do Tobolska - 18 września.

Istotną sprawą jest pobyt Lasockiego w Tobolsku. Tam poznał gubernatora Aleksandra Despotę-Zenowicza, którego opisuje w samych superlatywach: współczujący, rozmawiający więźniami po polsku, wykazujący troskę i ciekawość, jak się tutaj znaleźli. Ponadto, kilka dni później, gubernator rozkazał spisać wszystkich lekarzy, jacy znajdowali się w więzieniu. Było to, rzecz można, spełnienie marzeń Lasockiego, bowiem wraz z Ignacym Tomkowiczem i Józefem Łagowskim został wybrany na tymczasowo ordynujących doktorów. Jak pisze: „Byłem uszczęśliwiony tą niespodzianką tem bardziej, że mi się przysłała praca uśmiechała, w towarzystwie najzaciejszego z ludzi, lekarza z urzędu, sybiraka Aleksandra Czeremszańskiego, i tak miłych mi kolegów [...]” [5, s. 70].

W tym też czasie okazało się, że Łagowski jednak nie będzie mógł kontynuować pracy, jako doktor tobolskiego szpitala. Otóż Łagowski pojawił się w ekstrawaganckim stroju, z konfederatką, w mieście. Za towarzysza miał Kazimierza Wagę, który nie miał dobrych stosunków z gubernatorem. Pech chciał, że spotkali oni Despotę-Zenowicza, który zapowiedział, że wyśle ich z Tobolska. Łagowski, znany z szybkich i ostrych odpowiedzi, stwierdził, że w każdej chwili jest gotów do wyruszenia w dalszą drogę. W ten sposób Lasoccy musieli się pożegnać z Łagowskimi. Co więcej, pisze Lasocki, że: „Kto wie, czy nie rzuciłbym i ja mego stanowiska, dążąc za przyjaciółmi, gdyby nagłe a niespodziewane na dni kilka przed ich odjazdem zasłabnięcie na ciężką naturalną ospę mojej najdroższej żony” [5, s. 71].

Jak pisze Lasocki, że Zenowicz nie tylko z wielkim współczuciem zwracał się do rodaków, ale również pilnował, by żaden Polak godności swojej i swojego narodu nie zhańbił. W jednej sytuacji Mazur, powstaniec, chciał ożenić się z kryminalistką. Zenowicz odpowiedział mu, że „Dam ci ja sto kijów zamiast wesela, jeżeli się zhańbisz, żeniąc się ze złodziejką” [5, s. 76].

Lasocki był w dobrych stosunkach z gubernatorem. Sprawa z mięsem przywożonym do więzienia jest tego dobrym przykładem. Tamtejszy rzeźnik przywoził najgorszej jakości mięso, Lasocki więc je odsyłał. Pewnego razu jednak, dowiedziawszy się, że gubernator będzie odwiedzał więzienie, przywiózł najlepsze mięso. Pokazał je gubernatorowi sądząc, że sprytem przypodoba się Zenowiczowi. Ten jednak, wysłuchawszy stanowiska Lasockiego, rzekł do rzeźnika: „Tobie i pod przysięgą nie uwierzę, boś kłamca i oszust, a każde słowo doktora dla mnie święte; uprzedzam więc ciebie, iż stracisz dostawę, jeśli jeszcze raz dasz złe mięso” [5, s. 78]. Lasocki wspomina o tym, że Zenowicz, za zasługi, przedstawił bohatera do ułaskawienia.

W Tobolsku spotkał również swojego znajomego z więzienia w Żytomierzu: Michała Gruszeckiego. Spędzili ze sobą trochę czasu rozprawiając o przeszłości i przyszłości, jaka ich czeka. Gruszecki przekazał też wiersz Aleksandra Krajewskiego z czasu jego pierwszego pobytu na Syberii. Wiersz ten w świetny sposób pokazuje czym była Syberia w świadomości zesłańców. Przytoczę tu jedną ze strof, w moim mniemaniu najlepiej obrazującą tę krainę:

„Znasz li ten kraj, gdzie nic nie dojrzewa,
Gdzie szronu blask przemarzłe srebrzy drzewa,
Gdzie w maju lód na rzekach jeszcze stoi
I słońca tchu bynajmniej się nie boi
Znasz li ten kraj? Ach tam, o moja miła,
Tambym ja zamarzył, choćbyś i ty tam była!” [5, s. 92].

20 maja 1865 roku wyruszyli Lasoccy w towarzystwie innych zesłańców Irtyszem w dalszą drogę. Na statku żona Lasockiego znów zachorowała ciężko, a bohater, przeżywając bardzo jej chorobę, zupełnie nie zwracał uwagi na podróż. Wspomina jedynie o jednym epizodzie, gdy zeszli na suchy ląd: „Zapamiętałem tylko jedną wycieczkę naszą na ląd stały do wsi ostjackiej, gdzie mieliśmy nadzieję zakupienia produktów. Okazało się, iż we wsi tej mieszkał pop i diak jako misjonarze do nawracania tubylców na prawosławie. Ponieważ jednak misjonarze nie znali języka ostjackiego, Ostjacy zaś rosyjskiego, skończyło się na tem, że się misjonarze rozpiłi i mających się nawracać swoim przykładem pociągnęli” [5, s. 113].

10 czerwca dotarli do Tomska. Tam żona Lasockiego udała się do hotelu, inni zaś zostali odesłani do więzienia, gdzie spotkali dozorcę, Małorosjanina, do niedawna samego będącego więźniem za otrucie żony i utopienie popa. Charakteryzuje też władzę i administrację za pomocą anegdoty, która wiąże się z jego pobytem w więzieniu w Żytomierzu: „Było to w Żytomierzu w pierwszych chwilach naszego uwięzienia. Przybyłemu gubernalnemu strapczemu podaje więzień kryminalista prośbę, iż lat czternaście siedzi w więzieniu, a dotąd nie wiem, za co, bo go o to nie pytano, prosi więc o przyspieszenie sprawy. Pan Zacharow (tak się nazywał strapczy) odpowiada mu na to, wskazując obok stojącego więźnia: <<Bierz przykład z tego sędziwego staruszka, który siedząc 23 lata nie naprzykrza się władzy, bo wie, że i na niego przyjdzie kolej” [5, s. 114].

Naczelnik więzienia okazał się być oszustem, przez wzgląd na sytuację, w której Lasocki się znalazł. Jego żonę, pod nadzorem kozaków, przetransportowano do więzienia. By jej ulżyć, Lasocki dał z siebie zedrzeć 25 rubli za wynajęcie jednej z cel. Po kilku dniach przyszedł do więźniów naczelnik i stwierdził, że potrzebny mu jest natychmiast pokój. Lasocki protestował, jednakże naczelnik Tomaszewski, stwierdził, że nie ma przecież żadnej umowy wynajmu ani kwitów i że radzi iść przygotować się do dalszej drogi [5, s. 115]. Ostatecznie, za wstawiennictwem generała żandarmów Poltkowskiego, poznanego w Tobolsku, zesłańcy zostali przeniesieni, rozkazem wicegubernatora Friezel’a, do roty aresztanckiej.

Z Tomska Polacy wyruszyli pod koniec sierpnia. W Irkucku zaś byli 15 września, gdzie umieszczono ich w gmachu dawnej Izby Skarbowej. 2 października dotarli wieczorem do Usola, 25 miesięcy od momentu wyjazdu z Żytomierza.

W Usoli i Galiczu

Miasto, do którego trafił Lasocki opisuje jako „lichą mieścinę”, która ma „wszelkie cechy fabrycznej osady” [5, s. 134]. Pełna jej nazwa brzmiała Irkucka Warzelnia Soli, skracana zazwyczaj do nazwy Usol, bądź też Usolje. W centrum osady wypływało obfite słone źródło, wokół którego mieściło się dziewięć warzeln. Lasocki rozpisuje się o procesie wrzenia soli i rozmieszczeniu niezbędnych do tegoż procesu elementów wyposażenia. Lasockich umieszczono w domu, zwanym szkołą, który znajdował się dość daleko od miasta. Ponadto, z opisu wynika, że w miejscowości znajdował się dom nazywany Luwrem, w którym przebywało część więźniów stanu. Nazwa ta nadana była przez wzgląd na fakt, że przebywali tam najpoważniejsi wygnańcy, bez przybyłych z nimi rodzin. Gdy obowiązki dyrektora warzelni i komendanta nad wygnańcami politycznymi przejął Turow, zesłańcom pozwolono przenieść się do miasta. Ponadto znajdowały się tam biura policyjne, straż pożarna, drewniana cerkiew, mała kapliczka katolicka i różnego rodzaju sklepy, przeważnie jednak spożywcze.

Tam też spotkali ponownie Łagowskich, a ponadto zaprzyjaźnili się jeszcze z rodziną Łozińskich, z których Bolesław był matematykiem, a z charakteru – „niepraktycznym

marzycielem” [5, s. 138], natomiast żona jego była najstarszą córką Józefa Ignacego Kraszewskiego. Ciekawie podsumowuje Lasocki osobowość Łozińskiego: „Mąż starał się jej dopomagać, ale mu przeszkadzała głęboka niepraktyczność obok fantastycznego rozwijania wielkich teorii w stosunku do drobiazgów codziennego życia” [5, s. 138]. Po trudnej sytuacji, w której Lasoccy zostali niejako wyrzuceni z mieszkania w szkole, zmuszeni zostali wynająć za 110 rubli srebrem rocznie mały domek u ekskatorznika Woroncowa. Przenieśli się oni tam pod koniec listopada.

W Usolu, jak się okazało, była wielka obfitość lekarzy. W ocenie Lasockiego – zbyt wielu. Wymienia w tym miejscu ich wszystkich: on sam, Józef Łagowski, Julian Skawiński, Stanisław Galicki, Władysław Symonowicz. Ponadto wymienia jeszcze dziewięciu, jak wspomina, niezonatych lekarzy oraz dwóch studentów medycyny. Razem lekarzy w Usolu było siedemnastu. Włoch, doktor Stopani, jako lekarz z urzędu, pozwolił im wszystkim raz na tydzień odbywać posiedzenia tak zwanego Towarzystwa Lekarzy Usolskich [5, s. 144]. Przez wzgląd na deficyt lekarzy w Irkucku, a ich natłok wręcz w Usolu, chorzy – jak wspomina Lasocki – przybywali z różnych, nawet najdalszych rejonów Wschodniej Syberii. Sybiracy natomiast głosili, że „[...] zdolnych lekarzy przywożą na Syberję tylko z żandarmami, bo ci, co tu dobrowolnie przybywają, nie na wiele chorym przydać się mogą” [5, s. 144 – 145].

Kwestia, która wyrosła na gruncie pomocy medycznej, stała się sporym problemem. Praszutiński, jako komendant nadzorujący zesłańców politycznych uważał się za jedyny organ mogący decydować o tym co zesłańców wolno, a czego nie wolno. Niekrasow zaś, jako dyrektor warzelnicy, był przekonany, że również może zesłańcami rządzić o każdej porze. Konflikty pomiędzy tymi dwoma względem niesprecyzowania własnych kompetencji uderzały najbardziej w samych Polaków. Lasocki opowiada historię, jak to Lucjan Migurski, jeden z dwóch studentów medycyny, wezwany został do chorej pani Niekrasow. Komendant wysłał jednak podoficera, by Migurskiego za przekroczenie przepisów zaaresztować. Nie wolno wszak było więźniom politycznym kontaktować się z nikim, poza swoim gronem. I tak też zebrano się i ustalono, że żaden lekarz, do momentu sprecyzowania sprawy przez wyższe władze, nie będzie udzielał pomocy medycznej. Jak ustalili, tak też robili. Łagowski niedługo później został wezwany do komendanta, przez wzgląd na kobietę przybyłą z Irkucka, a mającą problem natury medycznej. Łagowski jednak nie zgodził się na pomoc. Jak relacjonuje Lasocki: „Komendant, jak to umieją Rosjanie, gdy czegoś potrzebują, dobierał z pod serca wyrazów, by skłonić Łagowskiego do posłuszeństwa, ale ten, pomny na uczynione wobec kolegów zobowiązania, stawiał się jak mur i oświadczył kategorycznie, że w spisie wszelkich rodzaj ciężkich robót niema wcale takiej, któraby nosiła nazwę <<leczenia>>” [5, s. 147].

Ostatecznie sprawa zakończyła się pomyślnie dla lekarzy dzięki pismu gubernatora, które w swej treści zezwalało na praktykę lekarską, czemu ani dyrektor ani komendant zaprzeczyć nie mogli. Kobieta otrzymała pomoc. Niedługo potem przybyła z chorym mężem generałowa Taskin. Tutaj komendant również nie miał wiele do powiedzenia, przez fakt, że jego autorytet został prawie całkowicie podkopany. Ponadto Lasocki opisuje ostateczne rozwiązanie kwestii Pratuszinskiego: „Nędznik ten pozwolił sobie na umizgi do pań, które po poradę lekarską przyjeżdżały; wydrwiły one te zachcianki rudego brzydala wobec władz irkuckich, które zapragnęły pozbyć się kompromitującej figury [...] Nocny, niespodziewany przegląd ksiąg, jednocześnie z obliczeniem gotówki wykrył, że cała prawie suma była w obrocie handlowym u kupców miejscowych, [...] komendant został niezwłocznie usunięty i ocknął się za Bajkałem, gdzie znacznie później, w czasie zaburzeń, omal nie został powieszonym przez powstańców” [5, s. 148]. W początkach 1866 roku przysłano wspomnianego już dymisjonowanego sapera – Turowa, z którym zesłańcy mieli jak najlepsze stosunki.

Lasocki, zgodnie z prawdą przyznaje, że zesłanie na ciężkie roboty nie było tak uciążliwe, jak by można było przypuszczać. Do tego jeszcze dochodzi fakt, że właściwie nawet nie uświadczyl owej ciężkiej pracy, ponieważ w styczniu 1866 roku przyszło pismo

zamieniające ciężkie roboty na „posielenie” [5, s. 149]. Podobnie było z innymi zesłańcami. Charakterystyka stosunków pomiędzy nimi zawiera się w tym, że pracowali oni jedynie na wiosnę i w lecie po kilka godzin dziennie. Bywało i tak, że ci z zesłańców, którzy przyzwyczajeni byli do pracy fizycznej, zastępowali co węższych towarzyszy, dostając za to jeszcze rządowe wynagrodzenie w wysokości 1 rubla srebrem i dwóch pudów mąki żytniej miesięcznie [5, s. 149]. Niejednokrotnie zdarzało się, że tacy „zamiennicy” zastępowali w pracy kilku innych.

Wracając do kwestii ułaskawienia, moment, w którym komendant przeczytał mu wyrok ułaskawiający, zamieniający ciężkie roboty na osiedlenie Lasocki opisuje następująco: „[...] zrozumiałem nareszcie, iż jestem ułaskawiony na skutek przedstawienia, zrobionego najjaśniejszemu panu przez ministra spraw wewnętrznych, Wałujewa, o moich i Tomkowicza niby wielkich zasługach, położonych przy poskromieniu epidemii ospy i tyfusu w więzieniu tobolskiem. [...] Tomkowiczowi zaś pozwolono zamieszkać w gub. tobolskiej. [...] po kilku dniach zawiadomiono nas, że jesteśmy przeznaczeni do wsi Kamionki w Idyńskiej włości” [5, s. 153]. Nie chcąc jednak opuszczać kolegów, postarali się o to, by mogli pozostać w Usolu. Tak się też stało, z nakazem, by nigdzie z miejscowości się nie oddalali. Ważne jest też tutaj stwierdzenie Lasockiego: „[...] na razie zyskałem uwolnienie od kajdan, z którymi się pogodziłem, i od robót, w których ani razu nie byłem” [5, s. 154].

Lasocki sceptycznie też odnosił się do planów zawładnięcia Syberią przez powstanie, niemniej jednak wielką przykrość mu sprawiła wiadomość, że takowe powstanie miało miejsce i zostało natychmiast wręcz stłumione przy znęcaniu się nad powstańcami. Uważał je ponadto za zupełnie bezcelowe. Opisowi powstania i wydarzeń w jego tle poświęca bohater kilka stron. Za podsumowanie jego opisu może posłużyć przypis, jakim opatrzony on został pod koniec relacji. Redaktorzy pamiętnika zaznaczają w nim, że Lasocki jednostronnie i chaotycznie przedstawia zasłyszane wydarzenia, z czym muszę się zgodzić w zupełności.

Odchodząc na moment od tematyki życia w Usolu, wspomnieć należy o częstym umieszczaniu przez Lasockiego utworów zesłańców, najczęściej wierszy, w tekście pamiętnika. W pewnym momencie tłumaczy on to w ten sposób: „[...] cieszy mnie, iż zdołałem spełnić zadanie moje najgłówniejsze, a mianowicie złożyć hołd moim zmarłym towarzyszom, zabezpieczając ich prace od zapomnienia i niebytu [...]” [5, s. 201]. Dużo miejsca ponadto poświęcił w swoim pamiętniku Julianowi Kędrzyckiemu, którego utwory przytoczył w ciągu kilku kolejnych stron, charakteryzując często w jakim kontekście one powstawały i objaśniając tło historyczne.

Wracając do głównej tematyki: dużo miejsca poświęca Lasocki także kwestiom z jakimi rodzinami polskimi utrzymywał kontakty, wymieniając każdą z nich i dając krótką charakterystykę. Także z imienia i nazwiska wymieniał tych, którzy przybyli na zesłanie sami, bez rodzin. Tym, w jego mniemaniu ciekawszym osobom, poświęca często akapit lub więcej. I tak przedstawia na przykład Tomasza Illickiego, który był kasjerem Rządu Narodowego w czasie dyktatury Traugutta. Opisany jest jako człowiek cnotliwy, jednakże mający tendencję do wygłaszania „[...] dziwacznych zdań i opowieści, których edycję dla dam częstokroć trudnoby sporządzić. O słońcu syberyjskim wyrażał się, że z istotnym słońcem nie ma nic wspólnego. O fiołkach miejscowych, pozbawionych zapachu, mówił iż w przeciwieństwie z monenklaturą botaniczną, która fiołki europejskie nazywa <<viola odorata>>, syberyjskie powinnyby się nazywać <<viola smerdata>>. O Rosjanach twierdził, że już w łonie matki są kandydatami do różnych rodzajai broni” [5, s. 204]. Ostatecznie postradał zmysły, a jako, że miał przy sobie zazwyczaj pieniądze i wielki złoty sygnet na palcu, znikł w marcu 1866 roku, a po miesiącu znaleziono jego zwłoki na jednej z wysp Angary. Spośród innych zesłańców wielu parało się różnorodnymi zajęciami przebywając w Arkadii, jak nazywane było Usole. Byli wśród nich pisarze, poeci, przyrodnicy, wspomniani już lekarze. Były prezes sądu handlowego w Warszawie i jeden z członków Rządu Narodowego i Trybunału Rewolucyjnego, Piotr

Kobyłański, „[...]zapił się na śmierć, przechwalając się swoją bezbożnością” [5, s. 204]. Przyznaje też Lasocki, że w pewnym momencie z Usolu część zesłańców zaczęła się przenosić do Irkucka, m.in. Łagowscy, u których często gościł. Tak też rozpoczęły się jego kontakty z owym miastem. Wspomina również, że lekarze Polscy wśród Sybiraków zaczęli wyrabiać sobie coraz większe uznanie.

W kwestii stosunków pomiędzy Polakami, a władzą nad nimi mającą pieczę, przytoczyć w tym miejscu należy historię dawnego znajomego Lasockiego z czasów kijowskich, a mianowicie Cezarego Wiszniewskiego. Przeznaczony był do jednej z wiosek w pobliżu Irkucka. Nie posiadał żadnych środków na życie, przyzwoitego ubrania czy obuwia, więc nie zwrócił nawet na siebie uwagi zamożniejszych mieszkańców. Był jednak lekarzem, o czym wiedział jedynie pomocnik naczelnika powiatu, który – przez wzgląd na aresztancki ubiór Wiszniewskiego – traktował go z lekceważeniem. Pewnego jednak razu został Wiszniewski wezwany do chorej żony owego pomocnika. Zdiagnozował u niej i wyleczył ciężkie zapalenie płuc, za co *zasiedatiel*, czyli pomocnik naczelnika powiatu, wręczył mu 100 rubli, klepiąc lekarza po ramieniu. Wiszniewski odparł jednak: „Znosiłem dotąd zachowanie się pańskie za mną, pragnąc dokonać mego obowiązku względem chorej. Ale dziś, gdy pacjentka moja jest zupełnie zdrową i starań moich nie potrzebuje, mam prawo nie przyjąć ofiarowanego mi wynagrodzenia w formie równie nieprzyzwoitej, jak całe pańskie względem mnie zachowanie” [5, s. 208]. Pomocnik wtedy rzucił się na kolana, tłumacząc, że jest jedynie prostym człowiekiem, w ocenianiu innych kierującym się pozorami. Wręczył lekarzowi 500 rubli srebrem i rozpoczął starania o przeniesienie Wiszniewskiego do Irkucka, na co władze, przez wzgląd na brak lekarzy, zgodziły się. Jego działalność lekarska w ostatecznym rozrachunku rozrosła się tak bardzo, że przynosiła mu kilkanaście tysięcy rubli dochodu rocznie. Jak widać, nawet z najgorszych sytuacji często udawało się wychodzić zesłańcom, a nawet zyskiwać sukces i uznanie wśród miejscowych.

Lasocki w zaistniałej sytuacji (coraz więcej lekarzy przenosiło się do Irkucka) musiał również rozszerzyć swoją praktykę lekarską. Dalej zaś skupia się na kwestiach finansowych wyliczając, że rocznie dysponował wraz z żoną od 1350 – 1850 rublami, co dawało około 100 rubli miesięcznie. Był to w tamtych czasach świetny stan finansowy mając na uwadze, że za 800 rubli udało im się kupić stary dom, wyremontować go i urządzić.

W końcu otrzymał Lasocki również prawo do wyjazdu do europejskiej części Rosji, co opisuje w sposób bardzo emocjami przesycony i wskazujący jak wielką tęsknotę odczuwał za ojczyzną: „[...] gdy został wydany manifest, na mocy którego wolno nam było zbliżyć się do ojczyzny, nadzieja ta owładnęła nami niepodzielnie i odtąd wszystkie nasze myśli, słowa i czyny zmierzały do jednego celu, jak najspiesniejszego opuszczenia Syberji” [5, s. 221]. Co też Lasocki uczynili, składając podanie do władz o przeniesienie w inne miejsce, nie specyfikując jednak do jakiej miejscowości chcieliby zostać oddelegowani. Wskazali jedynie Wołyn jako miejsce zamieszkania ich rodzin. Ponadto, oczekując na odpowiedź, zajęli się sprzedawaniem dobytku oraz samego domu, co udało się dopiero po pół roku. 31 grudnia dowiedział się Lasocki, że został przydzielony na osiedlenie do guberni kostromskiej, czyli jednak dość daleko od Wołynia. W drogę wyruszyli 31 stycznia, w Kostromie zaś znaleźli się 13 marca.

W drodze spotkało Lasockich kilka przykrości związanych z ludnością tubylczą. Pierwsza z nich związana była z wypadkiem, którego ulegli. Otóż sanie, którymi podróżowali, przewróciły się, gdy woźnica zbyt gwałtownie chciał skrócić. Szczęśliwie jednak stało się to w pobliżu osady, której mieszkańcy obchodzili święto. Pomogli oni podnieść sanie i poukładać na nich wszystkie porzucane rzeczy. Lasocki zaś poszedł szukać woźnicy, który „wypadł był w zaspę”. Znalazłszy go, udzielił mu pomocy lekarskiej nakazując okłady lodem w miejsce stłuczenia. Woźnica był niezwykle wdzięczny bowiem zazwyczaj, gdy taki wypadek się zdarzał, powożący byli bici do nieprzytomności przez pasażerów „sybirskich” [5, s. 226]. Gdy mieszkańcy dowiedzieli się, że Lasocki jest lekarzem, zaczęli „[...] obnażać poza łokcie swe

lewice i dopraszać się natarczywie upustu krwi” [5, s. 226]. Lekarz jednakże nie był zwolennikiem tej metody, przez co nie zostali pożegnani przez miejscowych zbyt życzliwie, gdyż zarzucano im niewdzięczność za okazaną pomoc.

W innej sytuacji zaś woźnica wywiózł swych pasażerów daleko poza główną drogę, tłumacząc się tym, że zgubił się. Jak się później okazało, dowiedzieli się Lasoccy od przejeżdżającego tamtędy strażnika, dbającego o bezpieczeństwo podróżnych, że w tym miejscu często dochodzi do rabunków i rozbojów. Oficer kazał więc woźnicy jechać przed nim aż do następnej stacji, gdy dotarli na miejsce, mężczyzna uciekł do lasu, bojąc się konsekwencji. Po dotarciu do Kostromy nad Wołgą, Lasocki zameldował się u tamtejszego gubernatora, gdzie dowiedział się, że przeznaczony został do osiedlenia w mieście Galicz.

Na miejscu okazało się, że w miasteczku, liczącym 10 tysięcy ludzi, jest 5 lekarzy. Przez ten fakt Lasocki stracił nadzieję na wysoki zarobek. Co więcej, początkowo opłaty uiszczano mu w formie całowania dłoni, podziękowań i kłaniania się. Dowiedział się później Lasocki, że taka forma przyjęta została dla ludzi, nie mających możliwości wyrażenia wdzięczności w formie pieniężnej. Z czasem jednak wszystko zaczęło się układać dość pomyślnie, a sam lekarz zaczął zyskiwać na popularności. Odkrył jednocześnie, że wiele z dolegliwości miejscowej ludności było bezpośrednio związanych z brakiem higieny, a w zdumienie go wprowadził fakt, że nie potrafili do takiego wniosku dojść miejscowi lekarze. Ludzie więc udawali się raczej do lekarzy Polaków, zamiast do rosyjskich lekarzy, uważanych za karciarzy i pijaków. Tam też Lasocki, dając się poznać jako prawie cudotwórca, za pomocą elektrycznych prądów uleczył szewca, u którego zdiagnozował zanikający nerw wzrokowy, oraz kobietę, u której w Petersburgu mylnie zdiagnozowano raka macicy.

Lasocki wspomina również, że na wygnaniu w ogólności, a szczególnie w Galiczu, często spotykały ich przykrości i musieli się bronić przed negatywnie odnoszącymi się do nich mieszkańcami. Wymienia tu pijaków, którzy wymyślali im od „Polaków”. Przytacza również sytuację, w której panna Swinin, u której gościli Lasoccy wraz z doktorem Karolem Brodowskim, zapytała doktora: „Szanowny panie, kiedyż się doczekamy, my Rosjanie, że nas w Polsce tak serdecznie witają, jak my tu was witamy?”; Brodowski odrzekł: „Gdy do nas przybywać będziecie z żandarmami, oznaki naszej sympatii i współczucia będą bez granic”. I dalej, na oburzenie kobiety, i jej wspomnienie, że Brodowski jest z Wołynia przeciw, czyli z Rosji, ten przytomnie odrzekł, że jeden kozak opowiedział mu kiedyś, iż wszystko co stworzył Bóg należy do cara, stąd i zapewne owo wyobrażenie w umysłach Rosjan się wzięło [5, s. 242 – 243].

Po pewnym czasie Lasocki, dzięki szczęśliwemu zbiegowi okoliczności, rozszerzył swoją działalność lekarską na miasto Kostroma. W Galiczu jeszcze złożył podanie o możliwość wyjazdu na Wołyń, w celu odwiedzenia rodziny. Nie mogąc się doczekać odpowiedzi wyjechał do Kostromy. Pobyt jego tam trwał miesiąc. W tym czasie miał mnóstwo pracy, bowiem rozwijająca się epidemia cholery wymagała obecności lekarzy. Lasocki, po pokazaniu się z jak najlepszej strony przez uratowanie jednej z chorych za pomocą morfiny i eteru, rozpoczął swą szeroko zakrojoną działalność, która przyniosła mu zysk rzędu 600 rubli. Po pełnym pracy miesiącu otrzymał on pozwolenie na wyjazd na Wołyń i 31 lipca 1871 roku wyruszył wraz z żoną najpierw statkiem, a następnie koleją. W rodzinnych stronach przebywał przez cztery miesiące, po czym, na zaproszenie miasta Kostroma, by się w nim osiedlić, wyruszył w drogę. Chciał bowiem zgromadzić środki konieczne do pobytu w Warszawie, gdzie zamierzał się osiedlić. W uznaniu zasług lekarskich otrzymał on bowiem ułaskawienie oraz przywrócono mu tytuł szlachecki.

W Kostromie Lasoccy przebywali półtora roku, w czasie którego lekarz spotykał się z różnymi w stosunku do niego reakcjami: od zazdrości i strachu konkurencyjnych lekarzy rosyjskich, aż do przyjaznych i pełnych wdzięczności słów z ust pacjentów. Niekiedy również wytykany był jako ekskatorznik, do którego nie warto udawać się po konsultacje medyczne. Ponadto Lasocki w trakcie swojego pobytu na Syberii nie potrafił zrozumieć, dlaczego ludność

zwraca się po pomoc do lekarzy Polaków lub Niemców, mimo niechęci do tych nacji, a nie do Rosjan. Wyjaśnił mu to członek sądu okręgu kostromskiego, Smolianow: „Nasi lekarze są prawie wszyscy popowicze, a więc synowie chciwych na grosz ojców; badając chorego i zalecając mu radę, nie myślą wcale o chorym i o jego chorobie, ale tylko o honorarium, które mają otrzymać. Wobec tego czyż mogą być na wysokości szczytnego swego powołania? nadto są oni wstrętnei jako ludzie bez żadnego wychowania, niemożebni w dobrem towarzystwie” [5, s. 253 - 254].

Ostatecznie Lasocki opuścił Kostromę gromadząc nie tylko majątek w wysokości 6 000 rubli, ale również wdzięczność i uznanie mieszkańców miasta. Gubernator nawet, dowiedziawszy się, że Lasocki chce wyjechać, zaprosił go na rozmowę, podczas której starał się go przekonać do pozostania. Ten jednak tłumaczył się tęsknotą za ojczyzną. Postawił więc na swoim i w czerwcu 1873 roku opuścił Kostromę i udał się do Warszawy, jego żona natomiast tymczasowo na Wołyń.

Spis Literatury:

1. *Janik, M.* Dzieje Polaków na Syberji : z 23 ilustracjami / Michał Janik ; [posł. napisali Antoni Kuczyński i Zbigniew Wójcik]. Wrocław : Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1991. 472 s.

2. *Lasocki, W.* Wspomnienia z mojego życia. T. 1, W Kraju / Waclaw Lasocki ; przyg. do dr. Michał Janik i Feliks Kopera. Kraków : nakł. Gminy Stoł. Król. Miasta Krakowa, 1934. 362 s.

3. *Jubileusz* dobrze zasłużonego // Tygodnik Ilustrowany. 1909. № 28. S. 564.

4. *Supady, J.* Waclaw Lasocki (1837 – 1921) – życie w Polsce i na Syberii / Jerzy Supady // Polskie Archiwum Medycyny Wewnętrznej 2007. T. 117. № 11/12. S. 528 – 529 [Źródło elektroniczne] URL : [http : //www.pamw.pl/sites/default/files/pamw_11-12_supady_lasocki_hist.pdf](http://www.pamw.pl/sites/default/files/pamw_11-12_supady_lasocki_hist.pdf) (dostęp 09.05.2015).

5. *Lasocki, W.* Wspomnienia z mojego życia. T. 2. Na Syberji / Waclaw Lasocki ; przyg. do dr. Michał Janik i Feliks Kopera. Kraków : nakł. Gminy Stoł. Król. Miasta Krakowa, 1934. 362 s.

L. Wolczyk

Waclaw Lasocki on the siberian exile

Summary: The article focuses on the fate of the doctor Wiaclaw Lasocki during his journey from Volyn to Irkutsk in the years 1863 - 1865, his stay in Usole and its activities in the local province. Lasocki, a participant of the January Uprising, was captured by the peasants authorities and he was sentenced to death, but the sentence was commuted to 10 years hard labor in the salt works in the province of Irkutsk, and then, in 1866, that judgment was again converted, this time to settle. His diary is an interesting study, describing in one hand, the fate of Poles on their way to exile, as well as already in place, to which they were destined, on the other hand there are many references in the polish – russian relations, in particular with regard to the relationship prisoners - head and settler - authorities.

Key words: Waclaw Lasocki, polish exiles, polish doctors, polish - russian relations.

The Jan Kochanowski University (Żeromskiego St. 5, 25-369 Kielce; tel: +48 41 349 73 06; e-mail: instytut.historii@ujk.edu.pl)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ В СИБИРИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ АРХИВ» В 1860–1870-Е ГОДЫ

Аннотация: Исследование направлено на определение представлений о политической ссылке поляков в Сибирь на страницах журнала «Русский архив» в 1860 – 1870-е гг., умеренно-либеральный период деятельности журнала. Изучение материалов историко-литературного журнала позволяет углубить основные характеристики и представления о политической ссылке в Российской империи XIX в., сложившиеся в работах отечественных исследователей. Наиболее информативными в этом отношении являются тексты воспоминаний ссыльных и современников, статьи историков на основе делопроизводственной документации о политической ссылке, публикуемые на страницах журнала. Применение источниковедческого и дискурсного анализа текстов журнала позволили выявить и охарактеризовать политическую и социальную составляющие политической ссылки поляков в Сибирь XIX в. Основные сюжеты, составляющие представление о ссылке на страницах журнала касаются высылки декабристов, польских повстанцев 1830-х и 1860-х гг., противников русской армии в годы Отечественной войны 1812 г. Анализ материалов публикаций позволяет детализировать: сущность карательной системы и института ссылки в России, механизмы ее использования в отношении политически неблагонадежных правительству людей; основные проблемы организации ссылки как составной части системы наказаний в империи; сюжеты о причинно-следственных связях назревания польского вопроса и ссылки поляков в XIX в. Обсуждение темы политической ссылки на страницах журнала свидетельствовало об актуализации проблем ссылки и ее общественно-политическом значении во второй половине XIX в.

Ключевые слова: политическая ссылка, поляки, представления, журнал «Русский архив», дискурсный анализ

Введение

Истории польской политической ссылки в Сибирь посвящено множество отечественных и зарубежных исследований, которые затрагивают отдельные ее аспекты и основаны на различных источниках. Однако материалы журнала «Русский архив» при этом использовались авторами либо эпизодически, либо при изучении отдельных проблем из истории России XVIII и XIX вв. [1]. Актуальность изучения темы по материалам историко-литературного журнала «Русский архив» связана с публикацией на его страницах широкого комплекса источников, ранее не издававшихся. Также благодаря деятельности создателя и редактора журнала – историка П. И. Бартенева, – «Русский архив» не только играл важную роль в развитии русской исторической публицистики, но и по числу опубликованных источников стоял на первом месте среди русских исторических журналов [2].

Объекты и методы

Цель исследования – определить представление о политической ссылке поляков в Сибирь на страницах журнала «Русский архив» в 1860–870-е гг. В ходе исследования применялись методы: источниковедческого анализа, проблемно-хронологический, историко-сравнительный и т.п. Основным методом исследования является дискурсный анализ, апробированный историками в ходе изучения образов реальности в русской журнальной прессе [3]. В ходе исследования особое внимание нами уделено изучению предмета сообщения (материалов статей), что в большей степени позволяет составить представление о политической ссылке на страницах журнала.

В ходе проведения исследования были фронтально просмотрены годовые комплекты ежемесячника «Русский архив» за 1863–1917-е гг. (годы издания журнала). Выявленные публикации содержат как эпизодические сведения о ссылке в статьях по истории России XVIII и XIX вв., так и более подробную информацию в специальных публикациях о политической ссылке данного периода. В данной статье остановимся на анализе специальных публикаций журнала 1860–1870-х гг., касающихся политической ссылки в целом, которые информативны и при формировании представлений о ссылке поляков в Сибирь XIX в. Мировоззренческие основы журнала были близки к умеренно-либеральному направлению, а с 1880-х гг. наблюдался постепенный переход к консерватизму, что сказалось и на описании сюжетов о политической ссылке.

Результаты исследований

Основные жанры публикаций, в которых есть упоминания о ссылке: научно-популярные статьи и историко-юридические очерки по истории Сибири и ссылки, рецензии на книги о ссылке, историографические очерки, рассказы современников о ссылке, записки о пребывании в ссылке. По тематике публикаций, где есть упоминания о политической ссылке в целом и поляков в частности, наибольшее их число посвящено истории России XIX в. Особое внимание авторов на страницах журнала уделялось наказанию декабристов. Это связано с тем, что история декабризма, по мнению Е. Б. Васильевой, была одной из популярнейших тем для отраслевых исторических изданий [1, с. 12], а также с повышенным общественным интересом к истории декабристского движения. В большинстве изученных публикаций журнала встречаются эпизодические упоминания о ссылках поляках (повстанцах 1830-х гг. и 1860-х гг.) и других иностранцах первой половины XIX в. (французах, немцах, евреях и др. – противниках России и государственной власти в годы Отечественной войны 1812 г.). Однако ежегодно на страницах журнала появлялись публикации о Польше, нарастании польского противостояния, недовольстве политикой русского правительства в отношении данной территории в составе Российской империи. Тем самым формировалось представление о постепенном назревании польского вопроса, чему способствовала и политика русского правительства.

По содержанию и информативным возможностям статьи абсолютно разные, но, как правило, не противоречащие друг другу, а наоборот, дополняющие по различным аспектам политической ссылки. Наиболее содержательные сведения о политической ссылке содержат воспоминания самих ссылных, которые колоритно описывают характеристики и этапы ссылки. Следует отметить, что в содержании отдельных статей авторами не использовались понятия «ссылка» и «ссылные», поэтому в ходе анализа публикаций по формированию представлений о ссылке на страницах журнала целесообразно соотносить их с такими понятиями, как: «ссылка» – «наказание», «ссылные» – «изгнанники». Следует отметить, что в отдельных публикациях журнала о польских ссылных изучаемого периода, авторы используют следующие обороты: «ссылка Поляков», «ссылные Поляки», «Поляки ссылные», причем слово «Поляки» всегда обозначается с заглавной буквы, что характерно для умеренно-либерального периода деятельности журнала.

Изученные материалы журнала 1860–1870-х гг. относительно предмета исследования можно условно классифицировать на следующие группы:

1. Публикации, посвященные истории Польши и восстаний, которые происходили на ее территории в XVIII–IX вв. Данные статьи были направлены на выявление причинно-следственных связей нарастания польского вопроса, показывали постепенное назревание проблемы уже с XVIII в., что в последующем вылилось в восстания 1830-х и 1860-х гг., череде заговоров данного периода и как результат – в ссылке польских повстанцев в Сибирь.

2. Публикации, посвященные политической ссылке в России XIX в., где ссылные поляки упоминаются наряду с другими изгнанниками (декабристами, иностранными про-

тивниками и т.п.). Данные публикации позволяют формировать представление об институте ссылки, политической и социальной составляющей политической ссылки поляков.

Среди публикаций первой группы следует отметить следующие. В 1865 г. были опубликованы бумаги Потемкинского секретаря В. С. Попова в частности «Две политические записки о Польше 1815 г.». Данные материалы свидетельствовали о том, что следствием включения Королевства Польского в состав Российской империи «станет возрождение ненависти, соперничества, междоусобиц» [4, с. 242]. Тем самым, на страницах журнала формировалось представление о том, что события в Польше 1830-х и 1860-х гг. имели глубокие исторические корни, и события начала XIX в. только могли активизировать восстание поляков. Данную мысль подтверждают и последующие статьи журнала.

В 1866 г. были опубликованы материалы сочинений Э. Германа о царствовании Анны Иоанновны. В сюжете о возведении на Польском престоле Августа III отмечалось, что в 1730-е гг. цель русского правительства заключалась в усилении своего могущества в Польше, «в этом обширном и вольном королевстве» [5, с. 29].

В другой статье отмечалось, что сатира Тарговицкой Конфедерации (1792–1793 гг.) была направлена «уже прямо против Русской императрицы» [6, с. 585]. Все это свидетельствовало о тех исторических предпосылках, которые впоследствии нашли отражение в череде польских восстаний.

В 1870 г. в нескольких выпусках журнала были опубликованы записки Н. В. Берга о польских восстаниях с 1830-х и 1860-х гг. В первой публикации очень подробно рассматриваются причины и предпосылки, основные события польского восстания 1830-х гг. Автором отмечалось, что «много народу снова пошло в Сибирь и в арестантские роты» [7, с. 268]. Среди сосланных было «даже 9-ть женщин... Ева Фелинская, мать прославленного последним восстанием архиепископа» [7, с. 268]. Материалы статьи лишь подтверждают сведения о том, что поляков уже ссылали в сибирский край ранее, однако ссылка данного периода была еще более жесткой. Эту мысль подтверждают опубликованные в этом же году материалы воспоминаний декабриста И. И. Сухинова, в которых отмечался произвол властей в ходе расправы над преступниками. Автор упоминает о ссылке Мозалевского, Птицына, Соловьева, которых привезли в Нерчинский завод и посадили в казарму [8, с. 926]. В статье достаточно подробно описываются все жестокости в ходе экзекуции преступников, показывается суровость их содержания и т.п.

В другой статье журнала были опубликованы записки Н. В. Берга о последнем польском восстании 1856–1861 гг., где также подробно рассматриваются его причины, основные события и итоги. Среди предпосылок автором отмечается активная деятельность обществ – «артистов», число которых «значительно увеличилось после амнистии 1857 г., когда из Сибири вернулось множество воспитанников прежних и новых революционных теорий» [9, с. 1849]. Среди поляков активистов автор называет Яна Куржина-Пельшевского, Владислава Ясневского, Эдуарда Лисикевича, Лаурисевича и др. Всю деятельность кружков и обществ поляков, как в самой Польше, так и поляков в российских университетах конца 1850-х гг. автор называет «искрами», которые в последующем вспыхнули в начале 1860-х гг. Относительно ссылки поляков в статье практически нет упоминаний, только эпизодические упоминания об арестах активистов, которых «сажали в крепость» [9, с. 1857]. Материалы данной публикации показывают взаимосвязь двух польских восстаний, свидетельствуют об активной деятельности участников тайных обществ не только на территории Польши, но и в центральной России.

В 1867 г. была опубликована статья И. С. Ульянова «Заметки о Польском восстании 1830 г.», которая больше напоминает рецензию на книгу «История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг.» Ф. Смита. Автор отмечает, что в книге события в Польше 1830 и 1831 гг. «описываются подробно и обстоятельно» [10, с. 695]. В контексте изучаемой темы данная статья больше интересна как публикация, которая позволяет выявить

причины ссылки поляков – участников данного восстания – «войско поднято во имя национальных интересов» [10, с. 711].

В 1873 г. в очередных записках И. В. Берга говорилось о польских событиях 1860-х гг. Описывая само восстание, автор отмечает о суждениях, которые ходили среди повстанцев в конце восстания: «затурять тебя теперь в Сибирь, не то запакуют в каземат отдаленной крепости, и погаснешь там глупо, как свеча» [11, с. 1312]. Также в статье упоминалось о казни Рылля и Ржевца [11, с. 1317].

Заключительные сюжеты восстания 1830-х гг. представлены в воспоминаниях графини А. Д. Блудовой, в которых опубликован манифест об усмирении мятежа и соответствующий приказ императора Николая армии. Данные материалы в очередной раз формировали представление о действиях правительства против неугодных, их «усмирении» [12, с. 142].

Таким образом, выделенная нами первая группа публикаций журнала «Русский архив» формировала представления о постепенном назревании и усилении польского противостояния русскому правительству, что вылилось в события восстаний 1830-х и 1860-х гг. Данная мысль была преобладающей, относительно причин выступления поляков в данный период и их последующего наказания и высылки в сибирский край.

Публикации второй группы, выделенной нами классификации, более интересны и информативны с точки зрения формирования политической и социальной составляющей политической ссылки поляков XIX в.

Одной из первых публикаций журнала, посвященных политической ссылке в Сибирь, является статья о ссылке графа Санти в Сибирь в 1727 г. Несмотря на то, что в статье нет упоминаний о ссыльных поляках, она интересна с точки зрения формирования представлений об институте политической ссылки в Сибирь XVIII в. Материалы статьи свидетельствовали о том, что отдаленный сибирский край был местом ссылки для разных категорий ссыльных, разной социальной принадлежности, в том числе и представителей высших сословий. Среди мест ссылки рассматривались более отдаленные места Сибири – Якутский острог, Иркутск и т.п. [13, с. 273]. Данная публикация появилась в 1866 г., когда активно происходила высылка польских повстанцев 1863 г., среди которых было много дворян, людей образованных, которые попали в ссылку отдаленные уголки Сибири.

Материалы исторического очерка «Русские пытки» (по материалам книги академика Устрялова об эпохе царевича Алексея Петровича) формировали представление о системе наказания в России XVII–XIX вв., в частности о применяемых в отношении арестантов и преступников пыток. В публикации приводятся доказательства из разных источников не только о широком распространении пыток, но и всех нюансах их применения. Отмечается, что пытки применялись с «неслыханной жестокостью» в отношении преступников и подозреваемых, которые «сидели в тюрьмах, или в сибирских при застенках, или в острогах» [13, с. 1155]. Поэтому материалы статьи позволяют формировать представление о системе наказания в России, под которую попадали все неугодные власти, в том числе и польские повстанцы. Так, из очерка узнаем, что «места заключения назывались в старину порубами, погребями, ямами, каменным мешком, где нельзя ни есть, ни лечь, где часто узники томились и даже умирали от голода и холода...» [14, с. 1156]. Все это рассматривалось как необходимое условие для исправления преступников.

В записках Е. Ф. Комаровского отмечалось об организации расследования по делу декабристов, о наказании всех преступников [15, с. 1276]. Показывалась вся организация процесса расследования дела декабристов, вся тщательность мероприятия, этапы деятельности Комиссии по расследованию и т.п. Тем самым прослеживалась мысль о том, что наказанию (аресту и ссылке) подвергаются не случайные люди, а преступники, виновники, явные противники власти, которые должны быть наказаны. Появление данной

статьи является не случайным особенно в эпоху массовой политической ссылки польских повстанцев 1860-х гг. Данные рассуждения подтверждаются и последующими статьями.

В заметке о сосланном в Сибирь стихотворце Мещевском в 1817 г. отмечалось, что в «этот год когда стали выступать, явным образом возмущившие против веры и правительства» [16, с. 939].

Опубликованные на страницах журнала в 1868 г. письма М. М. Сперанского к его дочери Елизавете Михайловне (более 100) из Сибири интересны с точки зрения формирования представлений о сибирском крае как месте ссылки политических преступников первой половины XIX в. В частности, М. М. Сперанский отмечал, что «Сибирь есть просто Сибирь... прекрасное мест для ссылочных... но не место для жизни и высшего гражданского образования» [17, с. 1684]. Тем самым прослеживалась мысль о том, что в начале XIX в. территория сибирского края в основном была заселена ссыльными, образованных людей здесь не хватало, край нуждался в просветительской деятельности. Данная мысль кажется не случайной, поскольку к моменту выхода статьи многие польские ссыльные в сибирском изгнании нашли себе занятие. Несмотря на существующие запреты, представители высших сословий в основном и занимались образованием местных людей, просветительской деятельностью и другими видами деятельности, и вносили значительный вклад в развитие региона.

В 1870 г. на страницах журнала были опубликованы записки декабриста Якушкина. Автор подробно описывает свою жизнь в период заключения. Материалы заметок позволяют выявить основные характеристики политической ссылки первой половины XIX в.: вынесение приговора и определение вида наказания и ссылки (Верховным Уголовным судом – декабристам, военной комиссией – полякам); особенности различных видов ссылки и наказаний: арест и пребывание в Петропавловской крепости, казнь некоторых преступников, каторжные работы и поселение в Сибирь; особенности организации и транспортировки до Сибири: годы, пункты переезда, условия пребывания на пересыльных пунктах и переезда на разных этапах (верхом, «пеший ход», «плавание» и т.п.); особенности надзора на разных этапах ссылки (в крепости, в ходе транспортировки, на поселении и каторге); разные характеристики «начальников» и их отношение к ссыльным; перемещения в годы ссылки в результате различных помилований (годы, населенные пункты); сроки ссылки. Также анализ статьи позволяет выявить основные проблемы организации политической ссылки. В большей степени они были связаны с началом массовой политической ссылки первой половины XIX в., нарушениями и злоупотреблениями «начальников» на разных этапах транспортировки арестантов. Например, автор отмечал, что «фельдъегери имели полную возможность обогатиться, перевоза государственных преступников в Сибирь» [18, с. 1582]. В основном данные характеристики касались организационно-правовых аспектов политической ссылки.

Кроме того, по материалам статьи И. Д. Якушкина можно выявить социальные характеристики политической ссылки: представления заключенных о Сибири, местных жителей и о будущей ссылке; социально-психологический портрет ссыльных: (отдельные имена и фамилии, возраст, бывшие звания и должности), принадлежность к тайным обществам и политические взгляды, внешний образ, занятия и деятельность в период ссылки, характер взаимоотношений между ссыльными декабристами и другими изгнанниками, отношение местных жителей Сибири к ссыльным. Также в записках отмечалось о некоторых социальных характеристиках политических ссыльных поляках и причинах их высылки. Например, ссыльный поляк Рукевич принадлежал к тайному обществу в г. Вильно, Сосинович судился в г. Гродно по делу Воловича и других эмигрантов [18, с. 1601, 1625]. Материалы записок позволяют сформировать представление и о самом авторе (ссыльном декабристе). Несмотря на то, что автор сам прошел через все испытания различных видов наказаний и ссылки (содержание в крепости, каторгу и поселение), тем

не менее, в своих записках он не омрачает представленный материал негативной или отрицательной характеристикой. Даже в итоге он писал, что «во все время нашего заключения в Чите и в Петровском, у нас умер один только Пестов... Образ нашего существования очевидно был причиной такой малой смертности между нами...» [18, с. 1629].

После записок И. Д. Якушкина в журнале опубликована своего рода рецензия на данную публикацию. Статья П. Н. Свистунова представляет собой с одной стороны историографический очерк об исследованиях декабристской тематики и их ссылке, а с другой стороны, – рецензию на воспоминания декабриста и описание его биографии. Автор положительно отзывается о записках Якушкина: «зная его добросовестность, можно за то поручиться» [19, с. 1663]. Материалы статьи позволяют дополнить характеристики политического ссыльного первой половины XIX в., прежде всего, о его деятельности на поселении. Например, несмотря на запреты в Тобольской гимназии ссыльный занимался обучением детей [19, с. 1661]. Данный эпизод характерен не только для ссылки декабристов, но и для политических ссыльных поляков, образованных людей, которые достаточно активно занимались образованием и просвещением в сибирском изгнании.

В 1871 г. были опубликованы материалы по поводу записок И. Д. Якушкина и статья о них П. Н. Свистунова, в которых лишь упоминается о знакомстве автора с поляками в сибирском изгнании [20, с. 322].

Таким образом, публикации второй группы формировали представление о политической и социальной составляющей политической ссылки поляков в Сибирь. Прежде всего, об условиях и видах наказания, местах ссылки, деятельности изгнанников.

Заключение

Анализ публикаций по истории политической ссылки поляков в Сибирь на страницах журнала «Русский архив» 1860–1870-х гг. показал, что ссылка рассматривалась авторами как карательный орган власти и составная часть всей системы наказаний в Российской империи. Политическая ссылка представлялась как отдельный вид наказания за политическую неблагонадежность. Основные ее причины: участие в восстании декабристов 1825 г., польских восстаниях первой половины XIX в., пособничество армии французов в 1812 г. Авторов в большей степени интересовала тема наказания и ссылки декабристов, начиная с 1826 г. Несмотря на то, что XIX в. – эпоха массовой политической ссылки в Сибирь польских повстанцев, народников и других политических преступников, тем не менее, эти аспекты отражены не достаточно полно в публикациях. Авторы, как правило, отмечали о следующих местах и видах политической ссылки: Кавказ (на службу), Западная Сибирь (поселение, жительство), Восточная Сибирь (каторга), Оренбургский край (поселение). Различные виды наказаний политических ссыльных рассматривались либо как отдельные виды ссылки (например, изгнание на службу на Кавказ), либо как один из ее этапов (арест, пребывание в крепости до и после вынесения приговора и т.п.) до отправления в Сибирь. Это можно объяснить тем, что ссыльные в период наказания могли проходить через разные виды испытаний. Например, первоначально они могли находиться в крепости, а затем быть отправлены на службу на Кавказ или поселение в Сибирь и т.п. Поэтому материалы статей позволяют проследить взаимосвязь различных видов ссылки с территорией изгнания.

В публикациях авторы не использовали понятий «политическая ссылка», «польская ссылка», хотя еще во второй четверти XIX в. они были широко распространены в законодательстве и официальной делопроизводственной документации России. В основном характеризуя политических ссыльных XIX в., авторы статей оперируют такими понятиями, как «государственные преступники», «осужденные», «изгнанники», «каторжные». По материалам статей можно говорить о существовании определенного деления ссыльных (преступников) на разряды и чины (кто отправлялся служить). В связи с мировоззренческой направленностью и спецификой деятельности журнала «Русский архив», проблемы

ссылки и системы наказаний на его страницах лишь вскрывались (характеризовались) без особого видения путей их преобразования. В описании сюжетов ссылки в 1860–1870-е гг. преобладало умеренно-либеральное направление.

Материалы статей позволяют выявить и охарактеризовать политическую и социальную составляющие представлений о политической ссылке поляков на страницах журнала, что свидетельствовало об актуализации проблем ссылки и их общественно-политическом значении во второй половине XIX – начале XX вв. Особая роль при этом принадлежала источникам личного происхождения и делопроизводственной документации, которые публиковались на страницах журнала.

Список литературы:

1. *Васильева, Е. Б.* Образ декабриста в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начале XX вв. / Е. Б. Васильева. Автореф дис к-та. ист. наук. Омск, 2008. 42 с.
2. *Руниверс* : электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL : <http://www.runivers.ru> (дата обращения : 10.05.2015 г.).
3. *Родигина, Н. Н.* Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. / Н. Н. Родигина. Автореф дис д-ра. ист. наук. Омск, 2006. 38 с.
4. *Из бумаг* Потемкинского секретаря В. С. Попова. Две политические записки о Польше 1815 г. // Русский архив. 1865. Вып. 2. С. 226–242.
5. *Царствование* Анны Иоанновны. Из Э. Германа; пер. с нем. С. В. Флерова // Русский архив. 1866. Вып. 2. С. 2–38.
6. *Образы* политической сатиры в Польше в эпоху падений. С предисловием Д. И. Иловайского // Русский архив. 1869. Вып. 3. С. 584–588.
7. *Записки* Н. В. Берга о польских восстаниях с 1831 года // Русский архив. 1870. Вып. 1. С. 202–268.
8. *Сушинов, И. И.* (один из Декабристов) / И. И. Сушинов // Русский архив. 1870. Вып. 4. С. 924–932.
9. *Из записок* Н. В. Берга о последнем Польском восстании 1856–1861 гг. // Русский архив. 1870. Вып. 10. С. 1811–1928.
10. *Ульянов, И. С.* Заметки о Польском восстании 1830 г. / И. С. Ульянов // Русский архив. 1867. Вып. 5. С. 402–409.
11. *Из записок* Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях // Русский архив. 1873. Вып. 7. С. 1222–1318.
12. *Воспоминания* графини А. Д. Блудовой // Русский архив. 1875. Вып. 2. С. 129–143.
13. *Ссылка* графа Санти // Русский архив. 1866. Вып. 3. С. 273–284.
14. *Русские* пытки. Исторический очерк // Русский архив. 1867. Вып. 7. С. 1139–1167.
15. *Из записок* гр. Е. Ф. Комаровского // Русский архив. 1867. Вып. 9. С. 1276–1330.
16. *Заметка* о сосланном в Сибирь стихотворце Мещевском // Русский архив. 1868. Вып. 6. С. 938–939.
17. *Письма* М. М. Сперанского к его дочери, Елизавете Михайловне, с дороги в Сибирь, из Сибири и с возвратного оттуда пути 1819 и 1820 г. // Русский архив. 1868. Вып. 11. С. 1681–1811.
18. *Из записок* декабриста Якушкина // Русский архив. 1870. № VIII–IX. С. 1566–1633.
19. *Свистунов, П. Н.* Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии 14 декабря и о декабристах / П. Н. Свистунов // Русский архив. 1870. № VIII–IX. С. 1633–1668.
20. *По поводу* записок И. Д. Якушкина и статья о них П. Н. Свистунова // Русский архив. 1871. Вып. 2. С. 189–356.

S. G. Pyatkova

**Concept of Siberia the exiled Polish in the magazine «Russian Archive»
in 1860–1870-ies**

The study aims to determine the perceptions of political exile of Poles to Siberia in the magazine «Russian Archives» in 1860–1870's, a moderately liberal period of the magazine. The study material of historical and literary magazine allows to deepen the basic characteristics and perceptions of political exile in the Russian Empire of the XIX century, developed in the works of Russian researchers. The most informative in this regard are the texts of the memories of exiles and contemporaries, to become a historian based record keeping documentation of political exile, published in the magazine. The use of source texts and discourse analysis revealed the magazine and characterize the political and social components of the political exile of Poles to Siberia in XIX. The main subjects that make up the idea of links to the pages of the magazine refer to the expulsion of the Decembrists, Polish insurgents 1830s and 1860s., Opponents of the Russian army during World War II in 1812 Content Analysis of materials allows to detail: the nature of the system and institute punitive exile in Russia mechanisms of its use in relation to the Government politically unreliable people; the main problem of organizing references as part of the penal system in the Empire; stories about cause-and-effect relationships maturing of the Polish question and links Poles in the XIX century. Discussion of the topic of political exile in the magazine was evidence of links mainstreaming and its social and political significance in the second half of the XIX century.

Key words: political exile, Poles, views, the magazine «Russian Archive», discourse analysis.

Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia, 628417, Surgut, ul. 50 years of the Komsomol, 10/2; e-mail: sgpyatkova@mail.ru)

УДК 070.15:32.019.51

И. В. Чернова

**ОБРАЗ ПОЛЯКА В СИБИРСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.**

Аннотация: В статье анализируются варианты конструирования образа поляка в текстах, опубликованных в сибирских периодических изданиях, таких как «Епархиальные ведомости», «Губернские ведомости», «Ежегодники» и «Восточное обозрение» с приложениями. Указанные тексты созданы людьми, относящимися к разным социальным слоям, что позволяет выстроить многомерную картину существующих взглядов и стереотипов. Кроме того, автор статьи обращается к смежной проблематике «церковного краеведения», проводя анализ в трех плоскостях: поляки и Сибирь / сибиряки, поляки и католики и поляки / переселенцы. Проведенное исследование показывает, насколько велико было влияние проводимой пропаганды, а также какие социальные слои она затронула. Кроме того, проиллюстрированы отличия, существовавшие в проблематике и используемых источниках в западно- и восточносибирских изданиях.

Ключевые слова: поляки, Сибирь, конструирование образа, сибирские периодические издания

Изучение этнических стереотипов актуально на протяжении длительного времени. Не обошло стороной данное направление и исследователей сибирской полонии. К настоящему времени создано немало работ, посвященных отражению образов поляков в художественных, научных и публицистических текстах [1; 2; 3; 4; 5 и др.]. Вполне закономерно, что активное формирование «образа поляка» началось под воздействием событий 1830–1864 гг.

Основным источником данной работы стали публикации в сибирских периодических изданиях конца XIX – начала XX вв., так или иначе связанные с польской тематикой. В частности использовались енисейские, омские и тобольские «епархиальные ведомости», рисующие образ «поляка-католика». Для более полного отображения материала привлекались и архивные источники, например, отчеты о состоянии дел в приходах на территории Тобольской губернии, относящиеся к 1910-1911 гг. [РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 42. Л. 17–18 об.; Ф. 826. Оп. 3. Д. 43. Л. 199–204, 250, 250 об., 254, 254 об.]. Кроме того, важным источником конструирования образа поляка стали томские, тобольские и иркутские «губернские ведомости», начало издания которых хронологически почти совпало с польскими волнениями XIX в. Они дают возможность проследить официальную версию трактовки «образа поляка», тогда как неофициальный вариант представлений о поляках и о Сибири демонстрирует нам газета «Восточное обозрение» и «Ежегодник Тобольского губернского музея». В качестве дополнительного источника мы привлекали и материалы из журнала «Сибирские вопросы». Не смотря на то, что он издавался в Санкт-Петербурге, этот журнал был тесно связан с «Восточным обозрением» и сибирской проблематикой. Для данного исследования были отобраны публикации, в которых написано про поляков, хотя, довольно часто встречаются указания на «политических ссыльных», «повстанцев» и т. п. Такого рода работы были использованы в качестве дополнительных материалов. Отметим также, что мы исключили из аналитической части новостные заметки о происшествиях, т. к. в большинстве случаев в них указана фамилия и социальное положение отдельных лиц, однако, четко идентифицировать их носителей как поляков не представляется возможным.

В ходе проведенного анализа выяснилось, что наиболее содержательные и развернутые материалы, касающиеся поляков, публиковались в 1880–1890-х гг., а также после 1908 гг. Диспропорция в распределении материалов может быть обусловлена важными факторами. Среди них: в общественно-политической сфере – амнистия 1883 г. и возвращение к обсуждению «польского вопроса» для укрепления российских интересов в Западном крае [6, с. 213–230]. В религиозной жизни – получение разрешения возведение каменного костела в Тобольске в 1893 г. ксендзом Викентием Пржесмыцким. Костел строился он на пожертвования прихожан – участников Польского восстания, сосланных в Тобольск, и их потомков. Следует также отметить и учреждение в 1910 г. Омского деканата с причислением к нему костелов: Омского, Тобольского, Тюменского, Челябинского, Екатеринбургского, Курганского, Кемеровского, Мариенбургского и Кустанайского со всей Тургайской областью, равно как и строящиеся костелы в Петропавловске, а также всех костелов, которые могли возникнуть в пределах вышеупомянутых приходов. На должность декана в этот период был назначен составивший отчет курат Омского костела ксендз Александр Билякевич [7; 8]. До этого периода информацию о поляках в сибирских периодических изданиях чаще всего можно было встретить в официальных разделах газет и журналов.

Как видно из имеющихся материалов, важным фактором жизни поляка, отразившимся в общественном дискурсе, была религия. В Сибири на рубеже XIX–XX вв. като-

личный костел выполнял, пожалуй, одну из основных функций консолидации и идентификации польской общины. Его представители так же, как и православные священники, проводили огромную работу по исследованию жизни и быта населения своих приходов, фиксируя в своих отчетах описание церквей, отношение прихожан к католическим канонам и ценностям, выражали свое личное отношение к особенностям жизни и быта населения приходов. С другой стороны, именно религиозная принадлежность была важным маркирующим признаком поляков на фоне других групп сибирского населения, именно поэтому на страницах официальных изданий формировался образ «поляка=католика». Между поляком и католиком многие авторы действительно ставили знак равенства: «Как православие в Польше служит символом русской государственности, так католицизм там является символом польской национальности и культуры», – отмечалось в «Тобольских епархиальных ведомостях» [9, с. 312]. Появление этой статьи – отголосок обсуждения законопроекта от 17 апреля 1905 г. «О переходе из одного вероисповедания в другое». Он вернул на страницы официальных, чаще всего епархиальных, изданий, негативный образ поляка, для обозначения которого использовались такие обороты, как «воинствующий католицизм», «религиозный фанатизм и полонофильство со стороны католиков», «иноверцы» и даже «квартиранты» [9]. Трансляция данного образа отражала официальный взгляд на католицизм, рассматриваемый в данный период в качестве антирусской силы, которая «подталкивает поляков-славян к немецкому влиянию» [6, с. 217]. Кроме того, превалирующий образ поляка-католика облегчал идентификацию поляков на фоне других групп, формируя устойчивый стереотип.

Вторая составляющая образа поляка, которой отводится много места на страницах сибирских периодических изданий – это роль переселенца, который адаптируется к сибирским условиям и взаимодействует с окружающими группами (сибирскими старожилами, переселенцами из других районов и т. п.). Здесь мы можем наблюдать те трансформации, которые происходят с поляками в Сибири.

Именно Сибирь становится фактором, который раз и навсегда изменяет жизнь польского населения. Общим местом большинства публикаций становятся ужасные, нечеловеческие сибирские условия, в которых вынуждены выстраивать свою жизнь все группы переселенцев, в том числе и поляки. Эти взгляды транслируются не только в периодической печати, но и встречаются, например, в отчетных документах, характеризующих жизнь прихожан в деканатах. В этой связи, пожалуй, уместно будет привести выдержку из отчета курата Омского костела Александра Билякевича, с точки зрения которого уже сам факт проживания в Сибири может служить оправданием пороков, распространенных среди католиков: «Jeżeli zauważymy na warunki klimatyczne i życiowe mieszkańców Omskiego Dekanatu, to występki tutejszych katolików zasługują na litość i przebaczenie. Do kościoła trzeba przebywać sotki wiorst, kapłan ledwie co kilka lat może odwiedzić swe owce w nieznanym sobie zakątkach» [РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 42. Л. 17 об.].

Отметим, что подобные оценки негативного влияния географических условий на переселенческое сообщество в Сибири касаются не только католиков, но нередко встречаются и на страницах местных официальных епархиальных изданий, освещающих жизнь православных прихожан. Симпатии некоторых местных православных пастырей также находятся на стороне Европы, обозначаемой ими как «Россия» (включали они туда также и Малороссию). Яркий образ этой «России», переселенцы из которой несут благие изменения в Сибирь, рисует в своей статье И. Голошубин: «... эти выходцы из России возросшие вблизи множества раков святых угодников, прославляемых св. Церковью, всегда находились там под благотворным влиянием той местности, которую можно называть центром русских святынь, центром подвижничества целого сонма русских праведников» [10, с. 31].

Этот образ важен для характеристики вопроса освоения сибирских окраин. Может быть именно поэтому он широко используется в таком околообластническом издании, как «Сибирские вопросы». В 1908 г. здесь был опубликован очерк А. Букейханова, где в рамках характеристики хозяйства переселенцев в тарских урманах, приводилось также и подробное описание хозяйственного быта поляков. Поляки предстают перед нами в роли земледельцев, которые, с одной стороны, эффективно ведут свое хозяйство, а с другой, – вынуждены приспосабливаться к суровым сибирским условиям. «В старом поселке Гриневичи, заселенном, впрочем, поляками, пашня разбита на три поля: яровое, паровое и ржаное <...> Урманые переселенцы питаются, главным образом рожью и картофелем. Он редко страдает от частых здесь, уже в самом начале августа, заморозков и дает хорошие урожаи» [11, с. 3]. Кроме того, в своем повествовании автор указывает на сохранение поляками традиционного уклада, параллельно отграничивая их от массы «великорусского», «российского» населения: «хуторами поселились подворники на родине: эсты, латыши прибалтийских и белорусы и поляки юго-западных губерний» [11, с. 3]. Чтобы усилить позитивный образ хуторянина-переселенца автор возвращается к нему неоднократно на протяжении всего повествования: «Пашни подворников, разработанные тщательно, совершенно лишены деревьев и пней и занимают сплошную расчищенную площадь <...> Кажется, что эсты, латыши, немцы и поляки принесли с родины старые культурные навыки и здесь, в урмане, получив земли в подворное владение, стараются поддержать его репутацию как такового, везде превосходного пред общинным землевладением» [12, с. 7–8].

Подобный образ рождается, как нам кажется, на фоне нескольких факторов. Так, в рамках поддержки проводимых государственных реформ поляки с их склонность к ведению не общинного хозяйства оказываются вполне к месту. Ведь чуть ранее, в 1890-е гг. образ поляка – отличного хозяина, подвергался критике в официальных периодических изданиях: «... не сибиряки перенимают у переселенцев земледельческие обычаи, а наоборот ...», – указывает автор одной из заметок на страницах «Тобольских губернских ведомостей». Далее он уравнивает положение поляка в Сибири с жизненными реалиями сибирского крестьянина: «Правительство давало полякам наделы наравне с местными крестьянами и облагало одинаковыми податями, – и поляки эти живут совершенно одинаково с нашими крестьянами» [13, с. 738].

Кроме того, авторы, напрямую не дифференцируя структуру группы переселенцев-поляков, показывают нам две разные группы польского населения: участников событий 1830–1860-х гг., относящихся к привилегированным социальным группам и старающимся осесть в городах и ближайших пригородах, и крестьянский слой переселенцев, адаптировавшим свой быт и хозяйство к сибирским условиям.

Отметим также, что в риторике официальных публикаций обнаруживается некая двойственность при оценке роли польского населения в развитии сибирского региона. С одной стороны, указывается на то, что «... в торговле поляки действительно оказали некоторые услуги, познакомя сибиряков с варшавскими товарами. Во всяком случае никакого особенного добра поляки Сибири не принесли», а с другой, в этом же номере помещены выдержки из биографии А. И. Деспот-Зеновича, ярко иллюстрирующие его огромный вклад в развитие Сибири [14]. Особенно большое внимание здесь уделено влиянию семьи на формирование личности Александра Ивановича: «вынеся из домашнего очага задатки возвышенных и благородных чувств ..., – пишет автор, – А. И. мог развить те благородные черты своего характера, которые в нем остались на всю жизнь: прямота, гуманность и неутомимая работа с осознанием ее пользы» [14].

Важная роль семьи у поляков отмечается вплоть до настоящего времени. Актуальна она была и в исследуемый период. Пожалуй, самой яркой иллюстрацией этого может стать фрагмент из «Писем с пути» В. Л. Дедлова (Кигна), где он делится своими размыш-

лениями о поляках территории Галиции: «В одном можно позавидовать полякам, – восклицает автор, – у них еще сохранилась дворянская помещичья семья, та семья, которая у нас осталась только в романах Тургенева и графа Л. Толстого. По глухим фольваркам еще живы непосредственные натуры, хорошие естественные задатки которых под влиянием крепких традиций обращаются в надежные характеры» [15, с. 8].

Третий важный образ поляка, обусловленный его жизнью в Сибири, – это образ ссыльного. Он конструируется, исходя из разных аспектов. В официальных изданиях наблюдается два полюса этого образа. В назидательных очерках в «Тобольских епархиальных ведомостях» ссыльные в Сибири – это ее неотъемлемый элемент и именно сибирские условия делают их лучше: «Метрополия (т.е. Россия) знала только одно – выделять из себя вредных членов, гражданских или уголовных преступников, и ссылать их в Сибирь. Сибирь принимала *woolens – polens* этих членов и из вредных делала их в значительной степени полезными обитателями своей территории» [16, с. 470].

Однако, в имеющихся публикациях мы видим четкое отграничение уголовных ссыльных от политических. Так как поляки составляют значительную часть последних, остановимся на характеристике представлений о политических ссыльных. На страницах исследуемых нами периодических изданий польские политические ссыльные разделяются на три группы по социальному положению: дворяне, купцы и ксендзы, вошедшие в состав местного общества; интеллигенция, нашедшая свою нишу в городах в сфере образования, медицины и т. п., и «низшее сословие», которые, выражаясь словами И. П. Белоконского: «не выдержало борьбы (с сибирскими условиями) и поплыло по общесибирскому руслу эксплуатации и мошенничества» [17, с. 228]. Представлена в изданиях и общая точка зрения на сибирскую ссылку, в рамках которой упоминаются ссыльные из Царства Польского [18].

В журналах, газетах и сборниках в основном повествуется о первых двух группах, т. к. их представители вели активную общественную жизнь и, по мнению некоторых авторов, должны были положительно влиять на массу сибирского населения. Так, в библиографической заметке П. М. Головачева, основная цель которой – познакомить читателей с опубликованной в 1885 г. книгой Стефана Сомье «Лето в Сибири между остяками, самоедами, татарами, киргизами и башкирами», Петр Михайлович знакомит нас еще и с представлениями путешественника о ссыльных поляках в Тобольской губернии. Приведем несколько отрывков: «... упоминает [Сомье] о ссыльных шведах и поляках, сделавших немало хорошего для города (особенно замечательны Страленберг и Миллер)» [19, с. 172]. И далее он приводит цитату С. Сомье, оценивающего жизнь в Тобольске: «Из совокупности всех условий этого города следует заключить, что жизнь в нем не должна быть очень приятной. Но все-таки там есть общество, состоящее из чиновников, купцов, политических ссыльных, есть клуб, есть «публичный сад» ..., – все это делает из него одно из наиболее приспособленных мест для житья в Сибири» [19, с. 173].

Подобная оценка сближает представления о польских политических ссыльных с образом декабристов. Но сразу оговоримся, что этот образ в основном транслируется областниками, симпатизировавшим идеям автономии, с одной стороны, а с другой – инициировавшим тщательное изучение Сибири. Однако и в их трактовках, идеализированный образ декабристов все же отделялся от образа польских политических ссыльных. В этой связи показателен сюжет, обозначенный в одной из публикаций на страницах «Сибирских вопросов», где автор, рассуждая о роли женщины в Сибири, сравнивает жен декабристов с женами польских ссыльных: «... сибирячки должны были поразиться домашним укладом жен декабристов, их образом жизни, их личностям. Их культурное влияние на сибирскую женщину несомненно. <...> Польская политическая ссылка в 30-х и 60-х гг. имела в этом отношении гораздо меньшее влияние. В 30-х годах польки почти не следовали в изгнание за своими мужьями и отцами; в 60-х годах их количество было го-

раздо более заметным, но все-таки они держались особняком и не сближались так с местным обществом, как жены декабристов. Наконец, польки не отличались таким развитием и образованием, как спутницы сибирской жизни декабристов и смотрели на окружающий мир как на чуждый и враждебный, с которым они если и входили в соприкосновение, то преимущественно как учительницы танцев, музыки, языков» [20, с. 3]. Именно «замкнутость» стала еще одной важной характеристикой в образе поляков в Сибири, которая сопровождает их до настоящего времени.

Отдельный формат публикаций – это научно-исследовательские работы, которые проводились в рамках рассмотрения «польского вопроса» и публиковались на страницах периодических изданий. Наиболее содержательные материалы содержатся в «Ежегоднике Тобольского губернского музея». Они вводят в научный оборот большое количество новых (в основном местных источников), освещающих историю сибирской колонии, а также возвращают к обсуждению вопроса о польских ссыльных в Сибири. Эти статьи демонстрируют востребованность темы польской ссылки в конце XIX – начале XX вв., в то время как информация о поляках – добровольных переселенцах находит отражение лишь в статистических отчетах [21; 22].

Образ поляка-ссыльного коррелируется с официальным представлением о поляках-повстанцах, или, как их именует В. Л. Дедлов (Кигн) в своих письмах «Из далека», «автономных поляках». Он же дает довольно эмоциональную характеристику внешности и нравов поляков в целом: «Правда, все это – поляки, нервные сангвиники» и польского населения Галиции: «К удивлению моему это оказались люди удивительно спокойные и мирные. Народ все небольшой, длиннолицый, слегка курносый, лица спокойные; одеты хорошо» [15, с. 7–8, 13]. К сожалению, на страницах сибирских изданий подобные визуально-эмоциональные характеристики касаются лишь отдельных персонажей из числа высшего чиновничества.

Проведенный анализ показал наличие диспропорции в региональной представленности материалов. Наибольшая часть публикаций о поляках приходится на западносибирские издания, тогда как в Восточной Сибири это в основном новостные заметки и информация о нормативно-правовых актах, принятых на разных уровнях. Подобное территориальное смещение в сторону Западной Сибири, по всей видимости, отражает диспропорции в размещении поляков на территории Сибири, а также обусловлена активным освоением западносибирского региона в исследуемый период, связанным с работой Переселенческого управления и Комитета сибирской железной дороги.

Подводя итоги, отметим, что большая часть публикаций по исследуемой теме была вызвана внутривластными и экономическими факторами. Не смотря на трансляцию официального дискурса, связанного с негативной окраской образа поляков, на страницах околообластных «Сибирских вопросов» и «Томских губернских ведомостей» представлены также более понятные широкому кругу читателей развернутые повествования, иллюстрирующие образ поляка-переселенца. Здесь в числе других переселенческих групп он осваивает сибирские просторы, выбирая для заселения таежные урманы, постепенно облагораживая их принесенными с родины хозяйственными приемами. Авторы данных работ стремятся включить поляков в общесибирский контекст, однако, по большей части, не выходят за рамки хозяйственных вопросов, что можно объяснить обстоятельствами их профессиональной деятельности. Большинство их составляют чиновники, собирающие сведения и занимающиеся вопросами размещения переселенцев.

В качестве основных характеристик поляков в официальных публикациях превалирует образ поляка-католика, держащегося особняком от массы православного и иноязычного населения. Объединяющим началом служит образ поляка-ссыльного, который наравне с переселенцем участвует в сибирской жизни, вступая во взаимодействие с сибиряками и местной администрацией, формируя о сибирском населении «суровое мнение»

[19, с. 174]. К сожалению, мы не можем проследить в полном объеме ареал распространения и читательскую аудиторию исследуемых периодических изданий, чтобы обозначить степень влияния представлений о поляках на общественное мнение. Однако, некоторые публицистические работы данного периода свидетельствуют о востребованности образа поляка-ссылного, наложившего отпечаток на восприятие поляков в целом в XIX – начале XX вв.

Список литературы

1. *Костылев, Ю. С.* Образ поляка в официальных советских текстах // Политическая лингвистика. 2006. № 19. С. 131–149.
2. *Рыкунина, Ю. А.* Поляки и русские в повести Л. Н. Толстого «За что?» // Новый филологический вестник. 2008. № 1. С. 176–180.
3. *Лескинен, М. В.* Стереотип «веселого поляка» в описаниях польского национального характера эпохи просвещения и романтизма // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 2–1. С. 216–223.
4. *Палеева, Н. В.* Конструирование русского националистического дискурса и его «Другие» в 1860–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006. 16 с.
5. *Углик, Я.* Образ поляков в романах и публицистике Ф. Достоевского // Toronto Slavic Quaterly. № 37. (Summer, 2011). 14 с.
6. *Тихонов, А. К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 368 с.
7. *Лебедева, Н. И.* История храмов и молитвенных домов Омского Прииртышья. Омск: Полиграфист, 2005. 302 с.
8. *Недзельюк, Т. Г.* Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири 1881–1918 гг. Новосибирск: Прометей, 2009. 218 с.
9. *Законопроект* о переходе из одного вероисповедания в другое в Государственной Думе // Тобольские епархиальные ведомости. 1911. № 15. Отдел неофициальный. С. 311–319.
10. *Голошубин, И.* Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 11. Отдел неофициальный. С. 29–41.
11. *Букейханов, А.* Переселенцы в Тарских урманах (из записной книжки статистика) // Сибирские вопросы. 1908. Вып. 11. С. 1–9.
12. *Букейханов, А.* Переселенцы в Тарских урманах (из записной книжки статистика) // Сибирские вопросы. 1908. Вып. 12. С. 7–12.
13. *Сибирские вестн* // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 45. Часть неофициальная. С. 738.
14. *Александр Иванович Деспот-Зенович* // Тобольские губернские ведомости. 1893. № 3. Часть неофициальная. С. 40.
15. *Дедлов, В. Л.* Из далека. Письма с пути. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1887. 428 с.
16. *300-летие Сибири* // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 23–24. Отдел неофициальный. С. 467–475.
17. *Белоконский, И. П.* По тюрьмам и этапам: Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. Орел: Издание Семеновской, 1887. 240 с.
18. *Улучшения* в пересылке арестантов в Сибирь. По официальным сведениям // Томские губернские ведомости. 1868. № 28. Часть неофициальная. С. 8.
19. *Головачев, П. М.* Путешествие итальянца Сомье по Сибири // Сибирский сборник: научно-литературное периодическое издание. Кн. I. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886. С. 169–185.
20. *Л. Культурная роль женщины в Сибири* // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52. С. 1–6.

21. *Макаров, А.* Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западных губерний после мятежа 1863 г. (По материалам архива Тобольской казенной палаты) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1913. Вып. XXI. С. 1–32; 1915. Вып. XXIV. С. 33–80; 1916. Вып. XXVI. С. 81–124.

22. *Палопеженцев, Н.* Польская смута в Сибири в 1814 году (Исторический очерк) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1897. Вып. VII. С. 62–72.

I. V. Chernova

Image of Poles in Siberian periodical press in late XIX – early XX century

Author of the article analyzes the variety of ways of construction of an image of the «Poles» in the texts published in the Siberian periodical press as «Diocesan Gazette», «Provincial Gazette», «Yearbook» and «Eastern Review» with applications. All that texts were created by people, which belonged to different social strata. Thus, this aspect allows to build a multi-dimensional picture of current attitudes and stereotypes. Moreover author refers to the related field named «Local History of the Church». Author makes an analysis in three aspects: Poles and Siberia / Siberians, Poles and Catholics and Poles / settlers. The research shows how great was the influence of propaganda and which social groups were affected by it. In addition, this study illustrates the differences, which existed in the issues, and sources used in Western and Eastern Siberian publications.

Key words: Poles, Siberia, designing of an image, Siberian periodicals

Omsk F. M. Dostoevsky State University (55-a Prospect Mira, Omsk 644077, Russia, tel.: +7 (381-2) 67-01-04, e-mail: rector@omsu.ru)

УДК 94:343.264(=162.1)(092)(571)

Michał Antonowicz

POLACY NA SYBERII W "TYGODNIKU ILUSTROWANYM" W LATACH 1882-1914

Streszczenie: Celem poniższej pracy jest próba wyłonienia obrazu polskiej społeczności na Syberii, który ukazywał się w "Tygodniku Ilustrowanym" (1882-1914). W niniejszym studium, warszawski periodyk będzie przedstawiony z dwóch perspektyw. Po pierwsze, jako ówczesne źródło informacji na temat Polaków z terenów zauralskich z przełomu XIX i XX wieku. Po drugie, jako medium w procesie tworzenia pamięci kulturowej na przykładzie zesłańców politycznych. W artykule przedstawiony zostanie sposób postrzegania zagadnienia zesłańców politycznych i dobrowolnej migracji na Syberii przez redakcję "Tygodnika Ilustrowanego".

Słowa kluczowe: Tygodnik Ilustrowany, Syberia, zesłania, dobrowolna migracja, media.

Wstęp

Zasadniczym celem poniższej pracy jest próba wyłonienia obrazu polskiej społeczności na Syberii w "Tygodniku Ilustrowanym" (1882-1914). W niniejszym studium, warszawski

periodyk będzie ukazany z dwóch perspektyw. Po pierwsze, jako ówczesne źródło informacji na temat Polaków z terenów zauralskich z przełomu XIX i XX wieku. Po drugie, jako medium w procesie tworzenia pamięci kulturowej wokół zesłańców politycznych.

Na łamach omawianego tygodnika, artykuły dotyczące pobytu na Syberii polskich zesłańców oraz przesiedleńców z innych terenów państwa rosyjskiego były publikowane od 1905 roku. Wcześniej zagadnienia te były poruszane fragmentarycznie, a wątki syberyjskie ukazywały się w pracach dotyczących żelaznej kolei czy lokalnej fauny i flory. Do wyjątków należy między innymi recenzja prac Adama Szymańskiego oraz wzmianki na temat osób, które zostały zesłane za Ural.

W wyniku liberalizacji prasy z początku XX wieku, "Tygodnik Ilustrowany" rozpoczął informować polską opinię publiczną o rodakach zamieszkujących Syberię oraz podjęto studia nad ówczesnie aktualnym problemem demograficznym, a mianowicie migracją zarobkową. W 1906 roku redakcja czasopisma zorganizowała badania dotyczące polskiej społeczności w Rosji. Pokłosiem tego przedsięwzięcia było wydanie całego numeru poświęconemu "tułaczom – wygnańcom – pracownikom".

Zaproponowany problem badawczy dotychczas nie został opracowany w sposób całościowy. Informacje zawarte w periodyku były częściowo wykorzystywane w pracach nad zagadnieniem polskiej społeczności za Uralem.

Podobna problematyka została poruszona między innymi w artykule "Obraz życia Polaków na Syberii w społeczno-politycznym czasopiśmie Kraj" autorstwa Anny Stoganowskiej [1, s. 431-460].

Metoda badawcza

Zgodnie z przyjętymi w literaturze przedmiotu dyrektywami, za podstawową technikę badawczą przy studiach nad treścią prasy posłuży analiza zawartości tekstu [2, s. 169-182]. Literatura metodologiczna z dziedziny prasoznawstwa wyróżnia dwie podstawowe metody badawcze analizy tekstów – ilościową i jakościową. Zadaniem pierwszej metody jest zliczenie częstotliwości i rozmiaru klucza kategoryzacyjnego (słów, fraz lub haseł) powiązanego z badanym przedmiotem studiów. Z kolei analiza jakościowa ma "na celu scharakteryzowanie, o czym mówią badane teksty, jest stworzenie tzw. klucza kategoryzacyjnego. (...) w badaniach jakościowych klucz kategoryzacyjny jest sam w sobie swoistym wynikiem badania. Kolejne kategorie klucza stanowią bowiem kolejne opisywane w analizowanych tekstach tematy bądź pomniejsze aspekty tematów głównych. Jest więc on rodzajem listy zagadnień poruszanych w materiale badawczym, dążącej do uchwycenia ich maksymalnej różnorodności" [3, s. 98]. Ponadto, analiza materiału badawczego metodą jakościową ma na celu poszukiwanie szerszego kontekstu i sensu wypowiedzi zawartych w tekście.

Na potrzeby niniejszej pracy przyjęto procedurę analizy zawartości prasy, którą zaproponowała Karolina Szczepaniak. Badaczka podkreśla, że celem w tego typu analizie jest uchwycenie zarówno o czym, jak i w jaki sposób została opisana w tekście pewna rzeczywistość społeczno-kulturowa. Wyżej wspomniana autorka wymienia pięć etapów analizy materiału badawczego [3, s. 110].

1. Wybór materiału. Materiałem badawczym jest periodyk "Tygodnik Ilustrowany" z okresu 1882 – 1914 roku. Po wstępnej kwerendzie warszawskiej prasy z przełomu XIX i XX wieku, wydaje się, że redakcja "Tygodnika Ilustrowanego" podjęła działania na największą skalę przy opisanie omawianego zagadnienia.

2. Wielokrotna analiza treści czasopisma. Jakościowej analizie poddano blisko 150 artykułów z okresu 1882-1914, w których zawarte są informacje poświęcone Syberii. Spośród wszystkich tekstów można wyróżnić te, które zostały poświęcone w całości Polakom na omawianych terenach, np. "Kolonie polskie w Rosji" [4, s. 775-776] lub "Kolonie polskie na Syberii. Omsk" [5, s.148-149] a także te, które wyłącznie w sposób fragmentaryczny poruszają

omawiany temat, np. "Na nowe szlaki" [6, s. 562]. W przypadku drugiego typu, często są to jedno-, dwuzdaniowe informacje dotyczące Polaków na terenach za Uralem.

3. Tworzenie klucza kategoryzacyjnego. Po kwerendzie czasopisma wyróżniono następujące klucze kategoryzacyjne: "polscy zesłańcy na Syberii" i "dobrowolna migracja w głąb Rosji".

4. Tworzenie definicji poszczególnych kategorii.

"Polscy zesłańcy na Syberii" – są to wszelkie publikacje poświęcone zesłańcom z XIX stulecia. Artykuły przedstawiają sylwetki Polaków, ich działalność społeczno-polityczną, naukową lub gospodarczą.

Artykuły publikowane w "Tygodniku Ilustrowanym" mogą stanowić interesujące źródło badawcze nad sposobem przedstawiania Syberii polskiej opinii publicznej z przełomu XIX i XX wieku, a następnie próbą poznania mechanizmów tworzenia pamięci kulturowej polskiej społeczności.

"Dobrowolna migracja w głąb Rosji" – są to prace poświęcone masowej emigracji ludności polskiej na Syberię z przełomu XIX i XX wieku. Celem opracowania tych prac jest ukazanie w jaki sposób postrzegano, ówczesnie aktualny proces demograficzny z terenów Królestwa Polskiego. Publikacje te ukazują przede wszystkim charakter polskiego środowiska w Rosji.

5. Ukazywanie przykładów materiałów empirycznych.

"Tygodnik Ilustrowany" został założony w 1859 roku przez Józefa Ungera i ukazywał się do 1939 roku. W literaturze przedmiotu "Tygodnik Ilustrowany" jest postrzegany jako jeden z ówczesnych najbardziej poczytalnych polskich czasopism, które aktywnie brało udział w kształtowaniu opinii publicznej w Polsce [7, s. 98-106; 8, s. 5–31; 9, s. 5–31; 10, s. 21; 11, s. 55]. Przez cały okres działalności, tygodnik składał się z takich działów, jak: życiorysy, powieści, nowele i opowiadania, poezja, opisy miejscowości i obiektów historycznych, studia historyczne, malarstwo, rzeźba i architektura, przegląd teatralno-muzyczny, zwyczaje i typy ludowe oraz korespondencje, rzeczy różne, kronika powszechna oraz przegląd spraw bieżących.

Redakcja tygodnika skupiała się na sprawach krajowych, poruszała problemy społeczno-historyczne, przy tym wykorzystując ilustracje, obraz, rysunek i fotografię, które pomagały w zobrazowaniu poruszanej tematyki. Jednocześnie zamieszczano systematycznie dzieje z przeszłości narodu polskiego, sprawozdania z aktualnych wydarzeń społeczno-kulturalnych oraz utworów literackich najwybitniejszych pisarzy ówczesnej epoki. Ewa Ihnatowicz jest zdania, że redakcja czasopisma dążyła do stworzenia magazynu kulturalnego integrującego czytelników w narodowe społeczeństwo [8, s. 5].

Z "Tygodnikiem Ilustrowanym" współpracowali między innymi: Eliza Orzeszkowa, Bolesław Prus, Henryk Sienkiewicz, Władysław Reymont, Stefan Żeromski, Wacław Sieroszewski, Zygmunt Miłkowski, Gabriela Zapolska, Maria Konopnicka, Artur Oppman, Kazimierz Przerwa-Tetmajer i Jan Kasprzowicz.

Część zasadnicza

Jak zostało wcześniej wspomniane, na podstawie analizy "Tygodnika Ilustrowanego" można wyróżnić dwa podstawowe zagadnienia, które skupiały się na opisie polskich związków z Syberią. Po pierwsze, były to prace opisujące poszczególne postacie zesłane za Ural. Po drugie, interesowano się sytuacją ówczesnej polskiej społeczności, która emigrowała do Rosji na przełomie XIX i XX wieku.

a) Polscy zesłańcy na Syberii

Informacje na temat polskich zesłańców skupiały się na opisach biograficznych poszczególnych osób. W okresie 1882-1914, na łamach czasopisma przedstawiono około pięćdziesiąt sylwetek. W sposób najbardziej obszerny ukazane były życiorysy takich postaci jak Bronisław Piłsudski [12, s. 182-184], Benedykt Dybowski [13, s. 52-54; 14, s. 110; 15, s. 187;

16, s. 912; 17, s. 942], Wacław Sieroszewski [18, s. 541-542], Wacław Lasocki [19, s. 564], Kazimierz Laudyn [20, s. 977] oraz Aleksander Maciecha [21, s. 530].

Artykuły dotyczące wspomnianych wyżej postaci przybliżają przede wszystkim ich działalność społeczno-kulturową, polityczną, naukową lub gospodarczą na Syberii. Interesującym przykładem może stanowić artykuł poświęcony Kazimierzowi Laudynowi, który w 1863 roku zostaje skazany na śmierć, lecz kara została zamieniona na dożywotnie ciężkie roboty w Zakładzie Aleksandrowskim. Następnie "w roku 1870 zamieszkał w Irkucku i, otrzymawszy znaczny spadek, włożył go w handel. Kupił statek i nad Angarą pozakładał handlowe faktorie, dając w ten sposób możliwość zarobkowania licznej rzeszy współbraci-szkańców. Myśl, w zasadzie dobra, nie powiodła się jednak, i ś.p. Kazimierz Laudyn stracił wszystko. Od r. 1880 stale przebywał w Moskwie, oddany sprawom społecznym [20, s. 977]. Zagadnienie roli polskich zesłańców na rozwój cywilizacyjny Syberii powtarza się w pracach dotyczących wcześniej wspomnianych postaci.

W artykułach informowano zarówno na temat okresu pobytu w państwie rosyjskim, ale także dalszych wydarzeń z życia zesłańców-Sybiraków. Za przykład może posłużyć tekst przedstawiający postać Witolda Czetwertyńskiego, który "po powrocie z wygnania na Syberii, dokąd został wysłany za udział w wypadkach 1863 r., odbywał poważne studia malarskie w Monachium, a zainteresowany specjalnie mozaiką drzewną, uczył się w tym kierunku, wreszcie drogą mozolnej pracy doszedł do wynalazku maszyny, która okazała się najlepszą ze wszystkich, używanych dotąd dla inkrustacji" [22, s. 611].

Podobnie zostały opisane losy Walerego Kulikowskiego. "Człowiek zany, nieposzlakowanej prawości charakteru, uczestnik wypadków 1863 roku, przebywał potem na Syberii, a następnie zajmował stanowisko budowniczego w Kijowie, gdzie zmarł, pozostawiając żal głęboki w sercach licznych przyjaciół i znajomych, wśród których cieszył się powszechnym szacunkiem i uznaniem" [23, s. 507]. Prasa informowała, że Mikołaj Otto Krukowski po powrocie z zesłania podjął się równocześnie pracy pedagoga i urzędnika [24, s.251], Paweł Landowski podjął kurs lekarski w Montpellier, a następnie żył w Paryżu [25, s.635], z kolei Paweł Chodunicki trudnił się jako adwokat w Warszawie [26, s. 87].

Część z artykułów przedstawiała zesłańców tylko fragmentarycznie. Były to jedno-, dwuzdaniowe wzmianki na ich temat. W ten sposób przedstawiono między innymi Leona Dąbrowskiego [27, s.713], Mikołaja Otto Krukowskiego [28, s. 251], Stefana Gniazdowskiego [28, s. 251], Kazimierę Gąsowsską [20, s. 977], a także Faustynę Morzycką [28, s. 488].

Analizując poszczególne artykuły "Tygodnika Ilustrowanego", można zauważyć, że zesłańcy byli ukazani jako bohaterowie zbiorowi. Grupa ta określana była jako "marzyciele szlachetni" walczący za Ojczyznę [29, s. 476], "męczennicy" [30, s. 938], "rozbitkowie armii bohaterskiej z tułaczym kijem w rękę" [31, s.938], "ideał narodowy" [31, s. 194] tudzież "patrioci" [31, s. 194]. W ten sposób w pamięci kulturowej utrwał się wizerunek Sybiraków jako bohaterów narodowych, Polaków walczących o wolność ojczyzny. Temat ten pojawia się w tekście "Szlakiem bohaterów", w którym pisano "Rok 1863! Krew, szubienice, lochy, Sybir. Martyrologia polska obejmuje naród cały. Rodzina każda męczennikiem się szczyli. W rzece łąz, w otchłaniach rozpaczy tonie idea swobody. Nie utonęła!" [30, s. 938].

W podobnej konwencji heroiczno-tragicznej napisane były inne prace ukazane w tygodniku [32, s. 958; 33, s. 205; 34, s. 357-358; 35, s. 194; 36, s. 14]. Przykładem może być artykuł z 1907 roku, w którym pisano: "Tam na dalekiej, śnieżnej Syberii od tyłu, tyłu lat ci, którzy serca mieli szalone, ale szlachetne i czyste, z tęsknotą bezmierną patrzą w stronę Polski, rwąc się ku niej całą potęgą pragnącej rodzimych obrazów duszy i tak czekają i mrą żałośnie, by spocząć na wieki w mroźnej, obcej ziemi, a pozostali, z rozpaczą poglądając na mnożące się mogiły, drżąc z trwogi, aby nie zasnąć snem nieprzespanym, nie ujrawszy choć skrawka nieba polskiego, choć jednej chaty, słomą poszytej, choć kawałka łąki naszej, ubarwionej chabrem i makiem. Przeszli tę olbrzymią, pustynną krainę, znacząc ślad swój krwią zapiekłą i łzami

gorzkiemi, jak piołun; przeszli ją, budząc pobrzękiem łańcuchów ponure echa w grobach sybirskich; odbyli krwawy trud żywota w kopalniach mrocznych i dziś, gdy mogliby już powrócić do kraju, powrócić im niepodobna, bo w nędzy trwają i suchym kęsem chleba żyją. Więc pomyślmy o tych zapomnianych, pomyślmy o braciach dalekich, a kochających, i nie pozwólmy im umierać bez tej jedynej radości, jakiej pragną jeszcze: bez obaczenia ojczyzny. (...) Niech otworzą się gościnne dwory, niech przyjmą tych wygnańców nieszczęsnych, steranych życiem, pozbawionych wszystkiego. Któż będzie o nich pamiętał, jeśli my zapomnimy? Któż ich przygarnie, jeśli nie przygarnie ojczyzna, dla której cierpieli? To twój święty, matczyny obowiązek, o Polsko!" [36, s. 14].

Z kolei w 1912 roku periodyk podkreślał, że "nie mówiono dawniej nigdy Syberia. Mówiono poprostu Sybir. A na dźwięk tego wyrazu krew ścinała się w żyłach. Dzieci, przytulone do starszych, z zapartym oddechem słuchały tego, co opowiadano o Sybirze. A opowiadano bardzo wiele. Nie było prawie rodziny w Polsce, która nic miałaby tam kogoś. Kiedy więc na dworze zawył wichur, śnieżycą zasypała drogi, a od mrozu drzewa trzaskały w ogrodzie, mimowoli myśl biegła ku tym, co z daleka od ojczyzny, w katordze lub na osiedleniu, ciężki pędzili żywot. A czasem poczta przyniosła list „stamtąd”. Odczytywano takie listy powielekroć. Komunikowano je przyjaciółom i znajomym i wzamian otrzymywano od nich podobne listy" [37, s. 686-689].

Poddając analizie poszczególne artykuły, można stwierdzić, że obszar Syberii (Sybiru) ukazano jako miejsce zsyłek, gehenny narodowej, przez co został zaadaptowany jako miejsce pamięci kulturowej polskiej zbiorowości. Przestrzeń ta pełniła istotną funkcję integrującą ówczesne społeczeństwo. Umożliwiła transmisję wartości kulturowych i pamięci wspólnej historii. Syberia postrzegano jako przestrzeń wspólnych doświadczeń.

Ponadto, można zauważyć, że powstańcy przedstawiani byli jako uosobienie najcenniejszych wartości polskiego społeczeństwa narodowego. Florian Znaniecki podkreśla, że kult bohaterów, który jest de facto wyidealizowany przyczynia się między innymi do wytworzenia wspólnej pamięci kulturowej oraz solidarności zbiorowej [38, s. 127-129].

Wydaje się, że za pośrednictwem między innymi prasy z początku XX wieku, nastąpiła instytucjonalizacja pamięci kulturowej wokół zesłańców z XIX stulecia. Na podstawie omawianej grupy i obszaru geograficznego-Sybiru, wytworzono strukturę konkywną, tworząca, zdaniem Jana Assmana "symboliczny świat znaczeń" w danej grupie [39, s. 17-40]. Być może, w ten sposób Syberia oraz zesłania stały się kolejnym elementem, na fundamencie którego konstruowana była ówczesna tożsamość zbiorowa Polaków.

Poza tym, "Tygodniku Ilustrowanym" również publikowano pamiętniki, wspomnienia [40, s. 472; 41, s. 205; 42, s. 444-445], poezję [43, s. 264; 44, s. 1; 45, s. 789], a także pieśni [46, s. 738; 47, s. 772]. Przedstawiono kilka recenzji prac, które poświęcone zostały kontaktom polsko-syberyjskim [48, s. 584; 49, s. 139; 50; 41; s. 205]. Część z prac były ukazywane po raz pierwszy w "Tygodniku Ilustrowanym", a część z nich była rozprawdzana za pośrednictwem omawianego czasopisma (przykładowo "Współczesna Syberia" Władysława Studnickiego, oraz "Na Daleki Wschód. Kartki z podróży" Wacława Sieroszewskiego).

b) Dobrowolna migracja na Syberię

Drugim zagadnieniem powiązaniem z zasadniczym tematem artykułu była dobrowolna emigracja na tereny azjatyckiej Rosji z przełomu XIX i XX wieku. W 1905 roku, redakcja podjęła się zorganizowania badań zogniskowanych wokół problematyki ówczesnych polskich kolonii na obczyźnie (studia obejmowały Rosję Europejską, Kaukaz i Syberię). Opracowane wyniki badań przez dra Kazimierza Rakowskiego, zostały opublikowane w czterdziestym numerze "Tygodnika Ilustrowanego" z 1906 roku.

Celem omawianego przedsięwzięcia badawczego było poznanie polskiej społeczność na wschodzie i tamtejszych procesów społeczno-kulturowych. Redakcja podkreśla, że podjęte badania nie miały na celu zebranie już opracowanych studiów od "niewielkiego grona

wybitnych przedstawicieli i znawców emigracji (...), bo tych niema, ale o dotarcie wprost do źródła i uzyskanie odpowiedzi od samych wychodźców, bez względu na stopień ich wykształcenia" [51, s.774]. Dążono do poznania przyczyn migracji, problemów i aspiracji społeczno-kulturowych z perspektywy Polaków na Syberii.

Jak podaje czasopismo, wysłano około 6000 ankiet do polskich kolonii, rozsianych na terenach państwa rosyjskiego. Ankieta skupiała się na sytuacji materialnej i duchowej Polaków. W kwestionariuszu uwzględniono następujące problemy badawcze: przyczyny wyjazdu, struktura społeczna, miejsce zatrudnienia w Rosji, przejawy zachowania świadomości narodowej i procesy asymilacyjne wśród poszczególnych pokoleń, stosunki społeczno-kulturowe z miejscową ludnością oraz władzą rosyjską. Starano się również określić miejsca nowych kolonii, a także ich liczebność.

Wydaje się, że była to pierwsza próba poznania mechanizmów i procesów tożsamościowych na przykładzie polskiej społeczności z terenów zauralskich z przełomu XIX i XX wieku. Zastanawiano się nad znaczeniem polskich ognisk na wychodźstwie (stowarzyszenia dobroczynne, kościół katolicki, szkoły i biblioteki polskie) i ogólnym obrazem polskich kolonii w Rosji.

Na podstawie podesłanych ankiet (redakcja otrzymała 750 zwrotnych kwestionariuszy) podjęto analizę polskiego środowiska na terenach państwa rosyjskiego.

Sama redakcja periodyku postrzegąca proces emigracji na wschód jako zjawisko "amoralne", "ruch wstecz" dla narodu polskiego. Zaznaczano, że podstawową przyczyną ówczesnie obserwowanego procesu demograficznego była trudna sytuacja gospodarcza, polityczna i społeczna na terenach Królestwa Polskiego. Z tego powodu, wszystkie grupy społeczne (tj. inteligencja, przedsiębiorcy, robotnicy i chłopci) migrowały w celu poprawy swojego bytu materialnego. We wstępie do opracowanych ankiet, pisano: "Wychodźstwo z kraju jest objawem niezdrówia społecznego i ekonomicznego. Zabiera ono krajowi masę energicznych jednostek w sile wieku, które przedstawiają znaczny kapitał społeczny, i nie zwraca ich nigdy lub prawie nigdy. Przynosi społeczeństwu krzywdę podwójną: uszczuplenie sił gospodarczych i wynarodowienie mas na obczyźnie. Ale trzeba być ślepy, aby chcieć zwalczać wychodźstwo; trzeba nie mieć żadnego zrozumienia tych tysiącznych przyczyn, które tkwią tu, na miejscu, w kraju, powodując wychodźstwo. Emigracja to objaw choroby, ale nie choroba sama. Wskazuje ona, że organizm należy leczyć. Obecnie nasze społeczeństwo przechodzi straszne wstrząśnienia, ale, być może, wyjdzie z nich na drogę normalnego rozwoju" [4, s. 775-776].

Informacje na temat polskich kolonii były skupione na charakterze jakościowym. Próbowano poznać przede wszystkim charakter nowo powstających diaspor. Podkreślano, że zjawisko migracji było obecne we wszystkich warstwach społecznych. W artykule "Kolonie polskie w Rosji", omówiono strukturę społeczną migrujących Polaków i miejsce zatrudnienia w nowym kraju. "Wśród sądownictwa w Rosji na każdym kroku napotkać można Polaka. Również w administracji państwowej, jak niemięcej na kolejach. Poza tem, znajdują Polacy utrzymanie, jako lekarze, aptekarze (zwłaszcza tych jest bardzo dużo), inżynierowie, urzędnicy prywatni, adwokaci, przemysłowcy, kupcy, buchalterzy, subjekci etc. Ludzie bez wykształcenia pracują, jako służba przy Polakach na wyższych stanowiskach i jako ich podwładni, szczególnie w fabrykach, w kopalniach i w zakładach przemysłowych. Młodzież, kończąca w Rosji wyższe zakłady naukowe, w znacznej ilości pozostaje wśród obcych po otrzymaniu posady. Starsze osoby, zdobywszy pracą znaczne środki, z łatwością mogłyby wrócić do kraju, ale pozostają w Rosji z przyzwyczajenia, niepomne na młode pokolenie, któremu grozi zupełne wynarodowienie. Żołnierze po odbyciu służby, zwłaszcza, o ile się ożenią w Rosji, również pozostają na stałe na obczyźnie. Warstwy zamożne sprowadzają dla siebie z kraju liczną służbę, która siłą rzeczy skazana jest też wreszcie na stały pobyt bez powrotu" [4, s. 775-776]. Periodyk dążył do przekazania opinii publicznej przyczyn migracji.

Podkreślano, że kluczowym motywem wyjazdów była trudna sytuacja materialna w Królestwie Polskim. Redakcja przybliżyła miejsce Polaków w strukturach społecznych państwa rosyjskiego oraz masowość emigracji na wschód wśród Polaków.

W wyniku zróżnicowanego charakteru społeczno-kulturowego i ekonomicznego polskich emigrantów, tygodnik informował, że wśród Polaków dominują heterogeniczne stosunki społeczne. Opinia publiczna dowiadywała się z ankiet, że głównymi inicjatorami organizowanych spotkań byli przedstawiciele inteligencji. Miały one charakter towarzyski, skupiały się na "grze w karty" lub "amatorskich spektaklach teatralnych". Mimo to, życie towarzyskie wśród Polaków miały charakter rozproszony i partykularny. "Stosunki między samymi wychodźcami wogóle kuleją. Może dlatego, że my, Polacy, wogóle nie lubimy się zrzeszać; nie posiadamy również talentu organizatorskiego (...) Poza tem trzeba wziąć pod uwagę różnorodność naszych kolonii. Wobec różnicy pod względem poglądów, wychowania, wykształcenia, stanowiska społecznego, niema mowy o łączeniu się koło pewnych rodzin, o jednoczeniu się towarzyskiem. Mogłaby, zdawałoby się, istnieć łączność poza stosunkami prywatnymi, łączność urzędowa w postaci jakiegoś klubu z czytelnią i biblioteką, odczytami, jakąś organizacją, kasą zapomogi i t. p. Ale i to się nie klei. Przeszkodę w zrzeszaniu się stanowi uzasadniona nieufność, zwłaszcza względem nowo przybywających, wywołana przez ciemne osobniki, którym w kraju pali się grunt pod nogami, w skutek czego kryją przeszłość w głębi Rosyi. Takie osobniki szkodzą niezmiernie ogólnej opinii o Polakach w Rosyi, bo, co jeden taki zepsuje, tego stu pocziwych nie naprawi. To też stowarzyszenia polskie (i to przeważnie z celami dobroczynnymi) są rzadkością" [52, s. 776].

Z kolei w artykule "Uwagi specjalne" informowano również o antagonizmach społecznych wśród migrantów z terenów Królestwa Polskiego a Litwy, wnikających z poczucia wzajemnej odrębności kulturowej wspomnianych dwóch grup. Na podstawie ankiet, redakcja podkreśla ciekawą zależność. Mimo, że początkowo Polacy z Królestwa prezentowali silniejsze poczucie przynależności do narodu polskiego to szybciej ulegali procesom asymilacyjnym, aniżeli Polacy z Kresów Wschodnich. Zjawisko to tłumaczono specyfiką pogranicza kulturowego, w którym kontrast kulturowy przyczynia się do większej odporności na procesy asymilacji kulturowej [53, s. 782].

Zagadnienie tożsamości kulturowej polskiej społeczności stanowiło jeden z zasadniczych problemów, którym zainteresowała się redakcja. Z zebranych ankiet, zauważono, że wśród polskich emigrantów w Rosji (Rosja Europejska, Kaukaz, Syberia) zachodzi proces kształtowania się tożsamości buforowej lub mimikry etnicznej. W artykule "Wynarodowieni" podkreślano, że "w oczach swoich jeszcze są Polakami, ale w oczach naszych już nimi być przestali, a jeszcze nie stali się Rosyanami" [54, s. 777]. Procesy asymilacyjne wśród Polaków, jak informował "Tygodnik Ilustrowany" były stosunkowo powszechnym zjawiskiem we wszystkich warstwach społecznych, przy czym podkreślano, że inteligencja charakteryzowała się bardziej ukształtowaną tożsamością kulturową. Z kolei ludność chłopską lub robotniczą postrzegano za grupę, która najszybciej ulega rusyfikacji. Potwierdza to fragment, w którym stwierdzono, że "narodowo uświadomionych jednostek jest wśród wychodźców naszych niewiele. Bardzo mało jest takich, którzy świadomie i czynnie się bronią przed wynarodowieniem. Wśród większości narodowość tkwi potencjalnie, i, jeśli wyjątkowy zbieg okoliczności nie powróci ich do kraju lub nie zetknie z jednostką bardziej rozbudzoną, powoli obojętnieją i giną dla swego kraju. Największą skalę tego procesu obserwowano wśród warstw robotniczych, które nawet nie odróżniają narodowości od wiary katolickiej i pozbawiają się jednej po drugiej wszystkich cech polskości, do końca jednak trzymając się jeszcze instynktownie polskiego pacierza..." [54, s. 777].

Z tego powodu Kościół katolicki postrzegany był jako jeden z ośrodków skupiających Polaków. Równocześnie katolicyzm uważano za jeden z podstawowych wyznaczników tożsamości kulturowej wśród Polaków na obczyźnie [55, c. 776]. Szczególne znaczenie pełnił

wśród ludności chłopskiej i robotniczej, która zdaniem redakcji była najbardziej narażona na "wynarodowienie". W artykule poświęconym kościołowi stwierdzono, że "w braku rozbudzonego poczucia narodowego jedynie kościół katolicki jest w stanie spełniać misję kulturalną wśród tych warstw, i on tylko jest jedynym światłem, które rozjaśnia ciemności umysłów i serc wśród zaniedbanych w rozwoju tysięcy wychodźców". [55, s. 776-777]. W tym przypadku, Kościół na obczyźnie był uznawany w mniejszym stopniu jako instytucja religijna, a bardziej jako instytucja kulturalno-społeczna, przy czym mając na uwadze, że te dwie funkcje były ze sobą powiązane.

Podkreślono również rolę funkcjonujących na Syberii towarzystw dobroczynnych. Udział w tego typu organizacjach był uznawany za przejaw świadectwa poczucia polskości. W ramach tychże stowarzyszeń pracowały między innymi szkoły i biblioteki polskie [56, s. 777].

W kontekście obserwowanych procesów asymilacyjnych na Syberii wśród Polaków, a także aspiracji kulturowo-społecznych, podkreślano rolę wychowania dzieci wychodźców w domu rodzinnym. Jednym ze sposobów na naukę języka polskiego, historii i literatury polskiej było zatrudnianie nauczycieli z Polski. W jednej z ankiet czytamy: "Wszystkie rodziny polskie, stosunkowo zamożne, wyobrażały sobie rozwiązanie kwestyi wychowania dzieci w ten sposób: wziąć z Warszawy panienkę – Polkę, która będzie przygotowywała dzieci do szkół miejscowych i uczyła polskiego, religii, historii polskiej i t. d. Ale biura przysyłają nam takie osoby, które zupełnie nie odpowiadają swemu powołaniu. Taka panna napisze o swych kwalifikacjach Bóg wie co, byle tylko otrzymać zaproszenie i pieniądze na drogę, będąc pewną, że, sprowadziwszy ją z odległości paru tysięcy wiorst, nie odeślą jej zaraz, gdy okaże się o niej zupełnie nie to, co o sobie napisała" [57, s. 779-780]. Odmierna sytuacja obserwowano wśród rodzin niższych warstw społecznych, w których rodzice pełnili podstawową funkcję enkulturacyjną dla swoich dzieci. W przypadku braku zaangażowania wychowanków przy transmisji kultury rodzimej dochodziło do zaniku związków z kulturą polską i przyjęcie nowych, atrakcyjniejszych wzorów kulturowych.

Zdaniem "Tygodnika Ilustrowanego" kolejnym przyczynkiem zerwania kontaktów z kulturą polską były małżeństwa mieszane. Podkreślano, że związki Polaków z miejscową ludnością przyczyniają się do zaniku języka polskiego, zmiany wiary, a w końcowym efekcie rusefikacji. Zdaniem redakcji, do zaniku poczucia więzi z narodem polskim dochodzi w szczególności w przypadkach związków Polaków z Rosjankami. W jednym z artykułów informowano, że "młode pokolenie, wychowane i urodzone w Rosyi, zalicza siebie do narodowości polskiej tylko wówczas, jeżeli pochodzi z prawdziwie polskiej rodziny (nie mieszanej). Do polskiej narodowości zalicza siebie i potomstwo, urodzone z matki-Polki; lecz potomstwo z matki-Rosyanki i ojca-Polaka są to najwięksi nasi wrogowie i najgorzej uprzedzeni przeciwko nam" [58, s. 780].

Ostatnimi zagadnieniami, które zostały poruszone to stosunki z miejscową ludnością, a także aspiracje polskiej emigracji na Syberii. Na temat pierwszego problemu podkreślano, że stosunki społeczne Polaków z przyjmującą społecznością zależała od wielu czynników. "Na zapytanie, wystosowane w tej kwestyi do naszych wychodźców, odebraliśmy odpowiedzi tak sprzeczne, jak na żadne inne pytanie. Stosunek naszej ludności do Rosyan jest rozmaity, stosownie i do klasy społecznej, i do okolicy, a przytem obecnie właśnie przeżywamy przełomowe chwile w ukształtowaniu się stosunku społeczeństwa rosyjskiego do sprawy polskiej" [58, s. 781]. Mimo to, przyjęto, że pierwszy okres wiązał się zazwyczaj ze wzajemnie niechętną postawą między miejscową ludnością a Polakami [59, s. 783].

Przedstawione powyżej opracowane badanie, które zostało przeprowadzone przez redakcję "Tygodnika Ilustrowanego" rozpoczęło dalsze prace nad polską społecznością na ziemi syberyjskiej. W kolejnych latach w "Tygodniku Ilustrowanym" ukazano kilka prac, które zostały poświęcone omawianemu tematowi.

Artykuł "Wychodźcy Polscy na Syberii" [37, s. 686-689] przybliżał przyczyny migracji, charakter polskich kolonii, geografę polskich kolonii, miejsce zatrudnienia polskich emigrantów, zagadnienie tożsamości kulturowej i procesy asymilacyjne, a także problem pomocy Polakom na obczyźnie.

Praca zatytułowana "Emigracja polska w głębi Rosyi", przybliżyła zagadnienie struktury społecznej polskiej emigracji. Autor wyróżnia trzy warstwy społeczne, które tworzyły ówczesne polskie środowisko na emigracji. Poza tym, podjęta została próba wyjaśnienia przyczyn i efektu wyjazdu z ojczyzny [60, s. 388-389].

Z kolei artykuł "Kolonie polskie na Syberii. Omsk", przybliżał polską społeczność w Omsku z przełomu XIX i XX wieku. W tekście przedstawiono strukturę społeczną polskiej kolonii w Omsku, miejsce centralizujące życie społeczno-kulturowe Polaków (kościół katolicki, stowarzyszenia, szkoła i biblioteka polska), a także poznajemy nazwiska polskich działaczy społeczno-kulturowych [5, s. 148-149]. Podobny charakter ma artykuł "Z Irkucka" [61, s. 101], przedstawiający życie społeczne Polaków z nad Bajkału.

Omawiane zagadnienie można zamknąć artykułem "Wskroś Syberii. (Rozmowa z Jego Ekscelencją biskupem Cieplakiem)" [62, s. 483-484]. Tekst przybliży życie religijne Polaków na Syberii.

Podsumowanie

W powyższym artykule podjęta została próba ukazania pojmowania polskich powiązań ze Syberią na łamach "Tygodnika Ilustrowanego" z przełomu XIX i XX wieku. Na podstawie zaproponowanego materiału badawczego, można wyróżnić dwa podstawowe zagadnienia.

Pierwszy to temat XIX-wiecznych zesłańców z terenów zauralskich. Postaci te ukazane zostały jako bohaterowie narodowi, wokół których kreowana była ówczesna pamięć kulturowa oraz mitologia narodowa. Wydaje się, że od 1905 roku, przede wszystkim za pomocą prasy, dochodzi do pewnego rodzaju instytucjonalizacji pamięci kulturowej zesłańców i w ten sposób wydarzenia z XIX wieku stały się trwałymi elementami pamięci zbiorowej Polaków. W takiej konwencji publikowano większość prac, w których uwikłany został wątek zsyłki. Były to zarówno artykuły opisujące biografie, jak szeroko rozumiana literatura zsyłkowa, tj. pamiętników, wspomnień, prozy i poezji, związana z Polakami i azjatycką Rosją.

Drugi temat to migracja zarobkowa do państwa rosyjskiego, przy szczególnym uwzględnieniu Syberii. Temat ten poruszany był jako ówczesnie obserwowany problem społeczno-kulturowy, ekonomiczny i polityczny. Interesujące jest podejście prasy do omawianego tematu. Ów proces demograficzny z przełomu XIX i XX wieku postrzegano jako efekt choroby społeczeństwa polskiego.

W 1906 roku na łamach "Tygodnika Ilustrowanego" opublikowano wyniki badań przeprowadzonych przez periodyk. Informowano o sytuacji materialnej i duchowej polskich koloni na Syberii. W kontekście współczesnych badań, interesujące były próby poznania odrębności kulturowej, procesów asymilacyjnych i aspiracji społeczno-kulturowych emigrantów z XIX i XX wieku.

Spis Literatury:

1. *Stoganowska, A. M.* Obraz życia Polaków na Syberii w czasopiśmie Kraj / *A. M. Stoganowska* // Polacy w nauce, gospodarce i administracji Syberii w XIX i na początku XX wieku / pod red. Antoniego Kuczyńskiego ; Uniwersytet Wrocławski. Ośrodek Badań Wschodnich - Katedra Etnologii i Antropologii Kulturowej, Stowarzyszenie "Wspólnota Polska". Wrocław : Wydawnictwo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego, 2007. S. 431-460.

2. *Pisarek, W.* Kto, o czym, jak i po co? / *W. Pisarek* // Język Polski. 1995. № LXXV. S. 169-182.

3. *Szczepaniak, K.* Zastosowanie analizy treści w badaniach artykułów w prasie – refleksja metodologiczna / *K. Szczepaniak* // *ACTA Universitatis Lodzianis. Folia Sociologica*. 2012. № 42. S. 83-112.
4. *Kolonie polskie w Rosji* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1906. № 40. S. 775-776.
5. *M. W. Kolonie polskie na Syberii. Omsk* / *W. M.* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1907. № 7. S. 148-1497.
6. *Konczyński, T.* Na nowe szlaki / *T. Konczyński* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1907. № 28. S. 562.
7. *Kmieciak, Z.* Prasa warszawska w latach 1886-1904 / *Zenon Kmiecik* ; Polska Akademia Nauk. Instytut Badań Literackich. Wrocław [etc.] : Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1989. S. 212.
8. *Ihnatowicz, E.* *Tygodnik Ilustrowany 1859–1886 jako czasopismo integrujące* // *Kwartalnik Historii Prasy Polskiej*. 1987. № 2. S. 5–31.
9. *Kmieciak, Z.* *Tygodnik Ilustrowany w latach 1886–1904* / *Z. Kmiecik* // *Kwartalnik Historii Prasy Polskiej*. 1982. № 3/4. S. 25–42.
10. *Kołtoniak, A.* Publicystyka *Tygodnika Ilustrowanego* wobec wydarzeń 1905 roku / *A. Kołtoniak* // *Rocznik Historii Prasy Polskiej*. 2009. T. XII. № 2 (24). S. 21.
11. *Myśliński, J.* Prasa polska w dobie popowstaniowej / *J. Myśliński* // *Dzieje prasy polskiej* / red. J. Łojek, J. Myśliński, W. Władyka. Warszawa, 1988. S. 234.
12. *Daniłowski, G.* Bronisław Piłsudski, etnograf polski / *G. Daniłowski* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1913. № 10. S. 182-184.
13. *Jurkiewicz, K.* Dr Benedykt Dybowski / *K. Jurkiewicz* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1884. № 56. S. 52-54.
14. *Dr Dybowski na Bajkale* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1884. № 59. S. 110.
15. *Sulimierski, F.* Zbiory profesora Dybowskiego / *F. Sulimierski* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1884. № 64. S. 187.
16. *Benedykt Dybowski* // *Tygodnik Ilustrowany*. № 41. S. 912.
17. *Dzwonkowski, W.* Pamiętniki prof. Benedykta Dybowskiego / *W. Dzwonkowski* // *Tygodnik Ilustrowany*. № 48. S. 942.
18. *Matuszewicz, I.* Egzotyzm, realizm i legendy. Z powodu porachunków p. A. Stygietyńskiego / *I. Matuszewicz* // *Tygodnik Ilustrowany*. № 28. S. 541-542.
19. *Jubileusz dobrze zasłużonego* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1909. № 28. S. 564.
20. *Z żałobnej karty* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1908. № 48. S. 977.
21. *Posłowie ziemi połockiej* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1906. № 27. S. 530.
22. *Sztuka, J. K.* "czysta" i "stosowana" / *J. K. Sztuka* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1907. № 31. S. 611-612.
23. *Tygodnik Ilustrowany*. 1910. № 25. S. 507.
24. *Tygodnik Ilustrowany*. 1909. № 13. S. 251.
25. *S. R. Kosa* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1909. № 32. S. 635.
26. *Tygodnik Ilustrowany*. № 4. S. 87.
27. *Tygodnik Ilustrowany*. 1912. № 33. S. 713.
28. *Tygodnik Ilustrowany*. 1909. № 13. S. 251.
28. *Tygodnik Ilustrowany*. 1910. № 24. S. 488.
29. *Sybiracy* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1907. № 23. S. 476.
30. *Szlakiem bohaterów* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1906. № 42. S. 938.
31. *Lutowski, B.* Sześćdziesiąty trzeci / *B. Lutowski* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1907. № 10. S. 194.
32. *Oppman, A.* Bohaterowie. Z powodu setnej rocznicy samosierry / *A. Oppman* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1908. № 48. S. 958.
33. *Wielki Wizjoner* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1909. № 11. S. 205.
34. *Prus, B.* Kronika tygodniowa / *B. Prus* // *Tygodnik Ilustrowany*. 1906. № 19. S. 357-358.

35. *Lutowski, B. Sześćdziesiąty trzeci* / B. Lutowski // Tygodnik Ilustrowany. 1907. № 10. S. 194.
36. *Nieśmy przed Narodem oświaty kaganiec* // Tygodnik Ilustrowany. 1907. № 1. S. 14.
37. *Z. D. Wychodźcy polscy na Syberii* // Tygodnik Ilustrowany. 1912. № 33. S. 686-689.
38. *Znanięcki, F. Współczesne narody. Socjologiczne studium ewolucji narodów.* Warszawa, 1990. S. 413.
39. *Assmann, J. Pamięć kulturowa : pismo, zapamiętywanie i polityczna tożsamość w cywilizacjach starożytnych* / Jan Assmann ; przekł. Anna Kryczyńska-Pham ; wstęp i red. nauk. Robert Traba. Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2008. S. 360.
40. *A. O. Siedem lat katongi. W kopalniach sybiru* // Tygodnik Ilustrowany. № 22. S. 472.
41. *Pamiętniki o Sybirze* // Tygodnik Ilustrowany. 1909. № 11. S. 205.
42. *Siedem lat katongi. Cytadela i Modlin* // Tygodnik Ilustrowany. 1907. № 22. S. 444-445.
43. *Grottger* // Tygodnik Ilustrowany. 1907. № 13. S. 264.
44. *Pacierz za zmarłych* // Tygodnik Ilustrowany. 1906. № 42. S. 1
45. *Do Polaków w Rosyi* // Tygodnik Ilustrowany. 1906. № 40. S. 789.
46. *Jankowski, Cz. Wieczory teatralne i muzyczne. Pieśni syberyjskie* / Cz. Jankowski // Tygodnik Ilustrowany. 1909. № 36. S. 738.
47. *G. Polska pieśń syberyjska* // Tygodnik Ilustrowany. 1909. № 38. S. 772.
48. *H. W. Sergiusz Maksimow* // Tygodnik Ilustrowany. 1901. № 30. S. 584;
49. *Zygmunt Librowicz "Polacy na Syberii" (1884). Z literatury. Literatury Syberii* // Tygodnik Ilustrowany. 1889. № 7. S. 139.
50. *Galle, H. Piewca Kirgiza w setną rocznicę urodzin (1809-1909)* / H. Galle // Tygodnik Ilustrowany. 1909. № 1. S. 14.
51. *Nasza Ankieta* // Tygodnik Ilustrowany. 1906. № 40. S. 774.
52. *Co nas łączy między sobą wśród obcych?* // Tygodnik Ilustrowany. 1906. № 40. S. 776.
53. *Uwagi specjalne* // Tygodnik Ilustrowany. 1906. № 40. S. 782.
54. *Wynarodowieni* // Tygodnik Ilustrowany. 1906. № 40. S. 777.
55. *Kościół* // Tygodnik Ilustrowany. 1906. №. S. 776-777.
56. *Nasze stowarzyszenia na obczyźnie* // Tygodnik Ilustrowany. 1906. № 40. S. 777.
57. *Największa troska - wychowanie dzieci* // Tygodnik Ilustrowany. 1906. № 40. S. 779-780.
58. *Stosunek wychodźców naszych do Rosyan* // Tygodnik Ilustrowany 1906. № 40. S. 781.
59. *Konkluzje i postulaty* // Tygodnik Ilustrowany. 1906. № 40. S. 783.
60. *K. R. Emigracja polska w głębi Rosyi* // Tygodnik Ilustrowany.- 1906.- 20.- S. 388-389.
61. *Z Irkucka* // Tygodnik Ilustrowany. 1906. № 5. S. 101.
62. *Wskroś Syberii. (Rozmowa z J. E biskupem Cieplakiem)* // Tygodnik Ilustrowany. 1910. № 24. S. 483-484.

Michał Antonowicz

Poles in Siberia in „Tygodnik Ilustrowany” in years 1882 – 1914

Summary: The purpose of this study was to identify the image of the Polish community in Siberia, which was published in the "Tygodnik Ilustrowany" (1882-1914). In this study, the Warsaw periodic will be presented from two perspectives. Firstly, as the source of information on the Poles from lands beyond the Ural Mountains from the late nineteenth and early twentieth century. Secondly, as a medium in the process of cultural memory as an example of political exiles.

Key words: Tygodnik Ilustrowany, Siberia, exile, voluntary migration, media.

University of Mikolaj Kopernik in Torun (Bojarskiego Str. 1, 87-100 Toruń, phone: +48 (56) 611-23-30, e-mail: etnowww@umk.pl).

A. Kaniewska

OBRAZ POLSKICH ZESŁAŃCÓW XIX WIEKU NA SYBERII WE WSPÓŁCZESNYCH POLSKICH ŚRODKACH MASOWEGO PRZEKAZU

Streszczenie: Dziś media są jednym z kluczowych elementów tworzących obraz świata. Mają szeroki zakres, a tym samym odgrywają istotną rolę w rozwoju społeczeństwa. Rosnąca komercjalizacja życia, w pewnym stopniu, ponosi odpowiedzialność za postrzeganie historii w mediach.

Wyobrażenie o zesłańcach polskich związane jest z etosem i legendą, która utworzyła się wokół powstania styczniowego. Polski Senat przyjął z okazji 150-lecia powstania styczniowego uchwałę, w której stwierdza się, że „Legenda i etos powstania styczniowego były podstawą odrodzonej Polski, a ofiara powstańców doprowadziła do odrodzenia naszej państwowości po 123 latach, w 1918 roku”. Ten zryw niepodległościowy okazał się katastrofą dla Polaków, przez co władze carskie nasiliły represje – ich kluczowym elementem wydaje się być zsyłka uczestników powstania i ich rodzin na Syberię. Następnym aspektem związanym z powstaniem są odkrycia polskich badaczy poczynione na Syberii. Wszystkie te elementy przechowywane są w pamięci zbiorowej społeczeństwa polskiego, w pamięci kulturowej, która obsługiwana jest przez nowoczesne, polskie media.

Ważne jest, aby pamiętać, że w przeciwieństwie do deportacji z lat 40-ych XX wieku, obraz powstańców styczniowych nie jawi się jako mit o męczeństwie na Syberii. Tematy kategorii i cierpienia nie są akcentowane tak samo jak, na przykład tematy związane z odkryciami naukowymi, dobrowolnym osiedleniem czy działalnością społeczną. Ponadto informacje podróżnicze, o których często mówią media, dają możliwość innego spojrzenia na zesłańców i na regiony, w których się znajdowali.

Słowa kluczowe: polscy zesłańcy, Syberia, media, zesłania, polscy uczeni, przesiedleńcy, analiza medialna.

Wstęp

Współczesne media są jednym z kluczowych elementów kształtowania obrazu świata. Dysponują one szerokim zasięgiem, a tym samym odgrywają znaczącą rolę w rozwoju społeczeństwa. Coraz większa komercjalizacja życia w pewnym stopniu przenosi odpowiedzialność za postrzeganie historii właśnie na media. Ich funkcja, pierwotnie skupiająca się na aspektach informacyjnych, ulega znaczącej przemianie. Mass media w obecnych czasach urosły do rangi instytucji, która przekazuje różnorakie informacje odbiorcy, wpływa na kształtowanie poglądów, edukuje, dostarcza treści rozrywkowe. Wszystkie te funkcje, z punktu widzenia zagadnień historycznych, a w bezpośrednim odniesieniu do tematu konferencji, są kluczowe do zrozumienia obrazu polskich zesłańców XIX w., jaki kształtowany jest przez polskie media. Dużą rolę – ze względu na powszechność mediów internetowych – zaczyna także odgrywać mobilizacyjna funkcja mediów, która aktywnie angażuje odbiorców w poszczególne wydarzenia. Socjolog francuski Pierre Sorlin zauważa, że „media zwracają naszą uwagę na przedmioty i wydarzenia, którym normalnie nie poświęcamy zainteresowania, a także na sytuacje, których nigdy byśmy nie poznali, ponieważ znajdują się poza naszym zasięgiem” [1, s. 107]. Historia jako nauka, doświadczenie, z uwagi na swój wpływ na rozwój wypadków, choć obecna jest niemal w każdym aspekcie współczesnego życia, jest jednak dziedziną, nad którą społeczeństwo bezpośrednio się nie skupia na co dzień. Media podejmują tematy historyczne przede wszystkim w okresie rocznic danych wydarzeń. Nie jest to jednak jedynie informowanie, co często jest błędnie definiowaną funkcją mediów [1, s. 106]. Jak podkreśla M.

Wojtak, przekazy medialne „to także propagowanie i kształtowanie postaw oraz wartości uznawanej w danej kulturze” [2, s. 124]. Obraz polskich zesłańców jest motywem, który poza wiedzą historyczną, jest także bezpośrednio traktowany jako polskie dziedzictwo narodowe. Z uwagi na coraz bardziej rozpowszechnioną masowość mediów, ważnym jest, aby analizować przedstawiane w nich treści.

Na potrzeby rozważań dotyczących obrazu polskich zesłańców w polskich mediach, przeanalizowane zostały kluczowe polskie środki masowego przekazu: prasa (dzienniki: *Gazeta Wyborcza*, *Rzeczpospolita*, *Polska The Times*; tygodniki: *Polityka*, *Wprost*, *Newsweek*), Polskie Radio oraz portale internetowe. W przypadku niektórych mediów tradycyjnych, w bibliografii przedstawione zostały odnośniki internetowe do treści materiałów. Wybrane media są kluczowymi podmiotami na rynku, należą do grona najważniejszych nośników informacji, a co za tym idzie, zaangażowane są w kształtowanie światopoglądu Polaków. Pominięte zostały materiały telewizyjne z racji bezpośredniego braku dostępu do nich.

Jak zauważa Ewa Jaska, w temacie mediów w społeczeństwie informacyjnym „Współcześnie, publiczność środków masowego przekazu wybiera te media, które dostarczają jak najwięcej informacji w kategorii skandalu czy sensacji” [3, s. 5]. Tematyka zesłańców XIX wieku nie budzi tego rodzaju emocji, dlatego też materiały medialne związane z tym zagadnieniem nie są stałym, a także częstym elementem przekazów. Kluczową rolę, jaką prasa, telewizja, radio i Internet odgrywają w tym obszarze, jest dostarczenie informacji na temat historycznych wydarzeń, obchodzonych rocznic, a także edukacja w tym zakresie.

Analizowany materiał dotyczący XIX-wiecznych zesłańców pojawia się w polskich mediach głównie w okresie rocznic wydarzeń Powstania Styczniowego. Związane jest to z etosem i legendą Powstania, które w 150 rocznicę wybuchu Senat uhonorował obchodami Roku Powstania Styczniowego. Stosowna uchwała podkreśla, że „legenda i etos Powstania Styczniowego legły u podstaw odrodzonej Polski, a poświęcenie powstańców doprowadziły do odrodzenia naszej państwowości po 123 latach niewoli w 1918 roku” [4]. Zryw ten okazał się klęską dla Polaków, a władze carskie nasiliły represje względem ludności – kluczowym ich elementem była zsyłka uczestników powstania, konspiratorów, ich rodzin na Syberię. Właśnie te aspekty popowstaniowe - Syberia, dokonania polskich badaczy, są obecne w pamięci zbiorowej polskiego społeczeństwa, stanowią jego kulturalną pamięć, co przez poszczególne media jest podtrzymywane.

Zsyłka XIX w. w polskich mediach tradycyjnych

W niniejszej pracy wykorzystanie zostanie klasyczny podział mediów na tradycyjne oraz nowe, z uwzględnieniem możliwości jakie dają te ostatnie. Odnosząc się do zagadnień zsyłek Prof. Wiktoria Śliwowska na łamach „*Gazety Wyborczej*” odczarowuje czytelnikom mit Syberii, który ma silne nacechowanie martyrologiczne, ze względu na świeżą pamięć o deportacjach polskich obywateli do Związku Radzieckiego w latach 1939-1956. Śliwowska podkreśla: „O, te mity o Syberii. Są dwa pojęcia: Syberia geograficzna i Sybir czyli zesłanie. W świadomości zbiorowej tego społeczeństwa każdy zesłaniec był sybirakiem. Jak jest zimno to Syberia, nawet jak ktoś był w Kałudze. Drugi mit to katorżnicy przykuci do tacek” [5, s. 8]. Badaczka opiera się na wnikliwych analizach pamiętników ówczesnych zesłańców. Zamieszczony w gazecie materiał stanowi nie tylko opowieść dotyczącą powstańców, przybliżenie poszczególnych aspektów życia (takich jak praca, miejsce zamieszkania i zsyłki), ale co ważne, podejmuje także porównanie zesłań okresu carskiej Rosji i Związku Radzieckiego, rozdzielając radykalnie obydwie tematy. Materiał, kreśląc słowami Pani Profesor obraz XIX-wiecznej zsyłki, podkreśla fakt, że kluczem ówczesnej martyrologii była rozłąka z rodziną, styczność z ogromną, nieogarniętą przestrzenią, a nie zakucie w kajdany. Potwierdza to także reportaż na łamach dziennika „*Rzeczpospolita*”, w którym przedstawiane są między innymi fragmenty rozmów ze współczesnymi rosyjskimi badaczami z rejonu Irkucka. W tekście przeczytamy: „Lokalni historycy często podkreślają, że w większości przypadków polscy

zesłańcy nie odbywali nałożonej kary w konkretnym miejscu: zwykle ciążył na nich tylko zakaz opuszczania miejscowości. Zwykle zatrudniani byli przy ciężkich pracach, np. w warzelniach soli w Usolu czy przy eksploatacji złóż mineralnych tylko na samym początku zsyłki. Zwykle na miejscu była już wystarczająca liczba więźniów kryminalnych i dobrowolnych robotników. Z ciężkich więzień, nie bacząc na urzędowe nakazy, wyciągano specjalistów w różnych dziedzinach, np. lekarzy czy nauczycieli, którzy przygotowywali dzieci do szkoły lub na wyższe uczelnie. Kopalnie złota chętnie zatrudniały uczciwych zarządców, a magistraty miejskie sumiennych pisarzy kancelaryjnych. Oczywiście, w dokumentach wszyscy figurowali jako więźniowie odbywający nakazaną karę. Na wypadek wizyty rewizora na specjalne zamówienie wykonywano lekkie, łatwo zdejmowane kajdany” [6, s. 20-21].

Zsyłka zatem nie jest przedstawiona w kategoriach męczeństwa, zmagania ze śmiercią i głodem. Polacy cenieni byli przez rosyjską administrację, ich wiedza, umiejętności, a nawet przyczyny zsyłki budziły respekt. Ten pogląd podkreśla także naczelny „Gazety Wyborczej”- Adam Michnik w swojej dyskusji z Tomaszem Venclową. Naczelny polskiego dziennika posiłkuje się słowami wybitnego rosyjskiego myśliciela Aleksandra Hercena, człowieka oddanego sprawie Powstania Styczniowego: „Kiedy narody zachodnie porzucały marzenia i poświęcały się kupieckiemu procederowi, jeden tylko naród pozostał szlachcicem i spieszył składać w ofierze krew, dzieci, majątek dla wskrzeszenia ojczyzny we wszystkich blaskach jej minionej sławy” [7, s. 32-33]. Próbę rozłożenia na czynniki pierwsze mitu Powstania Styczniowego, w tym także zsyłki, podejmuje na łamach tygodnika „Polityka” Lidia Michalska-Bracha [8]. Historyk analizuje Powstanie Styczniowe w kategorii legendy, szczególnego rodzaju przekazu międzypokoleniowego oraz pamięci kulturowej. Autorka materiału wskazuje na obecność pamięci autobiograficznej uczestników ówczesnych wydarzeń, która z czasem stała się doświadczeniem kolejnych pokoleń oraz legendy miejsc i symboli bezpośrednio odnoszących się do zrywu niepodległościowego, emigracji oraz zsyłki.

Wspomniany powyżej Hercen pisał o „wskrzeszeniu i sławie”; szczególnie ten ostatni wątek jest podejmowany przez media. Zagadnienie pracy badawczej, jaką podjęło wielu zesłańców, jest często jednym z wiodących motywów podejmowanych na łamach prasy. Perspektywa spojrzenia na syberyjską zsyłkę pod kątem realizacji pasji zawodowych jest bardzo żywym obrazem, oddziałującym na wyobraźnię odbiorców. Efekty pracy polskich eksploratorów zostały wpisane nie tylko w historię polskiego narodu, ale – co ważne – były jednymi z kluczowych przedsięwzięć rozwijających Daleki Wschód Rosji. Dziennik „Rzeczpospolita” cytuje na swoich łamach fragment książki Prof. Władimira Kotljakowa, prezesa moskiewskiego oddziału Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego: „W historii naszego Towarzystwa zapisało się złotymi zgłoskami wielu Polaków. Z niekłamanym szacunkiem chylę czoło przed badaczami zesłanymi na syberyjską katorgę za udział w powstaniu narodowym i za walkę o niepodległość. Surowy kraj o niesprzyjającym klimacie i nieludzkich warunkach stał się ich drugą ojczyzną. Ci prawdziwi pionierzy nie tylko przyczynili się do oswojenia terytoriów za Uralem, ale wnieśli także ogromne zasługi na polu badawczym i naukowo-odkrywczym. Nasza placówka naukowa może się szczycić, że miała możliwość współpracy z tymi wspaniałymi ludźmi” [9, s. 14-15].

Zesłańcy XIX w. w ujęciu mediów tradycyjnych

Współczesne media podkreślają zasługi m.in. Jana Czernieckiego, Benedykta Dybowskiego, Bronisława Piłsudskiego, Wacława Sieroszewskiego, Aleksandra Czekanowskiego. Temat ten powraca często, w powiązaniu ze współczesnymi eskapadami na Syberię. „Śladami polskich badaczy” to jedno z najpopularniejszych haseł wypraw organizowanych zarówno przez profesjonalnych, jak i amatorskich podróżników [10, s. 5]. Przemierzanie bezkresnej Syberii, spotkania z potomkami zesłańców, odnajdywanie śladów polskich naukowców to temat, który wdzięcznie komponuje się z potrzebami współczesnych odbiorców. Bardzo często polscy wygnańcy przedstawiani są jako ci, którzy przetrarli wiele szlaków na Syberii, nie tylko tych

geograficznych. „Karol Bogdanowicz odkrył złoża złota na Kamczatce, Polacy byli też pierwszymi policjantami, psychiatrami, a nawet syberyjskimi szpiegami. [...] Badaczami i odkrywcami położonej między Uralem, Oceanem Arktycznym oraz stepami Kazachstanu i Mongolii Syberii w dużej mierze byli Polacy. - Przybywali tu jako zesłańcy, by z czasem stać się gospodarzami Syberii, skoro nie wiedzieli jak długo przyjdzie im żyć na obcej ziemi, chcieli tam mieć swój kawałek Polski.” Usłyszymy w audycji Polskiego Radia „Syberia: podróż polskimi śladami” [11].

Ciekawym spostrzeżeniem jest uwaga dotycząca stopnia znajomości syberyjskich odkrywców przez współczesnych Polaków oraz przedstawicieli rosyjskich narodów. W materiałach medialnych często podkreślana jest rola badaczy Bajkału, jednej z kluczowych destynacji podróżniczych w Rosji. Co istotne, ich praca została doceniona od razu, właśnie przez ówczesne, carskie instytucje, co pozytywnie wpłynęło na rozwój podejmowanych eksploracji. „Mało osób wie, że Rosyjskie Towarzystwo Geograficzne wspomagało tych ludzi. Nie tylko wspierali ich w badaniach, ale nawet zwracali się do cara z prośbą o zwolnienie ich. I wielu dzięki temu wróciło wcześniej, nawet odznaczonych medalami,” – podkreśla Jacek Pańkiewicz, podróżnik, jeden z propagatorów odkrycia losów XIX w. zesłańców oraz ich szlaków na Wschodzie [12]. Do jego głosu dołącza też Michał Książek, uwypuklając z kolei dokonania Edwarda Piekarskiego w Jakucji, który podczas zsyłki opracował unikatowe dzieło „Słownik Języka Jakuckiego”. Dziś – jak podkreśla Książek na antenie Polskiego Radia – postać ta jest mało znana w Polsce, w przeciwieństwie do Jakucji [13]. Zaakcentowany zostaje tutaj fakt nikłego zainteresowania dokonaniem, losami tych wybitnych ludzi, ze strony rodaków w dzisiejszej Polsce. Można spojrzeć jednak na podane powyżej dwa przykłady jako na ilustrację nie tylko funkcji informacyjnej mediów, ale także edukacyjnej. Dotykanie tematów, nazwisk wciąż jeszcze niepowszechnych, pozwala odbiorcom na rozszerzenie perspektywy jednocześnie w wielu dziedzinach nauki.

Oprócz naukowego oblicza Sybiraków, media pozwalają nam także spojrzeć na ambitnych i dobrze zorganizowanych przedsiębiorców. Syberyjska ziemia dla wielu, pierwotnie przesiedlonych w ramach kary, stała się „ziemią obiecaną”. Jak podkreślają badacze, nierzadkie były przypadki, kiedy po odbyciu kary, katorżnicy pozostawali dobrowolnie na terenach Cesarstwa. Przykładów intratnych przedsięwzięć jest wiele, tutaj oprzemy się na o krótkim, ale bogatym opisie przedsiębiorczości Polaków, którzy trafili w okolice Irkucka. „W każdym syberyjskim mieście istniały żywotne kolonie polskie i wszędzie widoczni byli ludzie sukcesu. Matwiej Timofiejew z Czyty przywołuje pamięć aktywnych biznesmenów robiących zawrotne kariery. Znany z mobilności Piotr Borowski po odbyciu kary w Nerczyńsku eksploatował złotonośne złoża w „uralskiej Kalifornii”. Józef Walecki produkował deficytowe towary: mydło i świece, Franciszek Bardyński, Julian Jordan i Karol Ruprecht kierowali przedsiębiorstwami górniczymi. Ziemianin Mieczysław Zarębski słynął z innowacyjności w swoim folwarku, Alojzy Wenda prowadził mleczarnię, a Karol Podlewski wysiewał zboże. Bracia Aleksander i Felicjan Karpińscy byli właścicielami kombinatu serów szwajcarskich, a Kordian Sawiczewski – fabryki mydła, która corocznie wypuszczała produkcję o wartości do 12000 rubli. Osadnicy prowadzili apteki, zakłady fotograficzne, hotele, księgarnie, fabrykowali cygara z tytoniu mongolskiego, hodowali konie, budowali młyny. Obrotnych polskich kupców można było spotkać na cieszących się dobrą marką jarmarkach irkuckich” – pisze „Rzeczpospolita”, akcentując zaradność zesłańców [14]. Omawiając wizerunek Polaków odbywających kary na Syberii, dzielnych, zaradnych, skupionych na pracy, nie należy zakładać jednak, że jest to jedyna prezentacja zesłańców w polskich mediach. Dziennikarze – wprawdzie nie często – dodają do materiałów drobne smaczki, z pogranicza skandalu: „wśród Polaków nie brakło mocno rozrywkowych awanturników lubiących nocne hulanki. Widywano ich na pełnych kolorytu imprezach, w kasynach gry i burdelach. Koczowali na ulicach pijani żebracy, niezrealizowani poszukiwacze złota szukali zapomnienia i pociechy w spelunkach. Niejeden

skrywał wstydlivą chorobę: powszechnie panujący syfisy. Nie obywało się bez przypadków samobójstw, kiedy zawodziła odporność psychiczna. Najbardziej rażącym w oczach Rosjan grzeskiem było jednak cwaniactwo, wykorzystywanie okazji cudzym kosztem. Wada gorsza, w ich oczach, od antypatycznej wielkopańskiej wyniosłości Polaków” [6]. Tym samym przed oczyma odbiorcy stają ludzie z krwi i kości, nie tylko bohaterzy, wybitny odkrywcy, biznesmeni, ale także postaci niepozabawione różnorodnych przywar.

Unikatowy obraz zesłańców, w oparciu o historię jednego z nich – Wacława Lasockiego oraz zbierane przez niego podczas zsyłki fotografie, przedstawia dziennik „Polska The Times” [14]. Oprócz zdjęć osób skazanych na katorgę, w zbiorach Lasockiego znajdowały się także unikatowe rysunki z 1863 r. przedstawiające miejsca zsyłki m.in. Usole.

Temat zsyłki podejmowany jest także przy okazji prezentacji postaci Marszałka Józefa Piłsudskiego, który za udział w grupie przygotowującej zamach na cara Aleksandra III, został zesłany w okolice Irkucka. M.in. tygodnik „Newsweek” w przewrotny sposób opisując podboje miłosne polskiego przywódcy, wspomina o jego przygodzie katorżnika: „Ziuk dostał pięć lat katorgi. W drodze na miejsce zesłania Piłsudski przetrwał morderczy marsz z Tomska do odległego o półtora tysiąca kilometrów Irkucka. Tam jednak wybuchł bunt więźniów, a harda postawa Ziuka tak rozwścieczyła żołnierzy eskorty, że dali mu lekcję pokory. Pierwszym uderzeniem kolbą karabinu w twarz wybito mu dwa przednie zęby, a gdy padł na ziemię, skatowano do nieprzytomności. Przeżył dzięki interwencji podoficera, który zlitował się nad Polakiem” [15].

Dobrowolni przesiedleńcy

„Wkład Polaków – głównie w drugiej połowie XIX wieku – to był wkład naukowo-badawczy zesłańców, ale również i tych, którzy przyjeżdżali za chlebem.” – mówi podróżnik Jacek Pałkiewicz [12]. Polskie media podejmując zagadnienie Polaków na Syberii nie pomijają także tematu osób przesiedlonych dobrowolnie na Syberię. „Dla wielu pokoleń Polaków słowo Sybir zawsze mieściło się w rzędzie pojęć: katorga, zsyłka, deportacja. I dlatego były podstawy żeby przyjąć, że ze wszystkich dróg prowadzących na Sybir, droga katorżników, zesłańców, deportowanych była drogą najbardziej wydeptaną na przestrzeni stuleci, niezależnie od rządów i kolejnych reżimów. Ale mimo wszystko byli i tacy Polacy, którzy jechali do naszego surowego kraju w poszukiwaniu swego osobistego szczęścia czy lepszej doli” usłyszymy w reportażu radiowym Agnieszki Czarkowskiej z „Radia Białystok” [16]. W prasie, radiu i telewizji pojawiają się nazwy Wierszyna, Znamiejka, Białystok – wioski zamieszkałe dziś przez potomków ludzi, którzy na początku XX w. przybyli na Syberię zachęteni możliwością uprawy ziemi, której wtedy w Królestwie Polskim brakowało, tzw. „dobrowolcy”. Dziś ich potomkowie przedstawiani są jako niemal ikony kultywowania tradycji przodków. Przekaz, który idzie od mediów, ma nacechowanie emocjonalne: w dalekiej Syberii jest mała Polska. Nie dziwi zatem, że do tych miejscowości ciągną, szczególnie w okresie turystycznym, spragnieni wrażeń i doświadczenia tej unikalnie zachowanej polskiej kultury turyści lub młodzi badacze z polskich uniwersytetów (jednym z punktów podróży nad Bajkał jawi się Wierszyna). I choć napisano chyba już wszystko o tych miejscach, mit wciąż powtarza się w mediach, wciąż jest kopiowany, bez refleksji nad życiem dzisiejszym, codziennym tych ludzi, którzy traktowani są jak żywe eksponaty w muzeum etnograficznym. Korespondent Polskiego Radia Mariusz Jastrzębski stwierdzi: „Nasi rodacy mieszkają niemal w każdym zakątku Rosji. Wszędzie starają się zachowywać polskie tradycje i propagować polską kulturę. W Rosji na każdym kroku natrafiamy na polskie nazwy. Słynne są już takie miejscowości, jak Wierszyna czy Białystok” [17].

Zsyłka i zesłańcy XIX w. w nowych mediach

„Liczy się dotarcie do każdego człowieka, a Internet ułatwia kontakt z ludźmi, którzy miejsca Pamięci jeszcze nie widzieli, lub którzy z racji dystansu nie będą mogli szybko tu powrócić. To tworzenie więzi zupełnie nowego rodzaju” – pisał Piotr Cywiński, dyrektor Państwowego Muzeum Auschwitz, w kontekście obecności swojej placówki w świecie

wirtualnym [18]. Niemniej jednak jego słowa z powodzeniem odnieść można do wszystkich tematów związanych z Pamięcią narodu.

Internet, funkcjonujący w Polsce od blisko ćwierćwiecza, w głównej mierze opiera się na interakcji. W przeciwieństwie do mediów tradycyjnych łączy on w sobie słowo, dźwięk i obraz, jest ponad czasem i przestrzenią, dotyka tematów ze wszystkich dziedzin nauki i życia. Z racji siły swojego oddziaływania, swoich możliwości łączenia z powodzeniem kilku funkcji, obraz zesłańców przedstawionych w mediach wirtualnych zasługuje na osobne omówienie. W tej części zaakcentowane zostanie wykorzystanie Internetu przez poszczególne instytucje, zajmujące się tematyką historyczną. Co istotne, ilość materiałów znajdujących się w sieci, łatwość dostępu do informacji powoduje, że siła poszczególnych portali, jako kształtujących obraz, wizerunek danego zagadnienia, nie jest jednoznaczna. Założyć można, że przy wielości treści, odbiorca sam wybiera sobie - często składając swój zasób wiedzy z różnych źródeł - obraz, jaki najbardziej mu odpowiada. Nowe media pozwalają na pogłębienie interesującego odbiorcę zagadnienia. Głównym punktem odniesienia są tutaj strony np. poszczególnych instytucji badawczych, czasopism, czy bezpośrednio strony poświęcone zagadnieniu - w tym wypadku - Syberii.

Cyfrowe Muzeum Narodowe - wirtualny projekt Muzeum Narodowego w Warszawie - udostępnia użytkownikom dostęp do płócien Jacka Malczewskiego, Aleksandra Kotsisa, Kazimierza Alchimowicza, artystów, którzy w swojej pracy podjęli tematykę zesłańczą. W tym przypadku samo medium nie kreuje konkretnego wizerunku zsyłki i zesłańców, jednak umożliwia bezpośrednie obcowanie z danym dziełem, przenosząc go do otwartej sfery wirtualnej. Tym samym sam odbiorca, w dowolnym dla siebie czasie, może skupić się na analizie m.in.: „Na etapie” - Jacek Malczewski, „Śmierć na zesłaniu” - Aleksander Kotsis, „Na etapie” - Kazimierz Alchimowicz. Sybir.com.pl - strona Muzeum Pamięci Sybiru - prezentuje materiały współczesnych badaczy zajmujących się tematyką zsyłek XIX w. Pojawia się zatem w jednej sferze wirtualnej pogląd różnoraki - naukowców z Polski i zza granicy, reprezentujących szerokie spojrzenie na temat polskich obywateli na Syberii. Na łamach portalu publikuje m.in. Antoni Kuczyński, znakomity badacz syberyjskich losów Polaków: „Polacy w dziejach Syberii, to jednak temat posiadający wiele kontekstów, ten zesłańczy jawi się najwyraźniej. Ale nie oznacza to wcale, że w polskich związkach z tą ziemią nie ma wyraźnie jaśniejszych pejzaży. Rosja tłumiąca przez stulecia wolnościowe dążenia Polaków, a także totalitaryzm sowiecki z lat trzydziestych i ostatniej wojny, sprawiły że stereotyp Syberii jest jednoznacznie negatywny w naszym powszechnym odbiorze społecznym” [21]. Kuczyński zaznacza, że powszechnie panujący w polskiej świadomości obraz Syberii i zesłań jawi się w kategoriach „niehumanitarnej ziemi”, „więzienia bez krat”, martyrologii. Badacz jednak nie zamyka się tylko w tych pojęciach i przedstawia także, że los Syberii często „leżał w polskich rękach” [21]. Polacy byli pionierami w wielu dziedzinach życia syberyjskiej krainy. Dla wielu z nich ziemia ta była miejscem samorealizacji. Mimo że byli wygnańcami, ich kwalifikacje i chęć pracy skrzętnie wykorzystywano na Syberii. Całe zastępy naszych rodaków uczestniczyły więc w pionierskim okresie poznawania rozległych zauralskich obszarów. Gospodarowały na nich, brały udział w ekspedycjach naukowych bądź samorzutnie zajmowały się otaczającą odmiennością kulturową, badając język, kulturę, zwyczaje i obyczaje tamtejszych ludów. Ciągnęli też Polacy dobrowolnie na Syberię pod koniec XIX i na początku XX wieku. Swoje rozważania zamyka stwierdzeniem „To byli polscy Rockefellerzy” [19].

Na tym samym portalu, o swojej rodzinnej miejscowości - Białymstoku w obwodzie tomskim, rozprawia Wasilij Chaniewicz, dyrektor Muzeum Memorialnego w Tomsku. Chaniewicz, przedstawiając los polskiej diaspory na przestrzeni lat, pokazuje skupienie się społeczności wokół kościoła jako instytucji integrującej, a jednocześnie stanowiącej nić łączącą z ojczyzną. Akcentuje przy tym przywiązanie polskiej społeczności do wiary katolickiej, które to pojęcia na Syberii często były tożsame. „Społeczność Białegostoku składała się na początku

XX wieku z ludzi głęboko wierzących, stąd też, już w 1906 r. wystosowano do władz prośbę o pozwolenie na budowę świątyni, a po jej utrzymaniu rozpoczęła się zbiórka pieniędzy i materiałów. W 1908 roku kościół był już gotowy i 13 czerwca 1910 roku poświęcony przez kanonika tomskiego Józefa Demikisa. Świątynia otrzymała wezwanie św. Antoniego Padewskiego. Od tego momentu osada posiadała oficjalnie status wsi i stała się centrum życia religijnego dla mieszkających w sąsiedztwie katolików m. in. z osady nowoaleksandrowskiej. Białostoczanie nie szczędzili sił i środków na budowę świątyni, pragnąc aby zarówno kształt, jak i układ budowli przypominał te znane z odległej ojczyzny, wszystkie przedmioty miały zwyczajne nazwy” [20].

Mówiąc o polskim Internecie warto zwrócić także uwagę na media społecznościowe, konkretnie na najpopularniejszy obecnie w Polsce serwis Facebook. Znajdziemy na nim m.in. dwie strony, które nawiązują w prezentowanych treściach do zagadnienia zsyłki na Syberię: „Genealogia Polaków” [21] oraz „Powstanie Styczniowe - wspólnie budujemy największą bazę wiedzy” [22]. Pierwszy z serwisów jest pracą genealogów, poszukiwaczy historii rodzinnych. Na jego łamach znaleźć możemy m.in. adnotacje odnośnie kobiet wspierających Powstanie Styczniowe, które zostały zesłane w głąb Rosji. Podobne zagadnienia podejmuje druga ze wspomnianych stron, będąca fanpagem akcji zbierania informacji o Powstańcach Styczniowych, tworzenia bazy biograficznej polskich powstańców, w tym także zesłańców.

Rozważając o mediach internetowych nie należy zapomnieć, że pełnią one funkcję mobilizacyjną. W przypadku Facebooka, tworzenie „wydarzeń” związanych z poszczególnymi akcjami ma na celu zachęcenie odbiorców do czynnego udziału w przedsięwzięciu, ale także do zainteresowania się zagadnieniem. Przykładem jest choćby zaproszenie do udziału w obchodach Roku Powstania Styczniowego w 2013 r. Poprzez fakt obecności tej omawianej tematyki w social media – najpopularniejszym obecnie kanale wymiany i dostarczanie informacji - zagadnienie XIX-wiecznej zsyłki nabiera nowego znaczenia.

Podsumowanie

Współczesna pamięć mediów masowych o zsyłkach i zesłańcach XIX wieku ujawnia się podczas rocznic historycznych bądź przy okazji różnorodnych eskapad pod hasłem „podróż polskimi śladami”. Przedstawiany obraz ówczesnych zsyłek pokazywany jest w kontraście do deportacji lat 40. XX w., ze szczególnym uwzględnieniem projektów badawczych, które z sukcesem przeprowadzili skazani na Syberię polscy działacze niepodległościowi. Na zdjęciach uzupełniających materiały prasowe, internetowe czy też zapisy rozmów radiowych widzimy często kolorowe domy, jasne ulice, uśmiechniętych starszych ludzi. Z materiałów medialnych wyłania się obraz, który jednak w zestawieniu z codziennością ma niewiele wspólnego. Wasilij Chaniewicz na łamach portalu Muzeum Pamięci Sybiru pisze, odnośnie zainteresowania polską diasporą na Syberii, że „jak dotąd w niewielkim stopniu pomaga [zainteresowanie – AK] polepszyć życie białostoczan [w obwodzie tomskim – AK] i rozwiązać ich codzienne problemy” [20]. Obraz przedstawiający w mediach barwne życie XIX wiecznych zesłańców przekładany jest na losy potomków tych ludzi, którzy współcześnie zmagają się w wieloma niedogodnościami. O tym jednak media wspominać się nie podejmują.

Spis Literatury:

1. *Sorlin, P.* Mass media / Pierre Sorlin ; [tł. Karolina Ciekot-Roczon]. Wrocław : Astrum, 2002. 248 s.
2. *Wojtak, M.* Sposoby przewartościowania kpiny w przekazach felietonistycznych / M. Wojtak // Wartości i wartościowanie w badaniach nad językami. Chełm, 2012. 249 s.
3. *Media* w społeczeństwie informacyjnym : praca zbiorowa = Media in information society / pod red. nauk. Ewy Jaski ; Szkoła Główna Gospodarstwa Wiejskiego. Wydział Nauk

Ekonomicznych. Podyplomowe Studia Medioznawcze i Zarządzania Informacją. Warszawa : Mazowiecka Oficyna Wydawnicza, 2011, 263 s.

4. *Uchwała* Senatu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 3 sierpnia 2012 r. // Monitor Polski. 2012. poz 588. T. 1 [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.monitorpolski.gov.pl/MP/2012/588/1](http://www.monitorpolski.gov.pl/MP/2012/588/1) (dostęp 25.03.2015).

5. *Leszczyński, A.* Tajna policja carów i jej polskie ofiary / A. Leszczyński // Ale historia, dodatek do „Gazeta Wyborcza”. 21.07.2014. S. 8.

6. *Pałkiewicz, J.* 2013, Archipelagi syberyjskie / J. Pałkiewicz // Plus Minus. Tygodnik Rzeczypospolitej, dodatek do „Rzeczpospolita”. 14-15.09.2013. S. 20-21.

7. *Michnik, A.* Nasz przyjaciel Hercen / A. Michnik // Gazeta Wyborcza. 16-17.02.2013.

8. *Michalska-Bracha, L.* Legenda powstania. Weteran wzorem / L. Michalska-Bracha // Pomocnik historyczny, dodatek do „Polityka”. 7.02.2014 [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.polityka.pl/pomocnikhistoryczny/1534205,1,legenda-powstania-weteran-wzorem.read](http://www.polityka.pl/pomocnikhistoryczny/1534205,1,legenda-powstania-weteran-wzorem.read) (dostęp z dnia 14.03.2015).

9. *Pałkiewicz, J.* Polscy badacze Syberii i Azji Środkowej / J. Pałkiewicz // Plus Minus. Tygodnik Rzeczypospolitej, dodatek do „Rzeczpospolita”. 24-25.07.2010. S. 14-15.

10. *Pałkiewicz, J.* Polski szlak na Syberii / J. Pałkiewicz // Rzeczpospolita. 24.08.2013. S. 5.

11. *Syta, M.* Syberia: podróż polskimi śladami / M. Syta // Polskie Radio. 19.07.2013 [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.polskieradio.pl/7/1691/Artykul/891947/](http://www.polskieradio.pl/7/1691/Artykul/891947/) (dostęp z dnia 15.03.2015).

12. *Pałkiewicz, J.* Pałkiewicz: polscy zesłańcy tak znani w Rosji, że nawet car im pomagał / J. Pałkiewicz // Polskie Radio. 5.06.2013 [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.polskieradio.pl/39/1364/Artykul/860091/](http://www.polskieradio.pl/39/1364/Artykul/860091/) (dostęp z dnia 17.03.2015).

13. *Książek, M.* Polak, którego znają jakuckie dzieci / M. Książek // Polskie Radio. 1.09.2014 [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.polskieradio.pl/8/3671/Artykul/1221445/](http://www.polskieradio.pl/8/3671/Artykul/1221445/) (dostęp z dnia 15.03.2015).

14. *Szlachetka, M.* Wyjątkowe zdjęcia sprzed 150 lat - portrety zesłańców / M. Szlachetka // Polska The Times. 18.09.2014 [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.polskatimes.pl/artykul/3540467,wyjatkowe-zdjecia-sprzed-150-lat-portrety-zeslancow,id,t.html](http://www.polskatimes.pl/artykul/3540467,wyjatkowe-zdjecia-sprzed-150-lat-portrety-zeslancow,id,t.html) (dostęp z dnia 10.03.2015).

15. *Krajewski, A.* Naczelny amant Rzeczypospolitej / A. Krajewski // Newsweek Polska, 22.10.2011 [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //polska.newsweek.pl/naczelny-amant-rzeczypospolitej,83711,1,1.html](http://polska.newsweek.pl/naczelny-amant-rzeczypospolitej,83711,1,1.html)

16. *Czarkowska, A.* Daleki Białystok // A. Czarkowska // Polskie Radio Białystok. 8.02.2013 [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.radio.bialystok.pl/reportaz/index/id/94650](http://www.radio.bialystok.pl/reportaz/index/id/94650) (dostęp z dnia 30.02.2014).

17. *Jastrzębski, M.* Polaków można spotkać w każdym zakątku Rosji / M. Jastrzębski // Polskie Radio. 9.11.2014 [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.polskieradio.pl/78/2807/Artykul/1293196/](http://www.polskieradio.pl/78/2807/Artykul/1293196/) (dostęp z dnia 10.03.2015).

18. *Sochacka, D.* Korzystanie z możliwości mediów społecznościach przez muzea martyrologii w komunikacji z użytkownikiem / D. Sochacka // Współczesne oblicza komunikacji i informacji : problemy, badania, hipotezy / red. Ewa Głowacka, Małgorzata Kowalska, Przemysław Krysiński. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2014, 484 s.

19. *Kuczyński, A.* Pierwsze kroki w kierunku Syberii / A. Kuczyński // Muzeum pamięci Sybiru [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.sybir.com.pl/pl/historia/689,Pierwsze-kroki-w-kierunku-Syberii.html](http://www.sybir.com.pl/pl/historia/689,Pierwsze-kroki-w-kierunku-Syberii.html) (dostęp z dnia 23.03.2015).

20. *Chaniewicz, W.* Białystok – polska wieś na Syberii. Przeszłość i teraźniejszość / W. Chaniewicz // Muzeum pamięci Sybiru [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.polskieradio.pl/78/2807/Artykul/1293196/](http://www.polskieradio.pl/78/2807/Artykul/1293196/)

//www.sybir.com.pl/pl/historia/682,Bialystok--polska-wies-na-Syberii-Przeszlosc-i-terazniejszosc.html (dostęp z dnia 23.03.2015).

21. *Genealogia Polaków* // Facebook [Źródło elektroniczne]. URL : http : //www.facebook.com/genealogiapolakow

22. *Powstanie Styczniowe - wspólnie budujemy największą bazę wiedzy* // Facebook [Źródło elektroniczne]. URL : http : //www.facebook.com/powstanie1863 (dostęp z dnia 23.03.2015).

A. Kaniewska

Image of the Polish exiles in Siberia (19th century) in contemporary media

Summary: Today the media are one of the key elements forming the image of the world. They have a wide range, and thus play a significant role in the development of society. The increasing commercialization of life, to some extent, is responsible for the perception of the history in the media. It is important to note that in contrast to the deportation of 40-ies of XX century, the image of the rebels in January Uprising is not a myth of martyrdom Siberia. In addition, information in the media about the modern travel is very interesting because it allows you to look differently at the exiles and the regions in which they have been.

Key words: Polish exiles, Siberia, media, exile, Polish scientists, settlers, media analysis

University of Wrocław (Szewska Street 49, 50-159 Wrocław; phone: +48 71 375 25 41; e-mail:sekret@hist.uni.wroc.pl).

УДК 94:343.264 (=162.1)(092)(571)

Л. А. Полежаева

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ В СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА НА СТРАНИЦАХ ПОЛОНИЙНОГО ИЗДАНИЯ «RODACY-SOOTEЧЕСТВЕННИКИ»

Аннотация: Тема польской диаспоры на территории Сибири на разных отрезках истории прямо или косвенно присутствует в самых различных материалах, публикуемых на страницах российско-польского издания «Rodacy-Соотечественники». В них находят отражение как сравнительно недавние события, так и вершившиеся в давно минувшем столетии. Данная статья посвящена судьбам польского народа, находившегося на сибирской земле в XIX – начале XX вв. Авторы этих публикаций, обратившиеся к исследованию обозначенного периода, – граждане России и Польши, преимущественно ученые. Такие публикации пробуждают интерес представителей современной польской диаспоры к своим предкам, способствуют формированию этнического самосознания, служат лучшему взаимопониманию между российским и польским народами.

Ключевые слова: история поляков в Сибири, популяризация; издание Rodacy-Соотечественники

Ежеквартальное русско-польское издание выходит уже более 17 лет. Первый номер вышел в свет в 1997 г. Изначальной целью данного издания ставилось освещение деятельности польского культурно-национального общества «Полония», организованного в 1993 г. в г. Абакане Республики Хакасия, и открывшейся следом, в 1994 г., воскресной Школы польского языка и культуры. Небольшая «домашняя» газета формата А 4, всего через три года «Rodacy-Соотечественники» стала популярной и в других регионах Сибири, среди членов польских культурно-национальных общественных организаций. Ряд из них в конце 90-х гг. прошлого века также начали издавать двуязычные русско-польские газеты («Dom Polski» – «Дом Польский», г. Томск; «Pierwsze kroki» – «Первые шаги», г. Улан-Удэ; «Przyjazd» – «Дружба», г. Красноярск, и др.).

Однако как в Польше, так и в России именно ежеквартальник «Rodacy» был признан лучшим среди подобных изданий. В 2000 г. по решению правления общероссийской организации «Конгресс поляков в России» изданию был присвоен статус Сибирского издания Конгресса поляков в России. За это время увеличилось количество его страниц, существенно расширилась география распространения – от г. Калининграда до г. Владивостока. И с осени 2001 г. «Rodacy» переходит на газетно-журнальный формат с полноцветной обложкой, а позднее и с вкладышами в цветном исполнении, в объеме 30-ти страниц.

С 2003 г. журнал «Rodacy» в польской и русской версиях присутствует и в Интернете. Здесь на странице www.rodacynasyberii.pl представлены все номера ежеквартальника, начиная с первого номера. Интернет-страница издания регулярно обновляется, в первую очередь, в тех разделах, которые касаются новостной информации или содержат какие-либо актуальные сообщения, обращения, просьбы к соотечественникам. Это, например, относится к таким разделам, как «Новости», «Актуальные события Полонии Сибири», «Форумы и конференции», «Поиск родственников» и другим.

Неослабевающее внимание к журналу основных его читателей – представителей польских диаспор, а также россиян, интересующихся Польшей, ее прошлым и настоящим, объясняется, на наш взгляд, обширной тематикой его публикаций. Тема – это всегда то, о чем повествует автор. Известные исследователи Г. С. Мельник и А. Н. Тепляшина определяют тему как «предмет, объект изображения в произведении; круг жизненных явлений, отражаемый художником, писателем, журналистом» [1, с. 269]. Совокупность тем образует тематику. Что становится предметом или объектом изображения, какова тематика типичного выпуска журнала «Rodacy» – это можно проследить, произвольно обратившись к одному из номеров недавнего времени. Нередко та или иная тема выражается в названии материала. Приведем выборочно названия некоторых из них: «Центру польской культуры и просвещения Республики Башкортостан – 15 лет», «Историко-краеведческая экспедиция в Акбулакский район Оренбуржья», «Памяти поляков, которые остались в Пинежской земле навсегда», «Drugi miedzynarodowy Festiwal Dni Polski na Syberii (Второй международный фестиваль «Дни Польши в Сибири)», «Международный конкурс "А. Мицкевич и А. Пушкин"», «Поляки в истории и культуре Урала», «Вроцлав, ты забываем! (Путевые заметки)», «Сибирский Краковяк» в Варшаве» [2, с. 6, 10, 16, 12, 22, 18, 26, 29].

Даже этот неполный перечень названий свидетельствует о большом разнообразии тематики публикаций русско-польского издания «Rodacy-Соотечественники». И это, несомненно, следует считать одним из факторов его популярности. Другой не менее важный – география публикаций, преимущественно авторских, собранных под одной обложкой. В уже упомянутом выше номере – Уфа, Оренбург, Калининградская область, Екатеринбург, Архангельская область, Пермь, Улан-Удэ, Барнаул, Минусинск, Вроцлав, Абакан, Варшава. Понятно, что перечень этот далеко не исчерпывающий

Изначально журнал позиционировал себя как культурно-просветительское издание [3, с. 2]. Ежеквартальник «Rodacy» последовательно освещает следующие основные темы: язык, образование, наука, культура, обычаи, традиции, праздники польского народа; исторические судьбы поляков; поляки и россияне в годы политических репрессий; возрождение полонийного движения в РФ; сегодняшняя жизнь граждан Польши, поляков и лиц польского происхождения в России.

При всем разнообразии тематики публикаций, сложившейся за полтора десятилетия существования «Rodacy», важнейшей особенностью этого издания является неразрывное присутствие прошлого и настоящего на его страницах. В наибольшей степени настоящее выражает себя в материалах о текущей деятельности более сорока польских культурно-национальных организаций в России. Однако эта деятельность наряду с изучением языка, культуры, обычаев, традиций, праздников польского народа почти повсеместно связана с обращением к истории, как сравнительно недавней, так и уходящей в глубь столетий. Во многих местных организациях действуют секции, отделы, краеведческие клубы, которые ведут работу по изучению польского историко-культурного наследия, архивной документации, по увековечению мест, связанных с пребыванием поляков в их регионе, облагораживанию польских захоронений на кладбищах, оказанию помощи в поисках родственников, организуют поисковые и историко-краеведческие экспедиции и открытия мемориалов. Обо всем этом и многом другом рассказывают сообщения в редакцию журнала из Тюмени и Оренбурга, Омска и Улан-Удэ, Екатеринбург и Иркутска, Енисейска и Барнаула, Перми и Новосибирска, Минусинска и Томска и еще из многих не упомянутых здесь мест.

Обращает на себя внимание география этих сообщений – в подавляющем большинстве это крупные административно-экономические, научные и культурные центры обширного сибирского региона, в котором на сегодня самая многочисленная в стране польская диаспора. Конечно, это неслучайно. На протяжении более четырех столетий Сибирь принимала ссыльных и каторжных, добровольных переселенцев и депортированных. Наибольшее количество среди них составляли поляки, особенно в XIX в. Это время для истории Польши ознаменовалось рядом мощных антиправительственных восстаний (1830 г., 1846 г., 1863 г.), участники которых ссылались в Сибирь. С середины XIX в. и в течение первых полутора десятилетий XX в. поток политических ссыльных иссякает, уступая первенство добровольным переселенцам из Польши. Для многих из них Сибирь впоследствии становилась второй родиной. Однако их потомки-сибиряки, имея польские корни, в более поздних поколениях постепенно почти полностью утрачивают свой родной язык, религию, национальные обычаи и традиции, что было обусловлено без малого столетием нахождения у власти большевиков.

Возрождение польского полонийного движения в России начинается в последние десятилетия XX в., в эпоху широких демократических перемен. В их числе едва ли не решающее значение приобретает процесс реабилитации многих народов, среди них и польского, чьи трагические судьбы были связаны с массовыми сталинскими репрессиями 30-х гг. и с несколькими волнами депортации поляков накануне и в первые годы Второй мировой войны. В первую очередь именно дети и внуки старшего наиболее пострадавшего от репрессий поколения, равно как и потомки добровольных переселенцев начинают повсеместно объединяться в национально-культурные общественные организации. А о своей деятельности спешат поделиться с читателями журнала. Обращение авторов к своим национальным корням, возрождение утраченного духовного и культурного опыта, восстановление родословных своих семей – вот главные идеи, которые пронизывают буквально все материалы, поступавшие из этих организаций в адрес редакционного совета издания «Rodacy-Соотечественники» на протяжении всех лет его выхода.

По мере расширения связей между организациями и обмена опытом работы с архивными материалами и краеведческими изысканиями, изданием в некоторых регионах первых брошюр многие члены полонийных центров начинают проявлять все больший интерес к истории польской диаспоры Сибири и отдельных судеб ее представителей. Особенно этот интерес усиливается в связи с проведением с начала 2000 г. международных научных конференций с участием ученых-полонистов Польши и России. Труды их издаются затем в виде сборников и книг. Правда, тиражи таких сборников очень скромные, и в стремлении популяризировать их в журнале «Rodacy» открывается рубрика *Nowe książki* (Новые книги). Титулы изданных книг (сборников) с краткими аннотациями размещаются на цветном вкладыше, а на смежной странице публикуется обзор их содержания или рецензия-отзыв. Подачу такой полезной информации можно увидеть, например, в «Rodacy» № 1 (25) за 2004 г. Названия сборников: «Поляки на Енисее», «Поляки в России: XVII–XX вв.», «Поляки ЗАТО г. Железногорска», рядом – комментарий «*Tragiczne losy Polaków w Rosji*» авторства Сергея Леончика [4, с. 17, 19].

Кстати, при всех несомненных заслугах Сергея Владимировича Леончика в возрождении и развитии полонийного движения новейшего времени в России и в Сибири, в частности, в контексте данной статьи стоит особо подчеркнуть его роль как редактора польской версии издания «Rodacy-Соотечественники». Историю пребывания поляков на сибирской земле, ссыльных и добровольцев, в такой сложный период, каким были XIX – начало XX вв., в разнотемных своих публикациях представили привлеченные С. В. Леончиком в качестве авторов журнала известные ученые из Республики Польша профессора Антоний Кучинский и Антоний Гиза. С подачи С. В. Леончика успешно сотрудничал с журналом преподаватель Ягеллонского университета Ян Грушинский. Сам он также не однажды выступал по обозначенному вопросу, в частности, о добровольном переселении поляков на сибирскую землю, о поляках-мазурах и селах их компактного проживания. Да и российских полонистов активно привлекал к сотрудничеству: профессор Болеслав Шостакович из г. Иркутска, Евгений Семёнов из г. Улан-Удэ, Василий Ханевич из г. Томска, Татьяна Улейская из г. Красноярска, Наталья Скоробогатова из с. Шушенского Красноярского края и ряд других. Причем подчас довольно объемные научные тексты польский редактор умело отстраивал под формат журнала, добиваясь изложения научных вопросов в максимально доступной, понятной для читателей форме. А это и есть ни что иное, как «популяризация научных знаний» – такое объяснение термину «популяризация» дается в Толковом словаре иноязычных слов Л. П. Крысина [5].

Надо сказать, что помимо ученых к теме поляков в Сибири в XIX в. обращались и члены современной полонии. Так, известный в Хакасии врач, дочь репрессированного, одна из организаторов общества «Полония» в г. Абакане Клара Кызласова в первом же номере перешедшего на журнальный формат ежеквартальника «Rodacy-Соотечественники» (№ 4 (16)) поделилась воспоминаниями о своем деде Витольде Гурницком. Отец его – Доминик Гурницкий, – за участие в партии «Пролетариат» в 1887 г. был сослан из г. Варшавы в Восточную Сибирь. Не желая смириться с разлукой с отцом, молодой Витэк, не имевший денег на столь дальнюю дорогу, отправился к нему в Сибирь пешком вместе с очередным этапом ссыльных. И дошёл! Позднее дед описал это путешествие в автобиографической книге. В 20-ть лет он женился на хакасской девушке, имел большую семью, много и трудно работал. Он знал несколько языков, играл на скрипке, на гитаре и очень любил внуков [6, с. 10–11].

Другая читательница журнала Изольда Новоселова (Коперская) из г. Иркутска также рассказывает о своем деде, ссыльном поляке Станиславе–Войцехе Коперском (№ 4 (64)). Участник восстания 1863 г., он был приговорен к 15 годам каторги в рудниках. Но будучи умельцем резьбы по дереву, в г. Иркутске был направлен на ремонт губернаторского дома, да так и задержался в этом городе. Через 20 лет он уже имел собственный

дом и столярное заведение по изготовлению мебели. Был глубоко верующим, участвовал в оформлении алтаря в местном костеле.

Иркутянка восстанавливает биографию своего предка преимущественно по материалам местного архива. И вот какую деталь она приводит по одной из летописей к портрету соотечественников своего деда: «...Студент математик делался здесь слесарем, кра- сильщиком, часовых дел мастером, столяром, помещик учился печь булки и печенье и продавать колбасу. Колбасные, кондитерские и некоторые другие производства исключительно полякам обязаны основанием и развитием в Сибири... Поляки за период своего пребывания внесли и некоторые свои симпатичные национальные качества: учтивость, сдержанность, такт и замечательно хорошее, сразу бросающееся в глаза, гуманное отношение с прислугой... В самом Иркутске долго не было учителей, кроме поляков. В деревнях и окружных городах ссыльные поляки были истинными носителями просвещения и грамоты»[7, с. 28–29].

Из 60-и номеров журнала «Rodacy-Соотечественники» нами обнаружено 18 публикаций на заявленную тему. Это сравнительно немного по сравнению с общей массой материалов, опубликованных на страницах издания за более чем 15 лет. Но следует иметь в виду, что по зарегистрированному статусу это прежде всего культурно-просветительское, а не специальное издание, к тому же двуязычное и иллюстрированное, с очень скромным объемом запечатываемой площади. Научные же материалы, и не только по рассматриваемому здесь вопросу, как правило, весьма объёмны и не всегда поддаются сокращению без ущерба для содержания. Перелажать их, то есть переводить в популярную форму – это весьма трудоёмкий процесс, еще и требующий специальных знаний и штатного сотрудника, тогда как небольшой редакционный совет трудиться над каждым выпуском едва не на общественных началах. При этом никому из авторов пока ещё не было отказано в публикации.

Вместе с тем мы полагаем, что та обширность и многообразие тематики поступающей и публикуемой корреспонденции в совокупности с сохраняющимся на сегодня объёмом материалов научного характера создают в целом достаточно гармоничную модель в информационно-коммуникативном пространстве, которая вполне удовлетворяет интересы нашей аудитории. Убедительным аргументом тому может служить присуждение звания лауреата международной Премии имени Мацея Плажиньского в номинации Редакция полонийного СМИ в апреле 2014 г. В наградном листе говорится: «за всесторонность освещаемой тематики, за ее историческую составляющую, освещение повседневной жизни польского общества в России, а также за память о судьбах поляков в России» [8, с. 4].

Список литературы

1. Мельник, Г. С. Основы творческой деятельности журналиста / Г. С. Мельник, А. Н. Тепляшина. СПб. : Питер, 2006. 272 с.
2. *Rodacy* (Соотечественники). 2012. № 1 (58). 32 с.
3. *Устав* общественного редакционного совета культурно-просветительского издания *Rodacy-Соотечественники*. Абакан, 2000. 3 с.
4. Nowe książki (Новые книги) // *Rodacy* (Соотечественники). 2004. № 1 (25) [Электронный ресурс] URL : [http : //www.rodacynasyberii.pl/rodacy_numer/2004/52/291](http://www.rodacynasyberii.pl/rodacy_numer/2004/52/291)
5. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. М. : Русский язык, 1998. 847 с.
6. *Kuzlasowa, K. Witold Gornicki – czlowiek i pisarz* // *Rodacy-Соотечественники*. 2001. № 4. (16).
7. Новоселова (Коперская), И. Ссылный поляк Станислав-Войцех Коперский / И. Новоселова (Коперская) // *Rodacy* (Соотечественники). 2014. № 4 (64). С. 28–29.
8. *Rodacy* (Соотечественники). 2014. № 2 (62). 32 с.

L. A. Polezhaeva

Popularization of the History of Polish Diaspora in Siberia in the 19th - early 20th century on the pages of Polonian publication «Rodacy – Countrymen»

This article is dedicated publications on the history of the appearance, the life and activity of Poles in Siberia, their relationship with the local community. The authors of these publications are the citizens of Russia and Poland, mostly scientists. Such publications cause the interest among representatives of the modern Polish Diaspora to their ancestors; also they contribute the formation of ethnic identity and provide mutual understanding between Russian and Polish.

Key words: history of Poles in Siberia; popularization; «Rodacy-Countrymen» publication

Katanov State University (655017, Lenina street 92, Abakan, Khakasia, phone number: 8 (3902) 22-34-82, e-mail: kafstilistiki@mail.ru)

УДК 39(316.773.3)

О. Ю. Рожнова

ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕМАТИКИ ПОЛЬСКОЙ ССЫЛКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛОНИИ СИБИРИ

Аннотация: Данная статья содержит описание и результаты контент-анализа печатных и электронных средств массовой информации, составляющих информационное пространство Полонии Сибири. Объектами мониторинга выступили периодические печатные издания «Rodacy» («Соотечественники») и «Новая Польша» за все время их функционирования, а также официальные сайты полонийных организаций и их сообщества в социальных сетях. Выбор данных объектов связан с тем, что ранее проведенное среди представителей полонийных организаций Сибири анкетирование с целью определения существующего вокруг них информационно-коммуникативного пространства показало популярность вышеуказанных коммуникационных носителей в полонийной среде. Предметом мониторинга стали материалы, которые содержат упоминания о польской ссылке в Сибирь, с целью определения их количества и выявления презентационных аспектов тематики польской ссылки. Для наглядного представления результатов анализа в статье присутствуют таблицы и диаграммы, отражающие количественные показатели информационных сообщений, которые содержат упоминания о польской ссылке в Сибирь, и выделенные тематические группы. Определив характер презентации темы польской ссылки в материалах рассматриваемых средств массовой информации, удалось выделить 11 тематических групп, а по количеству упоминаний о польской ссылке в Сибирь – определить степень востребованности данной темы со стороны России и Польши. Проведенное исследование является первым шагом к созданию системной классификации, представляющей польскую ссылку в Сибирь в полонийной среде и отражающей характер восприятия этого исторического события лицами, к настоящему присутствию которых в Сибири оно имеет прямое отношение.

Ключевые слова: презентационные аспекты, средства массовой информации, информационное пространство, «Rodacy», «Новая Польша», Полония Сибири, польская ссылка.

Введение

Тема польской ссылки в Сибирь давно заняла почетное место в отечественном научном сообществе, представляя собой палитру подходов к ее изучению и разнообразие аспектов рассмотрения. Данная тема не теряет актуальности и с каждым очередным исследованием предстает в новом научном облике, с введением в научный оборот новой источниковой базы, присутствием ранее не встречавшихся персоналий и определенными выводами по поставленной в исследовании научной проблеме.

В современном мире, в эпоху быстрого развития информационных технологий и их мгновенного внедрения в нашу жизнь, актуальным становится постановка и рассмотрение научной проблемы с последующим развитием дискурса в союзе со средствами массовой информации. Средства массовой информации – это механизм, позволяющий постоянно «держать руку на пульсе», отслеживать социальные настроения и перемены в них, что дает возможность быстрого реагирования на происходящие социальные изменения, индикатором которых они являются. В последнее время все чаще средства массовой информации оказываются в сфере академических исследований, выступая весомым источником информации. Анализу подвергаются печатные средства массовой информации, телевидение, радио, электронные средства массовой информации.

Обращаясь к проблеме польской ссылки в Сибирь, рассмотрим ее в ракурсе, представляющем для нас особый научный интерес, – посредством мониторинга печатных периодических изданий, которые по результатам анкетирования, проведенного среди представителей польских национальных объединений крупнейших городов Западной Сибири, оказались наиболее востребованными в полонийной среде. Также в поле мониторинга вошли интернет-сайты польских национальных объединений, причем к последним мы отнесли не только официальный сайт организации, но и страницы в социальной сети «ВКонтакте». В данном случае подвергшиеся контент-анализу средства массовой информации представляют информационно-содержательный, комплексный источник, включающий в себя различные по форме и содержанию материалы о польской ссылке в Сибирь. Мониторинг средств массовой информации, составляющих информационно-коммуникативное пространство Полонии Сибири, позволяет выявить основные презентационные аспекты тематики польской ссылки и создать единую палитру, в которой ссылка представлена лицам польского происхождения. Это важно в связи с тем, что к большей части из них данное событие имеет прямое отношение в виде их настоящего присутствия в Сибири.

Данное исследование посвящено рассмотрению и анализу тематического обзора польской ссылки в Сибирь во второй половине XVIII – начале XX вв., попадающего в поле зрения и оценки Полонии Сибири. Главная цель – определить количество материалов, в которых упоминается польская ссылка в Сибирь, с последующим объединением их в тематические группы. Материалом, оказавшимся в поле нашего зрения и попавшим в одну из определенных тематических групп, выступает информационное сообщение, которое содержит различного характера упоминание о польской ссылке в Сибирь. Характер презентации ссылки является критерием для определения тематических групп. Особого внимания заслуживают информационные сообщения, заголовки которых содержат маркеры «ссылка», «восстание», «ссылный», «повстанец».

Объекты и методы

Для реализации заявленной в исследовании цели мы обратились к ведущим средствам массовой информации, составляющим информационно-коммуникативное пространство польской диаспоры. Таковыми для нас выступают, в первую очередь, периодическая печать и интернет-каналы полонийных организаций, история создания которых берет свое начало именно с массовой ссылки поляков в Сибирь и формирования на ее территории польской диаспоры. В число выбранных нами для мониторинга объектов

вошли следующие средства массовой информации: периодические печатные издания «Rodacy» («Соотечественники») и «Новая Польша», сайты и сообщества в Интернете полонийных объединений крупнейших городов Западной Сибири (Новосибирск, Омск, Томск, Барнаул, Бийск). Используя метод контент-анализа, мы проанализировали вышеуказанные виды средств массовой информации. Мониторингу подверглись все выпуски издания «Rodacy» с момента основания до выхода последнего номера. Это период с 1997 по 2014 гг. Всего за это время выпущено 72 номера. Также в область анализа попали ежемесячные номера журнала «Новая Польша», число которых за период с 1999 по 2014 гг. составило 192. Выбранный нами метод исследования позволил определить количественные показатели обращений к теме польской ссылки и основное содержание этих обращений с российской и польской сторон. «Rodacy» в большей степени представлен коллективом авторов, которые являются гражданами России, и соответственно отражают тему польской ссылки, накладывая ее на российскую почву. Взгляд Польши на вопрос ссылки поляков в Сибирь можно проследить на страницах журнала «Новая Польша», в котором несомненное большинство авторов – граждане Республики Польша. Таким образом, перед нами представлена презентация польской ссылки в Сибирь, в первую очередь, в том содержании, в котором ее видят представители современной польской диаспоры Сибири.

Прежде чем перейти к описанию эмпирической части исследования, обратимся к истории объектов мониторинга и представим их краткую характеристику.

В 2014 г. среди представителей польских национальных организаций крупнейших городов Западной Сибири в рамках научного исследования процесса воспроизводства этничности посредством формирования собственного информационно-коммуникативного пространства проводилось анкетирование с целью определения средств массовой информации как способа выражения и внешнего проявления этничности. В одном из вопросов анкеты было предложено выбрать из ниже представленных вариантов ответов средства массовой информации, которыми пользуется респондент. В числе предложенных вариантов средств массовой коммуникации находились только имеющие прямое отношение к Полонии, а также те, которые включают события из жизни Полонии в свое содержание. К последним можно отнести, например, журнал «Территория согласия», издающийся в г. Томске.

Из предложенных средств массовой информации наибольший процент выбора оказался у журналов «Rodacy» [1] и «Новая Польша» [2]. Оба журнала давно известны и широко распространены в полонийной среде. Это обстоятельство обосновано, так как данные коммуникационные носители появились почти одновременно с большинством общественных организаций, объединивших этнических поляков и лиц польского происхождения на территории Сибири в 1990-е гг. Рассмотрим каждое из изданий подробнее.

В ноябре 1997 г. вышел первый номер «Rodacy» – сибирского ежеквартального издания, на страницах которого представлено два языка – русский и польский. Первые выпуски были представлены как четырехстраничная газета в формате А-4 с выходом в 100 экземпляров.

Создание данного издания связано с деятельностью польского культурно-национального общества «Полония», образованного в 1993 г. в Абакане, и Школы польского языка и культуры в Центре детского творчества столицы Республики Хакасия. Федеральная польская национально-культурная автономия «Конгресс поляков в России», объединяющая всю российскую Полонию, также выступила учредителем издания. Финансирование с момента создания исследуемого нами средства массовой информации и в настоящее время осуществляется из средств Министерства иностранных дел Республики Польша через Ассоциацию «Wspólnota Polska» в рамках программы «Помощи соотечественникам на Востоке». В ходе рассмотрения финансовой стороны наше внимание привлекли материалы IV съезда «Конгресса поляков в России», состоявшегося 1 декабря

2008 г. в г. Москве, на который прибыли представители 44 национально-культурных польских организаций России. Леончик С. В., редактор материалов на польском языке в журнале «Rodacy», в своем выступлении на этом мероприятии отметил, что вся полонийная пресса, включая и журнал «Rodacy», финансируется польской стороной. «Данные издания, в первую очередь, должны финансироваться за счет бюджета РФ, так как мы все, проживающие здесь, являемся гражданами России. Например, издание общества «Российский Дом» – газета «Европа.ру», выходящая ежемесячно в г. Варшаве, получает финансовую поддержку за счет программы по развитию национальных меньшинств Министерства внутренних дел и администрации Республики Польша...», – подчеркнул Сергей Владимирович [3].

Первоначально газета «Rodacy» выполняла функции местного значения, освещая события из жизни и деятельности хакасской Полонии и выступая вспомогательным материалом в процессе изучения польского языка на базе Школы польского языка и культуры.

Увеличившиеся состав аудитории и потребность в функционировании издания привели к расширению содержания и масштабов распространения. В содержании номеров журнала появились материалы представителей других полонийных организаций, что постепенно привело к оформлению данной формы коммуникации между польскими объединениями Сибири.

Потребность в газете «Rodacy», ее востребованность, признание и доверие к ней со стороны читателей сразу стали очевидными. В связи с вовлечением в информационное поле газеты других полонийных обществ возникла необходимость увеличения объемов. В этих условиях редакция газеты предпринимает попытку увеличить объем до 16 страниц, а тираж – до 1000 экземпляров. Успех проведенных действий подтверждает последовавшая вскоре официальная регистрация издания (№ X00160 от 24 декабря 1999 г.) и получение высокой оценки со стороны редакторов полонийных изданий, членов правления Федеральной национально-культурной автономии «Конгресс поляков в России». В 2000 г. газета «Rodacy» получила статус Сибирского издания «Конгресса поляков в России».

Этот период можно считать началом нового этапа в развитии издания. Появляется четкая структура и постоянные рубрики, расширяется тематическое содержание и увеличивается число публикаций. В 2001 г. (№ 16) «Rodacy» переходит к журнальному формату в цветном исполнении в объеме 30 страниц и тиражом 2000 экземпляров.

Следующим этапом теперь уже журнала «Rodacy» стало появление электронного варианта в Интернете [1]. Выход в медийное пространство позволил увеличить аудиторию и активизировать контакты в сибирской полонийной среде, а появление еженедельной программы на городском радио г. Минусинска, выпуски которой формируются на основании материалов издания, вывели польское слово за пределы печати [4].

Состав аудитории журнала представлен польской диаспорой, сосредоточенной в культурно-просветительские общественные организации, католическими приходскими, высшими учебными заведениями, преподаватели и студенты которых выстраивают научно-исследовательский характер общения с представителями Полонии, библиотеками, а также всеми, кого интересует польский язык и культура. В настоящее время, согласно выходным данным последнего выпуска журнала № 4 (64) 2014 г. тираж составляет 1000 экземпляров и выходит один раз в квартал (четыре раза в год) в двуязычном содержании публикаций. Распространяется бесплатно [5].

За годы работы в издании сложился авторский коллектив. В большинстве своем это руководители и члены полонийных организаций Сибири, ученые, занимающиеся историей польской диаспоры, представители польской стороны.

Культурно-просветительский статус журнал «Rodacy» подтверждает своим содержанием и характером публикаций. Основные темы: история, культура, образование, обычаи, традиции, праздники польского народа, судьбы выдающихся личностей польского

происхождения, в разное время внесших вклад в развитие регионов России, борьба поляков за свободу и независимость своего государства, сегодняшняя жизнь поляков и лиц польского происхождения в России и Польше. На страницах журнала присутствуют материалы о современном развитии делового сотрудничества России и Польши в различных областях. Информационный патронат журнала распространяется в различных сферах жизнедеятельности Полонии, причем в достаточно широких границах, включая и историческую родину полонийцев.

Анализируя цели, задачи, структуру и содержание, можно сделать вывод, что главная миссия данного печатного издания состоит в создании условий для консолидации Полонии всей России. Работая с этим изданием, можно выявить действующую форму коммуникационной организации для воспроизводства и представления «polskości». Также данный журнал можно назвать площадкой для международного сотрудничества и делового общения России и Польши в сфере науки, образования и культуры. К числу функциональных характеристик журнала следует отнести информационное обеспечение и поддержку полонийных мероприятий.

Объединив вышесказанное, отметим: периодическое печатное издание «Rodacy» – это повседневность Полонии Сибири в ее лицах, конкретных событиях и мероприятиях, в ее собственной программе жизнедеятельности, которая направлена на воспроизводство, сохранение и развитие польского языка, культуры и традиций.

В информационном пространстве Полонии Сибири немаловажное место занимает журнал «Новая Польша», который также стал объектом проводимого нами мониторинга.

«Новая Польша» – это польское издание, выходящее каждый месяц тиражом 5 000 экземпляров, начиная с 1999 г. Данный журнал издается польской Национальной библиотекой и полностью финансируется Министерством культуры Польши. Небольшая часть подлежит продаже на территории Польши, а также предоставлению на факультеты русистики в университетах Запада и США. Однако большинство экземпляров отправляется в публичные и университетские библиотеки, полонийные организации и католические приходы в России.

Идея создания подобного журнала принадлежит Ежи Гедройцу, редактору польского эмиграционного, издаваемого в г. Париже, ежемесячного журнала «Культура». В первом номере журнала «Новая Польша» Ежи Гедройц обратился к читателям с вступительным словом: «Выход в свет Вашего журнала я считаю событием, которое трудно переоценить, ибо от нормализации польско–российских отношений зависит не только будущее наших стран, но и будущее формирующейся объединенной Европы. Наша история – это кровотокающий регистр несправедливости и не сведенных счетов. Эти антагонизмы углублены взаимным незнанием. Как среди поляков, так и россиян бытуют деформированные представления друг о друге. Высокой целью Вашего журнала будет привлечение людей доброй воли с обеих сторон для того, чтобы изменить такое положение вещей. Ближе узнать друг друга и вместе искать пути не только нормализации, но и сотрудничества. Такие попытки были уже в прошлом, как например деятельность Герцена или Александра Ледницкого или же, в настоящее время, моей «Культуры»» [6].

Лешек Бальцерович, в 1999 г. вице-премьер Польши, в своем выступлении на презентации первого номера журнала отметил, что «...культура является хитом польского экспорта...» [7]. Если учитывать целевой характер журнала, заключающийся в стремлении к решению исторических противоречий между Россией и Польшей, которые мешают этим двум государствам выстраивать отношения, то, пожалуй, именно культура способна создать условия для урегулирования отношений и построения мирного взаимообогащающего сосуществования. Прежде всего, журнал должен привлечь внимание интеллигенции. «...Мы хотим издавать журнал для интеллигенции и элиты общественного мнения», – говорит Ежи Помяновский, главный редактор «Новой Польши» [7]. Содержание жур-

нала вполне способно отвечать запросам данной аудитории. Примерно 1/3 часть номера занимают тексты, перепечатанные из польской печати, значительное место уделено поэзии. На страницах журнала обсуждается польская литературная и культурная периодика. Редакция придает также большое значение общественной тематике. Среди авторов присутствуют польские публицисты различных направлений, а также группа русских профессоров и писателей.

Публицистическая деятельность авторского коллектива «Новой Польши» проходит в нескольких тематических аспектах: история польского присутствия в различных регионах России, в том числе современное состояние, сведения дневников, путевых заметок и воспоминания поляков, которые оказались в России в результате принудительной миграции и добровольного переселения, материалы литературного содержания (рассказы, стихотворения).

Таким образом, краткая характеристика печатных периодических изданий «Rodacy» и «Новая Польша» позволяет отметить, что оба средства массовой информации в полонийной среде присутствуют давно. За это время в них сложился постоянный авторский коллектив, что, однако, не исключает возможности участия желающих представить свою публикацию на страницах этих журналов. Оба журнала выполняют ряд важных функций, имеющих основополагающее значение в области отношений России и Польши. «Rodacy» выполняет роль информационного патрона полонийных организаций, а в некоторых случаях информационное обеспечение осуществляется и на территории Республики Польша. Отражение повседневного состояния Полонии Сибири на страницах издания позволяет консолидироваться представителям польской диаспоры и в условиях иной этнокультурной среды сохранять и воспроизводить этничность.

Функционирование журнала «Новая Польша» направлено на выполнение миссии избавления от фантомов исторической памяти в выстраивании отношений между Россией и Польшей, а также развития деловых отношений двух государств в сферах науки, образования и культуры. Другими словами и «Rodacy», и «Новая Польша» – это площадки для диалога и сотрудничества Российской Федерации и Республики Польша. Реализацию указанных функций подтверждает содержание материалов в том и другом изданиях, которое представлено аудитории в двух интерпретациях – российской и польской.

В условиях тесного исторического сплетения судеб России и Польши закономерным является присутствие в содержании изданий «Rodacy» и «Новая Польша» темы польской ссылки в Сибирь. В рамках данного исследования мы обратились к этой теме и провели контент-анализ вышеуказанных печатных средств массовой информации на предмет выявления количества обращений к различным аспектам польской ссылки в Сибирь и определения основных презентационных тематических групп, через которые представлено данное явление в информационном пространстве Полонии Сибири.

Результаты исследований и их обсуждение

Для проведения исследования были собраны все выпуски изданий «Rodacy» и «Новая Польша» от времени основания и до 2014 г. включительно. Нас интересовали все материалы, содержащие упоминания любого характера о польской ссылке в Сибирь. Всего в ходе мониторинга указанных печатных изданий было зафиксировано 159 публикаций, в которых упоминалась польская ссылка в Сибирь. Из них 148 публикаций содержится на страницах издания «Rodacy», что составило преимущественное большинство – 93%. 11 публикаций, в которых также были обнаружены обращения к теме ссылки поляков в Сибирь, представлены в выпусках «Новой Польши» - оставшиеся 7%. Распределение материалов на тематику польской ссылки по годам выхода изданий и номерам выпусков представлено ниже (табл. 1, табл. 2).

Таблица 1

Распределение материалов на тематику польской ссылки в печатном периодическом издании «Rodacy» (в единицах)

Год издания	Количество материалов / Номер выпуска				ВСЕГО
	1	2	3	4	
1997	1	-	-	-	1
1998	2	-	-	-	2
1999	-	-	-	-	0
2000	-	-	2	-	2
2001	-	-	1	2	3
2002	-	1	-	3	4
2003	7	2	1	-	10
2004	2	2	3	4	11
2005	1	4	1	5	11
2006	4	4	2	5	15
2007	4	1	3	4	12
2008	3	6	5	3	17
2009	4	2	2	8	16
2010	4	3	2	5	14
2011	4	3	1	1	9
2012	3	-	-	-	3
2013	2	5	-	-	8
2014	4	1	4	1	10
ВСЕГО	45	35	27	41	148

Таблица 2

Распределение материалов на тематику польской ссылки в печатном периодическом издании «Новая Польша» (в единицах)

Год издания	Количество материалов / Номер выпуска												ВСЕГО
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
1999	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
2000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
2001	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
2002	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
2003	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
2004	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
2005	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
2006	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
2007	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
2008	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
2009	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
2010	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	2
2011	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
2012	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
2013	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
2014	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2
ВСЕГО	0	2	0	1	1	0	0	0	1	1	2	3	11

Кроме выявления количества материалов, включающих упоминания о польской ссылке в Сибирь, в заявленную в исследовании цель входило определение характера презентации польской ссылки в публикациях исследуемых изданий и выделение на основании этого основных тематических групп. Таким образом, в ходе анализа презентационных аспектов польской ссылки на страницах журналов «Rodacy» и «Новая Польша» было выделено 11 основных тематических групп. В таблице представлено распределение количества публикаций между тематическими группами в единицах и процентах (табл. 3).

Таблица 3

Распределение материалов на тематику польской ссылки в печатных периодических изданиях «Rodacy» и «Новая Польша» в соответствии с выделенными тематическими группами (в единицах и процентах)

Тематические группы публикаций	Количество публикаций			
	«Rodacy»		«Новая Польша»	
	единицы	%	единицы	%
Региональная история поляков в Сибири	25	16,2	2	16,7
Роль польских ссыльных в развитии Сибири	5	3,2	2	16,7
Общественно-политическая деятельность поляков в месте ссылки (продолжение борьбы за независимость)	5	3,2	-	-
Тема польской ссылки в материалах музейных экспозиций (выставок), которыми располагают полонийные организации	2	1,3	-	-
Отражение мероприятий, посвященных восстаниям и польской ссылке (состоявшиеся научные конференции (sesja naukowa), выставки, конкурсы и проекты, циклы встреч, открытие памятников), которые проходили в России	32	20,8	2	16,7
Отражение мероприятий (состоявшиеся научные конференции (sesja naukowa), выставки, конкурсы и проекты, циклы встреч, открытие памятников), которые проходили в Польше	7	4,5	1	8,3
Презентация научных трудов, посвященных польской ссылке (книги, материалы научных конференций, обзор новых изданий, предстоящие защиты диссертационных исследований, интервью с учеными)	22	14,3	2	16,7
В биографическом содержании	39	25,3	3	25
В информационных письмах предстоящих научных конференций	3	1,9	-	-
Через призму деятельности полонийных организаций (обращение к исторической памяти в рамках Дней польской культуры)	9	5,8	-	-
Об объектах, с которыми были связаны ссыльные поляки (польские захоронения, костёлы, здания)	5	3,2	-	-
ВСЕГО:	154		12	

Обращаем внимание, что представленное в таблице количество единиц публикаций не соответствует ранее упомянутым и зафиксированным в табл. 1 и 2. Согласно данным, представленным в табл. 1, в печатном периодическом издании «Rodacy» было выделено 148 публикаций, содержащих упоминание о польской ссылке в Сибирь, а в табл. 3 это число увеличилось до 154. Увеличение на 1 единицу отмечаем и в данных по журналу «Новая Польша». Данное обстоятельство связано с тем, что некоторые публикации с представленными в них аспектами ссылки поляков в Сибирь имеют двойкий характер, и поэтому мы отнесли их сразу к двум тематическим группам. Для наглядности результаты распределения публикаций по тематическим группам мы представили с помощью диаграмм (диаграмма 1, диаграмма 2).

На представленных диаграммах изображено распределение материалов печатных периодических изданий «Rodacy» и «Новая Польша», которые содержат упоминания о польской ссылке в Сибирь, в соответствии с тематическими группами, выделенными нами на основании сравнительного анализа характера содержания публикаций. В ходе исследования было определено 11 презентационных аспектов, в которых представлена ссылка в Сибирь на страницах анализируемых средств массовой информации.

На диаграмме 1 отражены процентные данные, относящиеся к «Rodacy». Материалы именно этого издания позволили нам выделить тематические группы. Соответственно публикации журнала распределились по всем группам. Подсчет производился от общего количества публикаций, распределенных между тематическими группами, – 154.

Диаграмма 1

Самое большое количество публикаций, в которых представлена польская ссылка в Сибирь, – 39, что составило 25,3%, имеет биографический характер содержания. Ссылка в данном случае упоминается в истории жизни выдающихся поляков, причем ссылка касалась героя статьи косвенно, например, через его родителей, или он сам был сослан в Сибирь. Например, одна из подобного рода публикация носит название, которое говорит само за себя: «Ссылный ксендз Николай Сволькен на Алтае» [8, с. 27].

32 публикации (20,8%) мы отнесли к группе «Отражение мероприятий, посвященных восстаниям и польской ссылке (состоявшиеся научные конференции (sesja naukowa), выставки, конкурсы и проекты, циклы встреч, открытие памятников), которые проходили в России». В эту презентационную группу вошли материалы, которые содержат информацию о проведении различных мероприятий. В основном речь идет о научных конференциях, посвященных польской ссылке. Ряд мероприятий связан с юбилейной датой январского восстания 1863 г. в Царстве Польском. Например, «По следам Оренбургских ссылных» под таким названием в г. Оренбурге состоялась конференция, приуроченная к 140-летию польского восстания 1863 г.

Диаграмма 2

Третья позиция принадлежит материалам, освещающим историю польского присутствия в различных регионах Сибири – 25 публикаций (16,2%). Излагая историю пребывания и формирование польской этнической группы в каком-либо регионе, в качестве главного фактора появления поляков на той или иной территории называют ссылку. Следует отметить, что статьи подобного характера в журнале «Rodacy» часто встречаются с однотипными заголовками: «Поляки в ...», «История поляков в ...», «Польские следы в ...», «Частичка Польши в ...». Например, «Поляки в Омской области» [9, с. 21]. Также подчеркнем, что публикации, относящиеся к этой группе, встречались нам в основном в первых выпусках «Rodacy». Данное обстоятельство обусловлено тем, что время создания журнала и первоначальные годы его деятельности совпадают с массовым появлением полонийных организаций в Сибири.

Замыкают четверку преимущественных лидеров материалы, в которых отражена презентация научных трудов, посвященных польской ссылке в Сибирь. В 22 информационных сообщениях, что составило 14,3%, вниманию читателей представлен обзор новых научных изданий, материалы научных конференций, также

встречаются объявления о предстоящих защитах диссертационных исследований, размещены интервью с учеными. Однако большая часть заметок посвящена презентации новых книг.

Тема ссылки оказалась во внимании современных польских общественных объединений. В 9 публикациях (5,8%) представлена информация о мероприятиях, посвященных памяти ссыльных. В основном их проведение входило в рамки Дней польской культуры.

7 информационных сообщений в «Rodacy» (4,5%) отражают мероприятия, главным сюжетом которых является ссылка в Сибирь, состоявшиеся в Польше. Например, «Zesłania wieków XIX i XX. Historia i świadkowie» – pod takim tytułem odbyła się 11 stycznia 2011 r. sesja naukowa na Katolickim Uniwersytecie Lubelskim Jana Pawła II [10, с. 23].

Равное количество публикаций – 5 – распределилось среди трех тематических групп и составило по 3,2% на каждую. Как оказалось, все три группы еще и связаны между собой тем, что они отражают деятельность ссыльных на месте пребывания. В статьях отмечена роль польских ссыльных в развитии Сибири. Также в 5 информационных сообщениях речь идет об объектах, с которыми были связаны ссыльные поляки. Это польские захоронения, костёлы, отдельные здания. Особое место занимает представление общественно-политической деятельности поляков в месте ссылки, сводящееся к продолжению борьбы за независимость. В ходе мониторинга мы обнаружили статью с названием «За право на независимость» о заметной роли поляков, сосланных в Оренбургскую губернию за участие в восстании 1863 г. и продолживших борьбу, которая заключалась в проведении активной агитационной работы [11].

3 заметки представляют информационные письма к предстоящим научным конференциям – 1,9%. В данном случае польская ссылка отражена в теме конференции, цели и направлениях работы. В качестве примера укажем одну из заметок. Информационное письмо, относящееся к Международной научной конференции в Иркутске «Актуальные вопросы истории сибирской ссылки участников январского польского восстания 1863–1864 гг.» [12, с. 29]. Тема польской ссылки в Сибирь – центральная в работе данного научного мероприятия.

Завершает шкалу количественного распределения материалов в издании «Rodacy», содержащих обращение к тематике польской ссылки в Сибирь, 2 публикации (1,3%), в которых указано о наличии в материальной базе полонийных организаций музейных экспозиций и выставок, посвященных интересующей нас теме. Из текста статьи: «Латарник» располагает музеем «Поляки в Тюменском крае» (общее число единиц хранения – свыше 4 тысяч подлинных предметов материальной культуры поляков в Сибири XVII–XX вв.), единственным в России историко-этнографическим музеем такого профиля, хорошо известным как в нашей стране, так и в Республике Польша. Кроме постоянной экспозиции, неизменным интересом у посетителей пользуются временные выставки «Ссыльные повстанцы 1863–1864 гг. в Тюмени»...» [13, с. 14].

Некоторые материалы по характеру упоминания в них о польской ссылке в Сибирь можно отнести к двум тематическим блокам. Этим объясняется шести единичная разница общего числа публикаций издания «Rodacy», представленного в табл. 1 и 3. Приведем некоторые примеры. В одной из публикаций представлен подробный отчет о проходившей в г. Красноярске конференции «История и культура поляков в Сибири». Данный материал объединил два презентационных аспекта. Его мы отнесли к тематической группе о мероприятиях, посвященных ссылке, которые проходили в России, и в группу, содержащую обзор научных трудов, так как в рамках статьи был подробно представлен сборник материалов конференции «Польская интеллигенция в Сибири 19–20 вв.» [14, с. 9]. Подобный подход мы использовали и в случае с конференцией «Сибирская деревня: история, современное

состояние, перспективы развития», проходившей в Омске в рамках Дней польской культуры [15].

Диаграмма 2 составлена на основании данных, относящихся к изданию «Новая Польша». Процентные доли на каждую из тематических групп высчитывались от общего числа публикаций, которое составило 12 единиц. По сравнению с итоговым количеством, приведенном в табл. 2, наблюдается увеличение на 1 единицу.

Уже при первом взгляде на диаграмму 2 очевидна большая разница с данными, которые отражены на диаграмме 1. 5 из 11 презентационных аспектов польской ссылки в издании «Новая Польша» оказались не представлены. По 4 группам наблюдаются равнозначные показатели.

Из 12 публикаций в журнале «Новая Польша», которые содержат упоминания о польской ссылке в Сибирь, 3 единицы (25%) представлены в биографическом содержании.

Сразу 4 тематические группы отразились в диаграмме одинаково в связи с равным количеством отнесенных к ним статей. В каждую из них было определено 2 статьи, что составило 16,7%. В количественных показателях одинаково оказались представлены следующие презентационные аспекты тематики польской ссылки: региональная история поляков в Сибири, роль польских ссыльных в развитии Сибири, отражение мероприятий, посвященных восстаниям и польской ссылке (состоявшиеся научные конференции (sesja naukowa), выставки, конкурсы и проекты, циклы встреч, открытие памятников), которые проходили в России, презентация научных трудов, посвященных польской ссылке (книги, материалы научных конференций, обзор новых изданий, предстоящие защиты диссертационных исследований, интервью с учеными).

Последней представленной в диаграмме тематической группой, в которую вошла только 1 публикация (8,3%), является группа, отражающая мероприятия, центральной темой которых выступали восстания и польская ссылка, которые состоялись в разное время в Польше.

Таким образом, количественные показатели распределения материалов на тематику польской ссылки в печатных периодических изданиях «Rodacy» и «Новая Польша» в соответствии с выделенными тематическими группами, представленные нами в табл. 3 и диаграммах 1 и 2, на наш взгляд, следует также соединить в одну диаграмму, что позволит нам увидеть еще более ясное отражение тематики польской ссылки в Сибирь в анализируемых средствах массовой информации, которые, напомним, представлены двумя сторонами – российской и польской, и в последующем оформить выводы по исследованию.

Таблица 4

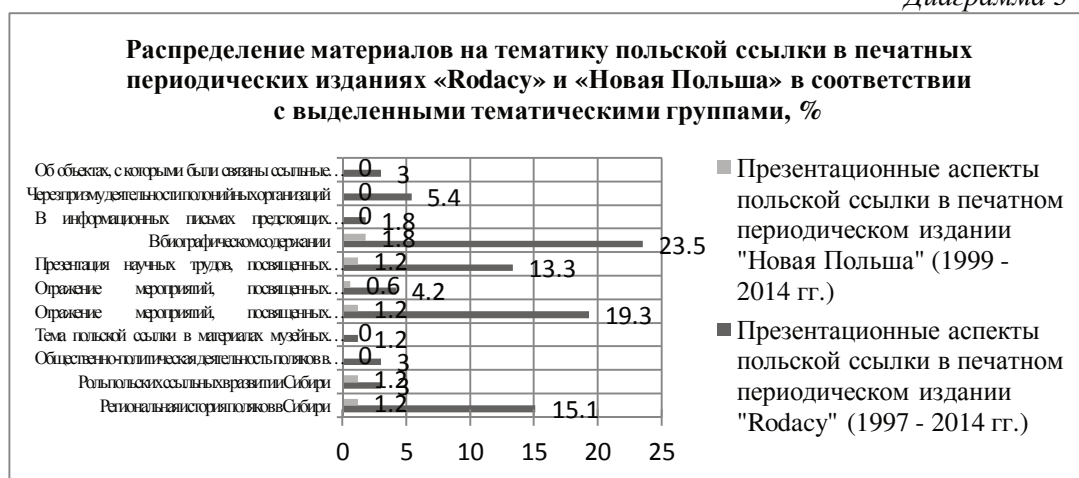
Распределение материалов на тематику польской ссылки в печатных периодических изданиях «Rodacy» и «Новая Польша» в соответствии с выделенными тематическими группами (в единицах и процентах)

Тематические группы публикаций	Количество публикаций			
	«Rodacy»		«Новая Польша»	
	единицы	%	единицы	%
Региональная история поляков в Сибири	25	15,1	2	1,2
Роль польских ссыльных в развитии Сибири	5	3	2	1,2
Общественно-политическая деятельность поляков в месте ссылки (продолжение борьбы за независимость)	5	3	-	-
Тема польской ссылки в материалах музейных экспозиций (выставок), кото-	2	1,2	-	-

рыми располагают полонийные организации				
Отражение мероприятий, посвященных восстаниям и польской ссылке (состоявшиеся научные конференции (sesja naukowa), выставки, конкурсы и проекты, циклы встреч, открытие памятников), которые проходили в России	32	19,3	2	1,2
Отражение мероприятий (состоявшиеся научные конференции (sesja naukowa), выставки, конкурсы и проекты, циклы встреч, открытие памятников), которые проходили в Польше	7	4,2	1	0,6
Презентация научных трудов, посвященных польской ссылке (книги, материалы научных конференций, обзор новых изданий, предстоящие защиты диссертационных исследований, интервью с учеными)	22	13,3	2	1,2
В биографическом содержании	39	23,5	3	1,8
В информационных письмах предстоящих научных конференций	3	1,8	-	-
Через призму деятельности полонийных организаций (обращение к исторической памяти в рамках Дней польской культуры)	9	5,4	-	-
Об объектах, с которыми были связаны ссылки (польские захоронения, костёлы, здания)	5	3	-	-
ВСЕГО:	154		12	

Проценты, указанные в табл. 4, высчитывались от общего числа публикаций в обоих изданиях – 166. Представленная ниже диаграмма наглядно отражает невосребованность тематики польской ссылки в Сибирь журналом «Новая Польша», издающегося в Республике Польша (диаграмма 3).

Диаграмма 3

Отдельным сюжетом следует отметить употребление маркеров, относящихся к польской ссылке, в заголовках статей в печатных периодических изданиях, которые с нашей стороны были подвергнуты мониторингу. Из всех выделенных публикаций, в которых присутствовало упоминание о ссылке поляков, 17 имели название, отражающее интересующее нас содержание статьи. 14 публикаций с находящимися в заголовках маркерами «восстание», «ссылка», «повстанец», «ссылный» размещены в издании «Rodacy», оставшиеся 3 – в «Новой Польше». Например, «Ссылный поляк Станислав Войский-Коперский». Такой заголовок обнаружен в одном из выпусков «Rodacy» [16].

Кроме печатных изданий в информационном пространстве Полонии Сибири присутствуют электронные средства массовой информации, которые особенно популярны среди молодежи. В данном исследовании основное внимание мы уделили печатным средствам массовой коммуникации, подробно представив результаты проведенного контент-анализа изданий «Rodacy» и «Новая Польша».

Оценка отражения тематики польской ссылки в Сибирь в электронных средствах массовой информации осуществлялась в рамках мониторинга официальных сайтов полонийных организаций и их сообществ в социальной сети «ВКонтакте». На предмет присутствия в навигации и содержании электронных ресурсов упоминаний о ссылке поляков в Сибирь были проанализированы: сообщества в социальной сети «ВКонтакте» «ДОМ ПОЛЬСКИЙ» в Новосибирске "DOM POLSKI" w Nowosybu», «Центр польской культуры "DOM POLSKI" в Томске», «Национальный польский центр "Ogzeł Biały"» г. Бийска, «Польский центр "ПОЛОНЕЗ" в Омске», а также официальные сайты «ДОМ ПОЛЬСКИЙ в Томске» и «Алтайская краевая культурно-просветительская общественная организация "ДОМ ПОЛЬСКИЙ"». Итоговым результатом проведенного мониторинга, цель которого состояла в выявлении информационных сообщений о ссылке поляков в Сибирь, стало то, что в электронном информационном поле сибирской Полонии упоминания о польской ссылке отсутствуют.

Заключение

По итогам контент-анализа средств массовой информации, которые являются наиболее востребованными в полонийной среде, на предмет определения количества публикаций, содержащих упоминания о польской ссылке в Сибирь, и выявления презентационных аспектов тематики польской ссылки в информационно-коммуникативном пространстве Полонии Сибири необходимо констатировать, что поставленные в исследовании задачи удалось выполнить, опираясь на данные, полученные из печатных периодических изданий, а научно-исследовательский поиск в электронном информационном поле Полонии позволил зафиксировать отсутствие объектов мониторинга. Мы можем объяснить данную ситуацию разницей функциональной нагрузки этих средств массовой информации. Сайты и сообщества в социальных сетях – это активное поле повседневной деятельности Полонии. Они отражают современные процессы и выполняют, в первую очередь, функции быстрого доступа, обмена и обновления информации. В настоящее время это, пожалуй, самая приемлемая для полонийных организаций форма коммуникации.

В ходе работы с печатными периодическими изданиями «Rodacy» и «Новая Польша» сразу стала очевидной большая разница в количественном представлении материалов, в которых присутствуют упоминания о польской ссылке в Сибирь. Сопоставив хронологические рамки функционирования анализируемых изданий и количество выпусков в год, фиксируем многократно превосходящую частоту обращений к теме польской ссылки в Сибирь на страницах издания «Rodacy», несмотря на то, что «Rodacy» выпускает в три раза меньше номеров в год. Проанализированные издания выпускаются российской («Rodacy») и польской («Новая Польша») сторонами, в связи с чем, следует предполагать, что в Польше тема польской ссылки в Сибирь будируется очень редко.

Характер представления польской ссылки в информационных сообщениях также весьма различается. В «Rodacy» представлен широкий спектр обращений к теме польской ссылки в Сибирь, распределенный среди разных контекстов. Информация в подавляющей части публикаций заявлена фрагментарно, сопутствуя основному содержанию материала. Журнал «Новая Польша» отличается освещением темы польской ссылки в контексте рассмотрения ее как исторического события. Почти во всех публикациях в «Новой Польше», в которых представлена ссылка, заголовки содержат соответствующие маркеры.

В результате рассмотрения характера представления польской ссылки в информационных сообщениях мы выявили 11 тематических групп, в рамках которых она представлена: региональная история поляков в Сибири, роль польских ссыльных в развитии Сибири, общественно-политическая деятельность поляков в месте ссылки (продолжение борьбы за независимость), тема польской ссылки в материалах музейных экспозиций (выставок), которыми располагают полонийные организации, отражение мероприятий, посвященных восстаниям и польской ссылке (состоявшиеся научные конференции, выставки, конкурсы и проекты, циклы встреч, открытие памятников), которые проходили в России; отражение мероприятий (состоявшиеся научные конференции, выставки, конкурсы и проекты, циклы встреч, открытие памятников), которые проходили в Польше, презентация научных трудов, посвященных польской ссылке (книги, материалы научных конференций, обзор новых изданий, предстоящие защиты диссертационных исследований, интервью с учеными), в биографическом содержании, в информационных письмах предстоящих научных конференций, через призму деятельности полонийных организаций (обращение к исторической памяти в рамках Дней польской культуры), об объектах, с которыми были связаны ссыльные поляки (польские захоронения, костёлы, здания).

Сопоставив полученные данные, констатируем, что лидирующие позиции в проанализированных изданиях занимают четыре тематические группы, которые представлены большим количеством публикаций: в биографическом содержании, отражение мероприятий, посвященных восстаниям и польской ссылке (научные конференции, выставки, конкурсы и проекты, циклы встреч, открытие памятников), которые проходили в России, региональная история поляков в Сибири и презентация научных трудов, посвященных польской ссылке (книги, материалы научных конференций, обзор новых изданий, предстоящие защиты диссертационных исследований, интервью с учеными). В журнале «Новая Польша» также отдается предпочтение публикациям, отражающим роль польских ссыльных в развитии сибирского региона.

Подобный характер презентации тематики польской ссылки в Сибирь свидетельствует о том, что рассмотрение исторического события в данном случае и формирование отношения к исторической памяти осуществляется, в первую очередь, через призму судеб поляков и их вклада в развитие Сибири. Представление научной деятельности, касающейся проблемы ссылки в Сибирь, а также отражение мероприятий, посвященных этому событию, обусловлено необходимостью сохранения исторической памяти о переломных событиях в судьбе польского народа и формированием интереса и уважительного отношения к этой памяти молодого поколения.

Список литературы:

1. «Rodacy» – numery // Rodacy Na Syberii [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.rodacynasyberii.pl/ogloszenia/1/1/64/](http://www.rodacynasyberii.pl/ogloszenia/1/1/64/) (dostęp: 03.03.2015).
2. *Новая Польша* [Электронный ресурс]. URL : [http : //www.novpol.ru/index.php?id=130](http://www.novpol.ru/index.php?id=130) (дата обращения: 03.03.2015).

3. IV съезд Конгресса поляков в России // Сайт Федеральной национально-культурной автономии поляков «Конгресс поляков в России» [Электронный ресурс]. URL : [http : //www.polygonarosi.ru/ru/zycie_kongresu/3/IV-CEZD-KONGRESSA-POLJAKOV-V-ROSSII](http://www.polygonarosi.ru/ru/zycie_kongresu/3/IV-CEZD-KONGRESSA-POLJAKOV-V-ROSSII) (дата обращения: 03.03.2015).

4. «Rodacy» – Radio // Rodacy Na Syberii [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.rodacynasyberii.pl/ogloszenia/1/1/64/](http://www.rodacynasyberii.pl/ogloszenia/1/1/64/) (dostęp: 03.03.2015).

5. «Rodacy». 2014. № 4 (64) [Źródło elektroniczne]. URL : [http : //www.rodacynasyberii.pl/upload/numery/rodacy_4_2014_\(64\).pdf](http://www.rodacynasyberii.pl/upload/numery/rodacy_4_2014_(64).pdf) (dostęp: 03.03.2015).

6. Гедройц, Е. К читателям «Новой Польши» / Е. Гедройц // Новая Польша. 1999. № 1 [Электронный ресурс]. URL : [http : //www.novpol.ru/index.php?id=79](http://www.novpol.ru/index.php?id=79) (дата обращения: 03.03.2015).

7. История // Новая Польша [Электронный ресурс]. URL : [http : //www.novpol.ru/index.php?id=73](http://www.novpol.ru/index.php?id=73) (дата обращения: 03.03.2015).

8. Никулина, И. Н. Ссылный ксендз Николай Сволькен на Алтае / И. Н. Никулина // Rodacy. 2004. № 4 (28). С. 27.

9. Доброноженко, О. Поляки в Омской области / О. Доброноженко // Rodacy. 2006. № 2 (35). С. 21.

10. Leończyk, S. W. Sesja naukowa w Lublinie / S. W. Leończyk // Rodacy. 2011. № 19 (54). S. 23.

11. Закирова, А. За право на независимость / А. Закирова // Rodacy. 2003. № 1 (21). С. 18–19.

12. Международная научная конференция в Иркутске // Rodacy. 2007. № 1 (38). С. 29.

13. Филь, С. Г. «Latarnik» – смотритель маяка польской культуры в Тюменской области / С. Г. Филь // Rodacy. 2003. 1 (21). С. 14–16.

14. Leończyk, S. W. Zostaly opublikowane materiały konferencji o inteligencji polskiej na Syberii / S. W. Leończyk // Rodacy. 2008. № 2 (43). S. 9.

15. Столяров, П. Дни польской культуры и конференция «Сибирская деревня...» в Омске / П. Столяров // Rodacy. 2008. № 2 (43). С. 18–20.

16. Новоселова (Коперская), И. Ссылный поляк Станислав Войский-Коперский / И. Новоселова (Коперская) // Rodacy. 2014. № 4 (64). С. 28–29.

O. U. Rozhkova

The presentation aspects topics of polish exile in the information environment of Polonia in Siberia

Summary: This article describes the results of content analysis of print and electronic mass media that make up the information environment of Polonia in Siberia. The monitoring objects were periodicals “Rodacy” (“Compatriots”) and “New Poland” for the period of their operation, as well as the official websites of Polonia organizations and their communities in social networks. The choice of these facilities due to the fact that the previously conducted among representatives of Polonia organizations Siberia survey to determine existing around them information and communication environment showed the popularity of the above communication carriers in Polonia environment. The subject of monitoring were materials that contain references to the Polish exile in Siberia, in order to determine their amount and identify aspects of the presentation topics Polish exile. To visualize the results of the analysis in the article contains tables and graphs showing quantitative information messages that contain references to the Polish exile in Siberia, and dedicated thematic groups. Determine the nature of the presentation of the theme of the Polish reference materials considered in the mass media, it was possible to allocate 11 thematic groups, and the number of references to the Polish exile in Siberia - to determine the degree of relevance of the topic on the part of Russia and Poland. This study is a first

step towards a system of classification that represents the Polish exile in Siberia in Polonia environment and reflect the nature of perception of this historic event by persons to this presence in Siberia it has a direct relationship.

Key words: presentation aspects, mass media, information environment, «Rodacy», «New Poland», Polonia in Siberia, polish exile.

Altai State Academy of Education named after V.M. Shukshina (659333, Russian Federation, Altai region, Biysk, street Korolenko, 53. Tel.: 8 (3854) 41-64-56, e-mail: rektor@bigpi.biysk.ru).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AGAD - Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie
APL - Archiwum Państwowe w Lublinie
APŁ - Archiwum Państwowe w Łodzi
APS - Archiwum Państwowe w Siedlcach
BLAN - Biblioteka Litewskiej Akademii Nauk w Wilnie
PWN – Państwowe Wydawnictwo Naukowe
SKŚ – Stała Komisja Śledcza
АААКК - Архивное агентство Администрации Красноярского края
АМКМ – Архив Минусинского краеведческого музея им. Мартыанова
ГААК - Государственный архив Алтайского края.
ГАИО - Государственный архив Иркутской области
ГАКК - Государственный архив Красноярского края
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАНО - Государственный архив Новосибирской области
ГАОО - Государственный архив Орловской области
ГАПК - Государственный Архив Пермского Края
ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации
ГАТбО - Государственный архив Тамбовской области
ГАТО - Государственный архив Томской области
ГАЧО - Государственный архив Читинской области
ГИАОО - Государственный исторический архив Омской области
ГУТО ГАТ - Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ЗСОИРГО - Западносибирский отдел Императорского русского географического общества
МГА – Архив города Минусинска
НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан
НИАБ - Национальный исторический архив Белоруссии в г. Гродно
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ - Российский государственный архив социально-политической истории
РГИА - Российский государственный исторический архив
СДКПиЛ - Социал-демократия Королевства Польского и Литвы
СЕИВК – Собственная Его Императорского Величества Канцелярия
ТИАМЗ - Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
ЦСК МВД - Центральный статистический комитет министерства внутренних дел

Сборник научных трудов

**Польские ссыльные в Сибири во второй половине
XVIII – начале XX века в восприятии российской
администрации, переселенцев и
коренных народов Сибири**

Ответственные редакторы:

к.и.н. С. А. Мулина – ответственный редактор
к.и.н. А. А. Крих – ответственный редактор
д-р наук Я. Легеч – ответственный редактор

Корректор: С. Н. Дрозд
Верстка: Е. В. Кан

Подписано в печать 11.06.2015
Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Оперативный способ печати.
Усл. печ. л. 33,0. Тираж 120 экз. Заказ № 0235

«Полиграфический центр КАН»
тел. (3812) 24-70-79, 8-904-585-98-84.
E-mail: pc_kan@mail.ru
644122, г. Омск, ул. Красный Путь, 30
Лицензия ПЛД № 58-47 от 21.04.97